

М.С. ВАЩЕНКО

О.И. ВЕЛИЧКО

М.Ю. ДРОНОВ

А.А. ЖДАНОВСКАЯ

Л.А. КИРИЛИНА

М.Э. КЛОПОВА

Л.К. НОВОСЕЛЬЦЕВА

Л.Ю. ПАХОМОВА

К.А. ПОПОВ

С.А. РОМАНЕНКО

А.С. СТЫКАЛИН

О.В. ХАВАНОВА

А.Л. ШЕМЯКИН

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ
В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ,
1848–1914 гг.

О ЧЕРКИ

Москва «Индрик» 2018

Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 18-19-000909д, не подлежит продаже)

В основу монографии легли результаты исследовательского проекта
Российского гуманитарного научного фонда № 12-01-00202а
«Политические партии и общественные движения
в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг.».

Рецензенты:

доктор исторических наук Николай Николаевич Станков
(Институт славяноведения РАН)
кандидат исторических наук Елена Владимировна Котова
(Институт всеобщей истории РАН)

Политические партии и общественные движения в монархии

Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки / Ващенко М.С., Величко О.И., Дронов М.Ю., Ждановская А.А., Кирилина Л.А., Клопова М.Э., Новосельцева Л.К., Пахомова Л.Ю., Попов К.А., Романенко С.А., Стыкалин А.С., Хаванова О.В., Шемякин А.Л.; Под ред. Л.А. Кирилиной, А.С. Стыкалина, О.В. Хавановой (отв. ред.). — М.: Индрик, 2018. — 408 с.

ISBN 978-5-91674-503-0

DOI: 10.31168/ 91674-503-0

Коллективная монография — первое в российской исторической науке комплексное исследование зарождения и развития партийных систем в многонациональной монархии Габсбургов в период между революцией 1848 г. и кануном Первой мировой войны. Авторский коллектив сосредоточился на анализе того, в какой мере партии выражали интересы территориальных и национальных элит; почему решение стоявших перед ними политических задач становилось возможным или оставалось невозможным в созданном после 1867 г. правовом поле; насколько партии и общественные движения, выражая партикулярные требования своего электората, ускоряли или тормозили эволюцию политической системы Австро-Венгерской монархии.

The collective monograph «Political parties and social movements in the Habsburg Monarchy, 1848–1914» is the first in the Russian historical writing comprehensive study on the birth and evolution of the party systems among the peoples who comprised the population of the poliethnic Habsburg Monarchy between the revolution of 1848 and the dawn of the First World War. The authors strove to answer such question, as to what an extent parties were the spokesmen of the interests of territorial or national elites, solving of what political tasks was possible or remained impossible in the political and legal system established after 1867, and to what degree parties and political movements, acting as representatives of their electorate with its peculiar needs and goals, were accelerating or retarding evolution of the political system of Austria-Hungary.

© Текст, Коллектив авторов, 2018
© Институт славяноведения РАН, 2018
© Оформление, Издательство «Индрик», 2018

ISBN 978-5-91674-503-0
DOI: 10.31168/ 91674-503-0

Введение	7
ГЛАВА 1. Революция 1848 г. и начало политической самоорганизации общества	29
Либеральные идеи в публичном пространстве Австрийской империи ...	29
Революционные события в Вене	30
Словенцы в революции 1848 г.	34
Революция 1848 г. в Чешских землях	36
Революция 1848 г. в Галиции	40
Революция 1848 г. в Буковине	42
Многонациональное Венгерское королевство в революции 1848 г.	43
Революция 1848 г. в Трансильванском княжестве	51
ГЛАВА 2. От неоабсолютизма к Соглашению 1867 г.	57
Австрийская империя между централизмом и децентрализацией	57
Словенцы в период неоабсолютизма	61
Земли Чешской короны в период неоабсолютизма	64
Галиция в период неоабсолютизма	67
Венгерское королевство в период неоабсолютизма	71
Сербское Воеводство и Темешский Банат в годы неоабсолютизма	75
Хорватия-Славония в период неоабсолютизма	77
Румыны Трансильвании в период неоабсолютизма	82
ГЛАВА 3. Партии и общественные движения в 1860-е – 1880-е годы: от клуба к партийному членству	91
Либеральная эра австрийского партийного строительства	91
Общественно-политические организации у словенцев	109
Партийно-политический спектр в Чешских землях	112
Общественно-политические организации в Галиции	115
Общественно-политические движения в Буковине	120
Партийно-политический спектр Венгерского королевства	120
Политические организации у словаков	127
Общественно-политическая активность русин Венгерского королевства ..	128
Партийно-политический спектр Хорватии-Славонии	131
Политическая активность сербов Венгерского королевства	137
Общественно-политические организации у румын Венгерского королевства	144
Политическая самоорганизация трансильванских немцев	150
ГЛАВА 4. Партии и общественные движения на рубеже XIX–XX вв.: вызовы социальных низов	156
Австрийский партийный спектр рубежа веков	156
Партийное староительство у словенцев	164
Партийное строительство и языковой вопрос в Чешских землях	166
Партийное строительство в Галиции	178
Партийное строительство в Венгерском королевстве	182
Партийное строительство у словаков	185

Партийное строительство у русинов Венгерского королевства	187
Партийное строительство в Хорватии-Славонии	189
Партийное строительство у сербов Венгерского королевства	196
Партийное строительство у румын Трансильвании	198
Партийное строительство у трансильванских саксов	203
ГЛАВА 5. Партии и общественные движения в 1904/1905–1914 гг.:	
«всеобщее» избирательное право и борьба за него	207
Австрийские партии в условиях «всеобщего» избирательного права ...	207
Партии и общественные движения у словенцев	209
Партийно-политическая структура в Чешских землях	213
Партии и общественные движения в Галиции	215
Политические партии Венгерского королевства	217
Партийно-политическая структура Хорватии-Славонии	225
Партийно-политическая структура Трансильвании	233
Партийно-политическая активность в Боснии и Герцеговине	238
ГЛАВА 6. Парламентское измерение партийной работы	
Центральные и провинциальные парламентские структуры	
Австрийских земель	249
Парламентское представительство словенцев	256
Парламентское представительство Чешских земель	263
Парламентская жизнь в Галиции	274
Парламентская жизнь Буковины	285
Государственное собрание Венгерского королевства	286
Парламентское представительство словаков	289
Парламентское представительство русинов Венгерского королевства ..	295
Парламентское представительство в Хорватии-Славонии	297
Парламентское представительство сербов Венгерского королевства ...	309
Парламентское представительство в Трансильвании	315
Парламентское представительство в Боснии и Герцеговине	318
ГЛАВА 7. Партийная и внепартийная политическая пресса	
Пресса в Австрийских землях	328
Пресса у словенцев	338
Пресса в Чешских землях	346
Печатные органы политических организаций в Галиции	353
Пресса в Венгерском королевстве	358
Пресса у словаков	363
Печатные органы русинов Венгерского королевства	371
Пресса в Хорватии-Славонии	373
Политическая пресса у сербов Венгерского королевства	378
Политическая пресса румын Трансильвании	384
Пресса в Боснии и Герцеговине	388
Послесловие	403
Сведения об авторах	405

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена политической культуре монархии Габсбургов (Австро-Венгрии) в период между революцией 1848 г. и Первой мировой войной. Сосредоточившись на формировании партийной системы, активизации общественных движений, развитии парламентаризма, авторы выявляют потенциал и ограничения партийно-политической системы как инструмента поддержания социального мира в полиэтничном и полицентричном государстве в период перехода от сословного к гражданскому обществу в контексте образования современных наций в Центральной и Восточной Европе.

Выбор монархии Габсбургов в качестве объекта изучения не случаен. Это государство было одним из самых сложных государственно-политических образований на карте Европы Нового времени. В немецкоязычной историографии его характер обозначают как *zusammengesetzter Staat*, в англоязычной — как *composite monarchy*, иными словами, как «сложносоставную», «композиционную» державу. В промышленности композиционными или композитными называют такие искусственно созданные неоднородные сплошные материалы, которые состоят из двух или более компонентов с четкой границей раздела между ними. Владения Австрийского дома тоже создавались во многом искусственно, на протяжении не одного столетия, при этом между составными частями этой державы веками сохранялись четкие политико-правовые, экономические, культурно-языковые границы, а связующим элементом выступала правящая династия Габсбургов.

Трудности возникают уже с названием этой державы. Исторически одним из первых ее имен, которое ныне практически вышло из употребления, было «владения Австрийского дома». «Теперь, — пишет австрийский историк Г. Клингенштайн, — мы редко говорим “Австрийский дом”, чаще “Габсбургской дом” или просто “род Габсбургов”... Словосочетание “Габсбургская монархия” используется охотнее, чем словосочетание “Австрийская монархия”, встречающееся в источниках и старой историографии»¹. В англосаксонской исторической науке общепринятым давно стал термин «монархия Габсбургов» (*Habsburg Monarchy*), реже — «империя Габсбургов» (*Habsburg Empire*)². Ряд австрийских историков также считают возможным вести речь о «Габсбургской империи» (*Habsburgerreich*)³. В российской научной литературе нет консенсуса относительно того, была ли это «монархия» или «империя»⁴. Хотя официально в названии этого сложно-составного государства слово «империя» (*Kaisertum*) употреблялось лишь с 1804 по 1867 г., далее в книге владения Австрийского дома, в зависимости от предпочтений авторов, будут именоваться «Австрийской монархией», «монархией Габсбургов» или «империей Габсбургов». Для периода 1867–1918 гг. наиболее точно соответствуют историческому словоупотреблению термины «Австро-Венгерская монархия» и «Австро-Венгрия».

Не менее сложны обстоятельства появления этого государства. Известные как «Австрийский дом», Габсбурги изначально не имели никакого отношения к Восточной марке (маркграфству Австрия), которой с конца X в. по 1246 г. правила династия Бабенбергов. В Средние века Габсбурги были одним из немецких графских семейств, каких в Германии насчитывались сотни. (Кстати, их родовое гнездо, замок Габсбург, никогда не входило в состав Священной Римской империи. Оно было утеряно еще в ходе войны 1415–1418 гг. со швейцарцами и ныне находится на территории кантона Аргау.) С Австрией судьбы династии связал первый Габсбург на престоле германских императоров, Рудольф I (1273–1291 гг.), который в 1282 г., в результате упорной борьбы с могущественным чешским королем Пржемыслом Отакаром II (1233–1278 гг.), отвоевал богатые владения австрийских герцогов. Австрийская историография долгое время пыталась доказать преэминентность в развитии государственности «от маркграфства до великой державы»⁵ и трактовала герцогство, созданное Бабенбергами, как предтечу Австрийской (впоследствии Австро-Венгерской) монархии и Австрии XX столетия в границах Первой и Второй республик.

Не удержав после гибели Альбрехта I (1298–1308 гг.) императорский престол в Германии, Габсбурги сосредоточились на упрочении своей власти в новых австрийских владениях: присоединили к ним Каринтию, Крайну (1335 г.) и Тироль (1365 г.), в 1358 г. самовольно провозгласили себя эрцгерцогами («архигерцогами»). Корону императоров Священной Римской империи они вернули полтора века спустя: номинально — при Альбрехте V, который умер в год избрания на германский престол (1438), не дожив до коронации, фактически — при Фридрихе III (1453–1493 гг.). За исключением «интермеццо» 1742–1745 гг., когда в ходе войны за Австрийское наследство (1740–1748) трон перешел к Карлу VII из рода Виттельсбах, Габсбургская династия управляла Священной Римской империей вплоть до ее упразднения в 1806 г. Как любым иным германским князьям, оказывавшимся на выборном императорском престоле, Габсбургам приходилось путем умелого лавирования между курфюрстами (князьями-выборщиками) упрочивать свою власть в Германии и одновременно заботиться о приращении и процветании собственных владений — залога своего политического веса.

В конце XV — первой четверти XVI столетия в результате удачных династических браков Габсбурги распространили свою власть на Нидерланды, Испанию с ее богатейшими заморскими колониями, земли короны св. Вацлава (или Чешской короны — Чехию (или Богемию), Моравию, Силезию) и земли короны св. Стефана (или Венгерской короны — Венгрию с королевством Хорватия-Славония). После добровольного отречения в 1555 г. императора Карла V Габсбурга (1500–1558 гг.) в пользу младшего брата Фердинанда династия разделилась на испанскую и австрийскую ветви. Во второй половине XVI — XVIII в. Австрийскому дому — несмотря на военно-политические конфликты с соседями (в том числе с грозной Османской империей) и тяжелые социально-политические последствия Реформации,

расколовшей подданных по конфессиональному признаку, — удалось не только удержаться на императорском престоле в Германии, но и сделать первые шаги по консолидации своих владений, которые в то время не имели собственного названия.

Если выборная власть Габсбургов в Священной Римской империи после Тридцатилетней войны (1618–1648) стала во многом номинальной, то их наследственная власть в конгломерате собственных коронных земель, напротив, все более упрочивалась. Борьба с османами и череда войн за раздел европейских «наследств» постоянно меняли состав Габсбургских владений и конфигурацию их внешних границ. После изгнания турок из Среднего Подунавья к владениям Габсбургов на востоке Европы присоединилось княжество Трансильвания (1699), не воссоединенное, как это было до 1526 г., с Венгрией, но до 1868 г. напрямую подчиненное Вене. На южных рубежах монархии в 1718 г. была создана управлявшаяся из Вены область Банат (в 1770 г. присоединена к Венгрии). Война за Польское наследство (1733–1735) привела к обмену домена герцогов Лотарингских на вошедшую в состав владений Австрийского дома Тоскану (в 1737–1860 гг. в составе Габсбургского государства). Война за австрийское наследство завершилась потерей большей части герцогства Силезия. По первому разделу Речи Посполитой список подвластных Габсбургам земель в 1772 г. обогатился королевством Галиция и Лодомерия. В 1787 г. им была также передана область Буковина, захваченная в 1775 г. у вассала Османской империи — Молдавского княжества.

Одни войны завершались территориальными приращениями, другие — отказом от завоеванных территорий. В начале XVIII в. — понимая угрозу целостности владений Австрийского дома в случае отсутствия наследника по мужской линии — Карл VI заблаговременно составил документ о признании единства и неделимости Габсбургской монархии, известный как Прагматическая санкция 1713 г. Ее поочередно ратифицировали сословные представители всех земель и провинций его композитарного государства, а также признали европейские державы. Однако вступление в силу Прагматической санкции после заявления прав на наследство его дочери Марии Терезии привело к масштабной континентальной войне, в результате которой Габсбурги лишились в пользу Пруссии своей процветающей провинции Силезия.

Габсбургское присутствие на Апеннинском полуострове восходит к Итальянским войнам рубежа XV–XVI вв., когда Карл V включил Миланское герцогство на севере и Неаполитанское королевство на юге в состав своих испанских владений. После войны за Испанское наследство в 1714 г. владения Австрийского дома приросли Испанскими Нидерландами, Неаполем (утрачен в 1735 г.), Миланом, Сардинией (от нее пришлось отказаться уже в 1720 г.) и другими территориями. Великое герцогство Тосканское, как сказано выше в 1738 г. было обменено на Лотарингию, от которой отказался жених эрцгерцогини Марии Терезии герцог Франц Стефан при условии, что герцогство никогда не станет частью владений Австрийского дома. По решению, принятому на Венском конгрессе, подведшем итоги войн с

революционной и наполеоновской Францией, в состав Австрийской империи вошло королевство Ломбардия-Венеция, находившееся в ее составе до 1866 г., когда в ходе объединения Италии Габсбурги ушли с Апеннин.

Другой территорией, в позднее Средневековье и ранее Новое время связанной с Австрийским правящим домом, были Австрийские Нидерланды — «приданое» Марии Бургундской, первой жены императора Максимилиана I (1486–1519 гг.), в 1556 г. отошедшие к испанской ветви Габсбургов, а в 1714 г., по итогам Войны за испанское наследство, переданные Габсбургам австрийским. В 1789 г. — под воздействием событий во Франции — восстание в Австрийских Нидерландах переросло в череду революций, увенчавшихся в 1794 г. освобождением от австрийского владычества.

Вне зависимости от исхода сменявших друг друга войн, они лишь прочнее связывали территории, находившиеся под скипетром Габсбургов воедино. Не случайно австрийский историк М. Хохэдлигер назвал сражения на полях брани 1683–1815 гг. «войнами возникновения [Австрийской монархии]»⁶. На рубеже XVIII–XIX вв. стало очевидно, что монархия Габсбургов как полноправная великая держава «переросла» рамки закосневшей Священной Римской империи.

В разгар войн с Наполеоном Бонапартом, в 1804 г., когда дни Священной Римской империи были сочтены, император Франц II (1792–1835 гг.) провозгласил создание из своих наследственных владений Австрийской империи и стал ее первым императором под именем Франца I. В императорском рескрипте особо подчеркивалось, что «все королевства, герцогства и провинции и далее сохраняют в неприкосновенности свои названия, установления, привилегии и отношения». В канун революции 1848 г. в составе этой державы находились Верхняя, Нижняя, Внутренняя (Штирия, Каринтия, Крайна), Передняя (Форарльберг) Австрия, земли короны св. Вацлава и земли короны св. Стефана (включая королевство Хорватия-Славония), далее власть Вены распространялась на королевство Ломбардия-Венеция, Австрийское Приморье (владения на Адриатике), область Военной границы, княжество Трансильвания, королевство Галиция и Лодомерия. Внутри этих политических границ наряду с австрийскими немцами проживали чехи, венгры, словаки, хорваты, словенцы, сербы, итальянцы*, евреи, румыны, русины. Как и все континентальные империи, ее отличали обширная территория, этническое и конфессиональное многообразие, различия в правовом статусе отдельных земель, вытекавшие из исторически обусловленных отношений центра и периферии, подвижность и изменчивость внешних границ.

Американский историк Ч. Инграо выделил пять признаков, отличавших монархию Габсбургов от прочих государств Европы, пять факторов, влиявших на ее внешнюю и внутреннюю политику вплоть до катастрофы 1918 г.

* Рассмотрение политических объединений итальянцев в землях и провинциях Австрийской империи (Австро-Венгерской монархии) — Тироле, Австрийском Приморье, Далмации и др. — не входило в задачи авторов монографии.

Во-первых, это расположение в центре континента, что делало ее желанным союзником, удобным объектом для агрессии и необходимым элементом поддержания баланса сил. *Во-вторых*, разнообразие и непохожесть составлявших ее владений, что затрудняло реформирование гетерогенного пространства империи. *В-третьих*, прочная идентификация с Германией и стремление к лидирующей роли в объединении немецких территорий, отвлекавшее внимание, силы и ресурсы от превращения наследственных владений в централизованное государство, подобное Франции, Швеции, России. *В-четвертых*, зависимость от достижения консенсуса с собственными элитами и иностранными союзниками. *В-пятых*, исключительно большая роль фигуры монарха, обеспечивавшего преемственность и гарантировавшего стабильность⁷.

В композитарной Австрийской империи всех ее жителей объединяла верность династии. (Возможно, это в меньшей степени характерно для итальянцев, попадавших под габсбургский скипетр по росчерку пера архитекторов мирных договоров, венчавших династические войны, и стремившихся освободиться от чужеродного им господства.) В остальном для подданных была свойственна сложная конфигурация (иерархия) идентичностей — земельных, конфессиональных, этнических. Как писал австрийский историк Э. Цёллнер, жители графства Тироль в XIX в. могли в равной мере ощущать себя членами тирольской, австрийской и немецкой нации⁸. Понимание непохожести габсбургской государственности на соседние державы провоцировало публицистов на полемические заявления. Барон Виктор Андриан-Вербург в канун революции 1848 г. писал: «Австрия — это воображаемое понятие, которое не означает ни народа, ни территории, ни нации, общепринятое наименование резко отличающихся друг от друга национальностей. Есть итальянец, немец, славянин, венгр, которые вместе образуют Австрийскую империю, но Австрии, австрийцев, австрийской нации нет и никогда не было»⁹.

Обзорная характеристика народов, проживавших на территории монархии, представляет известную трудность. Одни, как немцы, чехи, венгры, поляки, хорваты, итальянцы, обладали многовековыми традициями собственной государственности, сохраняли территориальную автономию в рамках исторических провинций, их господствующий класс решал судьбы страны в органах земельного сословного представительства, с которым Габсбурги не могли не считаться. Другие, как словенцы, словаки, сербы, румыны, русины, «отсутствовали» на политической карте державы, их главным образом сельское население веками не было представлено, а после 1848 г. — слабо представлено в земельных ландтагах. Ценой вертикальной мобильности становилась для них ассимиляция в господствующий этнос: у словенцев — немецкий или итальянский, у словаков — венгерский, у русинов* — в венгерский или польский.

* Этноним *руси* в родительном падеже множественного числа используется в обеих формах — в более привычной для современного русского уха «русин» и в традиционной «русинов», укорененной в русинской русскоязычной литературе.

Описание Австрийской империи через коллективный портрет населявших ее народов не свободно от господствовавшего в историографии XX в. телеологического подхода, предполагавшего, что многонациональная («ло-скутная») держава должна была неминуемо распасться под гнетом внутренних, прежде всего межнациональных, противоречий. По справедливому замечанию Т.М. Исламова, в этом случае возникает соблазн подменить монархию как фактор европейской истории «фрагментами истории отдельных ее народов, даже в тех случаях, когда оные <...> были лишены возможности проявить себя в качестве самостоятельной политической силы»¹⁰. Именно по этой причине знакомство читателя с этнонациональным ландшафтом Австрийской империи дается сквозь призму единственного легитимного в XIX в. признака: деления Габсбургских владений на провинции или коронные земли*, основанного на историческом праве.

Австрийское герцогство. Пожалуй, нет более условных политонима и этнонима для периода до 1918 г., чем «Австрия» и «австрийцы». Выдающийся русский историк П.П. Митрофанов в кратком очерке истории Австрии (1910) писал: «Автор <...> не взял на себя задачи изобразить судьбы этой монархии в совокупности, а лишь занялся так называемыми немецкими “землями”, т.е. обеими Австриями [Верхней и Нижней], Штирией, Каринтией, Крайной и Тиродем <...>. Они-то и составляли искони ядро всей Габсбургской монархии, вокруг которого постепенно группировались остальные области, в культурном же отношении именно им принадлежит первенство, так как Придунайская область находится издавна под немецким влиянием, а представителями германской цивилизации там были как раз австрийские немцы»¹¹. В этом списке, по понятным причинам, не фигурирует Зальцбург, отошедший к Австрийской империи после сложной череды межгосударственных обменов только в 1805 г. и потому не являющийся в строгом смысле слова «австрийской землей». Иными словами, под «Австрией» того периода следует понимать совокупность немецких владений Габсбургского дома, а под «австрийцами» — их немецкое население.

«Австрийское ядро» никогда не образовывало единого централизованного целого¹². Упомянутые Митрофановым административные единицы обладали своими земельными собраниями (ландтагами), в которых тон задавала представленная при венском дворе земельная аристократия. О децентрализованном, сословно-федеральном характере этой государственной структуры лучше всего говорит то обстоятельство, что над земельными ландтагами вплоть до 1848 г. не стояло никакого общеимперского или даже общеавстрийского рейхстага. У каждой провинции был собственный правовой кодекс со своими ордонансами и обычаями, что обеспечивало особый, относительно замкнутый уклад жизни для населения провинции. Считается, что административные реформы просвещенного абсолютизма

* Термин *коронная земля* (Kronland) впервые вошел в официальное словоупотребление в 1849 г.

во второй половине XVIII в. способствовали униформизации управления и законотворчества, но не стерли известных различий. Региональная вариативность сохранялась и после вступления в 1811 г. в силу такого мощного катализатора интеграционных процессов, как Всеобщий гражданский кодекс. Она и далее выражалась в нюансах наследственного права, торговле и социальной сфере, церковной, религиозной и культурной политике.

Австрийские немцы — это потомки древних баваров, в VI в. колонизировавших территорию будущих австрийских владений Габсбургов с запада, где им пришлось столкнуться с пришедшими с востока аварами и славянами. Предпосылки к формированию отличной от других немецких земель (Саксонии, Тюрингии, Баварии) судьбы стал уже сам ареал расселения на перекрестке романской, германской и славянской культур. Живя веками бок о бок с чехами, венграми, словенцами, итальянцами, пишет один из авторов нашей коллективной монографии О.И. Величко, австрийские немцы были участниками общего процесса рождения наций из «национальных меньшинств», поскольку все они были лишь меньшинством по сравнению с суммой всех других народов в империи¹³. Точных статистических данных для первой половины XIX в. не существует. В исторической литературе принято ссылаться на цифры, приведенные в исследовании К. Цёрнига, согласно которым немцы насчитывали 7,8 млн и составляли 21,6% всего населения Австрийской империи¹⁴. Революция 1848 г. поставила вопрос о месте и роли австрийских немцев в процессе объединения Германии, но Пруссия не желала видеть в едином государстве ненемецкие народы, Австрия же не была готова пожертвовать значительной долей территорий, на которых те проживали. Это не в последнюю очередь способствовало консолидации австрийских немцев вокруг идеи своего культурного первенства на Придунайском пространстве в границах Австрийской империи.

Самой многочисленной ненемецкой этнической группой Австрийских провинций были *словенцы*, проживавшие в середине XIX в. прежде всего в Штирии, Каринтии, Крайне и Приморье. Их предки, объединенные в раннефеодальном Карантанском княжестве, в VIII в. попали в зависимость от баваров, а в начале IX в. окончательно потеряли свою государственность. В XIII в. на землях, населенных словенцами, вплоть до 1918 г. установилась власть Габсбургов. Словении как административно-территориальной общности в Австрийской империи никогда не существовало, преобладающая часть словенской этнической территории распределялась между коронными землями: Крайной, Штирией, Каринтией и Приморьем. Помимо того, словенское население проживало в Прекмурье, в венгерских комитатах Ваш и Зала, и в Венецианской Словении, являвшейся частью Ломбардо-Венецианского королевства. На юге Штирии и Каринтии словенцы занимали компактные области, там их доля в населении доходила до одной трети. В Австрийском Приморье они составляли большинство везде, кроме Истрии, и лишь Крайна была почти полностью словенской (доля немцев была не выше 8%).

В условиях инонационального (немецкого, а в Приморье и итальянского) господства пробуждение национального самосознания маленького словенского народа (в середине XIX в. словенцев было чуть больше 1 млн человек) происходило замедленными темпами. Исторически сложилось так, что словенцы остались народом с неполной социальной структурой¹⁵ — класса феодалов у них не сформировалось, господствующие слои были представлены немцами и итальянцами. Крупная торговля и промышленность в XIX в. почти полностью находились в руках немецких и итальянских предпринимателей. Буржуазия из числа этнических словенцев, начавшая складываться как класс с середины XVIII в., была еще слаба и малочисленна.

Около 90% словенского населения составляли крестьяне, и словенский язык развивался как язык низших сословий. До середины XVI в. словенцы не имели своей письменности. Города в населенных словенцами землях имели исключительно немецкий или итальянский характер, во всех официальных учреждениях, в гимназиях, театрах и т.д. словенскому языку места не было. Даже в середине XIX в. большинство словенских интеллигентов владели немецким языком значительно лучше, чем словенским.

К этому времени уже начался процесс формирования словенского национального самосознания и культуры. Еще в XVI в. словенские протестанты П. Трубар, Ю. Далматин и А. Богорич создали словенский алфавит, грамматику, издали первые книги на словенском языке, а в конце XVIII в. словенский просветитель А. Линхарт пришел к выводу об этническом единстве словенского народа. Словенские национальные деятели в первой половине XIX в. происходили, главным образом, из рядов низшего католического духовенства, немногочисленной светской интеллигенции, мелкой и средней городской буржуазии. В 1830-х гг. многие из них увлеклись идеями иллиризма, однако ненадолго, в 1840-х гг. иллирийское движение в словенских землях стало терять популярность. Хотя в национальном движении словенцев уже наметились консервативное и либеральное направления, до революции 1848 г. политических партий и программ еще не было создано.

До 1848 г. венский двор не проводил целенаправленно политики германизации, да в этом и не было нужды — доминирование немецкого языка и культуры во всех областях жизни общества не подлежало сомнению. Пока словенское национальное движение развивалось в сугубо просветительских рамках и не представляло угрозы положению немецкого языка и культуры, многие немецкие деятели не были враждебно настроены по отношению к нему, некоторые даже поддерживали культурное развитие словенцев. Например, граф Антон Ауэрсперг (взявший поэтический псевдоним Анастасиус Грюн) еще в середине XIX в. считал культурной миссией немцев способствовать первым шагам в развитии словенского народа¹⁶.

Чешские земли (земли короны св. Вацлава) составляли три исторические провинции (Богемия, Моравия и Силезия), с раннего Средневековья населенные славянскими племенами. Первым государством, объединившим эти территории, стала Великая Моравия, достигшая пика своего могуще-

ства в IX в., когда в ее состав входила большая часть современных Чехии и Словакии. Венгерские набеги положили конец процветанию страны, после распада которой словацкие земли оказались под властью династии Арпадов, в то время как Богемия выделилась в самостоятельное княжество, вскоре включившее в орбиту своего влияния и Моравию. Богемские князья были вассалами Священной Римской империи, и некоторые из них получали от императора личный королевский титул. В 1212 г. Фридрих II Гогенштауфен (1212–1250 гг.) даровал чешскому королю Пржемыслу Отакару I наследственный титул и ряд привилегий, закрепленных в Сицилийской булле. Документ подтверждал особый статус Богемии и Моравии в империи: отныне чешский король не назначался императором (его выбирали сословия), имел право самостоятельно рукополагать епископов Праги и Оломоуца, становился одним из имперских курфюрстов, избравших императора, но при этом избавлялся от обязанности активно участвовать в имперских собраниях.

Этот особый статус вполне отвечал тому положению, которое Чешское королевство заняло в XIII столетии. Внутренняя сельскохозяйственная колонизация и освоение залежей руды и железа в горных территориях страны укрепили его внутреннее состояние, а череда династических браков наряду с успешными походами позволила Пржемысловцам в разное время стать королями Польши и Венгрии, а также присоединить к своим владениям Верхнюю и Нижнюю Австрию и Каринтию. Золотой век Чешского королевства пришелся на середину XIV в. и правление Карла IV Люксембурга (1346–1378 гг.), занявшего в 1355 г. трон императора Священной Римской империи и сделавшего Прагу имперской столицей. Упрочению государственного суверенитета способствовали повышение Пражской епархии до архиепископства и дарование ее главе права самостоятельно короновать богемских королей. Владениями короны при Карле также стали Лужица и Силезия.

Благоденствие Чешского королевства прервалось Гуситскими войнами (1419–1434), не позволившими стороннику папы римского Сигизмунду, наследнику чешского трона, установить свою власть над страной. На протяжении второй половины XV — начала XVI в. на чешском престоле сменилось несколько монархов, избранных сословной знатью, — от представителей Ягеллонов и Габсбургов до протестантского короля Иржи из Подебрад (1458–1471 гг.). Наконец, в 1526 г. на чешский престол был приглашен австрийский эрцгерцог Фердинанд Габсбург, с правлением которого началась эпоха болезненной интеграции королевства во владения этой династии.

Воцарение Габсбургов на чешском престоле заложило ключевую для дальнейших отношений земель короны св. Вацлава и Вены проблему централизации. Фердинанд I, как и его преемники, стремился к ограничению влияния сословий и усилению роли католической церкви, что провоцировало противостояние чехов вплоть до вооруженных протестов, крупнейшим из которых в XVI в. стало сословное восстание 1547 г. Очередное такое восстание, начавшееся весной 1618 г., оказалось прологом к Тридцатилетней войне и последней серьезной попыткой чешских сословий доказать свое право

влиять на внутренние дела страны. Ее сокрушительным провалом стала проигранная чехами битва на Белой горе в 1620 г., после которой Габсбурги окончательно утвердили свою власть над Чешскими землями.

Статус земель короны св. Вацлава как неотчуждаемой части Австрийского государства был закреплен Прагматической санкцией 1713 г., а по факту поддержан новой волной немецкой колонизации (первая пришлась на период освоения богатых полезными ископаемыми пограничных территорий в XII–XIII вв.) и утверждением общих для империи порядков, подразумевавших, в частности, использование немецкого языка как единственного официального.

Начало XIX в., которое в советской и современной российской историографии традиционно называли и продолжают называть «национальным Возрождением»¹⁷, заставило вспомнить о богатой истории чешской государственности и вопросах о правомерности текущего статуса этих территорий в рамках монархии. Хотя речи о выделении из ее состава не шло, чешские активисты охотно обращались к примерам из прошлого, чтобы доказать право исторических провинций на значительную степень автономии. Подъем национального самосознания чехов усилил аналогичные процессы среди немецкоязычного населения Чешских земель, чья новая идентичность основывалась как на богемском патриотизме, так и на осознании генетической связи с немецким населением других австрийских земель.

Венгерское королевство (земли короны св. Стефана) стало — наряду с Австрийскими землями и землями короны св. Вацлава — третьей важнейшей составной частью владений Габсбургского дома. Ключевую роль в появлении на карте Европы этого государственного образования сыграл натиск османов на юго-восток Европы. В 1526 г. в битве при Мохаче пал король Венгрии и Чехии Людовик (Людвик, Лайош) II Ягеллон (1514–1526 гг.), и два центрально-европейских престола остались вакантными. Сословия обоих королевств — не без внутренней борьбы и сопротивления — в конце концов предпочли вверить судьбы своих отечеств Габсбургам. В последующие столетия именно все более тесная интеграция земель короны св. Стефана и земель короны св. Вацлава с Австрийскими владениями будет определять государственно-политическую эволюцию многонациональной Габсбургской монархии.

Венгерские племена появились в бассейне Карпат в конце IX в. и более столетия продолжали вести кочевой образ жизни и совершать набеги на раннефеодальные европейские государства. Переход к оседлости связан с принятием христианства около 1000 г. правителем (впоследствии королем) Иштваном I (995/1000–1038 гг., канонизирован католической церковью как св. Стефан), восприятием христианской культуры и учености, интеграцией в систему международных отношений континента, в том числе через династические браки. В XI–XIV столетиях Венгрия под властью династии Арпадов — подобно двум другим центральноевропейским монархиям, Чехии и Польше, — играла важную роль в регионе. Ее территория простиралась от Адриатики до Карпат, от Татр до Балкан. В 1102 г. в состав королевства

на правах автономии вошло королевство Хорватия. На востоке находилась управлявшаяся королевским воеводой Трансильвания — область, также обладавшая некоторыми особенностями управления.

В XV в. королевство взяло на себя роль защитника Европы от османской угрозы. Особых успехов добился полководец Янош Хуняди. Его сын, избранный венгерским королем, — Матяш I (1458–1490 гг.) — существенно упрочил центральную власть, упорядочил финансы, модернизировал армию, принял в стране художников, архитекторов, поэтов и философов из ренессансной Италии, чем способствовал расцвету искусств, учености, распространению культуры и повышению престижу королевства. После его смерти, однако, сохранить территориальную целостность и политическую самостоятельность Венгрии перед лицом османской угрозы не удалось. Битва при Мохаче на века разделила некогда единое государство на три части: подконтрольное султану Среднее Подунавье, вошедшие в состав владений Австрийского дома северо-западные, северные и отчасти северо-восточные области и княжество Трансильвания на востоке под сюзеренитетом Османской Порты. Процесс освобождения страны занял полтора столетия. В конце XVII в. турки были изгнаны с большей части домохачской Венгрии, но воссоединения всех трех частей не произошло. Признавая де-юре Трансильванию частью Венгрии, Габсбурги предпочитали управлять этим великим княжеством напрямую из Вены.

Основную проблему во взаимоотношениях политической элиты Венгрии с династией представляло требование признать неоднократно зафиксированное в законах королевства требование управлять страной не по образцу других провинций, соблюдать равноправие сословий с королем, сохранить все атрибуты государственности, позволяющие Венгрии считаться независимым государством, связанным с владениями Австрийского дома личной унией с правящей династией. Это полностью противоречило желанию венского двора теснее интегрировать Венгрию в систему своих владений, унифицировать ее правовую и административную систему. Следствием непримиримости интересов стала череда антигабсбургских походов, восстаний, освободительных войн XVII — начала XVIII в., завершившихся в 1711 г. компромиссным Сатмарским миром, по которому Габсбурги отказались от насильственных мер в отношении королевства, венгерские же сословия прекратили вооруженное сопротивление. Эпоха просвещенного абсолютизма (вторая половина XVIII в.) стала временем отмены многих «феодалных пережитков» (прежде всего личной зависимости крестьянства), модернизации экономики и финансов, усовершенствования административных практик, распространения религиозной терпимости на христиан-некатоликов и иудеев, усовершенствования системы образования. Первая половина XIX в., известная в венгерской историографии как «эпоха реформ», прошла под знаком жарких споров в Государственном собрании о насущных преобразованиях в области экономики и финансов, поземельных отношений и социальной иерархии, культуры и языка (в 1844 г. венгерский получил статус

государственного). Возможность осуществить многие из обсуждавшихся реформ представилась в 1848 г., в дни революции, охватившей всю Австрийскую империю. Тогда же стали очевидны противоречия между занявшими положение господствующего этноса мадьярами и немадьярскими народами, населяющими королевство с незапамятных времен.

На севере и северо-востоке Венгерского королевства проживали *словаки*. Их предки заселили эти территории приблизительно в конце V — VI столетия. В VI в. существовала так называемая держава Само, включавшая в себя как протословацкие, так и проточешские и протолужицкие земли. В IX в. здесь располагалось Нитранское княжество (с центром в городе Нитра, ныне — Западная Словакия). В 833–836 гг. это княжество было присоединено к Моравии, что положило начало государству, позднее названному Великой Моравией. Начиная с конца IX в. данное государственное образование начало распадаться, и уже в 907 г. протословацкие земли были захвачены кочевниками-мадьярами. С этого периода вплоть до 1918 г. исторические судьбы словацкого народа были неразрывно связаны с венгерской государственностью.

Социально-политическое развитие словацкого общества в условиях Венгерского королевства протекало далеко не однозначно. Словацкие этнические территории не представляли собой отдельно взятой провинции и не имели своей столицы. Сами словаки являлись народом с неполной социальной структурой, которому не доставало собственной национальной аристократии и даже национального мещанства. При этом этнос был разделен в конфессиональном отношении — на римокатоликов и лютеран (в Восточной Словакии — также на грекокатоликов и кальвинистов).

В XIX в., по-видимому, только меньшая часть этнических словаков, представители малочисленной интеллигенции, сознательно поддерживали словацкое национальное движение, деятельность которого и привела в конечном итоге к формированию современной словацкой нации. Некоторая часть словаков поддерживали концепцию единого венгерского народа. Крестьянские массы преимущественно отдавали предпочтение региональной и конфессиональной, а не какой бы то ни было национальной идентичности. Кроме этого, в границах современной Словакии, в основном повторяющей контуры расселения словаков, проживали многочисленные представители других этносов: венгры, евреи, немцы, русины, цыгане и др. Например, в 1857 г. из 2,4 млн жителей словаками являлись лишь около 1,5 млн человек¹⁸.

Угорские (южнокарпатские) *русины* (известны также как руснаки, карпатороссы, карпаторусы и т.д.) представляли собой восточнославянское население южной части Карпатского региона. Подобно соседним словацким землям, территории расселения угорских русинов в середине XIX в. являлись неотъемлемой частью Венгерского королевства. В русинском историческом сознании, характерном для части немногочисленной интеллигенции, преимущественно грекокатолического (униатского) духовенства и учительства, сохранялись предания о так называемой Руськой марке

(*Marchia Ruthenorum*) — якобы населенной русинами области, полулегендарном ленном владении сына Иштвана I, служившем форпостом Венгерского королевства¹⁹. Угорские русины, скорее, акцентировали свои конфессиональные отличия, принадлежность к «русской вере» (первоначально православии, после заключения Ужгородской унии с Римом 1646 г. — грекокатолицизму), а также региональную идентичность. Однако у широких слоев русинов, представленных почти полностью крестьянством, абсолютно отсутствовали какие бы то ни было государственно-политические амбиции, свойственные в тот же период, например, чехам или хорватам.

Особый интерес с точки зрения анализа политических процессов у этнически близких народов, исторически развивавшихся в разных государственных образованиях и государственно-правовых традициях, к тому же разделенных конфессиональными границами, представляют *хорваты и сербы* Австрийской империи, а также хорваты, проживавшие вне королевства Хорватия-Славония, и сербы, рассеянные по владениям Габсбургского дома далеко за пределами ареалов своего компактного проживания²⁰. Неравномерность их этнического и социального развития усиливалась различиями в их политико-правовом статусе. Хорваты сохраняли политическую автономию, включавшую некоторые существенные элементы национального суверенитета. Сербы, развивавшиеся синхронно с хорватами, обладали на территории Венгрии национально-церковной автономией, которая объективно имела тенденцию к превращению в национально-политическую.

Раннесредневековое Хорватское королевство существовало приблизительно с IX по начало XII в., когда — после череды войн и внутренних усобиц — хорватская знать в 1102 г. заключила династическую унию (*Pacta Conventa*) с венгерским королем Кальманом Книжником (1095–1116 гг.). Поскольку самый ранний список документа датируется XIV веком, считается, что точное содержание договора дошло до нас в позднейших пересказах и интерпретациях, и, следовательно, характер объединения и гарантированная Хорватии степень государственного суверенитета остаются предметом споров и домыслов. Так или иначе, но политическая элита сохранила свой центральный сословно-представительный орган — сабор, и делегировала «послов» (депутатов) на венгерское Государственное собрание. Как и в Венгрии, власть на местах, в административно-территориальных единицах — жупаниях (комитатах), — принадлежала органам дворянского самоуправления. Период до 1526 г., когда с гибелью средневекового Венгерского королевства уния формально на время утратила силу (возобновлена в 1570 г.), считается временем, когда королевство существовало в своих максимально широких границах, включавших собственно Хорватию, область Славонию, города Далмации, контроль над которыми постоянно оспаривала Венеция.

Территориальная экспансия Османской империи во второй четверти XVI в. вынудила хорватские сословия признать сюзеренитет Габсбургов еще до того, как это сделали сословия Венгерского королевства, и, в конце концов, на политической карте владений Австрийского дома Хорватия-Славония

обрела свое место как одна из земель Венгерской короны. В дальнейшем века общей истории в условиях сохранения атрибутов хорватской государственности способствовали тесному переплетению политических элит. Центром политической, экономической и культурной жизни всех хорватских областей в XIX в. являлась так называемая Гражданская Хорватия-Славония (Провинциал). Административно-территориальное устройство Хорватии в XIX в. неоднократно менялось. В 1853 г., согласно распоряжению Министерства внутренних дел, Хорватия-Славония делилась на пять жупаний (областей или, в венгерской традиции, комитатов): Загребскую, Вараждинскую*, Риекскую, Пожегскую и Осиекскую. Каждая из них, в свою очередь, делилась на несколько поджупаний: Загребская — на 14, Вараждинская — на 13, Риекская — на 8, Пожегская — на 8, Осиекская — на 7. Поджупания делились на общины. Их главы — жупаны (аналог венгерских глав комитатов — фёйшпанов) — входили в состав центрального органа исполнительной власти — банского правительства. Существовавшие прежде жупанийские комитеты, которым эта функция принадлежала ранее, были распущены. Управление осуществлялось в соответствии с императорскими патентами и приказами Министерства внутренних дел. Всего в Хорватии-Славонии, согласно переписи населения 1857 г., проживало 865 009 человек²¹.

На периферии политической и экономической жизни находилась Далмация — узкая полоса земли, тянувшаяся вдоль побережья Адриатического моря в юго-восточном направлении. В 1854 г. территория Далмация была поделена на четыре округа: Задарский, Сплитский, Дубровницкий и Которский. Они делились на районы (котары): Задарский — на 10, Сплитский — на 11, Дубровницкий — на 5, Которский — на 2²². Индустриальное развитие Далмации вплоть до конца XIX в. находилось на очень низком уровне, промышленность там носила обрабатывающий характер и была сосредоточена в основном в Сплите и его окрестностях²³. Население Далмации в 1850-е гг. составляло 404 499 человек. Соседняя с ней область Истрия, расположенная на одноименном полуострове и входившая в состав австрийской провинции Приморье, насчитывала 230 328 человек.

Сербы Австрийской империи проживали главным образом на юге Венгерского королевства, как в венгерских комитатах, так и в Хорватии-Славонии. Их переселение началось еще в XIV в., когда под натиском османов перестало существовать средневековое сербское государство. После 1526 г., когда Венгерское королевство под ударами армии султана потеряло самостоятельность и территориальную целостность, Среднее Подунавье на полтора века перешло под власть Османской Порты, и доля сербского населения там существенно возросла. На 1690 г., после того как войска «Священной лиги» в 1683 г. отразили нападение турок на Вену и в ходе победоносного наступления изгнали их с территории Венгрии, пришла следующая волна массового (ученые называют цифры 30, 40 и даже 70 тыс. человек²⁴) переселения сербов

* Шестая жупания — Крижевачская — была включена в состав Вараждинской.

во владения Австрийского дома. Спасаясь от жестоких расправ, чинимых турецкими властями, сербы искали убежища у австрийского императора, и Леопольд I (1658–1705 гг.) принял их в подданство, даровал сербской православной церкви привилегированный статус²⁵ (каким не обладала православная церковь румын или русинов), расселил на приграничных территориях, подчиненных напрямую Вене, сформировал полки и доверил охрану рубежей государства. Таким образом, у них не было своей конституированной в рамках владений Австрийского дома провинции, но православное южнославянское население (по преимуществу сербское) с 1690 по 1912 г. обладало национально-церковной автономией, что несколько возвышало его над иными политически неполноправными народами.

В конце XVIII в. был принят ряд документов, существенно изменивших статус сербского православного населения. В их число входят «Регуламент» (1770), покончивший со светской властью православных митрополитов в Южной Венгрии (ныне Воеводина), и «Деклараторий» (1779), окончательно лишивший православную церковь политических прав в границах национально-церковной автономии. Вместо этого церкви была предоставлена школьно-церковная автономия и предусматривалась автокефальность православной церкви, которую возглавлял избираемый митрополит. В 1781 г. был принят знаменитый декрет о веротерпимости Иосифа II (1780–1790 гг.). Он провозглашал свободу отправления христианских культов. Хотя это не означало равноправия православия и католицизма, бывшего государственной религией, декрет расширил права православных подданных. В 1790 г. Венгерское государственное собрание приняло закон, по которому сербам на территории Южной Венгрии предоставлялись гражданские права, а их привилегии сводились к льготам в области вероисповедания и школьного образования. «Греко-неуниатское население», как официально называли сербов в Австрийской империи, получило в Венгрии права гражданства и обрело равноправие с остальными жителями²⁶.

Особый статус в Габсбургской монархии был у так называемой Военной границы — территории со смешанным сербским и хорватским населением, — протянувшейся от Адриатического моря до Трансильвании. В 1857 г. население Военной границы составляло 674 864 человека. Это были пограничные с Османской империей области, где проживало хорватское и сербское население (граничары), которое в мирное время занималось охраной австрийских рубежей, а в военное участвовало в боевых действиях. Военная граница была одной из самых отсталых в хозяйственном отношении земель: вплоть до своей ликвидации ее экономическое развитие, как и в Далмации, находилось на ремесленном уровне²⁷. В административно-территориальном отношении она делилась на Банскую, Карлштадтскую, Вараждинскую и Славонскую границы, которые состояли из региментов (полков): Первого Банского (Петриньского), Второго Банского (Глинского), Ликского, Оточацкого, Огулинского, Слуньского, Крижевацкого, Джурджевацкого, Градишского, Бродского и Петроварадинского. Административно-территориальное

устройство Военной границы постоянно менялось. Окончательно ее территория и внутреннее деление были определены в ходе реформ Марии Терезии в 1745–1750 гг. и с некоторыми изменениями сохранились вплоть до ликвидации Военной границы в 1881 г.

Румынское (влашское) население, к середине XIX в. составлявшее в монархии Габсбургов не менее 3 млн человек, проживало в нескольких исторических регионах: Трансильвании, Восточной Венгрии*, Банате, Марамароше (по-румынски: Марамуреш), Буковине (северная часть Молдавского княжества, перешедшая под австрийскую юрисдикцию в 1775 г.). Во всех этих регионах румыны составляли если не большинство, то не менее 40% населения. Только в Буковине с ее молдавским боярством румыны представляли собой нацию с полной социальной структурой, с собственным (и национально ориентированным) дворянством, в других же областях (включая Трансильванию) это была нация с ярко выраженной неполной социальной структурой, до 90% ее составляло крестьянство. Имелся также влашский городской плебс, а национальная элита включала в себя слабую, только зарождавшуюся буржуазию и купечество некоторых трансильванских городов (экономическая элита), духовенство и вышедшую из низов интеллигенцию (культурная и находившаяся в зачаточном состоянии политическая элита). Румынский дворянский слой Трансильвании в XIV–XVII вв. подвергся полной мадьяризации.

Наряду с описанными выше территориями и населявшими их народами, входившими в состав Австрийской монархии (затем империи) с первых лет ее существования, ряд исторических областей и провинций оказались под скипетром Габсбургов в более поздний период, что не могло не сказаться на их особом статусе в рамках композитарного государства или отношении к ним имперского центра.

Галиция вошла в состав владений Австрийского дома в 1772 г. — в период разделов Речи Посполитой. Под властью Вены оказались часть воеводств Южной Польши, большая часть Краковского и Сандомирского воеводств и основная часть так называемых «русских» земель. Окончательно границы австрийских владений были определены в 1815 г. на Венском конгрессе. В 1850 г. после присоединения Кракова (прежде имевшего статус вольного города) к Австрийской монархии из польских и части «русских» земель была создана отдельная провинция — Королевство Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским, герцогствами Освенцимским и Заторским. Территория края составляла 78 492 кв. км с населением около 2 млн человек. Столицей края был Львов, или, по-немецки, Лемберг.

* Речь идет об исторической области на крайнем западе современной Румынии, которую в венгерской традиции называют *Парциум* (от латинской государственной-правовой формулы *Regnum Hungariae partiumque adnexarum*, что означает «Королевство Венгрии и присоединенных к нему частей»), а в румынской традиции — Кришана.

Войдя в состав Габсбургской монархии относительно поздно, Галиция заняла особое место в ряду многочисленных провинций империи. Будучи территориально одной из самых крупных провинций, Галиция находилась на окраине государства, вследствие чего развитие общественно-политических, национальных, экономических процессов шло медленнее, нежели в некоторых других частях империи. Национальный состав провинции был неоднородным. В Галиции основными этническими группами были поляки, составлявшие, по разным оценкам, чуть более 60% населения, и восточнославянское население, именовавшееся в официальных документах русинами или рутенами (нем. Ruthenen), называвшее себя на протяжении многих столетий «русскими». Его доля составляла чуть более 30%. Проживало оно в основном в восточной части провинции²⁸. Подавляющая часть поляков принадлежала к Римско-католической церкви, большинство русинов были грекокатоликами, однако небольшая их часть сохраняли верность православию. Также в Галиции проживали немцы, армяне, цыгане, евреи.

Галиция занимала особое стратегическое положение, находясь на границе с другой империей — Российской. Все это способствовало тому, что политика Вены по отношению к Галиции отличалась своеобразием. Обширность территории этой провинции, ее полиэтничность и многоконфессиональность делали управление ею непосредственно из имперского центра малоэффективным. В результате провинция сохраняла предоставленную ей значительную автономию, а административное, политическое и экономическое господство здесь оставалось в руках польской элиты вплоть до распада самой Габсбургской монархии. Положение польского населения в этой части разделенной Польши заметно отличалось от ситуации в Царстве (Королевстве) Польском и в польских землях, оказавшихся в составе Пруссии. Здесь достаточно свободно развивалось польское национальное движение, в том числе и те его направления, основу идеологии которых составляла идея возрождения независимого польского государства. При этом все земли, входившие в состав Речи Посполитой до разделов, вне зависимости от их этнического состава рассматривались представителями польского движения как исконно польские. Достаточно долго национальные стремления непольского населения в этих регионах воспринимались лишь в контексте борьбы за восстановление независимой Польши. По мере того как эти стремления обретали все более самостоятельный характер, отношение к ним со стороны поляков менялось, становясь все более негативным.

Самой восточной провинцией Габсбургских владений была *Буковина*, северная часть Молдавского княжества, оккупированная вскоре после Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. австрийскими войсками в силу опасений венского двора, что усилившаяся Россия — получив право на покровительство христиан в Дунайских княжествах — еще более укрепит свое влияние в регионе в ущерб Австрии. Это событие определило историю края на последующие почти полтора века, вплоть до распада

Австро-Венгерской монархии в 1918 г. Первоначально краем управляла австрийская военная администрация, в 1786 г. Буковина была присоединена к Королевству Галиции и Лодомерии с его сословным галицийским сеймом и входила в его состав до 1848 г. По преимуществу аграрный характер экономики провинции сохранялся на протяжении всего периода пребывания под властью Габсбургов. Большинство (а до 1870-х гг. подавляющее большинство) населения занималось сельским хозяйством, некоторое развитие получило деревообрабатывающее производство. В городах развивались ремесла. Процессы развития промышленности ускорились лишь в последней трети XIX в., но ограничивались прежде всего административным центром и главным городом Буковины — Черновцами (совр. Украина).

Этнический состав населения края претерпевал с конца XVIII в. изменения, что было связано в немалой мере с миграционными процессами — появлением немецких колонистов, а также слоя австронемецкого чиновничества; переселением в города и местечки Буковины еврейского, а в Северную Буковину русинского (украинского) населения из соседней Галиции. По данным, приводимым в современной румыноязычной литературе со ссылкой на переписи австрийской военной администрации, в 1786 г. румыны составляли 65% населения, тогда как русины, проживавшие в селах Северной Буковины, — 23%²⁹. В течение XIX в. доля русинского населения заметно увеличилась, в последней четверти XIX в. русины уже были самым многочисленным этносом в крае, хотя и незначительно превосходящим румын. Наряду с этими этносами, составлявшими вместе почти 75% населения, в крае проживали евреи, немцы, поляки, цыгане, малочисленные венгры, великорусы-старообрядцы (липоване; в Белой Кринице с 1840-х гг. находился важнейший центр старообрядчества), армяне, колонисты чешского и словацкого происхождения. В течение XIX в. углублялись этнические различия между преимущественно русинской Северной Буковиной и румынской по преобладающему в ней населению Южной Буковиной с важным городом Сучава, первой столицей Молдавского княжества. В отличие от трансильванских румын и в отличие от буковинских же русин, представлявших собой в первой половине XIX в. крестьянские «нации», буковинские румыны обладали собственным боярством, относившимся к знати Молдавского княжества до 1775 г., что было фактором, способствовавшим повышению их политического веса как в рамках Буковины, так и в контексте румынского национального движения.

В 1878 г. великие державы на Берлинском конгрессе дали Австро-Венгрии мандат на управление османскими территориями — *Боснией и Герцеговиной*. Это стало последним территориальным приращением двуединой монархии, не только изменившим процентное соотношение этносов и конфессий, но и сыгравшим роковую роль в гибели монархии. Габсбурги получили провинцию, не до конца успокоившуюся после двухлетнего восстания крестьян, которые большей частью были христианами, против османских властей и мусульманских землевладельцев. Уже в августе 1877 г. в Боснии и Герцеговине началась организованная борьба, но, когда в июле следующего

года в край вошли австро-венгерские войска, сопротивление — в основном мусульманских жителей — вспыхнуло с новой силой.

Вообще, соотношение мусульманского и христианского населения всегда играло в Боснии и Герцеговине большую роль. Перепись 1879 г. показала, что общее количество жителей провинции составляло 1 млн 115 тыс. человек, из которых 42,9% были православными, 38,7 — мусульманами, 18,1 — католиками, около 0,3% — евреями. К концу австро-венгерского управления, в 1910 г., население Боснии и Герцеговины выросло до 1 млн 898 тыс. человек. Из них православные составляли 43,5%, мусульмане — 32,2% католики — около 23, доля евреев возросла до 0,6%, появились представители других конфессий — 0,8%.³⁰

Отражение в переписях только конфессиональной принадлежности было связано с запретом упоминать национальную принадлежность — «серб» или «хорват». В таком запрете заключалась принципиальная позиция общеимперского министра финансов Бенямина Каллая (Каллай), который осуществлял стратегическое управление оккупированными территориями и кому подчинялось боснийское правительство с 1882 по 1903 г. Этот двадцатилетний период иногда называют «эрой Каллая», а его самого — «некоронованным королем» Боснии и Герцеговины. Министр, будучи также специалистом по истории южных славян, развивал концепцию региональной «боснийской нации», тем самым пытаясь создать альтернативу разделению хорватов, сербов и мусульман. Каллай обращался к традициям средневековой боснийской государственности, ратовал за создание единой боснийской идеологии и провозглашение боснийского языка, что должно было ускорить инкорпорацию всей провинции в империю.

Однако, несмотря на усилия Каллая и австро-венгерских чиновников направить общественную жизнь в нужное им русло, социальные процессы трудно было регламентировать. Жители Боснии и Герцеговины основывали сначала культурные, образовательные и досуговые общества, объединенные по религиозному (национальному) признаку, затем организовывали движения за религиозно-национальную автономию, из которых развились политические партии.

* * *

Предлагаемая вниманию читателя коллективная монография является первым в российской исторической науке комплексным исследованием зарождения и развития партийных систем в многонациональной монархии Габсбургов в период между революцией 1848 г. и кануном Первой мировой войны. Авторский коллектив сосредоточился на анализе того, в какой мере партии выражали интересы территориальных и национальных элит; почему решение стоявших перед ними политических задач становилось возможным или оставалось невозможным в созданном после 1867 г. правовом поле; насколько партии и общественные движения, выражая партикулярные требования своего электората, ускоряли или тормозили эволюцию политической системы Австро-Венгерской монархии.

Авторы определяют политическую партию — в ее идеально-типической форме, от которой порой были далеки организации, создававшиеся политиками и общественными деятелями изучаемой эпохи, — как общественную организацию, имеющую цель получения мандатов на парламентских выборах разных уровней, формулирующую свои требования в доведенной до общественного мнения программе и берущую на себя роль инструмента мобилизации и социализации в обществе³¹. В контексте предлагаемого исследования открывается возможность проследить эволюцию носивших название «партия» клубов, околостатских групп, объединений по интересам и иных форм самоорганизации тех или иных сегментов социального спектра в современные партии, отвечающие вышеперечисленным требованиям.

Выбранные хронологические рамки 1848–1914 гг. позволяют с наибольшей полнотой рассмотреть процесс формирования политических партий, становления парламентаризма, зарождения гражданского общества. Нижняя граница исследования — это итоги и уроки революции 1848 г., когда впервые была предпринята попытка если не заменить, то дополнить принцип божественной легитимации власти волеизъявлением масс. Верхняя граница — начало Первой мировой войны, приведшей к запретам на деятельность политических партий и ограничениям в работе парламентов.

В эволюции партий Австро-Венгрии прослеживается три этапа: 1860-е — 1880-е гг., когда партийные рамки были размыты, программы нечетко сформулированы, а партийное строительство часто не шло дальше парламентских клубов с необязательным членством. На рубеже XIX–XX вв. как в Цис-, так и в Транслейтании (областях «по эту» и «по ту» сторону реки Лейты) возникают первые четко структурированные партии, ставящие целью борьбу за расширяющийся электорат и представительство в органах законодательной власти. После 1906 г., особенно в Цислейтании, где в 1907 г. было введено всеобщее избирательное право (для мужчин), наступает эра массовых партий, ставших основной угрозой старому порядку и самому существованию двуединой монархии. Именно эта периодизация легла в основу структуры тома.

В монографии за каждым автором закреплены национально-государственные исторические разделы, в том числе: М.С. Ващенко — Хорватия-Славония (Введение, гл. 1–6); О.И. Величко — Австрия (гл. 3–7); М.Ю. Дронов — земли, населенные угорскими русинами (Введение, гл. 1–7); А.А. Ждановская — земли Чешской короны (Введение, гл. 1–7); Л.А. Кирилина — земли, населенные словенцами (Введение, гл. 1–7); М.Э. Клопова — Галиция (Введение, гл. 1–7); Л.К. Новосельцева — земли, населенные сербами (гл. 1, 2, 6, в соавт. 3–5, 7); Л.Ю. Пахомова — Босния и Герцеговина (Введение, гл. 5–7), земли, населенные сербами (в соавт. гл. 7); К.А. Попов — земли, населенные словаками (Введение, гл. 1–7); С.А. Романенко — Хорватия-Славония (гл. 7, в соавт. гл. 3–6); А.С. Стыкалин — Трансильвания и Буковина (Введение, гл. 1–7), О.В. Хаванова — Австрия (Введение, гл. 1, 2), Венгрия (Введение, гл. 1–7); А.Л. Шемякин — земли, населенные сербами (гл. 3–5).

Авторы Введения — М.Ю. Дронов, А.А. Ждановская, Л.К. Кирилина, М.Э. Клопова, С.А. Романенко, А.С. Стыкалин, О.В. Хаванова; глав 1–2 — М.С. Ващенко, А.А. Ждановская, Л.К. Кирилина, М.Э. Клопова, К.А. Попов, С.А. Романенко, А.С. Стыкалин, О.В. Хаванова; глав 3–5 — М.С. Ващенко, О.И. Величко, М.Ю. Дронов, А.А. Ждановская, Л.К. Кирилина, М.Э. Клопова, Л.Ю. Пахомова, К.А. Попов, С.А. Романенко, А.С. Стыкалин, О.В. Хаванова, А.Л. Шемякин; главы 6 — М.С. Ващенко, О.И. Величко, А.А. Ждановская, М.Ю. Дронов, Л.К. Кирилина, М.Э. Клопова, Л.Ю. Пахомова, К.А. Попов, С.А. Романенко, А.С. Стыкалин, О.В. Хаванова; главы 7 — О.И. Величко, М.Ю. Дронов, А.А. Ждановская, Л.К. Кирилина, М.Э. Клопова, Л.К. Новосельцева, Л.Ю. Пахомова, К.А. Попов, С.А. Романенко, А.С. Стыкалин, О.В. Хаванова; послесловия — О.В. Хаванова.

Примечания

- ¹ *Klingenstein G.* The meanings of “Austria” and “Austrian” in the eighteenth century // *Royal and Republican Sovereignty in Early Modern Europe. Essays in Memory of Ragnhild Hatton* / Ed. by R. Oresko, G. C. Gibbs, H. M. Scott. Cambridge, 1997. P. 439.
- ² Одним из первых авторов синтетических работ по истории Габсбургской монархии на английском языке стал американский историк австрийского происхождения Роберт Адольф Канн (1906–1981). Ср.: *Kann R.* The Habsburg Empire. A study in integration and disintegration. New York, 1957; *Idem.* A History of the Habsburg Empire, 1526–1918. London, 1974. В переводах этих книг на немецкий язык переводчики также предпочли использовать анахроническое по сути название «империя Габсбургов». См.: *Kann R.* Werden und Zerfall des Habsburgerreiches. Graz; Wien; Köln, 1962; *Idem.* Geschichte des Habsburgerreiches, 1526 bis 1918. Wien, 1990.
- ³ *Vocelka K.* Das Habsburgerreich als Gegenstand und Aufgabe der österreichischen Geschichtsforschung // Was heißt “österreichische” Geschichte, Probleme, Perspektiven und Räume der Neuzeitforschung / Hrsg. von M. Scheutz, A. Strohmeyer. Innsbruck; Wien; Bozen, 2009.
- ⁴ Ср.: *Исламов Т.М.* Империя Габсбургов. Становление и развитие, XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 2–40; *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. М., 2003; *Романенко С.А.* Монархия Габсбургов, Средняя Европа и обретение Хорватией независимости // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. 1 / Отв. ред. И.В. Крючков. [Ставрополь], 2004. С. 247–261; Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. Т. 1 / Отв. ред. М. Волос, Г.Д. Шкундин. М., 2012.
- ⁵ *Mazohl B. Wallnig T.* (Kaiser)haus — Staat — Vaterland? Zur «österreichischen» Historiographie von der “Nationalgeschichte” // Nationalgeschichte als Artefakt. Zum Paradigma «Nationalstaat» in den Historiographien Deutschlands, Italiens und Österreichs / Hrsg. von H.P. Hye, B. Mazohl, J.P. Niederkorn. Wien, 2009. S. 52.
- ⁶ *Hochedlinger M.* Austria’s Wars of Emergence, 1683–1797. London, 2003.
- ⁷ *Ingrao Ch.* The Habsburg Monarchy, 1618–1815. Cambridge, 2000. P. 2.
- ⁸ Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Bd. III. Die Völker des Reiches. Т. 1 / Hrsg. von A. Wandruschka, P. Urbanitsch. Wien, 1980. S. 31.
- ⁹ *Andrian-Weburg V., Freiherr von.* Oesterreich und dessen Zukunft. Hamburg, 1843. S. 8.

- ¹⁰ *Исламов Т.М.* Конец средневропейской империи. Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / Отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М., 1995. С. 31.
- ¹¹ *Митрофанов П.П.* История Австрии с древнейших времен до 1792 г. СПб., 1910 (Предисловие, пагинация отсутствует).
- ¹² На рус. яз. см.: *Петров Е.В.* Австрийское государство в X–XIV вв. Формирование территориальной власти. М., 1999.
- ¹³ *Величко О.И.* Проблемы формирования австрийской нации // Художественная культура Австро-Венгрии, 1867–1918 / Под ред. Е.В. Виноградовой, Н.М. Вагаповой. СПб., 2005. С. 18, 21.
- ¹⁴ *Czoernig C.* Ethnographie der oesterreichischen Monarchie. Wien, 1857. Bd. 1. S. 74–80.
- ¹⁵ Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII — 1849 г. / Отв. ред. В.И. Фрейдзон. М., 1981.
- ¹⁶ *Melik V.* Nemci in slovenski (1815–1941) // Zgodovinski časopis. Ljubljana, 1992. Letn. XLVI. Št. 2. S. 172.
- ¹⁷ См., например: *Фрейдзон В.И.* Нация до национального государства: Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. — начала XX в. Дубна, 1999. С. 39–48.
- ¹⁸ [Маннова Э. и др.] История Словакии / Пер. со словац. и англ.; науч. ред. рус. перевода Ю.В. Богданов. М., 2003. С. 234.
- ¹⁹ Енциклопедія історії та культури карпатських русинів / Укладачі П.Р. Магочій, І. Поп. Переклад з англійської мови Н. Кушко. Ужгород, 2010. С. 664–665.
- ²⁰ См., например: *Magocsi P.R.* Historical atlas of East Central Europe. Seattle; London, 1993. P. 78–82, 98–99.
- ²¹ *Vranješ-Šoljan B.* Prvi opći popis stanovništva u Habsburškoj monarhiji iz 1857: koncepcija, metodologija i klasifikacija popisnih obilježja // Časopis za suvremenu povijest. 2008. № 2. S. 529.
- ²² *Ivković F.* Organizacija uprave u Dalmaciji za vrijeme druge austrijske vladavine 1814–1918 // Arhivski vjesnik. 1991–1992. № 34/35. S. 37–38.
- ²³ *Karaman I.* Privreda i društvo Hrvatske u 19. stoljeću. Zagreb, 1972. S. 276.
- ²⁴ *Костяшов Ю.В.* Сербия в Австрийской монархии в XVIII в. Калининград, 1997. С. 24.
- ²⁵ *Лебер Т.А.* Правовой статус сербов как коллективного субъекта монархии Габсбургов, 1690–1792 // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918 / Ред.-сост. К.А. Кочегаров, Л.К. Новосельцева, А. Форго, О.В. Хаванова. СПб.; М., 2013. С. 115–133.
- ²⁶ См.: Тумач повластица, закона, уредаба и других наређења српске народне црквене аутономије у Угарској, Хрватској и Славонији / Приред. Жарко Миладиновић. Нови Сад, 1897.
- ²⁷ *Karaman I.* Privreda i društvo. S. 114. Также см.: *Buczynski A.* Gradovi Vojne Krajne. Zagreb, 1997. Sv. 1. S. 98–115.
- ²⁸ *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888–1908. Toruń, 1996. S. 15.
- ²⁹ *Ungureanu C.* Sistemul de învățământ din Bucovina în perioada stăpânirii austriece (1774–1918). Chișinău, 2015. P. 200.
- ³⁰ *Hadžibegović I.* Postanak radničke klase u Bosni i Hercegovini i njen razvoj do 1914. Sarajevo: Svjetlost, 1980. S. 10.
- ³¹ Ср.: *Binder H.* Galizien in Wien. Parteien, Wahlen, Fraktionen und Abgeordnete im Übergang zur Massenpolitik. Wien, 2005.

Революция 1848 г. и начало политической самоорганизации общества

Либеральные идеи в публичном пространстве Австрийской империи

Революция 1848 г. стала первой континентальной революцией в Старом Свете, охватившей территорию от Неаполя до Галиции. Монархические режимы оказались перед лицом двоякого, либерального и национального, вызова: социально неполноправные слои требовали для себя пропорционального представительства во власти; политически неполноправные народы добивались признания своих прав на этническую территорию¹. Одним из эпицентров мощного общественного взрыва оказалась монархия Габсбургов, где революционные процессы имели как общеевропейские черты, так и национально-государственную специфику.

Ч. Инграо точно подметил, что, поскольку Габсбурги не могли полностью стереть различия между своими владениями или преодолеть инерцию мощных феодальных элит, лучшим решением им представлялось заручиться поддержкой последних, уважать их политические права, сословные привилегии и экономические нужды. Подобная тактика не просто уменьшала способность венского двора теснее интегрировать собственные владения. Она побуждала Габсбургов идти на сделки с наиболее могущественными социальными или национальными группами в обмен на их отказ от политики дестабилизации². С этой точки зрения революция 1848 г. стала концентрированным выражением недовольства так или иначе ущемленных в своих интересах социальных слоев и этнонациональных групп, не заинтересованных в сохранении статус-кво. С революции 1848 г. началась новая эпоха в жизни Австрийской империи — эпоха перехода от традиционного феодального порядка к капиталистической модернизации, правовому государству, формированию гражданского общества. Развитие политических и национальных движений народов монархии наряду с внешнеполитическими и экономическими факторами принуждали правительство к проведению реформ, а реформы, в свою очередь, давали мощный толчок дальнейшему росту общественных движений.

Десятилетия, предшествовавшие революционному взрыву в марте 1848 г. и получившие в австро-немецкой историографии название «предмартовского периода» (Vormärz), были временем формирования политиче-

ского спектра, формулирования социальных и национальных требований. В условиях «меттерниховского режима» (названного так по имени государственного канцлера князя Клеменса Меттерниха) запрещались и преследовались любые формы политической активности, свирепствовала цензура. Единственной доступной формой самоорганизации подданных стали добровольные объединения, союзы и ассоциации. Большинство из них имели религиозный или благотворительный характер. В то же время читательские союзы или промышленные ассоциации становились площадками, где, по образному выражению австрийского историка Х.-П. Хюэ, проходило «эгалитарное общение в элитарной атмосфере»³. Обязательный членский взнос закрывал дорогу в эти организации для финансово и интеллектуально несостоятельных низших классов, в то время как «уловка» коллективного членства открывала двери в эти клубы для студенчества и мелкого чиновничества. Многие видные политики 1860-х и 1870-х гг. — в том числе будущий министр внутренних дел Александр Бах и премьер-министр Антон Шмерлинг — начинали как члены одной из политически ангажированных ассоциаций. Как пишет американский историк П. Джадсон, списки членов, например, Политико-правового читательского союза (*Juristisch-politisches Leseverein*)⁴, основанного в 1841 г. и состоявшего из высокопоставленных чиновников, влиятельных адвокатов и журналистов, похожи на справочник «Кто есть кто в Австро-Венгрии»⁵.

Члены этих добровольных объединений — средняя и крупная буржуазия, представители так называемых свободных профессий — исповедовали принципы либерализма. Они требовали отмены феодальных норм и ограничений в экономике, праве, общественной жизни, введения конституционно-монархического строя, участия образованных и финансово независимых граждан в управлении государством посредством выборов своих представителей в органы власти в центре и на местах. Не покушаясь на основы монархического строя, либералы намеревались уравнять граждан в их основополагающих правах и посредством имущественного (и фактически образовательного) ценза дать право голоса материально состоятельным и получившим образование, позволяющее принимать самостоятельные решения, категориям граждан.

Революционные события в Вене

Революция в Вене началась с мирных демонстраций горожан и студентов, с подачи петиций в защиту свободы прессы. Равнодушие властей к голосу улицы привело 13 марта к кровавым столкновениям (всего имперская столица переживет пять восстаний за один только 1848 год)⁶. Князь Меттерних подал в отставку и эмигрировал в Великобританию. Решительно настроенное студенчество сформировало так называемый Академический легион для защиты своих политических требований с оружием в руках.

Манифестом от 15 марта император Фердинанд I (1835–1848 гг.) был вынужден объявить об отмене цензуры, создании Национальной гвардии, скорейшем созыве провинциальных ландтагов и затем общеавстрийского рейхстага с более широким представительством третьего сословия (*Bürgerstand*) для выработки конституции. 21 марта вместо Тайной государственной конференции при особе монарха было создано временное государственное министерство. Провинциальные ландтаги приступили к избранию депутатов в Центральный комитет (*Zentralausschuss*), призванный совместно с правительством выработать конституцию. Чешские земли, Галиция, Ломбардия-Венеция и некоторые другие земли отказались участвовать в его работе. В Венгрии парламент тем временем готовил собственную конституцию для земель венгерской короны, вступившую в силу 13 апреля 1848 г.

В этот день в Вене Центральный комитет и Совет министров провели совместное заседание, и далее над конституционным проектом работал единолично министр внутренних дел Франц Пиллерсдорф. Документ провозглашал превращение Австрийской империи (за исключением Венгрии и Италии) в централизованную конституционную монархию, предполагал создание ответственного правительства и созыв двухпалатного парламента — назначаемого монархом сената и выборного рейхстага. Парламент обладал законодательной инициативой, вотируя налоги, утверждал бюджет, одобрял международные договоры⁷. Конституция была пожалована (октроирована) 25 апреля, однако майское восстание в столице убедило двор признать ее временной, действующей до выработки рейхстагом нового основного закона империи.

Летом 1848 г. прошли выборы в нижнюю палату рейхстага (от созыва сената было решено отказаться), собравшегося на свое первое заседание 22 июля 1848 г. депутатский корпус насчитывал 383 парламентария (из них 94 были крестьянского происхождения, 190 представляли славянские народы). Важнейшим законодательным актом можно считать решение, принятое 26 июля и санкционированное императором 7 сентября 1848 г., об отмене личной зависимости крестьянства, упразднении барщины и десятины. По основным вопросам большинство депутатов предпочитали голосовать в блоках по провинциям или заключать союзы с депутатами схожих взглядов из других коронных земель. Немецкоязычные депутаты из Чешских земель и Нижней Австрии тяготели к формированию межрегиональных групп для защиты общих интересов. До создания полноценных политических партий дело так и не дошло.

Вопросы конституционного устройства Австрийской империи, ее роли в процессе объединения Германии, задача расширения прерогатив центра при сохранении прав исторических провинций и необходимость частичного удовлетворения национальных чаяний отдельных народов империи вызывали острейшие дискуссии в рейхстаге и за его стенами. Ответы определялись не только личными убеждениями политиков (либеральными или консервативными, центристскими или федералистскими), но и положением на фронтах (имперская армия вела войну с весны 1848 г. в Северной Италии

и с осени того же года — в Венгрии) и мощными национальными вызовами, прозвучавшими весной–летом 1848 г. из Франкфурта-на-Майне и Праги. Во Франкфурте 500 депутатов от германских государств собрались, чтобы решить судьбу немецкоязычного пространства на континенте. Спустя несколько недель в Праге представители славянских народов Австрийской империи, озабоченные объединительными тенденциями среди немцев Европы, приступили к поискам пути коллективного спасения между двумя грозными соседями — Германией и Россией.

Венгерский историк П. Ханак более полувека назад предложил свою типологию программ, сформулированных представителями разных сегментов политического спектра. Многие из его наблюдений по сей день сохраняют свою актуальность. Он выделял сторонников феодально-аристократического федерализма, абсолютистского централизма, конституционного централизма, буржуазно-либерального конституционного федерализма, венгерского дуализма и буржуазно-демократического национального республиканизма⁸. Иными словами, ни в дни революции, ни сразу после ее подавления в обществе не было единства в вопросе о путях сохранения целостности владений Габсбургского дома. Централистский лагерь объединял как группировавшихся вокруг двора сторонников абсолютистской модели унитарного имперского государства, так и либеральных политиков, видевших в сосредоточении полноты власти в сильном центре залог осуществления полноты власти образованного буржуазного сословия. В рядах федералистов аристократы, защищавшие основанную на историческом праве ограниченную автономию коронных земель, смыкались в некоторых пунктах своей программы с лидерами молодых национальных движений, выдвигавшими требование национального равноправия.

Апогеем революционной активности демократически настроенных масс стало Октябрьское восстание в Вене, сопровождавшееся беспорядками и жестоко подавленное. В целях безопасности венский двор переехал в моравский город Оломоуц (Ольмюц), рейхстаг перебрался в расположенную поблизости резиденцию оломоуцкого архиепископа — Кромержиж (по-немецки — Кремзир)⁹. Во имя спасения монархии страдавший душевным недугом император Фердинанд I отрекся 2 декабря 1848 г. от престола в пользу своего 18-летнего племянника Франца, взявшего при восшествии на престол имя Франц Иосиф I (1848–1916 гг.). Тем временем в рейхстаге не прекращались острейшие дискуссии вокруг проекта конституции. Лишь путем давления на либеральное крыло депутатского корпуса министр-президент князь Феликс Шварценберг¹⁰ заставил рейхстаг отказаться от принципа народного суверенитета (соответствующий пункт был исключен из окончательного текста). Конституционный проект означал шаг вперед по сравнению документом Пиллерсдорфа: в специальном приложении — реестре основополагающих прав гражданина — провозглашалось равенство всех перед законом, отмена сословных привилегий, неприкосновенность жилища, свобода слова и пр., отменялись пытки и смертная казнь. Консти-

туция закрепляла принцип разделения властей, ответственность сформированного императором правительства перед парламентом.

Несмотря на то что в работе рейхстага не принимали участие представители Италии и Венгрии, при обсуждении государственно-правового устройства империи депутаты исходили из (подлежащего восстановлению в будущем) единства всех Габсбургских владений. Высшим законодательным органом становился двухпалатный парламент. Депутатов в верхнюю палату делегировали коронные земли, в нижнюю — избирали прямым голосованием на основании имущественного ценза. Если конституция Пиллерсдорфа трактовала Австрийскую империю как централизованную конституционную монархию, где права национальностей гарантируются гражданскими правами индивида, то в Кромержиже детально обсуждали проблему сочетания индивидуальных и коллективно-национальных прав в федеративной конституционной монархии. С точки зрения административно-территориального деления в империи сохранялись исторические провинции (коронные земли), которые, в свою очередь, делились на округа и общины. В Чехии, Моравии, Галиции, Тироле, Форарльберге предполагалось создание национальных округов при условии, что численность компактно проживавшего национального меньшинства составляла 400–500 тыс. человек. Соответственно, словенцы Внутренней Австрии не могли рассчитывать на признание своих коллективных прав, поскольку не образовывали достаточно больших анклавов.

В прошлом историки нередко расходились в оценках Кромержижской конституции, несправедливо обвиняя ее авторов в правовом идеализме и называя их деятельность ширмой, за которой венский двор готовил демонтаж завоеваний революции и возвращение к абсолютистским формам правления. Однако куда более взвешенна позиция тех, кто, как австрийский историк С. Мальфер, подчеркивает: неопределимый опыт поиска путей разрешения национального вопроса не пропал даром, многие из положений проекта не только вошли в Конституцию 1849 г., но и были востребованы архитекторами Соглашения 1867 г.¹¹

Пока депутаты в Кромержиже обсуждали, как сохранить «единство целого и автономию частей»¹², венский двор с января 1849 г. спешно готовил альтернативный проект конституции. Документ был написан графом Францем Штадионом (Стадионом) под руководством министра-президента Ф. Шварценберга. С одной стороны, в документе практически слово в слово воспроизводился реестр гражданских свобод, составленный депутатами рейхстага; с другой стороны, в нем камня на камне не оставалось от государственно-правового федерализма кромержижского проекта. Конституция трактовала Австрийские провинции и земли Чешской короны как совокупность коронных земель с практически одинаковыми земельными статутами, административным устройством. Им противопоставлялась усеченная Венгрия, от которой отрезались *partes adnexae* («присоединенные к ней части») — Трансильвания, Хорватия-Славония и Банат, на территории которого образовывался населенный сербами округ Воеводина. В период

с 4 по 7 марта 1849 г. рейхстаг в Кромержиже был распущен; император, как и в апреле 1848 г., пожаловал (октроировал), но не ввел в действие конституцию, написанную Ф. Штадионом. Судьба революции была, по сути, решена в конце лета, но вооруженная борьба венгров продолжалась до глубокой осени; в Австрии же революция была окончена.

С точки зрения территорий, на которые распространялось действие Пиллерсдорфской и Кромержижской конституций, наиболее ярко революционные события проявились в землях Чешской короны с их революционной столицей Прагой и в населенных словенцами провинциях Внутренней Австрии (Штирия, Каринтия и Крайна).

Словенцы в революции 1848 г.

На начальном этапе революции в *словенском* национальном движении начали оформляться два крыла — либеральное и консервативное. В апреле 1848 г. наиболее активные словенские либералы (преимущественно студенты, представители городской интеллигенции, священники) создали в Вене, Граце и Лайбахе (совр. Любляна) первые политические общества, начали издавать либеральные газеты, среди них — первую политическую словенскую газету «Slovenija» («Словения»). В марте 1848 г. каринтийский священник М. Маяр впервые выдвинул требование объединить словенские земли. Наиболее четкое оформление эта идея получила в программе венского общества «Словения», принятой 20 апреля. В ней выдвигались требования объединения всех словенцев, гарантирования равных прав словенского языка с немецким, признания Словении неотъемлемой частью Австрийской, а не Германской империи¹³. Эта программа, вошедшая в историю под названием программы «Объединенной Словении», стала первой и главной политической программой словенцев, определившей основные задачи национального движения на десятилетия вперед.

Хотя национально-политическое движение словенцев развивалось под сильным воздействием чешских и хорватских программ, программа «Объединенной Словении» не содержала, в отличие от них, никаких социально-экономических требований. Однако словенские либералы выдвинули первую, как считается, в истории Австрийской империи национальных программ, основанную исключительно на этническом принципе¹⁴, наиболее полно выражавшем интересы буржуазного развития нации. Обуславливалось это, правда, и тем, что словенцы не могли обосновывать свои политические требования, ссылаясь на историческое право. Идею Объединенной Словении поддержали весной и летом 1848 г. и некоторые словенские консервативно мыслящие политики.

В 1848 г. среди словенских политиков получили развитие идеи югославизма и австрославизма. Словенские либералы разделяли многие положения разработанной чехами австрославистской программы. Как и большинство национальных деятелей австрийских славян, словенские политики

мечтали о преобразовании Австрийской империи в конституционную монархию, в федерацию равноправных народов. В реорганизованной таким образом империи славяне, составлявшие большинство ее населения, укрепили бы свои позиции, стали бы играть решающую роль в австрийской политике. Представители формирующейся словенской нации нашли бы опору и поддержку среди братских славянских народов империи, а сохранение империи как единого экономического организма дало бы хорошие возможности для развития и укрепления слабой словенской буржуазии. Вершиной развития национально-политической мысли словенцев явилась выдвинутая М. Маяром осенью 1848 г. программа образования славянской федерации в рамках Австрийской империи¹⁵. Объединенная Словения мыслилась как составная часть этой федерации.

В 1848–1849 гг. словенцы получили первый серьезный политический опыт. Они принимали активное участие в работе австрийского рейхстага и провинциальных ландтагов. В рейхстаг в словенских землях было выбрано 17 словенских депутатов, среди которых 6 крестьян и 11 представителей интеллигенции (юристы, чиновники и т.д.). Ни одного помещика, ни одного священника не избрали¹⁶. Когда летом 1848 г. на заседаниях австрийского рейхстага был поднят вопрос об отмене феодальных повинностей, большинство консерваторов соглашались на реформу при условии уплаты крестьянами выкупа. Некоторые либералы (М. Кавчич, Я. Церер), признавая законность выкупа, основную тяжесть его выплаты стремились переложить на государство. Демократическое требование отмены феодальных повинностей без выкупа выдвинули депутат рейхстага А. Черне и штирийский либерал С. Кочевар. Выделение демократической тенденции в либеральном течении по вопросу об отмене феодальных повинностей свидетельствует о том, что летом — в начале осени 1848 г. словенское национальное движение поднялось на новую ступень политической зрелости¹⁷.

Новые политические требования словенцев, предполагавшие передел внутренних границ империи, вызвали отпор со стороны немецких национальных деятелей. Борьба за и против Франкфуртского национального собрания, подавление Пражского восстания правительственными войсками и антиславянские выступления немецкой прессы способствовали росту антинемецких настроений в среде словенских национальных деятелей. Начало словенско-немецкому политическому антагонизму было положено. Пика он достиг в период Октябрьского восстания в Вене, воспринятого большинством словенских национальных деятелей, вслед за чешскими и хорватскими либералами, как «бунт против славян», угрожающий распадом империи и крахом их национальных чаяний. Разгром Октябрьского восстания они сочли победой австрийского славянства, ошибочно полагая, что теперь австрийские власти пойдут на удовлетворение их требований.

В период революции 1848–1849 гг. в словенских землях обозначился разрыв между крестьянским и национальным движениями, каждое из которых развивалось своим путем. Причиной этого было, с одной стороны,

игнорирование словенскими национальными деятелями крестьянского требования отмены феодальных повинностей без выкупа, а с другой — неразвитость национального самосознания в крестьянской среде. Большинство словенского населения той поры не проявляло интереса к национальному вопросу. Деятели словенского национального движения осуждали крестьянские восстания, достигшие пика в марте–апреле 1848 г., и призывали крестьян продолжать выполнять феодальные повинности. Летом 1848 г., вследствие уступок правительства, крестьянское движение в основном вошло в легальное русло, а после провозглашения императорского Манифеста об отмене феодальных повинностей практически сошло на нет.

Попытка некоторых словенских либералов объединить национальный вопрос с социальным, привлечь крестьян к национальному движению осязаемого успеха в 1848 г. не имела. Однако в словенской либеральной среде росло понимание того, что без широкой поддержки народа национальное движение не сможет развиваться успешно. Тогда были сделаны первые шаги на пути к последующему сближению крестьянского и национального движений, осуществившемуся уже в 1860-е гг.

В период наступления реакции (ноябрь 1848 — начало марта 1849 г.) усилилась консервативная направленность в словенском национальном движении. Большинство национальных деятелей постепенно отказались от идеи Объединенной Словении, заменив ее более реальным и умеренным требованием национального равноправия. Политическая деятельность словенских обществ к концу указанного периода затихла. Позиции либералов и консерваторов сблизились. Понимая, что революция кончается, словенские национальные деятели выказали готовность пожертвовать своими наиболее радикальными национально-политическими требованиями ради достижения хотя бы минимума национальных прав.

Политические направления в словенском национальном движении в 1848–1849 гг. еще не оформились окончательно. Характерно, что в 1848 г. у словенцев не сложилось единого национального центра, а общества плохо координировали свою политику. Национально-политическое движение, не опиравшееся на поддержку широких слоев народа, вступило лишь в начальную фазу своего формирования, отставая в этом плане от польского, чешского, хорватского, сербского.

Революция 1848 г. в Чешских землях

События начала 1848 г. в Париже и Вене стали катализатором чешского национального движения, направившим его из общественно-культурного поля в сферу политики. Плавный национальный ренессанс в первые революционные месяцы превратился, по словам современников, в «чешскую лихорадку»¹⁸, когда для патриотично настроенной городской интеллигенции, мелкой шляхты и студенчества использование чешского языка, издание

газет и составление программных документов на нем стали неотъемлемой частью не только нового политического климата, но и фундаментом для конкретных требований, все громче звучавших из Богемии и Моравии.

Петиционное движение в Вене без труда нашло отклик в среде пражских активистов. 11 марта 1848 г. в здании Святовацлавских купален прошло собрание, на котором было представлено два проекта петиций. Автором первого были члены радикального союза «*Repeal*», выдвинувшие широкую, но плохо проработанную в деталях программу, подразумевавшую проведение равных выборов в сеймы и парламент, свободу слова, печати, собраний и вероисповедания, равноправие чешского и немецкого языков, упразднение барщины и помещичьего суда. С более скромной и внутренне логичной петицией выступили либеральные круги, построившие свой текст вокруг концепции государственного права и укрепления земских институтов.

Объединение двух программ было поручено сформированному на собрании Святовацлавскому комитету, к 14 марта подготовившему документ из 11 пунктов, основанный главным образом на первой программе либералов. В нем постулировалось единство земель Чешской короны, необходимость уравнивания языков, самостоятельность местного самоуправления, открытые суды, свобода слова и вероисповедания. Петиция была предложена императору в момент, когда уже был отправлен в отставку Меттерних и прозвучало обещание даровать конституцию, однако надежды чешской делегации на столь же благоприятное решение в их пользу оказались преждевременными: Фердинанд поддержал лишь пункты об уравнивании языков, местном самоуправлении и частные требования о снижении ряда налогов. Святовацлавский комитет немедленно выступил с новой петицией, не только более подробно освещавшей прежние пункты, но и содержащей, по сути, требование национальной автономии, которая заключалась бы в создании собственных законодательных и исполнительных органов, общих для трех исторических провинций, ответственных перед особым Министерством по чешским делам. Ответ императора, в составлении которого немало поучаствовал Франц Пиллерсдорф, вновь удовлетворял этим требованиям лишь частично: ключевой пункт об автономии было решено оставить в компетенции имперского сейма. В то же время Фердинанд подтвердил согласие с той частью требований, которые уже звучали ранее, а также пообещал издать новый избирательный порядок для земских сеймов, позволивший бы участвовать в выборах городскому сословию и зажиточным селянам.

Богемской общественностью такой ответ был воспринят, скорее, позитивно — как подтверждение принципиальной готовности центра к компромиссу в будущем¹⁹. Однако сформулированные в Праге идеи не нашли полной поддержки среди моравских политиков, не согласных с идеей централизации внутри земель Чешской короны, противоречившей собственным земским амбициям моравян. Этот же потенциальный компромисс стал поводом для размежевания чешского и немецкобогемского политических движений. Для последнего была неприемлема не только идея о равноправии языков, но и

автономистская государственно-правовая программа. В этот момент богемские немцы перешли на позиции централизма, которые в будущем станут отправной точкой для немецкобогемской политической практики. Тогда же была заложена тенденция преследовать собственные национально-политические и культурные требования, а также национально мотивированное отношение ко всем политическим, государственно-правовым и конституционным проблемам, возникавшим в это бурное время²⁰.

Характерным воплощением этой тенденции стало отношение чешских и немецкобогемских политиков к готовившимся в то же самое время выборам общенемецкого парламента во Франкфурте. В то время как среди немцев концепция объединенной ассамблеи Германского союза не вызывала сомнений, чешские политики отнюдь не были готовы к участию в собрании в статусе интегральной части Австрии и, следовательно, германского мира. На предварительное заседание был приглашен Франтишек Палацкий — и отказался от участия в нем, выразив в знаменитом «Письме во Франкфурт» точку зрения почти единогласно поддержавшей его чешской общественности. Изначальный тезис о том, что чехи — самостоятельный народ, не видящий себе места в объединенном немецком государстве, лег в основу концепции австрославизма — одной из крупнейших программ, оформившихся в стане чешских политиков. Она подразумевала федералистское преобразование страны в конгломерат национальных автономий, среди которых были бы чешская, польско-русинская и югославянская. Преследуя цель ограничить немецкое культурное влияние на ненемецкие территории, идеологи австрославизма оставались австрийскими патриотами, во главу угла ставившими сохранение империи как таковой. Именно в федеративной Австрии, по мнению Палацкого, малые славянские народы могли найти убежище от могущественных соседей — России и Пруссии, и тем самым сохранить себя.

Альтернативой немецкому съезду, задуманной в духе австрославизма, был призван стать Славянский съезд, открывшийся в Праге 2 июня. Изначально он должен был собрать представителей славянских народов Австрии, однако к нему спонтанно присоединились также познанские поляки, южные славяне и украинцы. Помимо разнородных государственных концепций (например, австрийские славяне в основном были склонны поддержать идею сохранения Австрии, тогда как поляки размышляли о славянской империи, в рамках которой могла бы возродиться объединенная Польша), участники съезда принадлежали к широкому политическому спектру — все это отнюдь не способствовало эффективности и содержательности заседаний съезда. Задачи собрания звучали так: «1. Подготовить манифест к европейским народам, который бы подытожил решения съезда; 2. Подготовить петицию к императору с требованиями славянских народов Австрии; 3. Создать союз славянских народов для защиты их интересов»²¹. В рамках петиции делегаты съезда требовали тех же прав, что имели немцы и венгры, а общий манифест говорил о необходимости обновления австрийского государства в форме союза равноправных народов.

Решения съезда имели достаточно общий характер, чтобы породить разнообразные толкования, зачастую спекулятивные. С одной стороны, поддержанная широкой славянской ассамблеей концепция федерализации монархии занимает место в ряду крупных программ преобразования империи как наднационального образования. Она явно родилась под влиянием идей Французской революции, развив концепцию индивидуального равноправия до коллективного права народов на равенство. С другой стороны, многие современники съезда и, впоследствии, отдельные течения историографии использовали общеславянский пафос съезда как повод приписать его участникам и организаторам панславистские амбиции как в культурном, так и в политическом отношении. Впрочем, те документы, которые успел подготовить съезд, эту точку зрения подтвердить не могут.

Работа Славянского съезда была прервана восстанием в Праге, спонтанно начавшимся 11 июня с вооруженного разгона полицией очередной демонстрации. Немецкие круги усматривали в демонстрации антинемецкую направленность; чехи, в свою очередь, посчитали этот конфликт провокацией со стороны властей, призванной прервать славянскую ассамблею и политическое движение в Богемии в целом. Действительно, после жестокого подавления восстания силами Альфреда Виндишгретца, военного коменданта Праги, в Чешских землях было введено военное положение, по сути поставившее точку в череде революционных событий в регионе. Этому же способствовали и подавление восстания в Вене осенью того же года, и созыв уже упомянутого выше рейхсрата. Возможность перехода к парламентскому способу поиска компромисса стала новой надеждой для чешской политики, склонившейся к умеренной позиции и даже поддержке Вены в надежде на взаимовыгодное сотрудничество.

Несмотря на столь скромное по сравнению с изначальными требованиями завершение революционного движения в Чешских землях, события 1848 г. безусловно очертили облик богемской политики на десятилетия вперед. Революционные месяцы породили государственно-правовую платформу чешского национализма — автономистскую идею и ее онтологический фундамент — концепцию австрославизма. Кроме того, в собраниях и съездах выкристаллизовалось несколько направлений, ставших предтечами политических партий региона, и сформировалась характерная для Чешских земель конфигурация, в которой сосуществовали аналогичные партийные спектры с чешской и немецкой стороны.

Так, в чешской политике выделился влиятельный либеральный лагерь, ставивший во главу угла обеспечение чешских национальных интересов в рамках Габсбургской монархии (его лидерами были Франтишек Палацкий, Франтишек Ладислав Ригер, Карел Гавличек Боровский, Франтишек Августин Браунер). Интересы знати и крупных помещиков защищали консерваторы (под руководством Лео Туна и Йозефа Иречека). Странники радикальных демократов критиковали чрезмерную лояльность других групп к деятельности властей и выступали за необходимость утверждать чешские

интересы радикальными методами (это крыло концентрировалось вокруг Эмануила Арнольда, Карела Сабины, Йозефа Вацлава Фрича).

Подобный процесс проходил и у чешских немцев. Лидерами немецко-богемских либералов были Людвиг Лёнер, Карл Эгон Ебер, Уффо Даниел Горн, Алоиз Боррош, Франц Гейн. Радикальное крыло представляли Людвиг Рупперт, Хартман Цайбиг, Адольф Фикер. Заявила о себе и консервативно настроенная группа общественных деятелей, чиновничества и отчасти мещанства, лояльно относившихся к династии.

События середины века, однако, не привели к формированию полноценного партийного спектра — своеобразную, хотя и временную точку в этом процессе поставила октроированная Конституция 4 марта 1849 г., ограничившая большую часть либеральных свобод. Речь шла о сужении функций парламентских органов, строгом контроле над печатью и собраниями — иными словами, под вопрос ставилось большинство традиционных механизмов политической жизни²².

Революция 1848 г. в Галиции

1848 год в Галиции проходил не менее бурно, нежели в других частях империи, да и Европы в целом. Революционные события начались 19 марта 1848 г. во Львове, когда состоялась массовая манифестация с требованием введения гражданских и политических свобод и полной отмены крестьянских повинностей²³. 25 апреля 1848 г. был опубликован проект конституции Австрийской империи, предусматривающий введение демократических свобод и ликвидацию пережитков феодализма. Это вызвало новый всплеск либерального движения в Галиции. Центром революции стала Рада народов (Национальный совет) во Львове, под руководством которой в городах и местечках провинции была создана целая сеть революционных органов управления и отделения национальной гвардии, насчитывавшей около 20 тыс. человек. Рада народов просуществовала до начала ноября 1848 г., когда правительственные войска обстреляли Львов и ввели в Галиции военное положение. Фактически так в Галиции закончился период увлечения участниками польского национального движения идеей вооруженного восстания.

В отличие от других народов империи, в том числе и поляков, галицийские русины подошли к революции 1848 г. практически неподготовленными, не имея ни сформировавшегося представления о своей национальной идентичности, ни четко сформулированных национальных требований, ни опыта политической борьбы. Первой политической организацией, представлявшей интересы «русского» населения, стала созданная в мае 1848 г. Головна руська рада (Главный русский совет), председателем которой избрали грекокатолического митрополита Г. Яхимовича. Первоочередной задачей Рады называлась декларация самостоятельности «русского» населения Галиции. В воззвании Рады к русинам от 10 апреля 1848 г. говорилось: «Мы, русины Галицкие,

принадлежим к великому руському народу, который говорит на одном языке и составляет 15 миллионов, из которых два с половиной населяют Галицкую землю». Тезисы декларации соответствовали устойчивому представлению о том, что «русское» население Австрии генетически ближе малороссийскому племени, которое, в свою очередь, является составной частью единого русского пространства. Тогда же, в июне 1848 г., Головной руськой радой впервые был поставлен вопрос о создании отдельной «руськой» провинции, в которую были бы включены часть Галиции и часть Буковины. Эти требования Головной руськой рады были поддержаны и представителями «русского» населения Буковины. В конце 1848 г. несколько русинов — депутатов рейхсрата от Буковины подали прошение императору о сохранении единства Буковины и Галиции и создании на их основе особой «руськой» провинции. Подобные предложения шли вразрез с позицией «Буковинского комитета», возникшего в апреле 1848 г., чьим основным требованием, наряду с обеспечением равноправия народов, населявших регион, было отделение Буковины от Галиции и создание отдельного коронного края. Именно эти требования были поддержаны Веней, и в марте 1849 г. Буковина получила статус самостоятельного коронного края, а император Франц Иосиф к своим многочисленным титулам добавил титул великого герцога Буковины. В результате здесь даже не были созданы комитеты Головной руськой рады, и национальное движение русинов в этом регионе не получило в этот момент развития²⁴.

В этот период перед галицийскими активистами «русского» национального возрождения остро встал вопрос об определении своих отношений с польским национальным движением. Несмотря на то что взаимоотношения польского и «русского» населения были достаточно сложными, на протяжении длительного исторического периода конфликт между двумя основными населявшими Галицию этносами в это время носил, скорее, латентный характер. Теперь же, в ходе событий 1848–1849 гг., противоречия в интересах польского и «русского» населения стали очевидными. В то же время в среде галицийских русинов сильны были и пропольские настроения. Так, в качестве альтернативы Головной руськой раде, занимавшей подчеркнуто лояльную по отношению к Габсбургам позицию, был создан «Руський Собор», костяк которого составляли представители полонизированной интеллигенции. Представители этого объединения видели в польско-русинской консолидации основу для будущего урегулирования национальных противоречий в регионе²⁵.

Подавление революционных выступлений, как ни парадоксально, способствовало заметному росту национального самосознания восточнославянского населения Австрийской империи, и в частности Галиции. Особую роль в этом сыграл «марш Паскевича», переброска в Венгрию для подавления революции крупного русского корпуса. Появление в пределах Габсбургской империи значительного числа русских солдат, говоривших на понятном русинам языке и молившихся по православному обряду, несомненная военная мощь русского корпуса — все это способствовало росту пророссийских настроений среди русинов Галиции.

Революция 1848 г. в Буковине

Заметно большее развитие в этот период получило румынское национальное движение в Буковине. В отличие от соседней Трансильвании, где не было своего румынского дворянства, в Буковине оно существовало, и румыны здесь по сути представляли собой этнос с полной социальной структурой. В условиях революционной ситуации в империи, еще до начала Венского и Венгерского восстаний, 13 февраля 1848 г., делегация, составленная из буковинских румын, адресовала императорскому двору меморандум с требованиями не только автономии края как одной из австрийских провинций, но и создания в перспективе под скипетром Габсбургов румынского герцогства и прибавления к многочисленным титулам императора «великого герцога румын», что означало бы признание не только особого статуса Буковины, но и ее румынского характера. Идея автономии края (без акцента на его румынский характер) находила поддержку также в польских кругах Буковины, принимавших участие в работе «Буковинского комитета».

Заметный радикализм формировавшемуся в Буковине румынскому движению придавала обосновавшаяся в крае эмиграция из Молдавского княжества — после ввода туда в 1848 г. российских войск в целях пресечения возможных беспорядков в Буковину бежали будущий господарь-объединитель Молдавского и Валашского княжеств А.И. Куза, будущий премьер-министр и министр иностранных дел Румынии, выдающийся публицист, историк и писатель М. Когэлничану, крупный поэт В. Александри, написавший именно в Черновцах поэму-манифест «Пробуждение Румынии». В Буковине, ставшей в 1848–1849 гг. центром румынской революционной эмиграции, разрабатываются важные программные документы зарождавшегося румынского объединительного движения. Так, Когэлничану пишет здесь программный манифест «Чаяния национальной партии Молдовы», под его же редакцией готовится проект будущей конституции Молдавского княжества. Программа-минимум сводилась к достижению автономии Буковины как отдельного коронного края, однако получили хождение и проекты объединения всех румынских земель в монархии Габсбургов в одну административную единицу. Программа-максимум предполагала создание дако-романского государства под эгидой Австрии, куда вошли бы Трансильвания, Банат и Буковина. Радикальная румынская эмиграция в Черновцах внимательно и заинтересованно следила за действиями венгерской революционной армии.

В условиях, когда монархия Габсбургов переживала трудности и не исключалась перспектива ее развала, самый смелый вариант не исключал даже более радикальной перекройки границ в регионе и возвращения Буковины в случае благоприятной внешнеполитической конъюнктуры Молдавскому княжеству либо включения ее в состав единого румынского государства, которое должно было неминуемо возникнуть в результате объединения Молдавского и Валашского княжеств. С активизацией в 1848 г.

национального движения трансильванских румын устанавливаются его непосредственные связи как с боярскими кругами Буковины, так и с весьма умеренной буковинской православной иерархией во главе с епископом Е. Гакманом. Как в Трансильвании (Надьсебенский епископ А. Шагуна), так и в Буковине (Е. Гакман) православные румынские иерархи не мыслили будущего окормляемых ими земель без сохранения Габсбургской империи, предоставляющей румынам, в ней проживающим, больше возможностей для полноценного национального развития. Буковинцы входили в возглавляемую А. Шагуной депутацию румынских политиков, вручившую императору меморандум с просьбой объединения румынских земель в монархии в одну административную единицу. Важным инструментом активизации национального сознания в образованных кругах румынского общества стало возникновение в 1848 г. прессы на румынском языке — газет «Vucovina» и «România». Вместе с тем влияние прессы сильно ограничивалось массовой неграмотностью крестьянства.

Многонациональное Венгерское королевство в революции 1848 г.

Как и в иных землях Австрийской империи, революция, разразившаяся в первые мартовские дни 1848 г. в Пеште, решала три основные задачи. *Во-первых*, замена феодальных отношений буржуазным гражданским обществом, основанным на равенстве прав. *Во-вторых*, трансформация монархического абсолютизма или «феодального конституционализма» на либерально-конституционных принципах. *В-третьих*, обновление государственного устройства в духе современных представлений о нации, предполагавших для каждой национальной группы в полиэтничной стране долю в государственном суверенитете, свободу говорить на родном языке, в том числе получать на нем образование. Новая концепция государства, политической системы, общественного устройства была предложена обществу в так называемых апрельских законах, которые стали плодом многолетнего предшествующего развития венгерского парламентаризма.

Аналогом «предмартовского периода» в Венгрии можно по праву считать «эпоху реформ» — период с 1825 по 1848 г. Символически ее начало связывают с заявлением одного из ведущих политиков страны — графа Иштвана Сечени о том, что сумму, равную годовому доходу со своих поместий, он жертвует на создание Венгерской академии наук. На самом деле это событие стало квинтэссенцией того возбуждения, которое охватило в середине 1820-х гг. венгерскую политическую элиту, прежде всего депутатов Государственного собрания пяти созывов, живо обсуждавших планы реформирования государства, экономики, общественного устройства. Именно тогда прозвучали требования отмены феодальных ограничений на отчуждение земельной собственности, упразднения поземельной зависимости крестьянства, развития промышленности и торговли, юридических

гарантий равенства всех граждан перед законом, введения свободы печати. Большинство смелых проектов так и остались на бумаге. (Знаковым можно считать принятие в 1844 г. закона о венгерском государственном языке, пришедшем на смену многовековому господству латыни.) Формирование политического спектра будущей Венгрии происходило в острой полемике вокруг содержания и путей реформ, которая начиналась в парламентских кулуарах и казино (аристократических клубах), но быстро перекочевала в неформальные собрания единомышленников по всей стране, став едва ли не главным содержанием газет, как разрешенных цензурой, так и распространявшихся в обход нее.

Не случайно, что партии буржуазной Венгрии генетически возводятся к неформальным объединениям политиков-парламентариев, основанным в канун революции 1848 г. В ноябре 1846 г. группа молодых аристократов во главе с графом Эмилем Дежёффи создали Консервативную партию. Их политическим идеалом было согласование интересов Венгерского королевства с интересами Австрийского дома, более тесная интеграция в институты империи, умеренные реформы: народное представительство при высоком имущественном цензе, ограниченная свобода печати, слова, вероисповедания. Те, кто не довольствовался половинчатыми мерами, группировались вокруг Национального кружка и отпочковавшегося от него Пештского кружка. Их члены вели речь о государственном суверенитете, об ограничении связи с Габсбургами личной унией, о более решительных шагах, направленных на уничтожение феодальных пережитков в экономике и общественном устройстве. В марте 1847 г. они объединились в Оппозиционную партию. В ее рядах оказались яркие лидеры, с которыми будет связана история Венгрии в XIX в., — Лайош Кошут, Ференц Деак, Берталан Семере, Йожеф Этвэш. Некоторые политики, такие как И. Сечени, не примкнули ни к одному из объединений.

Как и в Австрии, венский двор, застигнутый потоком событий врасплох, не был в состоянии ни остановить революционный процесс в Венгрии, ни повлиять на него. 17 марта 1848 г. император Фердинанд I (как венгерский король — Фердинанд V) утвердил первое венгерское ответственное правительство во главе с членом Оппозиционной партии графом Лайошем Баттяни. Меньше месяца спустя, 11 апреля, государь санкционировал 31 закон, принятый на восторженно приветствовавшем революцию Государственном собрании. Эти законы во многом стали юридическим оформлением лозунгов из так называемых «12 пунктов», сформулированных Кошутом и его единомышленниками и распространявшихся в листовках в первые дни революции. Законы предписывали создание (уже фактически действовавшего) ответственного венгерского министерства (ст. 3), ежегодный созыв Государственного собрания (ст. 4), депутаты которого избирались бы по принципу народного представительства (ст. 5), объединение Венгрии и Трансильвании (ст. 7), отмену поземельной зависимости крестьян и порядок компенсаций помещикам (ст. 12), свободу прессы (ст. 18)²⁶. На полгода в стране установился конституционный строй.

Правительство столкнулось с задачами непредвиденной сложности. Попытки заручиться на международной арене поддержкой Великобритании и Национального собрания во Франкфурте вызвали возмущение двора. Австрийские либералы, вместо того чтобы поддержать единомышленников в Пеште, не соглашались с воссоединением Венгрии и Трансильвании и аплодировали антивенгерским действиям хорватского бана Й. Елачича. В стране, где мадьяры не составляли и половины населения, реализация в полной мере национальных чаяний меньшинств (составлявших в совокупности большинство) грозила нарушением территориальной целостности и ставила под угрозу проведение программы либеральных реформ. Удовлетворение в полной мере ожиданий крестьянства грозило лишить правительство поддержки значительных сегментов политической, административной и экономической элиты. Выборы в новый парламент, прошедшие весной–летом 1848 г., проводились так, чтобы обеспечить правительству поддержку со стороны депутатского корпуса. В рядах 414 парламентариев — где отсутствовали представители Хорватии, зато впервые присутствовали депутаты от Трансильвании — подавляющее большинство (74%) составляло поместное дворянство, в том числе 26 аристократов; остальные — городская буржуазия (нередко с дворянской грамотой). Около трети депутатов вышли из комитатского служилого дворянства, двое были крестьянами. Практически никто из сторонников Консервативной партии в парламент не прошел.

Согласно закону № 5 от 1848 г., право голоса получило около 7% населения, что в целом соответствовало нормам, действовавшим в то время в других европейских странах. Однако барьеры имущественного и образовательного ценза стали причиной того, что различные этносы были представлены в новом парламенте неодинаково. Диспропорции представительства отдельных этносов, населявших земли Венгерской короны, иллюстрирует таблица, составленная французским историком венгерского происхождения Кароём Кечкемети²⁷:

Национальность	Число депутатов	Удельный вес в депутатском корпусе, %	Численность населения в Венгрии и Трансильвании, тыс. человек	Удельный вес в населении, %
Венгры (мадьяры)	368	81,8	5180	46,3
Румыны	25	5,6	1900	17,0
Словаки	5	1,1	1700	15,2
Немцы	33	7,3	1170	10,5
Сербы	9	2,0	385	3,4
Хорваты	3	0,7	80	0,7
Русины	2	0,4	440	3,9
Евреи	–	–	255	2,3
Армяне, итальянцы	5	1,1	72	0,6

Тем временем между премьер-министром Баттяни и министром финансов Кошутом углублялись разногласия стратегического характера. Надежды венгерского правительства на то, что находившийся в Инсбруке в изгнании венский двор — в обмен на помощь в подавлении революции в Ломбардии-Венеции — перенесет столицу в Пешт-Буду и тем самым де-факто признает государственный суверенитет Венгрии, рассеялись после побед на итальянском фронте маршала Й. Радецкого. Срочно выработанная концепция разрешения конфликта с хорватами, предусматривавшая возможность их полного отделения от Венгрии, *во-первых*, была оглашена слишком поздно, *во-вторых*, противоречила планам Вены. Необходимо было сохранить территориальную целостность земель Венгерской короны путем удушения революции верными Габсбургам хорватами, а не поощрять сепаратистские настроения в их рядах. 10 сентября Баттяни, полагая, что способы конституционного решения конфликта с династией исчерпаны, подал прошение об отставке, которая, однако, не была принята. На следующий день Елачич перешел реку Драва и двинул войска на столицу Венгрии.

Если Баттяни искал любые пути, чтобы сохранить связь Венгрии с владениями Австрийского дома, Кошут не упускал возможности, чтобы закрепить достигнутый путем революционных преобразований суверенный статус страны. При горячей поддержке своих сторонников в парламенте он создал и возглавил Национальный комитет обороны, ставший в условиях фактической отставки кабинета Баттяни венгерским правительственным органом. По мнению американского историка венгерского происхождения И. Деака, с сентября 1848 по апрель 1849 г. в Венгрии установилась диктатура, но диктаторские полномочия были вручены Кошуту парламентом, и ответственность за принятие решений он, по крайней мере на начальных этапах, делил с товарищами по комитету.

Тем временем в Вене все громче звучали голоса тех, кто призывал к поиску мирного решения. Предлагалось поставить во главе вооруженных сил королевства фигуру, приемлемую для венского двора, правительства в Пеште и бана Елачича. Выбор пал на генерала графа Франца Ламберга, который отправился на переговоры с венгерскими либералами во власти. Однако этому плану не было суждено сбыться: 28 сентября разъяренная пештская толпа напала на карету, в которой ехал венский эмиссар, и зверски его убила. 2 октября граф Баттяни подал в отставку. Императорско-королевским манифестом от 3 октября 1848 г. преемником покойного Ламберга был назначен Елачич, а в Венгрии объявлено военное положение.

После кратковременных успехов в сентябре–октябре, когда венгерские войска сначала отразили наступление Елачича, а затем, спеша на помощь восставшей Вене, вторглись на территорию Австрии, наступил период трудных боев на венгерской земле: 13 декабря усмиритель Вены генерал Альфред Виндишгрец повел императорские войска на усмирение непокорной Венгрии. Революция перешла в освободительную войну. Лишь организаторскими талантами Л. Кошута и полководческим дарованием А. Гёргея, а также

колоссальным воодушевлением, охватившим все слои венгерского общества, можно объяснить, что в кратчайшие сроки была создана боеспособная национальная армия, успешно отражавшая натиск противника.

Опасность, грозившая Пешт-Буде, вынудила парламент в январе 1849 г. переехать на восток страны, в Дебрецен. Хотя парламент «в изгнании» принял решений меньше, чем за период работы в Пеште, историческое значение форума состоит в том, что он одним своим существованием легитимировал деятельность ответственного правительства. Впрочем, после отставки Баттяни от правительства осталось одно название: министр иностранных дел князь Эстерхази давно порвал с «кликкой Кошута», министр транспорта И. Сечени с тяжелейшим душевным расстройством находился в закрытой клинике, только военный министр Месарош трудился не зная отдыха над созданием боеспособной армии. Большинство депутатов принадлежали к так называемой партии мира, искавшей пути разрешения конфликта с венским двором. Группа радикальных политиков, объединенных в «Общество равноправия», требовала расширения избирательного права и отмены существующих элементов социальной иерархии, но их насчитывалось не более 30 депутатов. Председатели обеих палат к тому времени перешли на сторону императора. Не поддержавшие революцию члены Консервативной партии, выбравшие местом жительства Вену, открыто составляли проскрипционные списки на случай скорейшего подавления революции.

С осени 1848 г. министры венского двора искали пути умиротворения Венгрии и видели своих естественных союзников в национальных движениях, выступавших против венгерских либералов. В те дни рождались и всерьез обсуждались различные проекты территориальной дезинтеграции Венгрии. Один из них, внесенный Карлом Людвигом Розенфельдом, предлагал разделить территорию Венгерской короны по этническому и отчасти топографическому принципу. Решение во многом предвосхищало модель, навязанную Венгрии в 1920 г. в рамках Трианонского мирного договора: на западе страны обособлялись области, где компактно проживали немцы (для них также предусматривались анклавов внутри королевства), на севере обретали этническую территорию словаки, на востоке — румыны, на юге — сербы и хорваты.

Впрочем, эгоизм лидеров и центробежный характер программ национальных движений убедил Вену в необходимости максимально сохранить единство земель Венгерской короны и сделать исключения лишь для территорий, обладавших автономным статусом по историческому праву. В Конституции 4 марта 1849 г. предусматривалось отделение от Венгрии трех важнейших областей — Трансильвании, Хорватии-Славонии и Сербской Воеводины и Темешского баната. Это решение вызвало в стане революционеров бурю возмущения: ведь росчерком монаршего пера фактически ликвидировалась многовековая венгерская государственность. Ответом стала Декларация о независимости от 14 апреля 1849 г., низлагавшая Габсбургов с венгерского престола. Запоздалые поиски путей сближения с

национальными лидерами и попытки компромиссного удовлетворения их требований 28 июля 1849 г. увенчались принятием закона о национальностях (за который проголосовал парламент, переехавший к тому времени на юг Венгрии — в Сегед). Однако дни венгерской революции были сочтены: 13 августа армия под командованием Гёргея, которому Кошут передал всю полноту полномочий, капитулировала перед войсками под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича, направленного императором Николаем I, по договоренности, достигнутой с Францем Иосифом в мае 1849 г. в Варшаве, на подавление венгерского мятежа. Начался период казней, расправ, насаждения нового государственного порядка.

В условиях революции, начавшейся 15 марта 1848 г., *сербы* оказались между австрийскими властями и венгерским правительством, как между молотом и наковальней: не имея собственных сил для борьбы за национальные права, они были вынуждены выбирать меньшее из двух зол. Поддержав венгров во главе с Кошутом, они подписали бы смертный приговор своей национальной индивидуальности; оставшись же на стороне Австрии, стали бы слепым орудием в борьбе между Веной и Пештом.

В сложившейся ситуации, когда никто не знал, какую из сторон выбрать, так как ни одна ни другая не обещала ничего хорошего, митрополит Карловицкий Иосиф Раячич считал, что сербам лучше занять выжидательную позицию и соблюдать нейтралитет. Однако в своем обращении к «православному народу, консистории и епископам» он заявил, что «своим верным подданным император дарует новые милости, новые права, новые свободы», а старые привилегии сохранит и приумножит. Митрополит уверял паству, что развитие всех народов империи возможно только «под скипетром великой Австрийской империи» и необходимо переждать эти бурные дни в спокойствии и смирении и оградить себя от влияния «болтунов, смутьянов и бунтовщиков»²⁸. Так митрополит охарактеризовал молодых сербских политиков, которые 21 марта 1848 г. организовали в Нови-Саде революционный комитет во главе с отставным подпоручиком Джордже Стратимировичем и распространяли среди горожан манифест, основная мысль которого заключалась в том, что «свобода на своем пути заглянула к сербам домой и здесь она воздвигнет свой алтарь»²⁹. 27 марта 1848 г. комитет объединил усилия с кружком сербских политиков из Пешта, и вместе они выдвинули состоящую из 17 пунктов программу «Требования сербского народа» венгерскому правительству. Главными из них были свободное использование сербского языка, автономия церкви и школы. Это обращение содержало дипломатичный призыв: «Верность королю, любые жертвы на благо Отечества, братскую любовь — венграм»³⁰. Отстаивая национальные интересы сербов, несмотря на принесенную Австрии присягу, Стратимирович был готов на выгодных условиях сотрудничать с венграми, пренебрегши посулами митрополита Раячича, вокруг которого начали объединяться будущие австрофилы.

В апреле 1848 г. в Пресбурге состоялись сербско-венгерские переговоры, на которых делегация из Нови-Сада изложила свои требования Государ-

ственному собранию королевства. На очередном раунде, как потом оказалось последнем, Стратимирович перехватил инициативу у главы сербской миссии адвоката А. Костица и вступил в ожесточенный спор с Л. Кошутом. От лица народа он призывал вернуть сербам привилегии, данные им в 1690 г. императором Леопольдом I, действие которых отменило революционное правительство, и признать сербов нацией. Кошут отвечал, что «в Венгрии может быть только одна нация — венгерская». Стратимирович предостерег его, что сербы вполне могут «обратиться к противоположной стороне», т.е. к венскому двору. Ставшая знаменитой фраза Кошута: «В таком случае нам придется скрестить мечи» — поставила точку в данном споре, но последнее слово, по свидетельствам Й. Полита, непосредственного участника этих событий, было за Стратимировичем — он парировал гневную реплику, заявив, что «серб никогда не был трусом»³¹.

Результаты переговоров огорчили сербскую общественность в первую очередь потому, что они лишились возможности легально бороться за национальные права, поскольку венгерские власти не позволяли сербам создать народное представительство. И хотя правительство пошло на уступки и 26 апреля 1848 г. разрешило проведение церковного сабора, возмущенные непреклонной позицией Кошута сербы фактически заставили патриарха Раячича 13–15 мая 1848 г. созвать в Сремских Карловцах скупщину. Депутаты были настроены разорвать взаимоотношения с венграми, а в решении национального вопроса искать поддержки у двора и Триединого королевства. Категорически против выступал Яков Игнятович, убеждавший сербов Венгерского королевства просить помощи у Сербского княжества. Во главе с Йованом Хаджичем сформировался лагерь мадьяронов, готовых ради конкретных результатов пойти на сотрудничество с венгерским правительством.

В первый же день на скупщине сербским воеводой выбрали Стевана Шупликаца, Иосифа Раячича провозгласили митрополитом, создали правительство — Главный одбор во главе с Джордже Стратимировичем. В последующие дни были сформулированы основные требования: «национальная свобода и независимость под управлением царствующего дома Габсбургов в составе Венгерского королевства»; провозглашена Сербская Воеводина, включавшая в себя регионы Срем с Военной границей, Бачка, Баранья и Банат и состоявшая в союзе с Триединым королевством Хорватии и Славонии³².

По завершении майской скупщины ситуация обострилась. В июне венгерские войска вступили на территорию Воеводины и устремились в Сремски Карловцы, чтобы расформировать сербское правительство. В Инсбруке император Фердинанд I не принял требования, доставленные делегацией во главе с патриархом Раячичем. Сербские отряды под командованием Д. Стратимировича терпели поражения от войск Я. Храбовского. Сложившееся положение дел усугубляло противостояние патриарха и «народного генерала», отчаянно боровшихся за роль единственного вождя сербского национального движения. Единственный выход из этой ситуации виделся в союзе с хорватами под предводительством бана Йосипа Елачича.

Начало боевых действий Вены против венгров в октябре 1848 г. решительным образом повлияло на судьбу сербского движения. То обстоятельство, что во главе австрийских войск на землях короны св. Стефана был поставлен хорватский бан, привело к росту влияния патриарха Раячича на сербское общество, а Д. Стратимирович вынужденно уступил в политической борьбе и вернулся на службу в чине подполковника³³. Без него Главный одбор утратил свое значение, а сербские войска влились в австрийскую армию.

Окончательным разочарованием стала октроированная Конституция 4 марта 1849 г., согласно которой предполагалось вхождение Сербской Воеводины в состав Хорватии или Венгрии. Надежда патриарха Раячича, что сербские земли приобретут статус коронных, обратилась в прах. Следующий удар Вена нанесла 2 апреля 1849 г., когда Венгрия была поделена на семь округов, один из которых составила Воеводина³⁴. Все достижения сербского национального движения с этого момента оказались под вопросом.

Для *словаков* революция 1848–1849 гг. ознаменовала заметный прогресс в укреплении национального движения и постепенном обособлении от венгров. В сентябре 1848 г. в Вене был создан Словацкий национальный совет во главе с Людовитом Штуром, Йозефом Милославом Губаном и Михалом Милославом Годжей. Совет, придерживавшийся подчеркнуто прогабсбургской и антивенгерской ориентации, отстаивал идею автономии Словакии в составе Венгрии. Также был сформирован словацкий добровольческий отряд для борьбы с венгерскими повстанцами. Правда, оба его похода в сентябре и декабре 1848 г. окончились неудачей.

Несмотря на тесное сотрудничество во время революционных событий словацких лидеров с австрийским правительством, после подавления венгерской революции русскими войсками официальные круги уже не поднимали вопрос об автономном статусе Словакии. Вследствие этого в марте 1849 г. представители Словацкого национального совета обратились к императору Францу Иосифу с петицией, в которой содержалось требование предоставления словакам автономии. При этом в первоначальном варианте документа даже выдвигалась идея образования словацкого великого княжества под непосредственным управлением Вены. Границы Словакии были определены на основе этноязыковых критериев³⁵.

В событиях 1848 г. представители *русинского* меньшинства в Венгерском королевстве первоначально заняли нейтральную, выжидательную позицию. При этом часть грекокатолического духовенства во главе с епископом Мукачевским Василием Поповичем на первых порах поддержали революционеров³⁶. Однако уже в июне 1848 г. Венгерское революционное правительство обвинило русинов в распространении панславизма, лишив мандата, по сути, единственного русинского лидера, интеллектуала Адольфа Добрянского. Данное обстоятельство толкнуло политика в антивенгерский и проавстрийский лагерь. Будучи сторонником идеи федерализации Габсбургской монархии, Добрянский разработал проект объединения в единое целое различных провинций империи, населенных преимущественно

русинами: Угорской Руси, соседней Восточной Галиции и Буковины. Свои действия он координировал с Главной русской радой во Львове. Однако в связи с подавлением венгерской революции данная идея так и осталась на бумаге. Принято считать, что прохождение через территорию Угорской Руси русских войск, усмирявших в 1849 г. восстание, способствовало развитию национального самосознания и политических амбиций местных русинов.

В рамках реорганизации Венгрии в конце октября 1849 г. был создан Кошицкий округ (дистрикт), в который входило три меньших округа или района, в том числе Ужгородский, включавший в себя комитаты Унг, Берег, Уточа и Мараморош. Начальником канцелярии администратора этого района стал А. Добрянский, который вместе с единомышленниками развернул активную работу по развитию русинской (или, как считалось в середине XIX в., местной русской) культурной жизни: основание русинской гимназии в Ужгороде, введение обучения на местном варианте русского языка (так называемом «язычии»), издание для русинов книг и периодики. В литературе по русинистике данное кратковременное административное образование, как правило, упоминается как «Русский (руський, русинский) округ». Уже в конце марта 1850 г. административная реформа А. Баха ликвидировала Ужгородский район, перечеркнув большинство наработок Добрянского и его сторонников.

Революция 1848 г. в Трансильванском княжестве

Революции в Вене и Пеште нашли отклик в разных уголках монархии; не стала исключением и *Трансильвания*, где ход событий, оказавшийся не просто остродраматическим, но глубоко трагическим (кровопролитные межэтнические столкновения, жертвами которых стали тысячи человек³⁷), в немалой мере определялся сложностью национального состава и существующими межэтническими противоречиями. Наиболее левые, радикально настроенные представители румынского национального движения с энтузиазмом отреагировали на мартовские события в Пеште и обнаруженную революционную программу, прозвучавшие в ней требования общедемократического и экономического характера, в том числе направленные на ограничение крупной феодальной собственности. В поддержке революции проявились вековые антагонизмы между венгерской аристократией, имевшей в Трансильвании огромные владения, и румынским крестьянством. Однако от венгерского революционного правительства ждали новых шагов, и в частности практических мер в интересах национальных меньшинств, составлявших не менее половины населения Венгрии. Кредит доверия был исчерпан довольно быстро, на смену энтузиазму через считанные недели пришло разочарование, поскольку деятели румынского движения убеждались в неготовности пештских революционеров идти навстречу национальным

меньшинствам, делать им уступки там, где дело касалось расширения сферы применения национальных языков, школьной системы, не говоря уже о реформах избирательного законодательства с учетом многонационального состава населения страны. Это разочарование все чаще находило выражение в выступлениях деятелей румынского движения на митингах в городах Трансильвании и Баната перед широкой публикой, внимательно следившей за новыми известиями о событиях в Вене и Пеште.

В пештскую мартовскую программу «12 пунктов» было включено положение об унии Трансильвании с Венгрией, привлекшее особое внимание в этом крае и вызвавшее крайне неоднозначную реакцию. Оно было поддержано основной массой политически активного венгерского среднепоместного дворянства (в значительной своей части революционно настроенного), но не было принято венгерской аристократией и весьма влиятельной саксонской (немецкой) элитой городов Юго-Восточной Трансильвании Надьсебен (нем. Херманнштадт; ныне Сибиу в Румынии) и Брашшо (нем. Кронштадт; ныне Брашов в Румынии), где существовала исторически сложившаяся автономия с развитой системой самоуправления (на этих землях немецкие колонисты, принявшие в XVI в. лютеранство, жили с XIII в.). Эти слои увидели в слиянии края с Венгрией перспективу ослабления своих политических позиций. Сложнее обстояло дело с румынским движением. Принятие унии привело бы к распространению на Трансильванию некоторых революционных установлений, провозглашенных в Венгрии, и прежде всего антифеодальных аграрных законов. Поэтому радикальное крыло национального движения трансильванских румын выступило за унию. От унии оно ждало также усиления своего влияния на 1,2 млн румын, живших на востоке Венгрии. Более влиятельное и умеренное крыло движения во главе с Г. Барициу и др. связывало унию с гарантиями национальных прав для румынского большинства. И, видя неготовность венгерских революционеров идти навстречу, выступило против унии. Нежелание деятелей венгерского движения идти навстречу румынам объяснимо не просто эйфорией, вызванной успехами в борьбе с Габсбургами, и не только националистической ограниченностью или политической недалекостью, заставлявшей отталкивать потенциальных союзников в антигабсбургской войне. Речь идет и о достаточно трезвом просчете последствий предоставления румынам, составлявшим 60% населения Трансильвании, реального равноправия с венграми и саксами — при всей относительной слабости и неразвитости румынского национального движения предоставление им равноправия грозило бы привести к утрате венгерским дворянством контроля над краем, в котором оно политически доминировало на протяжении 800 лет. К этому даже наиболее склонная к компромиссу с румынами часть венгерских дворянских революционеров явно не была готова.

Только в 1849 г., когда противостояние революционной Венгрии Габсбургам достигло предельной остроты и встал вопрос о внешнем вмешательстве со стороны России, в среде венгерских революционеров наме-

тилось определенное понимание необходимости урегулирования межнациональных отношений на основе признания некоторых прав народов, населяющих Венгрию. Посол Л. Кошута в Париже граф Л. Телеки пошел дальше других — он писал о возможной федерализации Венгрии, хотя и с сохранением центрального парламента, правительства, доминированием венгерского языка. Командующий венгерской революционной армией в Трансильвании польский генерал Ю. Бем также на контролируемой им территории готов был идти на значительные уступки румынам во имя создания единого с ними антигабсбургского блока. Но члены дебrecенского революционного правительства, считая законными некоторые требования национальных меньшинств, как правило, не шли дальше признания прав национальных языков в местном самоуправлении (наряду с венгерским), на деле они были сторонниками унитаризма. Однако даже наиболее радикальное в своих антигабсбургских взглядах крыло румынского национального движения (прибывший из Валахии Н. Бэлческу), готовое пойти на компромиссы с венгерским движением во имя кардинальных революционных преобразований в регионе, решительно требовало отказа от унитаристских проектов политической реорганизации земель венгерской короны. В основной своей части румынское движение, сохранявшее определенную лояльность Габсбургам как противовесу давлению венгерского дворянства, не было готово принять столь решительную меру дебrecенского правительства, как детронизация Габсбургов, и предпочло в лучшем случае уклониться от участия в конфликте венгерских революционеров с Венной либо однозначно поддержать Габсбургов. Тем не менее сложившаяся ситуация иногда заставляла венгерские власти принимать меры пожарного порядка в целях нейтрализации антивенгерского потенциала румынского национального движения, который усилился вследствие массовых межэтнических столкновений. Так, зимой 1848/49 года Комитет обороны стал уделять особое внимание соблюдению помещиками аграрных законов в районах, где доминировали румыны. Возникли опасения, что угнетение венгерскими помещиками румынских крестьян настроит их против революционной администрации.

Ситуация в крае в 1849 г. в условиях почти полного раздора венгерского и румынского движений, «война всех против всех», с массовым уничтожением сел враждующими между собой венгерским войском и вооруженными отрядами румынских крестьян, массовой поддержкой румынами габсбургского контрнаступления и царской интервенции, нашла отражение в работах выдающегося отечественного историка В.Н. Виноградова³⁸, и здесь нет необходимости подробно на этом останавливаться. Данные события не только надолго оставили след в исторической памяти обеих наций, но и стали неотъемлемой частью того приобретенного в период Венгерской революции непосредственного исторического опыта, который в условиях, сложившихся после разгрома революции, предопределял поиски каждой из сторон путей решения стоявших перед ними национальных задач.

* * *

Давая общую характеристику революции 1848–1849 гг. в Австрийской империи, авторы коллективного труда «Освободительные движения народов Австрийской империи» писали: «Особенность ситуации <...> состояла в том, что революционный процесс и национальные движения ряда народов, развивающиеся в условиях сложнейшего переплетения социальных и политических противоречий, не слились в наступательном натиске против господства в стране феодально-абсолютистских сил»³⁹. Сходные по сути оценки дает современный австрийский социолог Э. Брукмюллер в «Социальной истории Австрии». Он справедливо отмечает: в революции переплелись в тугий узел разнородные социальные и национальные течения, объединенные лишь неспособностью правящих кругов адекватно и своевременно на них отреагировать. Революция в Ломбардии-Венеции имела мало общего с революциями в Венгрии или Галиции, требования венгров или поляков были не менее опасны для сохранения территориальной целостности Австрийской империи, чем мечты либералов о «немецком единстве». В конечном итоге желание либеральных централистов создать «немецкую» Габсбургскую монархию не нашло отклика у лидеров национальных движений венгров, чехов, словенцев, удовлетворение же национальных устремлений ненемецких народов противоречило либеральной программе сильного государства. Революция противопоставила друг другу не только народы, но и социальные слои. Требования умеренных либералов ввести конституцию и гарантировать буржуазные свободы имели мало общего со стремлением выбраться из нищеты, которое заставило взяться за оружие студентов, рабочих и городскую бедноту, а голос депутатов от крестьян с их акцентом и непривычным внешним видом потонул в дружном хоре насмешек столичной либеральной прессы. Наконец, революция выявила исключительно городской, даже столичный характер движения. Вена и Милан, Пешт, Прага и Краков были островками в крестьянском море: они располагались слишком далеко друг от друга, чтобы скоординировать совместные действия⁴⁰.

Примечания

- ¹ См.: Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии / Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 2001.
- ² *Ingrao Ch.* The Habsburg Monarchy, 1618–1815. Cambridge, 2000. P. 19.
- ³ *Hye H.-P.* Vereinswesen und bürgerliche Gesellschaft in Österreich // Beiträge zur historischen Sozialkunde. 1988. № 3. S. 87.
- ⁴ См.: *Brauneder W.* Leseverein und Rechtskultur: der Juridisch-Politische Leseverein zu Wien 1840 bis 1990. Wien; Mainz, 1992.
- ⁵ См.: *Jusdon P.* Exclusive revolutionaries. Liberal politics, social experience, and national identity in the Austrian Empire, 1848–1914. Ann Arbor, 1999.
- ⁶ См.: *Buchmann B.M.* Hof, Regierung, Stadtverwaltung: Wien als Sitz der österreichischen Zentralverwaltung von den Anfängen bis zum Untergang der Monarchie. Wien, 2002.
- ⁷ Текст Пиллерсдорфской и последующих конституций и конституционных проектов см.: www.verfassungen.de/at/
- ⁸ *Hanák P.* A soknemzetiségű Habsburg-monarchia válsága a polgári forradalom korszakában // *Idem.* Magyarország a Monarchiában. Budapest, 1975. 95–127. old. Исследование было впервые опубликовано в 1959 г. в журнале «Történeli Szemle».
- ⁹ См.: *Godsmann A.* Der Reichstag von Kremsier und die Regierung Schwarzenberg. Die Verfassungsdiskussion des Jahres 1848 im Spannungsfeld zwischen Reaktion und nationaler Frage. Wien; München, 1995.
- ¹⁰ См.: *Lippert S.* Felix Fürst zu Schwarzenberg: eine politische Biographie. Stuttgart, 1998.
- ¹¹ *Malfè S.* Der Konstitutionalismus in der Habsburgermonarchie — siebzig Jahre Verfassungsdiskussion in “Cisleithanien” // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. VII. Verfassung und Parlamentarismus / Hrsg. von H. Rumpler, P. Urbanitsch. Verfassungsrecht, Verfassungswirklichkeit, zentrale Repräsentativkörperschaften, Wien? 2000. T. 1. S. 11–67.
- ¹² Строки из письма Франца Иосифа к хорватскому бану Й. Елачичу в апреле 1849 г. цит. по: *Deák A.* From Habsburg neo-absolutism to the Compromise, 1849–1867. New York, 2008. P. 30.
- ¹³ *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana, 1973. S. 102.
- ¹⁴ *Kann R.A.* Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Bd. 1. Graz; Köln, 1964. S. 304. Slovenija. Ljubljana, 1848. 12, 15, 26 XII.
- ¹⁵ *Apih J.* Slovenci in leto 1848. Ljubljana, 1888. S. 148–153; *Velidova L.A.* Volitve v avstrijski državni zbor v slovenskih deželah v letu 1848 // Zgodovinski časopis 1986. Letn. XL. Št. 4. S. 435.
- ¹⁶ См.: *Кирилина Л.А.* Словенцы и революция 1848–1849 гг. М., 2000.
- ¹⁷ *Křen J.* Dvě století střední Evropy. Praha, 2005. S. 164.
- ¹⁸ *Efmertová M.* České země v letech 1848–1918. Praha, 1998. S. 33.
- ¹⁹ Politické strany. Vvoj politických stran a hnutí v Českých zemích a na Moravě. Brno, 2005.
- ²⁰ Цит. по: *Efmertová M.* České země. S. 35.
- ²¹ *Velké dějiny zemí Koruny české.* Sv. XI.a. 1792–1860. Praha; Litomyšl, 2013. S. 358.
- ²² *Magosci P.-R.* The shaping of a national identity: Subcarpathian Rus'. 1848–1948. London, 1972. P. 42.
- ²³ *Добржанский О.* Національний рух українців Буковини другої пол. XIX — початку XX століття. Чернівці, 1999. С. 64.
- ²⁴ *Грицак Я.* Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX століття. Київ, 2000. С. 52.
- ²⁵ См.: *Deák I.* The lawful revolution. Louis Kossuth and the Hungarians. New York, 1979.

- ²⁷ *Bérenger J., Kecskeméti K. Országgyűlés és parlamenti élet Magyarországon, 1608–1918.* Budapest, 2008. 295. old.
- ²⁸ *Крестич В.* Срби у Угарској 1790–1918. Нови Сад, 2013. С. 81.
- ²⁹ Цит. по: *Гавриловић С.* Срби у Хабзбуршкој монархији (1790–1849). Нови Сад, 1994. С. 46.
- ³⁰ Проглас са одлукама донетим на зацедању Срба окупленим у Пешти 6. марта 1848. године // Дигитална библиотека Матице Српске. Текст доступен по адреси: <http://digital.bms.rs/ebiblioteka/publications/view/1780> (дата последњег посешчења 3.V.2018).
- ³¹ *Полит-Десанчић М.* Како је то било у нас Срба у буни 1848–1849. Нови Сад, 1996. С. 64–65.
- ³² *Крестић В., Љушић Р.* Програми и статути српских политичких странака до 1918. Београд, 1991. С. 11–15.
- ³³ *Стратимировић Ђ.* Успомене. Нови Сад, 2013. С. 43–44.
- ³⁴ *Васин Г.* Национално-политичка борба Срба, 1848–1884 // *Истраживања.* Нови Сад, 2010. № 10. С. 318.
- ³⁵ [Маннова Э. и др.] *История Словакии* / Пер. со словац. и англ.; науч. ред. рус. перевода Ю.В. Богданов. М., 2003. С. 259.
- ³⁶ *Фенич В.* Национално-политичні орієнтації духовенства Мукачівської єпархії в період революції 1848–1849 рр. // *Ужгородський унії 350 років.* Ужгород, 1997. С. 132.
- ³⁷ См.: *Виноградов В.Н.* Венгерский поход И.Ф. Паскевича 1849 г.: легенда и действительность // *Новая и новейшая история.* 2000. № 3.
- ³⁸ *Виноградов В.Н.* Дунайские княжества и Трансильвания: национальный вопрос и задачи освобождения и объединения (1848–1849 гг.) // *Европейские революции 1848 года.* С. 393–448.
- ³⁹ Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII — 1849 г. / Отв. ред. В.И. Фрейдзон. М., 1981. С. 368.
- ⁴⁰ *Bruckmüller E.* *Sozialgeschichte Österreichs.* Wien, 1985. S. 275–280.

От неоабсолютизма к Соглашению 1867 г.

Австрийская империя между централизмом и децентрализацией

Период, наступивший в Австрийской империи после подавления революции 1848–1849 гг., получил в историографии наименование «неоабсолютизм». Опыт кровавых столкновений на улицах Вены и на юго-восточных окраинах Венгрии убедил двор, что Австрийской империей нельзя управлять конституционно. В результате было создано военно-бюрократическое централизованное государство, нацеленное на то, чтобы абсолютистскими методами правления, но с использованием современных социальных и экономических инструментов продлить жизнь единого государства и по возможности осовременить его. «Абсолютизм в его предмартовской форме не подлежал восстановлению, но был создан чисто бюрократический централизм, способный переступить через традиционные интересы коронных земель, идти наперекор старым властным институтам, игнорировать интересы дворянства, но одновременно и не обращать внимания на либерально-конституционные тенденции»¹.

Следует оговориться, что среди историков нет консенсуса, когда начинается период (именно период, а не эпоха!) неоабсолютизма. Одни связывают ее начало со вступлением на престол Франца Иосифа 2 декабря 1848 г., другие — с октроированной (дарованной императором) Конституцией 4–7 марта 1849 г., третьи считают рубежной окончательную отмену мартовской Конституции 1849 г. так называемым Сильвестровским, или Сильвестровым*, патентом от 31 декабря 1851 г.², который ввел так называемый «монархический принцип», или «чистую монархию». В империи были отменены свобода печати, открытость судебного разбирательства, закон об общинном самоуправлении. Нет единого мнения и о том, когда период подошел к концу: одни ученые говорят о рубеже 1859–1860 гг.³, другие — о цезуре 1860–1861 гг.⁴ Особняком стоит венгерская историография, по-прежнему считающая, что неоабсолютизм, по крайней мере в Венгрии, длился вплоть до подписания Соглашения 1867 г.⁵

Национальные историографии государств — наследников Австро-Венгрии традиционно рисовали неоабсолютистский режим исключительно в

* В католическом календаре 31 декабря — день св. Сильвестра.

черных красках. Как полемически писал в 1945 г. американский историк права немецкого происхождения Р. Шлезингер: «Реакционные силы, которые сокрушили либералов в Кремзире, опирались только на армию и церковь. Но в последующие десять лет абсолютистского правления окрепла централистская бюрократия, правившая Австрией и после того, как армия потерпела поражение, а нужды народного просвещения в конце 1860-х гг. заставили отказаться от конкордата с церковью»⁶.

Современные исследователи этих стран предпочитают менее эмоциональные оценки. Автор фундаментального труда о финансовой политике неоабсолютизма Х.-Х. Брандт утверждает: «Восстановление монархической власти ни в коем случае нельзя описывать с помощью понятия “реакция”». Политические принципы министра-президента Ф. Шварценберга, оказавшего глубокое воздействие на юного Франца Иосифа, соответствовали обстоятельствам его назначения: военное подавление революции, жесткое насаждение покоя и порядка, создание сильного центрального правительства, обеспечение полной территориальной целостности державы, возвращение Австрийской империи в концерт великих европейских держав, поддержание ведущих позиций в Германии и Италии. Все это было соединено с гибкой политикой в социальных и конституционных вопросах, поскольку достижение перечисленных выше целей требовало основательной реформы государственной системы»⁷.

В период неоабсолютизма было доведено до конца — вопреки решительным протестам консервативно-аристократического лагеря — провозглашенное революционным рейхстагом освобождение крестьянства. Его повинности (повсеместно, кроме Венгрии) были подсчитаны, результат умножен на коэффициент 20, далее крестьянам предстояло выплатить треть полученной суммы, вторую треть брали на себя соответствующая коронная земля и государство, еще одна треть была с крестьян попросту списана. Налоги, которые пришлось заплатить помещикам в связи со сменой владения, также компенсировало правительство. «Такая схема, — пишет Э. Брукмюллер, — не вела к разорению крестьянства, которое имело все основания быть довольным реформой»⁸.

Освобождение крестьянства благотворным образом сказалось на экономике империи. Высвобождались не только рабочие руки, но и капиталы: аристократы охотно инвестировали суммы, выплаченные им в ходе проведения крестьянской реформы, в основание промышленных предприятий. Отмена в 1851 г. внутренних таможенных границ между Венгрией и остальными коронными землями привела к значительному росту торгового оборота. (Только Далмация и некоторые другие крошечные анклав вольются в единый экономический организм после 1879 г.) В транспортной политике приоритет отдавался расширению центральных железнодорожных линий. С основанием «Австрийского кредитного учреждения для поддержания торговли и предпринимательства» (известного как «Кредит-Анштальт») банковское дело вступило в фазу активного роста. Изданный в 1859 г. декрет о малом предпринимательстве основывался на принципах либеральной экономики»⁹.

Другой областью, где в этот период удалось добиться заметных успехов, была средняя и высшая школа. Американский историк Гари Коэн пишет: «В 50-е годы новый неабсолютистский режим провел важные реформы на всех образовательных уровнях с целью подготовки хорошо образованных служащих и специалистов, а также более лояльных и нацеленных на результативную деятельность подданных, которые были необходимы для построения государства, опирающегося на здоровое и процветающее общество»¹⁰. Если начальная школа, в особенности после заключения конкордата со Святым Престолом в 1855 г., была отдана во власть Римско-католической церкви, то университеты, число которых при министре просвещения Лео (Льве) Туне неуклонно росло, давали качественное и углубленное образование новым поколениям элит, которым предстояло не только включиться в научный прогресс, но и выработать наднациональное австрийское государственное сознание.

«Страх перед жестокой революцией, — пишет американец П. Джадсон, — заставил некогда либеральный средний класс договориться с новым абсолютистским правительством — имперской бюрократией, которая обещала безопасность в обмен на отказ от политических прав, добытых в 1848 г.»¹¹. Всевластие бюрократии имело одно важное последствие — расширение сферы применения немецкого языка, в том числе его насаждение в начальной и средней школе. «Рано или поздно, — полагает Б. Зуттер, — это не могло не привести к отчуждению от неабсолютистского режима, объективно стремившегося заложить основы для всеобщего благоденствия и действовавшего в интересах каждого гражданина — национальностей, населявших империю»¹².

Внутриполитические реформы 1860-х гг., иногда именуемые «псевдолиберализмом», были вызваны тем, что потенциал социально-консервативного консенсуса, на время объединившего буржуазию и государственную администрацию, к концу 1850-х гг. был исчерпан¹³. Поражения Австрийской империи на международной арене (битва 1859 г. при Сольферино) делали поиски новой государственно-правовой формы, способной консолидировать элиту и успокоить национальностей, неизбежными. Император расширил совещательный орган при персоне монарха — рейхсрат — и поручил его членам выработать проект реорганизации империи. В результате 20 октября 1860 г. был издан подготовленный федералистами во главе с премьер-министром Агенором Голуховским так называемый Октябрьский диплом, восстанавливавший федерально-аристократический принцип управления империей. Либералы сочли документ, ослаблявший имперский центр, предательством, тогда как для главного оппонента централизации — венгерской элиты — уступки оказались менее чем половинчатыми.

Четыре месяца спустя, 26 февраля 1861 г., вверенное либералам правительство во главе с Антоном Шмерлингом подготовило «либеральный манифест»¹⁴, вошедший в историю как Февральский патент. Создавался двухпалатный рейхсрат (343 депутата), избиравшийся на основании

10-гульденового имущественного ценза и представлявший 6% населения империи. Впрочем, венгры отказались посылать в него своих депутатов. Большинство в рейхсрате получило поместное дворянство и проживавший в крупных городах средний класс. Правительство было по-прежнему ответственно только перед императором. В конце концов, патент не решил задачу консолидации империи и лишь углубил пропасть между либералами — сторонниками ответственного правительства, и бюрократией, считавшей реформу сверху лучшим средством преобразовывать общество¹⁵. В 1865 г. рейхсрат был распущен, А. Шмерлинг покинул правительство. До заключения Соглашения 1867 г., преобразующего империю на принципах австро-венгерского дуализма, оставалось менее двух лет.

Хотя конституционные преобразования начала 1860-х гг. стали временным экспериментом, важным их последствием стало оживление политической жизни монархии. Применительно к этому периоду не приходится говорить о разветвленном партийном спектре (как и о партиях в смысле оформленных организаций), однако перспектива участия в выборах в рейхсрат и местные сеймы заставила, а свобода печати и собраний позволила прежде аморфным объединениям консолидироваться и сформулировать первые программные установки (которые, впрочем, не были программами в полном смысле этого слова — речь идет преимущественно о меморандумах и публикациях в ведущих печатных органах). Уже тогда эта консолидация происходила на базе не только идеологических воззрений, но и национальной принадлежности, и на земском уровне местные национальные движения неминуемо пытались конкурировать с немецкими региональными фракциями.

Немецкая политика этого периода была представлена двумя крупными направлениями — «верными конституции» (*verfassungstreue*) крупными землевладельцами и либеральной партией. Каждое из них имело своих приверженцев на территории различных коронных земель, пытаясь при этом сохранять внутренние связи и статус единого представительства для того или иного социального слоя.

Аристократы-конституционалисты были представлены фракциями в большинстве земских сеймов монархии, равно как и в рейхсрате. Хотя все эти фракции не были оформлены в единую партию, ретроспективно их можно рассматривать как единое течение со своей внутренней эволюцией. Его объединяли несколько основных постулатов: поддержка конституционного централизма в противовес центробежным устремлениям славянских и венгерских политиков; опора на немецкое «лицо» государства как дополнительный аспект обеспечения его внутреннего единства; поиск умеренного компромисса с ненемецкими народами страны при условии признания объединяющей роли немецкого элемента. Отдельные представители аристократического течения не были чужды и либеральным воззрениям, равно как и на уровне сеймов или парламента фракция аристократов нередко становилась частью общего «немецкого клуба», объединявшего сторонников различных идеологий.

Ключевым участником таких парламентских клубов были, как правило, немецкие либералы — течение, которое также начало оформляться в начале 1860-х гг. под эгидой поддержки конституции. Либерализм, рожденный революцией 1848 г., преобладал с небольшими перерывами в политической жизни метрополии империи Габсбургов вплоть до начала 1890-х гг. Как и повсюду, либеральное движение в Австрии прошло через допартийный этап — период кружковщины. По давней традиции единомышленники собирались в кафе для обсуждения ситуации в городе или земле и для определения своих задач. В Вене еженедельными собраниями националистов были наиболее известны кафе «Виктория» и «В городе Триесте» (в отеле того же названия).

Либеральные силы 1861 г. были объединены в Конституционной партии (*Verfassungspartei*). На первом этапе ее идеология сочетала в себе аналогичную аристократам безусловную поддержку централизма и классические либеральные принципы демократических свобод. Они с сочувствием относились к идеям немецкого национализма, но в 1866 г. столкнулись с новой реальностью. Им, *во-первых*, пришлось отказаться от мысли о национальном государстве, объединяющем все немецкие народы. *Во-вторых*, крах Германского союза оставил австрийских немцев лицом к лицу с необходимостью сохранить «немецкий характер» Габсбургской монархии при численном преобладании ненемецких народов.

Словенцы в период неоабсолютизма

В период неоабсолютизма словенское национальное движение могло развиваться только в просветительских рамках, лозунг Объединенной Словении не выдвигался. В это время, в связи с разочарованием в политике Габсбургов, часть словенских политиков увлеклась идеями славянской взаимности. В целях ее укрепления предполагалось создание общеславянского литературного языка, главным пропагандистом которого выступил М. Маяр. Но уже к середине 1850-х гг. интерес к общеславянскому языку у большинства его приверженцев пропал: они поняли, что это тупиковый путь развития, не способствующий успеху национальной борьбы словенцев.

Большинство словенских национальных деятелей группировались вокруг просветительской газеты Я. Блейвейса «*Kmetijske in rokodeljske novice*» («Сельскохозяйственные и ремесленные новости»), пропагандировавшей словенский язык и культуру и публиковавшей научно-популярные статьи о новейших достижениях в области сельского хозяйства, животноводства и т.п. Несомненно, эта газета во многом способствовала общему подъему культурного уровня словенского крестьянства. Сохраняя лояльность Габсбургам и католической церкви, Блейвейс и его единомышленники решительно отмежевались от клерикализма¹⁶.

В 1852 г. в Клагенфурте по инициативе Лавантийского епископа М. Сломшека было учреждено первое словенское издательство — Общество св. Мохора,

действующее и в настоящее время. Книги на словенском языке религиозно-моралистического и хозяйственно-практического содержания, издававшиеся этим издательством, пользовались большим успехом среди крестьян.

В конце 1840-х гг. в словенском национальном движении стало оформляться клерикальное течение, одним из лидеров которого стал священник Л. Еран, с 1852 г. редактор реакционной газеты «Zgodnja danica» («Утренняя звезда»). Клерикалы полагали, что главным признаком национальности является вероисповедание, и отличались религиозной нетерпимостью. Выступая за признание прав словенского языка в школах и учреждениях, они вместе с тем негативно относились к художественной литературе, считая ее аморальной. В рассматриваемый период клерикальное течение в словенских землях так и не стало популярным.

Несмотря на то что словенцы, как и другие народы империи, не имели возможностей для политической деятельности, период неабсолютизма стал для них временем накопления национальных сил. Ликвидация таможенной границы между австрийскими и венгерскими землями (1851), провозглашение свободы занятий ремеслом (1859), нанесшее сокрушительный удар по цеховым привилегиям, бурное строительство железных дорог (для словенцев особое значение имело открытие железнодорожной ветки Вена–Триест в 1857 г.), определенный прогресс сельского хозяйства в результате отмены феодальных повинностей — все это дало мощный толчок буржуазной модернизации империи, в том числе и ее словенских земель. В этот период началось формирование современной словенской, пока еще слабой, буржуазии. Экономическая модернизация способствовала общему прогрессу словенского общества, обусловившему, в свою очередь, прорыв в развитии словенского национально-политического движения в начале 1860-х гг.

Принятие Октябрьского диплома, а следом Февральского патента имело прямые последствия для словенцев Внутренней Австрии. Согласно этим постановлениям, провозглашалась свобода печати и создания обществ, устанавливалась куриальная избирательная система и были объявлены выборы в рейхсрат и провинциальные собрания. Система проведения выборов по куриям давала большие преимущества крупным помещикам (так, в населенных словенцами землях их узкая прослойка избирала четверть депутатов, а 80% словенского населения, крестьяне, избирали только 40% депутатов¹⁷). Провинциальные избирательные округа обеспечивали преимущество немецкому населению. Например, в Крайне немцы составляли 5% населения, но имели в ландтаге 28% мест.

Даже такая половинчатая политическая демократизация в империи дала мощный импульс развитию словенской общественной жизни. Начался новый этап в развитии словенского национального движения. Лозунг Объединенной Словении вновь встал на повестку дня, и поддержали его уже многие словенцы. Под меморандумом с требованием создания Объединенной Словении, представленным главе австрийского правительства А. Шмерлингу в 1861 г., удалось собрать 20 тыс. подписей¹⁸. Среди словенских либералов оживились идеи

славянской взаимности и стремление к союзу с хорватами. В середине 1860-х гг. часть словенских политиков, стремясь найти поддержку у чехов и хорватов, выдвинула программу создания Внутренней Австрии как национальной словенской автономии (Мариборская программа 1865 г.). В ней предусматривалось административное объединение земель, в которых преобладало немецкое население. Не встретив поддержки у чешских и хорватских федералистов, а также у многих словенских политиков, приверженцы Мариборской программы уже через год были вынуждены отказаться от нее. В конце 1860-х гг. требование создания Объединенной Словении вновь стало единственной программой словенцев, общей для всех политических течений.

Словенский язык стал языком обучения в большинстве начальных школ и в некоторых классах гимназий. Возникла сеть словенских просветительских обществ. В эти годы появились многочисленные национальные организации словенцев: Словенская Матица, издававшая произведения словенской научной и художественной литературы, учебники для средних учебных заведений на словенском языке, календари и т.д., Драматическое общество в Любляне (1866), гимнастическое общество «Южный Сокол» (1863), многочисленные читальни и др., стимулировавшие развитие словенской культуры, рост политического самосознания словенцев. Центрами словенской культурной жизни стали читальни. Первая читальня появилась в 1861 г. в Триесте, затем были основаны читальни в Любляне, Мариборе, Целье. В читальнях проводились «беседы», на которых читались лекции, обсуждались политические события, проходили небольшие театральные и музыкальные мероприятия. Обычно при читальнях имелись небольшие библиотеки со словенскими и славянскими книгами, газетами, журналами.

Национальное самосознание распространялось среди широких слоев народа. Национальное движение постепенно становилось массовым.

Тогда же, в 1860-е гг., произошел существенный перелом в развитии словенско-немецких отношений. В это время в словенских землях сложилось два основных политических течения. Одно из них было представлено национальной (словенской) партией. Другое — конституционной (немецкой) партией, объединявшей противников национальной партии. В конституционную партию входили люди различных политических убеждений и национальностей — как немцы, так и словенцы, выступавшие за доминирование немецкого языка и культуры. Таких словенцев называли «немшкутарами»¹⁹, и именно они вызывали у словенских патриотов наибольшее негодование. Немецкая партия с презрением относилась к словенской, считая ее консервативной. В 1860-е гг. конституционная партия в основном была у власти в империи. Немецкие либералы, возглавлявшие венское правительство, уже с 1860-х гг. стали активно проводить германизаторскую политику по отношению к славянским народам, в том числе и словенцам. В городах, где преобладало немецкое население, начали создавать немецкие общества, нередко носившие националистическую окраску (например, спортивное немецкое общество «Turnverein» («Турнфрейн»), действовавшее в Любляне с начала 1860-х гг.).

Первые выборы в провинциальные собрания и рейхсрат в 1861 г. не увенчались успехом для словенского лагеря: в почти полностью словенской Крайне в провинциальное собрание было избрано только 13 национально ориентированных словенцев (из 36 депутатов), а в Горице, где тоже преобладало словенское население, семь (из 21 депутата). В Штирии, Каринтии и Истрии не избрали депутатом ни одного словенца. В Венский рейхсрат попали только три словенских патриота²⁰. Выборы показали раздробленность словенских национальных сил.

Неудачи словенской партии на последующих выборах также во многом обуславливались тем, что она далеко не всегда выступала единым фронтом. Разделение в словенском лагере началось уже в начале 1860-х гг. Камнем преткновения стал вопрос об установлении политической словенской газеты. Блейвейс и его соратники, опасаясь конкуренции газете «Kmetijske in rokodeljske novice», противились ее созданию, настаивая на основании политической газеты на немецком языке. Более молодые и радикально настроенные словенские патриоты выступали за создание политической газеты на словенском языке. Так словенские национальные деятели разделились на два лагеря, которые стали по чешскому образцу называться старословенцами и младословенцами. Младословенцы во главе с Ф. Левстиком группировались сначала вокруг газеты «Naprej» («Вперед», 1863–1864), затем вокруг газеты «Slovenec» («Словенец», 1865–1867), после закрытия последней они потеряли возможность печататься. Оба течения вели борьбу за преобладание в национальных обществах. В Словенской Матице, в Люблянской читальне старословенцам удалось одержать победу, в свою очередь младословенцы добились преобладания в Драматическом обществе и Южном Соколе.

Впрочем, противоречия между старословенцами и младословенцами не носили непримиримого характера. «В политических и национальных вопросах мы были едины, — вспоминал впоследствии один из лидеров словенских либералов Й. Вошняк, — и различались только в том, что мы, “молодые”, требовали решительных радикальных действий в государственном и провинциальных собраниях, “старые” же, предугадывая, что крайность скорее вредит, чем приносит пользу, придерживались утилитарной политики»²¹. В 1860-е гг. до раскола между этими течениями дело еще не дошло, однако напряженность их отношений ослабляла словенское национальное движение.

Земли Чешской короны в период неоабсолютизма

В Чешских землях в период неоабсолютизма необходимых условий для появления политических партий не существовало. Любая общественно-политическая деятельность находилась под строгим контролем полиции и цензоров, и за неимением легальных возможностей для продолжения деятельности активность групп, сформировавшихся в ходе революции, быстро сошла на нет. Показательны в этом отношении примеры лидеров чешского

национального движения — Франтишека Палацкого, оставившего политику в пользу работы над своим opus magnum, «Историей чешского народа», и Франтишека Ригера, сразу после поражения революции уехавшего в Париж изучать экономику. Часть чешских активистов включились в работу обновленных в духе бюрократических реформ эпохи местных институтов, как, например, Вацлав Томек, начавший в этот период преподавание в Пражском университете и перешедший с либеральных позиций к консервативному патриотизму. Радикально-демократический лагерь был почти полностью разбит процессами против его представителей — всего в Чешских землях к заключению были приговорены более тысячи человек²². Лишь считанные политики, как Карел Гавличек среди чехов или Антон Шпрингер среди немцев, продолжали попытки издавать либеральные журналы, при первой возможности подвергнутые цензурным взысканиям и прекратившие свое существование в начале 1850-х гг.

Единственной группой, не подвергавшейся полицейскому и цензурному преследованию, были лояльно настроенные консерваторы, объединившиеся вокруг чешского аристократа графа Лео Туна. Его сторонниками была не только знать, но и консервативно настроенная интеллигенция. Помимо уже упомянутого Томека, в этот круг входили Павел Шафарик, Франтишек Челаковский, Карел Яромир Эрбен, в обмен на лояльность получавшие возможность занимать должности в чешских культурных и общественных организациях. Отсутствие необходимого правового обеспечения и регулирования деятельности политических организаций вело к тому, что политически активные слои населения и его отдельные представители реализовывали свою общественную энергию в различных обществах, союзах, профессиональных объединениях и т.д. В Чешских землях их было множество, и они устанавливали связи с политическими партиями. Именно этим обстоятельством объясняется необычайно интенсивная включенность политических партий в неполитические сферы общественной жизни. Эта тенденция, четко проявившаяся в 1850-е гг., когда фактически была запрещена политическая деятельность, сохранила свое значение и в активной фазе партийно-политического строительства в Чешских землях, в течение 25 лет предшествовавшего Первой мировой войне.

В то же время с именем Лео Туна были связаны и определенные аспекты «обратной стороны» неоабсолютизма — актуальных и далекоидущих реформ в социальной и экономической сферах. В качестве министра образования Тун был одним из творцов новой системы образования, в рамках которой в Чешских землях возникла обновленная сеть школ и гимназий, в том числе с преподаванием на чешском языке, а Пражский университет стал не просто источником кадров для сугубых нужд государства, но также и исследовательским центром. В его рамках был создан философский факультет, а по инициативе Туна к преподаванию приглашались профессора, в том числе протестанты, из соседних государств, принесшие в пражскую школу немецкую университетскую традицию.

На пользу Чешским землям пошли и преобразования в сфере экономики. В руках знати оказалась немалая выручка от выкупа земли крестьянами — капитал, который было необходимо вводить в оборот. Во многом именно он стал основой для бурного развития промышленных областей в Чешских землях — так, на 1850-е гг. приходится расцвет и модернизация добычи угля, визитной карточки богемского производства.

Движение в сторону полноценного представительства в имперских структурах возобновилось с началом 1860-х гг. Февральский патент 1861 г. реформировал систему выборов в законодательные органы монархии, прочно увязав земские сеймы с имперским парламентом. Таким образом, парламентское представительство стало ведущим инструментом политической жизни. Наряду с оживлением печати и закреплением свободы собраний этот год стал точкой отсчета для последовательного развития партийного спектра Чешских земель. Именно на базе образованных в 1861 г. парламентских фракций сформировались первые политические партии региона.

Уже в тот момент складывается характерная для Чешских земель конфигурация, где сосуществовали два аналогичных партийных спектра — чешский и немецкий. Возродившиеся политические группировки еще жестче декларировали себя как исключительно национально-политические структуры. В этом проявилась характерная черта австрийского политического спектра тех лет: партии формировались на базе той или иной национальной элиты, в то время как программные установки отступали на второй план. Подобная монополия элитарных национальных партий, поддерживаемая серьезными ограничениями активного избирательного права, просуществует вплоть до 1890-х гг.

На первом этапе своего развития чешская политика была представлена двумя направлениями, зародившимися еще в ходе революции, — консервативным и либеральным. К консервативному лагерю принадлежала чешская знать, в 1860 г. сформировавшая Партию консервативных крупных землевладельцев под руководством Йиндржиха Клам-Мартиница, Лео Туна и Эдуарда Белкреди. Партия комбинировала традиционные консервативные установки и актуальную национальную программу. К числу первых относилось признание безусловной ценности монархии и ее абсолютистских начал, отрицание революционных движений, поддержка церкви и ее влияния на общественную жизнь и образование, сохранение сословного представительства в законодательных органах. В то же время историческое дворянство настаивало на равноправии наций и территорий («историко-политических индивидуальностей») Австрии. Исходя из этого, страна должна была быть преобразована на федералистских началах с приданием большего веса земским властным структурам.

Флагманом чешской либеральной политики в течение нескольких десятилетий была Национальная партия, ведомая выделившимися еще в 1848–1849 гг. политиками: Франтишком Палацким, Ладиславом Ригером, Августинном Браунером. Формирование полноценного представительства чешских либералов, однако, пришлось на начало 1860-х гг. Ключевым тезисом чешской

либеральной программы также была федерализация страны. Составной частью федералистской концепции была государственно-правовая программа, на принципах исторического права и равноправия народов Австрийской монархии утверждавшая необходимость придания Чешским землям автономного статуса и широкого самоуправления. Автор программы — Ф.Л. Ригер делал особый акцент на единство чешского народа (всех слоев общества, включая дворянство) во имя достижения общих национальных целей. В то же время Национальная партия опиралась и на традиционную риторику о гражданских свободах, в то время как аристократы считали залогом стабильности государства консенсус правителя и крупных сословий. Эти расхождения, впрочем, оказывались не столь значительными перед лицом практической необходимости выступать единым фронтом против немецких политиков Чешских земель — только объединение консервативных и либеральных чешских сил могло составить весомую конкуренцию немцам.

Действительно, старинное, историческое дворянство было естественным союзником Национальной партии с той точки зрения, что также отстаивало идею федерализма, будучи при этом достаточно влиятельной силой. Сотрудничество со шляхтой тем не менее вынуждало Национальную партию придерживаться в известной мере консервативных позиций в отношении механизмов политической работы. Это стало одной из причин постепенного формирования внутри нее группы политиков-младочехов, настаивавших на активной деятельности на всех уровнях имперской политики и отказе от союза с консерваторами. Характерной иллюстрацией расхождения позиций старочешского и младочешского крыльев Национальной партии стало отношение к польскому восстанию 1863 г.: в то время как младочехи высказывались в поддержку поляков, старочешские политики заняли строго негативную позицию, несмотря на то что в целом выступали за взаимную поддержку славянских национальных движений. Это стало одним из первых ярких проявлений размежевания внутри Национальной партии, формально сохранявшей единство вплоть до середины 1870-х гг.

В то же время именно чешские либералы в силу меньшей элитарности течения и возможности опираться на более широкие, чем в случае аристократии, слои населения, стали позиционировать себя как представителей всего чешского народа, причем не только в Богемии, но и в Моравии. Печатным рупором этого представительства должна была стать газета «*Národní listy*», на страницах которой публиковались программные заявления. Их автором, как правило, был Франтишек Ладислав Ригер, последовательно проводивший идеи национального равноправия и расширения самоуправления в отдельных провинциях.

Галиция в период неоабсолютизма

В Галиции период неоабсолютизма связан с деятельностью наместника графа А. Голуховского. За время его правления польское влияние заметно воз-

росло не только в Галиции, но и в империи в целом. Значительная часть польской элиты заняла заметно более выраженную проавстрийскую позицию, нежели в предыдущий период. Все чаще австрийская часть Польши воспринималась поляками как база для будущего возрождения польской государственности²³. Это способствовало тому, что центральные власти стали воспринимать польскую элиту как фактор стабильности не только в регионе, но и в монархии в целом. Одним из основных направлений деятельности Голуховского была борьба против национальных требований «русского» населения. Наместник активно использовал для этой цели опасения Вены относительно чрезмерного усиления российского влияния в регионе. Обвиняя русинов в том, что логика их национального развития неизбежно приведет их к сближению с Россией, наместник стремился к практически полной ликвидации не только Рады, но и «русских» культурно-просветительских учреждений. Тем не менее в Вене только отчасти прислушались к опасениям Голуховского. В результате в 1851 г. «Русьская рада» была распущена и в своем новом формате — по рекомендации имперского правительства — переориентировалась на культурно-просветительскую деятельность²⁴. Одним из основных направлений ее деятельности стало строительство «Народного Дома» во Львове. И «Народный дом», и «Галицко-русская матица», основанная несколько ранее, на долгое время стали основными культурными учреждениями русинов Галиции. Особое значение в эти годы приобрела проблема создания языка науки и культуры. С одной стороны, всеми участниками национального «русского» движения признавалась необходимость опираться на народные говоры, все они также были убеждены в необходимости развивать и дополнять язык. И именно вопрос о том, что станет основой этих дополнений — современный русский литературный язык, украинский язык, находящийся также в стадии формирования, или же так называемое «язычие», смесь местного народного говора, церковнославянского языка и заимствований из русского языка, — стал основой для более глубокой дискуссии о национальной самоидентификации восточнославянского населения Австрийской монархии.

Новый этап в жизни региона начался в 1860-е гг. То оживление общественной жизни, которое охватило Австрийскую империю после Октябрьского диплома, не могло не затронуть и Галицию. На основании Февральского патента в Галиции был создан сейм, формировавшийся на основе куриальной системы. Создание единого сейма соответствовало стремлениям поляков в вопросе сохранения единства провинции. Кроме того, куриальная система практически гарантировала преобладание в сейме польских депутатов. В компетенции сейма находились вопросы провинциального бюджета, формирования аграрной политики, просвещения. Кроме того, именно сейм располагал правом выбирать депутатов рейхсрата. Как отмечают многие исследователи, Февральский патент закрепил позиции так называемых «исторических народов» — немцев, чехов, поляков; остальные же народы не располагали политическим влиянием. В условиях Галиции это означало дальнейшее усиление польского влияния в крае²⁵.

В 1860-е гг. начался новый подъем национального движения восточнославянского населения империи. Именно в этот период обозначились принципиальные противоречия между сторонниками пророссийской и украинской ориентации, которые в конечном итоге привели к формированию двух самостоятельных национальных движений. При этом следует еще раз подчеркнуть, что между этими двумя течениями, несмотря на многочисленные разногласия, не существовало того яростного антагонизма, который характерен для более позднего времени. Одной из важнейших задач в тот момент еще фактически единого «русского» движения оставалось сопротивление польскому натиску, еще более усилившемуся в условиях федерализма. Как отметил один из современных украинских исследователей, именно усиление польско-«русского» (автор говорит об украинском) противостояния стало причиной исчезновения старого типа интеллектуала — «Gente Ruthenus, natione Polonus», — а местная интеллигенция усилила попытки поиска столь же глубоких национальных корней, которыми обладало польское общество²⁶.

В эти годы наиболее активно развивалось пророссийское (русифильское) направление. Важным этапом в его развитии стало начало издания в 1861 г. газеты «Слово», руководимой сначала Б. Дедицким, а затем Я. Головацким. «Слово» оказалось практически первым печатным органом русинов, имевшим достаточное общественное влияние²⁷. В первые годы своего существования газета была рупором не только русофилов, но и всего «русского» национального движения. Позицию большинства русофилов того времени можно охарактеризовать как «малорусскую»; говоря об общерусской культуре и единой Руси, они оставались патриотами «Малой Руси», защитниками идеи «полной автономии нашей малорусичины»²⁸. Именно поэтому на страницах «Слово» нередко печатались авторы, принадлежавшие к украинскому направлению²⁹. Негативно авторами были восприняты и антиукраинские меры официального Петербурга, прежде всего Валуевский циркуляр, изданный в июле 1863 г.

Однако именно на страницах «Слово» в сентябре 1866 г. была опубликована статья грекокатолического священника о. Ивана Наумовича «Взгляд в будущее». В своей статье он заявил, что «многолетние усилия дипломатов и поляков сделать из нас особый народ рутенов-униатов оказались тщетными» и что «Русь Галицкая, Угорская, Киевская, Московская, Тобольская и пр. с точки зрения этнографической, исторической, языковой, литературной, обрядовой — это одна и та же Русь... мы не можем отделиться Китайской стеной от наших братьев и отказаться от языковой, литературной и народной связи со всем русским миром»³⁰. При этом важно подчеркнуть, что, говоря о солидарности с Россией, Наумович имел в виду не современную ему Российскую империю как государство, а общерусское культурное пространство, вхождение в которое даст новый импульс культурному и духовному развитию «русского» народа в Галиции. Будущую Россию он видел при этом как демократическую державу — объединительницу всех славянских племен.

Таким образом, выступление Наумовича фактически стало манифестом русофильского движения, обозначившим его основные идеологические принципы — стремление к культурному и духовному сближению с Россией как центром общерусского культурного пространства.

С именем Наумовича связано и другое заметное явление — так называемое «обрядовое движение». Возникнув в начале 1860-х гг., оно стало фактором, на время объединившим практически все группы «русских» галичан. Непосредственной целью движения было возвращение к нормам восточного обряда грекокатолической церкви. В то же время, согласно концепции И. Наумовича, конфессиональный фактор является одновременно фактором обретения национальной идентичности. В результате, обрядовое движение приняло масштабный характер, что вызвало серьезное беспокойство как галицийской администрации, так и католических кругов провинции. В результате по инициативе грекокатолического митрополита Г. Яхимовича исправление обряда было сначала приостановлено, а затем вовсе прекратилось. Тем не менее «обрядовое движение», несомненно, сыграло заметную роль в формировании национального самосознания галицийских русинов. В целом, 1860-е — 1870-е гг. XIX в. были временем подъема русофильского движения, прежде всего его культурной работы, которая и являлась важнейшей частью его идеологии. Помимо «Слова», выходил целый ряд изданий, действовали культурные институты. В 1874 г. было организовано «Общество им. Качковского», ставшее центром культурной работы галицийских русофилов.

Одновременно набирало силу украинское движение. В начале 1860-х гг. во Львове сложилась группа так называемых «ранних народовцев». В целом, как и украинофильское движение в России, деятельность «народовцев» носила в значительной степени культурно-просветительский характер. Они стремились к сближению с украинским движением в российской Украине прежде всего путем развития национальной культуры и языка, перенося на галицийскую почву такие элементы украинского движения, как увлечение народной культурой и традициями казачества, внедрение нового фонетического правописания и т.д.³¹ В это же время в ряде статей, опубликованных в журнале «Мета» в 1863–1865 гг. и посвященных политическому положению русинов и перспективам их дальнейшего развития, была сформулирована первая политическая программа галицийских украинцев. Говоря о будущем «русского» (украинского) населения Габсбургской монархии, автор этих статей К. Климович высказывал предположение, что оно связано с федеративным переустройством Габсбургской монархии, которая должна была стать, по его мнению, центром притяжения славянских народов в противовес России. В состав будущей федерации могла бы войти и российская часть Украины. Таким образом, в перспективе все украинские земли должны были войти в состав многонациональной федерации всех центральноевропейских народов. В целом идеологию «ранних народовцев» можно расценивать как первый шаг в направлении создания национально-политического украинского движения.

Венгерское королевство в период неоабсолютизма

Закономерным следствием поражения Венгрии в войне за независимость стало установление в стране фактически оккупационного режима. Молодой император Франц Иосиф был решительным сторонником жестких мер в отношении непокорной коронной земли, для которой более не существовало особого статуса в рамках его владений. День для казни 13 революционных генералов и премьер-министра (сложившего с себя полномочия на конституционном этапе развития революции) Л. Баттяни — 6 октября — был назначен не случайно. В этот день в 1848 г. в Вене разъяренная толпа повесила на фонарном столбе военного министра графа Теодора Латура.

Историки затрудняются дать точный ответ, сколько человек было казнено в Венгрии и Трансильвании по приговору военно-полевых судов, поскольку часть приговоров не была приведена в исполнение. Агнеш Деак полагает, что речь может идти о 120–150 казненных и 1000–1200 подвергшихся тюремному заключению³². Военное положение, (в очередной раз) введенное 4 июня 1849 г., просуществовало до 1853 г. в Венгрии и до 1854 г. в переподчиненной Вене Трансильвании. Даже выход в отставку в 1850 г. палача венгерской революции генерала Хайнау не знаменовал собой конца политики устрашения. В сентябре 1851 г. и мае 1852 г. были проведены символические казни революционеров, удалившихся в эмиграцию³³: таблички с их именами были торжественно прибиты к перекладине виселицы. Зримым символом нового порядка стал внушительный комплекс Цитадели — фортификационного сооружения, возведенного в 1851–1854 гг. на горе Геллерт в Буде специально для размещения там австрийского гарнизона.

Суть политики неоабсолютизма в отношении Венгрии заключалась в том, что, восстав против своего законного монарха, венгры лишились всех некогда признанных за ними государственно-правовых привилегий. Некогда единая страна оказалась разделенной на пять административных округов, управлявшихся напрямую из Вены. В бюрократическом аппарате господствовали иностранцы. В делопроизводстве насаждался немецкий язык, но одновременно, чтобы ослабить позиции венгерского языка среди немадьярского населения, поощрялось использование языков национальных меньшинств в школе, печати, общественной жизни. Никакие формы политической организации не допускались, если не считать действий разного рода ассоциаций и иных не представлявших опасными форм самоорганизации граждан.

Ответом на развязанный в стране террор стала политика пассивного сопротивления, которую поддержали в равной мере оппозиционеры-либералы и представители консервативного лагеря. Суть ее заключалась в отказе исполнять любые гражданские обязанности, платить налоги, тарифы и сборы или занимать какие-либо официальные должности и «оттенялась» различными ненасильственными формами протеста против действующих властей. Пункты, касавшиеся, например, неуплаты налогов, носили декла-

ративный характер, так же как и добровольный отказ от официальных должностей не распространялся на чиновников, для которых служба была по сути профессией. Общество продемонстрировало редкую изобретательность в неформальных выражениях своего отчуждения от репрессивного государства. У мужчин в моду вошли (запрещенные властями) окладистые бороды а-ля Кошут, в обществе тайно ходили списки стихотворений, воспевавших революцию и ее мучеников. На светских балах и скромных сельских праздниках венгры всех сословий предпочитали чардаш прежде модным вальсу и польке.

Основное содержание программы консерваторов, точнее, неоконсерваторов, как стали называть поколение, действовавшее на политической сцене после подавления революции, заключалось в сохранении связи с империей, как она была определена в Прагматической санкции, признававшей особый статус Венгрии во владениях Австрийского дома. Не вступившая в силу, но служившая ориентиром при выработке внутренней политики Конституция 4 марта 1849 г. решительно ими осуждалась. Неоконсерваторы были готовы делегировать Вене дипломатические, военные, финансовые полномочия, но в остальном требовали восстановления полномочий собственных венгерских органов исполнительной власти (в объеме, действовавшем до принятия апрельских законов). Требование подотчетности правительства парламенту казалось им излишней нормой. Одновременно (можно сказать, неизменно) они настаивали на высоком имущественном цензе при выборах в парламент.

Война за независимость выкосила ряды венгерских либералов: многие погибли на полях сражений, были брошены в тюрьмы, покинули страну. Особым авторитетом в кругу единомышленников пользовались два бывших министра революционного правительства — Ференц Деак и Йожеф Этвёш. В отличие от товарищей в эмиграции, которые, подобно Кошуту, эволюционировали в сторону демократического радикализма, оставшиеся в стране либералы проявляли склонность к умеренности, высказывали идеи, близкие к тем, что развивали централисты — умеренные либералы предреволюционного и революционного периода. Им, постоянно подозреваемым властями в нелояльности, приходилось быть крайне осторожными в суждениях. В отличие от консерваторов, они приняли основные положения Конституции 4 марта, за что получили в глазах общественного мнения ярлык соглашателей. С одной стороны, либералам были близки планы федерализации империи, бравшие за основу историческое право (понимаемое не как мертвая буква закона, но как комплекс действующих административных, политических, юридических норм), а с другой — они искали пути реорганизации на дуалистических началах, где политический централизм сочетался бы с административной децентрализацией.

Кризис, в котором оказалась Австрийская империя на рубеже 1850-х — 1860-х гг., привел к началу процессов глубокого реформирования государства, и одним из двигателей — прежде всего как выразитель недовольства

половинчатостью мир — выступала Венгрия. И Октябрьский диплом, и Февральский патент, с одной стороны, отменяли наиболее одиозные меры баховской системы, восстанавливали в урезанном виде институты исполнительной и законодательной власти, но с другой — оставляли за центральным правительством полномочия, достаточные для того, чтобы блокировать реформаторские устремления венгерской политической элиты. Для Вены отправной точкой дальнейших преобразований был, условно говоря, 1847 год, в то время как либеральное поколение, видевшее на своем веку масштабные преобразования общества в 1848 г., не хотело отказываться от важнейших завоеваний революции.

В 1861 г., впервые после 1848 г., в Венгрии прошли выборы в Государственное собрание. Чтобы символически порвать с традицией революционного парламента, заседавшего в Пеште и в ст. 1 апрельских законов провозгласившей Пешт местом работы высшего законодательного органа королевства, император назначил местом проведения Государственного собрания Буду. Это привело к бойкоту церемонии открытия, на которую явилось всего 80 человек. Свидетельством того, что в политической элите не было единства в тактических вопросах, стали дебаты депутатов вокруг формы обращения к монарху. Должны ли возражения против прописанной в Февральском патенте политической системы быть изложены в форме «резолуции» или в форме более верноподданнически звучащей «петиции»? «Партия петиции», также именуемая «партией Деака» (за ней было парламентское большинство), выказывала готовность идти на некоторые уступки Габсбургам, если те признают и сохранят важнейшие элементы венгерской государственности. «Партия резолюции», напротив, требовала восстановления в полном объеме законов 1848 г. — вынужденно санкционированных и затем отозванных венским двором. Впрочем, после нескольких месяцев дебатов Государственное собрание — отказавшееся делегировать депутатов в рейхсрат — было распущено императором. Как временная мера был установлен режим автократического централизма, известный как провизориум Шмерлинга и действовавший до 1865 г.

В период неоабсолютизма Вена не собиралась полностью удовлетворять требования *словацких* деятелей, при этом заигрывала с ними по второстепенным вопросам. Так, словацкий язык (точнее, так называемый «старословацкий», т.е. по сути чешский) преподавался в начальных и нескольких средних учебных заведениях. Также он мог использоваться в государственных учреждениях словацких округов (дистриктов). На этот язык был переведен и имперский свод законов. Венский двор приблизил к себе группу консервативного идеолога «славянской взаимности» Яна Коллара (1793–1852), дистанцируясь от молодых радикалов, стоявших во главе Словацкого национального совета. С 1849 г. в Вене стала выходить проправительственная «Slovenské noviny» («Словацкая газета»). С позволения властей стали выходить и некоторые другие периодические издания на словацком языке.

Всплеск активности словацкой общественно-политической жизни пришелся на начало 1860-х гг., когда вследствие конституционных изменений в империи в Венгерском королевстве восстанавливалось Государственное собрание. Именно в этот период национально мыслящие словаки стали активнее проникать в госучреждения. В марте 1861 г. в Пеште вышел первый номер впоследствии влиятельной словацкой газеты «Пештбудинские ведомости» под редакцией Яна Францисци. После призыва в данном издании в июне 1861 г. в Турчанском Святом Мартине* было проведено массовое собрание, на котором в присутствии более чем 6 тыс. человек был торжественно принят «Меморандум словацкого народа», ставший по сути национальной программой словаков. Авторами меморандума выступили Штефан Дакснер и Я. Францисци. В частности, в нем декларировалась необходимость образования в Венгрии автономного «Словацкого околья», или «дистрикта». В целом авторы меморандума исходили из признания целостности Венгрии и естественного права народов. В декабре того же года императору был преподнесен следующий документ, получивший известность как «Венский меморандум», который конкретизировал словацкие пожелания³⁴.

Подготовка первого меморандума вызвала серьезные дискуссии в лагере национально мыслящих словаков, вылившиеся в его разделение на так называемую Старую школу и Новую школу. Лидером последней стал Ян Паларик. Сторонники Новой школы считали выделение словацкой территории в Венгрии чересчур радикальным шагом, критиковали австрофильство и русофильство «меморандистов» (Старой школы), предпочитая ориентироваться на венгерские партии.

4 августа 1863 г. была торжественно открыта Словацкая Матица — культурная институция словаков, претендовавшая на общенациональный статус. Данное императором разрешение на ее открытие традиционно связывается с имевшим место ухудшением австро-венгерских отношений и необходимостью уступок немадьярским народностям. Примечательно, что император также внес на нужды Матицы пожертвование в размере тысячи золотых, хотя и отказался стать протектором организации. В историографии утвердилось мнение, что период 1863–1867 гг. был наиболее благоприятным для функционирования Матицы в Габсбургской монархии. Показательно, что к 1867 г. она насчитывала свыше 1100 членов — в основном представителей интеллигенции, сторонников Старой школы. Хотя, согласно уставу, организация не могла заниматься собственно политической деятельностью, в действительности Словацкая Матица являлась единственным действенным национально-политическим органом словаков, что было очевидно современникам и впоследствии, в 1875 г., послужило причиной закрытия данной институции³⁵.

* *Турчанский Святой Мартин* — историческое название города Мартин в Словакии; официальное венгерское название до 1918 г. — Туроцсентмартон.

В целом период 1848–1867 гг. ознаменовался значительной эмансипацией словаков в Венгрии и постепенным формированием словацкой политической сцены. Словацкий вопрос, по сути, впервые встал на общегосударственную повестку дня. Спецификой словацкой политики стало более или менее удачное тактическое маневрирование между Веной и Пештом, имевшее стратегической целью отстаивание собственных национальных интересов. На практике это вылилось в размежевание словацких деятелей на Старую и Новую школу, больше ориентировавшиеся, соответственно, на Вену и Пешт. Несмотря на отсутствие у словаков в данный период политических партий в узком смысле слова, словакам удалось создать собственный репрезентативный национально-культурный орган, Матицу, которая де-факто отчасти выполняла и политические функции. В то же время часть словацкого общества сознательно ориентировалась на венгерские партии.

В 1850-е — 1860-е гг. *русинские* интеллектуалы, оставшись без поддержки государства, продолжили свою посильную деятельность преимущественно на культурном фронте — в рамках организаций «Литературное заведение Пряшевское» (1850–1853), Общество св. Иоанна Крестителя (основано в 1862 г.) в Прешове и Общество св. Василия Великого (основано в 1866 г.) в Ужгороде. Последние два общества типологически напоминали более влиятельную Матицу Словацкую. Как и в случае с наиболее заметной организацией словаков, русинские культурные общества де-факто являлись единственными национально-политическими представителями русинского меньшинства³⁶. В то же время отдельные национально мыслящие русины (Ю. Маркуш, А. Шерегель в 1861 г., А. Добрянский в 1865 г.) все-таки представляли русинское меньшинство в венгерском парламенте³⁷.

Таким образом, период 1848–1867 гг. в Угорской Руси был ознаменован ростом русинского самосознания и, как следствие, постепенным началом русинской политической жизни. Кратковременное существование Ужгородского округа наглядно продемонстрировало национальные потенции угорских русинов. Поэтому в 1850-е–1860-е гг. русинская культурная и, в меньшей степени, политическая жизнь имела ориентиры дальнейшего собственного развития.

Сербское Воеводство и Темешский Банат в годы неоабсолютизма

18 ноября 1849 г. в благодарность за участие в борьбе с венгерским революционным национально-освободительным движением император Франц Иосиф I даровал сербам монархии автономию вне границ оккупированной и расчлененной Венгрии в рамках вновь созданной территориально-политической единицы — Сербская Воеводина и Темешский Банат — с центром в Темешваре. Этой автономии сербы добились во многом благодаря помощи российского правительства. К Воеводине не были присоединены земли Военной границы, где проживали сербы, но зато в нее вошли территории,

населенные румынами. Провозгласив себя «великим воеводой», император фактически передал управление австрийским генералам. У современников сложилась ироничная, но правдивая поговорка: «Сербы награждены за верность тем, чем венгры наказаны за непокорность».

Сербы в этой административной единице получили в первую очередь церковную, а не национальную автономию. В новообразованной провинции проживали всего 321 тыс. сербов (это объясняется существенными потерями населения за 1848–1849 гг. и вспыхнувшей во время революции эпидемией холеры в Венгрии³⁸), 397 тыс. румын, 335 тыс. немцев и 221 тыс. венгров³⁹. «Сербская Воеводина, — писал позже очевидец, сербский писатель Яков Игнятович, — была мертворожденным детищем, национальной карикатурой. Объединили несколько народов, парализовали их национальные стремления, и вся эта смесь кристаллизовалась в организм с немецким сердцем. Всей этой массе народа навязали немецкий образ жизни»⁴⁰. Преждевременно испугавшись мадьяризации, сербы лицом к лицу столкнулись с германизацией и до того момента практически неизвестной им австрийской бюрократией.

Когда в декабре 1851 г. Сильвестровским патентом Франц Иосиф приостановил действие октроированной Конституции 1849 г., в монархии начался период неоабсолютистских экспериментов. В стране прошли масштабные реформы, которые охватили и Сербское Воеводство. Были введены общие налоги и равенство граждан перед законом. На населенных сербами территориях вместо венгерского «Трипартитума»* в силу вступило Всеобщее гражданское уложение Австрии. Преобразования коснулись и экономической сферы — власти пытались развить на востоке монархии капиталистические отношения. Проводимые Венной реформы не были целесообразны в преимущественно аграрных регионах — они в большей степени соответствовали интересам западных областей Австрии, в которых активно развивалась промышленность. Особенно от этих перемен пострадала сербская элита. Воспитанное в феодальную эпоху, привыкшее к низкой конкуренции в границах Венгрии, в условиях капиталистических отношений местное дворянство с трудом пережило затяжной кризис, который завершился утратой не только финансового благосостояния, но и политического влияния в обществе. Лидерство перешло в руки нового для сербов класса — торгово-банковской буржуазии. В условиях, когда сербы находились на этапе становления гражданского общества, это существенное изменение стало ключевым для национального развития во второй половине XIX в.

«Баховские гусары [как называли одетых в униформу чиновников при министре А. Бахе] вели себя в Сербском Воеводстве как оккупанты: всюду присутствовали военные и полицейские патрули, которые постоянно составляли списки подозрительных лиц и держали их под надзором. Пресса

* «Трипартитум» — частная кодификация права второй четверти XVI столетия в Венгерском королевстве, позднее официально включен в свод венгерских законов.

подвергалась строжайшей цензуре. В то же время грамотные сербы получили шансы для построения карьеры в сфере местного самоуправления. Однако развитие национальных институтов в этих условиях было невозможно. Более того, содержание бюрократического аппарата дорого обходилось населению — огромные налоги тяготили все слои общества, но в большей степени ударяли по крестьянам, которые искренне желали режиму скорейшего падения⁴¹.

Во время Крымской войны (1853–1856) сербы и венгры продемонстрировали намерение преодолеть былые политические разногласия — бороться с германизацией и баховским абсолютизмом можно было, только объединив усилия. Поражение австрийцев от франко-сардинских войск в битвах при Мадженте и Сольферино в 1859 г. вызвало волну воодушевления в Воеводине. На улицах появились сербские и венгерские знамена, в кафанах и ресторанах музыканты играли коло и чардаш. Уверенные в том, что от лояльности венскому двору мало толку, сербы решили добиваться своих идеалов в согласии и плодотворном союзе с Пештом. За время абсолютизма из политической обоймы выпало разорившееся дворянство, руководившее национальным движением в годы революции 1848–1849 гг., поэтому проводником сотрудничества с венгерскими политиками стала нарождавшаяся национальная интеллигенция.

В последние месяцы существования режима промадьярские настроения были настолько сильны, что сербы на улицах славили своего заклятого врага Лайоша Кошута, а патриарх Раячич, не склонный к союзу с венграми, даже отслужил поминальный молебен по скончившему с собой в венской больнице для душевнобольных Иштвану Сечени⁴².

Под давлением венгров император Франц Иосиф I издал в 20 октября 1860 г. Октябрьский диплом, который устанавливал конституционную монархию и переустройство страны по принципу федерализма. В нем ни слова не было о сербских территориях, из титула исчезло именование сербским воеводой. Было очевидно, что венгры, не желая нарушать целостность земель короны св. Стефана, потребовали ликвидировать Сербское Воеводство. 27 декабря 1860 г. было принято окончательное решение по этому вопросу. Венгры и немцы ликовали, сербы и румыны в знак траура вывесили черные флаги. Назревал новый конфликт политических и национальных интересов сербов и венгров, поиски устранения которого будут продолжаться на протяжении всего периода существования двуединой монархии.

Хорватия-Славония в период неабсолютизма

Для Хорватских земель итоги революции 1848–1849 гг. оказались неоднозначными. Несмотря на то что хорватская элита во время революционных событий оказала поддержку официальной Вене, а бан Елачич сыграл значительную роль в подавлении венгерского революционного движения,

национальные чаяния хорватов были удовлетворены лишь частично. Уступки, на которые пошла Вена, были необходимы прежде всего для ослабления Венгрии. Они были обозначены в мартовской (октроированной) Конституции 1849 г., по поводу которой тогда говорили, что «хорваты получили ее в награду, а венгры в наказание»⁴³. Согласно этой Конституции, Гражданская Хорватия (северо-западные и восточные хорватские земли — Хорватия, Славония, Приморье и Риека, а также Воеводина) выходила из-под венгерской юрисдикции. Сабору Хорватии было разрешено начать переговоры с представителями Далмации об объединении этих областей, т.е. о воссоединении хорватских территорий⁴⁴.

Согласно императорскому указу, в 1850 г. Загреб получил статус города, а в 1852 г. было учреждено Загребское архиепископство, благодаря чему хорватская церковь стала независимой от венгерской⁴⁵. В то же время не был решен один из основных вопросов, поднимавшихся в «Требованиях народа» (программа хорватского национального движения в революционный период), касавшихся объединения Гражданской Хорватии с Далмацией и Военной границей (пограничные с Османской империей хорватские земли)⁴⁶. В 1850 г. были распущены хорватский сабор и Банское вече (совет — орган исполнительной власти в Хорватии, действовавший с 1848 г.), которое было заменено на Банское правительство, подчиненное императору (существовало до 1854 г.). Как писал историк Й. Хорват, «Елачич больше не был нужен Вене, и ему это дали понять»⁴⁷. Вене был не нужен не только Елачич, но и его соотечественники, «Требования» которых во время революции мало чем отличались от «12 пунктов» — венгерской революционной программы⁴⁸. В декабре 1851 г. император Франц Иосиф, как говорилось выше, издал так называемый «Сильвестров патент», который отменял октроированную Конституцию. По выражению М. Гросс, она была «компромиссом между абсолютистско-монархическим началом и либеральными концепциями 1848 г., при этом абсолютистское начало преобладало»⁴⁹. Для Хорватских земель, как и для всей Габсбургской монархии, наступил период неабсолютизма, или «баховского» абсолютизма», продолжавшийся вплоть до 1859 г.

В хорватской историографии период неабсолютизма почти всегда оценивался двояко. Наряду с осуждением германизации историки признавали важность проведенных в те годы реформ для ускорения процессов модернизации в хорватских землях. Уже в начале XX в. такую оценку 1850-м г. дал Р. Хорват, автор книги «Новейшая эпоха хорватской истории» (1906). Он отмечал, что хорватское национальное движение в те годы переживало не лучшие времена, но проведенные в период неабсолютизма реформы в области правосудия, управления, школьного образования, проводившиеся в те годы, заслуживают положительной оценки⁵⁰. Схожего мнения придерживался и его современник М. Марьянович, который в работе «Современная Хорватия» (1913) отмечал, что благодаря этим реформам в Хорватии была введена современная административная система, но вместе с тем политическая жизнь была уничтожена, национальная замерла, а культурная

едва теплилась⁵¹. Ф. Шишич в работе «История хорватов: обзор истории хорватского народа в 1526–1918 гг.» (1920) среди положительных явлений неабсолютизма называл временное освобождение хорватских земель из-под венгерской юрисдикции⁵². В историографии межвоенной Югославии преобладали другие оценки. Й. Хорват в работе «Политическая история Хорватии» (1936–1938) он выступил с однозначным осуждением неабсолютизма как периода реакции, отмечая, что венгерская «опасность» в те годы была меньшим злом в сравнении с габсбургской⁵³. В хорватской историографии социалистического периода произошел возврат к прежней оценке неабсолютизма, которая сочетала в себе осуждение германизации и централизации наряду с позитивной оценкой модернизационных процессов⁵⁴. Эта оценка присутствует и в современной хорватской историографии. Однако дискуссия продолжается⁵⁵.

В области общественно-экономических отношений 1850-е гг. для хорватских земель стали переходным периодом, который характеризовался отказом от феодального уклада и переходом на капиталистические рельсы развития. Основы этого развития были заложены еще в 1848 г., когда хорватский сабор освободил крестьян от урбариальных повинностей (т.е. барщины и оброка), от административной и судебной власти помещиков. В то же время помещикам гарантировалась компенсация за утрату своих некогда монопольных прав. Эти решения подтверждались и дополнялись императорскими патентами от 1853 и 1857 гг.: для крестьян вводился специальный налоговый сбор, за счет которого формировался выкупной фонд, помещикам же выдавались выкупные облигации. Но помещичьим хозяйствам не хватало ни капиталов, ни рабочей силы, поэтому в 1850-е гг. развернулась ожесточенная борьба за неурбариальные земли (например, за «горные земли», т.е. виноградники), за леса и пастбища. Согласно патенту 1857 г., крестьяне могли свободно охотиться и заготавливать дрова в тех лесах, которые они использовали до 1848 г., а в господских лесах они могли это делать только за плату⁵⁶. Но раздел (сегрегация) и округление имений (комасация) всегда осуществлялись не в пользу крестьян. Кроме того, помещики захватывали принадлежавшие крестьянским общинам леса и пастбища. Проблема разграничения крестьянских и помещичьих земельных владений оставалась для Хорватии актуальной вплоть до начала XX в.⁵⁷

Период неабсолютизма стал для экономического развития хорватских земель первым этапом по ликвидации феодальных институтов и перехода на капиталистический путь развития. В 1851 г. были упразднены внутренние таможенные барьеры, через год были изданы «Временные инструкции о регулировании торговли и ремесел в королевстве Хорватия-Славония», а в 1852 г. были учреждены торгово-промышленные палаты, которые являлись законными представителями торгового, промышленного и ремесленного капитала при центральном правительстве. На территории Хорватии такие палаты были учреждены в Загребе, Осиеке, Риеке, Сисаке и Сене⁵⁸. В Загребе и Риеке были открыты филиалы австрийского Национального банка,

предоставлявшие краткосрочные кредиты хорватской торговле и промышленности. В течение 1850-х гг. императором Францем Иосифом I было издано несколько официальных распоряжений о регулировании отношений между городом и деревней и о добыче полезных ископаемых, а в 1859 г. было отменено цеховое устройство и провозглашена свобода ремесленного производства. Однако у такой «модернизации сверху» были и негативные стороны. Она осуществлялась только до той степени, какая была выгодна неоабсолютистской власти, которая вовсе не стремилась поддерживать производство в Хорватии, а, напротив, старалась извлечь из хорватских земель как можно больше прибыли, для чего и принимались эти «централизаторские» законы. Представители хорватских торговых слоев не могли конкурировать с владельцами промышленных предприятий из более развитых австрийских земель и из иностранных государств.

В политическом и культурном отношении хорватские земли в 1850-е гг. в. стали объектом германизаторской политики австрийских властей. Как и в большинстве областей Габсбургской монархии, в Хорватии-Славонии немецкий язык вводился в административных учреждениях. В 1854 г. банское правительство было переименовано в «императорско-королевское наместничество», а Й. Елачич лишь формально продолжал оставаться баном. Число хорватских жупаний было уменьшено с шести до пяти (за счет укрупнения Вараждинской жупании), и они были поделены на 46 котаров (округов). Если в 1850–1854 гг. в каждом жупанийском управлении насчитывалось по восемь чиновников, то теперь такое же их количество насчитывалось в каждом котаре. Все делопроизводство велось на немецком. Чиновники, назначавшиеся для управления хорватскими котарами, в большинстве случаев не знали хорватского языка. Все это приводило к многочисленным нарушениям (к примеру, во время судебных заседаний, которые проводились на немецком, свидетели, не понимавшие его, ставили крестики на листах протоколов)⁵⁹. В 1854 г. немецкий стал языком преподавания в хорватских средних школах. Хорватская печать подвергалась жесткой цензуре, а многие национально ориентированные печатные издания были закрыты. Более того, многие прежние участники иллирийского* движения, как, например, И. Мажуранич, стали служить новому, абсолютистскому режиму.

Однако политику германизации, проводившуюся неоабсолютистским режимом в Хорватии, нельзя назвать полностью успешной. Официальная Вена все же опасалась в хорватских землях возникновения недовольства на национальной почве. Об этом говорит, например, тот факт, что императорское распоряжение об обязательном использовании немецкого языка в

* *Иллиризм* — общественно-политическое и культурное движение в 1830-е — 1840-е гг. в Хорватии и Славонии, идеологи которого (Л. Гай, Л. Вукотинович, И. Мажуранич, И. Кукульевич-Сакцинский) выдвигали в качестве главной цели движения литературно-языковое объединение южных славян, считая это предпосылкой для их политического объединения в будущем.

непосредственной работе «императорско-королевского наместничества» и для служебной переписки с чиновниками отдельных котаров, не был официально обнародован в Хорватии-Славонии по личной просьбе А. Баха, адресованной Елачичу⁶⁰. В некоторых котарах хорватский все же использовался в работе местной администрации, на нем велась вся документация, а немецкий использовался только для переписки с вышестоящим начальством. Более того, многие чиновники — нехорваты по национальности и происхождению ввиду незнания большинством хорватов немецкого языка сами учили хорватский, что только помогало им в работе с местными жителями. Именно в период неоабсолютизма число начальных школ в Хорватии-Славонии увеличилось почти в два раза: если в 1851 г. их насчитывалось 229, то в 1859 г. — уже 391. В первой половине 1850-х гг. для средних школ было издано 18 учебников на хорватском языке⁶¹. Время неоабсолютистского правления оказалось благотворным для хорватской науки и культуры: бывшие участники иллирийского движения, которые не могли заниматься политической деятельностью, смогли проявить себя на этом поприще. В 1850 г. И. Кукульевичем-Сакцинским было создано «Общество истории и древностей югославянских». В том же году группа хорватских и сербских литераторов заключили в Вене соглашение о единстве литературного языка. В 1850-е гг. издавалась литературная газета «Neven», продолжала свою деятельность основанная еще в 1842 г. Матица иллирска, Хорватский национальный театр (1860).

Тем не менее хорватское национальное движение не ограничивалось лишь культурной составляющей. На смену иллиризму приходят две новые идейные концепции хорватского национального движения: югославизм (Й.Ю. Штросмайер, Ф. Рачки) и хорватский «эксклюзивный» национализм, или правашство (А. Старчевич, Е. Кватерник), лидеров и сторонников которых не устраивала сложившаяся в империи политическая и экономическая ситуация. Подъему этого движения и недовольству правящим режимом способствовали и внешнеполитические факторы: война с Францией и Сардинским королевством, в которой Австрийская империя потерпела поражение; мировой финансовый кризис 1857–1858 гг., который подорвал и без того непростую экономическую ситуацию в монархии, и объединение Италии в 1860 г., пример которой вдохновлял участников национальных движений ненемецких народов. В том же, 1860 году по городам Венгрии прокатилась волна демонстраций, участники которых требовали возвращения к законодательным нормам 1848 г. (т.е. к признанию суверенитета Венгрии), скандировали имена Кошута и Гарибальди. Протестная волна захватила и хорватские земли, население выражало солидарность с венграми. Император Франц Иосиф был вынужден пойти на уступки не только венграм, которые добились ликвидации административной раздробленности в Венгрии, но и хорватам. В 1860 г. был смещен непопулярный в Хорватии бан И. Коронини-Кронберг, назначенный после смерти Елачича в 1859 г., в Загребе начала выходить газета «Pozor», в будущем ставшая печатным

органом хорватских югославистов, в Вене был учрежден «хорватско-славонский дикастерий» (канцелярия), во главе которого встал И. Мажуранич. В 1861 г. был созван хорватский сабор, который получил название «Великий». Именно на его заседаниях определились основные течения хорватского национального движения и были представлены зарождавшиеся политические течения и формировавшиеся политические партии, определявшие политическое развитие хорватских земель в последующие десятилетия.

Румыны Трансильвании в период неоабсолютизма

После поражения венгерской революции 1848–1849 гг. в соответствии с возобладавшем в империи принципом централизации Трансильвания и Банат оказываются под властью австрийской военно-бюрократической администрации, стремившейся к подавлению как венгерской, так и румынской националистической активности. Главной задачей внутренней политики в крае было ослабление позиций венгров (в том числе в системе местного управления).

Именно по этой причине власти не пошли на восстановление крепостной системы, что объективно послужило интересам преимущественно крестьянских этносов монархии, в том числе румын. С освобождением крестьян были созданы условия для расширения социальной базы национального движения. Удар, нанесенный системой Баха по позициям венгерского дворянства, был положительно воспринят в политически активной румынской среде, увидевшей для себя новый шанс. «Добрая воля» Вены в отношении румынских крестьян способствовала усилению легитимистских, проабсбургских настроений. Венский двор, как и в XVIII в., воспринимался как защитник от притеснений венгерских помещиков⁶².

Поражение венгерской революции обесценило для династии значение тактических союзов с румынским национальным движением, усиление которого не отвечало задачам унификации управления империей. Вооруженные отряды румын были распущены, ликвидированы возникшие на контролируемой ими территории органы местной власти. Часть активистов румынского движения выбрала эмиграцию. Наиболее влиятельным румынским лидером был православный епископ Сибиу А. Шагуна, продолжавший связывать с Веней надежды на воплощение национальных чаяний. Именно в этом качестве его рассматривали и при дворе, обсуждая прежде всего с ним (а также с главой еще более влиятельной в крае румынской грекокатолической церкви Блажским униатским епископом А. Стерка-Шулуциу) вопросы положения румын: заручиться лояльностью церковных иерархов означало поставить под контроль румынское движение⁶³. Аналогичной была ситуация в соседней Буковине, где православные румыны и русины составляли около 70% населения.

Главной публичной фигурой, представлявшей перед лицом Вены доминировавшее в Буковине православное население, был, вне всякого сомнения,

епископ Е. Гакман, этнический румын, получивший высшее теологическое образование в Вене и обладавший широкими связями в венских административно-правительственных кабинетах. Возглавляя почти 40 лет (1835–1873) Буковинскую епископию, а в конце жизни, после выхода епископии из-под юрисдикции Карловацкой митрополии, самостоятельную Буковинскую митрополию, Гакман не только не препятствовал германизаторским тенденциям, но в известной мере их поощрял: немецкий язык постепенно утверждается в качестве языка внутрицерковной переписки, что объяснялось, впрочем, объективными потребностями рационализации и унификации внутрицерковных механизмов в условиях, когда в пределах епархии примерно в одинаковых пропорциях существовали румынские и русинские приходы. Попытки части румынского клира сделать православную церковь Буковины (одну из традиционных опор молдавской и — шире — румынской культуры) эффективным и отвечающим новым условиям механизмом национального движения блокировались австрийской бюрократией, заинтересованной не только в сохранении, но и в углублении румыно-русинских противоречий в крае.

Не выступая против усиления центральной власти, румынские деятели Трансильвании просили восстановить ее автономию (отделив ее от Венгрии) и обеспечить более широкое представительство румын в органах местной власти. Как программа-максимум выдвигалось требование объединить всех румын империи в единой административной единице, что не соответствовало особенностям расселения этноса и в принципе не отвечало стратегии австрийского неоабсолютизма. Фигурировало и требование церковной автономии, создания в рамках империи самостоятельной румынской национальной православной церкви, не подчиненной Карловацкой митрополии, где доминировало сербское духовенство. По мнению же властей, румыны в империи пока не созрели для приобщения к управлению краем в силу невысокого в среднем уровня образования и политической культуры в румынской среде (количество румын-чиновников на местах к 1860 г. не превышало 200 человек).

Столкнувшись с противодействием Вены, румынское движение в монархии эволюционирует не к радикализму, а к еще большей умеренности. Его представители, связанные с церковными иерархами, по сути, ограничивают свои требования созданием незначительной по территории румынской административной единицы с центром в Блаже, где в 1853 г. было основано румынское грекокатолическое епископство. Оно распространяло свое действие не только на Трансильванию, но и на Восточную Венгрию, став первым выходившим за узкорегionalные рамки общенациональным румынским институтом в монархии. Но православные, составлявшие примерно половину румынского населения в империи, до 1863 г. (а в Буковине и позже) подчинялись сербскому архиепископству в Сремских Карловцах. Зная о большом моральном авторитете Шагуны, наиболее влиятельного национального лидера, венские власти не хотели еще больше усиливать его влияние повышением статуса румынской православной епископии. Они стремились также

блокировать возникновение союза сербского и румынского национальных движений, считая целесообразным сохранение противоречий между ними. Лишь многократно убедившись в лояльности Шагуны, Вена в 1864 г. дала согласие на создание румынской православной митрополии.

Куда более радикальной была политическая программа румынской эмиграции, которую формировал валахский революционер и участник событий 1848–1849 гг. в Трансильвании Н. Бэлческу. Им выдвигается план создания Дунайских Соединенных штатов на основе взаимного компромисса народов, населяющих регион. Это перекликалось с концепциями Дунайской конфедерации, которые прорабатывал в изгнании Л. Кошут. Крупнейшие политики двух наций, озабоченные поисками путей разрешения национальных противоречий, установили контакты⁶⁴. Однако сблизить позиции не удалось. Кошут в то время был против отрыва Трансильвании от Венгрии, не будучи уверенным в способности венгерской дворянской элиты монополюльно управлять этим краем. Бэлческу же неизменно видел в Трансильвании самостоятельную единицу в любого рода конфедеративных проектах и, более того, ссылаясь на долю румын в составе населения, подвергал сомнению исторические права венгерского дворянства на политическое доминирование, что было совсем неприемлемо для венгерских политиков.

Сверх того, задачей-максимум он считал в перспективе объединение всех «дако-румын» в одном государстве, что угрожало целостности монархии Габсбургов. Впрочем, в самой монархии в румынском движении тон задавали умеренные и лояльные династии политики во главе с А. Шагуной, торжествовал политический реализм. Как бы то ни было, внешнеполитический фактор продлил поиски компромисса между венгерским и румынским движениями. В условиях Крымской войны и оккупации в 1853 г. русскими войсками Дунайских княжеств Кошут в надежде на создание антигабсбургской коалиции ведет переговоры с румынской элитой; на этом фоне и в Трансильвании немного оживают как венгерское, так и румынское движения. Конец антигабсбургским «интригам» по обе стороны Карпат был положен через год, когда российскую оккупацию княжеств сменила австрийская.

В 1857 г. под давлением венгерской аристократии экономически ослабленный венский двор объявил амнистию, возвращение в Трансильванию массы политических эмигрантов укрепило базу венгерского движения. Со своей стороны, господарь А.И. Куза, с 1859 г. правитель обоих Дунайских княжеств, проводил антиавстрийскую политику и не прочь был разыграть против Габсбургов венгерскую карту, установив контакты с эмигрантской элитой. За поддержкой антиавстрийской коалиции скрывались конкретные расчеты на возвращение Буковины. Но компромисс достигнут не был, поскольку венгры настаивали на своем политическом доминировании в Трансильвании в соответствии с историческим правом. Приход же к власти в 1866 г. в объединенном румынском княжестве будущего первого короля Румынии (в этом качестве с 1881 г.) Кароля Гогенцоллерн-Зигмарингена, склонного к хорошим отношениям с домом Габсбургов, сделал

неактуальными поиски диалога между румынским и венгерским движениями на антигабсбургской платформе (как и использование румынского государства в качестве плацдарма для соответствующей деятельности)⁶⁵.

Активизация антиавстрийского движения в Северной Италии усилила внутривнутриполитический кризис и вынудила Габсбургов в 1860 г. отказаться от неабсолютистского режима, встать на путь конституционных экспериментов, пойдя на компромисс с аристократией венгерских, чешских, польских земель, требовавший ограничения центральной власти в пользу традиционных местных элит, готовых, в свою очередь, проявить лояльность в обмен на укрепление позиций на местах. Речь шла о признании права на автономию исторических земель и о восстановлении исторических прав венгерской элиты в Трансильвании. Была воссоздана трансильванская придворная канцелярия, образованы земельные административные органы в Коложваре (со структурами, занимавшимися положением румын), встал вопрос о созыве местного собрания. Венгерские политики либеральной ориентации, верные идеалам революции 1848 г., требовали унии Венгрии и Трансильвании. Деятели румынского движения, включая церковных иерархов, были довольны обещанием автономии и декларированным признанием румын равноправной нацией, что усиливало их прогабсбургские ориентации.

Обещание трансильванской автономии было связано с незаинтересованностью Вены в объединении венгров в одной политико-административной структуре в рамках монархии. При дворе не исключали возможности умело разыграть против венгров румынскую карту. Франц Иосиф, принимая в 1861 г. румынскую делегацию, заверил ее, что не допустит объединения Венгрии и Трансильвании в единое политическое целое. Но игнорировать интересы самого мощного и организованного, обладавшего широкими международными связями национального движения, в Вене в сложившейся внешнеполитической обстановке не могли, что проявлялось в последующих конституционных экспериментах 1860-х гг.

Начавшиеся конституционные эксперименты способствовали активизации внутривнутриполитической жизни в разных землях империи. В апреле 1861 г. венгерское Государственное собрание выступило с требованием полной автономии Венгрии, объединенной с управляемой венгерской элитой Трансильванией, поскольку это заметно усиливало позиции Венгрии перед диктатором Вены. В основе представлений венгерских национальных лидеров Ф. Деака и Й. Этвёша лежала идея единой венгерской политической нации, включавшей в себя национальные меньшинства. Румынам было обещано обеспечение гражданского равноправия, развития национальной школьной системы, культурных обществ, автономии национальных церквей, использования своего языка в комитатских органах власти (а также в судебной практике). Однако между максимумом уступок, на которые готовы были пойти наиболее дальновидные из венгерских либералов, и тем минимумом, который считали приемлемым для себя представители нацменьшинств, пролегла пропасть, не только не преодоленная, но в эпоху дуализма все более расширявшаяся.

Хотя Государственное собрание 1861 г. было вскоре распущено, эпоха конституционных экспериментов не завершилась. Власти приняли идею созыва Трансильванского собрания, рассчитывая сделать его лояльным Вене инструментом давления на венгерскую либеральную оппозицию. К началу 1860-х гг. укрепилась социальная база румынского движения. Один из его лидеров — Г. Барициу указывал на неприемлемость для румын, составляющих большинство в Трансильвании, ссылок на чьи бы то ни было исторические права, но при этом был склонен к поискам компромиссов с венграми в рамках трансильванской автономии. Концепция румынского движения все более формировалась в национальных, а не региональных категориях. Ставились вопросы о созыве общенационального собрания румын Венгрии и Трансильвании (оно было создано в 1860 г. по инициативе церковных иерархов в Дюлафехерваре / Альба-Юлии), равноправии румынского языка и самом широком его использовании на территориях, где проживали румыны, о назначении чиновников пропорционально численности каждой национальности в соответствующих комитатах, о приближении административных границ внутри монархии к границам расселения разных этносов (вплоть до создания в определенных границах румынской провинции в империи).

С начала 1860-х гг. активизируются румынские культурные общества Трансильвании. Самое значительное из них — Трансильванская ассоциация румынской литературы и культуры румынского народа (*Asociația Transilvania pentru Literatura Română și Cultura Poporului Român*, сокращенно — ASTRA), основанная в Сибиу / Надьсебене в 1861 г. и включившая в свое руководство влиятельнейших лидеров национального движения, — распространяло свою деятельность также на Банат и Восточную Венгрию. Устанавливаются тесные связи с Дунайскими княжествами, откуда поступают пожертвования от румынского боярства. При содействии ASTRA создается целая инфраструктура румынских культурных институций в крае (библиотеки, музей в Сибиу, театр), что усилило влияние национального движения на широкое румынское общество⁶⁶. Схожие процессы происходили в соседней Буковине, уже не управлявшейся, как до 1848 г., из Лемберга, а получившей в 1861 г. в соответствии с новыми конституционными реформами статус автономии и собственный сейм (из 30 его первых депутатов 17 составляли румыны, а спикером стал представитель местного боярства Е. Хурмузаки). В 1862 г. было основано Общество румынской культуры и литературы в Буковине, сразу развернувшее активную деятельность. Хотя его почетным председателем в 1863 г. стал епископ Е. Гакман, первую скрипку играли гораздо более дистанцированные от австрийских властей активисты национального движения, представители румынской интеллигенции в крае, в том числе выходцы из Трансильвании (активный участник трансильванского румынского движения 1848 г. А. Пумнул, много сделавший потом и в Буковине в качестве заведующего первой лицейской кафедрой румынского языка и литературы). Возникает и ряд других обществ, среди них культурно-научное общество «Дакия», самым своим названием стремившееся

акцентировать древнее происхождение румынского этноса, проживающего на своей исконной территории независимо от меняющихся межгосударственных границ⁶⁷. Происходившее — и к началу 1860-х гг. уже не только, как раньше, под эгидой православной церкви — формирование системы учебных заведений с обучением на румынском языке (в том числе средних, в первую очередь в Черновцах, Сучаве) стало важным шагом в процессе формирования нового поколения интеллигенции, более восприимчивого к национальным идеалам.

В Трансильвании главным протагонистом созыва местного собрания на более демократической избирательной основе была церковная иерархия во главе с лояльными Габсбургам Шагуной и Стерка-Шулуциу, продолжавшими представлять румынское движение перед двором. Это укрепило позиции митрополий как центров национального движения и гарантировало умеренность выдвигаемых требований. Идеологи пока еще слабой и столь же лояльной властям национальной буржуазии конкурировать с иерархами в своем влиянии на румынское общество никак не могли. Объединение в 1859 г. Молдавского и Валашского княжеств под властью антигабсбургски настроенного А.И. Кузы могло внушить наиболее радикальному крылу движения надежды на дальнейшее расширение румынского государства под патронатом Габсбургов, но как православные, так и униатские иерархи расписались в верности действующей монархии. Главными пунктами программы оставались требования восстановления автономии Трансильвании, существовавшей до 1848 г., недопущения унии Трансильвании и Венгрии либо признания румын равноправной политической нацией как условия этой унии⁶⁸.

Неготовность венгров к уступкам в этих вопросах усиливала прогабсбургские ориентации румынского движения в монархии. Шагуне и Шулуциу удалось создать видимость национального единства румын монархии на платформе лоялизма и Вена пошла на корректировку избирательного закона в пользу румын, составлявших большинство населения в Трансильвании. Политическая активность румынских церковных иерархов в это время поощрялась Веней в той мере, в какой она имела антивенгерскую направленность, препятствовала реализации планов венгерской элиты относительно слияния Венгрии с Трансильванией, а значит, резкого усиления той территориальной единицы в монархии Габсбургов, которая могла бы выступить наиболее мощным оплотом центробежных устремлений. Созыв в 1863 г. трансильванского Госсобрания в Сибиу, где задавали тон представители румынского национального движения, избранные туда вследствие введения более демократического избирательного законодательства, ознаменовал собой (в большей степени, чем созыв в 1861 г. буковинского сейма) начало принципиально важного этапа в развитии этого движения в пределах монархии Габсбургов.

Примечания

- ¹ Brandt H.-H. Der österreichische Neoabsolutismus. Staatsfinanzen und Politik, 1848–1860. Bd. 2. Göttingen, 1978. S. 998, 1003–1004.
- ² Berger-Waldenegg G.Ch. Mit vereinten Kräften. Zum Verhältnis von Herrschaftspraxis und Systemkonsolidierung im Neoabsolutismus am Beispiel der Nationalanleihe von 1854. Wien; Köln; Weimar, 2002. S. 15.
- ³ Stourzh G. Länderautonomie und Gesamtstaat in Österreich, 1848–1918 // Bericht über den 19. österreichischen Historikertag 1992 herausgegeben vom Verband Österreichischen Historiker und Geschichtsvereine. Wien, 1993. S. 45.
- ⁴ Gall L. Europa an dem Weg in die Moderne, 1850–1890. München, 1984. S. 59.
- ⁵ Deák A. From Habsburg neo-absolutism to the Compromise, 1849–1867. New York, 2008. P. 2.
- ⁶ Schlesinger R. Federalism in Central and Eastern Europe. London, 1945. P. 184.
- ⁷ Brandt H.-H. Der österreichische Neoabsolutismus. S. 1004.
- ⁸ Bruckmüller E. Sozialgeschichte Österreichs. Wien, 1985. S. 280.
- ⁹ См.: Урбанитч П. Дунайская монархия? Миф и историческая реальность // Родина. 2010. № 11 (спец. вып. «Россия на Дунае»).
- ¹⁰ Коэн Г. Политика в области высшего и среднего образования в Австрии в конце XIX — начале XX в. // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / Под ред. Т.М. Исламова, А.И. Миллера. М., 1995. С. 156.
- ¹¹ Judson P. Exclusive revolutionaries. Liberal politics, social experience and national identity in the Austrian Empire, 1848–1914. Ann Arbor, 1996. P. 71.
- ¹² Sutter B. Die politische und rechtliche Stellung der Deutschen in Österreich 1848 bis 1918 // Die Habsburgermonarchie / Hrsg. von A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Bd. III. Die Völker des Reiches. Wien, 1980. T. 1. S. 179.
- ¹³ Judson P. Exclusive revolutionaries. P. 73.
- ¹⁴ Franz G. Liberalismus. Die deutschliberale Bewegung in der Habsburger Monarchie. München, 1955.
- ¹⁵ Judson P. Exclusive revolutionaries. P. 93.
- ¹⁶ Чуркина И.В. Модернизация словенской экономики во второй половине XIX в. Завершение формирования словенской нации // Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В. История Словении. СПб., 2011. С. 211.
- ¹⁷ Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana, 1973. S. 135.
- ¹⁸ Чуркина И.В. Модернизация словенской экономики. С. 212.
- ¹⁹ Подробнее о немшкунтарстве см.: Pleterški J. Narodna in politična zavest na Koroškem. Ljubljana, 1965. S. 214–218.
- ²⁰ Vodopivec P. Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18 stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2006. S. 74.
- ²¹ Vošnjak J. Spomini. Ljubljana, 1906. Zv. 2. S. 184.
- ²² Křen J. Dvě století střední Evropy. Praha, 2005. S. 190.
- ²³ Kieniewicz St. Orientacja austriacka w Polsce Porozbiorowie // Roczniki Historyczne. Poznań, 1949. R. XVIII. S. 222.
- ²⁴ Сухий О. Від русофільства до москвофільства. Російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у XIX. Львів, 2003. С. 71.
- ²⁵ Аркуша О. Парламентська традиція галицьких українців у другій половині XIX — на початку XX ст. // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів, 2000. Вип. 6. С. 68–91.
- ²⁶ Грицак Я. Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX століття. Київ, 2000. С. 75.
- ²⁷ Сухий О. Від русофільства до москвофільства. С. 84.
- ²⁸ Серета О. Росії в дискусіях щодо національної ідентичності галицьких українців у 1860–1867 роках (за ма-

- теріалами преси) // Россия–Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 159–174.
- ²⁹ Сухий О. Від русофільства до москвофільства. С. 103–105.
- ³⁰ Пашаева Н.М. И.Г. Наумович как общественный, политический и религиозный деятель Галиции второй половины XIX века // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1. С. 82–91.
- ³¹ Серета О. Національна свідомість і політична програма раннях народовців у Східній Галичині (1861–1867) // Вісник Львівського університету. Серія історична. Львів, 1999. Вип. 34. С. 199–214.
- ³² Deák A. From Habsburg neo-absolutism. P. 80.
- ³³ Желицки Б.Й., Желицки Ч.Б. Венгерские эмиграционные волны и эмигранты: середина XIX в. — конец 50-х годов XX в. М., 2012.
- ³⁴ [Маннова Э. и др.] История Словакии / Пер. со словац. и англ.; науч. ред. рус. перевода Ю.В. Богданов. М., 2003. С. 261.
- ³⁵ Славянские матицы. XIX век. М., 1996. Ч. 2. С. 69–113; Eliáš M. Z dejín matíc slovanských národov. Martin, 2010. S. 67–72.
- ³⁶ Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. С. 45–47.
- ³⁷ Ільницький В., Федака С. Перші особи. Історія Закарпаття у біографіях його керівників. Ужгород, 2011. С. 11.
- ³⁸ Екмечић.М. Ставарње Југославије 1790–1918. Т. 1. Београд, 1989. С. 595.
- ³⁹ Ibid. С. 654.
- ⁴⁰ Цит. по: Ковачевић Д. Јаков Игњатовић. Политичка биографија. Сремски Карловци, 1994. С. 79.
- ⁴¹ Крестинић В. Срби у Угарској, 1790–1918. Нови Сад, 2013. С. 251.
- ⁴² Васин Г. Национално-политичка борба Срба, 1848–1884 // Истраживања. Нови Сад, 2010. № 10. С. 321.
- ⁴³ Pavličević D. Povijest Hrvatske. Zagreb, 2007. S. 265.
- ⁴⁴ История Югославии. Т. 1 / Под ред. Ю.В. Бромлея, И.С. Достян, В.Г. Карасева, С.А. Никитина. М., 1963. С. 439
- ⁴⁵ Романенко С.А. Католицизм и православие в формировании хорватской и сербской наций // Роль религии в формировании южнославянских наций / Под ред. И.В. Чуркиной. М., 1999. С. 54–111.
- ⁴⁶ Novine dalmatinsko-hervatsko-slavonske. 1848. 27 III. Br. 26.
- ⁴⁷ Horvat J. Politička povijest Hrvatske. Zagreb, 1990. 1 dio. S. 144.
- ⁴⁸ Орлик И.И. Венгерская революция 1848–1849 гг. и Россия // Новая и новейшая история. 2008. № 2. С. 24.
- ⁴⁹ Gross M. Počeci moderne Hrvatske: neoapsolutizam u civilnoj Hrvatskoj i Slavoniji, 1850–1860. Zagreb, 1985. S. 19.
- ⁵⁰ Horvat R. Najnovije doba hrvatske povijesti. Zagreb, 1906. S. 168.
- ⁵¹ Марјановић М. Савремена Хрватска. Београд, 1913. С. 99.
- ⁵² Šišić F. Povijest Hrvata: pregled povijesti hrvatskog naroda 1526–1918. Split, 2004. Drugi dio. S. 448.
- ⁵³ Horvat J. Politička povijest Hrvatske. S. 153.
- ⁵⁴ Čulinović F. Državnopravna historija jugoslavenskih zemalja. Zagreb, 1961; Gross M. Počeci moderne Hrvatske. Zagreb, 1985.
- ⁵⁵ Povijest Hrvatske. Treće, dopunjeno izdanje. Zagreb, 2002; Goldstein I. Hrvatska povijest. Zagreb, 2003. S. 172–226; Macan T. Hrvatska povijest. Zagreb, 2004; Pavličević D. Povijest Hrvata. Druga knjiga. Od kraja 15. stoljeća do kraja Prvoga svjetskog rata. Zagreb, 2005. S. 419–529; Matković S. Проблема модернизации в хорватской политике в начале XX века // Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы. XI–XX вв. / Отв. ред. С.А. Романенко, И.В. Крючков, А.С. Стыкалин. СПб., 2011. С. 232–243.
- ⁵⁶ Pavličević D. Seljačke bune i nemiri u središnjoj Hrvatskoj šezdesetih godina 19. stoljeća // Historijski zbornik. 1980–1981. God. XXXIII–XXXIV. S. 17.
- ⁵⁷ Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения

- в 1859–1873 гг. История, идеология, политические партии. М., 1970. С. 27.
- ⁵⁸ *Bićanić R.* Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji (1750–1860). Zagreb, 1951. S. 355.
- ⁵⁹ *Gross M.* Počeci moderne Hrvatske. S. 86.
- ⁶⁰ Ibidem.
- ⁶¹ *Povijest školstva i pedagogije u Hrvatskoj.* Zagreb, 1958. S. 112.
- ⁶² *Maior L.* In the Empire: Habsburgs and Romanians. From dynastic loyalty to national identity. Cluj-Napoca, 2008.
- ⁶³ Ibidem.
- ⁶⁴ *Borsi-Kálmán B.* Nemzetfoglalom és nemzetstratégiák. A Kossuth-emigráció és a román nemzeti törekvések kapcsolatának történetéhez. Budapest, 1993.
- ⁶⁵ *Виноградов В.Н.* Россия и объединение румынских княжеств. М., 1961; *Гросул В.Я.* Молдавское движение до и после образования Румынии (1821–1866 гг.). Кишинев, 2014.
- ⁶⁶ См.: *ASTRA ieri și azi. Realizări și perspective: 3. vols.* / Ed. G. Pop, T. Ardelean. Baia Mare, 2000–2005.
- ⁶⁷ См.: *Ceașu M.Șt.* Cultural Nationalism and Associationism in Bukovina in the XIX-th Century // *Transylvanian Review.* 2011. № 1. Supplement. Local and Universal in the Romanian Jewish Society and Culture.
- ⁶⁸ См.: *Mișcarea națională a românilor din Transilvania între 1849–1918. Documente.* București, 2011. Vol. VI. 1862–1863.

Партии и общественные движения в 1860-е–1880-е годы: от клуба к партийному членству

Либеральная эра австрийского партийного строительства

Вторая половина 1860-х гг. стала рубежной в истории Австрийской империи. Поражение от пруссаков в битве при Кёниггреце (Садовой) в 1866 г. поставило окончательную точку в стремлениях Габсбургов возглавить процесс объединения германской нации. Попытки сохранить хоть какое-нибудь, пусть призрачное единство немецкоязычных территорий находили воплощение то в созданном в 1815 г. Германском союзе, то в малогерманских проектах периода революции 1848–1849 гг. Однако успехом они не увенчались. Австро-прусская война 1866 г. и выход Австрии из Германского союза означали, в свою очередь, вытеснение монархии Габсбургов из общего контекста политики немецких княжеств. Не заставивший себя ждать триумф Пруссии во Франко-прусской войне (1870–1871) и образование Германской империи в 1871 г. полностью покончили с идеей о реванше за 1866 г. и гегемонии Австрийской империи в немецком пространстве Центральной Европы.

Все это дало повод к серьезным внутривнутриполитическим сдвигам. Главное событие второй половины столетия — австро-венгерское Соглашение 1867 г., положившее начало Австро-Венгерской монархии. Франц Иосиф, австрийский император и венгерский король, признав суверенитет Венгрии, поставил под ее контроль половину государства. Немецкое (*Ausgleich*) и английское (*Compromise*) названия этого акта лишней раз подчеркивают его договорную, компромиссную сущность. Соглашение стало итогом переговоров в верхах: в подготовке и утверждении договора не участвовал даже парламент. В сущности это был «неоабсолютистский» акт. Западная часть империи, разделенной по реке Лейте, стала называться Цислейтанией (что значит «Земли, расположенные по эту сторону Лейты»). К ней относились собственно «немецкая Австрия» и такие коронные земли, как Чехия, Моравия, Австрийская Силезия, Галиция и Буковина. Другая часть империи — Транслейтания (т.е. «Земли, расположенные по ту сторону Лейты») в своих границах совпадала с владениями Венгерской короны и исторически включала в себя большое число населенных славянами территорий. Единство страны отныне воплощалось в Габсбургской династии

и поддерживалось усилиями трех расположенных в Вене центральных министерств — финансового, военного и внешнеполитического. Экономика государства все же развивалась — хоть и неравномерно — в направлении интеграции разнородных его частей¹. При всем том хозяйственный договор между западной и восточной половинами монархии должен был возобновляться каждые десять лет.

Соглашение 1867 г. вызвало неоднозначную реакцию современников — как представителей «ведущих» наций (австрийских немцев и венгров), так и многочисленных славянских народов и румын. В австрийской историографии это событие рассматривается как политический ход Вены, обусловленный трудными обстоятельствами. Некоторые авторы, вслед за современниками событий, утверждают, что Соглашение положило начало процессу распада империи. Национальные устремления ненемецких народов получили новый импульс. Создавались разнообразные славянские проекты: всеобщей федерализации монархии; для начала — учреждение «триединого» государства для уравнивания чехов в правах с «ведущими» нациями и нейтрализации явного венгерского доминирования; наконец, эксклюзивной автономии для некоторых народов.

В декабре 1867 г. в *Цислейтании* была принята новая Конституция, историческое значение которой определялось не только ее содержанием, но и формой ее утверждения. Впервые в истории страны она была принята парламентом, а не просто подписана императором. При всем том правительство оставалось ответственным перед императором, а не перед рейхсратом. И все же вступление ее в действие знаменовало окончание периода неабсолютизма, начало либеральной эры. Основным законом гарантировал равноправие всех граждан, независимо от социального статуса, национальности и вероисповедания; провозглашение свободы совести стало развитием идеи узаконенной прежде возможности смены вероисповедания. Фундаментальные законы, принятые в конце 1860-х — 1870-е гг., составили новый конституционный ряд, придали либеральный характер политическому бытию Австрии. (Впредь под политической жизнью Австрии будет пониматься именно «метрополия», поскольку формирование партийной системы в отдельных частях двуединой монархии имело свои особенности.)

Придя к власти, либералы повели наступление на клерикализм. В мае 1868 г. были приняты противоречившие Конкордату 1855 г. законы, получившие название «майских»: о браке (признание действительным внецерковного бракосочетания); о школе (освобождение ее от подчинения церкви, за которой было оставлено лишь религиозное преподавание); «межрелигиозный» закон, разрешавший свободный выбор вероисповедания всем австрийцам, достигшим 14 лет. В 1874 г. (вновь «майские законы») государство закрепило за собой право вето на занятие церковных должностей, поставило под свой контроль теологические факультеты университетов. В заключение кайзер в одностороннем порядке вовсе отказался от Конкордата под предлогом несогласия с догматом о непогрешимости папы, провоз-

глашенным I Ватиканским Собором (1870). Неудовольствие высшего клира католической церкви выразилось в том, что правительственные меры характеризовались как «явное бисмаркианство в Австрии»² по аналогии с германским «культуркампом». Любопытно, что Ватикан не признал этот односторонний акт, настаивая на своем даже после падения монархии. Реальность была им признана лишь в 1921 г., после принятия австрийской республиканской Конституции 1920 г.

Протесты высшего клира против антиклерикальных законов находили поддержку во многих сельских общинах австрийских земель; некоторые депутаты рейхсрата по этому случаю отказались от своих мандатов. Либеральное большинство, однако, продолжало взятый курс. Кабинет министров под руководством князя Карлоса Ауэрсберга, получивший в обществе название «буржуазного министерства», имел в своем составе двух графов (Э. Тааффе — Министерство обороны, А.Ю. Потоцкий — сельского хозяйства) и нескольких буржуазных либералов, занимавших ключевые позиции. Это были министр внутренних дел Гискра, юстиции — д-р Хербст, финансов — д-р Брестель, торговли — Пленер, образования — фон Хаснер и министр без портфеля д-р Бергер. Команда работала сплоченно, ей удалось упорядочить бюджет, ввести всеобщую воинскую повинность, принять благоприятный для низших слоев населения Закон о «народной школе» и т.д. Либералы создавали для населения возможность не только элементарного образования, но, в известной мере, и гражданского развития: с января 1868 г. вступил в силу Закон о свободе собраний и организаций. Впрочем, политические кружки и союзы были по-прежнему запрещены.

Наиболее успешным из либеральных правительств — на этот раз составленным только из либералов — был кабинет князя Адольфа Ауэрсберга. Это семилетие (1871–1878) считается временем расцвета либерализма, успешного претворения в жизнь его принципов. Либералов заботило укрепление центральной власти в государстве. Правительство провело избирательную реформу, введя куриальную систему прямых выборов в рейхсрат с целью исключить влияние земельных ландтагов на общеимперскую политику. Были учреждены также Высший административный суд и суд присяжных. Католической церкви пришлось признать законность других религиозных организаций. В области национальной политики либералы были последовательными противниками федерализма, решительными «централистами». Они называли себя «борцами за конституционализм», призванными сохранять целостность государства. Они выступали против определения их политической позиции как немецко-национальной (это направление выделится из либерализма несколько позже), но при всем том они поддерживали утверждение кайзера о «необходимости отделять национально-политические вопросы от государственной политики»³ и его убеждение в том, что единство государства может быть сохранено лишь при немецком управлении. В то же время к середине 1870-х гг. время «устойчивых» правительств постепенно прошло, кабинеты сменяли один другой

из-за неспособности решить все обостряющиеся проблемы набравшего темп развития капитализма. Последняя треть столетия ознаменовалась заметной сменой соотношения общественных сил, что находило выражение в активном процессе образования политических партий и формирования общественных движений.

В немецко-либеральном течении сложились *два направления*, по-разному отвечавшие на вопрос о том, какими средствами предстоит сохранять «немецкость» Австрии. Сторонники идеи о национальном государстве последовательно ставили под сомнение дальнейшее существование двуединой монархии в том виде, в каком она сложилась в 1867 г., призывая к ее раздроблению и формированию немецкого национального государства. Другое, менее радикальное направление делало упор на централизации монархии и сохранении ее немецкого «лица», считая апелляции немеческих народов к идее государственного права нездоровым партикуляризмом⁴. Организационно это размежевание проявилось уже в конце 1860-х гг., когда появились первые националистических союзы: «Немецкий народный союз» («Deutsches Volksverein») в 1867 г. в Вене и «Союз немецких националистов» («Verein der Deutschnationalen») в 1869 г. в Граце.

Этот период ознаменовался выходом в свет в 1868 г. первой программы австро-немецкого национализма — так называемой «Программы Крикля»⁵. В ней были четко сформулированы задачи организации: «Пробуждение и укрепление национального духа немецкого народа Австрии всеми средствами воспитания и образования; поддержка и укрепление духовных и нравственных связей, объединяющих весь немецкий народ, создание для этой цели организаций: спортивных союзов и пр. для физической и духовной подготовки всеобщего вооружения народа»⁶. Программа предусматривала также «необходимость воздействия на общественное мнение всеми законными средствами»⁷, создавая условия для благожелательного восприятия этого образа мыслей и действий. Конечной целью всей предстоящей большой работы провозглашалось «воссоединение с Германией всех земель Австрии, прежде входивших в Германский союз»⁸. Что касается проблем коронных земель со смешанным славянско-немецким населением, ранние программные документы националистического движения не содержат сколько-нибудь проработанных подходов. Средствами для сохранения «немецкой сути» и «немецкого духа» должны были служить просветительская и общественная деятельность, тематические печатные издания, пропаганда немецких ценностей и, не в последнюю очередь, поддержание отношений с немцами вне монархии Габсбургов⁹. Тем не менее националистическое течение еще долгое время не выходило за рамки Конституционной партии.

Сохраняя общеевропейские черты, австрийский либерализм оставался наиболее близок германскому. Антилиберальные политические течения — прежде всего *социал-демократия* и *социальное христианство* — также были тесно связаны с германским политическим пространством. Австрийские и немецкие политические идеологи постоянно сотрудничали в последней

трети XIX в.; социальные проблемы обеих стран были очень схожи, и методы, разрабатывавшиеся для их решения, часто совпадали. В то же время австрийская политическая жизнь отличалась своеобразием. Первую, и главную, из ее особенностей составило то, что в рассматриваемый период времени для Австро-Венгрии на первое место выдвинулась становившаяся все более острой проблема межнациональных отношений. Именно поэтому австрийская общественно-политическая мысль представила миру первые модели решения «национального вопроса». Другая отличительная черта формировавшейся в это время партийной структуры состояла в том, что основные направления политической практики и идеологии, сформировавшись однажды, сохранялись и развивались, укрепляя свои позиции на протяжении всего рассматриваемого периода. Более того, и в новейшей истории Австрии — уже республиканской — эти политические направления: социал-демократическое, социально-христианское и либерально-националистическое — представлены до сих пор. Разумеется, способы их взаимодействия, тактика противостояния и соглашений решительно изменились с той поры, но и поныне эти основные составляющие австрийской политической жизни традиционно называются «лагерями».

Исследователи рассматривают две стороны австрийского либерализма — политическую и экономическую. Становление политического либерализма, при его общеевропейском характере и особенно близком родстве с общегерманским, определялось характерным только для Австрии союзом буржуазии со всемогущей бюрократией; это было традицией австрийской государственности¹⁰. Дворянская по происхождению, бюрократия, в свою очередь, считала возможным тесное сотрудничество с поднимающейся буржуазией: интересы тех и других в деле сохранения единства империи совпадали. Этот бюрократический, централистский либерализм уходил корнями в йозефинистское прошлое с его лозунгом «просвещения сверху»¹¹. Современный австрийский историк Э. Ханиш так оценивает причину слабости либерализма в Австрии: «Буржуазия — секуляризованная, ориентированная на австрийское национальное государство — так и не смогла сформироваться, изнуренная межнациональной борьбой в монархии»¹².

При всей обусловленной историческими причинами слабости австрийского политического либерализма путь его отмечен определенными успехами в «либерализации» общественно-политической жизни. Правительства, составленные из либералов или с их преобладанием, неуклонно проводили в жизнь свои принципы. Они способствовали созданию конституционного, правового государства — в противовес самодержавию императора; добились узаконения равных прав всех граждан страны, свободы совести, свободы собраний и организаций и т.д. Правда, либералы не создали — даже по понятиям того времени — организованной партии, хоть и выступали в парламенте под именем «конституционной партии». Вышедшие впоследствии из этого направления социал-демократия и социальное

христианство не унаследовали даже названия либерализма; оно осталось лишь у националистов: либералами назвали себя «немецкие националисты» (Deutschnationalen).

Поднимающаяся буржуазия делала ставку на своих наиболее успешных представителей, заинтересованных прежде всего в получении прибыли и близости к власти. В то же время она все более отдалялась от народных интересов, пока еще публично не сформулированных, но реально существовавших и способных повлиять на политическую жизнь. «От ропота политически бесправного, социально зависимого и имевшего чрезвычайно низкий уровень жизни народа, — пишет классик австрийской историографии Г. Ганч, — либералы упорно отгораживались и всякий раз надеялись спрятаться под крылом государства, если что-нибудь угрожало драгоценному для них привилегированному положению»¹³. Это наблюдение Ганча относится к так называемому экономическому либерализму. Чуждый гуманитарной фразеологии, он настаивал на преимуществах ничем не ограниченного рынка, т.е. «свободной игры сил», дающей победу сильнейшим. «Либерализм, — пишет о рубеже 1860-х — 1870-х гг. А. Вандрушка, — перешел из своей ранней, “идеалистической” фазы, когда требовал прежде всего свободы индивидуума, в реалистическую фазу войны всех против всех в дарвиновском смысле <...> и связывал с этим ожидание непрерывного восхождения человечества по пути прогресса»¹⁴. В следующем десятилетии, в 1880-е гг., разрыв между буржуазным либерализмом и интересами масс становится непреодолимым. Общество явно разочаровалось в предлагаемом либералами пути к прогрессу. Исследователи разных убеждений сходятся на том, что недоверие к либерализму как последовательному проводнику капиталистической практики было в значительной мере обусловлено экономическим кризисом 1873 г. и депрессией 1873–1879 гг.

Новые избирательные установления, принятые в 1882 г., увеличили число избирателей в городах на 34%, в деревнях — на 26%¹⁵. Это дало большой прирост мелкобуржуазной доли электората, что самым серьезным образом сказалось на политической и идейной судьбе либерализма. Существенная слабость австрийского либерализма состояла в том, что он не был единым политическим течением. На рубеже 1860-х — 1870-х гг. в монархии явно обозначились «национальные» разновидности либерализма с их внешним противостоянием немецкому руководящему началу в стране и со своими специфическими внутренними проблемами. В каждом случае социальную базу движения составляли различные слои общества, в отдельных землях по-разному сказывалась смена поколений в политике и т.д. У народов, выступивших за национальную свободу, — при всем программном разнообразии — либерализм стал лишь составной частью национализма. У господствовавших наций, немцев и венгров, отстаивавших «государственный централизм» (венгры — в своей половине империи), произошло идейное «перемещение от свободы к нации»¹⁶. П.М. Джадсон полагает даже, что либерализм и вовсе был разрушен национализмом¹⁷. В итоге сложного,

противоречивого развития австро-немецкий либерализм отчасти перешел в «великодержавный» немецкий национализм, но в то же время послужил импульсом для рождения противопоставивших себя ему двух других политических течений — социалистического и социально-христианского. На протяжении трех последующих десятилетий они вытеснили немецкий национализм с политической авансцены.

Националистическая эрозия либерализма прослеживается со второй половины 1860-х гг. По мере становления и развития национального самосознания в славянских областях империи укрепляет свои позиции и *австро-немецкий национализм*. Он неоднороден. Часть его идеологов считают своим долгом пропаганду «исторической миссии Австрии», т.е. сохранения монархии Габсбургов как гарантии целостности Центральной Европы, при руководящей, «цивилизующей» роли австрийских немцев. Другие полагают приоритетом консолидацию всех немецкоязычных областей монархии; они считают возможными уступки некоторым славянским требованиям (к примеру, учреждение новых автономий) с целью преодолеть «угрозу славянского объединенного большинства». Они недовольны, кроме всего прочего, уравниванием прав венгров с австрийцами и приветствуют всякое сближение с Германией — внешнеполитическое, экономическое и пр., — продвигаясь по этому пути до возможности совершенного с ней слияния. Логика такого развития угадывается в программных документах движения уже на первом его этапе¹⁸.

Справедливости ради следует отметить, что первые националистические документы содержат либеральные требования: прямых — помимо ландтагов — выборов в рейхсрат; различные рецепты возможных уступок славянам — образования новых автономий, в первую очередь Галиции. В то же время эти уступки, по замыслу авторов программы, должны предотвратить создание в парламенте объединенной оппозиции поляков, чехов и словенцев против пока еще существующего немецкого большинства. Наряду с этим «Программа немецких националистов Граца» (1870) требует отмены Конкордата 1855 г., введения суда присяжных, а также либерализации законов о прессе, организациях и т.д. Подчеркнуто «национальная немецкая» нота звучит в обращении к властям не вступать ни в какие антигерманские внешнеполитические союзы с другими государствами, так как это будет «предательством немецкой нации»¹⁹. По мере обострения национальных споров формулировки документов немецких националистов становятся всё более энергичными. «Обращение немецкого народного союза» (1870) утверждает: «Мы видим суть современного политического положения Немецкой Австрии в решении вопроса, как должна закончиться борьба чужих национальностей против немцев. Мы считаем, что счастливое для немцев решение является не вопросом права, но вопросом силы»²⁰. «Обращение» в заключение призывало «наивных и беспечных венцев вспомнить о долге перед общей родиной, что будет способствовать возрождению торжествующего немецкого народного духа»²¹.

Предметный анализ того, что именно препятствует благоденствию пресловутого «немецкого духа», содержится в программах Союза немецких националистов в Граце²² и Немецкого народного союза²³. Оба документа появились в 1870 г. и во многом перекликаются, хотя риторика второй программы значительно жестче, отчего само воззвание кажется радикальнее. Их главным тезисом становится убеждение в том, положения и дух Декабрьской конституции 1867 г. не в состоянии обеспечить интересы немецкого населения. По мнению авторов программы Немецкого народного союза, слабым местом Конституции и полем для будущих кризисов монархии была несбалансированность парламентской системы. Объединенные силы поляков, чехов и словенцев численно превосходили немецкую фракцию в рейхсрате, тогда как формально, по сравнению с отдельными славянскими фракциями, немцы находились на положении большинства. Эта «нездоровая» ситуация сложилась потому, что, согласно Конституции, в объединение «немецко-славянских» коронных земель (*deutschslawische Kronländer*) входили также и гетерогенные элементы — провинции, в которых не было необходимости защищать немецкие интересы. Речь в данном случае шла о Галиции, которой следовало бы обеспечить максимально возможную самостоятельность в рамках империи (очевидно, под «самостоятельностью» подразумевается подобное венгерскому положение и отдельные законодательные органы для провинции), и о Далмации, которую следует передать Хорватии. После выполнения этих условий чешские и словенские депутаты в рейхсрате не смогли бы представлять угрозы положению немецких политиков.

Что касается положения дел в смешанных провинциях, прежде всего в Чешских землях, то в целях укрепления немецких интересов, напротив, было выгоднее сохранить статус-кво. Националисты выступали против любого расширения автономии местных законодательных органов, ландтагов, даже отдавая себе отчет в том, что это единственный способ добиться компромисса со славянской оппозицией. Однако политика в пользу местной автономии, по мнению идеологов немецкого движения, означала бы, что немцы на этих территориях подвергнутся насильственной «денационализации» (*Entnationalisierung*) — процессу, который современным языком был бы назван «ассимиляцией». Таким образом, никакие уступки славянским оппонентам в планы националистического движения не входили.

Программа Немецкого народного союза шла несколько дальше. В ней Галиция и Далмация также выделялись из числа других провинций со славянским населением. Предлагалось наделить автономией первую и передать Венгерской короне вторую. Практически никак не акцентировалось внимание на том факте, что в составе Цислейтании остаются и другие провинции со смешанным населением. Все они рассматривались как часть «немецкого пространства» (*deutsches Boden*) Австрии, которая должна была при первой же возможности возобновить отношения с другими немецкими государствами в рамках объединения, подобного Германскому союзу.

Тенденция рассматривать Австрию как единое целое сохранится в программах националистического течения вплоть до конца века. Более того, в каждом последующем документе идея о монополии немцев в Цислейтании приобретает все более конкретный характер. В поле зрения политиков постепенно попадают проблемы провинций со смешанным славяно-германским населением, начинается выработка сначала общих, а со временем и более проработанных позиций по отношению к языковому, школьному и прочим вопросам, связанным с национальностями Цислейтании.

Развитие немецкого националистического движения вовсе не было прямолинейным: кружки и их объединения создавались, приходили в сложное взаимодействие, распадались. Немецкий народный союз вскоре после выступления с обращением самораспустился, и несколько непримиримых германофилов стали отдельно собираться в кафе «Вальх, именуя себя «семью последними истинными германцами». Конституционная партия с трудом выдерживала натиск все более радикализирующихся националистов. В 1871 г. либеральная часть рейхсрата раскололась на «Клуб либералов» и «Прогрессивный клуб» (с выраженным националистическим уклоном), и на выборах 1873 г. они выступили раздельно. Первые получили 88 мандатов, вторые — 57. Это обнаруживало, что внутри либерализма — с самого начала «немецко-централистского» — произошел серьезный сдвиг к активному национализму.

На этих выборах в парламент пришел Георг фон Шёнерер, ставший впоследствии ведущей фигурой агрессивного национализма и создателем пангерманского движения. Впрочем, Шёнерер покинул через несколько лет «Прогрессивный клуб», вновь сблизился с либералами и выступил в 1879 г. с собственной программой под названием «Моя программа». (Случайно или преднамеренно спустя полвека австриец Адольф Гитлер, считавший себя учеником Шёнерера, назовет свое программное сочинение «Моя борьба».) Один из главных пунктов его предвыборной программы гласил: «Вообще, впредь следует самым решительным образом противопоставить интересы землевладельцев и производительного труда, всемерно их поощряя, привилегиям активного капитала, семитскому господству денег и фразы»²⁴. Шёнерер не любил и венгров за их стремление стать вровень с немцами: он готов был выделить их в самостоятельное государство, связанное с Габсбургами лишь личной унией. Приписанные к Венгрии славянские области в таком случае не могли бы изменить соотношение сил славян и немцев в Цислейтании в пользу первых.

В программе Шёнерера нашлось место и для либеральных требований расширения избирательного права и компетенций парламента, совершенного освобождения школы от влияния церкви и т.д. Рассчитывая на поддержку нового отряда избирателей — ремесленников и мелких предпринимателей, — он выступает в их защиту, требуя создания для них лучших конкурентных возможностей, в частности дешевого кредитования их²⁵. Постоянно озабоченный сохранением немецкого преобладания в монархии, Шёнерер возражает против оккупации Боснии и Герцеговины, предлагая

немедленное превращение новых областей в автономию, управляемую суверенным австрийским эрцгерцогом²⁶. Во главу угла Шёнерер ставит экономическое и политическое сближение с Германией, считая ее самым надежным гарантом австро-немецких интересов в монархии.

В либеральной партии возрастало влияние националистов все более и более: программный ряд 1870-х гг. завершился «Программой Фридъюнга» (ноябрь 1880 г.)²⁷, названной по имени автора — историка и публициста Генриха Фридъюнга. Несмотря на то что этот документ так и не получил какого-либо официального статуса, он заслуживает внимания потому, что в нем на смену общим словам о пропаганде немецкого духа и незыблемости союза с Германской империей приходят конкретные предложения. Так, первым же пунктом раздела «Внутренние вопросы» предлагалось объявить немецкий язык государственным и в рамках проводимого курса распорядиться о том, чтобы «на занятие любой публичной должности имел право лишь тот, кто в полной мере владеет письменным и устным немецким языком»²⁸. Второе нововведение состояло в принятии «королевствами и землями, представленными в рейхсрате», официального наименования «Австрия», с тем чтобы «единство государства находило выражение также в его названии, так как это единство с точки зрения мощи Австрии должно рассматриваться как незыблемая сплоченность всех ее немцев»²⁹.

Автор программы, как и его предшественники, продолжал рассматривать галицийский сценарий как исключительный для империи, предлагая предоставить этой провинции максимальную самостоятельность во внутренних делах. Вследствие этого польские депутаты в рейхсрате «не должны оказывать никакого влияния на внутренние, особенно национальные, вопросы остальных коронных земель (Немецкой Австрии)»³⁰. Это единственное на весь текст программы упоминание о том, что национальные проблемы Австрии не ограничивались вопросами отношений с Галицией и Венгрией, — впрочем, уже сам термин «Немецкая Австрия» красноречиво говорит о том, какого взгляда на проблемы смешанных провинций придерживались лидеры националистов.

Либеральное большинство не разделяло мнения Фридъюнга. Тогда Шёнерер выступил в 1881 г. с призывом создать совершенно новую «народную партию» для защиты немецких интересов. Опубликованный им призыв начинался словами: «Немецкие соплеменники!» Среди поставленных автором задач значилось «мощное пробуждение немецкого племенного самосознания, постоянно борющегося против оппортунизма, видимости конституционализма, протекционизма и котерии*», против nepотизма и сервизма»³¹. Шёнерер вовсе не отбрасывал либеральные ценности: расширение избирательного права, свободы прессы и организаций, главенство государства над церковью, отделение школы от церкви и т.д., — но немецкие требования выдвигались на первый план: узаконение немецкого языка как

* *Котерия* — здесь группа лиц, преследующих корыстные интересы.

государственного, обязательность его изучения на всех ступенях школьного образования; законодательное укрепление союза с Германией: «Мы никогда не должны забывать, что немецкие области Австрии на протяжении тысячелетия составляли часть Германской империи»³². В заключение обращения значились некоторые социальные заметки о защите прав ремесленников, крестьян и рабочих и о непереносимом воспитании в них корпоративного духа, о справедливом налогообложении и пр. Самое же главное, что руководить делами в государстве и обществе должны немцы (*Deutsche Männer*), которые «понимают народные нужды» и будут о них заботиться «с горячим сердцем»³³. Рассмотрение этих программ обнаруживает, как по мере обострения национальных противоречий в стране оттачиваются формулировки «немецкости», т.е., в сущности, немецкого шовинизма.

Начало 1880-х гг. для националистического движения оказалось плодотворным как в организационном становлении, так и в углублении сопутствующей ему идеологической базы. Националисты активизировались как крыло Конституционной партии, подхлестываемые, с одной стороны, прославянской политикой нового правительства и первыми уступками в языковом вопросе*, а с другой — нежеланием умеренных соратников радикализировать программу всей партии. Плодом попыток формализовать настроения, будоражившие умы сторонников крайнего немецко-австрийского патриотизма, стала представленная в 1882 г. Линцская программа³⁴. Принятая на съезде националистов в Линце 1 сентября 1882 г., она стала результатом усилий всех активных на тот момент лидеров движения: Г. фон Шёнерера, Людвиг Пернершторфера, Г. Фридъюнга, Отто Штейнвендера, Виктора Адлера. Она особенно интересна потому, что воспринимается современниками и последующими поколениями политиков и исследователей как важная веха на пути австрийского партийного строительства в целом. Ее анализ убеждает в том, что все политические направления последующих десятилетий, в сущности, произошли из либерализма, переживавшего в начале 1880-х гг. серьезный кризис. Принятие Линцской программы было последним совместным выступлением оппозиционных режиму либеральных политиков радикального крыла движения.

Базовым принципом этого документа оставалась идея единства земель Австро-Венгерской монархии, некогда входивших в состав Германского союза. При этом отмечалось, что историческим развитием и современным положением Цислейтании обусловлена необходимость сохранения «немецкого характера» указанных территорий³⁵. Из этого вытекало и требование законодательно утвердить немецкий язык в статусе государственного, обязательного к употреблению в армии, представительных органах и публичных учреждениях, равно как и в корреспонденции и документообороте этих сфер.

* Формирование этой «группы» было одним из первых самостоятельных шагов Шёнерера после выхода из Конституционной партии в 1879 г. Объединение носило название «Партия двух человек».

В Линцской программе впервые специально рассматривается школьный вопрос. Акцент был сделан на защите немецкого языка в сфере образования. Предполагалось, что во всех смешанных округах должна быть учреждена, как минимум, одна народная школа с преподаванием на немецком языке. Кроме того, во всех средних школах немецкий должен был стать обязательным предметом. Однако к изучению других языков, бывших в употреблении во всей провинции либо в конкретном округе, ни один ученик не мог быть принужден (таким образом, немецкоязычные школьники могли отказаться от изучения другого языка). Наконец, именно немецкий становился языком государственных экзаменов, как и экзаменов на любые должности в госаппарате.

Следует заметить, что Линцская программа, при всей ее одиозности как итога развития националистической идеи в Австрии и в то же время базиса для ее дальнейшей, более масштабной разработки, фактически не имела веса в парламенте Цислейтании. В его нижней палате оказались лишь два поддерживавших ее депутата — сам Шёнерер и его сторонник Фюрнкранц*. Гораздо большую роль этот документ сыграл в распространении националистических идей среди населения Австрии, вызвав большой резонанс тезисами о роспуске монархии и прогогенцоллернскими настроениями³⁶.

Не стоит забывать и о том, что Линцская программа увидела свет именно в то время, когда общественное мнение Австрии было взбудоражено первыми мероприятиями правительства графа Эдуарда Тааффе (1879–1893 гг.) — изданием языковых распоряжений в 1880 г. и разделением Пражского университета на чешскую и немецкую части в 1882 г. Эти уступки, незначительные с точки зрения чехов, были восприняты немцами в штыки, ведь привилегированное положение немецкоязычного населения в экономически развитой Богемии было в интересах всех немцев Австрии.

Перечень традиционных для австро-немецкого национализма требований, в большинстве своем сформулированных в программе 1882 г., был дополнен в предвыборном воззвании Шёнерера³⁷, опубликованном в 1885 г. В этом документе впервые была четко сформулирована антисемитская позиция, впоследствии ставшая характерной чертой австрийского пангерманизма. Повторяя в общих чертах ранее сформулированные тезисы, немецкий политик отдельно выделяет необходимость «устранения еврейского влияния из всех областей общественной жизни»³⁸.

Первый раздел Программы посвящен национальному вопросу. «Не только национальным, но и государственным интересам соответствует утверждение, что земли Австро-Венгерской монархии, которые прежде принадлежали к Германскому союзу, должны по возможности образовать

* *Распоряжения Штремайера 1880 г.* — правительственные постановления, которыми было введено обязательное употребление чешского как внешнего языка дело- и судопроизводства Богемии и Моравии.

независимое и единообразное целое, — говорится в документе, — и соответственно этому следует добиваться: 1. Ныне существующие отношения между этой половиной империи и Венгрией должны быть заменены личной унией; 2. Королевство Далмация, а также Босния и Герцеговина должны быть окончательно включены в Венгрию; 3. Коронные земли Галиция и Буковина должны быть или объединены с Венгрией, или получить такой же статус внутри союза венгерских государств, какой имеет Хорватия»³⁹. Все эти меры, наряду с требованием объявления немецкого языка государственным, предусматривали укрепление немецкого «руководящего начала», т.е. безусловного преобладания немцев.

В последующих разделах Программы — требования демократического конституционного развития, в частности «достижение настоящего народного представительства при помощи расширения избирательного права, введения тайного голосования, увеличения числа депутатов сельских общин»⁴⁰. Прогрессивному развитию общества должны также послужить соблюдение норм Основного закона о свободе печати и организаций⁴¹. Экономические требования Программы рассчитаны на завоевание симпатий «маленьких людей»: введение прогрессивного налога для всех при более высоком обложении рантье; уменьшение военных расходов; поощрение отечественного мелкого производства; возложение на государство обязанности социального страхования работников и т.д.⁴² Программа объявляла экономической необходимостью таможенную унию с Германией. (Именно этот тезис, впоследствии неуклонно проводившийся в практической деятельности радикальных немецких националистов, вырастет в идею аншлюса.) В ближайшие после принятия общей Программы годы ее соавторы разошлись в различных направлениях.

Радикалы во главе с Шёнерером все явственнее продвигались вправо, и в национальной части Программы все четче звучали шовинистические нотки. В 1885 г. предвыборное воззвание Шёнерера — как и призыв к созданию немецкой национальной партии в 1881 г. — открывалось обращением: «Немецкие соплеменники!», а в Линцскую программу был внесен 12-й пункт: «Для проведения намеченных реформ необходимо устранить еврейское влияние во всех сферах общественной жизни»⁴³.

Столь откровенный антисемитизм стал причиной ухода из «немецкого национального движения» В. Адлера, Э. Пернерсторфера и некоторых других соавторов Программы. «Немецкую национальную партию» тогда сформировать так и не удалось (она конституировалась уже в Первой республике, в 1920 г.); в то же время шёнерианцы получали голоса на выборах в рейхсрат и составили довольно шумную фракцию. Серьезной популярности они не имели, но неизменно выступали под флагом немецкого шовинизма. Им удавалось время от времени, в периоды становящихся все более частыми — на фоне обострения национальных противоречий, — политических кризисов, выходить на авансцену политики. На рубеже XIX–XX вв. это направление кристаллизовалось как пангерманское и даже антигабсбургское.

Возобладавший немецкий национализм оттеснил социальные вопросы в идеологии шёнерерианцев на второй план. В то же время новые слои населения, получившие доступ к политике благодаря расширению избирательных прав, были в первую очередь заинтересованы в решении социальных проблем. Отныне массовую поддержку могли получить лишь политики, осознавшие важность «социального вопроса». Эта формулировка родилась в среде клерикальных противников «безбожного» либерализма: в католической общественности становилась все более популярной идея христианской ответственности перед обществом. Зародилось движение, получившее название христианско-социального; у его истоков стояли аристократы — князь Алоиз и Альфред Лихтенштейны. Доминировало консервативное крыло, представленное в рейхсрате графом Карлом Гогенвартом и его ближайшим окружением. Эту парламентскую группу даже называли «партией Гогенварта»; ее составляли поддерживаемые клиром представители высшего круга дворянства.

Традиционной элите импонировал ее антилиберализм и убеждение в том, что «социальный вопрос» можно решить путем ограниченных реформ. Практически воплощением этой идеи явилось первое в австрийской истории общее собрание за одним столом работодателей и рабочих в 1883 г. (всего 103 человека) для обсуждения предполагаемого парламентского Закона о «нормальном рабочем дне». Переговоры не привели к ожидаемому устройством результатом, но значение этой встречи нельзя недооценивать: несколько пунктов принятых 1883–1885 гг. «рабочих законов» послужили основой будущего специального рабочего законодательства. В последнем прибавлялся один пункт за другим, что, по мнению Г. Ганча, «разрушало либеральный принцип “свободы труда”, приведший к откровенной и безграничной эксплуатации рабочих»⁴⁴. Последующее развитие рабочего законодательства было связано с поднимающимся рабочим движением, что заслуживает специального рассмотрения. Поскольку рабочее движение подвергалось постоянным репрессиям, известное время «социальные христиане» оставались «ходатаями» за трудящихся. Побуждая правительство проводить благоприятную для трудящихся социальную политику (учреждение инспекции по надзору за условиями труда, ограничение рабочего времени 11 часами, введение элементарной техники безопасности труда), они воплощали в практику идею возможности решить рабочий вопрос «сверху», без потрясений⁴⁵. Социальное христианство в Австрии, как и в Германии, — в отличие от романских стран, — отводило в предполагаемой социальной реформе особую роль государству. «Германия и Австрия, — пишет современный историк Зигрид Лайтнер, — явились пионерами государственного социального законодательства»⁴⁶.

Истинной целью консервативных и других социально-христианских политиков (движение не было однородным) было удержание рабочих масс от революционных выступлений. Ведущим идеологом социально-христианского движения стал барон Карл фон Фогельзанг. Его идеи очень близки

социальным концепциям германского католического мыслителя, архиепископа барона фон Кеттелера. Успешный публицист, Фогельзанг приобрел серьезное имя, издавая вначале ежедневную газету «Отечество», а затем журнал «Ежемесячник общественной и экономической науки» (1875), вскоре превратившийся в «Ежемесячник христианской социальной реформы». В журнале исследовались сюжеты из смежных областей политики и права, экономики, философии и теологии. По замыслу издателя, это должно было служить обновлению общества на христианских принципах и улучшению положения трудового народа. Впервые в Австрии журнал опубликовал эмпирическое исследование «Материальное положение рабочего сословия»⁴⁷, что, по общему признанию, повлияло на развитие рабочего законодательства.

Главная идея программы «общественного примирения», выдвинутой Фогельзангом, противопоставлялась «разрушительной для общества» идее классовой борьбы, становящейся все более популярной среди рабочих. Основные положения этой программы заключались в следующем: а) объединение рабочих и предпринимателей в одно сословие; б) участие рабочих в прибылях предприятий. Гарантировать успех этой программы должна была регулирующая роль «надклассового» государства. Идея корпоративного государства-общества стала основополагающей для дальнейшего развития движения. В поисках массовой базы социальное христианство обращалось к мелким буржуа, ремесленникам и религиозной деревне. К 1880-м гг. в христианско-социальных кругах идеи Фогельзанга получили широкое распространение, так как он противопоставил старым консерваторам, по-прежнему намеревавшимся решать общественные вопросы «в узком кругу» политиков, концепцию массовой организации. «Важнейшим вкладом Фогельзанга в австрийский политический католицизм было умение показать, что массовая партия может быть создана лишь на основе программы общественных реформ»⁴⁸, — пишет современный австрийский историк.

Третья основная составляющая политической системы Австро-Венгрии — *социал-демократическое движение* — проходит сложный путь развития. Это направление формировалось в трудных условиях: ему противостояли как государство с еще Меттернихом хорошо организованной полицией, так и «социально-христианская оппозиция». Власти страшились политического пробуждения «низов»: организации рабочих считались до 1867 г. незаконными или даже опасными для государства. Под наблюдением полиции находились даже рабочие компании, собиравшиеся в пивных заведениях. Свобода собраний и союзов, провозглашенная в конце 1867 г., была ограничена лишь неполитическими организациями. В декабре того же года в Вене был основан первый «Просветительский рабочий союз», поставивший задачей создание культуры рабочего досуга, повышение образовательного уровня трудящихся. Однако уже первое общее собрание Союза вышло за официально предписанные границы. Здесь стали обсуждаться общие проблемы перспектив рабочего сословия, в результате речь зашла даже о

социализме, что указывало на присутствие марксистских агитаторов. Этому способствовали участвовавшие в собрании деятели германского рабочего движения, достигшего к тому времени более высокой степени организационного и идейного развития. Дискуссией руководили основатели Союза Гартунг и Обервиндер, последователи Ф. Лассалья, видевшие средство улучшения пролетарской жизни в высокой самоорганизации рабочих при благожелательном отношении государства. Выступившие против сотрудничества с государством, возлагавшие надежду только на самопомощь сторонники Г. Шульце-Делича были оттеснены лассальянцами. Споры продолжались и далее; дискуссии распространились на организации всех ступеней — от отдельных кружков до их союзных объединений. Ставшие привычными собрания трудящихся все чаще обсуждали общегосударственные вопросы, становясь таким образом школой элементарной политграмоты. Очень скоро — не без влияния примера германских рабочих и участия в венских дискуссиях функционеров германского рабочего движения — столичные пролетарии пришли к идее создания своей собственной партии.

Первым наброском программы обретающей самостоятельность движения стал принятый единогласно в мае 1868 г. на очередном венском собрании «Манифест трудящегося народа Австрии». Открываясь обращением: «Братья!», он содержал основные требования демократизации государственной жизни путем введения всеобщего прямого избирательного права. Замечательно то, что в этом документе сформулирован интернационалистский подход к серьезнейшему для монархии национальному вопросу. Поставленное первым требованием избирательного права для всех — без любых цензовых ограничений — объявляется основой для создания единого рабочего движения, не разделенного по национальному признаку. «Только как единая, сплоченная, хорошо организованная масса народ может надеяться на победу свободы и идеи равноправия... Венские рабочие составляют ныне единую, компактную, внушающую уважение массу, которая лишена национальных и религиозных предрассудков <...> они считают попытки расколоть рабочих по национальному признаку реакционным маневром»⁴⁹. Если Манифест был в сущности декларацией, то принятый в августе 1868 г. документ «Программа Гартунга» стал первой серьезной, публично называвшей себя социал-демократической программой политической организации рабочих. Целью организации рабочих здесь объявляется достижение действительного равноправия всех граждан средствами «общественной агитации» («мирный и законный путь»). Подчеркивая законность пути осуществления своих требований, программа перечисляет главные из них: «1. Ничем не ограниченное право собраний и организаций, включая свободу союзов. 2. Совершенная свобода прессы. 3. Всеобщее, прямое избирательное право. 4. Полная религиозная свобода. 5. Ликвидация регулярной армии. 6. Введение всеобщего вооружения народа»⁵⁰.

В заключение вновь подчеркивается «просветительское» значение партийной деятельности: «Партия, наконец, ставит задачу — с целью рас-

пространения всеобщего образования народа организовать союзы во всех частях Австрии»⁵¹. Разумеется, такое направление работы выдвигалось на первый план, поскольку доля промышленных рабочих — пролетариата в строгом смысле слова — даже в венском «рабочем корпусе» была сравнительно невелика. Еще в январе 1869 г. в Вене только 57 % всех работавших по найму были заняты в промышленности, торговле и ремесленном производстве, из них всего 16% составляли рабочие индустрии⁵².

В сентябре 1869 г. создаются социал-демократические рабочие союзы, ставившие перед собой политические задачи. Несмотря на то что рабочие организации делали первые шаги, их влияние очень быстро росло, результатом чего стало распространение пролетарских методов выражения своих требований: массовые собрания, шествия, демонстрации. В середине декабря того же года несколько тысяч человек собрались на огромной площади — где теперь стоят здания ратуши и парламента — с намерением передать петицию премьер-министру Э. Тааффе. Петиция содержала требования свободы собраний, организаций и союзов, полной свободы прессы, равного для всех избирательного права, замены постоянной армии всеобщим вооружением народа. В случае отказа организаторы угрожали повторить демонстрацию в еще большем масштабе. Испуг власти выразился в том, что было задержано много демонстрантов и даже затеян судебный процесс против них. Им были предъявлены обвинения в государственной измене и публичном применении насилия⁵³. Летом 1870 г. все венские рабочие союзы были правительством распущены, что привело к уличным столкновениям рабочих с полицией. Власти отступили. Политические союзы запретить уже не удавалось, но они были поставлены под постоянный полицейский надзор. Рабочее движение ширилось, создавая предпосылки для организации деятельной собственной партии. В рабочих союзах продолжались споры между лассальянцами и становящимися все более популярными марксистами.

В мае 1874 г. в приграничном венгерском городке Лайтасентмиклош*, имевшем немецкое название Нойдёрфль, открылся всеавстрийский рабочий конгресс (проводить его в Бадене под Веной было запрещено), учредивший Социал-демократическую рабочую партию. Здесь была принята программа, вокруг которой руководители рабочего движения надеялись объединить различные его направления. «Австрийская рабочая партия стремится, в единении с рабочим движением всех стран, к освобождению трудящегося народа путем ликвидации современного капиталистического производства. Она стремится заменить его общественным, организуемым государством производством товаров»⁵⁴, — говорилось во вступлении программы. Далее излагались уже привычные для рабочих кружков и собраний требования

* Лайтасентмиклош — город в комитате Шопрон, в 1921 г., по Сен-Жерменскому и Трианонскому мирным договорам, передан Австрии; ныне это город Нойдёрфль в федеральной земле Бургенланд.

всеобщего равного избирательного права, совершенной свободы слова, печати, собраний, союзов. Программа предусматривала обязательное, бесплатное для бедных, обучение всех детей в народных школах; запрет детского труда в промышленности. Собственно «пролетарскими» требованиями были учреждение независимой фабричной инспекции, сокращение рабочего дня, государственное поощрение различных рабочих товариществ. Рабочая партия требовала также отмены косвенных налогов и введения единого для всех прямого прогрессивного налога. В ответ на судебные преследования рабочих в программе было записано требование независимости судей и открытости судебных процессов⁵⁵. Нойдёрфлерская программа — что лишний раз свидетельствовало о близости австрийского рабочего движения с германским — была содержательно очень схожа с Айзенахской программой немецкой социал-демократии (1869).

При всех организационных успехах рабочего движения — венские союзы уже оказывали влияние на пролетарские организации и в немецких землях империи — идейные расхождения в его рядах серьезно его ослабляли. Множество идейных оттенков сгруппировались в два ведущих направления «умеренных», во главе которых стоял Генрих Обервиндер, и «радикалов», действовавших под руководством Андреаса Шоя. Первые считали возможным добиваться своих целей путем строгого соблюдения Конституции и принятия через парламент законов, улучшающих положение трудящихся. Вторые отвергали сотрудничество с властями и считали результативной лишь «пропаганду действия, (настоящего) дела». Программная листовка «радикалов», распространенная в 1881 г. довольно широко, включала требования: «Уничтожение всех монархических, аристократических, поповских и капиталистических учреждений. <...> Гарантия всех народных прав через вооружение масс»⁵⁶. Крайние радикалы превращаются вскоре в анархистов, другая же их часть продолжает спорить с «умеренными», надеясь их «революционизировать». Встречи на рабочих собраниях и специальных заседаниях приводили к непродолжительным и непрочным компромиссам. Споры не утихали. Власти использовали противостояние этих двух направлений для нанесения очередных ударов: на протяжении 1870-х и до середины 1880-х гг. было принято несколько так называемых «законов о социалистах» и чрезвычайных распоряжений о противодействии рабочим выступлениям. (Эти меры были отменены лишь в 1891 г.) Было в общей сложности проведено 13 судебных процессов против «социалистов».

Этим репрессиям необходимо было противопоставить единый «рабочий фронт», что пропагандировал и чему посвятил себя Виктор Адлер. Врач, бесплатно практиковавший в рабочих кварталах Вены, он был хорошо известен и благожелательно принят в пролетарской среде. В 1886 г. Адлер начал издавать еженедельник «Равенство», а с 1889 г. — ежедневную «Рабочую газету». На подготовленном им Хайнфельдском съезде социал-демократов (30 декабря 1888 г. — 1 января 1889 г.) состоялось объединение всех группировок и была принята в качестве партийной программы «Декларация

принципов». Она определила на десятилетия вперед основные направления социал-демократической политики, в ней дан теоретический анализ общественных отношений того времени. «Социал-демократическая рабочая партия Австрии стремится к освобождению всего народа — без различия нации, расы и пола — от оков экономической зависимости и политического бесправия, а также к преодолению его духовного упадка»⁵⁷. Программа содержит теоретическую характеристику тогдашнего общества: «Причина недостойного состояния общества заключается не в отдельных политических учреждениях, а, в сущности, в том все определяющем факте, что средства производства монополизированы в руках частных собственников. Владелец рабочей силы, рабочий класс превращен в раба владельцев средств производства. Это ведет к возрастающей бедности масс»⁵⁸. Партия заявляла о себе как об интернациональной организации рабочих страны, борющейся против всех — тоже без различия национальности — угнетателей. Конкретные «рабочие» требования были все те же, что и в прежних документах такого рода. Однако каждое из прежних требований было записано в специальной резолюции: о прессе, профсоюзах и др.

Общественно-политические организации у словенцев

В политических дискуссиях о преобразовании империи, развернувшихся в середине 1860-х гг., активно участвовали и словенцы, в большинстве своем выступившие за создание австрийской федерации, где Объединенная Словения стала бы равноправной административной единицей. Введение дуализма (1867) обострило политическую обстановку в империи, вызвало резкий протест со стороны славянских национальных деятелей, в их числе и словенцев.

Конституционные преобразования Австрийской империи в Австро-Венгерскую монархию были негативно восприняты словенскими национальными деятелями, которые увидели в этом акте усиление позиций Венгрии и ущемление национальных прав славян. В знак протеста младословенцы стали организовывать таборы (митинги под открытым небом, на которых обсуждались важнейшие политические и национальные вопросы). С августа 1868 по август 1871 г. в словенских землях было проведено 18 таборов, на которых присутствовало от 5 до 30 тыс. человек⁵⁹, и на каждом из них поднимался вопрос о создании Объединенной Словении. Усилился интерес словенских политиков и к планам югославянского объединения. Резолюция, принятая в результате встречи словенских и хорватских политиков в Сисаке в 1870 г., предусматривала образование конфедерации Словении с Триединым королевством и заключение унии с Венгрией. В конце того же года последовала встреча югославянских деятелей в Любляне, где была принята новая резолюция, явившаяся по сравнению с сисакской шагом вперед в решении югославянского вопроса: она охватывала не только

хорватов и словенцев, но и сербов, и всех южных славян, живших за границами Австро-Венгрии, и не обуславливала осуществление югославянского вопроса союзом с Венгрией⁶⁰.

Оживление национальной деятельности словенцев после введения дуализма было воспринято немецкими политиками как угроза австрийской государственной целостности⁶¹. Результатом этого стало усиление националистических моментов в программах и деятельности немецких либеральных партий. В 1869 г. возникло Общество немецких националистов в Граце во главе с Э. Строхалом, выступавшее за защиту немецких интересов в Штирии. Аналогичные общества были образованы в Марбурге (ныне Марибор в Словении) в 1870 г. и в Цилли (ныне Целье в Словении) в 1871 г.

После принятия конкордата стало укреплять свои позиции католическое духовенство. В 1869–1870 гг. были образованы католические общества в Крайне, Штирии, Каринтии, Триесте и Горице. Они создали свои газеты — «Slovenski gospodar» («Словенский хозяин», Марибор, 1871), «Glas» («Глас», Горица, 1872), «Slovenec» («Словенец», Любляна, 1873). Тогда католические общества объединяли всех католиков вне зависимости от национальности⁶².

В 1868 г. были основаны первые рабочие просветительские общества в Мариборе и Любляне, чуть позже — в Триесте, Превалях, Гуштане, Целье, Птуе, Клагенфурте, Беяке. Они объединяли рабочих разных национальностей и ставили перед собой задачу способствовать улучшению материального положения рабочего класса и его просвещению.

В период нахождения у власти немецких либералов (1873–1879) процесс германизации усилился. Произошел раскол между старословенцами и младословенцами. С 1873 г. они стали выступать на выборах с отдельными списками и терпели поражения. В центре деятельности региональных немецких партий в то время находились экономические и социальные проблемы (что было связано с начавшимся в империи кризисом), национальный вопрос отступил для них на второй план.

Во время Балканского кризиса 1877–1878 гг. большинство немецких либералов, опасаясь усиления влияния югославян, выступило против оккупации Боснии и Герцеговины. Словенские либералы, напротив, единодушно ее приветствовали в надежде, что присоединение славянских провинций к Австро-Венгрии усилит позиции славян. В то время произошло сближение позиций старословенцев и младословенцев, с 1879 г. они вновь стали объединяться на выборах в рейхсрат и ландтаги, что позволило им добиваться больших успехов.

С приходом к власти консервативного правительства Э. Таафе национальное положение словенцев существенно улучшилось: они получили ряд правительственных концессий, словенский язык все больше укреплял свои позиции в школах и учреждениях. Крайна была признана словенской областью, ее провинциальным президентом в 1880–1882 гг. был словенец А. Винклер. Немецкая конституционная партия потеряла большинство в Краинском ландтаге.

Однако в словенских районах Штирии и Каринтии немецкий элемент по-прежнему доминировал. В Штирии в период правления Таафе активизировались немецкие политические силы, ставившие национальные интересы немцев превыше свободы⁶³. Произошел раскол в Конституционной партии, образовались Прогрессивная (националистическая) партия, которую поддержало большинство немцев, и проправительственная партия «Объединенные левые», не пользовавшаяся популярностью. Штирийские немецкие националисты стремились парализовать словенское национальное движение. Вместе с тем следует отметить, что крайние формы национализма поддержки в Нижней Штирии не нашли — так, попытка Г. Шёнерера добиться влияния в этом регионе, предпринятая в середине 1880-х гг., к успеху не привела⁶⁴.

Самое трудное положение для словенцев сложилось в Каринтии. По справедливому замечанию каринтийского историка А. Малле, во время правления Тааффе каринтийские словенцы не смогли получить никаких уступок в национальном вопросе⁶⁵. Они практически не имели влияния в каринтийском ландтаге, словенские общества и издания испытывали давление со стороны властей. Вообще, в Каринтии сложилась своеобразная ситуация — политическое деление там совпадало с национальным⁶⁶. Словенская партия была клерикальной, немецкая либеральной. Часть немецких консерваторов сотрудничала со словенцами, отодвинув национальный вопрос на второй план, либерально настроенные словенцы, в свою очередь, зачастую переходили в немецкий лагерь. Активную антисловенскую политику проводил Каринтийский крестьянский союз во главе с А. Мачнигом.

Весь период правления Тааффе словенцы поддерживали правительство, официально отказавшись ради сохранения согласия от требования создания Объединенной Словении. В словенской историографии этот период называется «временем согласия». Главными проводниками политики согласия со стороны либералов был Ф. Шуклье, а со стороны консерваторов К. Клун.

Однако не все либералы приняли эту политику. В начале 1880-х гг. появилось течение «радикалов» во главе с И. Хрибаром и И. Тавчаром. Они издавали политическую и литературную газету «Slovan» («Славянин», 1884–1887), целью которой было развитие словенского и славянского самосознания. В газете «Slovenski narod» («Словенский народ») в 1886–1887 гг. радикалы публиковали русофильские статьи по политическим вопросам, критиковавшие политику правительства. Вскоре на них обрушились репрессии, сторонники Шуклье укрепили свои позиции.

Вскоре радикалы основали русофильскую газету «Slovanski Svet» («Славянский мир», 1888–1899), которую издавал Ф. Подгорник. Русофилы выступали за Объединенную Словению, но вместе с тем допускали в районах со смешанным в национальном отношении населением введение национально-культурной автономии. Русофилы были убеждены, что общим языком науки для всех славян должен стать русский язык, а религией — кирилло-мефодиевская церковь с богослужением на славянском языке⁶⁷.

Под влиянием идей и деятельности немецкого экономиста Ф.Г. Шульце-Делича словенские либералы с 1880-х гг. стали основывать ссудно-сберегательные кассы, крестьянские кооперативы и рабочие профсоюзные организации⁶⁸. Прежде всего они стремились к развитию и укреплению словенской экономики и торговли, созданию словенского капитала и росту его конкурентоспособности по отношению к немецкому и итальянскому, к национально-культурной и политической эмансипации словенских предпринимателей.

Католическое движение в словенских землях активизировалось с середины 1880-х гг., когда Люблянским епископом стал Якоб Миссия, призвавший в словенские земли иезуитов и покровительствовавший открытию новых монастырей. При Миссии активную роль играл Антон Махнич, профессор богословия в Горице, с 1888 г. издававший газету «Rimski katolik» («Римский католик»). Убежденный монархист, выступавший против национальной борьбы и демократических преобразований, Махнич стал идеологом словенского клерикализма. Клерикалам удалось увлечь за собою крестьян, поскольку они поддержали их экономические требования, начав активно создавать на селе сберегательные кассы, ограничившие производ ростовщиков.

Словенские рабочие в середине 1880-х гг. находились под влиянием анархистов, особенно в Штирии. В Люблянском рабочем обществе большой вес имел республиканец Ф. Железник (арестованный во время процессов против социалистов). В 1887 г. Общество возглавил К. Корделич, принадлежавший к умеренному крылу австрийской социал-демократии во главе с В. Адлером. В Триесте в 1888 г. был основан Рабочий союз, состоявший из трех национальных секций: итальянской, немецкой и словенской. Он выпускал рабочую газету на словенском языке «Delavski list Zora» («Рабочая газета Заря»). Уже в 1891 г. Рабочий союз был распущен властями.

Партийно-политический спектр в Чешских землях

Австро-венгерское Соглашение 1867 г. стало мощным импульсом для чешского национального движения, будучи по сути одним из сценариев федерализации, за которую выступали чешские политики. В то же время дуалистический сценарий оставлял за рамками интересы ненемецких национальных движений австрийской половины монархии, сохраняя централистское устройство двух ее частей. Славянские политики к обсуждению и выработке Соглашения приглашены не были. В свете этого реакция чехов на новый закон была предсказуемой и закономерной: они отвергали дуализм, настаивали на разработке триалистической схемы и выражали свой протест в форме бойкота цислейтанского парламента и земских сеймов, используя последние лишь как трибуну для новых заявлений о чешском государственном праве.

Чешский протест, впрочем, не ограничивался отказом участвовать в парламентской жизни, выражаясь также в демонстративных попытках найти союзников за пределами Австрии: так, группа чешских политиков отправилась в Москву для участия в Славянском съезде 1867 г., в то время как Ф.Л. Ригер неоднократно презентовал свои взгляды в Париже. Ни та ни другая акция не принесли чехам политических дивидендов, однако позиционировалась как попытка вести независимую от центра «внешнюю» политику. Внутри протест также нашел воплощение в обновленной в 1868 г. государственно-правовой программе, где говорилось о необходимости заключить унию, аналогичную венгерской, между императором и «политико-историческим чешским народом» (под которым понимались как чехи, так и немцы, отказавшиеся, впрочем, поддержать эту декларацию). Массовая поддержка государственно-правовой программы нашла выражение в нескольких сотнях крупных манифестаций, прошедших в Чешских землях до 1870 г. и получивших название «таборов» в память о гуситской эпохе. Таборы организовывались местными организациями, представителями различных движений и находили поддержку как у более консервативных политиков, так и у склонных к демократизации национальных движений, будучи тем самым ярким проявлением того, что государственно-правовая доктрина стала общим фундаментом для чешского национального движения⁶⁹. Вена не могла не отреагировать на эти события хотя бы символическим жестом, которым стало согласие Франца Иосифа короноваться короной св. Вацлава.

В 1871 г. было сформировано консервативное правительство под руководством Карла Гогенварта, одной из целей которого было продолжение конституционных преобразований в Цислейтании. Центр выступил с инициативой о переговорах с чехами, которые воспользовались многообещающим поводом для того, чтобы в очередной раз сформулировать свои претензии в адрес Вены в документе, получившем название Фундаментальных статей. Эта программа демонстрирует более компромиссный настрой чешских политиков, отошедших от идеи триализма и предлагавших теперь унию Чешских земель с императором в рамках Цислейтании («субдуалистическую», по выражению чешского историка Яна Кршена, конструкцию⁷⁰). В рамках такой унии Чешские земли обладали бы автономией в управлении и законодательстве. Фундаментальные статьи предлагали также решение национального вопроса — полное языковое равноправие и разделение земского сейма на национальные курии.

Документ был представлен императору, тот передал его на рассмотрение сейма, однако критика со стороны немецких либералов, составлявших в нем самую влиятельную фракцию, канцлера Бойста и венгерского премьера Андраши поставила крест на чешском проекте прежде, чем он был рассмотрен по существу. Провал Фундаментальных статей стал своеобразной точкой невозврата для чешской политики, более не рассчитывавшей на лояльность венского центра в отношении ее национальной программы.

Крах федералистских инициатив повлиял на тактику чешской национальной политики. Так, дворянство, чьи программные установки почти не менялись вплоть до рубежа веков, стало фокусироваться на поддержке более конкретных инициатив в сфере языкового равноправия. Несмотря на столь консервативный подход к политике, шляхта до последнего сохраняла определенный вес в представительских органах за счет сохранения куриальной системы и исключительного присутствия в верхней палате парламента⁷¹.

Внутри либерального течения продолжался процесс дробления Национальной партии на два крыла — старочешское и младочешское. Он начался с первых же лет ее существования и был связан в числе прочего с разным представлением о методах политической работы. Так, одной из ключевых предпосылок выделения из Национальной партии младочешской фракции было принципиальное несогласие со старочешской тактикой «пассивной оппозиции». Еще в августе 1863 г. чешские депутаты заявили о том, что текущий избирательный механизм не обеспечивает справедливого присутствия чешских (и славянских вообще) депутатов в земских сеймах и рейхсрате, что делает их решения нелегитимными. В качестве протеста против такого положения дел чешские политики прекратили свое участие в работе парламента. После провала Фундаментальных статей старочехи актуализировали эту позицию, не желая сотрудничать с либеральным правительством, пришедшим на смену кабинету Гогенварта. Старочешская фракция вернулась к активной политической практике лишь в 1879 г.

Пассивная политика, однако, не приносила никаких результатов. Активность «снизу» — таборы — также сошла на нет. Такое положение дел стало вызывать среди молодого поколения чешских активистов сомнения в целесообразности этой тактики. Стремление вернуться к активной парламентской деятельности привело младочехов к оформлению де-факто уже сформировавшегося либерально-демократического течения. Осенью 1874 г. семь чешских депутатов вернулись в рейхсрат, и уже в декабре было объявлено о создании независимой Национальной партии свободомыслящих. Опубликованная тогда же программа, автором которой был Юлиус Грегр, провозглашала традиционные демократические свободы, в том числе всеобщий доступ к выборам в сейм, критиковала текущую политику старочешской партии и настаивала на более тесном сотрудничестве с другими славянскими народами, автономии Чешских земель в рамках монархии, реформе образования и секуляризации общественной жизни, необходимости защищать интересы среднего класса в сферах промышленности, сельского хозяйства, торговли. Все эти начинания должны были быть осуществлены путем активной парламентской работы; в то же время младочехи не отрицали и радикальных методов политической борьбы⁷².

В оппозицию старочешскому крылу нередко вставала и моравская часть Национальной партии: например, моравские политики, как и младочехи, не поддерживали тактику пассивной оппозиции и также вернулись в рейхсрат

в 1874 г.; не вызывали доверия мораван и перспективы традиционного для старочехов союза с историческим дворянством⁷³. В 1891 г. моравские политики даже основали собственный парламентский клуб.

Создание Национальной партии свободомыслящих отеснило старочехов на умеренный, в некотором смысле консервативный фланг. Этому способствовало и ее возвращение в парламент в составе коалиции большинства — статус провластной партии обязывал чешских политиков поддерживать ее инициативы, но и приносил дивиденды в виде решения отдельных языковых вопросов. Младочехи, напротив, оставили за собой популярную риторику о необходимости более критичного отношения к властным структурам, что вкупе с обновлением избирательного порядка в пользу широких слоев городского населения привело к постепенному росту их влияния. Впрочем, к концу 1880-х гг. и внутри младочешской партии появляются радикальные группы, считавшие, в свою очередь, уже младочешскую программу чересчур умеренной. Эти фракции составят основу прогрессистского движения, которое вступит в активную фазу в 1890-е гг.

Общественно-политические организации в Галиции

В Галиции, занимавшей особое место в ряду провинций империи, уже в 1850-е — 1860-е гг. наметились основные тенденции во взаимоотношениях провинциальной элиты и имперского центра, просуществовавшие, в общих чертах, вплоть до конца монархии. Провинция обладала широкими правами автономии, уже в 1861 г. начал работу сейм (провинциальный парламент), избравшийся по куриальной системе. Административное управление краем было сосредоточено в руках наместника (штатгальтера) провинции, назначавшегося императором из числа представителей польской аристократии. Поддержка правящей элитой Галиции реформаторских инициатив центральной власти 1866–1867 гг. обеспечила дальнейшую полонизацию провинции, польский язык был введен в систему образования и постепенно стал в ней господствующим, а также был признан официальным языком административных и судебных органов. В правительстве Цислейтании был также учрежден пост «министра для Галиции», назначение на который производил император по согласованию с группой польских депутатов парламента⁷⁴. В целом галицийская автономия создала наиболее благоприятные по сравнению с другими частями Польши условия для национального развития.

Выразителями основного направления польской общественно-политической мысли в этот период были так называемые «станчики», представители западногалицийского консерватизма. Своим названием эта группа обязана серии политических памфлетов под общим названием «Папка Станчика» («TeKa Stańczyka»), в которых резкой критике и осмеянию подверглись организаторы Январского восстания, последствия которого для

польского народа были весьма печальны. Авторы памфлетов подчеркивали, что вооруженные формы борьбы изжили себя и настал период так называемого «органического труда» («*ргаса organiczna*»), каждодневной рутинной работы, направленной на укрепление материальных и духовных сил народа и способной не только сохранить его бытие, но и обеспечить его будущее⁷⁵. Идея эта нашла поддержку среди образованных слоев польского общества, прежде всего преподавателей Краковского университета, особенно историков и правоведов, составивших так называемую краковскую школу.

Идеология «станчиков» основывалась на вере в рациональный расчет, а не на романтических порывах. Именно поэтому представители данного направления польской мысли активно участвовали во внутренней жизни Габсбургской монархии. Из круга краковских консерваторов вышли такие заметные политические деятели империи, как занимавшие пост министра-президента Цислейтании А. Потоцкий (1870–1871 гг.) и К. Бадени (1895–1897 гг.), министр иностранных дел А. Голуховский и др. Рационализм «станчиков» стал основой и для их стремления к компромиссу с представителями национального движения восточнославянского населения. Именно представитель краковских консерваторов К. Бадени, занимавший в 1888–1895 гг. должность наместника Галиции, стал инициатором с польской стороны соглашения с представителями украинской Народной рады. «Соглашение Бадени–Романчука» стало первой попыткой решения польско-украинского спора политическим путем⁷⁶.

Еще одной влиятельной группой консерваторов были так называемые «подоляки», крупные землевладельцы Восточной Галиции. Значительная их часть происходила из полонизированных древних «русских» родов. Они нередко имели поместья и по другую сторону русско-австрийской границы, что в значительной мере обуславливало их склонность к компромиссу не только с австрийскими, но и с российскими правящими кругами. Однако, в отличие от краковских консерваторов, они негативно реагировали на попытки польско-украинского примирения, поскольку усиление политических позиций русинов, прежде всего представителей украинского направления в Восточной Галиции, привело бы к заметному ослаблению их исключительного влияния. «Подоляки» были склонны идеализировать историческое прошлое Речи Посполитой, видя в ней удачный пример многонационального государства. Их политическое влияние окрепло в 1898–1903 гг., когда наместником Галиции был один из их лидеров — Леон Пининский⁷⁷. Оба направления галицийского консерватизма объединяла их лояльность по отношению к Габсбургам, приверженность католицизму, убежденность в необходимости отстаивать привилегии шляхты и курьяльную систему выборов⁷⁸.

Несмотря на то что условия для развития польской национальной жизни в Галиции были значительно лучше, нежели в других частях Польши, сама провинция была одной из наиболее отсталых провинций. Самой острой проблемой Галиции была крайняя бедность большинства ее

населения, занимавшегося в основном сельским хозяйством. Значительная часть земельной собственности, а также леса и пастбища находились в собственности у крупных землевладельцев. Крестьянские хозяйства были в основном малоземельными, что значительно ослабляло их экономический потенциал⁷⁹. Усиливалось и национальное напряжение в крае. Ни русины (43% населения), ни евреи (11%) не обладали достаточными политическими правами. При этом основная масса русинов занималась сельским хозяйством, испытывая при этом те же экономические и социальные трудности, что и польское крестьянство. Социальные и национальные противоречия дополняли и усиливали друг друга. Это послужило причиной резкой активизации в последние десятилетия XIX в. массовых демократических общественно-политических движений.

Процесс формирования политических партий раньше начался в среде восточнославянского населения провинции. Первой политической организацией стала «Руськая рада». Несмотря на то что инициатива создания «рады» исходила от сторонников украинского направления, в частности Ю. Лавровского, стремившихся к тому, чтобы «Рада» заняла более выраженные проукраинские позиции, в частности заявила о принадлежности русинов к самостоятельному украинскому народу, на первом собрании, состоявшемся в сентябре 1870 г., русофилы оказались в более выгодной положении. Им удалось возглавить правление «Рады», и вытеснить из нее сторонников украинской ориентации. Таким образом, «Руськая рада» стала русофильской политической организацией. Основными ее задачами были заявлены защита прав «русского» народа, развитие языка, образования⁸⁰.

Несмотря на создание «Руськой рады» и лидирующие позиции в ней, русофильское движение на рубеже 1870-х — 1880-х гг. испытывало значительные трудности. Как отметила Н.М. Пашаева, «в конкретных условиях первых лет дуализма <...> политические судьбы русского движения носили во многом тупиковый характер. В политической мозаике русские галичане стояли особняком и союзников у них не было»⁸¹. Несмотря на то что представители русофилов участвовали в парламентской жизни страны, заседаая и в общеавстрийском парламенте, и в галицийском сейме, у них отсутствовала сколько-нибудь четкая политическая программа, а основная их задача — создание отдельной «русской» провинции — после 1867 г. стала невыполнимой. Основная работа велась активистами русофильского движения в области просвещения и культуры. В эти годы функционировали Галицко-русская матица, Народный дом, Общество им. Качковского, до 1887 г. регулярно выходила газета «Слово». Однако основная задача русофилов — культурное и духовное объединение «русских» земель Габсбургской монархии и России, создание общерусского культурного пространства — оставалась практически недостижимой. В самой России, несмотря на многолетние и устойчивые контакты галичан с представителями научных и общественных, прежде всего славянофильских, кругов, проблемами региона интересовались мало. Несмотря на устойчивый миф о «русских рублях»,

материальная поддержка галичанам со стороны Российского государства была очень скромной, а средства, предназначенные для поддержки славянских движений, в основном направлялись южным славянам. Вопрос о поддержке пророссийских настроений в Габсбургской монархии Российским государством поднимался не раз, но возможные осложнения в отношениях с Австрийской империей останавливали официальный Петербург. Как отметил А.И. Миллер, политика России в отношении Галиции была не просто пассивной, но обреченной на поражение⁸².

Поворотным моментом в судьбе русофильского движения стал так называемый «процесс Ольги Грабарь», прошедший в 1882 г. Поводом для него стало желание крестьян села Гнилички перейти в православие. Несмотря на то что в самом желании ничего преступного не было, были арестованы И. Наумович, писавший от имени крестьян прошение епархиальным властям, а также проживавший с 1881 г. во Львове лидер угорских русинов А. Добрянский, его дочь О. Грабарь и ряд других активистов русофильского движения. Всем им было предъявлено обвинение в государственной измене, получении из России финансовых средств и т.д. Несмотря на то что обвинение было явно натянутым, Наумович и ряд его товарищей были осуждены на несколько месяцев тюремного заключения «за возмущение общественно-го спокойствия», А. Добрянский вынужден был уехать из Галиции и остаток жизни провести в Инсбруке. Процесс существенно ослабил русофильское движение, практически лишившееся своих руководителей. Как отметил Д.-П. Химка, «после событий 1882 г. русофилы одновременно стали и более маргинальным, и более радикальным движением»⁸³. Активистам русофильского движения необходимо было найти новые пути к достижению своей цели — духовному и культурному единству всего русского народа.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что одним из основных факторов, повлиявших на столь резкое ухудшение отношения венской администрации к русофильскому движению, стало обострение на рубеже 1870-х — 1880-х гг. австрийско-российских отношений⁸⁴. Это же, очевидно, послужило и причиной усиления симпатии Вены по отношению к украинскому движению. Его антирусская направленность, а вернее, негативное отношение российской власти к украинскому движению делали возможным использование его против России. Украинское движение в этот период было, несмотря на свою незрелость, достаточно динамично развивающимся. Во многом причиной было то, что украинскими идеями увлекалась в основном молодежь, которой была неинтересна консервативная и взвешенная политика русофилов. Кроме того, как уже отмечалось, в 1870-е гг. заметно активизировались контакты галицийских сторонников украинской идеи с их единомышленниками из России. В то же время русофилы, несмотря на постоянные контакты с Россией, практически не испытывали влияния современной им российской общественной мысли.

Деятельность активистов украинского движения, прежде всего из российской части Украины, по созданию во Львове центра общеукраинско-

го движения привела к заметному укреплению положения украинцев, в том числе и материального. Благодаря финансовой поддержке из российской Украины в 1873 г. во Львове было основано Литературное общество им. Шевченко, сыгравшее затем важную роль в формировании украинской национальной идеи. Другим важным шагом в этом направлении стало начало издания в 1880 г. газеты «Діло» (само название, «Дело», говорило об оппозиции русофильскому «Слову») под редакцией А. Барвинского. Одновременно выходил еще целый ряд изданий.

В 1885 г. была организована и первая собственно украинская политическая организация — «Народная рада» под руководством Ю. Романчука и А. Барвинского. Ее участники получили название «народовцев», что впоследствии стало общим именем умеренных украинских националистов. В программе, выработанной через три года после создания Рады, подчеркивалась самостоятельность украинского (малорусского) народа; основной задачей партии называлась борьба за национальную автономию или за раздел Галиции. Конечной целью провозглашалась независимость всего украинского народа⁸⁵. Достаточно быстро в идеологии «народовцев» усилились консервативные элементы, что было вызвано необходимостью поддержки со стороны Грекокатолической церкви, обладающей огромным авторитетом среди народа. В результате от «народовцев» отделилась часть радикальной молодежи, создав в 1890 г. «Русько-украинскую Радикальную партию» (РУРП). Организаторами ее выступили И. Франко и М. Павлык. Программа РУРП носила умеренно социалистический характер. В ее основе лежала концепция М. Драгоманова, посетившего в 1872 г. Львов и оказавшего существенное влияние на умы молодых галичан. Основными задачами радикалы считали защиту интересов трудового народа, борьбу за гражданские права.

В эти же годы оформляется несколько направлений общественной мысли еврейского населения Галиции. Среди евреев Восточной Галиции наиболее активными участниками общественного движения в 1850-е — 1870-е гг. были так называемые умеренные ассимиляторы. В 1860-е — 1870-е гг. большинство из них ассимилировались в немецкой культуре, поддерживали политику австро-немецких либералов. В 1880-е гг., разочаровавшись в политике либералов Австрии и Германии, многие еврейские деятели Галиции стали сближаться с польскими демократическими кругами. В 1869 г. группа умеренных ассимиляторов из интеллигенции основали общество «Шомер Исраэль» («Страна Исраиля»), объединившее большую группу еврейских умеренных ассимиляторов из интеллигенции, стремившихся все больше сблизиться с демократическими группами польской общественности. Оппонентами ассимиляторов стали еврей-консерваторы, представители ортодоксов и хасидов, основавшие политическую партию «Махзике га Дат». Их основная задача сводилась к активной борьбе против ассимиляторов из группы «Шомер Исраэль». Главным полем битвы между этими политическими партиями евреев Восточной Галиции

были выборы в австрийский парламент в 1879 г. Немного позднее среди еврейского населения Галиции начали набирать популярность идеи сионизма. В 1902 г. была образована фракция во Всемирной сионистской организации под названием «Мизрахи» («Духовный центр»). Девизом этой организации стал лозунг: «Земля Израиля для народа Израиля согласно Торе Израиля». Партия «Мизрахи» распространила свое влияние на многие районы Галиции и всего Прикарпатья. Перед Первой мировой войной в Восточной Галиции функционировало 26 организаций «Мизрахи»^{85a}.

Общественно-политические движения в Буковине

Средоточием румынской политики в пределах Габсбургской монархии становится и Буковина. Существовавшие здесь общественные и культурные организации отстаивали интересы разных народов: румын (более трети населения края), русинов, немцев, поляков, евреев. Позиции румын как в местном сейме, так и в административных органах были достаточны крепки, чтобы препятствовать какой-либо дискриминации румынского населения со стороны имперского центра и местной немецкой бюрократии, которая в этом крае действовала менее жесткими и наступательными методами, чем венгерская бюрократия в Трансильвании. Основанная в 1882 г. румынская национальная партия Буковины ставила во главу угла своей программы задачу восстановления сильного румынского влияния в крае. Важнейшим фактором политического влияния продолжала оставаться православная церковь. Ее многолетний глава Е. Гакман, в отличие от большинства румынского клира своего края, в принципе не был сторонником слишком тесных связей с православной церковью Трансильвании, игравшей главную роль в румынском национальном движении в монархии. Ослаблению этих связей способствовала структурная реорганизация империи: если Трансильвания или заселенные в значительной мере сербами земли юга монархии переходят в эпоху дуализма под венгерскую юрисдикцию, то Буковина остается под управлением Вены. В этих условиях венские власти выводят Буковинскую епископию из подчинения Карловацких митрополитов и создают самостоятельную Буковинскую митрополию. Начиная с 1880-х гг. часть церковных иерархов были все теснее связаны с румынским движением, но прежде всего в сфере культуры, как правило дистанцируясь от слишком активного участия в политике.

Партийно-политический спектр Венгерского королевства

В Венгерском королевстве после роспуска Государственного собрания 1861 г. новые выборы прошли только осенью 1865 г., когда венский двор и венгерские политики выказали большую готовность к диалогу. Условия

этой готовности были сформулированы весной того же года пользовавшимся непререкаемым авторитетом Ф. Деаком в газете «Pesti Napló» («Пештский дневник»). В программной «Пасхальной статье» он дал ответ тем, кто винил венгров в «жажде отделения», якобы подрывающего основы общей, имперской государственности. «Если под этой жаждой отделения понимать, что венгерская нация была всегда привержена конституционной самостоятельности, всегда с явной неприязнью относилась к власти, точнее, к некоторым ее представителям, которые направляли свои усилия на ослабление, даже на уничтожение Конституции Венгрии, даже на растворение страны [в Австрийской империи], мы не станем спорить, потому что эта верность [конституционным принципам] и решительное нежелание интегрироваться передавались у венгров из поколения в поколение и сегодня живы, так же как и сто лет назад, и если Господь Всемогущий от нас не отвернется, то будут жить и века спустя»⁸⁶.

Государственное собрание было торжественно открыто 11 декабря 1865 г. Главным вопросом вновь были принципы взаимоотношений с династией, с владениями Австрийского дома, находящимися за пределами юрисдикции Венгерской короны. Парламентское большинство — так называемых правых — возглавлял все тот же Деак, которого впоследствии с полным правом будут называть «архитектором австро-венгерского дуализма». Ему противостояли идейные наследники «партии резолюции» — «левые». Осенью 1866 г. — с разницей в один день — произошло и организационное оформление этих двух парламентских группировок: 20 ноября о создании партии Левого центра официально объявили находившиеся в оппозиции «левые», днем позже то же самое сделали «правые», объединившись в партию Ференца Деака. Деление на «левых» и «правых» отражало распределение мест в зале заседаний: по левую сторону от центра и в крайних рядах слева сидела верная идеалам 1848 г. оппозиция. Однако у этих названий был и ясный политический подтекст: в лексиконе эпохи «левые» и далее будут ассоциироваться с возвратом к принципам венгерской революции (политическая платформа 48-го года), в то время как «правые» — с компромиссом с династией (платформа 67-го года).

Электорат партии Деака составляла либерально настроенная аристократия, поместное дворянство западных областей Венгрии и территорий компактного проживания национальных меньшинств, крупная буржуазия. За Левый центр (впоследствии — их преемников) голосовали среднепоместное дворянство и средняя городская буржуазия.

В феврале 1867 г. по инициативе лидера правящей фракции Деака было сформировано ответственное правительство, во главе которого встал Дюла Андраши — революционный генерал и представитель Дебреценского правительства в Константинополе, заочно приговоренный Францем Иосифом к смертной казни. В марте 1867 г. правительство приняло четыре закона, определившие принципы нового государственного образования: № 12 — об управлении землями, относящимися к Венгерской короне, № 14 — о доле

королевства в общих расходах, № 15 — о распоряжении средствами, остающимися после выплат на общие расходы и № 16 — о таможене и торговле. Как говорилось выше, связующим звеном между Венгрией и представленными в рейхсрате землями и областями стала личность монарха, общие дела свелись к трем министерствам, долю королевства в общих расходах предстояло согласовывать каждые десять лет. 8 июня в Пешт-Буде прошла торжественная коронация Франца Иосифа и его супруги Елизаветы венгерскими королем и королевой, и отныне официальным статусом правителя Австро-Венгрии становилось «император-король». 28 июля уже в качестве законного венгерского монарха Франц Иосиф санкционировал законы, превратившие его империю в Австро-Венгерскую монархию.

При рассмотрении политических процессов в Венгрии последней трети XIX в. необходимо помнить, что создание партий в современном смысле слова (с фиксированным членством, программами и пр.) продвигалось довольно медленно. В обеих частях двуединой монархии они возникли как «гонорационные». И члены, и электорат таких партий принадлежали в большинстве своем к зажиточному и образованному среднему классу — так называемым «гонорациорам» (на латыни *honoratiore* дословно значит «весьма почетный»). Это была интеллигенция недворянского происхождения — представители свободных профессий, а также священников, учителей, экономов в дворянских усадьбах и пр. Многие приметы партийной жизни свидетельствовали о буржуазно-дворянском характере партийных рядов. В качестве места проведения регулярных собраний «партий» (по сути кружков) были избраны столичные отели. Главному политическому форуму, куда приходили и левые, и правые, — своего рода надпартийному клубу — было присвоено имя «партийное казино», что напоминало об основанном И. Сечени «Национальном казино». Когда в 1874 г. в рамках партии Деака обособилась группа консервативных политиков под руководством М. Лоняи, их стали называть «Партия ужингов», так как их совещания проходили в основном за вечерней трапезой.

Организационная форма большинства партий, как правящих, так и оппозиционных, была промежуточной между парламентской фракцией и партийным клубом. Принято также различать между партиями (точнее, «партиями»), действовавшими в Государственном собрании, в комитатах, в избирательных округах. Известны случаи, когда тот или иной депутат последовательно голосовал так, как рекомендовала партия, к которой он принадлежал, и тем не менее регулярно участвовал в работе оппозиционной фракции. Именно поэтому, например, историк Ч. Сабо предложила говорить не о создании партий, но о растянувшемся на годы *процессе* их формирования⁸⁷.

Избиратели голосовали не за партию, а за кандидата в депутаты, который — уже после попадания в Государственное собрание — делал личный выбор, в какую фракцию вступить⁸⁸. Этот процесс отражен и в тех неформальных именах, которые так называемые партии (по сути парламентские фракции)

получали не в ходе выборной кампании, но в результате размежевания в стенах парламента. На первом этапе партийного строительства либерального и консервативного лагеря так и не оформилось. Размежевание проходило по линии так называемого «публично-правового вопроса», и борьба велась между приверженцами двух идеально-типических — но по сути своей либеральных — моделей развития венгерской государственности, и внешне это выглядело как противостояние партий с менявшимися именами.

Подобно своим единомышленникам в Австрии, находившиеся у власти венгерские «правые» разделяли общие взгляды на природу взаимоотношений индивида и государства, на необходимость гарантировать базовые свободы личности, в числе которых — право избирать и быть избранным (при условии удовлетворения требованиям имущественного и образовательного цензов), свобода печати, собраний, вероисповедания (в пределах официально признанных конфессий королевства), право говорить на родном языке. В полиэтничной стране, где господствующий этнос (мадьяры) не составлял большинства, это было и много, и мало. Со всей очевидностью это продемонстрировал принятый в 1868 г. закон о национальностях — первый в своем роде во всей Европе. Его автором был политический деятель и писатель барон Йозеф Этвеш — министр просвещения в новом правительстве. В законе, в частности, говорилось: «Все граждане Венгрии в соответствии с основополагающими принципами Конституции образуют в политическом смысле единую нацию, единую и неделимую венгерскую нацию, членом которой является каждый гражданин отечества, к какой бы национальности он ни принадлежал»⁸⁹. Закон предусматривал право гражданина использовать родной язык в суде и при письменных обращениях к властям, требовал назначать на места чиновников из рядов национальных меньшинств. Физические лица, церкви, общественные объединения получали право на любом языке открывать школы, основывать культурные и экономические общества. Однако даже самые большие этнические группы не были признаны коллективными субъектами, за исключением обладавших «историческим правом» хорватов. Неисторическим народам предлагалось максимально широко реализовывать право на культурно-просветительские и религиозные объединения⁹⁰.

Сторонники Левого центра смирились с заключением Соглашения как лояльная парламентская оппозиция, однако в апреле 1868 г. сочли нужным выступить с декларативным заявлением, цель которого была отмежеваться от действующей публично-правовой модели. Яркий оппозиционный политик (выходец из среднепоместной дворянской среды) Кальман Тиса пригласил единомышленников в свое имение в комитате Бихар, где была принята программа, получившая впоследствии название «Бихарские пункты». В ней выдвигались требования ограничить взаимоотношения с Австрией персональной унией, упразднить институт парламентских делегаций и таможенный союз, создать в стране национальную армию и основать национальный банк, добиться международного дипломатического признания⁹¹. Все эти громкие заявления носили популистский характер и были, скорее, уловкой,

позволявшей последовательным противникам дуализма примириться с положением дел. Вскоре в рядах Левого центра произошел раскол: из него выделилась группа коштутистов, основавшая [Всевенгерскую] партию 48-го года во главе с Даниэлем Ирани. Радикализм их программы не оставлял шансов стать правящей партией, зато в рядах своих избирателей (крестьянство, городская буржуазия) они воспринимались как образец подлинного патриотизма.

Следующий этап партийного строительства пришелся на середину 1870-х гг. Партию Деака ослабили уход Д. Андраши в общеимперское Министерство иностранных дел и болезнь ее неформального лидера. В феврале 1874 г. Партия 48-го года объединилась с группой, именовавшей себя «Верный принципам левый центр». Сначала они избрали себе имя «Объединенная публично-правовая оппозиция», но в мае того же года сменили его на звучное «Партия независимости 48-го года». Их политическим кредо было не возвращение к «Декларации независимости» Кошута, но ограничение связей с Австрией личной унией. Далее из партии Левого центра выделилась Партия центра во главе с К. Гици и Партия независимости под руководством Л. Мочари. Тогда К. Тиса, позабыв о «Бихарских пунктах», вместе со своими сторонниками влился 1 марта 1875 г. в партию Деака. Новая организация получила название «Либеральная партия»: она блестяще выиграла выборы 1875 г. и оставалась у власти вплоть до 1890 г.

Если в рядах Либеральной партии Тисы дисциплина поддерживалась за счет харизмы ее лидера, то их оппоненты, начертавшие на своих знаменах «1848 год», постоянно дробились, сливались, переименовывались, выходили из состава головной партии, чтобы вскоре вернуться обратно. Достаточно упомянуть, что после объединения в 1874 г. Партии независимости 48-го года фракция Д. Ирани сохранила за собой самостоятельность и называла себя то Партией 48-го года, то Партией независимости. Так продолжалось до 1884 г., когда наконец все фракции и группировки договорились о новом, удовлетворившем всех названии «Партия независимости сорок восьмого года», во главе которой встал Ирани. Заместителями председателя при нем были видные оппозиционные политики, каждый из которых хотел проводить свою линию: Г. Угрон, К. Этвеш, Д. Юшт. Партия выражала интересы крупных и средних помещиков, обедневшего дворянства («джентри»), интеллигенции и мелкой городской буржуазии. В программных документах звучали требования расширения избирательного права, гарантий буржуазных свобод, отмены Соглашения 1867 г. и создания собственной армии, банка, таможенной службы, независимого суда, борьбы с коррупцией⁹². Излюбленной тактикой оппозиционных депутатов вскоре становится обструкция.

Неоднократные попытки создать консервативную партию, стоящую тем не менее на платформе 1867 г., долгое время терпели неудачу. В 1872 г. Д. Аппони и П. Шенней создали Католическую консервативную партию, ставшую выразителем интересов крупных земельных собственников и близкую ко двору аристократии, католического клира. Партия выступала за отказ насильственной антицерковной политики «безбожного правительства», ее кандида-

ты победили в нескольких округах и в парламенте образовывали фракцию в партии Деака. После ее объединения в 1875 г. с Партией левого центра в знак несогласия создали Правую оппозицию, выступавшую за усиление экономической и правовой самостоятельности Венгрии в рамках системы дуализма. В 1878 г. лидер партии А. Аппони в условиях раскола в рядах Либеральной партии инициировал объединение своей партии с отколовшимися от партии Тисы фракциями: так на политическом небосклоне появилась партия «Объединенная оппозиция», или, как она стала называться после 1881 г., «Умеренная оппозиция». Участвуя в трех выборных циклах, Умеренная оппозиция всякий раз становилась третьей по численности парламентской партией, последовательно критиковавшей политику либералов.

То обстоятельство, что и «правые» и «левые» парламентские партии не имели разветвленной организации на местах, строились «сверху вниз» и активизировались только в период предвыборных кампаний, позволило венгерскому историку Д. Кёверу утверждать, что в стране была только одна партия — партия власти (ее роль практически непрерывно играла либеральная партия), и у нее не было иного выбора, кроме как поддерживать принципы, на которых покоилась система дуализма⁹³.

Закон № 17 от 1867 г. провозглашал равноправие иудеев с христианами и отменял все прежние дискриминационные законы в их отношении. Тысячи евреев получили возможность владеть землей, заниматься предпринимательством, служить в армии. Земельная аристократия, мелкое и среднее поместное дворянство с опаской и неприязнью наблюдали за ростом доли евреев среди представителей крупного промышленного и торгового капитала. Идеологи и активные члены первой антисемитской партии Венгрии вышли из рядов правящей либеральной партии, социальную базу которой составляли слои, видевшие в эмансипированном еврействе опасных конкурентов.

Началом политического антисемитизма в Венгрии считается речь депутата Д. Иштоци 8 апреля 1875 г. в парламенте, в которой он изложил свои взгляды, которые неоднократно высказывал в прессе и на публичных форумах: выселение евреев из пределов королевства, запрет на определенные виды деятельности (винокурение), ограничения на приобретение в собственность мельниц и корчм, протекционистские меры, ограждающие доходы сельскохозяйственных производителей. В 1882 г., когда в стране проходил процесс по делу о якобы имевшем место ритуальном убийстве христианского младенца в Тисаэсларе, депутат от правящей партии Д. Иштонци выступал с особо резкими антисемитскими заявлениями. После драки с депутатом-евреем Иштонци покинул либеральную партию и начал создавать первую в стране антисемитскую политическую организацию — Всевенгерскую антисемитскую партию*.

* Здесь и далее прилагательное «országos» в названиях венгерских политических партий (образовано от слова «ország» — страна) переводится как «всевенгерский».

Она просуществовала два года, аккумулируя ненависть к евреям в среде мелких и средних поместных дворян, мелких товарных производителей, мещанства. Среди тех, кто сочувствовал антисемитской риторике, было немало региональных политиков, стоявших на платформе Партии независимости. Несмотря на активную пропагандистскую работу на выборах 1884 г., в парламент прошли только 17 депутатов. Разочарованный результатом Иштонци в следующем, 1885 году вышел из основанной им партии, чтобы создать новую — Умеренную антисемитскую партию. Те же, кто не пожелал уходить вместе с ним (а это были сторонники программы Партии независимости), преобразовали свою организацию в Антисемитскую партию независимости, которая после двух лет безрезультатных попыток наладить сотрудничество с партией Ишонци, самораспустилась в 1887 г. В 1892 г. политически активные члены обеих антисемитских партий волеются в ряды Венгерской национальной партии.

Как и в Цислейтании, партийный спектр Венгерского королевства в рассматриваемый период пополнился социал-демократическим направлением. В 1878 г. с разницей в два месяца были основаны Партия невыборщиков (также именовалась Партией не имеющих права голоса) во главе с видным социалистом, активным участником Парижской коммуны и членом руководства Второго Интернационала Л. Франкелем и Рабочая партия Венгрии во главе с Й. Бокрошем, А. Бёмом и И. Хеккерманом. Обе партии декларировали сходные требования расширения избирательного права, свободы создания рабочих союзов, равных политических прав для немадьярских национальностей. Два года борьбы за симпатии трудовых низов завершились в 1880 г. решением о слиянии: так была основана Всеобщая рабочая партия Венгрии. Отсутствие в ее имени прилагательного «социал-демократическая» объяснялось отказом министра внутренних дел регистрировать партию с таким названием.

Программа включала требования обобществления земли и средств производства, гарантии политических свобод, прежде всего организаций, собраний, печати, введение прогрессивной шкалы налогообложения, законодательное ограничение рабочей недели и рабочего дня, запрет детского и тяжелого женского труда. Понимание того, что борьбу за улучшение условий труда невозможно вести без помощи и поддержки профессиональных союзов, в 1883 г. основали Будапештский рабочий кружок, ставший центральным агитационным форумом. Одной из задач кружка стало развенчание опасных идей анархистского крыла в рабочем движении, представленного членами бывшей Рабочей партией Венгрии А. Прагером, И. Хекманном, Л. Брауном. Третий, и последний, съезд партии в 1887 г. продемонстрировал отсутствие единства в ее рядах. Первый съезд Второго Интернационала в июле 1889 г. дал новый импульс к обновлению: в декабре 1890 г. Всеобщая рабочая партия Венгрии была распущена, и на ее место пришла Социал-демократическая партия Венгрии.

Политические организации у словаков

В начале 1860-х гг. оживилась и политическая жизнь словаков. Прежде всего, как и в 1848 г., состоялось собрание представителей городов и сел Верхней Венгрии. На этот раз они съехались в Турчанский Святой Мартин, которому суждено было стать центром национального движения вплоть до начала Первой мировой войны и создания Чехословацкой Республики. В июне 1861 г. там был принят «Меморандум словацкого народа», подготовленный уже без Л. Штура, погибшего в результате несчастного случая на охоте в 1856 г., Штефаном Дакснером и Яном Францисци. Требовавший признания и реализации прав словацкого языка, национальной самобытности словаков, создания национальной автономии, он во многом повторял идеи «Требований словацкого народа» и на последующие десятилетия стал главным программным документом словацких национальных политиков. Однако в ходе работы над ним в национальном движении произошел раскол, давший начало двум группировкам-партиям, которые можно рассматривать в качестве наследников штуровцев.

Первую партию составляли Йозеф Милослав Гурбан, Штефан Марко Дакснер, Ян Францисци, Вилиам Паулины-Тот, епископ Штефан Мойзес и другие деятели их круга. Они выступали против господствующей роли венгров на территории земель венгерской короны, в деле реализации «Меморандума» возлагали надежды на поддержку Вены, а кроме того, вслед за Л. Штуром видели в России защитницу и опору славянства. За этой группой закрепилось название «Старая школа». С ней дискутировал Ян Паларик и его сторонники, которые, в конце концов, сформировали Новую школу. Они выступали против ориентации на Вену или тем паче на Россию, видя реальную перспективу добиться реализации всех прав словаков в рамках самостоятельного развития в либеральном ключе земель венгерской короны. За счет такой точки зрения они действовали активнее своих оппонентов на политическом поле, не видя смысла в административном обособлении Словакии и полагая осуществление прав национального языка достижимым в ходе демократизации и развития общественной и политической жизни всей Венгрии. Новая школа ориентировалась сперва на венгерскую оппозицию (противников умеренной партии Деака) и либеральную интеллигенцию, что обернулось сильным влиянием либералов в словацких комитетах и в последующие десятилетия. Окончательно партия оформилась в 1868 г. в связи с австро-венгерским соглашением, которое делало провенгерскую ориентацию более обоснованной, чем проавстрийская, за счет изменения административной структуры государства. В 1872 г. партия приняла новое название, «Партия соглашения», что свидетельствовало о ее переориентации на тесное сотрудничество уже с правящими политическими силами Венгрии, а именно с партией Деака (отсылка к ее второму названию — «Партия петиции»). Депутаты, избранные от словацкой Партии соглашения, участвовали в заседаниях Государственного собрания в рамках

правлящей фракции⁹⁴, и это было самым большим успехом словацких политиков на тот момент, поскольку представителям Старой школы провести своих депутатов в парламент не удалось ни разу.

Впрочем, некоторое количество словаков присутствовали и в чисто венгерских партиях. Например, в возникшей после принятия австро-венгерского соглашения оппозиционной парламентскому большинству Крайне левой партии (названа так по местам в зале заседаний), которая вела свое начало от Партии революции и выступала против принципов дуализма. Так или иначе, но главным представителем словаков в Государственном собрании на протяжении последней трети XIX в. всегда оказывалась правящая в текущий момент партия (сперва — партия Ф. Деака, потом — Либеральная партия К. Тисы). Депутатов именно от этих политических сил чаще всего выбирали в словацких избирательных округах.

1870-е годы характеризовались для словацкой партийной жизни значительными переменами. В 1870–1871 гг. произошло реформирование Старой школы словацкой в Словацкую национальную партию, которую возглавил В. Паулины-Тот, а среди видных деятелей можно отметить Я. Францисци и Марека Чулена⁹⁵. А в 1875 г., когда заметно активизировались усилия пештского правительства по проведению мадьяризации, прекратила ввиду отсутствия перспектив свое существование Новая школа словацкая. Ее проект союза с венграми с треском провалился, а политические принципы не находили широкой поддержки в родных комитатах. Так у словаков осталась только одна собственная партия, как и прежде, внепарламентская. После новых неудач на выборах руководство партии (в 1877 г. ее возглавил Павол Мудронь, а виднейшими деятелями стали Матуш Дула, Амбро Пиетор, Светозар Гурбан-Ваянский, Андрей Галаш и другие национально мыслящие интеллектуалы из Турчанского Святого Мартина) избрало тактику протестного неучастия в парламентских выборах, которая была закреплена специальным обращением от 1884 г.⁹⁶ Такое положение сохранялось вплоть до 1896 г.

Таким образом, на период протяженностью около десятилетия ситуация в словацкой партийной жизни возвращается на уровень середины XIX в. — существовали политики, была общественная жизнь, но партии практически отсутствовали, единственная организация подобного типа в сфере политики никак себя не проявляла⁹⁷. Что, впрочем, не стоит воспринимать как полную стагнацию политической жизни Верхней Венгрии вообще, поскольку депутаты от словацких избирательных округов, в том числе и словаки по крови, благополучно заседали в этот период в Государственном собрании, представляя правящую Либеральную партию.

Общественно-политическая активность русинов Венгерского королевства

Совсем иные задачи стояли перед куда менее крепким национальным движением русинов Венгерского королевства. В отличие от Галиции, где

в местной русинской/украинской среде уже возникали собственные национально ориентированные партии, у угорских русинов политические традиции находились в самом начале своего развития. Применительно к периоду 1867–1914 гг. нельзя говорить ни о каких бы то ни было по-настоящему массовых национально окрашенных общественных движениях, а тем более партийных структурах.

Пожалуй, единственной организацией, которая, формально являясь неполитической, в то же время имела потенциал в перспективе создать на своей базе политическую силу, являлось Общество св. Василия Великого, созданное в 1866 г. в Ужгороде. Если в предыдущие десятилетия центром русинской общественной жизни был Прешов, то после кончины в 1865 г. ее движущей силы, прешовского каноника Александра Духновича, центр русинов переместился именно в Ужгород, а наиболее заметным лидером немногочисленной национальной интеллигенции стал Адольф Добрянский, получивший известность еще в предыдущие десятилетия. В отличие от Духновича, отдававшего предпочтение литературной деятельности, Добрянский зарекомендовал себя как талантливый политик, представлявший интересы русинов и других немадьярских народностей королевства. Именно поэтому деятельность Общества св. Василия Великого под руководством Добрянского можно рассматривать как попытку — пускай неудачную — создания полноценного национального движения.

Общество св. Василия Великого возникло на базе Богословского общества, созданного в 1864 г. при Ужгородской духовной семинарии. С приходом в организацию А. Добрянского ее членская база сразу же возросла на 350 человек. Таким образом, к 1870 г. организация насчитывала уже 700 членов⁹⁸. Председателем Общества был избран сам Добрянский. Его заместителем стал священник и литератор Иоанн Раковский⁹⁹. Официальными целями, определенными в уставных документах, было обеспечение школ Мукачевской и Прешовской грекокатолических епархий учебниками на русском и венгерском языках, а также издание периодики и религиозной литературы¹⁰⁰. Первоначально в организации доминировали носители русофильских взглядов (угорские русины рассматривались местными русофилами как ответвление русского народа, а русский язык — как литературный язык также для Угорской Руси). Определенный символизм можно усмотреть и в названии: Василий Великий (ок. 330–379) — восточный святой еще не разделенной церкви, почитаемый как католиками, так и — в еще большей степени — православными¹⁰¹. При этом, однако, Общество св. Василия Великого официально выказывало венгерский государственный патриотизм и верность католицизму.

В 1867 г. Общество начало издавать еженедельную газету «Свет»¹⁰² и ежегодник «Месяцеслов». В качестве ответственных редакторов «Света» последовательно выступали известные русинские интеллектуалы Юрий Игнатков, Кирилл Сабов и Виктор Кимак. Прешовский литературовед Елена Рудловчак, являющаяся одним из крупнейших специалистов по истории

русинского литературного процесса XIX в., в свое время так охарактеризовала «Свет» и идейные уклоны его редакторов: «В основном газета имеет буржуазно-клерикальный характер с уклоном в либерализм. Относительно наиболее умеренным как редактор предстает в своих взглядах К. Сабов, который печатает в газете также чисто церковно-религиозные материалы. Игнатков более критичен по отношению к объективной действительности, чем К. Сабов, более выразительно выступают во время его редакторства демократические установки. В. Кимака радикальным и критичным духом насыщает газету, под его редакцией все больше нарастает стихия протеста против ассимиляторской политики дуалистической системы в стране, против негативных общественных явлений, связанных с насильственным введением в жизнь антигуманных принципов этой системы»¹⁰³. Несмотря на очевидный отпечаток марксистской идеологии, наблюдения Рудловчак свидетельствуют о том, что «Свет», особенно в период редакторства Кимака (1869–1871), имел очевидную тенденцию к политизации. Примечательно, что в недрах Общества св. Василия Великого зародилась идея издавать специальную политическую газету «Отечество», чтобы «Свет» стал исключительно литературным изданием. Однако этому плану не суждено было осуществиться¹⁰⁴.

Естественно, что на фоне мадяроцентричной государственной политики после компромисса 1867 г. идеология Общества, имевшая панславистские нотки, не могла не вызвать опасения со стороны властей предрержащих. Еще в конце 1870 г. епископ Мукачевский Стефан (Иштван) Панкович обвинил редакцию газеты «Свет» в «опасных стремлениях в религиозном, моральном и гражданском отношении». В начале следующего года епископ добился закрытия газеты, запретив ее чтение клиру¹⁰⁵. В том же 1871 году благодаря усилиям Панковича в Обществе произошла полная смена курса. Вместо Добрянского и Раковского, которые вместе с ближайшими единомышленниками (в литературе за ними закрепился термин «патриотическая партия») были вынуждены покинуть Общество, его возглавили мадяризированные русины Александр (Шандор) Негребецкий и Георгий Маркош, в целом поддерживавшие политику Пешта в крае и не разделявшие пророссийских симпатий («умеренная партия»). Таким образом, всего после нескольких лет своего существования организация, едва успев укрепиться, навсегда утратила собственно национально-политические потенции.

В свою очередь радикально настроенные сторонники А. Добрянского и И. Раковского попытались издавать собственное издание — иллюстрированную сатирическую газету «Сова» (1871), которая выступала с критикой мадяризации и лично епископа Панковича. Редактором газеты стал В. Кимака, издательские хлопоты возложил на себя Эммануил Грабарь — отец видного отечественного художника и искусствоведа. Однако неформальная группа, сплотившаяся вокруг «Совы», не смогла трансформироваться в оппозиционную общественно-политическую силу. После выхода пяти номеров власти нашли способ воспрепятствовать дальнейшему изданию газеты. Некоторые участники этой группы, в частности сами Кимака и Грабарь, а также

Михаил Молчан, эмигрировали в Российскую империю¹⁰⁶. Сам Добрянский, не имея возможности вести политическую деятельность на родине, в 1875–1881 гг. проживал в России, после чего вернулся в Австро-Венгрию, однако в австрийскую часть монархии¹⁰⁷.

Партийно-политический спектр Хорватии-Славонии

В начале 1860-х гг., после завершения эпохи неоабсолютизма, в Хорватии-Славонии вновь активизируется политическая жизнь, одним из признаков чего послужило образование новых политических партий. После долгого перерыва в 1861 г. прошли выборы в хорватский сабор, в ходе работы которого сформировались три основных идейных течения в хорватской политической мысли, на протяжении следующих нескольких десятилетий институционально воплощавшихся в форме политических партий. Трех из них суждено было стать наиболее значимыми в политической истории Хорватии второй половины XIX — начала XX в. Это Хорватская национальная партия независимости (либеральная) («народняки», ХНПН), Хорватская партия права («правашаи», ХПП) и Национально-конституционная партия («унионисты»).

В 1867 г. было заключено австрийско-венгерское соглашение, согласно которому Хорватия-Славония становилась частью Венгерского королевства (Транслейтании). В том же году накануне предстоящих выборов в хорватский сабор Франц Иосиф I утвердил новый избирательный закон, согласно которому половину избирателей составляли чиновники — опора унионистов, лидер которых Левин Раух в том же году был назначен и.о. бана Хорватии. В 1868 г. унионистское большинство сабора утвердило проект хорватско-венгерского соглашения («Нагодбы»). Хорватия-Славония вновь становилась частью Венгерского королевства и отныне существовала в рамках единой с Венгрией экономической и правовой системы: отправляла своих депутатов в венгерский парламент, бан назначался императором по предложению венгерского премьер-министра. За Хорватией-Славонией закреплялись автономные права в области внутреннего управления, юстиции, просвещения и церкви, т.е. в автономном правительстве функционировали соответствующие департаменты¹⁰⁸.

Элементом «политической нации» был также и язык, который рассматривался в логике исторического государственного, но не естественного права. Хорватский язык был официальным языком автономии. Хотя формально Соглашение 1868 г. было договором двух равных субъектов — Королевства Венгрии и Тринединного Королевства Далмации, Хорватии и Славонии, Хорватия-Славония не обладала полным суверенитетом; о равенстве автономии с центром не могло быть и речи. Так же как и вся система дуализма, автономия Хорватии-Славонии в рамках Венгерского королевства была промежуточной стадией в процессе модернизации политической системы и поиска формы национального самоопределения.

В Загребе функционировали автономный сабор (парламент) и автономное правительство, целиком подчинявшееся «общему» правительству в Будапеште, по сути — венгерскому. Автономную администрацию возглавлял бан, утверждавшийся королем по представлению правительства Венгрии. Правительство Хорватии состояло из трех, с 1914 г. — четырех департаментов: внутренних дел, юстиции, просвещения и церкви, а также национальной экономики. В то же время принципы и формы политической автономии не обеспечивали полноправного участия национальных кругов в управлении, не гарантировали политической целостности этнических хорватских несербских территорий. Элементы национальной государственности в Хорватии-Славонии не стали основой независимого национального государства.

Лидерами Национально-либеральной партии являлись Йосип Юрай Штросмайер — хорватский меценат, Сремский и Боснийский епископ с 1849 г., великий жупан Вировитицкой жупании (1861–1862), представитель Славонии в австрийском рейхсрате (1860) Франьо Рачки, историк, священнослужитель, общественный деятель. Еще в 1860 г. в газете «Pozor» Рачки опубликовал статью «Югославянство» — один из главных программных документов «народняков». В нем он призывает к единству южнославянских народов, прежде всего сербов и хорватов, в политической и культурной сферах. Но прежде всего, пишет Рачки, необходимо объединить собственно хорватские земли — Хорватию-Славонию и Далмацию. Автор также выступил за объединение хорватских земель и Воеводины, ссылаясь на решения хорватского сабора, воеводинской скупщины 1848 г. и рескрипт Франца Иосифа 1849 г., где хорватам и сербам предоставлялось право решать вопрос об объединении конституционным путем¹⁰⁹. Еще одним требованием «народняков» была автономия Триединого королевства Хорватии-Славонии и Далмации в рамках Австрийской империи, т.е. ее федерализация. Рачки заявлял, что «хорваты хотят быть с венграми под сенью одной, венгерской короны», и делал вывод: «Мы, как союзники венгров, как союзное равноправное королевство, требуем полной политической самостоятельности и управленческой автономии»¹¹⁰. Эти заявления о союзе с венграми и одновременно отсылки к решениям Франца Иосифа времен революции 1848 г. лучше всего характеризуют политику партии в 1860–1868 гг., когда ее лидеры колебались между Венной и Пештом¹¹¹.

В социально-экономической сфере Национально-либеральная партия выступала за ликвидацию остатков феодальной системы, в частности за смягчение условий выкупа крестьянами повинностей, подъем и развитие хорватской экономики в целом. Социальную базу партии в 1860–1870-е гг. составляли торговцы, финансисты, представители верхушки ремесленников, часть духовенства¹¹². Епископ Штросмайер, обладавший капиталом, размер которого превышал 100 тыс. форинтов и который хранился в различных кредитно-сберегательных кассах, являлся кредитором многих из них. Это были, по словам Ф. Рачки, «имущие граждане» и «независимая интеллигенция».

Политическими оппонентами «народняков» были «праваше» — сторонники Партии права — организации, основателями которой являлись Евген Кватерник и Анте Старчевич. Первым программным заявлением лидера партии Старчевича можно считать его выступление на заседании хорватского сабора в 1861 г., в котором он сформулировал свою политическую платформу. Лидер «правашей» не считал союзником хорватов ни Вену, ни Пешт. Старчевич, вначале высказав уважение к династии Габсбургов, заявил, что «хорватский народ триста лет жертвовал собой ради Австрии, и за свою жертву он получил взамен лишь глупость, рабство, бедность <...>. Причиной всей той несправедливости, которую мы терпели и терпим от венгров, была именно Австрия»¹¹³.

Старчевич и его сторонники отстаивали так называемое «хорватское историческое право», т.е. совокупность исторических традиций, писаных и неписаных законов, на которых основывается устройство и независимое функционирование властных институций в Хорватии. Ни автономию, ни федерализм лидеры Партии права не считали приемлемым способом решения всех хорватских проблем. Старчевич отвергал дуализм и не признавал Соглашения 1868 г. «Наша родина, — заявлял Старчевич, — как некогда, так и сейчас может быть самостоятельной; я хотел доказать, что мы должны выбить из головы нашего народа веру, которую ему навязала Австрия и Россия, веру, что мы, прикормленные Австрией, так слабы, что не можем жить иначе, кроме как в рабской зависимости от кого-то»¹¹⁴. Старчевич видел выход в отделении Хорватии как от Австрии, так и от Венгрии и в создании независимого хорватского государственного образования в рамках империи, связанного с остальными частями только личностью монарха — персональной унией. Осуществление этого проекта привело бы к триалистическому устройству империи¹¹⁵.

Требование самостоятельности Хорватии, отраженное в программных документах Партии права, было напрямую увязано и с ее экономической программой. Полноценное развитие хорватской промышленности и сельского хозяйства, по мнению «правашей», было возможно только в условиях независимости страны. Социальной базой партии была разночинная интеллигенция (учителя, студенты), низшее офицерство и чиновничество, мелкие собственники, чьи позиции на хорватском рынке были подорваны в результате проникновения на этот рынок австрийского торгово-промышленного капитала. Лозунг самостоятельной Хорватии, защищенной от проникновения крупного инационального капитала, нашел в этой среде отклик.

Оппонентами как «народняков», так и «правашей» были сторонники Самостоятельной национальной партии («самосталцы»), просуществовавшей с 1862 по 1865 г. Ее лидером был хорватский поэт, филолог Иван Мажуранич, бывший приверженец Национально-либеральной партии, глава Хорватской придворной канцелярии в Вене. Сторонники Национально-либеральной партии рассматривали деятельность «самосталцев» как антихорватскую и антипатриотическую; мнение о том, что партия

«не имела ни собственной идеологии, ни принципов, ни убеждений» и что главной ее задачей была помощь в осуществлении любых политических шагов Вены, высказывал в конце 1950-х гг. хорватский историк В. Богданов¹¹⁶. Но это все же было не совсем так. В 1864 г. была опубликована программа партии, в которой, в частности, выдвигались требования объединения хорватских земель и их автономии, формирования отдельного хорватского земельного бюджета, невмешательства имперских министерств в дела Хорватии, кроме обозначенных в Октябрьском дипломе 1860 г.¹¹⁷ Другое дело, что все программные требования «самосталцев» излагались едва ли не в буквальном соответствии с Октябрьским дипломом 1860 г., Февральским патентом 1861 г. и другими решениями императора и венского правительства. Как еще в 1830-е гг. отмечал историк Й. Хорват, политика «самосталцев» была гораздо реалистичнее, нежели нерешительная политика «народняков»¹¹⁸.

В начале 1860-х гг. заявила о себе группа сторонников тесного союза с Венгерским королевством. На одном из заседаний сабора 1861 г. группа депутатов от Загреба, среди которых был известный хорватский литератор и политический деятель Мирко Богович и градоначальник Загреба Векослав Фриган, внесла проект о будущих отношениях с Венгрией, которая после окончания революции 1848 г. утратила власть над хорватскими землями. В нем, в частности, говорилось следующее: «С учетом достижения, утверждения и гарантии конституционной свободы, национальной самостоятельности и пользы государственно-правовой независимости, учитывая соблюдение своих старинных основополагающих прав, вновь вступить с Венгерским королевством в тесный государственно-правовой союз и с этой целью заключить новый союзный договор»¹¹⁹.

К середине 1860-х гг. сформировалась Национально-конституционная («унионистская») партия. Среди «унионистов» были представители аристократических фамилий, обладатели баронских и графских титулов в основном венгерского происхождения, чиновничество и представители других социальных слоев, которые присоединились к лагерю «унионистов» из неприязни к политике Вены. Они искренне верили в то, что противостоять централистско-абсолютистской политике Габсбургов можно только в союзе с венграми. Среди них был тот же Мирко Богович, который еще в 1845 г., будучи участником иллирийского движения, был ранен в столкновениях со сторонниками Хорватско-венгерской партии (идейными предшественниками унионистов)*. Именно представители Национально-конституционной партии сыграют решающую роль в событиях 1868 г., когда Хорватия вновь станет частью Венгерского королевства.

* В 1845 г. на площади Святого Марка в Загребе произошли кровавые столкновения сторонников Иллирийской и Хорватско-венгерской партии («мадьаронов»), в результате которых 13 человек погибло, 27 было ранено. В хорватской историографии за этими погибшими утвердилось название «июльские жертвы».

Рубеж 1860-х — 1870-х гг. был временем триумфа «унионистов», которые в своих официальных документах не скрывали, что их цели достигнуты. Унионистская газета «Slogu» («Созвучие») открыто писала: «Заключением соглашения <...> достигнута цель унионистской партии», а накануне очередных выборов в сабор в 1871 г. в программе Национально-конституционной партии было заявлено, что ее сторонники, находящиеся у власти, должны бороться за выполнение всех пунктов этого соглашения¹²⁰.

Противниками данного соглашения выступили лидеры Национально-либеральной партии. Уже в 1870 г. Ф. Рачки опубликовал сборник статей «Письма антиуниониста», в которых критиковались Соглашение и установившийся режим правления унионистов во главе с Л. Раухом¹²¹. Через год был издан очередной программный документ «народняков» — так называемый Сентябрьский манифест, в котором подчеркивалось, что соглашение с Венгрией было подписано от имени Триединого королевства, но без учета мнения большей части хорватского народа¹²². Целью Национально-либеральной партии, получившей большинство на выборах в сабор 1872 г., стал пересмотр хорватско-венгерского соглашения. В 1873 г. «народняки» добились внесения некоторых поправок в соглашение, но ценой этого стал их союз с «унионистами» в саборе. В том же году баном Хорватии стал близкий к «народнякам» Иван Мажуранич. И хотя в рукописи программы «народняков» 1874 г. вновь провозглашалось объединение южных славян в «национальную и государственную южнославянскую общность» и достижение единства хорватских земель, спустя четыре года, в предвыборной программе партии 1878 г. под заголовком «Разъясняем», можно было прочесть следующее: «Во внутренних делах партия будет придерживаться пути реформаторского развития в либеральном духе в соответствии с буквой и духом подлинной конституционности», Соглашение же 1868 г. названо «отправной точкой и критерием действующих государственных обязательств и исключительных прав»¹²³.

Партия права, даже после того, как Хорватия-Славония вновь стала частью Венгерского королевства, продолжала считать главным врагом хорватского народа не Пешт, а Вену. А. Старчевич в наставлении своим сторонникам под названием «Нашим друзьям» утверждал: «Этот сабор [1868 г.] предал Хорватию в руки не только венгров, но и Австрии <...>. Венгры хотят любой ценой господствовать над хорватами и не видят, что тем самым приближают свою гибель»¹²⁴. Ему вторил Е. Кватерник в программной статье «Чего добивается, а чего не добивается хорватская Партия права»: «Венгерское господство <...> в самом худшем случае продолжалось бы у нас столько, сколько бы этого хотела Австрия, а австрийское господство столько, сколько бы этого хотели хорваты»¹²⁵. В 1871 г. Кватерник стал организатором вооруженного восстания в районе Раковица на Военной границе, целью которого было создание независимого хорватского государства. Восстание потерпело неудачу, Кватерник был убит, а сторонники Партии права стали преследоваться как бунтовщики, ввиду чего ее деятельность почти на целое десятилетие была подавлена.

В 1880 г. часть депутатов сабора от Национально-либеральной партии во главе с адвокатом Матией Мразовичем заявила об отделении и образовании Хорватскую независимую национальную партию (ХННП). Поводом послужило то, что большинство «народняков» в саборе поддержали решение Загребского финансового управления, согласно которому чиновники, знавшие венгерский язык, получали преимущества по сравнению с остальными. Неформальным лидером и главным спонсором партии стал один из основателей Национально-либеральной партии — Й.Ю. Штросмайер. Слои составлявшие социальную базу ХННП, находились в лояльной оппозиции монархии и системе дуализма, сохраняли приверженность династии Габсбургов, зафиксированную в Хорватской прагматической санкции (1712). В своей деятельности она исходила из признания Соглашения 1868 г. основным законом и ставила вопрос о том, чтобы Хорватии была гарантирована самостоятельность, основанная на государственно-правовой индивидуальности государства. Программа партии получила название субдуализма¹²⁶.

В программе партии 1880 г. было заявлено, что нынешние «государственно-правовые отношения между Королевством Хорватия-Славония и Далмация и Венгерским королевством <...> не могут обеспечить ни целостность хорватских земель, ни постоянные и взаимовыгодные отношения между двумя королевствами»¹²⁷. «Независимцы», однако, выступали не против Соглашения 1868 г. как такового, но против его нарушений со стороны венгерских властей: «Партия будет любым законным способом бороться против любого возможного вмешательства центральной власти в дела местного самоуправления и нарушения Соглашения, как и любой попытки мадьяризации общих органов власти королевства»¹²⁸.

В начале 1880-х гг. именно многочисленные нарушения Соглашения привели к национальным волнениям в Хорватии-Славонии. Поводом послужила замена хорватских надписей на здании Загребского финансового управления на двуязычные (хорватские и венгерские), что являлось нарушением Соглашения. В Загребе вспыхнули волнения ремесленников и рабочих, которые поддерживались сторонниками Независимой народной партии и Партии права, вновь активизировавшейся к началу 1880-х гг. В хорватском Загорье, области к северу от Загреба, взбунтовались крестьяне, недовольные нарушениями при сборе налогов и произволом местных властей. Волнения охватили и ряд сел на бывшей Военной границе (в 1881 г. она была демилитаризована и воссоединена с Хорватией-Славонией), где жители требовали возвращения под власть Вены. Там в стычке с войсками погибло 23 человека. Франц Иосиф был вынужден ввести в Хорватии чрезвычайное положение. Войскам в течение двух недель удалось подавить волнения. После «усмирения» Хорватии баном был назначен граф Карой Куэн-Хедервари, бывший губернатор комитата Дьёр и будущий премьер-министр Венгрии, пользовавшийся особым доверием императора. Период с 1883 по 1903 г. в хорватской историографии получил название «куэновщи-

на»; он, с одной стороны, характеризовался ужесточением политического режима в Хорватии-Славонии, а с другой — активизацией партийной жизни и партийного строительства на этих территориях.

Политическая активность сербов Венгерского королевства

В результате глубокой национально-административной трансформации, которой в 1867 г. подверглась унитарная Австрийская империя, и подписания год спустя отдельного венгерско-хорватского Соглашения («Нагодбы»), пречанские сербы* стали фактически «разделенным народом». Теперь они проживали в четырех областях, имевших различный государственно-юридический статус: в Королевстве Хорватия и Славония; в бывшей Сербской Воеводине, т.е. трех южных комитатах Венгрии — Бачке, Баранье и Банате (Транслейтания); на Далматинском побережье (Цислейтания), а также на Военной границе — особом регионе, до 1881 г. управлявшемся напрямую из Вены. Значительная часть сербского народа «по ту сторону Савы и Дуная» оказалась в венгерской части реформированной монархии Габсбургов — Транслейтании, превратившейся после 1867 г. в национальное государство мадьяр.

Отныне центральным в политической повестке становился вопрос не о правах личности — все жители Австро-Венгрии уже сравнивались перед судом и законом, — но о положении и правах национальных групп. Ведь в «модерном» национальном государстве любому, кто (коллективно или индивидуально) состоял вне титульной нации, предстояло «расплавиться» в едином тигле правящего «политического народа», а непосредственные соседи венгров, многие из которых лишь недавно пережили эпоху национального «пробуждения» и возрождения, прочно осознав свою идентичность в пестром этническом море империи, совсем не желали для себя подобной участи. В первую очередь сербы. Не только культурно-политические элиты, но и широкие массы четко фиксировали (иногда преувеличивая) эту возможную угрозу и боролись с ней, как могли, на протяжении всего периода дуализма¹²⁹.

После подписания Соглашения 1867 г. сербы ликвидированной Воеводины остались в составе Венгерского королевства, лишённые административной автономии и права политического представительства. Лишь на нерегулярных народно-церковных саборах, уже не носивших былого политического характера, они могли выбирать своих общественных представителей, которые занимались исключительно религиозно-образовательными вопросами.

С введением системы дуализма положение нетитульных этносов венгерской части двуединой монархии заметно ухудшилось. Несмотря на то что формально Закон о равноправии национальностей 1868 г. гаран-

* Пречанские сербы (от серб. преко — «за»), т.е. проживавшие за Дунаем и Савой.

тировал применение родного языка в школах, церкви и сфере местного управления, им признавался только один политический народ — венгерский. И после того как в 1875 г. премьер-министром Венгрии стал граф Кальман Тиса, занимавший этот пост в течение 15 лет, мадьяризация невенгерского населения стала главным направлением деятельности ее политической элиты.

Законами, принятыми венгерским Государственным собранием в 1868 г., были определены жесткие границы политико-правового поля, за которые функционирующие в нем сербы не смели выйти. Повестка дня сербских народно-церковных саборов отныне сводилась к религиозно-просветительским делам. В новых условиях деятельность всех культурно-политических институтов замыслилась так, чтобы они никоим образом не могли воспрепятствовать реализации великомадьярской государственной идеи. Поэтому идея автономной Воеводины стала трактоваться венгерскими властями как откровенно враждебная, противостоящая единству Венгрии, а всякая попытка представить ее в качестве демократического стремления к национальному равноправию объявлялась деструктивной, противной духу времени и дуалистическому характеру нового государства¹³⁰.

Сербское население Венгерского королевства отнеслось к дуализации монархии Габсбургов по-разному. Так, консервативно-клерикальные круги, предводительствуемые Джордже Стратимировичем, которые до 1867 г. связывали развитие венгерских сербов исключительно с имперским правительством и двором, выступая за переустройство Австрии на основах федерализма, в чем имели поддержку чешских и хорватских союзников, с провозглашением дуализма стали его сторонниками. Не желая терять былых позиций в сербском сообществе, но осознавая собственную слабость в условиях все усиливающегося противодействия либерально-гражданского слоя и лишившись к тому же покровительства Вены, группа Стратимировича пошла на сближение с Пештом, становясь его послушным орудием¹³¹.

С другой стороны, активную деятельность развернули сербские либералы во главе со Светозаром Милетичем. В 1860-е гг. они наладили связи с представителями венгерского либерального дворянства, а также со сторонниками присоединения Далмации к Хорватии и Славонии в Загребе и в 1866 г. сгруппировались вокруг основанной Милетичем в Пешт-Буде газеты «Застава» («Знамя»). Поначалу Милетич и его сторонники были в принципе не против разделения Австрийской империи «надвое», полагая, однако, неприемлемой ту опцию, в рамках которой немцы и мадьяры оказались бы полновластными хозяевами жизни в своих половинах страны. В стремлении обеспечить равноправие всех народов Милетич предлагал установить в обеих частях двуединой монархии федеративную систему с автономными правами для всех этнических меньшинств. И в частности, в случае с сербами, он настаивал на формировании в районах их численного преобладания отдельных жупаний (аналог венгерского комитата), в кото-

рых его соотечественники получали бы административную автономию с соответствующей гарантией национальных прав; впрочем, и другим народам, проживавшим в них чересполосно с сербским населением, было бы обеспечено полное национальное и гражданское равноправие.

Иными словами, Светозар Милетич открыто требовал территориально-политического обеспечения национальных интересов сербов в Венгрии, считая, что те не могут довольствоваться провозглашением одного лишь гражданского равенства, но что им должно быть обеспечено и признание коллективной идентичности — при всем уважении государственно-политической супериорности венгров. «Мы одновременно и сербы, и граждане»¹³², — любил повторять он. Когда же Милетичу не удалось добиться реализации своих целей, он вступил в бескомпромиссную борьбу в Веной и Пешт-Будой, используя в том числе и трибуну венгерского Государственного собрания, депутатом которого регулярно избирался. Эта активно-оппозиционная позиция вождя либералов пользовалась массовой поддержкой сербского сообщества Венгрии, в отличие от консерваторов и клерикалов, которые в своей соглашательской политике оказались изолированными от народа и его чаяний.

Когда законы о равноправии национальностей и о сербской народно-церковной автономии (1868) наглядно продемонстрировали, в каком направлении будет эволюционировать политика Пешт-Буды, сербы четко осознали, что если они хотят обеспечить свою национально-политическую «особенность» в составе Венгерского королевства, то промедление в деле их политической самоорганизации «смерти подобно». В начале января 1869 г. С. Милетич напечатал в «Заставе» статью «Основы программы сербской либерально-оппозиционной партии». А уже 28 января, т.е. спустя всего несколько недель, на конференции в Великом Бечкереке (ныне — город Зренянин в сербском Банате) было объявлено о конституировании Сербской народной свободолюбивой партии (СНСП), принявшей текст Милетича в качестве своей программы, вошедшей в историю под именем Бечкерекской.

Важно отметить, что занятые в основном проблемами (меж)национальных отношений, создатели Бечкерекской программы практически все свое внимание уделили защите национально-политической идентичности сербского и других немадьярских народов королевства. Тем самым они сознательно отодвинули на второй план социально-экономические вопросы, полагая, что их актуализация может только ослабить единство венгерских сербов.

Программа базировалась на трех основных посылах. *Во-первых*, она демонстрировала жесткую оппозиционность в отношении как мадьяро-хорватской «Нагодбы» 1868 г., так и дуалистической системы в целом. *Во-вторых*, декларировала необходимость признания коллективных национально-политических прав за всеми немадьярскими народами Венгрии, введения административной автономии в местах их компактного проживания на уровне жупаний, обеспечения языкового плюрализма — т.е. разрешения использовать

языки национальных меньшинств в общинах и комитатах, где те имеют большинство (в том числе для общения с государственной властью), в школе и высшей школе, а также в войсках — в зависимости от того, какой этнический элемент наиболее массово представлен в каждом батальоне. *И в-третьих*, выступала против австро-венгерского (и вообще европейского) вмешательства в дела Балканского полуострова — особенно в борьбу христианских народов Османской империи за свободу; в случае же антитурецкой войны документ призывал «сербов Монархии прийти на помощь своим кровным братьям на основании договора наших предков, оставлявших за собой право содействовать освобождению своей старой Родины»¹³³.

Программа получила единогласное одобрение делегатов конференции, на которой был сформирован и Центральный комитет СНСП, куда вошли Светозар Милетич, Йован Суботич, Михайло Полит-Десанчич, Миша Дмитриевич, Лаза Костич и другие видные участники либерального движения. Добавим, что новой организации вскоре удалось заручиться поддержкой большинства сербского сообщества Венгрии — крестьянства, купечества, ремесленников, интеллигенции; таким образом, по широте социальной базы она более походила на народное движение, чем на политическую партию в узкокласическом смысле.

В ответ на принятие Бечкерекской программы и противники либерального направления, предводительствуемые тем же Джордже Стратимировичем, сделали попытку сорганизоваться. В октябре 1869 г., при финансовой поддержке патриарха Карловацкого Самуила Маширевича и венгерского премьера графа Дюлы Андраши, он основал в Нови-Саде лояльный мадьярским властям консервативно-клерикальный печатный орган «Сербский народ». По оценке академика Василие Крестича, люди, которых Стратимирович привлек к выпуску газеты, «являлись обычными слугами сначала австрийского, а затем [после 1867 г.] венгерского правительств, далекие от всякой мысли сотворить нечто такое, что могло бы привести их к конфликту со своими спонсорами»¹³⁴. И действительно, из-за поистине коллаборационистской политики злые языки в среде сербов прозвали издание Стратимировича «Турецким народом».

В конце 1872 г. Джордже Стратимирович вновь попытался идейно и организационно дисциплинировать собственных сторонников и выразил намерение «образовать умеренную, но либеральную и независимую партию», считая необходимым «оградиться как от опасного радикализма, так и от безусловного сотрудничества с центральным правительством»¹³⁵. Дабы успешно реализовать свой план, политик покинул скомпрометировавший себя в глазах соотечественников «Сербский народ» и объявил о скором выходе газеты «Сербская политика». Параллельно он опубликовал политическую программу нового издания и одновременно будущей партии.

По сравнению с Бечкерекской программа Стратимировича носила куда более «скромный» характер. Так, австро-венгерское Соглашение 1867 г. и Закон о равноправии национальностей 1868 г., с одной стороны,

провозглашались как не отвечающие интересам сербского народа, но с другой — принимались как свершившийся факт при условии их исправления и дополнения. И в положении о Восточном вопросе и его возможном решении нет той решимости к действию, чем отличалась Бечкерекская программа. Кроме того, программа Стратимировича признавала территориальную целостность Королевства св. Стефана и все обязанности, которые законодательно возлагались на сербов как его подданных. В ответ она требовала обеспечения им всех прав, причем не только гражданских, но и национально-политических, а также неограниченной автономии в сфере церкви и школы.

И все же, несмотря на свой явно «примирительный» характер, для истории политической мысли венгерских сербов программа 1872 г. представляется весьма значимой, поскольку в ней обнаруживаются зачатки будущей политики так называемых «нотабилитетов», духовным отцом которой и стал Дж. Стратимирович. Его национально-политические идеи оставались актуальными в общественной жизни сербского сообщества вплоть до начала Первой мировой войны. Еще большее значение они приобрели после Берлинского конгресса 1878 г., когда стало окончательно ясно: сербы Венгрии не имеют достаточных сил и условий для выполнения Бечкерекской программы, особенно в той ее части, которая касалась Восточного вопроса. Однако, несмотря на все свое немалое значение для идейной истории и теории, на практике «манифест» Стратимировича не получил широкой поддержки в сербском сообществе. Следствием чего стало то, что сербская «умеренно-либеральная» партия так и не появилась, равно как и ее печатный орган, о скором выходе которого столь много говорилось еще совсем недавно¹³⁶.

Итак, либерально-гражданское движение возникло в сербской среде как альтернатива консервативной церковной иерархии. Его политическая организация — СНСП — активно боролась за голоса избирателей в немногочисленном электоральном поле (всего 2% населения допускалось к голосованию) и в лучшие годы имела по три-четыре депутата в Государственном собрании. Невзирая на малочисленность, они, особенно в бытность их лидером решительного С. Милетича, оставляли заметный след в работе каждой сессии парламента, в отличие от иных сербских депутатов, избираемых от венгерских партий и лояльных Пешт-Буде. (В верхней палате Госсобрания заседали Карловацкий патриарх и восемь епископов, столь же, как правило, конформистски настроенные в отношении центральных властей.)

Между собой сербские партии Венгрии, как правило, сталкивались на выборах членов Саборного совета и иных органов церковно-школьной автономии. И случалось, что дело доходило до серьезных склок между политиками и церковной иерархией, которая ощущала опасность от вмешательства «чуждых» сил в свои, казалось бы, незыблемые прерогативы. Все усиливавшееся влияние мирян (начиная 1871 г. на 25 духовных лиц при выборах на собор приходилось 50 мирян¹³⁷) было явно не в традициях

православной церкви. Деятельность церковных иерархов оценивалась теперь по партийно-политическим критериям, так что сербские патриархи конца XIX — начала XX в., особенно Герман Анджелич и Георгие Бранкович, несмотря на все их заслуги в развитии церковной жизни, нередко клеймились «общественностью» как слуги режима.

Отправным пунктом длившейся целое десятилетие и закончившейся расколом СНСП «распри» стал 1873 год, когда Милетич открыто обвинил в «Заставе» своего коллегу по фракции в венгерском Государственном собрании Нико Максимовича в полной парламентской пассивности. И это на фоне начавшейся годом раньше очередной кампании властей против сербских институций — церковных общин, Новосадской гимназии и Матицы Сербской. Политически крайне амбициозный, Н. Максимович изначально не был согласен с Бечкерекской программой СНСП, однако в условиях, когда влияние партии в сербском сообществе, как и личный авторитет Милетича, находилось в зените, он не желал выступать против них открыто, вот и давал Милетичу понять о своем нежелании следовать его политике упорным молчанием в венгерском парламенте.

С другой стороны, «диссидент», в своем стремлении подорвать незыблемые позиции вождя, начал плести интриги против него внутри самой СНСП. В партийных кулуарах он постоянно доказывал, что Милетич — «единственная причина всех зол и несчастий, которые мы претерпели от властей»¹³⁸. Группа близких соратников Милетича из Нови-Сада возжелала скорее обуздать «подрывную» деятельность Максимовича, чем оградить партию и вождя от клеветы. В июле 1873 г. от ее имени М. Полит-Десанчич обратился к Й. Вуичу — председателю выборного комитета в Сомборе с письмом, где предложил местным избирателям-сербам спросить Максимовича: «Почему как депутат Госсобрания он никак не защищал сербские интересы? Почему не приходил на собрания парламентской группы? Разделяет ли он еще Бечкерекскую программу? В чем он не согласен с Милетичем и какова его собственная позиция?» В конце послания констатировалось: «Нельзя, состоя в партии, самым неподобающим образом подрывать ее единство»¹³⁹.

Однако сербская либеральная общественность Сомбора так ничего и не узнала о склоках Максимовича с Милетичем, ибо письмо Полит-Десанчича Вуичу в конечном итоге оказалось в руках того, против кого и писалось. Весьма уязвленный им, Максимович не счел нужным выносить его текст на всеобщее обозрение и публично выяснять отношения с Милетичем. Он по-прежнему продолжал интриговать, будто ничего не произошло, но в глубине души жребий был брошен, мосты сожжены. Именно Нико Максимович стал главным организатором, политическим и идейным вождем той группы политиков — будущих «нотабилитетов», — которая открыто воспротивилась былому непреложному догмату «бечкерекских либералов» — отказу от австро-венгерского Соглашения 1867 г. и изменила данный пункт партийной программы. Тем самым изначальный конфликт в партии, после

десятилетних неудачных попыток хоть как-то его притушить, завершился логичным финалом. Физически и психически сломленный, Милетич в 1883 г. удалился из политики, и Максимович, годами интриговавший против него, осознал, что наконец-то наступил тот долгожданный момент, когда он может публично выйти на политическую авансцену и выступить перед сербской общественностью с собственной программой.

В марте 1884 г. в Будапеште была оглашена, а затем, месяц спустя, в Великой Кикинде получила массовое одобрение (отчего и вошла в историю идей под именем Кикиндской или Великокикиндской) новая программа. Она состояла из четырех пунктов, главным из которых являлся первый: «Опираясь на закон 1867 г. и проникшись патриотическим духом, сербы, как лояльные венгерские граждане, вкупе с остальными жителями этой страны будут всячески содействовать тому, чтобы венгерское государство всесторонне развивалось и усиливалось, что, в свою очередь, способствовало бы достижению общего благосостояния и процветания»¹⁴⁰. Соратники Максимовича, считая вредным тратить народные силы в неравной борьбе с Веной и Будапештом, стремились лишь «санировать» законы о равноправии национальностей и о сербской народно-церковной автономии, т.е. возратить им изначальный юридический смысл, поскольку мадьярские власти начали (явочным порядком) последовательно сужать права сербов и остальных нацменьшинств, «гарантированные» этими документами в момент их принятия¹⁴¹. Таким образом, главной целью провозглашалась политико-правовая «реставрация» тех законодательных актов, которые для авторов Бечкерекской программы были неприемлемы в принципе.

Еще до того, как сербские «нотабилитеты» потребовали внесения изменений в Бечкерекскую программу, на предвыборном митинге СНСП в Нови-Саде (апрель 1881 г.) выступил Яша Томич — представитель так называемой Новой Омладины — с предложением дополнить ее «вопросом о хлебе». В ответ С. Милетич от имени руководства партии заявил, что в выступлении Томича проглядывает социалистическое стремление к изменению социальной системы, с чем СНСП согласиться никак не может, действуя в рамках «существующего общественного строя» и в демократическом духе, а потому и не желает, подобно социалистам, менять сложившийся порядок¹⁴².

Речь Томича на митинге в Нови-Саде еще раз и наглядно показала, что СНСП уже не являлась единой организацией, а Бечкерекская программа перестала соответствовать той пестроте социальной базы, что на заре (взлете) деятельности объявлялась ее крупным достоинством. Жизнь требовала более четкого идейного профилирования (основанного на более органичной внутренней консолидации) сербских политических организаций в Венгрии. Вот и Яша Томич произнес свое слово в Нови-Саде отнюдь не как сторонник изменения существующего строя, но за его радикальное реформирование. То был своего рода анонс политики, которой он будет следовать в качестве ключевой фигуры будущей Народной радикальной партии.

Итак, в 1884 г., когда «нотабилитеты» открыто вышли на политическую арену, озвучив в Кикинде свою программу, стало очевидно, что время, отпущенное историей для существования «единой» СНСП, окончательно истекло. И действительно, в ней уже сложились три направления: правое, представленное «нотабилитетами»; левое, в лице Новой Омладины, и так называемый либеральный центр. Правые в Великокикиндской программе высказались за прекращение государственно-правовой оппозиции, большую умеренность и сотрудничество с центральной властью. Левые выступали за продолжение антидуалистической оппозиционной политики, предлагая при этом дополнить Бечкерекскую программу социально-экономическими вопросами — эти главные тезисы и легли в основу будущей программы Народной радикальной партии¹⁴³. Либеральный центр позиционировал себя как последовательного продолжателя ее канонических традиций, откревшившись и от правых, и от левых. Первых он осуждал как капитулянтов и консерваторов, вторых — как социалистов и революционеров.

Все три течения начали беспощадную междоусобную войну, целью которой было полное политическое уничтожение противника, потому в ней и не выбирались слова и выражения, а личные оскорбления звучали со всех сторон. Непримируемость и ненависть становились характерными чертами момента. В этой «войне» (в ходе которой либеральный центр и левые иногда тактически объединялись) «нотабилитеты» потерпели поражение. Они так и не смогли консолидировать свою партию, но их идеи, заложенные в Великокикиндской программе, как уже говорилось, в качестве одной из возможных опций политического развития сербов в Венгрии сохраняли свое значение вплоть до начала Первой мировой войны.

Общественно-политические организации у румын Венгерского королевства

Соглашение 1867 г. открыло путь полной интеграции Трансильвании в политико-административное пространство Венгерского королевства. В соответствии с восторжествовавшей концепцией венгерского национального государства и венгерской политической нации Трансильвания была полностью лишена автономии. Произошло формирование единой системы комитатского административно-территориального управления, в которой не нашлось места даже исторически сложившейся саксонской автономии в Юго-Восточной Трансильвании с городами Надьсебен и Брашшо, упраздненной в середине 1870-х гг.

В Законе о национальностях 1868 г. предпринималась попытка совместить идею единой венгерской политической нации с гарантированным предоставлением национальным меньшинствам права на собственные школы, прессу, культурные институции, широкое использование местных языков и пр. Однако сама идея вхождения румын в состав венгерской политической

нации была совершенно неприемлема для трансильванской румынской элиты, приобретшей в 1860-е гг. определенный опыт организации политической жизни на комитатском и общетрансильванском уровне. Кроме того, они внимательно следили за становлением общерумынской государственности по другую сторону Карпат, где с 1866 г. под властью Карла (Кароля) Гогенцоллерн-Зигмарингена закладывались основы румынской монархии.

В 1868 г. вступил в силу Закон № 43 об унии (объединении) Венгрии и Трансильвании (требование, выдвигавшееся еще в 1848 г.). Этот шаг нанес сильнейший удар по румынскому национальному движению, вызвав в образованном румынском обществе настоящий шок. В сохранении широкой автономии края виделся гарант приобщения румынской элиты к его управлению. В политически активных румынских кругах Соглашение было воспринято как сговор именно за счет румын. В то же время румынское национальное движение в новых условиях более не было сковано внутренними границами, и это создавало благоприятные предпосылки для создания единого движения всех румын, живущих на землях Венгерской короны.

В месяцы, последовавшие за Соглашением 1867 г., румынское национальное движение Трансильвании приобрело ярко выраженный протестный характер, что выразилось в склонности к пассивной тактике и бойкотированию венгерской политической жизни. Впрочем, это не означало полного отсутствия контактов с венгерскими деятелями. Так, делегация румынских политиков побывала у Ф. Деака, который заверил их в том, что все граждане венгерского государства будут наделены равными гражданскими правами независимо от национальности и румыны получат возможность для беспрепятственного развития своей национальной культуры и общественной деятельности на комитатском уровне. Была предпринята попытка (правда, безуспешная) привлечь румынских деятелей к непосредственной практической реализации либеральной программы, которая предусматривала сохранение и развитие на низовых уровнях румынской школы в условиях безусловного доминирования венгров в системе образования.

На роль идеологических центров румынского национального движения традиционно претендовали православная епархия в Сибиу и грекокатолическая в Блаже. Именно по инициативе последней было созвано румынское национальное собрание, которое открылось весной 1868 г. под эгидой культурного общества ASTRA. В принятом на нем программном документе оппозиционного политического содержания не только подчеркивалась преемственность идеалов национального развития, провозглашенных в 1848 г., но и содержался призыв к властям вернуться к избирательным правилам, применявшимся при выборах собрания в Надьсебене (1863 г.), и сформировать на этой основе представительный орган автономной Трансильвании. Новое блажское собрание выступило с требованиями, которые затем на протяжении десятилетий повторялись и в других программных документах румынского национального движения: восстановление автономии

Трансильвании, имеющей полноценный представительный орган парламентского типа; восстановление законов, принятых собранием в Надьсебене в 1863–1864 гг. Хотя собрание и было воспринято в венгерских политических кругах как противозаконная политическая манифестация, направленная на разрушение системы дуализма, правительство никого не стало привлекать к ответственности.

В 1869 г. состоялось другое румынское национальное собрание, близ Надьсебена, на котором было фактически декларировано создание румынской национальной партии Трансильвании. В программных документах нашли отражение важнейшие принципы блажской революционной программы 1848 г. Венгерское правительство могло разрешить только культурную деятельность румынских обществ. Иными словами, румынское национальное движение было сразу поставлено в сугубо неполитические рамки, создание румынской национальной политической партии не было разрешено, а ее оргкомитет распущен по требованию свыше как неконституционная структура (власти прекрасно понимали, что эта внесистемная сила не впишется в формирующуюся политическую жизнь Венгерского королевства как составной части дуалистической монархии).

Провозглашение партии не означало достижения общих для всех представлений о методах в румынском национальном движении Венгерского королевства. Хотя сторонники пассивной тактики доминировали, существовали и приверженцы более активной политики. Если первые в знак протеста против заложенного в самой концепции дуализма пренебрежения к мнению румын предпочли устраниваться от участия в комитатской («венгерской») политике и общественной жизни, выступали за бойкот выборов и т.д., то вторые, напротив, сделали ставку на участие в общевенгерских выборах и особенно в комитатской общественной жизни в интересах защиты прав румын. Различие между сторонниками двух течений имело и свое географическое измерение.

Если в румынском движении Трансильвании преобладала пассивная тактика, то в Восточной Венгрии (Парциуме) и Банате, где у румынского движения накопился немалый исторический опыт борьбы за свои права в крайне неблагоприятной для этого среде, проявилась склонность к активной политике. В начале 1869 г. в Темешваре было созвано собрание банатских румын, в резолюциях которого нашли отражение принцип солидарности румынского движения с движениями других народов Австро-Венгерской монархии (в первую очередь православных сербов) и стремление расширить социальную базу борьбы за национальные права.

Важнейшим средоточием активной политики стал венгерский парламент, где малочисленные румынские депутаты, блокируясь с сербскими, инициировали в 1868 г. дебаты вокруг проекта закона о национальностях, предложенного бароном Й. Этвёшем. В соответствии с так называемым планом Мочони–Милетича каждая национальность Венгрии рассматривалась как самостоятельная нация, обладающая коллективными политическими

правами. Проект таил в себе перспективу федерализации, угрожающую целостности полиэтничного венгерского государства, поэтому даже наиболее склонные к компромиссу с собственными национальными меньшинствами венгерские политики принять этого не могли.

Уже в самые первые годы эпохи дуализма начала обнажаться неэффективность и в конечном счете тупиковость пассивной тактики, не способной создать защитные механизмы против наступления центра на права национальных меньшинств. Сторонники активной политики проявляли себя не только в Парциуме и Банате, но и в Трансильвании. Еще в марте 1869 г. депутат венгерского парламента юрист Э. Мачеларие, выступая на собрании в Сердахее, приводил аргументы в пользу участия в венгерской политической жизни, ведь пассивность грозила утратой влияния на румынских крестьян, в результате становящихся объектом манипуляции и попадающих под влияние других политических сил, прежде всего венгерских партий. Тактикой бойкота, по его мнению, румынские политики сами лишали себя важной платформы для публичной деятельности. Несмотря на подобные, в сущности единичные призывы, линия на пассивность продолжала доминировать, в том числе благодаря огромному моральному авторитету митрополита восстановленной в 1864 г. самостоятельной Трансильванской митрополии с кафедрой в Сибиу А. Шагуны, выступавшего за устранение от венгерской политики.

Как и их духовный вождь, многие политически активные румыны верили, что система дуализма установилась не на века, а потому менять тактику нет необходимости. Между тем в сложившихся условиях люди, склонные к активной политике, все чаще предпочитали баллотироваться в парламент по спискам венгерских партий либо участвовать от этих партий в комитатской общественной жизни. При этом они всерьез пытались отстаивать интересы румын. В ходе парламентских выборов 1869 г. более 20 румынских депутатов были избраны по спискам как правящей партии, так и оппозиционной партии. Находясь в разных партиях, они тем не менее координировали между собой тактику, направленную на защиту интересов румынского национального меньшинства восточной половины дуалистической монархии.

Несмотря на роспуск оргкомитета по созданию румынского национальной партии и формальное запрещение ее деятельности, эта внепарламентская партия в начале 1870-х гг. полулегально функционировала. Ставя всяческие препоны ее деятельности, власти все же не прибегали к жестким мерам, понимая, что в государстве, где румынское нацменьшинство составляет (включая австрийскую Буковину) около 3 млн человек и происходит неуклонный процесс формирования румынской национальной элиты, это не будет эффективно. Венгерские власти не могли не принимать во внимание и более либеральную политику Вены в отношении буковинских румын, принимавших активное участие в деятельности местного сейма и избравшихся в качестве депутатов от коронного края Буковины в нижнюю палату

австрийского парламента. Создание в 1873 г. самостоятельной Буковинской митрополии, ранее подчинявшейся Карловацкой митрополии, сооружение в Черновцах большого кафедрального собора и образование в 1875 г. там же, в Черновцах, германоязычного университета с единственным в Габсбургской монархии православным теологическим факультетом общеимперского значения (в нем училось много выходцев из Трансильвании) благоприятствовали оживлению румынского национального движения в масштабе всей двуединой империи.

На уровне местных комитатских собраний Трансильвании в тех районах, где румыны составляли явное большинство, деятельность румынской национальной партии была более активной. В 1872 г. посетившему этот край премьер-министру М. Лоняи (за год до этого сменившему на этом посту графа Д. Андраши, ставшего министром иностранных дел всей Дунайской монархии) в соответствии с давно сложившимися традициями румынского нацдвижения Трансильвании был вручен меморандум. Показательно, что его составители, понимая слабость позиций своего движения, лишенного в новых условиях поддержки Вены, впервые после 1867 г. проявили склонность к серьезным уступкам. Они были готовы признать складывающуюся систему дуализма, но при соблюдении целого ряда условий (речь шла в общем, о таких довольно традиционных требованиях, как проведение новых комитатских границ в соответствии с языковым принципом; признание румынского как официального языка в администрации и судебной системе в соответствующих комитатах; более демократическая выборная система; назначение румын на должность чиновников).

Парламентские выборы 1872 г. также были бойкотированы основными румынскими политическими силами; что же касается Восточной Венгрии и отчасти Баната, то там румынские представители выступили неудачно, что фактически свело на нет их влияние на венгерскую парламентскую жизнь середины 1870-х гг. А. Шагуна к этому времени отходит от участия в общественной жизни, а через год умирает. Освобождение от влияния харизмы выдающегося церковного деятеля позитивно сказалось на смене тактики румынского национального движения Трансильвании в пользу большей активности, тем более что к этому теперь склонялись и церковные иерархи. Это проявилось в 1879 г. в борьбе против нового законопроекта об образовании, предложенного венгерским политиком А. Трефором и еще более ограничивавшего сферу применения языков национальных меньшинств в школьной системе. Преемник Шагуны митрополит Мирон Романул, настаивавший на строгом выполнении Закона о национальностях 1868 г., возглавил депутацию румынских церковных иерархов и светских деятелей в Вену, передавшую императору петицию протеста.

В 1870-е гг. большую значимость приобрели культурные организации. Особенно большую роль играла ASTRA, среди руководителей и активистов которой было немало людей, обладавших солидным политическим опытом. Ее деятельность не ограничивалась Трансильванией, но распространялась

также на Восточную Венгрию и Банат и находилась в прямой зависимости от формирования и укрепления в монархии Габсбургов национально ориентированного и экономически состоятельного румынского среднего класса. Особенно сильная прослойка экономически и политически активной румынской буржуазии, имевшей тесные связи и с Бухарестом, формируется в Брашове. Румынские культурные (а тем более политические) институции и пресса никак не могли рассчитывать на материальную поддержку венгерских властей и зависели от формирования собственного, румынского гражданского общества.

Новые импульсы румынскому движению придали война 1877–1878 гг. на Балканах и особенно международное признание на Берлинском конгрессе 1878 г. независимости Румынии. Поездка Г. Барициу в Бухарест весной 1881 г., в ходе которой обсуждались разносторонние вопросы политического, экономического и культурного сотрудничества трансильванских румын с молодым румынским государством, привлекла внимание широкого общественного мнения в Румынии к положению соотечественников в монархии Габсбургов. В мае 1881 г. в Сибиу состоялась конференция румынских общественных движений Венгерского королевства, ставшая важной вехой в их развитии. В ней приняли участие 117 делегатов из Трансильвании и 34 — из Восточной Венгрии и Баната — сторонники как активной, так и пассивной политической линии, фактически договорившиеся выступать в качестве единой силы. Значение конференции заключалось в провозглашении единой румынской национальной партии, не ограничивавшей свою деятельность лишь Трансильванией, но функционирующей в масштабах всего Венгерского королевства. В сравнении с предшествующими аналогичными проектами эта партия отличалась не только более четко проработанной программой, но и индивидуальным членством. Председателем партии был избран П. Косма, адвокат «Альбина-банка», наиболее видного из банков, контролируемых в Трансильвании развивающимся румынским бизнесом. В ее руководстве тон задавали деятели новой генерации (И. Рациу и др.), склонявшиеся к более активной политике.

Партийная программа, принятая в 1881 г. и нашедшая отражение в меморандуме 1882 г. венским властям, повторяла многие положения прежних политических программ, ее краеугольным камнем продолжало оставаться требование автономии Трансильвании, что неизменно воспринималось в Будапеште в штыки как посягательство на сами основы системы дуализма, поскольку даже самая ограниченная автономия открывала пути для ослабления в крае венгерского влияния за счет румынского и саксонского (общественные организации саксов Юго-Восточной Трансильвании также нередко поддерживали автономистские проекты, блокируясь в этом плане с румынскими политиками). Определенный идейный догматизм, отсутствие новых, свежих подходов в тактике лидеров трансильванского румынского движения сужали поле для политического маневрирования, диктовали партии идеологические самоограничения, не способствовавшие повышению

ее влияния. Между тем программа 1881 г. определила круг требований румынского национального движения на многие последующие годы. Отгораживание от венгерской политики не позволяло формировать механизмы противодействия мадьяризации, усиливавшейся в школьной системе и административной практике, и было малоэффективно. Даже несмотря на поддержку из-за Карпат, в том числе и вливания из Королевства Румыния в культурные проекты трансильванских румын, социальная база румынской национальной партии была узка, а ее членство в это время колебалось в промежутке 1–2 тыс. человек, главным образом людей интеллектуального труда. Стратегическая ориентированность партии на тесное сотрудничество с соседней королевской Румынией заведомо ставила ее в положение ярко выраженного «иностранный агента». Массовый румынский избиратель пусть и нехотя, но со всей определенностью продолжал голосовать за венгерские партии, главным образом за партию власти. Попадая по их спискам в венгерский парламент, единичные румынские депутаты совершенно не делали там погоды.

Политическая самоорганизация трансильванских немцев

На политическом поле Трансильвании присутствовали и силы, защищавшие интересы саксонского населения, с XIII в. компактно проживавшего на юго-востоке края, где венгерское влияние всегда оставалось минимальным. Существовавшая там саксонская территориальная автономия была в 1876 г. отменена, растворена в комитатской системе местного управления при сохранении сильных позиций саксов не только в экономической жизни городов Брашов и Надьсебен, но и на уровне комитатских администраций. Лютеране по вероисповеданию, трансильванские саксы (в отличие от немцев-католиков Баната) традиционно были связаны более тесными узами не с католической Веней, а с культурными центрами протестантской Германии, в университетах которой начиная со Средних веков получала образование их интеллигенция. В 1840-е гг. немалая ее часть испытала влияние пангерманских идеологий. Приверженность образованных и политически активных саксов немецкому национализму усилилась с созданием в 1871 г. Германской империи. Именно эта, трансильванско-саксонская среда выдвинула в венгерской политике и культурной жизни немало ярых прототипов сближения Австро-Венгрии с Германией. Вместе с тем после 1867 г. пангерманизм трансильванских саксов не поощрялся Берлином, где считали дуалистическую конструкцию удачным и выгодным для Германии решением и не поддерживали каких-либо устремлений, способных ослабить венгерскую государственность как одну из основ системы дуализма. Известны высказывания Бисмарка о том, что сантименты в отношении венгерских немцев должны отойти на второй план перед необходимостью укрепления королевства святого Стефана как потенциального союзника Германии¹⁴⁴.

Подобно России тех же десятилетий, где существовал определенный разрыв между панславистскими организациями и политикой официального Петербурга, в Германии поддержка трансильванско-саксонских общественных движений осуществлялась главным образом по неофициальным каналам.

Уния Трансильвании с Венгрией и либеральные реформы рубежа 1860-х — 1870-х гг. привели к оживлению политической жизни в среде трансильванских немцев. Была разрушена старая цеховая система, на протяжении веков составлявшая основу экономики; с ликвидацией автономии временно ослабевают позиции местной бюрократии, часть которой оказывается не у дел. Однако поднимается новая саксонская буржуазия, иногда при поддержке государства, охотно предоставлявшего местному немецкому капиталу субсидии для развития горнодобывающей индустрии в Трансильвании. Ее интересы пытались отстаивать Саксонская народная партия, созданная в том же, 1876 году, когда была ликвидирована территориальная автономия. В ее программе и практической деятельности проявились, с одной стороны, недовольство чрезмерным будапештским централизмом и стремление отстоять перед новым вызовом максимум возможного из складывавшихся на протяжении столетий национальных традиций и институций саксонского самоуправления, а с другой — заинтересованность в модернизации государства в расчете на упрочение своих экономических позиций. Именно существование к 1848 г. довольно развитой системы национальных институций, которые надо было сохранять перед лицом новых вызовов, а не создавать, составляло специфику саксонского национального движения второй половины XIX столетия в сравнении с другими национальными движениями венгерской половины Габсбургской монархии.

С самого начала своего существования включившись в венгерскую политику как на парламентском уровне, так и на уровне местных администраций, Саксонская народная партия блокировалась с венгерскими партиями, оппозиционными премьер-министру К. Тисе, рассчитывая, что такой союз усилит давление на власти в интересах сохранения элементов автономного самоуправления. Ситуация изменится только в начале 1890-х гг., когда, отстояв и частично даже укрепив свои позиции в экономике и комитатской администрации, трансильванско-саксонская элита сделает выбор в пользу союза с властью при сохранении рычагов влияния на нее в собственных интересах.

Примечания

- ¹ *Good D.F.* The economic rise of the Habsburg Empire, 1750–1914. Berkeley, 1984.
- ² *Chorherr Th.* Die katholische Kirche in Österreich. Eine kurze Geschichte. Wien, 2006. S. 46.
- ³ *Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs. Graz; Wien; Köln, 1953. Bd. 2. S. 436.
- ⁴ Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu. 1861–2004. Brno, 2005. I. díl: Období 1861–1938. S. 467.
- ⁵ Österreichische Parteiprogramme. 1868–1966 / Hrsg. von K. Berchtold. München; Wien, 1967. S. 70.
- ⁶ Das “Krickl-Programm”, 1868 // Österreichische Parteiprogramme. 1868–1966. S. 179.
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ Ibid. S. 180.
- ⁹ Ibid. S. 179–180.
- ¹⁰ *Heindl W.* Josephinische Mandarine. Bürokratie und Beamte in Österreich. Band 2: 1848–1914. Wien, 2013.
- ¹¹ *Boyer J.W.* Culture and Political Crisis in Vienna. Christian Socialism in Power 1898–1918. Chicago, 1995. P. XI. Цит. по: Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Hrsg. von Helmut Rumpler und Peter Urbanitsch. Band VIII/1 Wien, 2006, S. 35. (Далее — Die Habsburgermonarchie 1848–1918.)
- ¹² Handbuch des politischen Systems Österreichs. Erste Republik 1918–1933 / Hrsg. von E. Tálos, H. Dachs, H. Hanisch, W. Staudinger. Wien, 1995. S. 3.
- ¹³ *Hantsch H.* Geschichte. S. 413.
- ¹⁴ Spectrum Austriae: Österreich in Geschichte und Gegenwart / Hrsg. von O. Schulmeister, unter Mitwirkung J.Ch. Allmayer-Beck, A. Wandruszka. Wien, 1980. S. 298.
- ¹⁵ *Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs. S. 443.
- ¹⁶ *Hanisch E., Urbanitsch P.* Die Prägung der politischen Öffentlichkeit durch die politische Strömungen // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. VIII. Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft. Teilbd. 1. Vereine, Parteien und Interessenverbände als Träger der politischen Partizipation // Hrsg. von H. Rumpler, P. Urbanitsch. Wien, 2006. S. 46.
- ¹⁷ Ibid. S. 61.
- ¹⁸ *Kwan J.* Liberalism and the Habsburg Monarchy, 1861–1895. Basingstoke, 2013.
- ¹⁹ *Hanisch E., Urbanitsch P.* Die Prägung der politischen Öffentlichkeit. S. 183.
- ²⁰ Ibid. S. 184.
- ²¹ Ibid. S. 185.
- ²² Das Programm der Deutschnationalen in Graz, 1870 // Österreichische Parteiprogramme. S. 180–182.
- ²³ Die Erklärung des «Deutschen Volksvereins», 1870 // Ibid. S. 183–185.
- ²⁴ *Hanisch E., Urbanitsch P.* Die Prägung der politischen Öffentlichkeit. S. 187.
- ²⁵ Ibid. S. 188.
- ²⁶ Ibid. S. 189.
- ²⁷ Das «Friedjung-Programm», 1880 // Ibid. S. 189–192.
- ²⁸ Ibid. S. 190.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ Ibidem.
- ³¹ *Hanisch E., Urbanitsch P.* Die Prägung der politischen Öffentlichkeit. S. 192.
- ³² Ibid. S. 193.
- ³³ Ibidem.
- ³⁴ Das “Linzer Programm” der Deutschnationalen, 1882 // Österreichische Parteiprogramme. S. 198–203.
- ³⁵ Ibid. S. 199.
- ³⁶ Österreichische Parteiprogramme. S. 76.
- ³⁷ Schönerers Wahlaufruf, 1885 // Ibid. S. 203–205.
- ³⁸ Ibid. S. 204.
- ³⁹ Österreichische Parteiprogramme. S. 199.
- ⁴⁰ Ibid. S. 200.
- ⁴¹ Ibidem.
- ⁴² Ibid. S. 201–202.
- ⁴³ Ibid. S. 203.
- ⁴⁴ *Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs. S. 448.

- ⁴⁵ *Tálos E.* Staatliche Sozialpolitik in Österreich: Rekonstruktion und Analyse. Wien, 1981. S. 80.
- ⁴⁶ Politik und Religion / Hrsg. von M. Mirkenberg, U. Willems. Wiesbaden, 2003. S. 371.
- ⁴⁷ См.: *Vogelsang K.* Die materielle Lage des Arbeiterstandes in Österreich. “Österreichische Monatsschrift für Gesellschaftswissenschaft und Volkswirtschaft”. Wien, 1879. Bd. I.
- ⁴⁸ *Lewis G.* Kirche und Partei im Politischen Katholizismus. Wien; Salzburg, 1977. S. 22.
- ⁴⁹ Österreichische Parteiprogramme. S. 110.
- ⁵⁰ Ibid. S. 112.
- ⁵¹ Ibidem.
- ⁵² *Ehmer J.* Soziale Traditionen in Zeiten des Wandels. Arbeiter und Handwerker im 19. Jahrhundert. Frankfurt/Main 1994. S. 254. Цит. по: *Hanisch E., Urbanitsch P.* Die Prägung der politischen Öffentlichkeit. S. 81.
- ⁵³ *Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs. S. 417.
- ⁵⁴ Österreichische Parteiprogramme. S. 116.
- ⁵⁵ Ibidem.
- ⁵⁶ Ibid. S. 129.
- ⁵⁷ Ibid. S. 138.
- ⁵⁸ Ibidem.
- ⁵⁹ *Melik V.* Slovenski tabori // Kronika. 1968. Letn. XVI. Št. 2. S. 74, 75.
- ⁶⁰ *Чуркина И.В.* Модернизация словенской экономики во второй половине XIX в. Завершение формирования словенской нации // *Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В.* История Словении. М., 2011. С. 219.
- ⁶¹ *Pleterski J.* Narodna in politična zavest na Koroškem. Ljubljana, 1965. S. 188.
- ⁶² *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina. S. 185, 186.
- ⁶³ *Cvirn J.* Trdnjavski trikotnik. Politična orientacija Nemcev na Spodnjem Štejerskem (1861–1914). Maribor, 1997. S. 88.
- ⁶⁴ Ibid. S. 127–130.
- ⁶⁵ *Malle A.* Koroški slovinci v Taaffejevih dobi // Zgodovinski časopis. 1975. Letn. XXXI. Št. 1–2. S. 139–147.
- ⁶⁶ *Pleterski J.* Narodna in politična zavest. S. 129.
- ⁶⁷ *Чуркина И.В.* Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978. С. 266–288, 319–328.
- ⁶⁸ *Perovšek J.* Na poti v moderno. Poglavja iz zgodovine evropskega in slovenskega liberalizma 19. in 20. stoletja. Ljubljana, 2005. S. 39.
- ⁶⁹ *Křen J.* Dvě století střední Evropy. Praha, 2005. S. 229.
- ⁷⁰ Ibid. S. 232.
- ⁷¹ Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a na Československu. 1861–2004. Brno, 2005. I. Díl: Období 1861–1938. S. 79–80.
- ⁷² Velké dějiny země Koruny české. Sv. XII. a. 1860–1890. Praha; Litomyšl, 2012. S. 243–244.
- ⁷³ Politické strany. I. Díl. S. 124.
- ⁷⁴ *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши / Пер. с польск. М., 2004. С. 356
- ⁷⁵ *Булахтин М.А.* Между политикой и моралью: краковские консерваторы в начале XX века. Пермь, 2006. С. 6.
- ⁷⁶ *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potoskiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888–1908. Toruń, 1996.
- ⁷⁷ Энциклопедія Львова / За ред. А. Козицького та І. Підкови. Т. 2. Львів, 2007.
- ⁷⁸ *Булахтин М.А.* Между политикой и моралью. С.33.
- ⁷⁹ *Зашкільняк Л., Крикун М.* Історія Польщі. Львів, 2002. С. 415–446.
- ⁸⁰ *Сухий О.* Від русофільства до москвофільства... С. 133–135.
- ⁸¹ *Пашаева Н.М.* Русское движение в Галиции. С. 79.
- ⁸² *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 200–202.
- ⁸³ *Himka J-P.* The Greek Cathlic Church and the Ukranian nation in Galicia // Religious compromise, political salva-

- tion: the Greek Catholic Church and nation Building in Eastern Europe. Pittsburgh, 1993. P. 7–27.
- ⁸⁴ Миллер А.И. «Украинский вопрос». С. 202.
- ⁸⁵ Грицак Я. Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX століття. Київ, 2000. С. 76
- ^{85a} Хонигсман Я.С. Евреи Украины. Киев, 1992. С. 85–94.
- ⁸⁶ Цит. по: http://www.keh.hu/deak_ferenc/1518-Husveti_cikk
- ⁸⁷ Szabó Cs. A politikai elit függetlenségi ellenzékének szervezeti formálódása Magyarországon az 1860-as években: a 48-as párt megalakulása // Századok. 1999. 3. sz. 520. old.
- ⁸⁸ Szabó D. Die politische Organisierung der ungarischen Gesellschaft in Zeitalter des Dualismus // Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft. Tb. 1. Vereine, Parteien und Interessenverbände als Träger der politischen Partizipation. Wien, 2006 (Die Habsburgermonarchie 1848–1918 / Hrsg. von H. Rumpler, P. Urbanitsch. Bd. VIII/I). S. 1176
- ⁸⁹ Цит. по: Исламов Т.М., Котова Е.В., Хаванова О.В. Австро-Венгрия // История Европы. Т. 5. От Французской революции конца XVIII в. до Первой мировой войны / Отв. ред. С.П. Пожарская, А.С. Намазова. М., 2000. С. 430–431 (История Европы: В 8 т.: С древнейших времен до наших дней / Пред. глав. редколл. А.О. Чубарьян).
- ⁹⁰ Тевес Л. Концепция национальной политики Йозефа Этвеша и конституционно-национальная традиция «партии» Ференца Деака, 1860–1868 гг. // Славяноведение. 2014. № 6. С. 3–14.
- ⁹¹ Magyar kormányprogramok 1867–2002 / Szerk. P. Kiss. Budapest, 2004. 1. köt. 165–291. old.
- ⁹² A magyar polgári pártok programjai, 1867–1918 / Összeáll. Gy. Mersei. Budapest, 1971. 210–212. old.
- ⁹³ Gyáni G., Kövér Gy. Magyarország társadalomtörténete: a reformkortól a második világháborúig. Budapest, 1998. 108. old.
- ⁹⁴ Politické strany na Slovensku, 1860–1989. Bratislava, 1992. S. 64.
- ⁹⁵ Ibid. S. 37.
- ⁹⁶ Ibid. S. 38.
- ⁹⁷ См.: Podrimavský M. Slovenská národná strana v druhej polovici XIX. storočia. Bratislava, 1983.
- ⁹⁸ Марочій П.Р., Поп І. Товариство св. Василя Великого // Енциклопедія історії та культури карпатських русинів / Укладачі П.Р. Марочій, І. Поп. Переклад з англійської мови Н. Кушко. Ужгород, 2010. С. 742.
- ⁹⁹ Перечни всех функционеров Общества в начале своей деятельности и всех руководителей организации за всю ее историю дан в работе: Гаджега Ю. История «Общества св. Василия Великого» и речь ко дню 60-летия от его учреждения. Ужгород, 1925. С. 15–16, 44.
- ¹⁰⁰ Подробное изложение целей с обширными цитатами из устава Общества см.: Там же. С. 12–13.
- ¹⁰¹ См.: Шабуров Н. Василий Великий // Католическая энциклопедия. Т. I. А–3. М., 2002. С. 843–845.
- ¹⁰² См. библиографию материалов газеты «Свет»: [Рудловчак О.] Библиографія матеріалів газети «Свет» // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. Т. 12. Братіслава; Пряшів, 1985. С. 104–146.
- ¹⁰³ Рудловчак О. Газета «Свет» і її попередники. Библиографія матеріалів «Света» // Науковий збірник. С. 99.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Рудловчак О. Йосиф Гаганець і чотири товариства закарпатських українців // Дукля. 1997. № 2. С. 27.
- ¹⁰⁶ Об истории газеты «Сова» см.: [Рудловчак О.] До історії газети «Сова» // Рудловчак О. Біля джерел сучасності. Розвідки, статті, нариси. Братіслава; Пряшів, 1981. С. 265–274, 389–391.

- ¹⁰⁷ См.: Поп І. Добрянський Адольф // Енциклопедія історії. С. 181.
- ¹⁰⁸ См.: Zakoni o ugarsko-hrvatskoj nagodi / Po izvorima izdao Dr. Ivan Vojnić. Zagreb, 1907; Венгерско-хорватское соглашение 1868 г.: Краткий очерк и перевод с приложением. СПб., 1910.
- ¹⁰⁹ Rački F. Jugoslovenstvo // Josip J. Strossmayer, F. Rački. Politički spisi: Rasprave. Članci. Govori. Memorandumi. Zagreb, 1971. S. 289.
- ¹¹⁰ Ibid. S. 287.
- ¹¹¹ Bogdanov V. Historija političkih stranaka u Hrvatskoj. Od prvih stranačkih grupiranja do 1918. Zagreb, 1958. S. 638.
- ¹¹² Фрейдзон В.И. Корреспонденция Рачки–Штросмайер как источник по истории Хорватии второй половины XIX в. // Славянский архив. М., 1959. С. 144.
- ¹¹³ Starčević A. Izabrani politički spisi. Zagreb, 1999. S. 54, 57.
- ¹¹⁴ Ibid. S. 64.
- ¹¹⁵ Подробнее об этом см.: Izjave za stranku prava. Zagreb, 1894; Starčevićeva hrvatska stranka prava. Zagreb, 1904; Starčevićeva hrvatska stranka prava. Zagreb, 1907; Романенко С.А. Проблема национальной государственности в программах политических партий Хорватии-Славонии и Воеводины в конце XIX — начале XX века // Балканы в конце XIX — начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе / Отв. ред. Ю.А. Писарев. М., 1991. С. 122–123; Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Povijest hrvatskoga naroda. S. 49–53.
- ¹¹⁶ Bogdanov V. Historija političkih stranaka u Hrvatskoj. S. 607.
- ¹¹⁷ Uvjetno ili bezuvjetno? Mnjenje o rješenu naših državnopravnih pitanjah // Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. 1842.–1914. / Priredili T. Cipek, S. Matković. Zagreb, 2006. S. 150–152.
- ¹¹⁸ Horvat J. Politička povijest Hrvatske. S. 182.
- ¹¹⁹ Predlog narodnih zastupnikah grada Zagreba o odnošenju Trojedne kraljevine naprama Ugarskoj // Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. S. 135.
- ¹²⁰ Naš program // Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. S. 218; Program Narodno-ustavne stranke // Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. S. 232.
- ¹²¹ Rački F. Listovi jednoga antiunioniste. Zagreb, 1870.
- ¹²² Našim izbornikom i biračem! // Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. S. 243.
- ¹²³ Bistrimo // Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. S. 263.
- ¹²⁴ Starčević A. Našim prijateljem // Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. S. 238.
- ¹²⁵ Kvaternik E. Što hoće a što neće hrvatska stranka prava? // Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. S. 216.
- ¹²⁶ Подробнее об этом см.: Романенко С.А. Проблема национальной государственности. С. 121–122; Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Povijest hrvatskog naroda. Zagreb, 1968. S. 43–49.
- ¹²⁷ Kvaternik E. Što hoće. S. 284.
- ¹²⁸ Program Neodvisne narodne stranke // Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. S. 285.
- ¹²⁹ Турковић С. Срби међу европским народима. Београд, 2004. С. 231.
- ¹³⁰ Микавица Д. Михаило Полит-Десанчић. Вођа српских либерала у Аустро-Угарској. Нови Сад, 2007. С. 173.
- ¹³¹ Крестуић В. Срби у Угарској. 1790–1918. Нови Сад, 2013. С. 278.
- ¹³² Ibid. С. 284.
- ¹³³ Крестуић В., Љушић П. Програми и статуту српских политичких странака до 1918. године. Београд, 1991. С. 33–38.
- ¹³⁴ Крестуић В. Срби у Угарској. 1790–1918. С. 297.
- ¹³⁵ Крестуић В., Љушић П. Програми и статуту српских политичких странака. С. 68.

- ¹³⁶ Крестич В. О Ђорђу Стратимировићу и његовом политичком програму из 1872. године // Зборник Матице Српске за историју. Бр. 18. Нови Сад, 1978. С. 48–49.
- ¹³⁷ Филимонова А.И. Хорватские земли и Воеводина // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Редколл.: К.В. Никифоров (отв. ред.), А.И. Филимонова, А.Л. Шемякин. М., 2011. С. 114.
- ¹³⁸ Крестич В. Срби у Угарској. 1790–1918. Нови Сад, 2013. С. 330–333.
- ¹³⁹ Цит. по: Микавица Д. Михаило Полит-Десанчић. Вођа српских либерала у Аустро-Угарској. Нови Сад, 2007. С. 254.
- ¹⁴⁰ Крестич В., Љушић Р. Програми и статуту српских политичких странака. С. 151.
- ¹⁴¹ Ibid. С. 151–152.
- ¹⁴² Крестич В. Срби у Угарској. 1790–1918. С. 408.
- ¹⁴³ Ракић Л. Радикална странка у Војводини. Нови Сад, 1983. С. 7.
- ¹⁴⁴ History of Transylvania / General editor V. Köpeczy. Budapest, 1994. P. 612.

Партии и общественные движения на рубеже XIX–XX вв.: вызовы социальных низов

Австрийский партийный спектр рубежа веков

1890-е годы поставили перед либералами ряд проблем, поиск решения которых повлек за собой их идеологическое и организационное дробление. Парламентский успех оказался недолгим: *во-первых*, продолжал обостряться национальный вопрос; *во-вторых*, набирали силу новые политические течения, среди которых в первую очередь необходимо назвать христианских социалистов во главе с Карлом Люегером. Отношение к новым реалиям оказалось камнем преткновения для либерального лагеря, к середине 1890-х гг. значительно ослабшего.

В 1896 г. большинством сторонников либерализма была создана Немецкая партия прогресса (Deutsche Fortschrittspartei). Прогрессисты отмежевались от старолибералов и характерного для них внимания к интересам крупного капитала, переноса акцент на проблемы среднего класса и крестьянства. Тем самым партия сохраняла поддержку большого числа избирателей, однако обострение национального вопроса на исходе века окончательно лишило либералов с их умеренными взглядами на национальную проблему статуса ведущей силы немецкой политики. На парламентских выборах 1901 г. прогрессисты уступили националистам, завоевав 31 кресло в парламенте, хотя и сохранили позиции в отдельных регионах, став, например, сильнейшей немецкой партией в Чешских землях, традиционном оплоте умеренных либералов.

Немецко-национальное движение, в свою очередь, также нельзя назвать монолитным. В 1890-е гг. в их развитии прослеживались те же тенденции, что и десятилетием ранее. Продолжался процесс обособления радикальных националистов во главе с Г. Шённерером в рамках собственно националистического движения. Уже в 1891 г. сторонники О. Штейнведера (умеренное крыло течения) сформировали Немецкую национальную партию (Deutsche Nationalpartei). По прошествии четырех лет, в 1895 г., это объединение трансформировалось в Немецкую народную партию (Deutsche Volkspartei), в рамках которой вновь объединили свои силы как умеренные, так и радикальные националисты¹.

Деятельность последних в значительной мере разворачивалась в добровольных союзах, среди которых самыми известными были Немецкий школь-

ный союз (Deutscher Schulverein) и Немецкий физкультурный союз (Deutscher Turnverein). Несмотря на столь нейтральные названия, эти и многие другие подобные объединения состояли из симпатизирующих националистическим (и, как правило, антисемитским) идеям австрийских немцев, занимавшихся пропагандой своих идей, языка и культуры в разных сферах. Развитая сеть формально неполитических союзов была больше всего характерна для радикальных националистов, и именно она стала основой их организационной структуры в отсутствие полноценной политической партии.

Внутренние разногласия националистического течения не удалось сгладить и после появления самостоятельного политического объединения. Уже в 1902 г. из Общенемецкой партии выделяется группа сторонников Карла Германа Вольфа, объявившая о создании Свободной общенемецкой партии (Frei Alldeutsche Partei, с 1907 г. — Немецкая радикальная партия, Deutschradikale Partei). В отличие от Шённера, проповедовавшего необходимость уничтожения австрийского государства в его современном облике, Вольф стоял на позициях лояльности к австрийскому государству. Его партия обращалась в первую очередь к интересам немецких избирателей Чешских земель, особенно северобогемских городов. Выборы 1907 г. отчетливо показали расстановку сил между бывшими соратниками — Радикальная партия Вольфа получила 15 мандатов, тогда как Общенемецкая партия — лишь три. Доля портфелей прогрессистов в этом созыве парламенте уменьшилась вдвое, что, впрочем, было лишь продолжением наметившейся уже в начале века тенденции. Триумфатором среди немецких объединений стали христианские социалисты².

К. Фогельзанг погиб в 1890 г. в автомобильной катастрофе, но им уже были созданы прочные основы социально-христианского движения. Пришедший в ряды социальных христиан на рубеже XIX–XX вв. католический теолог Франц Шиндлер продолжил работу Фогельзанга. Он создал «Общество Льва» (в честь папы Льва XIII, опубликовавшего в 1891 г. первую социальную энциклику «*Regum novarum*»^{*}), из которого вышли впоследствии новые лидеры христианско-социального движения. «Задачей “Общества Льва”, — писал Шиндлер, — было дать ответы на вопросы современности и таким образом противостоять социализму, предложившему универсальное средство улучшения положения всех экономически нуждающихся классов»³. Дальнейшее развитие христианско-социальной мысли шло в русле поставленных на заседаниях «Общества Льва» задач. Формулировки требований разрабатывались на встречах, названных — по месту собраний в кафе — «утиными вечерами».

Накануне парламентских выборов 1891 г. социальные христиане выступили с декларацией, названной по имени автора «Программой Шиндлера».

* В энциклике шла речь о положении рабочего класса и его взаимоотношениях с властью, церковью и другими социальными слоями. Понтифик рассматривал права и обязанности работодателей и рабочих по отношению друг к другу и подчеркивал необходимость защиты интересов последних.

Уже в первом пункте ее раздела «Общие требования» значилось: «Обложение налогом работающего капитала»⁴. Далее следовало требование «энергичной защиты австрийской торговли и экономических интересов всех профессий, ценовой политики, в особенности в отношении Германии и Венгрии»⁵. Здесь же, во вводной части, были предусмотрены правовое урегулирование положения учителей; обеспечение обязательного всеобщего восьмилетнего школьного образования в городах и индустриальных поселках и шестилетнего — в сельской местности. Программа предусматривала меры по улучшению положения и хозяйственной деятельности крестьян, в частности исключение посредников при государственных закупках в деревне⁶. Специальный раздел программы был посвящен ремесленникам и мелким предпринимателям; основными требованиями здесь были благоприятные для этих слоев кредитование и налогообложение, законодательные гарантии для различных организаций (товариществ) с целью защиты их интересов и др. Заключительный раздел программы был посвящен рабочим и требовал строгого соблюдения рабочего законодательства, запрета на оплату труда товарами, на использование воскресного труда (так называемые «исключительные случаи») и пр.⁷ Трезво оценивая растущую общественную роль пролетариата, католические политики хотели распространить свое влияние и в его среде. В 1889 г. патером Антоном Мария Шварцем в Вене был основан орден «Конгрегация благочестивых рабочих».

Христианско-социальная партия (ХСП), как назвали себя в 1891 г. находившиеся в процессе объединения католические кружки, получила на парламентских выборах этого года 13 мест. Парламентские успехи новой партии объяснялись в значительной мере тем, что массы мелкой буржуазии и ремесленников были самой многочисленной категорией избирателей «нижнего слоя»: рабочий класс в основном составе не обладал — вплоть до 1907 г. — избирательным правом. Христианско-социальную партию поддержали также в 1890-е гг. нижний клир католической церкви, настраивавший паству против либералов и социалистов. (О последних — речь впереди.)

Начало 1890-х гг. стало переломным в истории австрийского социального христианства: парламентский успех 1891 г. расширил его влияние, а социальная энциклика папы Льва XIII (она содержала основные идеи Фогельзанга) придала движению новый импульс. К практическому руководству приходит новое поколение христианских политиков, пополняясь выходцами из поднимавшихся к активной деятельности слоев общества, прежде всего из мелкой буржуазии. Эти люди несли с собой новые методы политической борьбы и были более чувствительны к требованиям масс. Самым ярким представителем этого поколения лидеров явился Карл Люегер (с 1885 г. в парламенте) человек «простого» происхождения (его отец был смотрителем зала Политехнического музея), юрист, практиковавший в начале карьеры как адвокат «маленьких людей». Прирожденный лидер и прекрасный оратор, не чуждый демагогии, он быстро приобрел необычайную популярность. Начав в политике как либерал — один из авторов Линцской

программы 1882 г., — Люегер искусно владел социальный фразеологией и очень скоро сумел выделиться среди склонных к абстрактному гуманизму дворянских представителей христианско-социального движения. В том же году социальные христиане получили абсолютное большинство голосов на венских муниципальных выборах и выдвинули Люегера на пост бургомистра. Император Франц Иосиф, которого Люегер смущал кажущейся левизной и реальным воинствующим антисемитизмом, долго не утверждал его на этом посту. Однако набожный «красавчик Карл», как называли Люегера в венских кафе, был избран подряд четыре раза, и на пятый (в 1897 г.) император был вынужден уступить. Будучи бургомистром, Люегер пытался провести в жизнь фогельзанговскую программу социальных реформ, в частности много сделал для ликвидации трущоб и строительства доступных квартир для рабочих, электрифицировал уличное освещение, организовал регулярное водоснабжение города, построил много школ и сиротских домов и пр. Он называл это «коммунальным социализмом»; впрочем, его критика капитализма часто сводилась к антисемитскому лозунгу очищения Вены от еврейских буржуа и ремесленников.

В 1892 г. были созданы первые социально-христианские рабочие кружки; первые профессиональные организации такого рода — в 1897 г. Работа в пролетарской среде расширялась: в 1902 г. была создана общеавстрийская организация «Имперский союз неполитических объединений христианских рабочих Австрии»; союзы этого направления стали его секциями во всех австрийских землях.

Наличие рабочего крыла в движении служило причиной беспокойства для его руководства, будучи источником инфильтрации левых настроений; однако оно создавало возможность политического маневра и поддержания репутации партии в качестве «народной». «Партия хотела бы уберечься от того, чтобы стать какой-то специфически профильной партией, — говорил К. Люегер. — Она должна быть не аграрной или какой-либо другой специальной партией, но должна направить свое внимание на население больших городов и интеллигенцию, а также на крестьянство»⁸.

Социальные христиане в качестве выразителей «общенародных интересов» явно противопоставляли себя быстро растущей социал-демократии, призывавшей к классовой борьбе. В мае 1895 г. состоялся Первый съезд ХСП, опубликовавший основополагающий документ под названием «Программная резолюция». Главной целью партии была объявлена всемерная поддержка «социальной реформы на христианской основе»⁹, восстановление «расшатанной либерализмом общественной и экономической жизни нашего народа»¹⁰. Разумеется, в документе засвидетельствовано почтение папе Льву XIII, основоположнику социального учения церкви (против «безбожно-го» либерализма и социал-демократии). Как сказано далее в «резолюции», «будучи австрийской партией»¹¹ [здесь — отмежевание от шёнерианских националистов], социальные христиане свидетельствовали «свою врожденную верность императору и империи, династии Габсбургов»¹². Для осуществ-

вления своей главной цели партия сочла необходимым создание «хорошо организованного мирного сотрудничества всех без исключения трудящихся сословий»¹³. В этом требовании историки социального христианства усматривают идею социального партнерства.

В национальном вопросе социальные христиане были в сущности немецкими националистами, хотя и не столь радикальными, как Немецкая национальная партия. Они занимали откровенно антивенгерские и антисемитские позиции, что нашло отражение в их программных документах и партийной печати. Они отвергали централизм, объявленный ими «либеральным принципом», и австро-венгерский дуализм. Последний, по их мнению, разрушал империю. Они были сторонниками федерализма, т.е. Соединенных Штатов Австрии, — под эгидой императорского дома Габсбургов. «Население нашей монархии видит причину ухудшающихся день ото дня межплеменных взаимоотношений в безграничной и безответственной уступчивости, которую позволяют себе правительства Австрии, жертвуя интересами нашей половины империи в пользу высокомерной иудеомадьярской клики»¹⁴, — было четко сформулировано в резолюции в сентябре 1905 г.

Основополагающей для деятельности Социал-демократической партии стала «Резолюция об объединении». «Принимая во внимание, что единение партии соответствует выражаемому самым энергичным образом желанию товарищей по всей стране, нынешний партийный съезд, в присутствии членов обеих прежде существовавших фракций, единогласно постановил: партийный съезд объявляет, что принятие этой программы означает конец партийных раздоров, и ожидает от каждого товарища по партии честного и братского выступления за общую партию, а также энергичной и бесстрашной работы на общей платформе нашей программы в борьбе за освобождение рабочего класса»¹⁵.

Съезд открыл новый период в истории социал-демократического движения не только в идейном, но и в организационном отношении. В 1890 г. в Вене была успешно проведена массовая первомайская демонстрация. 200 тыс. ее участников требовали введения 8-часового рабочего дня. В результате этой пропагандистской акции стремительно увеличивалось число рабочих союзов: к концу года их было вновь организовано по всей монархии 140, из которых 30 — в Вене. В столице были созданы также рабочий читательский дискуссионный клуб «Веритас» и «Свободное объединение социалистических студентов». Партия включилась в работу профсоюзов, очень скоро получив в них влиятельное преимущество. В том же году берет начало женское движение, ядром которого стал первый образовательный кружок для женщин. В 1891 г. социал-демократы организуют не только кружки элементарной политграмоты для рабочих, но и учреждают координационный образовательный центр в Вене («Bildungszentrale»). Этой главной образовательной организации подчинялись вскоре сформированные повсюду земельные образовательные комиссии; в ведении последних находились референты районов и отдельных организаций. Структура была

столь устойчивой и результативной, что впоследствии превратилась в социал-демократическую партийную школу, готовившую политиков и идеологов движения. В 1890-е гг. социал-демократическое движение непрерывно шло от успеха к успеху: в 1891 г. был отменен закон против социалистов и все другие чрезвычайные постановления; в 1893 г. остро встал вопрос о расширении избирательного корпуса, и партия становилась все популярнее, решительно выступая за всеобщее избирательное право.

Власть отступала медленно, шаг за шагом: весной 1896 г. премьер Бадени предложил создать 5-ю избирательную курию с представлением таким образом еще 75 мест в парламенте. Ясно осознавая всю ущербность подобного решения — что было записано в решении Пятого партийного съезда, — партия тотчас начала готовиться к работе в парламенте.

Партийное руководство формировалось непросто: даже после Объединительного съезда партия не имела строгого устава и исполнительного комитета. Руководство партийными организациями осуществляли редакции признанных партийных газет. Массовую базу ее составляли образовательные рабочие союзы и профессиональные союзы — в 1890 г. в них были собраны 20 тыс. рабочих и несколько сот работниц¹⁶. При всем том из-за преследования властей партии приходилось осуществлять регулярную связь с местными рабочими организациями, и формировать центральное руководство полуполигальным образом. Первая половина 1890-х гг. характеризовалась таким положением вещей. Вопреки обстоятельствам движение набирало силу. Виктор Адлер в одном из писем Энгельсу писал, что за это время партия выросла из секты в политическую партию, вынудившую всех противников признать себя.

Организационные трудности не уменьшались по мере выдвижения партии на политическую авансцену. Социал-демократия руководствовалась идеей «всеавстрийскости» и потому действовала во многих регионах империи, резко различавшихся по уровню экономического и культурного развития. Ее организации не просто соседствовали друг с другом, но часто переплетались разнообразными связями. Руководство партии видело выход в жесткой централизации всей структуры, что давало противникам повод называть ее «слепком государства». И все-таки демократизация всей общественной жизни сказывалась и в партии, поставившей главной целью воспитание «современного пролетариата», способного преобразовать общество.

Вместе с успехами многотысячных массовых мероприятий, ставших регулярными первомайскими торжествами и др., все больше сказывалась неразработанность национального вопроса. После съезда, состоявшегося в Вене в 1897 г., партия приобрела характер так называемого «Малого Интернационала», стала федерацией автономных национальных партий, объединенных принципами: а) общности программ; б) организационной автономии; в) согласования практических выступлений. Актуальность национального вопроса становилась все очевиднее. «Решение национального вопроса, — пишет историк социал-демократии Я. Ханнак, — было предпо-

сылкой решения социального вопроса»¹⁷. Это обстоятельство послужило причиной созыва специального партийного съезда в Брюнне (Брно) в сентябре 1899 г. Рабочая пресса сообщала, что съезд принял национальную программу с воодушевлением. «Партийный съезд как орган интернациональной социал-демократии Австрии, — заключает резолюция съезда, — выражает убеждение в том, что на основе этих ведущих тезисов возможно взаимопонимание народов <...> народы могут достичь прогресса своих культур только в солидарности друг с другом; в особенности многоязычный рабочий класс, в интересах каждой нации, должен вести политическую и профсоюзную борьбу в братском, едином, сомкнутом строю»¹⁸. Идея сплоченности пронизывает все пункты программы; подчеркивается, что национальная рознь на руку классовому врагу. Объявленная программой перестройка Австрии в демократическое многонациональное союзное государство предусматривала ликвидацию исторических коронных земель и замену их национальными самоуправляющимися образованиями, руководимыми избранными на основе всеобщего прямого равного права национальными палатами. Учтена была и «национальная чересполосица» империи: третий пункт резолюции гласил: «Все без исключения самоуправляющиеся области одной и той же нации образуют вместе единый союз, который ведет все свои национальные дела совершенно самостоятельно»¹⁹. Далее содержались пункт об обеспечении прав национальных меньшинств и последний — об отрицании статуса государственного языка и признании, и то лишь после решения парламента, необходимости «посреднического» языка общения. В программе таким образом утверждался интернационалистский тезис о недопустимости в демократическом государстве каких бы то ни было национальных привилегий.

Разработанная более детально в начале XX в. ведущими теоретиками «австромарксизма» — как называли современники идеологию австрийской социал-демократии — О. Бауэром и К. Реннером, эта концепция вошла в историю под названием «культурно-национальной автономии». В европейском рабочем движении ей противопоставлялось требование «права наций на самоопределение» вплоть до создания собственной государственности.

Получилось так, что история, наращивая возможности «национализмов» — разных масштабов и динамики развития, — не дала времени для мирного осуществления обоих проектов. Мир неуклонно продвигался к межнациональным войнам XX в., и Австрия оказалась на передовой.

На брюннском съезде было также решено создать комиссию по разработке новой партийной программы в связи с изменившимися политическими обстоятельствами. «Венская программа» 1901 г., разработанная комиссией и тщательно отредактированная В. Адлером, содержала и прежние принципиальные требования, и новые намерения партии активно включиться в парламентскую деятельность. На выборах 1897 г. социал-демократы получили всего 14 мандатов: семь депутатов-немцев, пять чехов и два поляка.

Партийное строительство у словенцев

1890-е годы ознаменовали новый этап в развитии политической жизни словенцев. Произошло организационное и идеологическое оформление политических партий. Раскол начался в 1889 г., когда А. Махнич и его сторонники отказались от политики «согласия». В 1890 г. образовалось Католическое политическое общество, энергично занявшееся организацией массовых собраний по всей Крайне. В 1892 г. в Любляне прошел Первый словенский католический съезд, принявший политическую программу словенских католиков. Католическое общество с 1895 г. стало называться Католической национальной партией, а с 1905 г. — Словенской народной партией (СНП).

Либералам пришлось сделать ответный шаг. В 1891 г. они основали Словенское общество, а в ноябре 1894 г. объявили об образовании Национальной партии (с 1905 г. — Национально-прогрессивная партия). Ее Первый съезд задумывался организаторами как попытка обновления сотрудничества с консерваторами, однако представители Католической партии на это не пошли. Отказались присоединиться к партии и приехавшие на съезд представители либералов Триеста, Истры и Штирии. Так что Национальная партия оформилась как чисто либеральная и краинская²⁰. Политический раскол и образование партий произошли и в других словенских областях, но уже позднее. Так, в Горице Национально-прогрессивная партия под руководством А. Габршека и Х. Тумы образовалась в 1900 г., а Словенская народная — в 1907-м. В Штирии в 1906 г. была создана Национальная либеральная партия, возглавил которую В. Куковец, а в 1907-м — Католический словенский крестьянский союз во главе с А. Корошецем.

За политическим расколом последовал раскол в различных сферах общественной жизни. Так, в противовес либеральной спортивной организации «Сокол» католики организовали своего «Орла», в противовес Словенской матице — научное Леоново общество (1896). Каждая из партий имела свои учительские, студенческие и академические общества.

В Триесте, Истре и Каринтии словенский лагерь оставался единым. В Триесте словенцы вместе с сербами и хорватами объединились в либеральном обществе «Единост» (Единство), в Истре — в хорватско-словенской партии, образованной в 1902 г., а в Каринтии действовала словенская Консервативно-католическая партия.

Стремясь к объединению словенских рабочих с хорватскими и сербскими в Истре и Далмации, словенские социал-демократы в 1896 г. установили Югославянскую социал-демократическую партию (ЮСДП).

В ответ на оформление словенских партий в середине 1890-х гг. образовалась Немецкая партия в Крайне, объединившая в своих рядах немцев и словенцев с немецким самосознанием — от консерваторов до либералов. Особенно резкие формы словенско-немецкие конфликты приняли в Штирии и Каринтии, где угроза германизации была наиболее серьезной. Впрочем, нельзя сказать, что национальное противостояние все время имело

жесткие контуры. Политические соображения диктовали обеим сторонам применение различной тактики, в том числе и заключение союзов²¹.

Наиболее массовой и влиятельной в словенских землях была Католическая партия, объединявшая людей самых различных взглядов — от крайних реакционеров до христианских социалистов — и общественных слоев. Социальной базой партии являлось крестьянство, а организационным ядром — представители духовенства, отчасти и светской интеллигенции. Возглавлял партию сначала К. Клун, а с 1902 г. И. Шуштершич. Печатным органом католиков стала газета «Slovenec» («Словенец»).

Одним из их главных лозунгов католиков в начале XX в. стало введение всеобщего и равного избирательного права. Их национальными требованиями были равноправие языков и открытие словенского университета. В католической среде получили распространение югославянские идеи, но сотрудничество между славянами они мыслили на основе католической веры и ориентировались прежде всего на сближение с хорватами. Католическая партия в 1898 г. вступила в союз с хорватскими «правашами», ее делегаты участвовали в съезде «правашей» в хорватском Трсате. Там была принята совместная «триалистическая программа» объединения словенских земель с Хорватией, Славонией, Далмацией и Боснией на основе хорватского государственного права²². В Католической партии существовали два течения. Консервативные католики, в сущности, мало внимания уделяли проблемам беднейших слоев населения и стояли на позициях сословной иерархии общества. Виднейшим представителем этого направления был К. Клун.

В 1890-е гг. стало набирать силу движение христианских социалистов. Главным его идеологом и организатором был Я.Е. Крек, творчески переработавший идеи немецких христианских социалистов, прежде всего Э. Кеттелера, соответственно словенским условиям. Христианские социалисты выступали за неотчуждаемость крестьянских наделов, отмену оставшихся долгов, ограничение процентов при займе, создание ссудно-сберегательных и закупочных кооперативов для крестьян, ремесленников, рабочих, за повышение заработной платы рабочим, сокращение рабочего дня, социальное страхование и принятие справедливого рабочего законодательства. Благодаря их стараниям к 1913 г. в словенских землях функционировали уже 462 католических общества рабочих и 682 крестьянских кооператива. В католических профсоюзных организациях было приблизительно столько же рабочих, сколько в социал-демократических²³ (в целом в Цислейтании это соотношение было 6:1 в пользу социал-демократов). Деятельность христианских социалистов оказала мощное содействие адаптации крестьян, рабочих, ремесленников к капиталистическому укладу, а также помогла смягчить для них последствия экономического кризиса.

Консервативные католики воздерживались от открытого противодействия начинаниям христианских социалистов, поскольку они способствовали расширению социальной базы партии и увеличивали ее политический вес. Оба течения

стремились сохранить единство партии; отношения между ними обострились в предвоенные годы, но до открытого разрыва дело тогда еще не дошло.

Лидерами Национально-прогрессивной партии, образованной в 1894 г., стали И. Тавчар и И. Хрибар. Печатным органом либералов была газета «Slovenski narod» («Словенский народ»). В партии объединились в основном представители словенской либеральной буржуазии. В городах ее поддерживала либеральная интеллигенция и мелкобуржуазные слои, в деревнях — зажиточные крестьяне и учителя. Главный акцент в программе либералов делался на национальном вопросе, прежде всего на требовании национальной автономии. Югославянские идеи в их среде были наиболее сильны. Либералы, в отличие от католиков, стремились к установлению более тесных контактов не только с хорватами, но и с православными славянами — сербами и болгарами.

В соответствии с западноевропейской либеральной традицией словенские либералы выступали за всеобщее (но не равное) избирательное право и являлись противниками клерикализма.

В отличие от консерваторов они не смогли предложить сколько-нибудь действенных мер для решения социального вопроса и преодоления экономического кризиса. Самостоятельной экономической и социальной программы у них не было. Сначала либералы приветствовали социально-экономические начинания христианских социалистов, но скоро стали резко выступать против них, поскольку кооперативы Крека пользовались значительно большей популярностью, чем их собственные. В 1899 г. И. Тавчар даже потребовал, чтобы краинские власти запретили создание кооперативов христианскими социалистами²⁴.

Партийное строительство и языковой вопрос в Чешских землях

На рубеже веков богемская политика пережила трансформацию, характерную для всего австрийского спектра, — на смену национальным партиям стали приходиться массовые, водораздел между которыми лежал уже не только в принадлежности к тому или иному национальному сообществу, но и в опоре на различные идеологические платформы. В этот период в Чехии сформировалось несколько политических лагерей.

Национально-либеральный лагерь был наиболее раздробленным. Составлявшие его объединения обнаруживали массу различий — как идеологических, так и тактических, — из-за чего зачастую оказывались участниками соперничавших коалиций. Тем не менее их продолжали объединять национальные интересы, которые каждая партия ставила во главу угла, а также зачастую совпадающая аудитория, симпатизировавшая такого рода установкам. Традиционными оппонентами этого лагеря были аграрии и католическое движение.

Как уже было сказано выше, на протяжении 1880-х гг. Национальная партия постепенно лишалась своих лидирующих позиций сообразно тому, как

набирали влияние альтернативные старочехам группы. Яркую точку в этом процессе поставили выборы 1891 г., когда старочехи получили минимум мандатов, будучи оттеснены на второй план феноменальным успехом Национальной партии свободомыслящих. Тем не менее Национальная партия сохраняла положение медиатора между другими чешскими объединениями — младочешским, католическим и аграрным лагерями. Программа старочехов и в начале века продолжала апеллировать к привычным им ценностям с точки зрения австрийского патриотизма, включив в себя лишь некоторые наиболее созвучные эпохе требования — например, всеобщего избирательного права²⁵.

Оказавшись во главе чешской политики после поражения старочехов, Национальная партия свободомыслящих претерпела в связи с этим заметные изменения как с точки зрения стратегии, так и с точки зрения организационной структуры. Положение лидера заставило младочехов отказаться от привычной им оппозиционной тактики — с середины 1890-х гг. это объединение становится в значительной степени настроенным на компромисс с властью (поддерживая, например, реформы Казимира Бадени)²⁶. Идеологически эта перемена была оформлена концепцией «поэтапной политики», творцами которой были Йозеф Кайзл и Густав Эйм. Отныне чешские государственно-правовые интересы следовало обеспечивать постепенными шагами, отдельными актами, ведущими к общей демократизации страны.

С младочешской партией связан ранний этап деятельности прогрессистского движения, аккумулировавшего в себе политический радикализм — типичную для конца века идеологию, опиравшуюся на синтез национальных, социальных и государственно-правовых интересов. Чешский прогрессизм во многом происходил из студенческой среды, в которой уже в середине 1880-х гг. начали формироваться первые объединения этой направленности, в 1891 г. на правах самостоятельной фракции присоединившиеся к младочешской партии. Уже на этом этапе в среде прогрессистов наряду с умеренным крылом оформились соперничавшие течения — социалистическое и радикальное.

Артикулированной целью социалистического крыла было создание независимой политической партии. Это произошло в 1896 г. Руководителями Партии прогрессивных социалистов стали Антонин Веселы, Франтишек Модрачек и Йозеф Скалак. Она объявила себя частью социально-демократического движения (выступая главным образом за повышение благосостояния рабочих и защиту интересов мелких производителей), однако отрицала классовую борьбу и применение революционных, радикальных методов в социальной политике. Кроме того, важным пунктом прогрессистской программы стала самостоятельность чешского государства.

Радикальное крыло стало базой для формирования Чешской радикально-прогрессистской партии, образованной в 1897 г. Ее лидером стал Антонин Гайн. Понятие прогресса, согласно формулировке Гайна, применительно к чешской политике означало восстановление государства в его исторических границах, справедливое решение моравского вопроса,

пестование демократических свобод наряду с интересами рабочих, мелких ремесленников и крестьянства перед натиском крупного капитала. Будучи оппозиционной правительственному курсу, радикалы пытались создать «мелкобуржуазный» блок с другими прогрессистскими партиями²⁷.

Одной из них была умеренная прогрессистская фракция, дольше других занимавшая промладочешские позиции. Камнем преткновения стала концепция исторического права, отрицание которого прогрессистами привело к их выходу из Партии свободомыслящих в 1899 г. и образованию Чешской государственно-правовой партии под руководством К. Сокола и К. Баксы. Ее программа основывалась на самостоятельности чешского государства, отказе от признания конституции, принятой без согласия чешского народа и обструкции австрийского парламента.

Прогрессисты не были единственным течением, противопоставлявшим себя младочехам и исходившим в своих идеологических поисках «от противного». Не менее это было свойственно и реалистическому направлению, в рамках которого начал свою политическую деятельность Т.Г. Масарик. Он стал лидером образованной в 1900 г. Народной партии, осмысляя ее как силу, балансирующую между консерватизмом старочехов и радикализмом младочехов. Реализм комбинировал установки сразу нескольких современных ему течений.

С одной стороны, в вопросе государственности он занимал относительно умеренную позицию демократического автономизма, основанного в первую очередь на идее естественного равноправия отдельных народов, а не на необходимости разрешить языковые противоречия. Государственно-историческое право, согласно концепции реалистов, не было самодостаточным аргументом в пользу самостоятельности Чехии: чешскому народу предстояла ежедневная кропотливая работа, «малые дела», направленные на всестороннее совершенствование, которые и стали бы настоящим доказательством права чехов на возрождение государственного единства Чешских земель.

В то же время многое сближало реалистов с социалистами: «этический социализм» Масарика предполагал гармонизацию отношений между всеми слоями общества, изначально равноправными, а на практике — далеко идущие реформы в социальной сфере, обеспечение прав рабочих.

Именно социалисты виделись Масарику потенциальным союзником, однако для этого реалистическому движению предстояло сделать определенный шаг в сторону радикализации. Им оказался союз с группой прогрессистов во главе с Алоисом Гайном, итогом чего стало формирование в 1905 г. Чешской партии прогресса. Под влиянием Гайна в программе новой партии были четче озвучены национальные интересы чехов, частью которых становились и социальные реформы. Кроме того, из нее исчезло открытое отрицание государственно-исторических принципов.

Католический лагерь, хотя и противопоставляя себя принципиально секуляризованному либеральному течению, имел тем не менее свои истоки в Национальной партии, частью которой была католическая фракция, воз-

главляемая Вацлавом Штульцем. Кроме того, католическое движение было важной частью общественной жизни Богемии задолго до его оформления как части партийного спектра, привлекая сторонников в многочисленные католические общества и союзы.

Несмотря на это, оформление самостоятельных католических партий пришлось лишь на конец века, когда, инспирированные энцикликой Льва XIII «*Rei Novarum*» и в преддверии выборов в рейхсрат 1897 г., лидеры одного из пражских католических обществ Войтех Шенборн, Франтишек Красл и Йозеф Буриан объявили о создании Национальной католической партии Чешского королевства. Ядро новой организации составили консервативные политики, надеявшиеся привлечь к сотрудничеству и христианских социалистов. Последние, впрочем, также имея собственную сеть союзов и сторонников, симпатизировавших более явной нацеленности на социальные реформы, годом позже сформировали Христианско-социальную партию Богемии. Ее главой стал Ян Шрадек.

Несмотря на существование двух самостоятельных объединений, богемский католический лагерь был достаточно монолитен. Одной из причин этого была его оппозиционность практически всем другим партиям провинции — таким образом, чтобы представлять собой сколько-нибудь значительную политическую силу, католическим партиями оставалось сотрудничать друг с другом. Безусловно, в их программных установках были различия — так, христианские социалисты делали больший акцент на необходимости решения рабочего вопроса, тогда как Национальной католической партии была свойственна определенная элитарность даже в эпоху массовых партий²⁸.

Тем не менее общего между ними было больше, и зиждилось оно в первую очередь на восприятии веры и религиозности как основы основ любой деятельности, в том числе и на политическом поприще. В свете необычайного темпа секуляризации общества, горячо поддерживаемой другими политиками в призывах об отделении церкви от государства, католики видели своей главной целью возрождение и сплочение общества посредством религии. Впрочем, им не был чужд и становящийся общим местом набор требований о гражданских свободах, равноправии наций и их примирении, уравнивании экономической системы и перераспределении производства, находящегося в руках узкого круга крупных капиталистов, в пользу среднего класса. В отношении государства католики выступали за автономию и самоуправление Земель короны св. Вацлава в рамках децентрализованной монархии Габсбургов. С точки зрения методов христианские партии были, скорее, консервативны: не отрицая прогресса, они видели путь к нему в умеренных реформах.

Рубеж XIX–XX в. стало периодом стремительного роста популярности и, соответственно, политического веса массовых партий, апеллировавших к интересам самых широких кругов — рабочих, крестьянства, вовлеченных теперь в избирательный процесс. В Богемии наиболее влиятельной силой стала социал-демократия. Зарождение этого движения пришлось еще на конец 1870-х гг.: в 1878-м была сформирована Социалистическая

чешско-славянская партия, бывшая составной частью Австрийской рабочей партии. Эти объединения, впрочем, не имели легального статуса и потому фактически не принимали участия в политической жизни страны. Тем не менее уже на этом этапе воспроизвелся характерный для этого движения сценарий партийной организации: региональные партии создавались как часть общеавстрийского рабочего движения.

В 1887 г. на съезде в Брно было провозглашено создание Чехославянской социально-демократической рабочей партии, которая год спустя получила статус автономной организации в составе Социал-демократической рабочей партии Австрии. В 1897 г. была окончательно утверждена ее «федеративность» — от ее имени действовали шесть самостоятельных партий (немецкая, чешско-славянская, польская, русинская, словенская и итальянская), объединенные исполнительным комитетом. Тем не менее к концу первого десятилетия XX в. связи между социально-демократическими партиями ослаблялись по мере того, как каждая из них занимала свою нишу в партийной спектре соответствующего региона²⁹.

Программные установки Социал-демократической партии базировались на тезисах принятой в 1888–1889 гг. Гайнфельдской программы, подвергнутой единственной существенной редакции в 1901 г. В ней звучали классические требования всеобщего избирательного права, свободы печати, союзов и собраний, секуляризации общества, сокращения рабочего дня и ограничения женского и детского труда, обязательного восьмилетнего образования — мер, которые должны были стать шагами на пути к переходу от капиталистического общества к социалистическому. Поставленных целей предполагалось достигать строго законными средствами. Из программы была исключена всякая критика современного парламентаризма — при условии всеобщего участия в выборах законодательные органы могли стать эффективным механизмом достижения целей. Кроме того, социал-демократы делали акцент также на сохранении интересов части работающего среднего класса — ремесленников и крестьян.

Несмотря на принципиальную интернациональность социал-демократического движения, австро-венгерские реалии были таковы, что партии пришлось сформулировать свое видение национального вопроса. Это было сделано в Брненской программе 1899 г., которую приняли все автономные организации. Она предполагала преобразование Цислейтании в демократический союз национальных государств, созданных на основе австрийских коронных земель, законодательная и исполнительная власть в которых принадлежала бы автономным органам. Права национальных меньшинств курировал бы особый общеимперский закон³⁰.

Помимо социал-демократов, рост влияния на рубеже веков был характерен для аграрного лагеря. Как и многие другие течения, он заявил о себе в 1890-е гг. в форме союзов. Некоторые из них первоначально ассоциировали себя с младочешской партией, однако к рубежу веков стали очевидны их концептуальные расхождения. Итогом этого стало образование в 1899 г.

Чешской аграрной партии под руководством Станислава Кубра и Карела Прашека, заявившей о неудовлетворенности экономической политикой младочехов, не справлявшихся с задачей охраны интересов сельского населения. В 1904 г. аналогичное объединение возникло в Моравии и Силезии, и годом спустя руководство двух партий заявило о слиянии в Чехославянскую аграрную партию.

Программа аграриев претерпела ряд изменений в первые годы после образования чешской партии, однако ее исходные постулаты сохранялись неизменными: крестьяне, имея равные права с любой другой группой, имеют право на собственное представительство во всех органах власти, включая парламент; в руках крестьянства должен находиться контроль за сельским хозяйством страны, для чего в Богемии должно быть создано содружество земледельцев; австрийское земледелие нуждается в государственном попечении в свете выгодных Венгрии торговых договоров. Именно идея о том, что сельское хозяйство нуждается в защите в свете как внешних, так и внутренних (миграция значительной части населения в города) проблем, была ключевым аргументом аграриев.

В государственно-национальном аспекте они опирались на принципы чешского государственного права, в целом не уделяя большого внимания проработке программы в национальном вопросе — их позиция заключалась в необходимости ослабления централизма и расширения полномочий земских сеймов.

Все охарактеризованные партии ставили во главу угла некоторое направление деятельности (решение национального вопроса; противодействие секуляризации общества; защита интересов рабочих или крестьян), тогда как другие сферы оставались на втором плане, если не игнорировались вообще. Своеобразное толкование актуальных проблем эпохи предложил национально-социальный лагерь, в установках которого уделялось равное внимание как национальному вопросу, так и социальной политике.

Отдельные общества этого толка начали выходить из социал-демократической среды, сформировавшись из тех сторонников рабочего движения, которым был не по душе интернационализм «классической» социал-демократии. Создание независимой Национальной чехославянской рабочей партии пришлось на весну 1897 г. После объединения с аналогичной моравской партией в 1902 г. она была переименована в Чешскую национально-социальную партию.

Программа национал-социалистов, вышедшая преимущественно из-под пера Вацлава Клофаца, с одной стороны, отрицала некоторые ключевые принципы социал-демократии (например, классовую борьбу), но признавала необходимость многих демократических мер (избирательное право, равноправие женщин), также провозглашаемых массовыми партиями. В национальном вопросе национал-социалисты также шли от противного, т.е. от отрицания государственно-правовых принципов в рабочем движении, требуя федерализации Австрии и устранения влияния немцев, не имевших на то естественных прав³¹.

Конец века ознаменовался для Австро-Венгрии крупным внутривнутриполитическим кризисом, который затронул как дуалистическую систему в целом (так, очередное подписание Соглашения между двумя частями монархии, намеченное на 1897 г., из-за противодействия австрийского рейхсрата произошло лишь в 1899 г.), так и различные аспекты внутренней жизни Цислейтании. Для австрийской части империи главной проблемой были чешско-немецкие противоречия.

На протяжении 1880-х гг. разрыв между двумя *чешскими* национальными партиями углублялся. Национальная партия вернулась к активной парламентской деятельности, в надежде на определенные уступки в национальном вопросе войдя в состав проправительственной консервативной коалиции. Если на парламентском уровне главными оппонентами чешской политики продолжали оставаться немецкие либеральные группировки, то в локальной богемской политике расклад сил становился все более многосторонним. Младочехи все активнее противопоставляли себя старочешской партии (без видимых успехов пытавшейся сотрудничать с венским центром), разыгрывая карту радикального национализма в противовес аналогичным настроениям в немецкоязычном сообществе. В 1888 г. младочешскими политиками был сформирован парламентский Клуб независимых чешских депутатов, открыто противопоставивший себя курсу правительства и его сторонников.

Окончательный отход от бинарной схемы в богемской политике, когда оппонентами относительно единого чешского лагеря был немецкий, продемонстрировала попытка венских властей выработать чешско-немецкий компромисс. Ведущие немецко-богемские политики, лидеры старочехов и представители чешского исторического дворянства были приглашены в Вену на конференцию, которая в первые недели 1890 г. выработала документ, известный как «Венские пунктации»³². Он содержал решения о преобразовании существующих судебных округов провинции так, чтобы они по возможности оказывались мононациональными, о разделении Торговой палаты и земского Школьного совета на две национальные секции, о введении национальных курий на выборах в земский сейм.

Национальная партия свободомыслящих, не приглашенная на эти переговоры, ожидаемо отреагировала на принятые там решения полным их отрицанием. Младочехи уже некоторое время позиционировали себя как защитников интересов Чешских земель как провинций прежде всего славянских, поэтому обрушивались с критикой на любые предложения о компромиссе с немецкими соседями: решения Венской конференции были объявлены попыткой раздробить Богемию и обеспечить немецким чиновникам привилегированную позицию³³. Жесткая и однозначная позиция младочехов, обеспечивших себе прочные позиции после земских выборов 1889 г., не дала провести решения конференции через сейм. Крах «Пунктаций» стал триумфом младочехов, которые получили явную поддержку своего курса уже на следующих выборах в рейхсрат в 1891 г., где получили 35 мандатов против трех у старочехов.

Эта победа окончательно закрепила статус Национальной партии свободомыслящих как ведущего представителя чешских интересов (за исключением аристократии и рабочего класса). Однако эта перемена создала новые трудности для младочешского движения: перестав быть оппозицией, оно было вынуждено отказаться от привычной критиканствующей риторики и выработать позитивную программу дальнейших действий. В свою очередь, внутри партии зарождалась новая оппозиция, критикующая текущий курс объединения точно так же, как младочехи делали это двумя десятилетиями ранее. Эти течения станут основой для новых чешских партий, в том числе радикальных, которые возникнут на рубеже веков³⁴.

Точкой невозврата в эскалации конфликта стали так называемые «языковые указы Бадени», опубликованные 4 апреля 1897 г. Согласно этим постановлениям, чешский и немецкий языки объявлялись равноправными и все чиновники в Богемии и Моравии должны были владеть не только немецким, но и чешским языком. Для обучения давался срок три года, по истечении которого следовало сдать экзамен. Нетрудно сделать вывод о том, насколько эти указы задевали интересы всей бюрократической системы. Тогда как чехи в большинстве своем владели немецким языком, для чешских немцев эти нововведения означали либо необходимость изучать язык «низшего народа», либо потерю места на государственной службе.

Эти указы вызвали взрыв возмущения среди немцев. Протесты захлестнули как земли Чешской короны, так и столицу империи — в течение двух дней в ноябре 1897 г. в Вене шли антиправительственные демонстрации. Выплеснувшись на улицы, акции протеста нередко превращались в стычки чешских и немецких радикалов, причем провокаций не чуралась ни та ни другая сторона.

Премьер-министр был вынужден уйти в отставку, а формирование нового правительства было поручено П. фон Гаучу. Он предпринял очередную попытку урегулирования богемской проблемы, издав поправки к указам Бадени, согласно которым Богемию и Моравию предстояло разделить на три области: чешскую, немецкую и смешанную, в каждой из которых языком делопроизводства становился бы обиходный язык населения (в смешанной области — оба). Этот проект, будучи уступкой возмущенной немецкой оппозиции, вызвал, в свою очередь, протест противной стороны. Спустя два года «указы Бадени — Гауча» были отменены, и ситуация вернулась к статус-кво 1897 г., однако конфронтация чешской и немецкой общностей уже стала необратимой.

В этой обстановке, когда национальный вопрос оказался на пике своей актуальности, перед немецкими лидерами встал вопрос о том, чтобы четче сформулировать позицию по конкретным проблемам существования многонациональных провинций Цислейтании. Для этого из числа немецких депутатов (не только от Немецкой народной партии, но и от других объединений) были выбраны своего рода «референты», ответственные за подготовку отдельных частей будущей программы, посвященных той или иной провинции.

Отрывки документа были сведены воедино весной 1899 г., а окончательный вариант увидел свет 20 мая того же года, получив название «Троицына программа»³⁵ (публикация пришлась на церковный праздник Св. Троицы). Она была подписана несколькими объединениями — Народной партией, Партией прогресса и тремя объединениями — «верных конституции» крупных землевладельцев, Христианско-социальным и Свободным немецким.

Программа состоит из трех частей, последняя из которых разбита на десять параграфов, посвященных проектам развития разных территорий австрийской части империи (немецким провинциям в целом — Нижней Австрии, Верхней Австрии, Зальцбургу и Форарльбергу, Богемии, Тиролю, Моравии, Крайне, Штирии, Каринтии, Силезии, Адриатическому побережью и Буковине). Показательно, что по объему этот документ значительно больше всех других программ или воззваний австро-немецкого национализма.

Первая часть носит название «Общие национально-политические требования». В ней сформулированы причины («планомерное оттеснение и все углубляющееся угнетение немецкого народа в Австрии» и «уже десятилетиями существующая система, когда претензии других национальностей удовлетворяются за счет немцев»³⁶) и цели создания этого документа. Последние, как гласит его текст, не кроются в навязывании этой программы правительству страны. Он был подготовлен «под давлением обстоятельств», для сохранения и защиты «собственного дома»³⁷. Тем не менее, подчеркивают авторы программы, «судьба немцев Австрии тесно связана с судьбой самой Австрии». Иными словами, Австрия и была тем самым «домом», внутренний распорядок которого была призвана утвердить Троицына программа.

Помимо этого, первая часть программы содержит общие требования, которые в той или иной форме уже звучали в предшествовавших документах. Речь вновь шла о необходимости официального наименования Цислейтании Австрией; об отрицании права национальностей на особое административно-правовое положение, подобное положению Галиции; о пересмотре Соглашения с Венгрией; об упрочении союза с Германской империей, как политического, так и экономического. Новым требованием был тезис об отмене допускавшего управление минуя парламент §14 Конституции, так как «в последнее время постоянно имеет место использование его против слова и духа»³⁸.

Вторая часть Троицыной программы, «Общие основы для урегулирования языкового вопроса», исходит из представления о том, что для сосуществования различных национальностей внутри Австрии необходимо законодательно закрепить положение дел в языковом вопросе. Для этого предлагалось упразднить все существовавшие отдельные предписания, акты и инструкции и выработать общий подход к сфере употребления единого обиходного языка, а также внутреннего и внешнего языка дело- и судопроизводства. Подготовку такого законодательства следовало разделить на два этапа — сначала предстояло выработать общие для всей австрийской части империи нормы (принятые на парламентском уровне), а затем

дополнения к ним, связанные со спецификой отдельных провинций (предложенные местными законодательными органами). Все они, однако, должны были исходить из того, что имперским законодательством в качестве языка обихода будет утвержден немецкий³⁹.

За немецким признавался статус (впрочем, существовавший и де-факто) языка рейхсрата, министерств, судов и всех других центральных учреждений. На нем должны были вестись все устные переговоры в судах (лица, не владеющие немецким, должны были иметь переводчика), обмен корреспонденцией между вышеупомянутыми учреждениями и всеми государственными ведомствами, а также работа всех административных учреждений⁴⁰.

Кроме того, немецкий в качестве обиходного языка в общем случае использовался и как внутренний язык для всех учреждений государства (на нем, помимо документооборота, следовало вести и официальную корреспонденцию, помимо партийной). Исключения касались лишь итальянского и польского языков в соответствующих провинциях. Проблема чешского языка рассматривалась отдельно с учетом последних попыток реформ в этой сфере. Однако конкретного сценария ее решения не было предложено: в Программе заявлялось, что вопрос о широте сферы применения чешского языка как внутреннего административного будет окончательно решен позднее, отталкиваясь от предпосылок, «уже сложившихся и продолжающих складываться в ходе обсуждения языковых распоряжений для Богемии»⁴¹.

Что касается языка внешних сношений (а именно партийной корреспонденции, исполнительных актов и судебных слушаний), то во всех моноязычных областях таковым должен был быть соответствующий язык. Для чешских земель это означало, что в немецких округах использовался бы немецкий язык, тогда как объем использования чешского языка в чешских областях еще надлежало уточнить в свете уже упомянутых «предпосылок». В тех областях, где «сосуществование различных национальностей и языковые интересы таковы, что двуязычность отвечает потребностям внешних учреждений, следует утвердить паритетное использование обоих языков»⁴². К числу таких областей принадлежали Моравия и смешанные округа Богемии, а также словенская Крайна.

Вышеописанные требования, разумеется, заставляли внести в Программу пункт об обязательном для всех чиновников владении письменным и разговорным немецким языком. Кроме того, экзамены в связанных с госслужбой профессиях должны были хотя бы частично проводиться на немецком.

Наконец, последний пункт общих требований в языковом вопросе посвящен необходимости прекратить «безобразие [sic!], которое происходит в процессе славянизации немецких топонимов, помимо прочего, путем введения в обиход двойных наименований, совершенно непригодных для использования, а зачастую откровенно надуманных и непонятных»⁴³.

Третья, и наиболее объемная, часть Троицыной программы была посвящена анализу ситуации в отдельных провинциях Цислейтании и актуальным

для них проблемам. В отношении Богемии был разработан целый комплекс мер, связанных не только с решением языкового вопроса, но и с реформированием всего исполнительно-законодательного аппарата провинции.

В качестве первой меры для упорядочения межнациональных отношений рассматривалось территориальное разграничение по национальному принципу. Его предполагалось проводить таким образом, чтобы к каждому судебному округу (ein Gerichtssprengel) принадлежали населенные пункты строго одной национальности, даже если ради достижения этого пришлось бы раздробить существующие общины. (При этом, впрочем, допускалось, что некоторые области останутся смешанными «в связи с обстоятельствами этнографического характера»⁴⁴.) Мононациональные судебные районы составляли бы административные и избирательные округа (последние — для выборов не только в рейхсрат, но и в ландтаги и другие местные представительные органы).

Таким образом создавались бы национально замкнутые округа со своими администрацией и представительством, которым передавалась бы часть полномочий и обязанностей наместника-штатгальтера и земских комитетов. Это разграничение следовало провести безотносительно колеблющихся из раза в раз результатов переписей населения, отталкиваясь лишь от фактического расселения обеих национальностей в Богемии на момент принятия закона.

Все высшие административные и судебные учреждения Богемии должны были иметь немецкое и чешское подразделения. В сфере их компетенции находились бы все дела соответствующих национальных округов. Для этих округов, а также для вышестоящих отделений земских учреждений следовало сформировать отдельный корпус чиновничества, причем в учреждения, относящиеся к немецким областям, могли приниматься на работу лишь чиновники немецкого происхождения. Аналогичного правила по отношению к чешским округам в Программе сформулировано не было.

Параграф о внутреннем переустройстве Богемии включал в себя повторное обращение к языковому вопросу. Однако теперь он имел тенденциозный акцент: был повторен тезис о том, что языком внутренних и внешних сношений для администрации немецких округов, а также для немецких отделений земских учреждений должен стать немецкий, а в смешанных округах, равно как и Праге, должны на паритетных началах использоваться два языка. Вопрос об использовании языка в случае чешских округов отдельно рассмотрен не был.

Дробление по национальному признаку должно было затронуть и земскую законодательную систему: депутаты ландтага от городов, торговых палат и земских общин должны были разделиться на две национальные курии. Им предоставлялось бы право вето на решения ландтага в случаях изменения земского законодательства (как общего, так и судебного), а также в других вопросах, затрагивающих национальные интересы.

В Программе подробно рассматривались сценарии урегулирования языковой проблемы на уровне государственных и автономных органов

власти Богемии. Контакты между государственными учреждениями также должны были происходить на «общем обиходном языке», т.е. на немецком, с ремаркой, что «вопрос об использовании чешского языка в чешских языковых округах еще будет уточнен»⁴⁵.

Что касается автономных органов, то в их случае авторы Троицкой программы предлагали более гибкие варианты решения языкового вопроса. *Во-первых*, признавалось, что создание замкнутых языковых областей ликвидирует необходимость учитывать язык национального меньшинства при работе властных структур. *Далее*, автономным учреждениям давалось право самостоятельно определять, какой язык будет использоваться ими в качестве внутреннего и внешнего рабочего языка, исключив возможность принудительного ведения переговоров или переписки на другом языке. В случае если предстояло установить контакт между двумя учреждениями, выбравшими для себя разные языки, было необходимо найти переводчика — в этом ведомствам предоставлялась полная свобода выбора. В учреждениях смешанных языковых областей предполагалось равноправное использование обоих языков.

В школьном вопросе Программа предусматривала создание школ с преподаванием на языке национального меньшинства в смешанных областях при условии, что в них проживает определенное количество детей, принадлежащих к этому меньшинству. В тексте Программы, однако, не называются конкретные цифры, делается лишь оговорка о том, что еще предстоит законодательно утвердить условия создания или увеличения количества таких школ, — следовало учитывать лишь те семьи, которые проживали в той или иной области не меньше определенного количества лет. Затраты на основание подобных школ предполагалось покрывать из земского школьного бюджета, выделенного для соответствующей национальности. Создание школ с преподаванием на языке меньшинства было возможным и в моноязычных областях, с тем лишь дополнением, что для этого требовалось также согласие общины.

Таковы основные положения Троицкой программы в том, что касалось общего подхода к национальному вопросу в Цислейтании и конкретных сценариев, разработанных ее авторами применительно к Богемии. Как видно, эта программа в большой степени посвящена урегулированию языкового вопроса, хотя им одним перечень конфликтных ситуаций, конечно же, не исчерпывался. За рамками программы остались, например, требования о признании особого положения отдельных коронных земель (в частности, Галиции) или характерные для других документов национально-либерального лагеря предложения законодательно оформить союз с Германской империей. Политический успех Программы был, впрочем, невелик, так как она была поддержана далеко не всеми немецкими политиками.

Кризис Бадени позволил радикально националистической группировке завоевать значительную популярность, сыграв на общественном резонансе вокруг уравнивания чешского и немецкого языков и обострении

чешско-немецкого конфликта. На исходе века сторонники Шённерера, наконец, окрепли настолько, чтобы сформировать Общенемецкую партию (Alldeutsche Partei), выделившуюся из Немецкой народной партии на рубеже 1900–1901 гг. Ее потенциал не замедлил проявиться на выборах в рейхсрат 1901 г. В Чешских землях националистам сопутствовал успех в первую очередь в немецких промышленных областях севера Богемии, где, в свою очередь, стремительно теряли свои позиции либеральные депутаты⁴⁶.

Партийное строительство в Галиции

Новый этап в развитии украинского и русофильского национальных движений начался с середины 1890-х гг. Перед ними встала дилемма: объединение перед лицом угрозы полонизации или же размежевание по политическим, национальным, социальным признакам и создание самостоятельных политических объединений. Процесс этот занял несколько лет и сопровождался острыми политическими коллизиями⁴⁷. Крупным успехом представителей украинского направления стало заключение в 1890 г. соглашения с польской администрацией провинции, так называемой «угодой Бадени–Романчука». Достижение компромисса, к которому стремились обе стороны, произошло при активной поддержке со стороны официальной Вены, видевшей в польско-русинском соглашении путь к разрешению назревающих национальных противоречий в крае. Соглашение, которое позволило украинской стороне добиться решения части своих задач, в том числе и открытия кафедры русинской, а фактически украинской истории во Львовском университете, которую вскоре занял М. Грушевский, тем не менее быстро себя исчерпало. Украинцам не удалось существенно увеличить количество украинских гимназий и провести более демократический закон о выборах в сейм и рейхсрат. Негативно стали относиться к соглашению с «народовцами» и поляки, ожидания которых также не оправдались. По их мнению, удовлетворив часть своих требований, украинская сторона должна была отказаться от дальнейшей борьбы за национальные, образовательные, политические права. Когда же этого не произошло, польские консерваторы начали постепенный отход от политики «новой эры». Фактически с этого момента начался распад «Народной Рады». На состоявшемся в мае 1894 г. съезде произошел раскол между группой сторонников продолжения политики соглашения, возглавляемой А. Барвинским и А. Вахняниным, и так называемыми оппозиционными «народовцами» во главе с Ю. Романчуком, которые считали политику «угоды» исчерпавшей себя и настаивали на ее прекращении и заключении нового союза с русофилами. Однако попытки создания единого политического представительства русинов Галиции потерпели поражение. Идея консолидации не состоялась, что послужило основанием для поиска новых форм политической жизни русинов. В результате раскола «Народной рады» в 1896 г. возник «Католический русько-народный

союз» (КРНС) под руководством А. Барвинского. «Союз» занимал консервативную позицию, лояльную по отношению как к галицийской администрации, так и к венскому правительству, и активно опирался на поддержку Грекокатолической церкви. Тогда же, в 1896 г., из РУРП выделилась социал-демократическая фракция, позднее, в 1899 г., оформившаяся в Украинскую социал-демократическую партию под руководством М. Павлыка. В 1898 г. была создана Украинская национально-демократическая партия (УНДП). Организаторами ее выступили М. Грушевский, Ю. Романчук, К. Левицкий, И. Франко. В «Народной программе» партия заявляла о том, что основной ее задачей является достижение полной независимости украинского народа, создание самостоятельного украинского государства. В условиях Австро-Венгрии основной стратегической задачей партии стало создания отдельной «руськой» провинции, состоящей из Восточной Галиции и Буковины. Другими требованиями были реформа избирательного права, выкуп земли у помещиков и передача ее в руки малоземельных и безземельных крестьян, налоговая реформа, сокращение сроков военной службы, изучение в школах украинского языка, создание украинского университета во Львове. Возникновение и деятельность УНДП оказались значимым не только для развития украинского движения как в Галиции, так и за ее пределами, но и существенно повлияли на судьбу русофильского движения. В среде русофилов обозначилось явное расхождение между так называемыми «старорусинами» и новой генерацией деятелей русофильского движения, занявших более выраженные пророссийские позиции⁴⁸. Первым шагом к их размежеванию стало создание новой Русско-народной партии. Третьего января 1900 г. Политический совет «Руськой рады» выступил с официальным заявлением, ставшим по сути политическим манифестом новой партии. В заявлении подчеркивалось, что в основе деятельности новой партии лежит верность принципу национального, культурного, племенного единства русского народа и одновременно признания необходимости и целесообразности развития галицко-русского наречия для национальных и культурных целей Галицкой Руси при разумном использовании достижений общерусского языка и литературы. Касательно политических и экономических задач Русско-народной партии в Галиции в основном повторялись прежние требования: политическое равноправие русского народа в Галиции, реформа конституции на основании принципа «автономии народностей», улучшение материального благосостояния народа⁴⁹. Заявление «Руськой Рады» стало основой для политической программы, принятой учредительным съездом Русско-народной партии, который состоялся 7 февраля 1900 г. во Львове. Основным направлением деятельности русофилов в первые годы существования партии оставалась культурно-просветительская работа.

На рубеже XIX–XX вв. также заметно активизировался процесс формирования и развития польских демократических партий. Стремление польской элиты к монополизации политической власти привело к тому, что с 1867 г. крестьянство оказалось вытесненным из всех представительских

органов и практически лишено политической самостоятельности. Ответом стала деятельность ксендза С. Стояловского, которая носила в основном просветительский характер, а позднее, в 1880-е гг., деятельность Болеслава и Марии Выслоух, направленная на борьбу не только за социальные, но и за политические права крестьянства. Б. Выслоух, родившийся на территории Царства Польского, учился в С.-Петербурге, где был связан с социалистами, после ареста и заключения переехал в Галицию. Будучи сторонником активной борьбы за независимость Польши, Выслоух основной своей задачей ставил пробуждение национального чувства в крестьянских массах, усиление его политической роли. Издававшиеся ими газеты «Przyciel Ludu» («Друг народа») и «Общественное обозрение» стали первыми органами людовского движения (от польск. lud — народ). В 1895 г. во Львове была создана Народная партия (Stronnictwo Ludowe), во главе которой встал Я. Стапинский. Основными требованиями партии были введение демократических свобод, проведение избирательной реформы, изменения социальной политики в отношении крестьянства⁵⁰. В 1903 г. она была переименована в Польскую народную партию. Основной задачей партии стала борьба за реформу избирательной системы как на имперском, так и на провинциальном уровнях. Партия участвовала в выборах и уже в 1895 г. имела девять своих представителей в Галицийском сейме, а на выборах 1897 г. получила три места в рейхсрате.

Если крестьянское движение, возглавлявшееся Народной партией, практически не выходило за пределы Галиции, то два других направления общественно-политической мысли — националистическое и социалистическое объединяли части разделенной Польши. В Галиции в 1892 г. была создана Польская социал-демократическая партия (позднее — Польская социал-демократическая партия Галиции и Тешинской Силезии) под руководством И. Дашинского. Практически одновременно, в том же году, была создана Польская социалистическая партия (ППС), одним из лидеров которой стал Ю. Пилсудский. Стратегической задачей польские социалисты считали создание единого независимого польского государства, тактические задачи были связаны с улучшением положения рабочих, борьбой за гражданские права и либерализацию избирательной системы.

Если влияние социалистических идей в Галиции, бывшей по преимуществу аграрным краем, было ограниченным, то идеи националистического движения быстро нашли своих сторонников по обе стороны австрийско-русской границы. Основанная в 1887 г. в Женеве группой польских эмигрантов Польская Лига в 1893 г. по инициативе работавших в Царстве Польском активистов была реорганизована в Национальную Лигу (Liga Narodowa). Ее руководителем и идеологом стал Р. Дмовский. В конце в 1897 г. была основана Национально-демократическая партия, сначала как нелегальная организация, а позже как партия. Основной задачей национальной демократии, по мнению ее лидеров и идеологов, являлась самоорганизация польского народа, конечной целью считалось восстано-

ние независимого польского государства. Эндеки, в том числе и их лидер Р. Дмовский, категорически отказывались признавать национальные права жителей «крессов», бывших окраин Речи Посполитой, отказывая украинцам, литовцам и белорусам в праве на реализацию их национальных требований. Заметной составляющей идеологии «эндеции»* был антисемитизм. Постепенно влияние «эндеции» распространилось также на прусские и австрийские земли. В Галицию с 1895 г. стали приезжать деятели Лиги, в том числе и Дмовский, которым грозили преследования в России. В том же году во Львове начал выходить печатный орган «эндеции» — газета «Przegląd Wszepolski» (в 1902–1903 гг. печатался в Кракове), позднее, в 1902 г., стало выходить еще одно издание — «Słowo Polskie», ставшее одним из самых популярных изданий не только во Львове, но и во всей Галиции. Здесь же были опубликованы «Мысли современного поляка» Р. Дмовского, произведение, в котором лидер «эндеции» сформулировал основные положения национал-демократической идеологии. Таким образом, Львов, а затем и Краков стали местами сосредоточения польской националистической мысли. Эндеки активно формировали общественное мнение, привлекая ведущие интеллектуальные силы провинции. Важным направлением стала работа с молодежью. Эндеков поддерживала политическая группа «Зет», имевшая большое влияние на польское студенчество. Популярность идей национальной демократии среди галицийских поляков объяснялась не в последнюю очередь их негативным отношением к украинскому движению. Согласно концепции эндеков, Восточная Галиция принадлежала к польской цивилизации и должна была неразделимой войти в состав независимого польского государства. Национальные требования украинцев рассматривались как прямая угроза польским интересам, всякие компромиссы исключались. В условиях нарастания напряженности в национальных отношениях в Галиции эти идеи находили более живой отклик, нежели у поляков Царства Польского.

Организационное оформление политической партии (Stronnictwo Narodowo demokratyczne) началось в 1897 г., ее костяк составляли представители львовской интеллигенции. При этом эндеки не ограничивались работой только на территории Австро-Венгрии. В 1905 г. партия начала действовать в Царстве Польском, в 1909-м на прусских землях. Политическая программа партии носила прагматический, рациональный характер. В ее основе лежала борьба с ассимиляторскими поползновениями, борьба за сохранение исторической памяти польского народа. Уже на ранней стадии деятельности партии ее численность составляла несколько сотен членов, позднее их число заметно увеличилось. Динамичному развитию партии способствовало и позитивное отношение к «эндеции» двух галицийских наместников — Л. Пининского и А. Потоцкого. В результате к 1907 г. эндеки стали одной из наиболее влиятельных политических сил в Галиции⁵¹.

* Эндеция — от первых букв Национально-демократическая [партия].

По мере усиления эндеков слабели позиции другого национально-политического направления — либерал-демократов. Несмотря на критику краковских консерваторов, либерал-демократы оставались ближайшей к ним силой, их позиции были сильнее в Западной Галиции, в Кракове выходил их орган — газета «Nowa Reforma»⁵². В 1900 г. была предпринята попытка объединения львовских и краковских либерал-демократов, однако она закончилась неудачей. Позднее, в 1902 г., была создана Польская демократическая партия, однако окончательного объединения либерал-демократам достичь не удалось⁵³.

Партийное строительство в Венгерском королевстве

1890-е годы стали временем системного кризиса в главной оппозиционной силе — Партии независимости сорок восьмого года. Об этом говорило отсутствие согласия по ключевым вопросам в ее рядах ярких, харизматичных, соперничавших за лидерство политиков, таких как Ф. Кошут, Г. Угрон, К. Этвёш, Д. Юшт. Прежде всего, о путях превращения в партию, составляющую парламентское большинство и формирующую правительство. Так, Г. Угрон, руководитель группы депутатов от Трансильвании, летом 1890 г. заявил, что для достижения этих стратегических целей не следует гнущаться союзом с династией, аристократией и влиятельным духовенством. Осенью того же года новая программа была представлена всеобщему партийному собранию, однако не нашла поддержки, после чего в знак несогласия Угрон с единомышленниками («угрони́сты») покинул ряды Партии независимости сорок восьмого года, образовав Партию 48-го года Г. Угрона.

Следующей пробой на прочность стали события весны 1893 г., когда правительство Ш. Векерле внесло в парламент пакет так называемых церковно-политических законов. В них говорилось об отделении церкви от государства, признании гражданских браков и государственной (а не церковной) регистрации рождения и смерти и пр. Сторонники К. Этвёша, полагавшего, что принятие столь важных законов важнее падения либерального кабинета, настаивали на поддержке правительства, но оказались в меньшинстве: сторонники Угрона были решительно против проведения государством антицерковной политики. Тогда «эТВёшисты» дистанцировались от родной партии, образовав самостоятельную фракцию Партии независимости 48-го года Й. Этвёша. В нее, кстати, вошел видный историк и общественный деятель К. Тали, прославившийся тем, что опубликовал сочиненные им самим песни куруцев — участников антигабсбургских восстаний XVII — начала XVIII в. (обман раскрылся после смерти ученого). В программном заявлении новой партии-фракции говорилось, что ее целью по-прежнему остается достижение полной независимости Венгрии, однако она поддерживает программу правительства, направленную на секуляризацию общества.

В ноябре 1892 г. скончался непримиримый противник Г. Угрона — председатель партии Д. Ирани. Новый глава партии — Д. Юшт пригласил строптивного политика вернуться в ряды родной партии, что и произошло в сентябре 1893 г. Под впечатлением от такого воссоединения оппозиционных сил часть членов партии-фракции К. Этвёша последовали примеру трансильванского политика. Именно тогда обновившаяся партия сменила имя на Партию независимости и 48-го года. В ответ непримиримый Этвёш создал собственную организацию — Всевенгерскую партию независимости. Впрочем, уже в 1895 г., как только Угрон вновь покинул партийные ряды ради сохранения собственной свободы действий, партия Этвёша вернулась в родную партию. Действуя как независимый политик и лидер собственной партии, Угрон в публичных выступлениях агитировал за введение всеобщего, равного и тайного избирательного права, однако отказался включить это требование в официальные программные документы. Между тем партия Г. Угрона показала довольно скромные результаты на парламентских выборах, сам политик смог вернуть себе депутатский мандат только в 1899 г. и продолжил принимать активное участие в организованной оппозиционными партиями обструкции. Угрон вел переговоры с новым лидером Партии независимости и 48-го года — вернувшимся в 1894 г. из Италии сыном Лайоша Кошута — Ференцем — об объединении, но окончательное решение было принято в начале 1905 г., после так называемого «голосования по взмаху платка» — скандальной провокации правящей партии, в результате которой был принят регламент, фактически связывавший руки оппозиции*. В обновленной Партии независимости и 48-го года пост председателя остался за Ф. Кошутом, его заместителем стал сподвижник Угрона — Н. Седеркени.

Тот факт, что с наступлением 1890-х гг. действующие политические силы перестали удовлетворять интересам быстро меняющегося общества, говорил о конце периода социального мира. В качестве главных оппонентов либерализма выступили численно растущий и быстро самоорганизующийся пролетариат и теряющая свои позиции в обществе земельная аристократия. Выразителем чаяний первых стала созданная в 1890 г. Социал-демократическая партия Венгрии, вторых — основанная в 1895 г. Народная партия. Появлению на политической арене этой новой силы предшествовала борьба епископата и светских аристократов-католиков в верхней палате парламента против либерального антицерковного законодательства и пропагандистская кампания в католической прессе, которую вело мелкое духовенство, светская интеллигенция. У партии было немало сторонников

* 18 ноября 1904 г. председательствующий на заседании представитель Либеральной партии с процедурными нарушениями поставил на голосование новый регламент, при этом странными манипуляциями с носовым платком заставил присутствующих в зале депутатов привстать со своих мест, что означало «за» (чтобы проголосовать «против», нужно было оставаться сидеть на месте).

в среде мелкой городской буржуазии и светских католиков-немадьяр — все, кого возмущали засилье крупной буржуазии и дебатировавшиеся в парламенте церковно-политические законы, кто выступал за сохранение церковной автономии и контроля церкви над образованием.

Неоконсерваторы, в отличие от своих «классических» предшественников, стремились не к сохранению статус-кво или возврату утерянного «золотого века», а к созданию некоего управляемого общества будущего, в котором ведущие позиции сохранятся за земельной аристократией. Для достижения этого политического идеала надлежало уже сегодня указать путь к устранению раздиравших общество противоречий, объединить вокруг этой цели всех, кого динамичное развитие капитализма вытеснило на социальную обочину⁵⁴. В этом взгляды неоконсерваторов совпадали с новой социальной доктриной папы Льва XIII, провозгласившего, что в борьбе с индивидуализмом и коллективизмом церковь, в разумных пределах сотрудничая с государством, должна найти способ врачевания социальных язв и тем самым вернуть себе ведущие позиции в обществе.

Дилемма, перед которой стояли основатели Народной партии, заключалась в том, что, по их убеждениям, государство должно оказывать решающее воздействие на все аспекты общественной жизни, но на деле стоявшее у власти правительство проводило курс, против которого, собственно, и объединились сторонники политического католицизма: опора на крупный капитал, отделение церкви от государства и пр. Отсюда в программе Народной партии требования более справедливого налогообложения, изменение избирательного ценза и пересмотр «нарезки» избирательных округов, реформа управления. В интересах отвлечения масс от социалистических идей в программе подчеркивалась необходимость предотвращения поляризации общества, выдвигались требования защиты мелких товарных производителей и рабочих от крупного капитала, обосновывалась необходимость государственного вмешательства в отношения между трудом и капиталом, государственной поддержки, льготного кредитования, гарантированного, не облагаемого налогом прожиточного минимума для мелкого предпринимательства.

Программные документы Народной партии не содержали открыто антисемитских заявлений, однако фактический знак равенства между крупным капиталом, либерализмом и евреями позволяет говорить о перерастании экономического антисемитизма в политический. Евреи выступают в качестве врага, которого не только можно, но и нужно исключить из публичного пространства. Венгерский историк Д. Сабо отмечал, что партийное руководство рассматривало антисемитизм в качестве инструмента мобилизации широких народных масс, но заботилось о том, чтобы разжигание ненависти к евреям не вело к погромам и иным неконтролируемым акциям⁵⁵.

На левом фланге не прекращались попытки преодолеть раскол в Партии независимости и 48-го года путем объединения с радикальными силами. Прежде чем вследствие кризиса 1905–1906 гг. фракции и внутрипартийные

группировки распадутся на отдельные партии, каждая из которых сохранит прежнее название с добавлением имени лидера, активный член Партии независимости и 48-го года, журналист Ф. Шима попытался объединить конструктивно настроенных радикалов вокруг новой организации. Созданная им Радикальная демократическая партия (1898–1900) выступала за всеобщее избирательное право, свободу объединений, собраний, печати, защиту отечественной промышленности, бесплатное здравоохранение, мирное сосуществование с немадьярскими народностями, но, так и не став заметным явлением, слилась с Воссозданной социал-демократической партией Венгрии.

Партийное строительство у словаков

Новый важный рубеж в словацкой политике был преодолен в 1890-е гг., после чего почти два с половиной десятилетия до начала Первой мировой войны были насыщены постоянной активностью и борьбой различных сил, появлением все новых партий и группировок самого разного толка. Этот период можно назвать эпохой расцвета политической жизни Словакии в рамках Венгерского королевства.

Во-первых, небывалой активности достигла деятельность Словацкой национальной партии (СНП). Ее руководство принялось за реализацию планов по координации своих действий с другими народами королевства, недовольными своим положением, прежде всего с румынами и сербами. 1892–1895 годы прошли для партии под знаком налаживания официальных контактов и проведения конференций с представителями Румынской и Сербской национальных партий. На горизонте маячила перспектива создания единой партии немадьярских народов Венгрии, которая рассеялась, так и не вылившись ни во что большее, чем периодическое сотрудничество депутатов трех национальностей в парламенте. Это позволяло говорить о наличии особой фракции в Государственном собрании, но структурным единством и последовательностью в отстаивании своих позиций она не обладала. Однако сама по себе попытка реализации столь масштабного проекта свидетельствовала о намерении словаков серьезно включиться в политическую борьбу. Поэтому, видя провал идеи скоординированной национальной избирательной кампании, Словацкая национальная партия пошла на еще один немислимый для нее в прежние годы шаг — сотрудничество с венгерской партией. В роли союзника выступила возникшая в 1894 г. Католическая народная партия (КНП). За счет своей программы в духе «христианского социализма», поддержки полноценной реализации Закона о национальностях 1868 г. (за что в тот момент боролись практически все словацкие национальные политики) и католического характера, столь близкого весьма религиозному словацкому населению, эта партия собрала под своими знаменами большое количество словаков не только по крови,

но и по духу и самосознанию, в отличие от той же либеральной партии. Сотрудничество между СНП и КНП оказалось недолговечным (после вхождения в правящую коалицию в 1905 г. КНП лишилась львиной доли словацкой поддержки), тем не менее именно благодаря этому союзу в Государственное собрание впервые после долгого промежутка времени попали депутаты, разделявшие словацкие национальные интересы и идеологию СНП. Вплоть до начала Первой мировой войны они уже не покидали Собрания, хотя их число и варьировалось.

Кроме коалиционных экспериментов Словацкой национальной партии, рубеж веков был отмечен также и процессами ее внутренней дифференциации, хотя формально обособилась от СНП только Словацкая народная партия. На уровне деклараций это произошло уже в 1905 г., однако окончательно процесс завершился только в 1913 г. В первую очередь она объединила бывших словацких сторонников Католической народной партии, а также деятелей католического толка из СНП. Среди наиболее заметных ее деятелей стоит выделить Франтишека Скичака, Фердинанда Юригу, Андрея Глинку, Франтишека Егличку, Юлиуса Марковича и Августина Рата. На всех выборах, состоявшихся в Венгерском королевстве до войны, «народники» сотрудничали с СНП, обеспечивая ей широкую поддержку и постоянные места в Государственном собрании. Раскол между партиями и окончательное обособление «народников» произошли перед самой войной, и поучаствовать в избирательных кампаниях самостоятельно они уже не успели. Помимо католического течения, в СНП присутствовало так называемое «гласистское» течение, представленное Ваврой Шробаром, Павлом Благо и Миланом Годжей, вдохновленное политической теорией «малых дел» Т. Гаррига Масарика и пропагандировавшее чехо-словацкое сотрудничество. Однако формально от СНП оно не отделялось, да и с массовой поддержкой у него существовали известные проблемы. Широкою пропаганду идей чехо-словацкого сближения смог наладить только М. Годжа, и то за счет отражения на страницах своего «Slovenský týždenník» («Словацкий еженедельник») крестьянской тематики.

Во-вторых, важными для политической жизни Словакии были изменения на общевенгерской партийной арене. Как уже было сказано, возникла и почти на десятилетие стала заметной силой на территории комитатов Верхней Венгрии Католическая народная партия. Еще раньше ее, в 1890 г., была организована Социал-демократическая партия Венгрии⁵⁶, объединившая в своих рядах всех трудящихся королевства, вне зависимости от национальности. Однако невнимание центрального руководства партии к национальным различиям трудящихся привело к тому, что из партии в начале XX столетия все же выделились национальные организации, в том числе Словацкая социал-демократическая партия. Правда, она просуществовала всего год (1905–1906) и затем вернулась в общевенгерскую партию, сохранив при этом известную автономию. В Государственном собрании социалисты представлены никогда не были.

Партийное строительство у русинов Венгерского королевства

Очищенное от радикалов русинское Общество св. Василия Великого формально продолжило свое существование. Вскоре после закрытия газеты «Свет» организация начала выпуск более провенгерского и умеренного еженедельника «Новый Свет», редактором которого стал Виктор Гебей. На страницах этой газеты прямо пропагандировалась точка зрения, согласно которой угорские русины являются незрелым народом, который не имеет права на полноту общественно-политических свобод⁵⁷. Однако уже в 1872 г. это издание, не пользовавшееся особой популярностью, заглохло⁵⁸. Вместо «Нового Света» стала выходить лояльная Пешту газета «Карпат», выпускавшаяся с 1873 (под эгидой организации — с 1875 г.) по 1886 г. под редакцией Николая Гомичкова⁵⁹. В целом после изменения курса Общества, победы «умеренной партии», в начале 1870-х гг. в нем начался неуклонный упадок. В 1895 г., после двадцатилетнего почти что бездействия организации, попытку ее оживления предпринял епископ Юлий Фирцак (1836–1912). Но ни о какой бы то ни было политической деятельности даже в латентных формах уже не могло быть и речи: Общество сосредоточилось на издании религиозной литературы, причем все чаще на венгерском языке. Поэтому совершенно логичным стал в 1902 г. официальный роспуск Общества св. Василия Великого и основание вместо него издательства «Унио», которое просуществовало вплоть до 1938 г.⁶⁰

Красноречивый диагноз общественно-политической жизни угорских русинов дал в своем письме М.Ф. Раевскому от 16 (28) октября 1875 г. И. Раковский: «Наше народное движение с 1871 года приостановилось совершенно. Епископ Панкович нанес ему смертоносный удар. Общество св. Василия В[еликого] существует только по имени. Лица, стоящие во главе его, не делают ничего и других не допускают делать что-нибудь. Боятся терроризма мадьярского, который теперь господствует в полной силе. <...> Какая-то мертвящая апатия овладела всеми»⁶¹. Характеристика, данная Раковским в 1875 г., по сути оставалась актуальной вплоть до распада Габсбургской монархии. Известный американский русинист Пол Роберт Магочи, анализируя ситуацию, сложившуюся в Угорской Руси в 1880-е гг., выделил в регионе две силы: «1) небольшой круг патриотов, которые старались сохранить определенную славянскую национальную самобытность, и 2) многочисленная группа мадьяронов, которые способствовали полной ассимиляции с мадьярской культурой»⁶². Таким образом, создание полноценного русинского национального движения, не говоря о партии, просто не стояло на повестке дня. Причины этого следует искать не только в неблагоприятной политической атмосфере для нацменьшинств Венгрии, но и в недостатке харизматичных лидеров, а также в традиционно конформистском менталитете самих угорских русинов.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на отсутствие собственно русинских политических сил, политическая жизнь в условных границах Угор-

ской Руси не прекращалась вплоть до Первой мировой войны. Выборы регулярно происходили во всем Венгерском королевстве, включая жупы* с русинским населением. Однако местные избранники, как правило, не имели отношения к этническим русинам. Дело в том, что русины в Ужской, Бережской, Угочской и Мараморошской жупах (основная русинская этническая территория в Венгрии) составляли, согласно переписям населения 1880, 1890, 1900 и 1910 гг., соответственно, только 43,3; 42,0; 41,7 и 39,0 % — т.е. менее половины жителей имели тенденцию к уменьшению собственной численности⁶³. При этом русины находились в самом низу социальной лестницы, уступая практически всем соседним этносам. В работах исследователей социально-экономических отношений у угорских русинов часто приводится описание местных избирательных механизмов. Так, например, венгерский исследователь Йожеф Перени следующим образом охарактеризовал ситуацию в комитатах с русинским населением: «Выборы проводились в атмосфере открытого террора, взяток, антисемитской пропаганды и последующих реторсий** и еще десятилетиями обеспечивали посты депутатов и жупских чиновников венгерским помещикам или же их кандидатам: захудалым, уже не владеющим землей бедным родственникам»⁶⁴. К примеру, в Марамороше, где население традиционно занималось лесными промыслами, голосование не за проправительственных кандидатов было для русинов чревато запрещением лесничими вырубki казенного леса и, как следствие, потерей работы и пропитания⁶⁵. Соответственно, вследствие отсутствия собственных национальных партий политический ландшафт Угорской Руси не имел принципиальных отличий от мадьярских областей королевства.

С некоторой натяжкой оживление русинской политической жизни можно усмотреть в начавшейся в 1895 г. деятельности оппозиционной Католической народной партии графа Фердинанда Зичи. Ее региональные отделения появились в Ужгороде, Мукачево и Севлюше (ныне — Виноградово, Украина). Как известно, в программных документах партии (в частности, в универсале «Чего хочет Народная партия?», подготовленном к парламентским выборам 1896 г.) выдвигались требования удовлетворить национальные запросы немадьярских народов. Поэтому идеи Католической народной партии получили популярность у части русинского грекокатолического духовенства. В частности, партийная риторика оказалась близкой активу обновленного в том же, 1895 году Общества св. Василия Великого. Так, венгроязычный печатный орган грекокатоликов «Kelet» («Восток»)⁶⁶ начиная с 1896 г. обслуживал интересы Католической народной партии, последовательно критикуя будапештское правительство и правящую Либеральную партию.

* Жупы — комитаты.

** Реторсия — ответная ограничительная мера.

Партийное строительство в Хорватии-Славонии

В Хорватии-Славонии в годы правления К. Куэн-Хедервари его опорой служила Национально-либеральная партия, фактически ставшая его орудием и стабильно получавшая большинство на выборах в сабор. И хотя среди лидеров партии был, к примеру, один из известных деятелей иллирийского движения, депутат сабора от этой партии с 1871 г. Людевит Фаркаш (Вукотинович), от прежних идейных установок «народняков» почти ничего не осталось. В предвыборной программе 1887 г. лишь вскользь упоминается союз «братских» (т.е. южнославянских) племен. Партия обещала отстаивать интересы Хорватии, «уважая нынешние государственно-правовые отношения, находясь под сенью короны св. Стефана, беззаветно веря преясной династии, охраняя хорватско-венгерское соглашение как зеницу ока, строя искренние дружеские отношения с союзным венгерским народом»⁶⁷.

В конце XIX — начале XX в. клубы и группировки продолжают превращаться в политические партии в современном значении этого слова, обретая более широкую социальную и политическую базу и укрепляя внутреннюю структуру. При этом партии становятся не только главной организационной формой выражения социальных интересов и национального движения, но и важным элементом политической системы, обеспечивают участие более широких слоев общества в государственном управлении на местном и автономном уровнях.

Членство в партиях не было строгим — партию можно было без труда сменить, особенно если речь шла о переходе из оппозиции в «партию при власти», — реальной властью сабор, будучи автономным учреждением, не обладал даже в Хорватии. Кроме того, эволюционировали и сами партии, превращаясь из оппозиционных в проправительственные. Сами многочисленные партии, представлявшие южнославянские народы, все же становились достаточно сильными, чтобы в ряде случаев оказывать влияние на инациональную власть и ее учреждения непосредственно в землях. Сама же власть находилась в Будапеште и в Вене, осуществляясь через главу исполнительной власти — бана. Впрочем, приоритет исполнительной власти над представительными учреждениями был характерен и для австрийской части монархии.

Политические партии становились основными политическими институтами общества и формой организации общественных — национальных — движений. В каждом из вышеназванных образований формировалась политическая система, обладавшая особенностями, обусловленными не только социальным развитием, но и этническим составом населения, традициями межэтнических отношений, устремлениями национальных движений и статусом данной территории. Преобладающей формой политических организаций были либо аморфные идейно-политические течения (1880-е — начало 1890-х гг.), либо замкнутые, изолированные группировки, не имевшие за пределами сабора никакого политического веса и не допускавшиеся к управлению (1890-е гг. — начало 1900-х гг.).

Партийное строительство, оформление идеологических концепций и формирование партийно-политической системы в хорватском национальном движении продолжали развиваться в трех направлениях. *Первое* — национальный консерватизм — политический термин, используемый для описания разновидности консерватизма в многонациональных государствах. Эта линия в национальных движениях ориентируется на сохранение существующего на данный момент государственного устройства и традиционные социальные и этические взгляды.

Второе направление — национал-либерализм — политическое течение, совмещающее либеральную идеологию с элементами национализма. Как правило, либерализм в экономике совмещается с национализмом в политике и общественной жизни. На наш взгляд, необходимо различать три разных явления: либеральный национализм, программу (или взгляды) либералов по национальному вопросу и «национал-либерализм».

Наконец, *третье направление* — национал-радикализм, — направление в политике и идеологии, отличающееся крайними взглядами и поступками в области национальных интересов и решения проблем межнациональных отношений.

Основными оппозиционными партиями в 1880-е гг. оставались Независимая национальная партия и Партия права. Уже к 1884 г. относятся попытки «независимцев» создать коалицию сначала с «правашами», а затем с недолго просуществовавшей депутатской группой «Центрум — Умеренная оппозиция», которая выступала за «защиту узаконенных прав», т.е. за соблюдение Соглашения 1868 г., но против произвола, царившего в Хорватии при бане Куэн-Хедервари. Но все попытки переговоров «независимцев» с другими оппозиционными силами терпели неудачу. Лишь в 1892 г. между ними была достигнута договоренность «совместно действовать ради осуществления государственных и естественных прав хорватского народа в рамках Габсбургской монархии»⁶⁸. А через два года, в 1894-м обе партии объявили о создании объединенной оппозиции и приняли общую программу. В качестве целей этой партийной коалиции провозглашалось объединение хорватского народа не только Триединого королевства, но и Боснии и Герцеговины (которая к тому времени уже была оккупирована Австро-Венгрией) в единое государственное образование в рамках Габсбургской монархии, создание Королевства Хорватия как правового, конституционного и свободного, решение «общих дел» империи равноправно с Венгрией и обеспечение соблюдения конституции и свободы всеми законными гарантиями⁶⁹. Однако ни «независимцы», ни «правашаи» на тот момент не могли эффективно развивать свое сотрудничество и создать единую партию. Кроме того, начало 1890-х гг. стало временем раскола единой Партии права и появления новых партий и коалиций, созданных на ее основе.

В Партии права к началу 1890-х гг. нарастали внутренние противоречия. Многолетний лидер «правашей» А. Старчевич, которому в 1893 г. испол-

нилось 70 лет, постепенно отходил в партии на вторые роли. На лидерство претендовали два человека — Фран Фолнегович и Йосип Франк. Фолнегович занимал в партии умеренные, национал-либеральные позиции, поддерживал контакты со Штросмайером, ориентировался на слои крупной и средней хорватской буржуазии, экономически связанной с Будапештом. Франк, напротив, придерживался более радикальных позиций, он выступал за финансовую самостоятельность Хорватии и за сотрудничество с Веней. Поводом для окончательного раскола в партии послужили разногласия по вопросу о событиях 1895 г., когда хорватские студенты во время визита Франца Иосифа в Загреб сожгли венгерский флаг. Фолнегович осудил эту акцию, тогда как Йосип Франк, Анте Старчевич, его племянник Миле Старчевич, хорватский писатель и партийный активист Евген Кумичич одобрили ее. Поскольку Фолнегович обладал в партии мощной поддержкой, им пришлось заявить об образовании новой партии. В их заявлении высказывалось недовольство тем, что Фолнегович исключил из партии ее старых активистов, провозгласил епископа Штросмайера покровителем партии и «осудил действия загребских студентов на площади Елачича, хотя они не сделали ничего против священной особы государя, династии или монархии, и присоединился таким образом к враждебной политической партии, которая действует против независимости и целостности Хорватии»⁷⁰. Их партия получила название Настоящей (или Истинной; иногда, по аналогии с хорватским, именуется Чистой) партии права (по фамилии нового лидера ее члены стали называться в просторечии «франковцами», но официально сохранили в названии имя А. Старчевича). Сторонники Фолнеговича сохранили за собой название Партии права и получили прозвище «домовинаши» — от названия их печатного органа «Хрватска домовина» («Родина — Хорватия»). После смерти Старчевича в 1896 г. Фолнегович стал единоличным лидером этой части «правашей». В 1897 г., перед выборами в сабор, они вступили в союз с Независимой народной партией; совместно им удалось получить в саборе треть мест.

К «домовинашам» примкнуло большинство «правашей» в Далмации и Истрии. В проекте адреса сабора королю и императору «обзораши» и «домовинаши» критиковали структуру власти, «прикрытую плащом конституционности, скрывающим бесправие и (являющимся источником) притеснений и страданий хорватской нации. Они выступили за «государственную самостоятельность и национальную целостность хорватов» в союзе с Венгерским королевством в том виде, [как он] установлен Соглашением [1868 г.]»⁷¹.

В то же время в проекте правительственной Национальной партии — национал-консерваторов, который и был принят, говорилось об «исполнительной власти в руках мужей, уважающих и защищающих конституционные принципы и тем самым право Короны и нации»⁷².

Коалиция «правашей» и «домовинашей» в 1902 г. приняла название «Хорватская оппозиция», а в 1903 г. обе партии объединились в единую Хорватскую партию права⁷³.

Кроме того, в 1903 г. была предпринята новая, и на этот раз последняя, попытка объединить обе ведущие хорватские партии, «бывших “домовинашей”» и «франковцев», которая и на этот раз окончилась ничем. Модернизация окончательно развела хорватских национал-радикалов и национал-либералов. Решение нараставших проблем первые видели в сохранении и совершенствовании системы дуализма и хорватско-сербском сотрудничестве; вторые — в трайлистических проектах и опоре на хорватское историческое государственное право⁷⁴.

Другая часть распавшейся партии А. Старчевича в большей степени отражала интересы тех же слоев, но ориентированных на венгерский рынок и Будапешт, и продолжала сотрудничать с ХННП. Они в 1902–1903 гг. создали под традиционным названием новую Хорватскую партию права, также признававшую программу 1894 г. Занимая национально-либеральные позиции, эта партия постепенно эволюционировала в сторону сотрудничества хорватского и сербского национальных движений. Некоторое влияние на ее программу оказали и христианско-социальные концепции, хотя в гораздо меньшей степени, чем на «франковцев»⁷⁵.

В эти же годы постепенно оформляется и социал-демократическое движение в Хорватии. Его социальная база — рабочий класс — к 1890 г. составляла 270,54 тыс. человек, или 12,3% всего населения Хорватии. При этом в дальнейшем численность рабочего класса в Хорватии только возрастала — в 1900 г. рабочих насчитывалось уже 17,8%⁷⁶. В 1894 г. в Загребе состоялся учредительный съезд Социал-демократической партии Хорватии и Славонии. Лидером партии был публицист Витомир Корач. В 1896 г., на Втором съезде партии, была принята программа, в которой, в частности, выдвинуты требования всеобщего, равного прямого избирательного права для всех граждан женского и мужского пола, достигших 20-летнего возраста, гарантии свободы совести, свободы слова, печати и собраний, права на бесплатное медицинское обслуживание, отмены смертной казни, введения прогрессивного налога на доходы, а также введения рабочего законодательства⁷⁷. Образцом для нее послужила Эрфуртская программа Социал-демократической партии Германии, принятой в 1891 г.

Идеологи и руководители испытывали на себе непосредственное влияние различных течений, ведших между собой острую полемику на страницах печати и на конгрессах Интернационала. Сильное воздействие на теорию и практику партии оказывали программные документы социал-демократических партий Германии, Австрии, Венгрии, Гайнфельдская программа (1889, СДПАв) и Эрфуртская (1891, СДПГ), положенная в основу при разработке постоянной, и ведшаяся на страницах печатных органов этих партий полемика. Югославянские социалисты были знакомы с печатавшимися в этом и других журналах и газетах произведениями К. Реннера, О. Бауэра, В. Элленбогена, В. Адлера, Э. Пернесторфера. Известны им были и идеи К. Каутского, А. Бебеля, П. Лафарга, Ж. Жореса, Ф. Союкупа, Х. Брантинга и других деятелей II Интернационала⁷⁸.

Распространяются в Хорватии и идеи христианского социализма. После энциклики «*Regum novarum*» под покровительством Загребского архиепископа Ю. Посиловича была создана Хорватская независимая рабочая партия с газетой «*Glas naroda*». Уже в первом номере поставлена была цель: создание «великой и объединенной Хорватии». В 1899 г. была опубликована программа Хорватской самостоятельной рабочей партии, во главе которой стоял приходский священник города Сисак Степан Загорац. В программе говорилось следующее: «Мы уверены, что социальный вопрос удастся решить на тех основах, которые нам дает Христова вера и мораль. <...> Поэтому мы будем приводить законодательство в соответствие с вечными истинами христианской справедливости»⁷⁹. Особенно актуально в те годы, когда среди славянских народов Австро-Венгрии обострились межэтнические противоречия, звучали уверения христианских социалистов: «Мы не будем никого ненавидеть из-за его вероисповедания и национальности»⁸⁰.

Однако, несмотря на появление новых партий, политический режим в Хорватии-Славонии, установленный графом Куэн-Хедервари, не давал им возможности полноценно участвовать в политической жизни страны. В 1903 г. Загреб охватили демонстрации, поводом для которых послужил отказ венгерского правительства повысить хорватский бюджет. Запрет на демонстрации, введенный баном, привел лишь к эскалации ситуации: волнения перекинулись на другие хорватские города и села. И хотя движение было подавлено, в том же году Куэн-Хедервари ушел в отставку. В хорватской политической истории начался новый этап, отмеченный новой перестройкой партийной жизни как в Хорватии-Славонии, так и в Далмации, чьи политики в начале XX в. стали главными идеологами обновления политической жизни.

В начале 1860-х гг. основным вопросом, который разделил политические силы в Далмации, было ее присоединение к Хорватии-Славонии или автономное положение в империи. В 1861 г. в Далмации была основана Национальная партия (ее сторонников называли «народняками», как и в Хорватии-Славонии). Через год в издаваемой ими и финансируемой Й.Ю. Штросмайером задарской газете «*Narodni list*» («Национальная газета»), выходящей как приложение к итальяноязычной «*Nationale*»^{*}, была опубликована программная статья одного из лидеров далматинских «народняков» — Натко Нодило. В своей статье он приветствовал Октябрьский диплом 1860 г. как гарантию «общественной, государственной и национальной свободы». Главной же целью Нодило и его партии было воссоединение

* Итальянский в Далмации был языком образованных слоев общества. Тем не менее уже к 1840-м гг. в Далмации образовался слой итальяноязычной интеллигенции, которая, однако, не признавала себя итальянцами. Двухязычное издание народняков «*Narodni List/Nationale*» способствовало деитальянизации славянской интеллигенции Далмации: в 1867 г. итальянская версия перестала выходить за ненадобностью.

с Хорватией-Славонией. «Для славян прямая выгода, чтобы Австрия была единой и сильной. <...> Пусть и нам, славянам далматинским, будет позволено теснее укрепить связи с нашими хорватскими братьями, с которыми мы до сих пор были связаны лишь по крови и языку»⁸¹. В 1865 г. на общинных выборах в Далмации «народняки» праздновали успех: они победили в 42 общинах, а через год один из лидеров партии — Михо Клаич был назначен инспектором народных школ Далмации. Однако именно в этот период идея о воссоединении Далмации с Хорватией-Славонией преследовалась австрийскими властями: это было время переговоров Вены и Пешта о будущем дуалистическом устройстве государства. Соглашение 1868 г., напротив, закрепило раздробленность хорватских земель, вернув Хорватию-Славонию под венгерскую юрисдикцию. В 1873 г. партия переживает раскол. Поводом послужил законопроект, внесенный австрийским правительством в рейхсрат: согласно ему, депутаты рейхсрата избирались напрямую (до этого депутатов в Вену отправляли местные представительные органы). Часть депутатов-«народняков», проголосовавших «за», была исключена из Национальной партии и образовала Национально-центристскую партию (лидер — Стефан Любиша, серб по национальности). Новая партия взяла курс на полную поддержку австрийских властей. В его программе говорилось следующее: «Мы в Цислейтании не можем выступать за какую-то другую систему, но только приспособиться к существующей. <...> Тем самым мы не отрицаем взаимности с прочими австрийскими славянами, мы видим в ней основание нашей силы. Но в качестве главной цели мы видим наш труд по обеспечению развития хорватской и сербской народностей»⁸². Однако Национальная партия вскоре сама перешла на проправительственные позиции. Это принесло свои плоды: так, в начале 1880-х гг. средние школы в Сплите и Дубровнике были переведены на хорватский язык обучения. В 1889 г. Национальная партия принимает новое название — Национальная хорватская партия — и публикует новую программу, в которой заявлялось о необходимости достижения территориальной целостности Хорватии и о равноправии далматинских сербов и хорватов⁸³.

Оппонентами «народняков» были «автономисты» — противники воссоединения Далмации с Хорватией-Славонией, среди которых преобладали чиновники и городской патрициат. В 1866 г. в задарской газете «Il Dalmata», которую издавал один из лидеров партии — Энрико Маткович, была опубликована их программа. Несмотря на то что все «автономисты» были сторонниками использования итальянского языка и воспитывались в атмосфере итальянской культуры (у них было еще одно прозвище — «тальянаши»), в программе партии, как и у «народняков», подчеркивалось, что далматинские славяне связаны «братскими» узами со своими соплеменниками в Хорватии-Славонии. Однако поспешное объединение с ними называлось в программе ошибочным. «Так же, как мы боремся против тех немногочисленных сторонников идей итальянизации и германизации <...> мы так же безоговорочно выступаем против слепой нетерпеливости сторонников

объединения с Хорватией»⁸⁴. В программе, кроме того, заявлялось, что «мы хотим быть далматинцами, или, еще лучше, быть славянами, но не перестанем быть далматинцами», далматинский сабор и австрийский рейхсрат провозглашались «стержнями свободы», а верность католическим догматам сочеталась с гарантиями «братской помощи» православному населению. Но в начале 1870-х гг., после поражения на выборах в сабор, партия заняла резко антиславянскую позицию. В ряде статей, опубликованных в газете «Il Dalmata», Э. Маткович утверждал, что славянское большинство Далмации неспособно самостоятельно и эффективно управлять ею. Поэтому в саборе большинство должна получить «наиболее просвещенная и способная часть населения, носители прогрессивных идей», т.е. слои населения (горожане, торговцы, аристократия), связанные с итальянской культурой, которые, получив большинство в саборе, могли бы противостоять «ретроградным идеям националистов», а сам сабор мог бы «прогрессировать как либеральный и эффективный институт власти»⁸⁵. Такой шаг лидеров автономистов шел вразрез с далматинскими реалиями того времени. По мере формирования славянского (хорватского или сербского) национального самосознания в Далмации идеи автономии становились все менее популярными. «Автономисты» все чаще стали терпеть поражение на выборах, на которых лидировали «народняки». Постепенно «автономисты» стали терять власть и в крупных городах Далмации, которые когда-то были их главным оплотом. В результате к началу XX в. «автономисты» были вытеснены на обочину политической жизни.

В политическом спектре Далмации были представлены и «правашские» идеи. Но свое распространение там они получили гораздо позже, чем в Хорватии-Славонии. Только в 1884 г. в Задаре была основана газета «Katolicka Dalmacija» («Католическая Далмация») — рупор «правашской» идеологии. В программной статье лидер далматинских «правашей» священник Иван (Иво) Продан провозглашал как главную цель «допустимыми средствами» стремиться к единой и самостоятельной Хорватии под «славной Габсбургской короной». Продан представлял клерикальное направление в «правашестве». В начале 1890-х гг. заявляет о себе и другая группа сторонников «правашских» идей. Они сплотились вокруг Анте Трумбича, адвоката из Сплита, и дубровницкого журналиста Франо Супило. Их печатным органом стала дубровницкая газета «Crvena Hrvatska» («Красная Хорватия»). Они также провозглашали в качестве цели объединение хорватских земель, защищали государственные и естественные права хорватов, но они не были настроены прогабсбургски и терпимее относились к сербскому населению Далмации, подчеркивая, что они только должны осознавать себя «хорватскими подданными в хорватском государственном объединении»⁸⁶. В конце 1890-х — начале 1900-х гг. намечается тенденция к сближению сторонников либерального «правашества» и сторонников Национальной хорватской партии. Именно это сближение станет в начале 1900-х гг. основой идеи «нового курса», ознаменовавшего очередной поворот в политической жизни Хорватии в целом.

Партийное строительство у сербов Венгерского королевства

После трехлетних внутренних трений, начиная с Кикиндского «демарша» нобилитетов, СНСП окончательно распалась. Раскол произошел в 1887 г. на конгрессе в Сент-Томаше (ныне город Сербобран в Бачке), где сторонники газет «Застава» и «Браник» так и не смогли договориться. И вскоре после этого возникли две партии. Первые основали Народную радикальную партию (Яша Томич поддерживал тесные связи с Народной радикальной партией Сербии, являясь близким другом ее лидера Николы Пашича; одно время он даже состоял в редакции печатного органа сербских радикалов — газеты «Самоуправа» («Самоуправление»), вторые — Либеральную партию. Во главе радикалов стоял Томич, либералов возглавил Миша Димитриевич. «Нобилитеты» во главе со Светиславом Касапиновичем представляли политический клуб, поскольку представители этого течения были либо беспартийными, либо вступали в ряды венгерской правящей партии.

С конституированием новых организаций старые склоки отнюдь не угасли, но лишь разгорелись с новой силой. Борьба шла главным образом за представительство сербов в венгерском парламенте. Не имея количественного преимущества, либералы решили «качественно» ударить по радикалам на почве социального неравенства. В речи на съезде партии в Нови-Саде Полит-Десанчич сказал: «Социалистам не место в парламенте. Интересы сербского народа нужно вверить либералам, народу, а не черни и голытьбе»⁸⁷. Не желая выступать в парламенте единым фронтом с «радикальным сбродом», либералы вошли в коалицию с правящей партией. В ответ Яша Томич опубликовал в «Заставе» открытое обвинение в том, что либералы пытаются расколоть до того единодушное сербское общество, «воображая из себя новую аристократию и правящий класс»⁸⁸. Его реакция на провокацию Полита на годы уверила политических оппонентов в том, что радикалы — социалисты и выступают за разрушение существующего порядка. Близорукость либералов не позволила им вовремя заметить, что Томич и его сторонники давно отошли от позиций «вопроса хлеба» в его первой редакции и как могли противостояли пролетаризации сербского общества и возможной революции. И если радикалы сосредоточились на борьбе за места в парламенте в сугубо политических рамках, то их противники занялись дискредитацией визави в прессе.

Ситуация начала выходить из-под контроля. Назревала гроза, и она не замедлила разразиться 4 января 1890 г., когда на перроне вокзала в Нови-Саде Яша Томич ударом ножа в грудь убил Мишу Димитриевича. Убийство стало последствием унижений и оскорблений (вплоть до грубого, кое-где даже подлого вмешательства в личную жизнь), которым «Браник» постоянно подвергал Томича и его супругу Милицу. Взбешенный вождь радикалов вызвал Димитриевича на дуэль, но тот, как это обычно бывает в среде «интеллигентов», драться отказался. И все же, как говорится, от судьбы не уйдешь...

Увы, но и после случившегося страсти не улеглись. Внутренний раскол и нетерпимость снова усугубились. Одни обвиняли Яшу, оплакивая Мишу; другие, наоборот, полагали, что это Миша, спровоцировав Яшу, получил по заслугам.

После смерти М. Димитриевича Либеральную партию возглавил Михайло Полит-Десанчич. Он также взял на себя редактирование «Браника», где до самого 1914 года его слово оставалось решающим. Либералы под его руководством были самой пассивной политической организацией, поскольку вся деятельность партии замкнулась на фигуре Полита. Современники, однако, отмечали, что он один был для венгерского парламента гораздо опаснее, чем многочисленная Радикальная партия⁸⁹.

Получивший высшее юридическое образование в Венском университете и прошедший курс политических наук в Париже, Полит особое внимание уделял национальному вопросу, рассматривая эту проблему в юридическом, историческом и социологическом ракурсах. Решение лидер либералов видел в преобразовании Венгерского королевства в «Восточную Швейцарию» с системой кантонов. Когда речь в парламенте заходила о национальном вопросе, Полит в первую очередь отстаивал интересы сербов, но не пренебрегал и потребностями других народов, что отличало его от Светозара Милетича и Яши Томича. По своим идеологическим и политическим взглядам Полит был ближе к «нобилитетам», считал неприемлемыми бунтарские методы борьбы радикалов и потому был с ними в перманентной конфронтации. Но в условиях, когда мадьярские власти, усилив давление на нацменьшинства, приступили к постепенному сокращению полномочий сербской народно-церковной автономии, Полит пошел на мировую со своими противниками. По мнению историка Арпада Лебла, в начале 1890-х гг. при инертной Либеральной партии Полит был генералом без армии, на помощь которому пришла радикальная армия без генерала⁹⁰. Их примирение выразилось в подготовке единой стратегии в борьбе против церковной иерархии, за спиной которой стояло венгерское правительство. Однако годы противостояния партий наложили отпечаток на их сотрудничество: радикалы отвергли либеральный вариант программы сербской национальной автономии, либералы в ответ не приняли концепцию радикалов и окончательно прервали переговоры.

Точку в этом эксперименте поставил выход на свободу в 1896 г. Яши Томича, который хоть и остался реальным лидером партии, однако, по причине совершенного убийства, не имел права быть ее формальным председателем, будучи лишь членом ЦК и редактором «Заставы». Кроме того, он не мог быть депутатом народно-церковного сабора и представлять интересы партии в парламенте, несмотря на то что в 1902–1910 гг. радикалы были самой многочисленной сербской фракцией. Впрочем, демагогический талант Томичу был необходим для отражения атак либералов. Две важнейшие политические силы сербского общества были сосредоточены на борьбе друг с другом, тем самым непредумышленно нанося ущерб общенациональным интересам и облегчая проведение политики мадьяризации.

Таким образом, после политики наступательных действий эпохи Светозара Милетича сербское население Баната, Бачки и Бараньи оказалось в глухой обороне. Именно поэтому с начала XX в. роль главных защитников коллективных прав и интересов всех сербов Транслейтании переходит к сербам хорватским⁹¹.

Партийное строительство у румын Трансильвании

Румынское национальное движение в Австро-Венгрии (включая австрийскую Буковину) получает новые импульсы после Берлинского конгресса 1878 г., на котором Королевство Румыния добилось международного признания. В последние два десятилетия XIX в. его все больше определяли такие факторы, как все усиливающаяся поддержка его со стороны немалой части политической элиты и особенно общественного мнения королевской Румынии, а также укрепление пробухарестских ориентаций и панрумынистской составляющей в самой идеологии этого движения. В Королевстве Румыния интерес элиты и более широкого общества к движению соотечественников в монархии Габсбургов возник задолго до Восточного кризиса конца 1870-х гг. Движение солидарности с «национальным делом» румын Австро-Венгрии было представлено целым рядом обществ, оказывавших ему моральную и материальную поддержку в осуществлении культурных, а затем и политических проектов. Участие трансильванских добровольцев в боевых действиях в составе румынской армии в ходе войны 1877–1878 гг. еще более укрепило связи румын по обе стороны Карпат.

В 1883 г. Румыния, управляемая немецкой династией, вступает в союз с Германией и Австро-Венгрией в целях противодействия российской экспансии в направлении Балкан⁹². Это благоприятствовало экономическим и культурным связям трансильванского общества с Бухарестом и Яссами. При этом заинтересованность в нормальных отношениях с монархией Габсбургов (и в том числе Венгрией) заставляла румынские власти ограничиваться поддержкой культурных инициатив, дистанцируясь от панрумынистской агитации, не говоря уже об ирредентистских проектах, вступавших в явное противоречие с внешней политикой молодого королевства (в 1885 г. был разоблачен план восстания в целях присоединения Трансильвании к Румынии, заговорщики из панрумынистского общества «Карпаты» выдворены из Венгрии). Официальные лица в Бухаресте постоянно заверяли российских дипломатов, что «никаких видов на присоединение Трансильвании не имеют» и что «даже если бы им предложили овладеть этой провинцией, то они от нее отказались бы по многим причинам»⁹³.

Меморандумы, адресованные императорскому двору, продолжали и после образования в 1881 г. Румынской национальной партии оставаться важнейшей формой артикуляции национальных требований. В них излагались программные требования о перекройке внутренних административ-

ных границ с учетом этнического фактора, расширении сферы действия румынского языка в администрации, выражался протест против ограничений избирательного права, запугиваний в ходе предвыборных кампаний. Над этими документами, широко публиковавшимися в прессе и получившими хождение в дипломатических кругах, работали лучшие умы партии. В них содержалась обоснованная аргументация в защиту главных требований — юридическая, историческая и даже демографическая.

За четверть века существования дуализма усиливалась взаимная конфронтация венгерских и румынских культурных обществ Трансильвании, деятельность которых все более политизировалась. Важной вехой в формировании общерумынского самосознания трансильванских румын явилось создание в 1890 г. Лиги за культурное объединение румын, организаторы которой считали важной задачей своей деятельности формирование международного общественного мнения в пользу справедливости требований румын Трансильвании. С периодичностью раз в два–три года проходили национальные конференции (съезды) румын Трансильвании, Восточной Венгрии и Баната, количество участников достигало в 1890-е гг. 6 тыс. человек. На ведущие позиции в национальной партии выдвигаются деятели новой генерации, склонявшиеся к более активной политике и мыслившие общерумынскими категориями (круг газеты «Трибуна»).

Представление венскому двору меморандума в мае 1892 г. (одного из самых значительных документов румынской партии в эпоху дуализма) и последовавшая за этим волна преследований, вызвавшая международный резонанс, стали центральными событиями румынской национальной жизни конца XIX в.⁹⁴ В меморандуме, широко освещавшемся в прессе и за пределами Габсбургской монархии, было не только выражено неприятие венгерской национальной политики (мадьяризации школ, ограничений в сфере применения румынского языка на уровне комитатских администраций, попыток ущемления автономии румынских церквей, гонений на прессу, дискриминации при приеме румын на госслужбу, ограничений свободы собраний и объединений), но и сформулирована развернутая программа национальной эмансипации трансильванских румын, затрагивавшая разные стороны общественной деятельности (политику, экономику, культуру). При этом документ пронизывала идея хотя и коренной, но эволюционной трансформации всей системы власти с учетом требований румын. Само представление ко двору депутацией из 237 (!) человек во главе с И. Рациу меморандума в канун торжеств по случаю 25-летия системы дуализма, хотя и следовало давно сложившимся традициям румынского меморандистского движения, было адресовано не столько официальной Вене, сколько европейскому общественному мнению. Солидарность с меморандистами публично выразил, не испугавшись осложнений с Веней, и король Румынии Кароль I. Едва ли не в самый разгар событий он посетил Будапешт и потребовал от венгерского премьер-министра графа Д. Сапари сделать более демократичным избирательное право в Трансильвании, прекратить наступление на

румынские школы и культурные институты. В бухарестской прессе помещались программные статьи о том, что Румыния «ни в коем случае не может оставаться долее в дружеских отношениях с государством, стремящимся к истреблению румынской народности, как это ныне делается в Венгрии». Даже весьма осторожный министр иностранных дел Лаховари «при всей своей обычной сдержанности по отношению к здешнему движению в пользу трансильванских румын» не мог не заметить в беседе с российским дипломатом, что «если Венгрия не изменит образа действий по отношению к своим румынским подданным, она неизбежно создаст себе серьезные внутренние затруднения»⁹⁵. Но для венгров приоритетным оставался вопрос о сохранении их политической доминации в Трансильвании. Пойти на некоторые уступки в культурно-языковой сфере они могли лишь при условии отказа румынской национальной партии от программы 1881 г., не принимавшей растворения Трансильвании в административном пространстве унитарной Венгрии, а также от применения панрумынистской риторики.

Внимание Франца Иосифа и его окружения к румынскому вопросу в пределах собственной империи определялось не только присутствием румын в обеих половинах монархии (в Буковине местные румынские политики неизменно играли важную, если не ключевую роль в местном сейме; там возникает целый спектр румынских движений, как проправительственных, так и оппозиционных), но отчасти зависело и от значимости места королевской Румынии во внешнеполитических приоритетах Дунайской монархии. Но в первую очередь позиция двора предопределялась духом и буквой Соглашения 1867 г., т.е. принципом невмешательства во внутренние венгерские дела, к которым относился и острейший для Трансильвании национальный вопрос. Дорожа системой дуализма, а значит, союзом с венгерской элитой, Вена фактически отказывалась вмешиваться в дела трансильванских румын, считая это прерогативой будапештского правительства. Румынскую депутацию в 1892 г. отказались принять; документ, оставленный в императорской канцелярии, был переслан в Будапешт, а оттуда по почте в Трансильванию. Этот последний меморандум, адресованный императору, стал поистине достойным венцом полуторавекового румынского меморандистского движения, данная форма борьбы за национальные идеалы к концу XIX в. окончательно изживает себя. В основе кризиса меморандизма лежало фундаментальное противоречие всего румынского движения. С одной стороны, меморандисты подвергали сомнению легитимность Компромисса 1867 г. и слияния Венгрии и Трансильвании в единое целое, не признавали в основе Закон о национальностях, считая тезис о единой венгерской политической нации дискриминационным в отношении румын. С другой же стороны, они требовали от властей строгого соблюдения действующих законов.

В поисках союзников в борьбе с венгерским политическим доминированием трансильванские румынские политики обращали взоры уже не к Вене (ее роль в качестве центра притяжения румынской партии восстанавлива-

ется позже лишь благодаря выходу на государственную арену наследника Франца Фердинанда, в стремлении реформировать дуализм обратившего внимание на румынское движение как на инструмент своей политики), а прежде всего к Бухаресту, куда неоднократно выезжали лидеры национальной партии, будучи приняты королем и в правительстве. Элита королевской Румынии не только внимательно следила за происходящим по другую сторону Карпат; в 1890-е гг. трансильванская карта все чаще разыгрывалась во внутривнутриполитической борьбе*, различные силы пытались набирать очки на выборах, демонстрируя избирателю равнодушие к судьбам соотечественников, что, в свою очередь, усиливало размах и общественный резонанс любых акций румынской национальной партии Трансильвании. Активизируется и поиск союзников среди других национальных движений монархии. В донесении российского посольства в Румынии в Санкт-Петербург от 6 августа 1893 г. отмечалось, что состоявшийся в июле в Сибиу очередной румынский съезд «самое горячее сочувствие <...> встретил со стороны другого народа, притесняемого венгерцами, именно словаков, и, без сомнения, сближение румын со славянским элементом Австро-Венгрии для общей борьбы с венгерцами не могло не произвести впечатления на руководящие круги Габсбургской монархии»⁹⁶.

Пользуясь благоприятной для себя позицией Вены, венгерские власти перешли в наступление на румынскую национальную партию. Закрывается газета «Tribuna» («Трибуна»), возбуждается судебное дело по обвинению в подстрекательстве к дестабилизации порядка. На состоявшемся в мае 1894 г. в Коложваре процессе по делу меморандистов был вынесен ряд судебных приговоров (сроком до 5 лет), что на волне общественного воодушевления лишь усилило радикализм румынского национального движения, как и панрумынистскую составляющую его идеологии. Активисты румынской партии предпочли использовать громкий процесс в интересах создания единого антивенгерского фронта национальных меньшинств (присутствие на суде сербских и словацких активистов, митинги солидарности в разных уголках многонациональной страны). По мере усиления в мире внимания к положению трансильванских румын прочность союза Румынии с Австро-Венгрией уже в большей, чем ранее, мере зависела от состояния этого вопроса. Ради поддержания этого союза не столько даже Вена, сколько Берлин требовал от Будапешта занять более компромиссную позицию, объявив в 1895 г. амнистию.

* Лидер Либеральной партии Стурдза использовал события, связанные с меморандумом, чтобы лишить власти консерваторов, которых обвинили в предательстве интересов трансильванских румын. Чуть позже, однако, и он в роли премьер-министра был вынужден пойти на компромисс при выстраивании отношений не только с Веней, но и с Будапештом (тактика нераздражения Будапешта, проявившаяся в сокращении вливаний в румынские культурные общества Трансильвании), что стоило ему поражения на следующих выборах.

Обвинения в адрес румынской национальной партии в отсутствии государственного патриотизма были особенно слышны на волне мощной националистической кампании, связанной с подготовкой празднования в 1896 г. 1000-летия обретения венграми родины в Среднем Подунавье. Все это, однако, лишь усиливало отторжение в румынском обществе Трансильвании венгерских национально-государственных идей. Особенное негодование вызвала кампания травли митрополита М. Романула, который, при всей своей лояльности властям, распространил циркуляр, в котором призвал клир и паству воздержаться от участия в масштабных торжествах, чуждых румынским национальным идеалам.

Возглавлявший с 1895 г. венгерское правительство Дежё Банфи⁹⁷ проявил себя сторонником грубой национальной дискриминации, снижавшим ненависть в румынской, словацкой и сербской среде. В аппарате правительства создается целая структура для надзора над нацменьшинствами, которую курировал сам премьер-министр. Устанавливается жесткий контроль над финансированием румынских школ, культурные общества облагаются непомерным налогом, создаются препятствия для деятельности румынских церквей в области культуры. По Закону 1898 г. все населенные пункты многонационального Венгерского королевства могли иметь в деловой переписке только венгерские названия. Наступление великомадьярского шовинизма не просто поставило румынскую партию в положение глухой обороны, но, по сути, свело ее лидеров к статусу внутренних эмигрантов. Но в 1899 г. на смену Банфи пришел политик иного склада, не принимавший грубых методов подавления оппозиции, — Кальман Селл⁹⁸, позиционировавший себя как наследник Деака и Этвёша, склонный к диалогу с национальностями. В этих условиях румынская партия постепенно выходит из кризиса, оживляет свою деятельность не только в ходе парламентских выборов, но еще более на уровне тех комитатов, где румыны составляли большинство. В ходе внутренних, подчас острых дискуссий вырабатывается новая, более действенная тактика, исходившая из признания достаточной прочности существующей дуалистической системы и необходимости определенных контактов с венгерской элитой. Требование трансильванской автономии актуализируется в меньшей степени, акцент же делается на задачах демократизации избирательной системы (реальный шаг в этом направлении был предпринят властями в ходе парламентских выборов 1901 г.). На смену распространенному в XIX в. меморандизму приходят поиски новых форм отстаивания национальных прав. Констатируя сложившуюся ситуацию в трансильванском румынском движении, бухарестская пресса отмечала: «Время красноречивых, но платонических и тщетных заявлений миновало. Ныне надлежит действовать серьезно, не выходя, однако, за пределы законности»⁹⁹.

Партийное строительство у трансильванских саксов

В отличие от политиков, представлявших интересы трансильванских румын, политики, представлявшие интересы трансильванских саксов, сумели найти общий язык с венгерскими властями. Если в бытность премьер-министром К. Тисы этого сделать в полной мере не удалось и они тяготели к оппозиции, то при его преемнике Д. Сапари ситуация изменилась. Граф Сапари, который в 1876 г. в роли министра внутренних дел непосредственно занимался ликвидацией саксонской автономии, став премьером, сразу взял курс на более активное приобщение к управлению страной саксонской элиты, сохранившей сильные позиции на комитатском уровне в Юго-Восточной Трансильвании. В Будапеште возобладало опасение, что трансильванские саксы начнут блокироваться с активизировавшимся румынским движением, выдвигая требование автономии, и во избежание развития событий по такому крайне нежелательному для центра сценарию решено было своевременно проявить инициативу по сближению с ними. Процесс интеграции трансильванско-саксонской элиты в дуалистическую систему стал довольно плавным и безболезненным.

В июне 1890 г. состоявшийся в Сибиу съезд принял новую программу. В ее основе лежало признание не только системы дуализма, но и идеи унитарного венгерского государства в ее рамках. При этом саксы настаивали на строгом соблюдении Закона 1868 г. о национальностях и требовали для своей образованной молодежи равных с венграми возможностей делать карьеру в госаппарате, участвовать в осуществлении правительственных программ. Важное место в декларациях саксонских деятелей заняли экономические требования. Начиная с 1890-х гг. как на местном уровне, так и в венгерском парламенте саксонские политики уже, как правило, тяготели к партии власти — даже в начале XX в., когда в самой системе дуализма и в австро-венгерских отношениях все отчетливее обозначаются кризисные явления. Оплотом стабильности неизменно выступала и Венгерская лютеранская церковь, которой к тому же была доверена миссия стать одним из важнейших каналов осуществления культурных связей с Германией. В госаппарат приходит новая генерация весьма квалифицированных чиновников-немцев, при всей своей лояльности властям готовых отстаивать интересы своего этноса в Трансильвании. Взаимный компромисс позволил быстро решить сохранявшиеся проблемы, в том числе школьные (при государственной поддержке были созданы пять новых саксонских гимназий, положение с системой образования на немецком языке оставалось бесконфликтным, контрастируя в этом смысле с той напряженностью, которой характеризовалась ситуация с румынскими и словацкими школами). На политической арене, правда, появилась и более радикальная саксонская партия, разделявшая идеологию немецкого национализма и претендовавшая на деятельность в масштабах всей Венгрии, но ее влияние никогда не было сколько-нибудь значительным.

Примечания

- ¹ Österreichische Parteiprogramme. 1868–1966 / Hrsg. von K. Berchtold. München; Wien, 1967. S. 78.
- ² Höbelt L. Kornblume und Kaiseradler. Die deutschfreiheitlichen Parteien Altösterreichs 1882–1918. S. 256.
- ³ Funder F. Aufbruch zur christlichen Sozialreform. Wien, 1953. S. 94.
- ⁴ Österreichische Parteiprogramme. S. 165.
- ⁵ Ibidem.
- ⁶ Ibid. S. 166.
- ⁷ Ibid. S. 167.
- ⁸ Spectrum Austriae. Österreich in Geschichte und Gegenwart / Hrsg. von O. Schulmeister, J.Ch. Allmayer-Beck, A. Wandruszka. Wien, 1983. S. 303.
- ⁹ Österreichische Parteiprogramme. S. 168.
- ¹⁰ Ibidem.
- ¹¹ Ibidem.
- ¹² Ibidem.
- ¹³ Ibidem.
- ¹⁴ Ibid. S. 172–173.
- ¹⁵ Ibid. S. 140.
- ¹⁶ Handbuch des politischen Systems Österreichs. Erste Republik 1918–1933 / Hrsg. von E. Tálos, H. Dachs, H. Harnisch, W. Staudinger. Wien, 1995. S. 178.
- ¹⁷ Hannak J. Im Sturm eines Jahrhunderts. Volkstümliche Geschichte der Sozialistischen Partei Österreichs. Wien, 1952. S. 118.
- ¹⁸ Österreichische Parteiprogramme. S. 145.
- ¹⁹ Ibidem.
- ²⁰ Pleterski J. Nekaj vprašanj slovenske zgodovine v desetletju 1894–1904 // Zgodovinski časopis. 1977. Letn. XXXI. Št. 1–2. S. 8–9.
- ²¹ Melik V. Nemci in Slovenci (1815–1941) // Zgodovinski časopis. Ljubljana, 1992. Letn. XLVI. Št. 2. S. 172.
- ²² Подробнее см.: Rahten A. Savezništva i diobe. Razvoj slovensko-hrvatskih političkih odnosa u habsburškoj monarhiji 1848–1918. Zagreb, 2008. S. 89–91.
- ²³ Pančur A. Nastanek političnih strank // Slovenska novejša zgodovina 1848–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 1. S. 34.
- ²⁴ Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana, 1973. S. 281.
- ²⁵ Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu. 1861–2004. Brno, 2005. I. díl: Období 1861–1938. S. 115.
- ²⁶ Velké dějiny zemí Koruny české. Sv. XII.b. 1890–1918. Praha: Litomyšl, 2013. S. 173.
- ²⁷ Urban O. Česká společnost. 1849–1918. Praha, 1982. S. 487.
- ²⁸ Politické strany. S. 262.
- ²⁹ Ibid. S. 215.
- ³⁰ Urban O. Česká společnost. 1849–1918. Praha, 1982. S. 493–495.
- ³¹ Velké dějiny zemí Koruny české. Sv. XII.b. S. 169.
- ³² Punktace. Konferenz-Protokoll (Vídeň, 19 I 1890) // Politické programy českých národních stran. 1860–1890. Praha, 2000. S. 293–299.
- ³³ Národní listy. 1890. 21 II. Č. 51. S. 1–2.
- ³⁴ Velké dějiny zemí Koruny české. Sv. XII.a. 1860–1890. Praha: Litomyšl, 2012. S. 393.
- ³⁵ Das “Pfungstprogramm” 1899 // Österreichische Parteiprogramme. 1868–1966. S. 210–225.
- ³⁶ Ibid. S. 211.
- ³⁷ Ibid. S. 212.
- ³⁸ Ibid. S. 211.
- ³⁹ Ibid. S. 212.
- ⁴⁰ Ibid. S. 213.
- ⁴¹ Ibidem.
- ⁴² Ibidem.
- ⁴³ Ibid. S. 214.
- ⁴⁴ Ibidem.
- ⁴⁵ Ibid. S. 215.
- ⁴⁶ Höbelt L. Kornblume und Kaiseradler. Die deutschfreiheitlichen Parteien Altösterreichs 1882–1918. S. 187.
- ⁴⁷ Аркуша О. Галицький сейм. Виборчі кампані 1889 і 1895 рр. Львів, 1996. С. 22–23.
- ⁴⁸ Аркуша О., Мудрий М. Русофілство в Галичині в середині XIX — на початку XX ст.: генеза, етапи розвитку, світогляд // Вісник Львівського університету. Серія історична. Львів, 1999. Вип. 34. С. 251.

- ⁴⁹ Там же. С. 9–10
- ⁵⁰ Краткая история Польши: с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. В.А. Дьяков. М., 1993. С.106.
- ⁵¹ Енциклопедія Львова / За ред. А. Козицького та І. Підкови. Т. 2. Львів, 2007.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Подробнее см.: Клопова М.Э. Русины, русские, украинцы: национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX — начале XX века. М., 2016.
- ⁵⁴ Szabó D. A néppárt megalakulása // Történeti Szemle. 1977. 2. sz. 171. old.
- ⁵⁵ Ibid. 208. old.
- ⁵⁶ Politické strany na Slovensku, 1860–1989. Bratislava, 1992. S. 82.
- ⁵⁷ См.: Рудловчак О. Йосиф Гаганець. С. 27.
- ⁵⁸ Об истории газеты «Новый Свет» и ее библиографию см.: Падяк В. Ужгородський тижневик «Новый Свѣтъ» (1871–1872): Анотована бібліографія матеріалів та історичний нарис. Ужгород, 2006.
- ⁵⁹ Об истории газеты «Карпат» см.: Бабота Л. Закарпатська газета «Карпат» (1873–1886) // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. Братіслава; Пряшів, 1988. Т. 15. Ч. 1. С. 69–84.
- ⁶⁰ Об истории «Унио» см.: Русин В. З історії видавничого акціонерного товариства «Уніо» // Науковий збірник Закарпатського краєзнавчого музею. Ужгород, 2007. Вип. VIII. С. 55–62.
- ⁶¹ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского 40-х — 80-х годов XIX в. М., 1975. С. 388.
- ⁶² Магочий П.Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948) / Авторизований переклад з англійської. Ужгород, 1994. С. 40.
- ⁶³ См.: Хроніка Закарпаття 1867–2010. Kárpátalja évszámokban 1867–2010 / Серія «Studia Regionalistica». Ужгород, 2011. С. 17, 19, 24, 27–28. Восточнославянское население стало доминировать в регионе лишь после развала Австро-Венгрии.
- ⁶⁴ Перени Й. Из истории закарпатских украинцев (1849–1914) // Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1957. XIV. С. 90.
- ⁶⁵ Там же. С. 100.
- ⁶⁶ Об истории газеты «Kelet» см.: Маер М. О забытой газете «Kelet» // Studia Slavica Hungarica. Budapest, 1985. Vol. XXXI. С. 171–178.
- ⁶⁷ Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. 1842–1914. / Priredili T. Cipek, S. Matković. Zagreb, 2006. S. 330–331.
- ⁶⁸ Ibid. S. 353.
- ⁶⁹ Ibid. S. 357–358.
- ⁷⁰ Frankov raskolnički udar // Perić I. Politička oporba u banskoj Hrvatskoj 1880–1903. Suradničko povezivanje neodvisnjaka i pravaša do njihova stapanja u jednu stranku. Zagreb, 2009. S. 217.
- ⁷¹ Stenografski zapisnici i prilozi Sabora kraljevina Hrvatske, Slavonije i Dalmacije. Petogodište 1897–1902. Sv. III. Dio 1. G. 1899. Zagreb, 1899. S. 536–537.
- ⁷² Ibid. S. 534.
- ⁷³ Rezolucije hrvatske opozicije // Ibler J. Hrvatska politika. 1903. S. 210–211; Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. S. 432–433.
- ⁷⁴ Matković S. Čista stranka prava. 1895–1903. Zagreb, 2001. S. 357–360.
- ⁷⁵ Horvat J. Politička povijest Hrvatske. Drugo izdanje. Zagreb, 1990. Prvi dio. S. 243–244, 248, 262.
- ⁷⁶ Фрейдзон В.И. История Хорватии. СПб., 2001. С. 208.
- ⁷⁷ Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. S. 379–381.
- ⁷⁸ Redžić E. Austromarksizam i jugoslavenstvo pitanje. Beograd, 1977. S. 5–141.
- ⁷⁹ Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. S. 408.
- ⁸⁰ Šanjek F. Kršćanstvo na hrvatskom prostoru. Zagreb, 1996. S. 422.
- ⁸¹ Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. S. 143.
- ⁸² Ibid. S. 259.

- ⁸³ Ibid. S. 336–337.
- ⁸⁴ Ibid. S. 171.
- ⁸⁵ Program [Unionističke stranke u Dalmaciji] // Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. S. 235.
- ⁸⁶ Cipek T., Matković S. Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. S. 340.
- ⁸⁷ Полит Десанчић М. Све досадашње беседе др. М. Полит Десанчића. Књ. 2. 1883–1898. Нови Сад, 1989. С. 48.
- ⁸⁸ Томић Ј. Имали смо право // Застава. 1887. № 68 (6 мая). С. 1.
- ⁸⁹ Крестић В. Срби у Угарској, 1790–1918. Нови Сад, 2013. С. 442.
- ⁹⁰ Lebl A. Građanske partije u Vojvodini, 1887–1918. Novi Sad, 1979. S. 76.
- ⁹¹ Pribičević S. Diktatura kralja Aleksandra. Beograd, 1953. S. 12–13.
- ⁹² См. подробнее: Lungu C.M. Relațiile româno-austro-ungare (1875–1900). București, 2002.
- ⁹³ Rapoarte diplomatice ruse din România, 1888–1898. Iași, 2014. P. 275.
- ⁹⁴ Из литературы см.: Boçsan N., Maior L., Teodor P. Memorandum 1892–1894: Romanian Ideology and Political Action. Bucharest, 1992; Pavel T. Partidul Național Român și acțiunea memorandistă: Corespondență politică (1887–1901). Cluj; Napoca, 1994.
- ⁹⁵ Rapoarte diplomatice ruse din România. P. 285–286.
- ⁹⁶ Ibid. P. 289.
- ⁹⁷ См.: Шереш А. Национально-политические устремления венгерского общества и проблема подготовки католических священников в румынской Молдове на рубеже XIX–XX вв. // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918 / Ред.-сост.: К.А. Кочегаров, Л.К. Новосельцева, А. Форго, О.В. Хаванова. М.; СПб., 2016. С. 276–292.
- ⁹⁸ См.: Bertényi L, ifj. Széll Kálmán. Budapest, 2011.
- ⁹⁹ Rapoarte diplomatice ruse din România. P. 316.

Партии и общественные движения в 1904/1905–1914 гг.: «всеобщее» избирательное право и борьба за него

Австрийские партии в условиях «всеобщего» избирательного права

В 1907 г. в Австрии прошли первые прямые и равные выборы, сразу же зафиксировавшие кардинальные перемены в политической истории эпохи. Национальные партии потеряли до половины своих избирателей (так, в Чешских землях прогрессисты получили всего 15 мест, радикалы — 12, Общенемецкая партия — всего 2¹⁾, тогда как ведущими игроками оказались христианские социалисты и социал-демократы. Разрозненным национальным фракциям не оставалось ничего, кроме как объединить оставшиеся силы. В декабре 1908 г. прогрессисты и Народная партия объединились в Немецко-национальный союз (Deutschnationales Verband), к которому присоединились также и немецкие аграрии. К 1910 г. это объединение вобрало в себя все национальные фракции, просуществовав в таком виде вплоть до распада монархии. У нового союза не было четко артикулированной программы, за исключением общих тезисов о поддержке немецких национальных интересов в рамках существующего государства.

Основное противоречие христианско-социального движения в Австрии, характерное и для всей последующей его истории, проявилось со всей ясностью уже в эти первые годы политических успехов. С одной стороны, его руководителями осознавалась необходимость социальных реформ и поисков массовой базы, а с другой — боязнь выйти за пределы «охранительности», постоянная готовность к уступкам правым силам. Последнее было использовано созданной в 1870-е гг. консервативной католической «народной партией». В 1907 г. консерваторы, опасаясь на первых же выборах после введения всеобщего избирательного права не попасть в парламент, объединились с «социальными христианами». За единение с консерваторами последним пришлось дорого заплатить: в партии обострились внутренние противоречия, что привело, среди прочего, к поражению партии на парламентских выборах в 1911 г. Партия получила 76 мандатов вместо 98 в 1907 г.² Отто Бауэр в статье, посвященной годовщине со дня смерти К. Фогельзанга, очень точно определил место христианско-социального движения в политической жизни Австро-Венгрии: «Существо

фогельзанговского христианского социализма заключалось в критике капитализма, которая своими страстными обвинениями впервые привела в политику большие народные массы. <...> Она отвергала чуждый народу либерализм, подрывала веру в капитализм, поставила на повестку дня большие социальные проблемы. Это остается его заслугой. Но Фогельзанг умер слишком рано, в пору очень короткого, примерно десятилетнего, победного наступления христианско-социального движения, увенчанного завоеваниями Вены. Это движение, еще не вполне прояснившееся, объединившееся и укрепившееся внутренне, лишилось сильного и верного наставника и вскоре встало на ложный путь <...> и забыло мастера и его учение. <...> Место дальновидной социальной политики заняла близорукая, сеющая раздор классовая политика. И очень скоро после смерти Люегера (1910) под руководством Вайскирхнера идет быстрыми шагами превращение христианско-социальной партии в умеренно-национальную немецкую буржуазную партию»³.

В области внешней политики социальные христиане были истинными «австриистами»; они считали необходимым поддержание самостоятельного курса Австро-Венгрии, а следование в фарватере Германии пагубным для страны.

Социал-демократическая партия всякий раз вела большую предвыборную работу, сочетая ее с неизменным требованием всеобщего равного избирательного права. На фоне событий первой русской революции 1905 г. власти стали уступать. Социал-демократия провела в сентябре общеимперскую партийную конференцию с этим требованием; профсоюзы, находившиеся под ее влиянием, угрожали генеральной забастовкой в случае отказа ввести всеобщее равное избирательное право. Парламентарии разных убеждений также выступили против куриальной избирательной традиции. Закон о новом избирательном праве был одобрен парламентом и в январе 1907 г. утвержден императором. Все австрийцы, достигшие 24 лет, — пока только мужчины — получили отныне возможность избирать парламент. Партии открыли новый фронт борьбы за массы.

На выборах в рейхсрат в 1907 г. социал-демократы получили 89 мандатов, благодаря чему стали сильнейшей партией парламента. Национальный состав фракции отражал явное преобладание немцев и чехов в социал-демократии: 52 мандата получили немцы, 24 — чехи, 6 — поляки, 5 — итальянцы и 2 — русины⁴. Они создали «Союз социал-демократических депутатов» и выступали в рейхсрате единым фронтом по экономическим, политическим, социальным и культурным вопросам. В то же время — это, в свою очередь отражало растущее напряжение в межнациональных отношениях — внутри фракции были сформированы пять национальных клубов для решения сугубо национальных задач. Споры между национальными клубами мешали общепарламентской работе и все чаще вели к ее срыву.

Так, например, немцы возражали против создания в Вене школ с преподаванием на чешском языке. Этот пример национального спора

дал О. Бауэру повод выступить в июле 1910 г. со статьей «Путь к миру» в теоретическом партийном журнале «Zukunft» («Будущее»). Он советовал немецким социал-демократам потребовать от своей (немецкой) буржуазии: «Предоставьте чехам возможность создать в Вене школы — в качестве цены за полную автономию немцев в Богемии и Моравии»⁵; в то же время чешские социал-демократы должны были сказать своей (чешской) буржуазии: «Предоставьте немцам полную автономию в Богемии и Моравии и получите в обмен за это школы для меньшинств в Вене»⁶. Споры переходили в партийные организации: последний общеавстрийский партийный съезд состоялся в конце октября — начале ноября 1905 г. Съезды собирались и впредь, но уже без участия отдельных — в каждом случае разных — национальных организаций. В 1911 г. общеавстрийская социал-демократия перестала существовать: разделилась не только партия, но и профсоюзы. Социальные достижения рабочего движения: 8-часовой рабочий день, институт фабричной инспекции и др. — не принесли умиротворения в национальные споры. В годы Первой мировой войны австрийская социал-демократическая партия, как и все партии II Интернационала, кроме российских большевиков, заняла националистические позиции. Интернационалистическая струя, однако, продолжала существовать в австрийском рабочем движении. Пройдя через ряд расколов, австрийская социал-демократия, уже в новой, республиканской Австрии, вернулась к интернационализму.

Партии и общественные движения у словенцев

В начале XX в. словенские либералы стремительно теряли свои позиции на политической арене. Они выступали против проведения избирательной реформы, а чтобы не допустить к власти в Крайне католическую партию, заключили союз с Немецкой партией, наиболее близкой им по социальному составу и идеологии. Эта словенско-немецкая либеральная коалиция действовала эффективно более десяти лет, сохраняя большинство в краинском ландтаге вплоть до 1908 г. Подобная политика партии вызывала недовольство у многих ее членов. В Крайне и Горице в либеральном лагере возникло крестьянское движение, отрешившееся от каких-либо связей с дискредитировавшей себя либеральной партией и провозгласившее своей целью защиту крестьянских интересов.

Студенты либеральных убеждений, учившиеся в Граце, Праге и Вене, в начале XX в. отделились от партии и основали группу «национальных радикалов» во главе с Г. Жерьявом и В. Равнихаром. Центральную роль в ней играло венское общество «Словения». Студенты выступали против клерикализма, под лозунгом «из народа за народ». В их программу были включены и социально-экономические требования. В национальном вопросе они поддерживали программу культурно-национальной автономии. Движение

приобрело наибольший размах в 1905–1907 гг. Студенты организовывали хозяйственные кооперативы, объединившиеся в 1907 г. в Союз словенских кооперативов, передвижные библиотеки и т.д.

В либеральном лагере существовали течения, имевшие выраженную русофильскую и общеславянскую ориентацию. В 1890-е гг. это были русофилы, группировавшиеся вокруг газеты «Slovanski svet» («Славянский мир»). В начале XX в. русофильское движение в словенских землях практически сошло на нет, а на смену ему пришло течение неославизма, развивавшееся под влиянием неославистского движения в Чехии и теории К. Крамаржа. Наиболее последовательным сторонником неославизма среди словенцев был И. Хрибар, выступавший за создание славянской Австрии, за переориентацию австрийской политики с Германии на Россию. Будучи жупаном (бургомистром) Любляны (1896–1910), Хрибар организовывал различные мероприятия, способствовавшие развитию культурных и экономических связей между славянами. Возглавлял партию сначала К. Клун, а с 1902 г. И. Шуштершич. После аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г. неославистское движение пошло на спад.

В среде либеральной интеллигенции в начале XX в. зародилось движение неоиллиризма, вождем и идеологом которого стал историк Ф. Илешич, убежденный сторонник языкового и культурного сближения югославян. Целью словенцев, по мнению Илешича, должно быть «полное объединение» с хорватами, так как сами по себе словенцы «ничего не значат»⁷. Однако Илешич не считал, что словенцы должны полностью отказаться от своего языка, и предлагал использовать сербсдохорватский прежде всего в научных трудах. Эти идеи поддерживали также некоторые католики и социал-демократы.

ЮСДП возглавлял писатель и публицист Э. Кристан. С 1898 по 1911 г. ее печатным органом была газета «Rdeči prapor» («Красное знамя»), в 1911–1914 гг. — «Zora» («Заря»). Партийная резиденция сначала находилась в Любляне, потом в Триесте (где концентрация словенских рабочих была наибольшей). Партия была преимущественно словенской (организационной связи с Хорватией так и не удалось достичь, а в Далмации и Истре рабочее движение было слабо развито). Центрами словенского социал-демократического движения стали города с развитой промышленностью (Триест, Горица, Истрия, Любляна, Целье, Марибор, Клагенфурт), в Каринтии его поддерживали также сельские рабочие. В ряде национально смешанных областей словенские рабочие входили в состав немецко-австрийской и итальянской социал-демократических партий.

ЮСДП строила свою программу и практическую деятельность, опираясь на пример австрийской социал-демократии. Она выступала за демократизацию политической жизни в Австрии, за всеобщее и равное избирательное право, за отделение церкви от государства, за бесплатное и светское образование, за осуществление требований рабочих. В своей деятельности партия опиралась на рабочие профсоюзы, организовывала рабочие собрания, забастовки, создавала кооперативы.

Как и другие австромарксисты, словенские социал-демократы рассматривали национальный вопрос в Австро-Венгрии как часть социального. ЮСДП выступала с интернациональных позиций за братство всех югославянских народов, за право наций на самоопределение. Теоретиком словенских социал-демократов по национальному вопросу был Э. Кристан, первым среди австрийских социал-демократов выступивший с программой культурно-национальной автономии⁸. Проведение принципа национального равноправия в жизнь, по его мнению, приведет к исчезновению государств и границ, и произойдет это благодаря культурному объединению представителей всех народов вне зависимости от того, где они проживают. Осуществить эту программу возможно только революционным путем уничтожения австрийского и других государств. Программа Кристана, выдвигавшаяся им в 1897 г. на VI конгрессе Социал-демократической партии Австрии, затем, в сентябре 1899 г. на Брюннском конгрессе, была отвергнута австрийскими социал-демократами.

В начале XX в. к социал-демократам присоединилась группа молодых интеллигентов, учившихся в Праге и воодушевленных идеями Т.Г. Масарика. Масариковцы ратовали за развитие буржуазно-демократических институтов, введение правительством демократических свобод, выступали за парламентские методы борьбы, против революционных действий пролетариата⁹. Они отвергали марксизм и подчеркивали этическое и социальное значение религии. Масариковцы осуждали клерикализм, а также равнодушие либералов к проблемам крестьян и рабочих. Печатным органом масариковцев был журнал «Naši zapiski» («Наши записки»). Возглавляли движение А. Дермота и Д. Лончар.

Проведение избирательной реформы 1907 г. привело к существенному перераспределению политических сил. Католики стали бесспорным политическим лидером во всех словенских землях, кроме Триеста, Истрии и Горицы. В 1909 г. католические партии Крайны, Штирии и Горицы объединились во Всесловенскую народную партию (ВНП). Через год к ней присоединились и каринтийские католики.

Укрепление позиций католиков и рост влияния социал-демократов побуждали непопулярных уже либералов сплотить свои ряды. Национальные радикалы в 1912 г. вновь вошли в состав либеральной партии, оформив в ней «младолиберальное» крыло.

К 1907 г. ЮСДП стала массовой партией, во многом благодаря своей энергичной борьбе за введение всеобщего избирательного права. Однако переоценивать ее успехи, как это было принято в словенской историографии 1950-х — 1970-х гг., не следует. Если в рамках Цислейтании социал-демократы в 1907 г. стали второй по значимости партией в австрийском рейхсрате, то в словенских землях их позиции были еще слишком слабы — им не удалось провести в рейхсрат ни одного своего кандидата, и серьезной конкуренции либералам и католикам они составить еще не могли.

Большинство словенских политиков с воодушевлением восприняли аннексию Боснии и Герцеговины в 1908 г. Этот акт дал новый импульс развитию югославянской идеи. Лидеры СНП И. Шуштершич и Я. Крек сформулировали свою концепцию преобразования Австро-Венгерской монархии на основе триализма. Программа предусматривала, что при реформе монархии все словенские и хорватские земли войдут в состав югославянской федеративной единицы. В 1911–1912 гг. Всесловенская народная партия обновила союз с хорватской Партией права, и в 1912 г. была создана объединенная «хорватско-словенская партия права». Триалистические концепции лидеров СНП не приняли ни большинство хорватских политиков, ни немецкие христианские социалисты, на поддержку которых они рассчитывали.

В свою очередь, либералы предпринимали шаги к сближению с хорватско-сербской коалицией, однако она не проявила интереса к сотрудничеству со словенцами, концепция триализма, которой она придерживалась, вообще не предусматривала включение словенцев в югославянскую часть империи.

Не остались в стороне от новых веяний и социал-демократы. В 1909 г. в Любляне на Тиволийской конференции ЮСДП была принята резолюция, в которой провозглашалась цель объединения всех югославян Австро-Венгрии, независимо от диалектов, письменности, религии и территориальных границ¹⁰.

Победы балканских славян в 1912–1913 гг. мощно стимулировали развитие национальных и югославянских идей в словенских землях. Национальные радикалы в 1912 г. обозначили борьбу за создание Объединенной Словении как приоритетное направление своей политики. Социал-демократ Х. Тума выдвинул идею образования Балканской федерации, а его соратник по партии писатель И. Цанкар в лекции «Словенцы и югославяне» (12 апреля 1913 г., Любляна) призвал к образованию южнославянской республики словенцев, сербов, хорватов, болгар¹¹.

В 1912–1913 гг. возникло течение гимназистов и студентов, издававших в Любляне газету «Preporod» («Возрождение»). Возглавляли его Ф. Фабиянчич, Л. Клеменчич и А. Енко. Позиции препородовцев относительно социальных проблем были близки социал-демократическим, главное же внимание они уделяли национальному вопросу. Препородовцы считали, что сербы, хорваты и словенцы являются единым народом, насильственно разделенным историей, и их будущее — не только политическое объединение, но и постепенное слияние языков и культур. Препородовцы были первой и единственной словенской политической группировкой, выступившей еще до Первой мировой войны за создание югославянского государства вне Австро-Венгрии. Тогда их взгляды не нашли поддержки практически ни у кого из словенских национальных деятелей.

Партийно-политическая структура в Чешских землях

Становление партийно-политической структуры Австрии, как и других европейских стран, связано с развитием парламентаризма. Последний будет рассмотрен специально, поэтому можно ограничиться общим замечанием: по мере того как избирательное право модернизировалось, приводя в политическую жизнь всё новые слои общества, возможности партийного строительства возрастали.

Всеобщее избирательное право открыло новую эпоху в развитии чешских партий. С одной стороны, оно было необходимым условием и долгожданной предпосылкой для успеха социал-демократического и аграрного движений. В то же время для национального лагеря, продолжавшего опираться на довольно узкий электорат, это обстоятельство очевиднее, чем когда-либо прежде, вынесло на повестку дня вопрос о перемене тактики для соперничества с по-настоящему массовыми партиями.

Необходимость этого была осознана даже старочехами, в 1906 г. принявшими обновленную программу партии за авторством А. Брафа, которая, хотя и продолжая опираться на концепцию исторического права, признавала, что текущий момент может быть не самым удачным для ее претворения в жизнь. В то же время Национальная партия выступала против прямых выборов в рейхсрат, призывая к сохранению прежнего порядка, и критиковала равное избирательное право. Тем не менее было очевидно, что эпоха старочешского влияния осталась далеко позади — на выборах 1907 г. старочехам удалось получить лишь семь мандатов. Единственным фактором, который поддерживал их вес в чешской политике, оставалось присутствие в палате господ австрийского парламента.

Реформа избирательного права, на теоретическом уровне вписывавшаяся в либерально-демократические устремления младочехов, на практике означала те же количественные потери в депутатских мандатах, которые пережила любая изначально элитарная партия Цислейтании. Осознавая это, младочешское руководство вынесло на повестку дня концепцию «позитивной политики свободных рук» (главным идеологом которой был Карел Крамарж), подразумевавшей сотрудничество с кабинетами, лояльными чешским интересам, вплоть до занятия отдельными политиками министерских кресел. В 1907 г. партия приняла новый вариант программы, в которой были сформулированы не только прежние постулаты расширения самостоятельности Чешских земель при их неделимости и полном двуязычии, но и социально-экономическая платформа, подразумевавшая соблюдение интересов и равноправие всех слоев населения во имя «развития нации на всех уровнях». Таким образом, младочехи предприняли попытку вновь выступить в роли представителя интересов всего чешского народа.

Кроме того, на повестке дня также оказалась перспектива того, что в новых условиях ни одна чешская партия не наберет достаточно боль-

шого количества мандатов¹². Чтобы избежать этого, младочехи предложили идею создания Национального чешского совета — объединения политиков ведущих государственно-правовых и национальных партий для участия в грядущих выборах. Эта идея, однако, не нашла большой поддержки: она изначально не была обращена к социал-демократии и клерикалам, отказались от блока и аграрии. В конечном итоге младочехи добились лишь присоединения к ним нескольких групп из числа реалистов и прогрессистов.

Довольно скромные результаты на выборах 1907 г. (18 мандатов), однако, продемонстрировали тщетность попыток привлечь избирателей из числа рабочих и крестьянства. С этого момента младочехи перестают апеллировать к образу «всенародной» партии. Их положение тем не менее оставалось влиятельным по причине того, что именно они в наибольшей степени контактировали с правительством в попытках последнего разрешить чешско-немецкие противоречия¹³.

Радикально-прогрессистская, Национально-социальная и Государственно-правовая партии, в свою очередь, объединились в блок Чешских государственно-правовых демократов, занявший девять мест в парламенте. Уже после выборов, в 1908 г., радикальные прогрессисты и Государственно-правовая партия заявили о создании Чешской партии государственного права и прогресса, ставшей представителем радикально-националистической мелкой буржуазии и части интеллигенции. Их интересы тем не менее рассматривались лишь как часть интересов чешской нации, защита которых и была главной установкой объединения. Методы прогрессистов теперь были лишены радикализма, склоняясь к поэтапному достижению поставленной цели. Идея «самостоятельности» Чешских земель не получила детальной проработки — речь шла о глобальном обновлении отношений с венским центром, однако степень этой самостоятельности должна была зависеть от положения дел в Европе в соответствующий момент¹⁴.

Центростремительные тенденции в преддверии выборов по новой системе были характерны и для католического лагеря. Объединения, возникшие на рубеже веков, в 1906 г. образовали единую Партию католиков Чешских земель, остававшуюся приверженцем консерватизма и противником демократических реформ¹⁵. Она завоевала 17 мандатов в новом парламенте. Впрочем, единая организация католиков просуществовала всего лишь несколько лет — в 1911–1912 гг. на базе ее фракций были сформированы самостоятельные Католическо-национальная консервативная, Народная консервативная и Христианско-социальная народная партии.

Стремление либерально-национального и католического лагерей к внутреннему объединению если и достигли определенного успеха, то ничуть не повлияли на тот триумф массовых партий, который был обеспечен новой избирательной системой. Среди чешских партий безусловным лидером оказались аграрии, в 1907 и 1911 гг. получившие 28 и 36 мандатов

соответственно. Помимо этого, они стали одним из немногих объединений, не переживших серьезных организационных или идеологических трансформаций в предвоенное время.

Перемены, напротив, коснулись социал-демократического объединения, в Чешских землях уступившего аграриям, но на уровне всей Цислейтании оказавшегося самым успешным. В идеологическом плане речь шла о национальном вопросе — австрийская социал-демократия все же не могла позволить себе игнорировать один из самых насущных вопросов в жизни страны. Чешские политики настаивали на ревизии довольно абстрактной Брненской программы в сторону большей конкретики. В 1909 г. на съезде в пражском Смихове в качестве черновика новой программы был предложен доклад Богумила Шмерала. Его центральной идеей было сохранение многонациональной империи как единого экономического организма при условии федерализации, национального равноправия, культурной автономии и демократизации государственного управления. Это предложение, однако, осталось лишь на бумаге в свете общего ослабления контактов между австрийскими социал-демократами¹⁶.

Последнее обстоятельство также повлияло на организационную структуру чешского объединения, внутри которого выделилась фракция централистов, настаивавших на более тесной связи с венскими партийными органами. В 1911 г. эта группа образовала Чешскую социал-демократическую рабочую партию Австрии, которая, впрочем, не могла составить настоящей конкуренции Чехославянской партии. Тем не менее централисты получали поддержку от немецких социал-демократов, что было расценено их оппонентами как знак разрыва — с 1912 г. Чехославянская социал-демократическая партия прекращает участие в общеавстрийских съездах.

Партии и общественные движения в Галиции

3 июня 1907 г. в здании австрийского рейхсрата состоялось открытие первой сессии вновь избранной палаты депутатов, нижней палаты парламента. На смену большинству, состоящему из немецких клерикалов, а также польских и чешских консерваторов, пришли христианско-социалистическая фракция и многочисленное славянское представительство. Впервые широко были представлены так называемые «неисторические» народы империи. К их числу относились и представители восточнославянского населения Австро-Венгрии. Если в предыдущем парламенте было всего 11 русинов, то теперь их число возросло до 34. Участие в избирательной кампании, создание собственного парламентского клуба, возможность прямого участия в политической жизни государства — все это имело огромное значение для развития национально-политических движений восточнославянского населения монархии.

В феврале 1906 г. во Львове прошло несколько массовых выступлений, организованных украинскими активистами, причем в них принимали участие как украинцы, так и представители Русско-народной партии. На многотысячных митингах еще не раз звучали требования реформы. Наконец, был подготовлен проект избирательной реформы, включавший в том числе и ответ на часть требований русинов; в частности, было увеличено число мест от Галиции. Новый закон был одобрен рейхсратом большинством голосов. Было сохранено неравномерное распределение депутатских мест по национальным областям¹⁷. Закон заранее определял число депутатов от каждой провинции, и, таким образом, борьба на местах разворачивалась в основном среди политических партий. Это, по замыслу имперских властей, должно было предотвратить национальные конфликты как в рейхсрате, так и во время выборов. Однако замысел этот удался не вполне. Национальные противоречия в полиэтничной Габсбургской империи продолжали набирать силу, и нередко их проявлениями становились ожесточенные схватки в парламенте.

В 1909 г. Национально-демократическая партия пережила острый кризис, вызванный неприятием значительной частью эндеков пророссийских взглядов одного из основоположников и идеологов партии, члена Государственной Думы, Р. Дмовского. Выход его книги «Россия, Германия и польский вопрос» (1909) и его позитивное отношение к неославянскому движению стали причиной конфликта внутри партии. На съезде в 1909 г. из партии раскол в рядах эндеции стал очевиден. Дмовский сложил с себя полномочия члена Государственной Думы. Кризис отразился и на положении Национально-демократической партии в австрийских владениях. Здесь негативную роль в положении национальной демократии сыграл конфликт эндеков с консерваторами. Одной из важнейших особенностей расстановки сил внутри провинции было сохранение реальной власти в руках западно-галицийских консерваторов. Несмотря на то что в рейхсрате заседало всего четыре представителя этой партии, в Галиции реальной властью обладали именно они. Достаточно указать на то, что вплоть до начала Первой мировой войны заместителями Галиции были представители этого движения. А. Потоцкого, убитого украинским студентом-националистом в 1908 г., сменил известный историк М. Бобжинский; его, в свою очередь, сменил В. Кобытовский. Практически именно позиция заместителя по тому или иному вопросу являлась определяющей. В 1908–1910 гг. особенно острые противоречия в отношениях между эндецией и краковскими консерваторами были связаны с разрешением национальных противоречий в крае. Если консерваторы упрекали своих противников в намеренном разжигании межнациональной розни, то те, в свою очередь, говорили о неоправданных уступках украинским требованиям со стороны консервативного большинства в сейме и заместителя¹⁸. Съезд национальной демократии 22 мая 1910 г. призвал к решительной оппозиции краевому правительству. Слишком жесткие требования, предъявленные инициаторами резолюции,

привели к расколу в партии и выходу из нее многих ее сторонников. Раскол произошел в парламентском представительстве эндеции, что существенно ослабило ее позиции.

В 1911 г. из партии вышла группа традиционалистов, недовольных политической платформой партии. Эта группа уже в конце 1908 г. стала неформально называться «львовская фронда» (польск. *Fronda Lwowska*) и высказывала оппозиционные взгляды. Она стала действовать самостоятельно с начала 1912 г. под названием «Польская крестьянская партия — Объединение независимых народников» (*Zjednoczenie Niezawisłych Ludowców*). В 1913 г. ее председатель Стапиньский, будучи депутатом рейхсрата, вместе с пятью товарищами вышел из польского парламентского клуба, что вызвало активные атаки консерваторов. Стапиньский добился отставки министра по делам Галиции. Возник раскол, после которого сформировалась группа правых деятелей, связанных с редакцией еженедельника «Пяст» (польск. «*Piast*»), среди которых были депутаты галицийского сейма и рейхсрата.

В результате из двух фракций — правой и левой — возникли две отдельные партии. Правые в начале 1914 г. созвали отдельный съезд, где создали партию Польскую крестьянскую партию «Пяст», в которой доминировали зажиточные клерикальные крестьяне (среди них Винценты Витос и бывший министр Длугош). Левые, оставшиеся с председателем, создали новую, антиклерикальную Польскую крестьянскую партию — левица, которая придерживалась социалистической программы (председателем был по-прежнему Ян Стапиньский).

Политические партии Венгерского королевства

Последнее мирное десятилетие в истории Венгерского королевства прошло под знаком поиска выхода из политического кризиса 1905–1906 гг., в результате которого прекратила свое существование «партия власти» — Либеральная партия. На выборах 1905 г. объединенная оппозиция получила парламентское большинство, однако по решению императора правительство было сформировано из представителей партий, оставшихся в меньшинстве, во главе с Г. Фейервари. Кризис был преодолен только в апреле 1906 г., когда Франц Иосиф пообещал лидерам оппозиции правительственные портфели в обмен на отказ от наиболее радикальных требований. Так во главе правительства во второй раз в своей карьере встал последовательный либерал Ш. Векерле, а в его кабинет вошли Ф. Кошут и А. Аппони. «Голосование по взмаху платка» в ноябре 1904 г., о чем говорилось в предыдущей главе, не только возмутило оппозицию, но и пошатнуло ряды правящей Либеральной партии. В знак не согласия с неконституционной тактикой руководства ее покинул Д. Андраши-мл. с дюжиной единомышленников. С каждой неделей парламентская группа «диссидентов», как они стали себя называть, попол-

нялась новыми бывшими членами — не согласными с политикой правящей партии. Выборы 1905 г. принесли диссидентам 27 мандатов. В августе 1905 г. оформилась группа так называемых «новых диссидентов» под руководством видного либерального политика Ф. Надя. В годовщину памятного «голосования», 18 ноября 1905 г., сторонники Андраши и Надя образовали конституционную партию, лидером которой стал Д. Андраши-мл., председателем сначала И. Дарани, позднее К. Селл, одним из членов — Ш. Векерле. Партия называла правительство конституционного меньшинства незаконным, поддерживала требование особых знаков отличия для венгерских частей в рядах императорско-королевской армии, крайне осторожно обходила вопрос о всеобщем избирательном праве. В 1906–1910 гг. (вместе с сочувствующими) она была второй самой большой политической организацией в парламенте, но после распада коалиции Андраши распустил партию, члены которой вернулись в Национальную партию труда, сам же в сентябре 1913 г. воссоздал свою прежнюю партию, носившую теперь имя «Всевенгерская конституционная партия».

Другим следствием «голосования по взмаху платка» стала консолидация парламентской оппозиции: Партия независимости и 48-го года (вместе с фактически независимой фракцией Г. Угрона), Народная партия, Национальная партия, Новая партия и, наконец, Демократическая партия объединились в беспрецедентную по широте коалицию. Она получила известность под именем «Союзная оппозиция»; в ее рядах были А. Аппони, Д. Банфи, В. Важони, Ф. Кошут, Д. Юшт и др. В основе консолидации лежал отказ от наиболее радикальных требований платформы 48-го года и акцент на программных требованиях сторонников Соглашения 1867 г. После роспуска парламента 3 января 1905 г. Национальная партия А. Аппони влилась в Партию независимости и 48-го года, куда вернулась фракция Г. Угрона. Во главе объединенной партии стоял Ф. Кошут.

На парламентских выборах 1906 г. «кошутисты» получили 166 мандатов против 159, доставшихся правящей партии И. Тисы. Лидер либералов предпочел распустить свою партию. Неудачной попыткой ее возродить, правда без слова «либеральная» в названии, стало создание в 1908 г. Всевенгерской радикальной партии бывшего министра внутренних дел Й. Криштофи. В планах партийного руководства было оттеснение оппозиции, улучшение отношения с династией (партии покровительствовал эрцгерцог Франц Фердинанд), введение всеобщего, равного и тайного избирательного права, отчуждаемость церковной земельной собственности, экономическое социальное законодательство, препятствующее эмиграции из страны беднейших слоев. После возвращения в 1910 г. И. Тисы с его новой Национальной партией труда Криштофи распустил свою партию в 1911 г., его бывшие товарищи по партии в 1914 г. создадут Всевенгерскую буржуазную радикальную партию (в ее рядах будет О. Яси, в будущем автор одного из самых точных исследований о причинах распада Австро-Венгрии). Что касается партии Тисы, в программных документах декларировалась верность

принципам 1867 г., избирательная реформа, позволявшая увеличить число избирателей на 10%, необходимость сохранить единство венгерской нации в вопросах прав национальных меньшинств. Партия сформировала три кабинета, находившиеся у власти в 1910–1917 гг., в том числе и потому, что с началом Первой мировой войны оппозиция объявила о прекращении внутривнутриполитической борьбы.

В 1905 г. от партии Воссозданный социал-демократический союз Венгрии в парламент избрался выходец из среды зажиточного *крестьянства* Андраш Л. Ахим. Дистанцировавшись от позиции партийного руководства, он в марте 1906 г. в городе Бекешчаба объявил о создании Венгерской социалистической крестьянской партии. Ее костяк составили сельскохозяйственные рабочие, крестьяне и сельская интеллигенция (венгры, словаки, румыны) восточных областей страны. Программа партии включала в себя требования введения всеобщего, равного и тайного избирательного права, проведения налоговой и земельной реформ (парцеллизация латифундий с последующей раздачей земельных наделов в аренду крестьянству, двойное налогообложение землевладельцев, живущих за границей, и др.), пенсионного обеспечения для мелких сельских хозяев. Накануне парламентских выборов Ахим, не желая дробить силы оппозиции, спустя два месяца после создания партии объединился с Независимым социалистическим союзом Венгрии во главе с Иштваном Варкони. Так на политическом поле королевства появилась Независимый социалистический крестьянский союз Венгрии.

Из-за идейных разногласий лидеров объединившихся партий обе они сохранили внутреннюю организационную самостоятельность. Политические требования были во многом созвучны Цегледской программе Независимой социалистической партии Венгрии: избирательная и земельная реформы, создание независимой таможенной территории, введение прогрессивной шкалы налогообложения. Единственный депутат от Крестьянского союза, Ахим в конце 1906 г. был лишен парламентского мандата, председатель партии И. Варкони осужден на тюремный срок. В новой политической программе, принятой в декабре 1906 г., звучали требования свободы организаций и забастовок. Неспособность партийного руководства выработать консолидированную позицию и выход из аграрно-социалистического движения будапештской рабочей оппозиции привели к новому расколу. В результате в июне 1908 г. Ахим с единомышленниками основал Независимую социалистическую крестьянскую партию Венгрии.

Новая крестьянская партия была популярна у национальных лидеров словаков и румын, однако Демократическая партия и Немецкая народная партия Венгрии отказались сотрудничать с Ахимом. Руководство Крестьянской партии публично славил кронприца Франца Фердинанда как защитника прав простого народа. Программа партии повторяла требования избирательной и земельной реформ. Избрание Ахима в Государственное собрание созыва 1910 г. позволило лидеру партии с парламентской трибуны

бичевать социальные язвы экономического и социального строя. Личный конфликт с семьей помещика Жилински окончился трагедией: братья Габор и Эндре в 1911 г. зверски убили крестьянского трибуна Ахима, обезглавленная партия к 1913 г. прекратила свое существование. Другой крестьянской партией, так и не сумевшей добиться сколько-нибудь значительного успеха, была образованная в том же, 1908 году Всевенгерская земледельческая партия Г. Эчеди — маргинальная, традиционалистская политическая организация, ориентированная на беднейшие слои крестьянства. При жизни Ахима обе партии искали формы совместной работы, но после его смерти, так и не добившись успехов на национальном уровне, Всевенгерская земледельческая партия в 1912 г. была распущена.

На политический курс венгерской социал-демократии оказали влияние как парламентский кризис 1905 г. в стране, так и революция в России, сообщения о которой регулярно появлялись в венгерской печати. В конце марта на XII съезде развернулась жаркая полемика о необходимости последовательного и решительного требования введения всеобщего избирательного права как «важнейшего средства осуществления подлинной воли народа», благодаря которому классовый парламент падет и власть перейдет к «подлинно народному представительству». В принятой съездом резолюции также говорилось, что пролетариат прибегнет к оружию всеобщей стачки, если избирательная реформа будет малоудовлетворительна¹⁹. Понимая, какую опасность может таить радикализация пролетариата, министр внутренних дел Й. Криштофи пошел на заигрывание с социал-демократами: лично встретившись с их руководством, он пообещал обеспечить право собраний в рамках действующих норм и даже со временем включить всеобщее избирательное право в программу правительства. Эту устную договоренность называют пактом Криштофи–Гарами²⁰. Так правительству удалось не допустить возможного союза социал-демократии с коалиционной оппозицией.

Для парламентского представительства *словаков* важную роль сыграл крах либеральной партии, которая с треском проиграла выборы 1905 г. и перед внеочередными выборами 1906 г. самораспустилась. Ее место в областях Верхней Венгрии сперва заняла Конституционная партия графа Дюлы Андраши-младшего, стремившаяся к стабилизации оказавшегося в глубоком кризисе на момент 1905–1906 гг. государственного устройства и опиравшаяся в этом на идеи Соглашения 1867 г.²¹ А на последних выборах в королевстве, состоявшихся в 1910 г., подавляющее большинство голосов на территории нынешней Словакии было отдано уже наследнику либеральной партии — Национальной партии труда графа И. Тисы²².

Очень перспективная для Словакии партия возникла в Венгрии на самом закате существования королевства, в 1914 г., когда приближавшаяся война оставляла все меньше и меньше места политическим свободам и естественному развитию парламентаризма. Это была Всевенгерская буржуазная радикальная партия, в программу которой входил широкий список

демократических требований (равноправие женщин, отмена вирилизма, закрытие верхней палаты Государственного собрания, введение плебисцитов, расширение местного самоуправления и т.д.), а кроме того, исполнение Закона о национальностях 1868 г. и обеспечение ряда языковых и культурных требований национальностей. Партия призывала к сотрудничеству в деле демократических реформ все прогрессивные силы обеих частей монархии. Однако реализовать эти планы ей было не дано.

Как не дано было и СНП создать второй Словацкий национальный совет, который должен был стать надпартийным политическим представительным органом, выражающим интересы словаков перед другими народами королевства. Разительное отличие этого органа от первого совета времен революции 1848 г. было в том, что в нем присутствовали бы представители уже нескольких словацких партий, как минимум Словацкой национальной и Словацкой народной. Это заметно изменило бы специфику политической жизни в Словакии, сказалось бы и на всем королевстве. Однако Первая мировая война перечеркнула эти планы.

Период, предшествовавший Первой мировой войне, не принес *угорским русинам* со стороны властей ничего, кроме усиления мадьяризации. Непосредственно перед войной в королевстве еще более возросли подозрения относительно благонадежности местного русинского населения, объяснявшейся этническим и конфессиональным родством с жителями России. В данных условиях малейшее проявление национально-политической активности русинов в немадьярском духе рассматривалось как проявление русофильства. Показательно, что даже переход некоторых русинских грекокатоликов в православие в регионе Мараморош закончился масштабным судебным процессом в 1913 г., на котором звучали в первую очередь политические обвинения²³. В такой атмосфере не могло быть и речи не только о партиях, но и о безобидных национальных организациях образца 1860-х — 1870-х гг.

На рубеже XIX–XX столетия в Южной Венгрии «выросло» новое поколение *сербских* интеллектуалов, чьи взгляды на национальное развитие сербов Транслейтании заметно отличались от позиций ведущих политиков. Погрязнув в междоусобицах и ставя во главу своих стратегий сугубо партийные, а не общенациональные интересы, старые вожди уже не могли служить образцом для молодежи, подвергавшей их смелой публичной критике.

Известно, что сербское сообщество в Венгрии переживало в конце XIX — начале XX в. серьезный экономический кризис, в результате чего гораздо слабее, чем раньше, откликалось на актуальные политические вызовы. И это в то время, когда центральные власти постоянно усиливали прессинг мадьяризации в отношении нацменьшинств! В такой ситуации, обеспокоившись общим «минорным» состоянием соотечественников и желая предложить новые пути национального развития, чтобы «остановить сербский декаданс в Воеводине», в 1906 г. в Великой Кикинде оформилась группа

единомышленников во главе с братьями Милутином и Васой Якшичами. В апреле 1907 г. они основали свою газету под названием «Српски глас» («Сербский голос»), презентуя ее как «орган независимых сербов» — «независимых от всех, в том числе и от наших политических партий». Идею нового направления нового органа изложил Милутин Якшич.

Если оценивать его в целом, то программа сгруппировавшихся вокруг газеты «Српски глас» кикиндских интеллектуалов звучала свежо и по-новому. По сути своей радикально-прогрессивная, особенно в той части, где говорилось о социальных и экономических требованиях, она носила подлинно демократический характер, пропагандируя союз всех демократов Венгрии. Однако в этом внешне эффектно положении крылась ее немалая слабость, что и проявилось всего несколько лет спустя. Ведь хотя демократы в Венгрии, несомненно, существовали, они были крайне немощны, чтобы преобразовать аристократическую Транслейтанию на демократических началах, и потому молодые кикиндцы объективно способствовали не разрушению, но консервации тех социально-государственных рамок, в которых они сами и проживали. Что свидетельствовало о все большем конформизме сербского сообщества в Венгрии и его готовности приспособливаться к существующему положению — в ущерб борьбе за национальное освобождение. Впрочем, такая позиция вполне объяснима, особенно если иметь в виду, что Австро-Венгрия во время появления газеты «Српски глас» («Сербский голос»), переживала свой последний триумф, аннексировав Боснию и Герцеговину и доказав как свою силу (во многом эфемерную без поддержки Германии), так и бессилие Сербии и всего сербского национального корпуса, оказавшихся — на тот момент — не в состоянии ей противостоять.

В июле 1908 г. в Нови-Бечее кикиндские демократы собрали конференцию, на которой приняли проект программы Сербской демократической партии²⁴, однако процесс формирования новой организации, в чем, собственно говоря, и состояла сверхзадача форума, им завершить не удалось. В первую очередь по причине резкого, вследствие аннексии, обострения отношений Вены с Белградом, в результате чего венгерские сербы (как и хорватские, и приморские) оказались под усиленным контролем властей, и, соответственно, вопрос об их политической самоорганизации откладывался на неопределенное время. «Српски глас» констатировал, что сербские демократы в Венгрии не в состоянии формально конституироваться как политическая партия «из-за негативных обстоятельств». Однако эти «негативные обстоятельства» привносились не только извне — в среде самих демократов начались разброд и шатания. Аннексия и прокатившиеся вслед за ней судебные процессы над сербами, ложно обвиненными в государственной измене, привели к росту «капитулянтских» настроений у руководства кикиндских демократов, чей лидер Милутин Якшич вкупе с другим некогда влиятельным членом движения — Тихомиром Остоичем практически отстранились от какой бы то ни было практической деятельности.

На этом «пораженческом» фоне еще более выросло значение газеты «Српски глас», во главе которого стоял Васа Якшич. В феврале 1910 г. объединявшиеся вокруг него сербы-демократы попытались в очередной (и, как оказалось, в последний) раз оформить Демократическую партию, но снова потерпели неудачу. Объясняя ее причины, «Српски глас» отмечал, что молодежь, на какую он предполагал опереться, оказалась не в состоянии принять новые демократические принципы, ибо в прошедших дискуссиях она сильнее, чем можно было ожидать, выразила свои консервативные взгляды, а также связь с традицией и прошлым. «В таких условиях дело организации Сербской демократической партии не могло завершиться успехом»²⁵, — с сожалением резюмировала газета.

Но не только идеологические расхождения помешали партии конституироваться. Тактические вопросы, главным из которых являлось отношение к новому венгерскому правительству Куэн-Хедервари, привели к тому, что участники конференции не только разъехались, так и не выполнив задачу политической консолидации, но и внутренне раскололись. Так, группа из Сомбора, объединявшаяся вокруг газеты «Слога» («Согласие»), вовсе не собиралась, как кикиндцы, бороться против политики Куэна, не исключая в отдельных случаях даже возможности сотрудничества с ним. По той же причине «Српски глас» разошелся и с «Србобраном» («Защитником сербов») из Загреба, с коим ранее тесно сотрудничал <...>. Потерпев очередное фиаско в деле организации партии, кикиндские демократы (и до того значительно ослабленные) так и остались аморфным сообществом нескольких политических групп, из которых самые многочисленные находились в Кикинде, Нови-Саде и Панчеве.

Наряду с неудавшейся попыткой политической самоорганизации кикиндцы определили собственное отношение к уже имевшимся сербским партиям. Главный критический пафос своей публицистики они направляли против радикалов Яши Томича, чью политику называли «враждебной отравой», с которой следовало бороться всеми средствами. Критиковали они и либералов Полит-Десанчича, считая их позицию реакционной и отсталой, но не внося в дискуссии с «Браником» той доходившей до прямых выпадов нетерпимости, что практиковалась в диалоге с «Заставой». Казалось, демократы не забыли, как в юности шли за Полит-Десанчичем и публиковали в его газете свои первые статьи. Да и сам он нередко вел себя с ними как ментор с непослушными учениками, упрекая их в «Бранике» за то, что они, «сами того не желая, поддерживают ту государственную политику, которая противоречит преданиям сербского народа»²⁶.

Кстати, в отношении к венгерским партиям и их программам кикиндцы и далее исходили из убеждения, что свои права сербы могут обеспечить только в свободной и демократической Венгрии, почему и выступали против политического всевластия мадьярской земельной аристократии, сближаясь в своих взглядах с лидером и идеологом гражданско-радикального направления Оскаром Яси. Поэтому неудивительно, что на страницах

«Српски глас» довольно часто появлялись материалы из известного оппозиционного журнала «Huszadik Század» («Двадцатый век»), в котором сотрудничали и развивали свои мысли как сам Яси, так и его соратники. Разделяя их основные посылы и преломляя оные в призме сербских национальных задач, кикиндские демократы надеялись, что при тесном сотрудничестве с венгерскими левыми (в том числе в их борьбе за полную независимость от Вены) когда-нибудь все же удастся реформировать политически-архаичную Транслейтанию. Стремясь к этой цели, «Српски глас» провозгласил лозунг: «Быть демократом — значит опираться на принцип: мне более близок мадьяр-демократ, чем серб-аристократ»²⁷.

Газета кикиндских демократов выходила до апреля 1913 г., когда внезапно скончался ее главный редактор Васа Якшич. С его уходом «Српски глас» навсегда умолк. Впрочем, дело здесь не только в смерти «рулевого»: в своем прежнем виде он и без того лишился перспектив, поскольку демократическая программа, озвученная во время аннексии Боснии и Герцеговины (т.е. в эпоху общенационального сербского «минора»), была преодолена самим ходом событий, а именно впечатляющими победами Сербии в Балканских войнах. В новых условиях, когда взоры всего сербского сообщества Венгрии устремились в сторону Белграда, от которого теперь ожидалось освобождение, бывшая опция демократического сожительства сербов и мадьяр «под одной крышей» стремительно теряла привлекательность — вместо нее (чем дальше — тем громче) начинала звучать идея радикального национально-политического «размежевания» обоих народов. Таким образом, успешная на первый взгляд аннексия в конечном итоге оказалась для Вены и Будапешта воистину пирровой победой.

Соответственно, и время самих кикиндцев уходило в прошлое, с мыслью о чем они быстро освоились и вполне согласились, отказавшись продолжать политическую деятельность (под старыми лозунгами) в ситуации, качественно отличной от той, что складывалась в Венгрии, когда «Српски глас» только начинал свою борьбу. Наступало время радикалов.

Особую роль в деле пропаганды в сербском сообществе Венгрии достижений соотечественников-сербянцев в 1912–1913 гг. сыграл неформальный лидер Радикальной партии и редактор «Заставы» Яша Томич. Как только Сербия объявила мобилизацию, он тут же оказался в Белграде в качестве военного корреспондента. Посетив все важнейшие фронты обеих Балканских войн, не обходя стороной и передовые позиции, где был однажды даже ранен в ногу, Томич не только слал многочисленные корреспонденции с полей боев в «Заставу», но и весьма оперативно написал три книги: «Война на Косово и в Старой Сербии в 1912 г.», «Война в Албании и под Скутари в 1912 г.», «Война в Македонии и Болгарии». Каждая вышла невиданным прежде тиражом 15 тыс. экземпляров, что свидетельствовало о высочайшем интересе читателей. Да и вообще, его эмоциональные, проникнутые воодушевлением репортажи с переднего края пользовались

огромным успехом у сербов-пречан. Крестьяне даже прерывали полевые работы, собираясь в группы, чтобы прочесть вслух только что доставленный свежий номер газеты.

Своими книгами и многочисленными статьями в «Заставе» Томич пробудил надежды в сербах Венгрии на то, что Сербское королевство будет в состоянии разрешить и их национальный вопрос и что Австро-Венгрия, подобно Турции, в недалеком будущем потерпит поражение. Его яркие рассказы о Балканских войнах и победах сербов над турками и болгарями буквально взорвали пассивную и запуганную пречанскую массу, обострили ее национально-патриотические чувства и эмоционально приблизили к ней Сербию, как бы разрушив тем самым границы по Саве и Дунаю. Эта активная пропагандистская деятельность Я. Томича во многом способствовала быстрому и успешному объединению Воеводины с Сербией в 1918 г.

Партийно-политическая структура Хорватии-Славонии

В Хорватии-Славонии у хорватов и сербов после окончания эпохи «куэновщины» в 1903 г. и относительной либерализации политической жизни в Хорватии вновь активизировалась политическая жизнь, появлялись новые партии.

В 1894–1903 гг. завершают свое существование две традиционные партии хорватского национального движения — Национальная независимая (ХННП) и Партия права (ХПП). Попытавшись в 1894 г. выработать общую платформу, они вскоре опять разошлись и изменили свою политическую ориентацию. В 1895 г. Хорватская партия права (ХПП) стала наследницей ХННП, а «правашаи» во главе с Йосипом Франком создали Настоящую хорватскую партию права (НХПП). Первая в 1905 г. вместе с обеими традиционными сербскими партиями — Национальной независимой (СННП) и Национальной радикальной (СНРП), а также «прогрессистами» (Хорватская прогрессистская партия — Хорватская народная прогрессистская партия; в данном случае слово «народная» имело социальное значение: «*rik*», «*ričanstvo*» в переводе с хорватского языка означает «простой народ»; ХНПП) и Социал-демократической партией Хорватии и Славонии (СДП-ХиСл) вошла в состав Хорватско-сербской коалиции. СДПХиСл и СНРП по разным причинам вскоре вышли из нее, а обе хорватские партии в 1910 г. объединились Хорватскую объединенную независимую партию (ХНОП). «Настоящие правашаи» в 1908 г. раскололись на Старчевичеву партию права (ХСПП) под руководством Миле Старчевича и сохранивших верность Франку «правашей». Последние в 1910 г. вместе с клерикальной группой «Хорватство» создали Христианско-социальную партию права (ХСПП), к которой в 1911–1913 гг. примыкали «милиновцы» (от имени Миле). Ближе к ним примыкала и Хорватская рабочая партия (ХРП). Кроме того, возникла и сословная — Хорватская народная крестьянская партия братьев А. и

Ст. Радичей (под «народом и в данном случае имелось в виду «*ričanstvo*»). Партийная структура сербского национального движения в Хорватии оставалась неизменной²⁸.

Период 1903–1914 гг. характеризуется, с одной стороны, готовностью хорватского и сербского национальных движений идти на компромисс друг с другом, их общей заинтересованностью в сохранении целостности крупного многонационального государства и некоторыми уступками со стороны Вены и Будапешта — предоставлением новым социальным слоям политических прав, расширением этнонациональной базы и развитием в направлении формирования общеимперского полиэтнического общества, большей степенью участия в управлении национальных политических классов (1906–1907), постепенного увеличения числа депутатов сабора до 88; реформой избирательной системы, увеличившей число избирателей (1910); созданием в автономном правительстве нового департамента «национальной экономики» (1914). С другой стороны, когда национальное движение приобретало слишком сильный и широкий характер, власти шли либо на установление в Хорватии прямого правления бана, распуская или закрывая на неопределенный срок сабор (1907–1910, 1911 гг.), либо на введение «королевского комиссариата», т.е. неконституционного правления (1912–1913).

Одной из наиболее значимых и влиятельных была Хорватская народная крестьянская партия, основанная в 1904 г. братьями Степаном Радичем и его братом Антуном. Эта была первая в Хорватии партия, ориентировавшаяся на интересы самой ее многочисленной группы населения — крестьянства. Партия выступала за предоставление крестьянским общинам приоритетного права выкупать у помещиков земельные наделы в случае продажи за долги или в счет уплаты налога, разработки крестьянского права, а также защиту прав других сословий (рабочих, ремесленников, торговцев). В программе партии, составленной А. Радичем, в качестве основной ее цели провозглашалось «объединение всей хорватской нации и создание ею своего государства с собственными законами и предписаниями»²⁹.

Важные перестановки проходили и в среде «старых» партий. Так, в 1903 г. в Хорватии-Славонии Независимая народная партия и Партия права («домовинаши») образуют единую Хорватскую партию права (ХПП). В качестве идейной основы была избрана программа «объединенной оппозиции» 1894 г., т.е. объединение хорватского народа в едином государстве и гарантия конституционных свобод. В рамках партии действовала организация «Прогрессивная молодежь» (основанная в Праге хорватскими студентами, устроившими в Загребе в 1895 г. антивенгерские демонстрации), которая уже в следующем году отделяется от ХПП и основывает свою Хорватскую народную прогрессивную партию (ХНПП). Партия выступала за хорватско-сербское и в целом южнославянское единство, за гарантию свободы слова, печати, собраний и объединений, прямые, равные и тайные выборы, расширение самоуправления городов и общин, объединение хорватских земель и их автономию.

Но главные события, изменившие политический ландшафт Хорватии, происходили в начале XX столетия в Далмации. Лидер дубровницких «правашей» Анте Трумбич выступил в 1903 г. в далматинском саборе с речью, в которой призвал югославянские народы к единству и отпору «германизму», который, по его словам, «как северная нация-коLOSS пытается воспротивиться тому, к чему мы, хорваты, стремимся как народ <...>. Великая Германия, которою одинаково воодушевлены как кайзер Вильгельм, так и последний немецкий коммивояжер на Балканах, постепенно расширяется на европейский юг, чтобы силой захватить, как некогда франки, и эти дивные края, которые Бог дал хорватам как их родину»³⁰. Эта идея «нового курса», которая явилась реакцией на кризисное состояние существовавшей дуалистической системы, нашла отклик в среде многих хорватских политиков. В качестве союзников хорватов в этом вопросе выступили как сербские партии Хорватии, так и венгерская оппозиция во главе с лидером Партии независимости Ференцем Кошутом, которой, несмотря на победу на парламентских выборах 1905 г., император не позволял сформировать правительство. В результате в том же году ряд хорватских политиков во главе с А. Трумбичем и Ф. Супило составили и подписали резолюцию, получившую название Риекской и ставшую основным программным заявлением «нового курса». В ней проявлялось стремление бороться за политическое будущее Хорватии совместно с венгерской оппозицией. «Хорватские представители считают своим долгом бороться рука об руку с венгерской нацией за осуществление всех государственных прав и свобод, поскольку они убеждены, что указанные права и свободы пойдут на пользу хорватской и венгерской нациям, что тем самым будет создана основа для долгосрочного взаимопонимания обеих наций»³¹. Основу дальнейшего сосуществования с венграми авторы резолюции видели в соблюдении венгерско-хорватского соглашения 1868 г., но в то же время и в расширении хорватской автономии. Кроме того, в резолюции высказывались требования введения нового выборного законодательства, обеспечения свободы собраний, союзов и мнений, независимости судей. В том же году представители сербских партий Хорватии-Славонии и Далмации приняли Задарскую резолюцию, в которой выражалась поддержка «нового курса» при условии, что «со стороны хорватов обязательно бы признавалось равноправие сербского и хорватского народов»³².

В октябре–декабре того же, 1905 года в рамках реализации была создана Хорватско-сербская коалиция (ХСК), в которую вошли ХПП, ХНПП, СДП ХиСл и две сербские партии — Сербская национальная партия независимости (СНПН) и Сербская национальная радикальная партия (СНРП)*. В своей программе коалиция выступила за гражданские права, автономное местное самоуправление, введение крестьянского и рабочего законодательства, финансовую и самостоятельность Хорватии, единство

* В 1906 г. коалицию покинули социал-демократы, а через год — сербские радикалы.

хорватских земель, признание равноправия хорватов и сербов. Социальную базу этих партий составляли слои, заинтересованные в сохранении экономических связей с венгерским рынком. Объединяла эти партии прежде всего приверженность либеральным ценностям и стремление сохранить существующую дуалистическую систему при условии проведения реформ. Кроме того, одним из главных достижений коалиции, и «нового курса» в частности явилось признание нации не только как политической, но и как социальной общности³³.

В 1906 г. на выборах в сабор коалиция получила большинство. Теодор Пеячевич, сменивший в 1903 г. Куэн-Хедервари на посту хорватского бана, заключил соглашение с коалицией, которой была предоставлена возможность участвовать в формировании хорватского правительства. Однако такое положение продлилось лишь до следующего года. Коалиция лишилась своих союзников — венгерской оппозиции, после заключения соглашения с императором получившей власть в королевстве. Новое венгерское правительство выступило против либерализации политической жизни в Хорватии (в частности, расширения избирательного права), а в 1907 г. приняло так называемую «железнодорожную прагматику». Согласно ей, все работники железных дорог Хорватии должны были знать венгерский язык, что являлось нарушением Соглашения 1868 г. Но Франц Иосиф одобрил закон, и правительство Пеячевича ушло в отставку. Новый бан Павел Раух объявил о новых выборах в сабор, на которых тем не менее вновь победила ХСК. После этого, согласно императорского рескрипту, заседания сабора были быть отложены на неопределенный срок. Он не созывался вплоть до 1910 г.

В Хорватии продолжали активно действовать старые и образовываться новые партии, не входившие в ХСК. Это, в частности, касается «правашских» партий. Так, сторонники Чистой партии права («франковцы»), в 1904 г. сменившей свое название на Старчевичевскую хорватскую партию права, стали главными антагонистами коалиции, в частности, из-за их союза с венгерской оппозицией (Й. Франк предпочитал опираться в своей политике на Вену). В 1909 г. от партии откалывается Старчевичевская партия права во главе с Миле Старчевичем, племянником Анте, сторонники которой по его имени получили название «милиновцы». Своей целью они провозгласили возвращение к идеям Анте Старчевича, и в частности к программе 1894 г. Союзником «милиновцев» в Далмации стала Партия права Иво Продана.

Бан Хорватии П. Раух попытался в 1908 г. организовать проправительственную Конституционную партию и опубликовал статью, в которой заявил, что в качестве основной цели видит союз с «братским венгерским народом или, если коротко, проведение унионистской политики»³⁴. Но на выборах в сабор не прошел ни один кандидат Рауха, поэтому идея об учреждении такой партии не была осуществлена (опорой Рауха в результате стала партия Франка).

Одним из результатов совместной деятельности политических сил Хорватии-Славонии и Далмации стало объединение прогрессистов и Хорватской демократической партии, основанной в 1905 г. сплитским градоначальником Йосипом Смодлакой в 1906 г., в Хорватскую народную прогрессистскую партию, выступавшую за равенство всех хорватов перед законом, хорватско-сербское равноправие, хорватскую автономию в рамках Соглашения 1868 г. Объединенная партия просуществовала до 1910 г.

В 1910 г. происходит объединение основных членов ХСК — Хорватской партии права и прогрессистов в Хорватскую объединенную партию независимости (ХОПН). В своей единой программе они выступали за введение всеобщего избирательного права, поддержку хорватской экономики со стороны правительства и существование и развитие Хорватии в рамках «сильной Габсбургской монархии и в справедливо устроенном государственном объединении с Венгерским королевством»³⁵. Коалиция даже заключила соглашение с новым баном Н. Томашичем о поддержке правительства при условии проведения избирательной реформы и восстановления конституционного правления в Хорватии. Но обещания бана были выполнены лишь частично, а после выборов 1911 г. коалиция потеряла большинство в саборе. В следующем году Томашич ушел в отставку, а при новом бане С. Цувае в Хорватии был установлен «комиссариат», который отменял все конституционные права и свободы. Однако уже в 1913 г. состоялись новые выборы в сабор. ХСК получила на этих выборах большинство. Но об идеях, выраженных в Риекской резолюции, и о политике «нового курса» на тот момент речи уже, конечно, не было — ХСК образца 1913 г. была абсолютно проправительственным объединением, перешедшим на позиции полной поддержки Соглашения 1868 г.

В 1911 г. многочисленные «правашские» партии объединились во Всеправашскую организацию. Изначально она противостояла ХСК, перешедшей на проправительственные позиции. Эта идея объединила и франковцев, и милиновцев, и далматинских «правашей». Лидером организации стал Миле Старчевич. В 1912 г. коалиция выступила с обращением к Францу Иосифу I, в котором она призвала его повлиять на решение вопроса о создании хорватской единицы в рамках Австро-Венгрии. Но после ужесточения политического режима в Хорватии и введения «комиссариата» Всеправашская организация пошла на объединение с ХСК. Однако именно это объединение явилось причиной раскола во Всеправашской организации в конце 1913 г., что стало одним из последних заметных событий в хорватской политической жизни перед началом Первой мировой войны.

Югославянский вопрос объективно становился одним из ключевых вопросов существования Габсбургской монархии; «новый курс» был реакцией национальных движений южных славян на кризис дуализма, отражал ее представления о путях развития и возможности сохранения Австро-Венгрии как единого многонационального государства. В то же время он отражал и объективные тенденции развития хорватской и сербской наций в

монархии. Значительное воздействие на него оказали внешние события — государственный переворот в Сербии в 1903 г., революция 1905–1907 гг. в России, усиление германской политики «*Drang nach Osten*»³⁶.

Наиболее последовательно и всесторонне принципы «нового курса» были сформулированы в принятых в октябре 1905 г. хорватскими и сербскими политиками, соответственно, Риекской (3 октября 1905 г.) и Задарской (17 октября 1905 г.) резолюциях³⁷. основополагающими элементами «нового курса» были осознание взаимосвязи национальной и социальной политики, идея совместной борьбы хорватской и сербской наций за свое освобождение, ориентация на венгерские оппозиционные круги, стремление к противодействию германской экспансии на юго-востоке Европы.

Сербские представители, в свою очередь, высказались в поддержку «стремления каждой нации самой определять свое бытие и решать свою судьбу». Эта формулировка укоренилась в идеологии сербского национального движения.

Существенные изменения произошли и в политике сербских либералов. В конце 1902 г. на съезде Сербской национальной партии независимости была пересмотрена и дополнена программа 1887 г. Сохранив свое требование о расширении автономии Хорватии-Славонии путем ревизии Соглашения 1868 г. и признания идентичности интересов хорватской и сербской наций по отношению к Венгрии «в области общественной, культурной и гуманитарной», СННП выдвинула требование о предоставлении Хорватии автономии в области финансов, что сблизило ее с позицией хорватских оппозиционных сил, в особенности с продолжателями политики Хорватской национальной независимой партии. «Происходит в то же время раскол и между сербами в Хорватии. Одна часть их, принадлежащая к мадронской партии, отпадает от последней и образует вместе с остальными сербами независимую сербскую партию, которая по своим взглядам соответствует вышеупомянутой партии хорватских прогрессистов»³⁸, — вспоминал в своей мемуарной аналитической записке А. Мандич. Однако на самом деле СННП была более националистической и оппортунистической партией. На сравнение СННП с ХННП Мандича навело воспоминание о том, что в конце 1890-х — начале 1900-х гг. хорватские и сербские студенты вместе пошли в политику на основе идей примирения и единства двух народов. «Сербь и хорваты учитывают создавшееся положение; они понимают, что настал критический момент в их национальной жизни, и сплываются к дальнейшей борьбе. Когда же в 1903 г. Австрия для усмирения Венгрии назначает графа Куэн-Хедервари венгерским министром-председателем, освобождая таким образом от него Хорватию, они начинают проявлять усиленную деятельность в смысле объединения с их партией и в то же время начинают переговоры с мадронами, ищущими поддержки против Вены»³⁹.

Была значительно усилена политическая направленность национальных требований сербов. Подтвердив положения об идентичности интересов сер-

бов и хорватов по отношению к Венгрии и о защите «национальной индивидуальности» сербов, о так называемом равноправии языков, католической и православной религии (термин «православная церковь» был заменен на «сербская православная церковь»), СННП добивалась того, чтобы узаконить использование сербского знамени в качестве «символа сербской национальности». По Соглашению 1868 г., только хорватская «политическая нация» имела свой флаг. СННП высказалась также за равноправное употребление «сербского и хорватского языков» в общих учреждениях на территории Хорватии-Славонии. Политическую окраску имел и постулат об оказании «экономическим учреждениям сербской нации такой же законной помощи, как и государственным», т.е. хорватским⁴⁰.

Эти положения тесно увязывались с принципиальной позицией сербского национального движения, требовавшего в качестве одного из существеннейших моментов права на самоопределение своей нации установления ее юридического и политического равноправия с хорватской нацией. Сербские «независимцы», исходя из тезиса о полном равноправии сербов и хорватов, «защищали и представляли сербскую национальную индивидуальность, а также право сербской нации как таковой на автономию сербской православной церкви и школы на основании исторического принципа, с получением права на официальное представительство, управление и верховный надзор [над ними] единственно со стороны Короны». Под «историческим принципом» в данном случае понимались светские политические права, которыми обладала сербская православная митрополия и которые она утратила в конце XVIII в.⁴¹

Требования партии в области национально-церковной автономии шли в направлении придания ее институтам функций, фактического признания не только этнической, но и политической индивидуальности сербов в Хорватии-Славонии и в собственно Венгрии. СННП, ссылаясь на «высочайшие привилегии» и законы 1790–1791, 1848 и 1868 гг., а также на постановление сабора Хорватии от 14 мая 1887 г.⁴², требовала от своих депутатов в национально-церковном саборе вести «борьбу за неукоснительное соблюдение законов об автономии», против вмешательства центральных властей, т.е. за право сабора принимать окончательные решения в рамках его компетенции. В своей основе это требование перекликалось с призывом хорватских либералов к невмешательству во внутренние дела Хорватии со стороны «общего правительства» в Будапеште. Однако ссылка на законодательство, гарантировавшее сербам особый статус по сравнению с другими невенгерскими народами Венгрии, противоречила декларациям о равноправии этих народов. Позицию СННП поэтому нельзя признать последовательно демократической. «Независимцы» выступали за равноправие православного и католического вероисповедания, демократизацию системы управления в рамках национально-церковной автономии, за разграничение светских и духовных функций, перераспределение расходов на духовные и светские нужды в пользу последних. Важнейшее значение имело

также требование предоставления сабору в Сремских Карловцах права на созыв заседаний в определенный законом срок, а в случае необходимости и на проведение внеочередных заседаний. Это означало расширение его суверенитета как политического представительства сербской нации. Все это вместе взятое говорит о тенденции к превращению национально-церковной автономии в национально-политическую, а сабора — в парламент, верховное представительство сербской нации.

В программах Сербской национальной радикальной партии для Хорватии (18 сентября 1903 г.) и для Венгрии (принята на заседании ЦК, проходившем 7 февраля 1904 г.) сочетались прогрессивные и консервативные элементы.

Исходя из концепции гражданских прав и свобод («государство существует в равной мере для всех граждан»), СНРП требовала от существовавшего государства обеспечения условий для всестороннего развития личности каждого гражданина. Партия выступала за пересмотр австро-венгерского Соглашения 1867 г. в направлении предоставления большей самостоятельности Венгрии по отношению к Австрии и предоставления Хорватии большего самоуправления и более самостоятельного государственно-правового положения в Венгрии⁴³. Государственное единство монархии должно быть сохранено, считали радикалы, признавая общность судеб народов, населявших монархию. «Могут ли Венгрия и Австрия быть вместе?»⁴⁴, — задавалась вопросом в 1910 г. «радикальная» «Застава». Партия выступала за демократизацию государственного строя, основой которого должны быть свобода, право, равенство и братство. Все это должны обеспечивать законы, которые исключают междоусобную борьбу и обеспечат благосостояние и прогресс всем народам и отдельным гражданам монархии. Стоя на позициях соблюдения законности и эволюционизма, радикалы не помышляли о решении национальных проблем сербского народа вне границ монархии, несмотря на существование независимого сербского государства⁴⁵. В частности, они поддерживали идею расторжения таможенной унии Австрии и Венгрии, что, по их мнению, должно было способствовать подъему промышленности, в том числе и сербской, на всей территории Венгрии. В этом они расходились с хорватскими либералами из ХПП⁴⁶.

В вопросе о присоединении Далмации к Хорватии-Славонии радикалы занимали двойственную позицию. С одной стороны, исходя из национального принципа, т.е. факта этнического родства всего сербского населения и необходимости его политического объединения, партия выступала за объединение. С другой стороны, «из политических принципов» она выступала против объединения, до тех пор пока не будет признано равноправие сербов с хорватами и не изменится «существующая политическая система»⁴⁷.

СНРП, подобно всем остальным хорватским и сербским партиям, выступала за демократизацию внутриполитической системы в Хорватии путем предоставления сабору законодательных прав в военных, консти-

туционных и финансовых вопросах, за расширение самоуправления, за всеобщее тайное голосование. Особняком стоял вопрос о перераспределении избирательных округов, в котором сербские и хорватские радикалы занимали противоположные позиции. Первые считали, что «избирательная геометрия» должна быть пересмотрена соответственно распространению сербского населения по территории Хорватии-Славонии. Хорватская партия Франка, наоборот, считала, что сербы имеют неоправданно большое влияние на исход выборов. Сторонник Франка И. Кршняви отмечал, что распределение избирательных округов соответственно численности сербского населения давало бы им 22–24 округа. Между тем, утверждал он, при существующей системе сербские избиратели «имели решающее слово» еще в 25–30 округах⁴⁸.

Сербские радикалы боролись за равноправие сербов и хорватов, имея в виду прежде всего политическое равноправие. Подобно СНРП, они ратовали за гарантированное законом равноправие в употреблении этнонимов «хорват» и «серб», требовали государственной помощи сербским культурно-просветительским учреждениям, признания равноправия вероисповеданий и языков, отстаивали право на использование сербского знамени как национального символа. СНРП поддерживала лозунг «Восток — восточным народам», выступая против экспансии правивших кругов монархии⁴⁹. Это означало косвенное требование неприкосновенности Сербии и осуждение окончательного включения Боснии и Герцеговины в состав монархии и присоединения этих областей к Хорватии.

Партийно-политическая структура Трансильвании

Граф И. Тиса, возглавивший венгерское правительство в 1903 г., не только считал национальный вопрос вопросом сохранения целостности своего государства, но и придавал первостепенное значение именно достижению договоренности с румынами Трансильвании в силу растущей значимости этого края с экономической и военно-стратегической точек зрения. При этом он прекрасно понимал, что румынское население Трансильвании связано все более тесными хозяйственными, культурными и даже политическими узами с соотечественниками из королевской Румынии. Уже в своей речи, произнесенной в момент вступления в должность, он говорил о своем стремлении в интересах укрепления государства завоевать доверие граждан, не говорящих на венгерском языке как на родном, одновременно воззвав к благоразумию и ответственности всех патриотов Венгрии независимо от национальности.

Выступление премьер-министра спровоцировало дискуссию в румынских политических кругах Трансильвании. Часть деятелей национальной партии, увидев некоторую готовность правительства к компромиссу, решили воспользоваться этим в интересах улучшения положения румын

в разных областях жизни и занялись разработкой требований к властям. Другие продолжали настаивать на сохранении тактики бойкота, узрев в действиях премьера не более чем тактический расчет — стремление расширить социальную базу власти в условиях назревающего политического кризиса, связанного с углублением противоречий между последовательными сторонниками дуализма и венгерскими националистами. Принятые в 1904 г. по инициативе министра образования А. Берзевици меры по усилению контроля над национальными школами в определенной мере оправдывали скептицизм в отношении намерений Тисы.

В январе 1905 г., после более чем десятилетнего перерыва, в Надьсбене собралась конференция Румынской национальной партии. В ее программную декларацию не вошло положение программы 1881 г. с требованием автономии Трансильвании. Сохранялось, однако, неприемлемое для венгерской элиты требование о признании румын в качестве государствообразующей политической нации. В декларацию были включены призывы к властям о соблюдении Закона о национальностях 1868 г., о введении более демократического избирательного права, перед венгерским правительством ставился также вопрос об изменении границ комитатов с учетом расселения этносов и о расширении полномочий комитатских администраций. В документе указывалось, что для нормального развития румынской нации в составе Австро-Венгерской монархии должны быть созданы необходимые конституционные условия, что предполагало образование легально функционирующих надпартийных национальных институтов. Такого рода институт, Румынский национальный комитет, действительно получил разрешение будапештских властей на беспрепятственное функционирование, что по сути означало (наряду с активизацией румынских депутатов в венгерском парламенте) вступление румынского национального движения в Венгрии в новую фазу своего развития.

В ходе внутривнутриполитического кризиса 1905–1906 гг. представители румынского движения (и в том числе иерархи православной и грекокатолической церкви) предпочли выразить лояльность династии в ее противоборстве с венгерскими националистами, стремившимися к коренному пересмотру Соглашения 1867 г.⁵⁰ Венгерским властям пришлось уже иметь дело с куда более сильным, нежели в 1890-е гг., национальным движением, обладавшим своим реальным парламентским представительством. Это проявлялось и на комитатском уровне, там, где румыны составляли значительную массу населения. Прогабсбургской венгерской бюрократии и националистически настроенному дворянству иногда приходилось, преодолевая разногласия, объединяться, для того чтобы заблокировать румынских политиков, опиравшихся на крепнувший с каждым новым десятилетием национально ориентированный средний класс, все более гетерогенный и все теснее связанный с королевской Румынией.

Политический кризис разрешился созданием коалиции, в основе программы действий которой лежала концепция венгерского национального

государства в рамках системы дуализма. Эскалация венгерского национализма сказалась прежде всего на школьной политике. В румынских школах возросло число обязательных часов на венгерском языке. В 1907 г. принимается образовательный закон, связанный с именем министра просвещения и культов А. Аппони. Власти не только усилили изучение венгерского языка, литературы и истории в национальных школах, но и перевели на венгерский язык школьное обучение во всех сельских населенных пунктах, где венгры составляли половину населения. Принимается целый комплекс мер по воспитанию иноязычной молодежи в духе венгерского официального патриотизма, от их принятия всецело зависела государственная поддержка тех или иных школ. В своем противодействии реализации этой программы румынские политики блокировались с сербскими, словацкими и отчасти с представителями немцев Трансильвании при довольно пассивном отношении к национальному вопросу венгерской социал-демократии.

Гораздо более чувствительна к национальному вопросу была другая сила левого спектра венгерской политики — радикалы во главе с уроженцем Трансильвании Оскаром Яси, пытавшиеся сделать национальные движения Венгрии (и в первую очередь именно румынское) союзником венгерского демократического движения. Однако наладить тесное сотрудничество не удалось. Идеи социализма и социального радикализма в это время находили мало сторонников в образованной румынской среде, воспринимаясь как нечто инородное⁵¹. Приоритет, несомненно, отдавался национальным задачам. В проектах Яси⁵² активисты румынского движения видели — и не без оснований — лишь более тонкую, тщательно проработанную концепцию сохранения венгерской гегемонии в Дунайско-Карпатском регионе.

После 1906 г. новые веяния исходили из Вены, где свою программу коренного реформирования монархии прорабатывала команда наследника Франца Фердинанда. В ее основе лежало представление о необходимости преобразования дуализма в полицентричную конструкцию, что предполагало резкое ослабление Венгрии в рамках монархии⁵³. Подобного рода проекты вызвали острое неприятие практически всей венгерской элиты, однако в румынских политических кругах они были встречены с интересом. В свою очередь и наследник обратил пристальное внимание на румынское движение, пытаясь сделать его инструментом своей политики. Эксплуатируя в собственных интересах антивенгерские настроения Франца Фердинанда, лидеры румынской партии (А. Вайда-Воевод и др.) предлагали ему свои услуги в борьбе за ослабление венгерского влияния в империи⁵⁴. Взамен они рассчитывали получить ключевые позиции в управлении территориями, где румыны составляли большинство либо, как в австрийской Буковине, обладали сильным влиянием в органах местной власти. В интересах ослабления Венгрии наследник склонен был согласиться на некоторую демократизацию избирательной системы, способную гарантировать повышение социальной мобильности в румынской среде⁵⁵.

Коалиция, в которой сильны были позиции националистических сил, пала в 1910 г. Надежды лидеров румынского движения на ослабление венгерского национализма оказались ненапрасными. Правительство Куэн-Хедервари предприняло некоторые жесты в адрес румынского движения: прекращение всех судебных дел и выход на свободу политзаключенных из числа национальных активистов, разрешение использовать на митингах румынский триколор и исполнять румынские патриотические песни, корректировка школьного закона Аппони. В румынском движении осознавали, что поддержка со стороны правительства — наилучшая гарантия успеха в борьбе с крайним венгерским дворянским национализмом. С другой стороны, слишком тесные связи с властями компрометировали трансильванских румынских политиков в глазах собственного избирателя. Это проявилось уже на парламентских выборах 1910 г., не принеся успеха Румынской национальной партии и вызвав разочарование многих румын в возможностях компромисса с венгерской властью. В своей национальной политике Тиса начиная с 1910 г. явно пытался перехватить инициативу у Франца Фердинанда. Линии на ревизию дуализма он противопоставил концепцию укрепления существующей системы на основе примирения существующих социальных и национальных противоречий. Судя по переориентации в 1910 г. значительной части актива румынской национальной партии на поддержку Тисы и его команды, временный успех в поединке двух политических тяжеловесов империи был поначалу на стороне венгерского лидера.

Дискуссии об оптимальной стратегии национального движения, развернувшиеся в кругу румынской элиты Трансильвании, не воспрепятствовали началу длительных переговоров между И. Тисой и Румынским национальным комитетом. Требования были по традиции сформулированы в виде меморандума из 23 пунктов (расширение избирательных прав, более широкое использование румынского языка в местной администрации, привлечение румын на должности в госаппарате пропорционально численности их населения, пересмотр образовательного закона Аппони и расширение масштабов обучения румынскому языку, увеличение государственных субсидий для румынских культурных проектов, создание новых школ, распространение программы государственной поддержки Секейского края на некоторые заселенные преимущественно румынами территории Восточной Трансильвании и др.). Сформулировав свои условия, румынские лидеры, однако, не смогли достичь четкой договоренности между собой о степени поддержки партии власти и об оптимальной тактике в случае согласия Тисы пойти навстречу в принципиальных вопросах. В этих условиях усиливается давление и со стороны Бухареста, влиятельнейший клан Братиану изыскивает новые средства для румынской национальной партии. В условиях оживления в начале 1910-х гг. общественной жизни в румынской среде Трансильвании все сильнее проявлялись именно панрумынистские тенденции, опиравшиеся на крепнувшие с каждым

годом культурные связи между румынами по обе стороны Карпат. Более тесными стали к 1910-м гг. и экономические связи румынского среднего класса Австро-Венгрии с Румынией.

Переговоры национальной партии с Тисой между тем продолжались, причем с начала 1913 г. их участники с румынской стороны (Ю. Маниу и др.) постоянно согласовывали свою тактику как с бухарестской элитой во главе с И.К. Братиану, так и с окружением Франца Фердинанда, не собиравшимся уступать венгерскому политику в борьбе за румын (по мнению наследника, вовлечение трансильванских румын в «венгерский лагерь», несомненно, ослабило бы позиции династии и не позволило бы реформировать империю на новой основе). Осознавая сложность и взрывоопасность международной обстановки после боснийского кризиса 1908–1909 г., а особенно с началом Балканских войн 1912–1913 гг., Тиса придавал все большее значение умиротворению румын и призывал местных чиновников активнее вовлекать их в общественную жизнь комитатов. Однако все более радикальные требования румынской стороны на переговорах (например, о представительстве румын в парламенте, пропорциональном их численности в стране) не соответствовали задачам сохранения целостности венгерского государства и не могли найти поддержки в Будапеште, где соглашались самое большее на причисление униатской и грекокатолической церквей к числу пользующихся государственной поддержкой «исторических» церквей Венгрии⁵⁶, увеличение числа чиновников-румын на местах, выделение госсубсидий на развитие румынских регионов. Третий тур переговоров начался по инициативе Тисы в конце 1913 г., после Второй Балканской войны, усилившей международные позиции королевской Румынии, все более открыто патронировавшей своих «внутриимперских» соотечественников. О готовности Тисы в изменившихся условиях к более серьезным компромиссам свидетельствовало его обещание создать новые румынские гимназии, увеличить субсидии на румынские культурные проекты, открыть дополнительные места для румын-чиновников в госаппарате и даже (что ранее было просто немыслимо) установить экзамены на знание румынского языка чиновниками-венграми в комитатах с румынским большинством. Взамен Тиса требовал безоговорочной поддержки своего правительства и лояльности системе дуализма.

Румынская партия Трансильвании, подвергавшаяся давлению с трех сторон (Вена, Будапешт, Бухарест), столкнулась с дилеммой. Часть румынской буржуазии империи, заинтересованная в нормальном ведении бизнеса, склонялась к компромиссу с венгерской властью. Но к этому времени во всех политически активных кругах Габсбургской монархии все сильнее ощущалась недолговечность существующей дуалистической системы, которую придется в скором времени корректировать под влиянием новых внутривнутриполитических и внешнеполитических вызовов. Принималась также во внимание перспектива скорого прихода к власти Франца Фердинанда, который был склонен реформировать систему дуализма в благоприятном

для румын духе. Поскольку за спиной румынских «переговорщиков» стоял сам наследник, аппетиты росли вплоть до требования предоставить румынам пост министра без портфеля и два поста госсекретарей. В конце концов на переговорах возникла патовая ситуация. Тиса вынужден был их свернуть зимой 1913/14 года, понимая, что сама система устройства империи будет меняться и невозможно требовать от румын заверений в поддержке при всех обстоятельствах Соглашения 1867 г., как и действующей венгерской власти. Румыны предпочитали выжидать, оставаясь в оппозиции венгерским властям; они не хотели слишком привязывать себя как к системе дуализма, так и к Тисе, наиболее влиятельному в империи ее протагонисту. В канун Первой мировой войны перевес в борьбе за румын был на стороне Франца Фердинанда, что открывало новые пути для изменений дуалистической системы. Последняя попытка выдающегося венгерского политика прочнее интегрировать трансильванских румын в венгерское государственное пространство (а также в империю Габсбургов на основе сложившегося баланса сил в системе дуализма) и разрешить тем самым острейший из национальных вопросов Венгрии закончилась полным фиаско. Однако гибель Франца Фердинанда от пули сербского террориста положила конец и венским экспериментам по реформированию империи. С началом мировой войны решение румынского вопроса всецело зависело от соотношения сил и конечной победы на фронтах⁵⁷.

Партийно-политическая активность в Боснии и Герцеговине

В начале XX в. политический спектр Австро-Венгрии стал пополняться партиями, основанными в аннексированной провинции Босния и Герцеговина. Создание там политических партий было тесно связано и шло параллельно с развитием движений за культурную, школьную, религиозную автономию; в первую очередь это касается православной и мусульманской частей населения.

После 1901 г. общеимперский министр финансов Бенямин Каллай (Каллай) решил свернуть свою политику, направленную на формирование единой «боснийской нации», и разрешил трем этноконфессиональным группам создать свои культурные организации⁵⁸. Возможно, Каллай отказался от своей политики под давлением австрийских и венгерских Делегаций. Если раньше министру удавалось отстаивать необходимость существования «боснийского проекта», то в 1900 г. «великонемецкая» партия, в 1902 г. венгерская партия независимости, вместе с ними и пресса в обеих частях империи обрушились на Каллая с сильной критикой⁵⁹. В 1902 г. возникло сербское культурное общество «Просвјета» («Просвещение»), в 1903 г. мусульманское — «Gayret» («Усердие»), в 1904 г. — хорватское «Napredak» («Прогресс»). После смерти Каллая в 1903 г. новый министр финансов граф Иштван Буриан (1851–1922) продолжил курс на либерализацию политической деятельности в Боснии.

Первой оформившейся политической партией в Боснии была Мусульманская национальная организация (МНО). 3–4 декабря 1906 г. в Славонски-Броде по инициативе одного из мусульманских лидеров, Алибега Фирдуса (1860–1910), состоялось собрание мусульманских землевладельцев, на котором было объявлено о создании Мусульманской национальной организации. Один из авторитетных исследователей государственно-правового положения Боснии — Мустафа Имамович считает программой новой партии призыв мусульман к единоверцам собраться на съезд 10 декабря в Будапеште. На собрании в Славонски-Броде был избран исполнительный комитет со штаб-квартирой в Будапеште, его председателем назначили Алибега Фирдуса⁶⁰. Приоритетной задачей в программе было названо решение аграрного вопроса. При этом решение мусульмане видели в исполнении Саферской наредбы — аграрного закона, принятого еще в 1859 г. в рамках танзимата*. Мусульмане выступали за отмену десятины, за возвращение права на выпас, за использование общинных лесных угодий, за защиту землевладельцев и их прав. В программе МНО говорилось о введении общинного самоуправления, гражданских свобод и свободы объединяться в общественные организации — «чем остальной мир уже давно обладает». В документе мусульмане написали также о недопустимости того, что «иноверная немусульманская власть управляет нашей религией, религиозными потребностями и вакуфским (переданным на религиозные или благотворительные цели) имуществом так, как она хочет». МНО протестовала против покровительства иностранцам-колонизаторам, которые получают государственные земли и «превращают наших селян в бездомный городской пролетариат». Кроме того, недовольство присутствием иностранцев выразилось во фразе: «Все государственные предприятия, промышленность и система поставки находятся в руках иностранцев, в то время как нам в этом ставятся различные препоны». В программе мусульмане особо подчеркнули, что их деятельность не ведется по указанию сербов и не ведется в пользу в Сербии. МНО считала Боснию и Герцеговину частью Османской империи, которая только управляется Австро-Венгрией, уполномоченной Берлинским конгрессом⁶¹.

В начале 1907 г. по всей провинции были объявлены партийные выборы МНО, в которых участвовали около 130 тыс. мусульман. Во всех местностях были выбраны «миллетские отделения» МНО, направившие своих делегатов на первый общепартийный съезд в Будапеште 11 марта того же года. Больше 100 делегатов выбрали новый исполнительный комитет из 18 членов, которым было «доверено представлять мусульманский народ Боснии и Герцеговины по всем вопросам». Это признали члены областной вакуфской комиссии провинции, а затем и областное правительство. В последующем переговоры об условиях получения автономии вел именно исполнительный комитет МНО.

* *Танзимат* — период модернизационных реформ в Османской империи с 1839 по 1876 г.

Добившись такого признания, исполнительный комитет МНО развил активную деятельность в Будапеште. Например, там была создана Национальная канцелярия, которая смогла вызвать некоторый интерес венгерской общественности к мусульманскому вопросу, а оппозиционные венгерские политики стали использовать его в качестве аргумента в своей борьбе против имперской власти⁶².

В том же, 1907-м, летом, МНО стала управлять мусульманским культурным обществом «Gayret»: председателем его стал член исполнительного комитета МНО Махмуд-бег Фадилпашич (1854–1912).

После объявления аннексии Боснии и Герцеговины в октябре 1908 г. вопрос о религиозной автономии потерял свою актуальность. 15 апреля 1909 г. император-король Франц Иосиф подписал Статут об автономном управлении исламской религиозной и вакуфско-меарифской деятельностью в Боснии и Герцеговине⁶³.

Еще одна мусульманская партия оформилась незадолго до аннексии, хотя истоки она берет в том же движении за автономию — в этом случае больше за культурную. Деятели, которые поддерживали культурное развитие, основали первую мусульманскую газету «Behar», Мусульманский клуб, читальни, типографию, спортивное общество «El-Kamer». Кроме того, это они организовали общество «Gayret». Однако призывы «мусульман-прогрессистов» — как их называли современники — к просвещению и принятию западных ценностей оставляли равнодушными широкие слои общества, кроме жителей главного города провинции — Сараева. Часть мусульманской интеллигенции во главе с писателем Сафвет-бегом Башагичем пыталась провести переговоры с МНО в самом начале формирования МНО, однако представители обоих направлений национального движения не смогли договориться о тактике борьбы за автономию. Мусульманские интеллектуалы и чиновники в феврале 1908 г. провели начальные переговоры о создании своей партии. 24–26 августа 1908 г. в городке Тешня прошел первый организационный съезд Мусульманской прогрессистской партии (МПП; MNS — Muslimanska napredna stranka). Председателем комитета партии был избран Адем-ага Мешич, секретарем — Зийя-бег Джонглагич. МПП поддерживал и мэр Сараева Эсад Кулович. Партия имела сторонников в основном только в боснийской столице.

В Тешне партия приняла программу и решила издавать газету «Myslimanska svijest» («Мусульманское самосознание»). Своей целью МПП видела организацию всех слоев «нашего общества для борьбы и защиты, чтобы мусульмане в Боснии и Герцеговине сохранили веру, имя, общественное положение, индивидуальность». Что касается государственно-правового положения провинции, МПП выступала за сохранение статус-кво. Однако она была категорически против полной независимости Боснии и Герцеговины, считая, что в этом случае край станет частью Сербии или Черногории.

С помощью властей МПП просуществовала до 1911 г., пока не приняла программу Мусульманской национальной организации и не слилась с ней⁶⁴.

Один из признанных специалистов по австро-венгерскому периоду истории Боснии и Герцеговины — Фердо Хауптманн писал, что мусульманские лидеры не смогли сплотить мусульманское население края, превратив борьбу за автономию в догматический спор, а партии — в выразителей идей отдельных групп элиты⁶⁵.

Как и мусульмане, сербы так же столкнулись с проблемой объединения нескольких общественных групп. Однако эти группы появились уже после того, как сербы добились от австро-венгерского правительства церковно-школьной автономии в 1905 г. Наиболее видными представителями группы, которая вела борьбу за автономию, были Глигорие Евтанович и Воислав Шола. Второй по численности была группа из Мостара, выступавшая за идеи югославизма. В Баня-Луке действовали интеллектуалы во главе с Петаром Кочичем. Наименьшую по численности сербскую группу, чьим лидером был Лазар Димитриевич, поддерживали власти в Сараеве.

Человеком, который объединил два больших сербских лагеря, «отцов и детей» сербского движения Боснии и Герцеговины, историк Роберт Дониа считает Милана Сршкича⁶⁶. Родившись в Белграде в семье торговцев, переселенцев из Боснии, после возвращения семьи в Сараево отучился в православной церковной школе, а затем окончил юридический факультет Венского университета. В 1905 г., вернувшись в Боснию, женился на дочери Глигорие Евтановича и активно включился в борьбу за автономию. В мае 1907 г. при участии Сршкича лидеры двух самых многочисленных сербских групп, объединившись во временный комитет, приняли в Сараеве резолюцию о необходимости создания на демократической основе политической и экономической организации, которая бы боролась за полную автономию, гражданские свободы и конституцию. Эта цель могла быть достигнута только посредством совместной работы с мусульманскими братьями. Такая организация должна была быть создана на съезде делегатов со всей Боснии и Герцеговины.

Общеимперское министерство финансов, узнав о майской резолюции, потребовало от боснийского областного правительства принять меры против членов временного комитета. Однако местные власти не нашли подписание резолюции противоречащим ни уголовному праву, ни закону о печати. Однако правительство все же оштрафовало Сршкича.

В Сараеве 27–31 октября 1907 г. состоялся съезд сербов Боснии и Герцеговины, известный под названием «Митровданская скупщина». На заседаниях, проходивших в закрытом режиме, 71 делегат сформировал Сербскую национальную организацию (СНО) и принял ее программу. Наиболее дискуссионным был вопрос о сотрудничестве с мусульманами, однако в конце концов съезд решил заключить договор с исполнительным комитетом МНО и постараться «как можно дольше предотвращать разрыв с мусульманами»⁶⁷.

Граф Иштван Буриан уже после объявления о формировании сербской партии отметил на заседании общеимперских министров 1 декабря 1907 г.,

что объединение не опасно для монархии и что в ее интересах сотрудничать с православными сербами, которых на долгое время упустили из виду и к которым относились с недоверием. При этом, по мнению Буриана, от правительства требовалось создать возможности пропорционально выполнять требования всех трех групп, населяющих оккупированные территории, но сербам необходимо было учинить больше всего препятствий⁶⁸.

Подавляющее большинство сербской интеллигенции в Боснии и Герцеговине поддерживала хорватско-сербскую коалицию в Хорватии и Славонии. Однако Евтанович инструктировал редакцию «Сербского слова» в том ключе, что в Боснии невозможна поддержка сербов, участвующих в коалиции. Газете, писал Евтанович, нужно и дальше поддерживать Венгрию и венгров, потому что это соответствует интересам боснийских сербов. Евтанович призывал не разводить полемику, чтобы сохранить единство. С этой же целью он выступал за то, чтобы не переносить проблемы сербов Венгрии и Триединого королевства в боснийский дискурс. Но сербские интеллектуалы продолжали обсуждать разные подходы в борьбе за автономию и демократизацию. Единая Сербская национальная организация не развалилась благодаря схожему отношению боснийских сербов к аннексии. Однако дальнейшая работа в парламенте показала, что фактически СНО распалась на три самостоятельные партии⁶⁹.

В политическом движении боснийских католиков существовало два направления — либерально-гражданское и клерикальное. И каждое из них с самого начала организовало свои партии. Хотя возникновение хорватских партий Боснии и Герцеговины не было связано с движениями за автономию, процесс их формирования происходил одновременно с формированием МНО и СНО.

На встрече певческого общества «Влашич» в августе 1906 г. группа католической интеллигенции и крестьян решила создать культурную, экономическую и просветительскую организацию. Вдохновителем был юрист, заместитель мэра Сараева Никола Мандич (1869–1945). Тогда же был избран комитет из шести членов, куда в том числе попал и Мандич. Комитет разработал основные программные принципы будущей партии: Босния и Герцеговина — по этническому и государственно-правовому положению хорватские земли; край тяготеет к Хорватии в границах Габсбургской монархии; не допускается перенос идей сербо-хорватской коалиции на боснийскую землю; партия должна быть независимой и нейтральной по отношению к областному правительству, так как это не народное правительство. Кроме того, члены комитета выступали за определение отношений с сербами и мусульманами: мусульман называли «бесспорными хорватами», с мусульманами предлагалось заключить соглашение, с сербами надлежало поддерживать наилучшие отношения на основе «строгой взаимности». Однако католики высказывались резко против присоединения Боснии к другому балканскому государству.

В ноябре 1907 г. правительство одобрило принципы Хорватского национального союза (ХНС). В январе 1908 г. прошли выборы в центральный

комитет партии, 21–23 февраля прошел съезд, где была принята программа, а Мандич был избран председателем ЦК. В программу, помимо упомянутых принципов, вошли такие пункты, как скорейшая аннексия Боснии и Герцеговины Габсбургской монархией, а также сохранение единства с группой архиепископа Верхнебоснийского Йосипа Штадлера и сотрудничество с церковными иерархами. Идеолог создания ХНС Иво Пилар, осознавая малочисленность хорватского населения Боснии, писал, что нельзя опираться на конфессию как на главный принцип строительства нации, поэтому ХНС должен стать надрелигиозной партией. По словам Пилара, СНО смогла добиться сотрудничества с МНО потому, что мусульман пугает католическая пропаганда Штадлера⁷⁰. Как считали лидеры ХНС, хорватам следует стать демографически доминирующей группой, для чего мусульмане должны принять хорватскую идентичность⁷¹. Ахиллесовой пятой ХНС М. Имамович называл позицию по аграрному вопросу, точнее, отсутствие какой-либо позиции по такой актуальной для Боснии и Герцеговины проблеме⁷².

Архиепископ Верхнебоснийский Йосип Штадлер, понимая, что не может возглавить ХНС, решил основать свою партию. Решение об этом было принято в дни объявления аннексии, в октябре–ноябре 1908 г., в ходе консультаций с императором-королем Францем Иосифом и австрийскими христианскими социалистами, в первую очередь с их главой Карлом Льюегером и редактором их официальной газеты «Reichspost» Фридрихом Фундером. Также Штадлер советовался со словенскими клерикалами Антоном Бенавентурой Йегличем, Иваном Суштеричем и Янезом Евангелистом Креком. Однако до мая 1909 г. Штадлер не оставлял надежды взять управление ХНС в свои руки: архиепископ вел переговоры с Мандичем, предъявлял ультиматум ЦК ХНС, пытался отстранить Мандича от руководства и выиграть у него выборы. 21 мая 1909 г. ЦК ХНС принял решение не иметь в будущем дела с архиепископом. С этого момента Штадлер начал формирование своей политической организации — 25 июля 1909 г. на встрече в Верхнебоснийском ординариате Римско-католической церкви была организована Хорватская католическая уния (ХКУ; НКУ — Hrvatska katolička udruga). Об этом сообщалось в специальном послании священникам, учителям и видным деятелям хорватской общественности. Тем летом ХКУ предприняла в своей печати — газетах «Hrvatski dnevnik» («Хорватский дневник») и «Vrhbosna» («Верхняя Босния») — акцию против ХНС. Однако тогда ХКУ еще не была полноценной политической партией. Съезд, на котором было объявлено о создании партии, состоялся 18 января 1910 г. в Сараеве. Тогда же партия приняла свою программу, основанную на программе Хорватской партии права Анте Старчевича. ХКУ — «политическое, культурное и социальное объединение, защищающее интересы хорватской нации», — однозначно поддержала свершившуюся аннексию и выразила желание стать частью триалистической монархии Габсбургов: чтобы все хорваты, живущие в Хорватии, Славонии, Далмации, Риеке, Которе, Междумурье, Боснии и

Герцеговине, Истрии, объединились в одно государство в границах монархии Габсбургов. Кроме того, в программе утверждалось, что партия будет работать на укрепление христианской морали, просвещение католиков, улучшение культурной, экономической и социальной сфер жизни хорватов, а также на введение конституционных свобод и курии рабочих⁷³.

Таким образом, основные партии в Боснии и Герцеговине были сформированы на конфессиональной основе: каждая партия видела своей целью обеспечение прав своей этноконфессиональной группы.

Единственной политической партией, которая сделала попытку уйти от религиозного принципа, была социал-демократическая партия. Ее история была связана с последствиями промышленного развития в оккупированных провинциях — рабоче-профсоюзным движением. К концу австро-венгерской оккупации количество рабочих в Боснии и Герцеговине достигло 100 тыс. человек.

Первыми, еще в 1891 г., стали организовываться работники типографии, затем, через пять лет, свое общество основали железнодорожники. Весной–летом 1905 г. в борьбу за улучшение своего социально-экономического положения включились пекари, строители, кузнецы, работники ткацких, табачных, обувных фабрик и др. 27 августа 1905 г. на встрече рабочих было образован Главный рабочий союз. Тогда же рабочие приняли резолюцию и передали ее областному правительству. В документе делегаты просили разрешить собрания и просветительские конференции. Австро-венгерские власти, слыша о событиях Первой русской революции (1905–1907), позволили создать рабочие организации в Боснии и Герцеговине, но только с экономическими и социальными целями. В сентябре 1905 г. Главный рабочий союз и шесть профсоюзов передали свои уставы местным властям на утверждение. Поскольку правительство никак не отреагировало на эти документы, рабочие в мае 1906 г. устроили забастовки по всему краю. После этого правительство утвердило устав организаций и разрешило собрания. Из этого рабоче-профсоюзного движения возникла Социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины (СДП БиГ). 27 декабря 1908 г. было принято решение о необходимости ее создания и принятия в качестве основного документа Хайнфельдской программы Социал-демократической партии Австрии. В ней отражались основные марксистские положения: уничтожение капиталистического строя, установление социалистического порядка, при котором средства производства будут принадлежать всему обществу, а также провозглашался принцип пролетарского интернационализма и полного равноправия наций. В программе также говорилось об освобождении кметов без откупа, о самоопределении и самоуправлении наций на всех уровнях, о всеобщей избирательной системе, в том числе для женщин. СДП также решила бороться за полную независимость школы от церкви, бесплатную медицинскую помощь, прогрессивный налог, отмену косвенных налогов. Что касается рабочего права, в программу СДП БиГ входили такие пункты, как установление нормированного 8-часового

рабочего дня, запрет детского труда, запрет ночного труда (кроме самого необходимого), 36-часовой отдых каждую неделю, запрет платить зарплату кроме как деньгами, страхование для рабочих и т.д.

В середине января 1909 г. был сформирован временный комитет СДП БиГ. 7 марта того же года состоялись первые съезды партии в разных городах. Официальный печатный орган партии — «Голос свободы» — стал публиковаться с конца апреля 1909 г.⁷⁴

Одной из отличительных черт СДП Боснии и Герцеговины были ее связи с социал-демократами Австро-Венгрии и Сербии и интернациональный состав партии. В 1911 г. членами СДП БиГ были 350 сербов и хорватов, 160 словенцев, 100 итальянцев, по 60 — немцев и венгров, 15 чехов и 50 представителей других народностей⁷⁵.

Тем не менее даже в рабочем движении этноконфессиональные группы Боснии и Герцеговины основали свои общества, но они существовали вне СДП БиГ. Такими объединениями были Организация рабочих хорватов, Исламская рабоче-ремесленническая ассоциация «Свобода» («Hurijet»), Сербская ремесленническая ассоциация⁷⁶.

Примечания

- ¹ Politické strany na Slovensku, 1860–1989. Bratislava, 1992. S. 474.
- ² Kleindel W. Österreich: Daten zur Geschichte und Kultur. Wien, 1978. S. 295.
- ³ Der Kampf. 1911. VII. S. 395. Цит. по: Bader E. Christliche Sozialreform Beiträge zur Sozialphilosophie in einer veränderten Welt. Wien, 1991. S. 70.
- ⁴ Löw R. Der Zerfall der "Kleinen Internationalen". Nationalitätenkonflikte in der Arbeiterbewegung des alten Österreich (1889–1914). Wien, Ю 1984. S. 97.
- ⁵ Ibid. S. 112.
- ⁶ Ibidem.
- ⁷ Vodopivec P. Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2006. S. 153.
- ⁸ Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana, 1973. S. 305.
- ⁹ Подробнее см.: Gantar Godina I. Masaryk in masarikovstvo pri slovincih. Ljubljana, 1987.
- ¹⁰ Socialistično gibanje v Sloveniji 1869–1920 // Zgodovinski arhiv Komunistične partije Jugoslavije. Beograd, 1951. T. 5. S. 201–203.
- ¹¹ Cankar I. Dela. Zv. VI. Ljubljana, 1985. S. 312–323.
- ¹² Velké dějiny země Koruny české. Sv. XII.b. 1890–1918. Praha; Litomyšl, 2013. S. 216–222.
- ¹³ Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu. 1861–2004. Brno, 2005. I. díl: Období 1861–1938. S. 171.
- ¹⁴ Ibid. S. 335.
- ¹⁵ Velké dějiny země Koruny české. Sv. XII.b. 1890–1918. Praha; Litomyšl, 2013. S. 222.
- ¹⁶ Politické strany na Slovensku. S. 220.
- ¹⁷ Полтавский М.А. Краткая история Австрии: пути государственного и национального строительства. М., 1994. С. 137.
- ¹⁸ Булахтин М.А. Между политикой и моралью: краковские консерваторы в начале XX века. Пермь, 2006. С. 152.
- ¹⁹ Исламов Т.М. Политическая борьба в Венгрии в начале XX в. М., 1959. С. 160.
- ²⁰ См.: Micsi F. Kristóffy — Garami paktum. A Magyarországi szociáldemokrata párt taktikája az 1905–1906. évi politikai válság időszakában. Budapest, 1970.
- ²¹ Politické strany na Slovensku. S. 96.
- ²² Ibid. S. 97–98.
- ²³ Данилець Ю. Православна церква на Закарпатті у першій половині XX століття. Ужгород, 2009. С. 58–78.
- ²⁴ См.: Крестич В., Љушић Р. Програми и статуті српских политичких странака до 1918. године. Београд, 1991. С. 401–402.
- ²⁵ Крестич В. Срби у Угарској. 1790–1918. С. 425.
- ²⁶ Микавица Д. Михаило Полит-Десанчић. Вођа српских либерала у Аустро-Угарској. Нови Сад, 2007. С. 311.
- ²⁷ Крестич В. Срби у Угарској. 1790–1918. С. 429.
- ²⁸ Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. 1842.–1914 / Priredili T. Cipek, S. Matković. Zagreb, 2006. S. 297–686; Cipek T., Vrdečić J. Hrestomatija liberalnih ideja u Hrvatskoj. Zagreb, 2004. S. 229–304; Крестич В., Љушић Р. Програми и статуті српских политичких странака до 1918. године. Београд, 1991. С. 95–100, 149–150, 157–160, 217–242, 263–278, 331–334, 433–434; Istorijski arhiv Komunističke partije Jugoslavije. Beograd, 1950. T. IV. S. 9–189; Историјски архив Комунистичке партије Југославије. Београд, 1951. Т. VI. С. 117–218.
- ²⁹ Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. S. 485.
- ³⁰ Ibid. S. 470.
- ³¹ Ibid. S. 495.
- ³² Ibid. S. 498.
- ³³ Подробнее см.: Романенко С. А. СССР и Югославия: между «пролетарским интернационализмом» и

- «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г. М., 2011. С. 37–141.
- ³⁴ Programatski dokumenti hrvatski političkih stranaka i skupina. S. 556.
- ³⁵ Ibid. S. 638.
- ³⁶ Писарев Ю.А. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905–1914. М., 1962. С. 12–87; История Венгрии. Т. II. С. 361–404; Gross M. Vladavina hrvatsko-srpske koalicije, 1906–1907. Beograd, 1960. S. 5–11; Lovrenčić R. Geneza politike "novog kursa". Zagreb, 1972; Milutinović K. Vojvodina i Dalmačija, 1760–1914. Novi Sad, 1973. S. 356–361.
- ³⁷ См.: Ibler J. Hrvatska politika. Druga knjiga: 1904–1906. Zagreb, 1914–1917. S. 372–373, 389–390; Крестич В., Љушић Р. Програми и статуті српских политичких странака до 1918. године. Београд, 1991. С. 331–334.
- ³⁸ См., например: Записка члена югославянского комитета в Лондоне Мандича // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 285. Л. 11–12.
- ³⁹ Там же. Л. 12–13.
- ⁴⁰ Программные документы см.: Србобран. 1907. (8)21 IX; 22 IX (5 X). (16)29 X; 18(31) X. Также см.: Нови србобран. 1905. 30 IV (13 V); Србобран. 1911. 7(20) IV; 26 IV (9 V).
- ⁴¹ См.: Крестич В., Љушић Р. Програми и статуті. С. 231–236.
- ⁴² Подробнее см.: Историја српског народа. Београд, 1986. Књ. IV. Т. 1. С. 264; Чизмадиа А., Ковач К., Асталош Л. История венгерского государства и права. М., 1986. С. 224.
- ⁴³ Застава. 1910. 18(31) XII.
- ⁴⁴ Књижица за чланове српске народне радикалне странке (са програмом странке и правилником о организацији). У Новоме Саду, 1907; Ракић Л. Радикална странка. (1902–1919). С. 7–26.
- ⁴⁵ Застава. 1913. 30 III (12 IV); 3(16) IV; 13(26) IV; 22 IV (5 V).
- ⁴⁶ Ср.: Књижица за чланове српске народне радикалне странке; Program i pravilnik HSP.
- ⁴⁷ Књижица за чланове српске народне радикалне странке. С. 12
- ⁴⁸ Supilo F. Politika u Hrvatskoj. Zagreb, 1953. S. 260.
- ⁴⁹ Књижица за чланове српске народне радикалне странке. С. 16.
- ⁵⁰ См.: Исламов Т.М. Политическая борьба в Венгрии накануне Первой мировой войны. 1906–1914. М., 1972.
- ⁵¹ См.: Soroștineanu V. Viața religioasă și sentimentul religios la românii ortodocși din Transilvania (1899–1916). Sibiu, 2004.
- ⁵² См.: Стыкалин А.С. Дунайские проекты Оскара Яси // Вопросы национализма. 2014. № 19. С. 189–204.
- ⁵³ См.: Шимов Я.В. Планы эрцгерцога Франца Фердинанда по преобразованию Австро-Венгрии: утопия или нереализованная возможность? // Славяноведение. 2010. № 4. С. 11–20.
- ⁵⁴ См.: Hitchins K. The nationality problem in Austria-Hungary: Alexander Vaida's reports to Francis Ferdinand's Chancellery. Leiden, 1974.
- ⁵⁵ См.: Maior L. Mișcarea națională românească din Transilvania, 1900–1914. Cluj-Napoca, 1986.
- ⁵⁶ Из литературы см.: Păcurariu M. Politica statului ungar față de biserica română din Transilvania, 1900–1914. Cluj-Napoca, 1986.
- ⁵⁷ См.: May A.J. The passing of the Habsburg Monarchy 1914–1918. Philadelphia; London, 1966. Vol. 1–2; Galántai J. Hungary in the First World War. Budapest, 1989.
- ⁵⁸ Donia R. Sarajevo. A biography. London, 2006. P. 101.
- ⁵⁹ Hauptmann F. Predgovor // Borba Muslimana Bosne i Hercegovine za vjersku i vakufsko-mearifsku autonomiju. Sabrao i uredio. Sarajevo, 1967. S. 33 (Građa za proučavanje političkih, kulturnih i socijalno-ekonomskih pitanja

- iz prošlosti Bosne i Hercegovine (XIX i XX vijek). T. III).
- ⁶⁰ *Imamović M.* Pravni položaj i unutrašnje politički razvitak BiH od 1878–1914. Sarajevo, 1997. S. 136–137.
- ⁶¹ Dokument No 198. Poziv, upućen sa sastanka muslimanskih prvaka u Slav. Brodu, svi, a istomišljenicima da dođu na sastanak u Budimpeštu 10. decembra // *Borba Muslimana Bosne i Hercegovine*. S. 427–430.
- ⁶² *Imamović M.* Pravni položaj i unutrašnje politički razvitak BiH. S. 138.
- ⁶³ Ibid. S. 138–148.
- ⁶⁴ Ibid. S. 174–181; *Donia R.* Sarajevo. A biography. P. 102–103; *Filandra Š.* Bošnjačka politika u XX stoljeću. Sarajevo, 1998. S. 22–32.
- ⁶⁵ *Hauptmann F.* Predgovor. S. 38.
- ⁶⁶ *Donia R.* Sarajevo. A biography. P. 103–104.
- ⁶⁷ *Imamović M.* Pravni položaj i unutrašnje politički razvitak BiH. S. 149–161.
- ⁶⁸ Ibid. S. 163.
- ⁶⁹ Ibid. S. 165–166.
- ⁷⁰ Ibid. S. 169.
- ⁷¹ *Donia R.* Sarajevo. A biography. P. 104.
- ⁷² *Imamović M.* Pravni položaj i unutrašnje politički razvitak BiH. S. 170.
- ⁷³ Ibid. S. 171–173; *Donia R.* Sarajevo. A biography. P. 105.
- ⁷⁴ *Šarac N.* Sindikalni pokret u Bosni i Hercegovini do 1919 godine (Hronika). Sarajevo, 1955. S. 58–113; *Hadžibegović I.* Postanak radničke klase u Bosni i Hercegovini i njen razvoj do 1914. godine. Sarajevo, 1980. S. 309–336.
- ⁷⁵ *Šarac N.* Sindikalni pokret u Bosni i Hercegovini. S. 113.
- ⁷⁶ *Hadžibegović I.* Postanak radničke klase u Bosni i Hercegovini. S. 344–353.

Парламентское измерение партийной работы

Центральные и провинциальные парламентские структуры Австрийских земель

Австро-венгерское соглашение 1867 г. открыл новый период в истории империи. Конституция 1867 г. предполагала самостоятельность парламентской жизни каждой из половин империи — Австрийской (Цислейтании) и Венгерской (Транслейтании). Существование различных парламентов создавало впечатление двух государств; монархия объединяла прежде всего общие внешнеполитические институты, дипломатию, армию и флот, внешнеторговые связи. Во внутренних делах обе половины империи сохраняли полную самостоятельность, будучи обязанными руководствоваться общими принципами экономического свойства: таможенный и торговый договор, заключенный еще в 1850 г., предполагал единообразие в системе косвенных налогов и т.д. Было решено, что торговые и таможенные договоры между обеими частями монархии заключаются на десять лет, такой же срок имел и финансовый договор, определявший долю участия в общих расходах каждой стороны. Решение о продлении всех договоров принадлежало парламентам обеих стран, в случае их несогласия посредником мог выступить император.

«Центральную» власть представлял император, в ведении которого находилась армия и дипломатия, и три министра по общим делам монархии: министр иностранных дел, военный министр и министр общих финансов. Министры были поставлены под парламентский контроль, но так как парламента было два, то из их среды — в каждом из них — ежегодно выбиралась комиссия в составе 60 человек (20 от верхней палаты и 40 от нижней). Эти комиссии назывались делегациями, они заседали попеременно то в Вене, то в Будапеште; при всем том они не образовывали одной команды и даже общались между собой лишь письменно. Делегации обычно вотировали общие расходы, определяли их сумму и пропорцию вносимых обеими частями империи взносов на предстоящие десять лет. Так было определено, что в 1867–1897 гг. Австрия вносила 70%, Венгрия — 30%, а с 1897 г. — 66% и 34% соответственно. Вычисления производились на основе экономического развития областей.

Тем временем парламентское строительство продолжалось. В декабре 1867 г. Австрия (Цислейтания) получила Конституцию, составленную из нескольких основных законов: об имперском представительстве, об общих правах граждан, о судебной власти и об осуществлении правительственной и исполнительной власти. Парламент был составлен из двух палат — верхней («палата господ») и нижней («палата депутатов»). В верхнюю палату входили совершеннолетние принцы Габсбургского дома, главы аристократических фамилий, обладавших крупными землевладениями в любой австрийской земле, архиепископы больших епархий и епископы из княжеских фамилий; наконец, люди разных сословий, пожизненно назначаемые императором члены палаты за заслуги на государственной службе и в области науки и искусства. Палата не имела права законодательной инициативы и лишь утверждала решения нижней палаты. Отказаться от предложенного депутатами решения она могла, лишь возвратив законопроект целиком, не имея права на детальные поправки. Палата могла все же задерживать законопроекты, затягивая обсуждение и т.д., но решающего влияния на процесс законотворчества она не имела.

Деятельность парламента, его истинная роль в жизни страны определялись работоспособностью палаты депутатов. Главные задачи парламента состояли в: а) утверждении бюджета; б) контроле работы административных органов; в) законодательном творчестве. Правительство было обязано ежегодно представлять на обсуждение парламентариев бюджет, оно не имело права на не утвержденные парламентом расходы и новые налоги. Контроль административного управления осуществлялся при помощи запросов депутатов к министрам, более того: палата могла формировать комиссии для изучения деятельности административных органов, и министры обязаны были отчитываться перед этими комиссиями. Парламент имел право предать любого министра специально сформированному по этому случаю суду — государственной судебной палате, составленной из шести членов палаты депутатов и шести членов палаты господ. Право законодательства принадлежало — по всем общим для всех частей империи вопросам — исключительно парламента. Областные вопросы регламентировались местными ландтагами.

Правительство, глава которого и министры фактически назначались императором, находило способы избежать прямого контроля парламента. Первый заключался в маневрах вокруг необходимости ежегодно созывать парламента: правительство имело право переносить сроки его заседания и в нужных для себя случаях охотно к этому прибегало. Правительству разрешалось пользоваться §14 Конституции, разрешающим издавать (срочные, необходимые в известных случаях) распоряжения в отсутствие парламента — на основании простого императорского указа. В сущности, это приводило к антиконституционной практике: сроки заседаний несогласного с правительственными предложениями парламента переносились или он вообще распускался. Однако серьезное препятствие

для нормальной работы и демократического развития парламента заключалось во «внутренней» его жизни.

Система выборов в парламента оставалась еще несколько лет после австро-венгерского соглашения (1867–1873 гг.), если можно так выразиться, «феодальной». Члены палаты депутатов делегировались в рейхсрат от земельных (областных) ландтагов из числа их депутатов. Ландтаги в то время формировались избирателями трех, иногда четырех кури: богатейших землевладельцев, городов, торговых палат, а также сельских общин. В первой — обычно аристократы, дворяне. В землях Богемии, Моравии и Силезии существовала градация в этой курии: здесь прописывалось различие между аристократическим землевладением и имением, которое мог унаследовать лишь один член семьи, затем шли кадастровые имения разной величины. Первые, разумеется, имели все преимущества. В Форарльберге, где не было богатых собственников земли такого рода, этой курии вообще не было, так что демократические принципы были местному населению более понятны и им легкоусвояемы. В Далмации место латифундистов занимали богатые налогоплательщики. В Тироле богатый землевладелец должен был быть дворянином или священнослужителем, чтобы попасть в ландтаг. Как и в верхней курии, в сельских общинах избирателями становились люди наиболее обеспеченные — по крайней мере, платящие 10 гульденов прямого налога, — что давало явное преимущество немецкой части населения. Кайзер и столичные политики были озабочены прежде всего тем, чтобы сохранить немецкий «перевес». «Национальные» показатели в 1867 г. были таковы (для всей империи): 47% славян, 24% немцев, 20% венгров.

Развитие правового государства, каким провозглашала себя Австрия, становилось невозможным без хотя бы минимальной демократизации избирательного права. Кроме того, Вену раздражала известная зависимость от ландтагов, хотя император сохранял за собой право как созывать их, так и распускать. Реформа избирательного права предполагала ликвидацию «промежуточного звена» делегатов ландтагов.

В феврале 1873 г. был принят новый избирательный закон: отныне депутаты рейхсрата должны были избираться напрямую, а не через ландтаги. Кроме того, число депутатских мест было увеличено с 203 до 355; при этом произошло некоторое их перераспределение. Было увеличено (на 6%) представительство городов и торговых палат, уменьшена (на 2%) доля сельских общин, доля крупных землевладельцев также уменьшена (на 4%). Буржуазия медленно разворачивалась для дальнейшего наступления. Разумеется, это был совсем маленький шаг по пути демократизации: избирательное право оставалось за людьми, платящими налог в 10 гульденов (20 крон) — их число составляло 6% населения Цислейтании¹. В 1882 г. имущественный ценз избирателей понижается до 10 крон, в начале 1896 г. — до 8 крон. Успехи экономического и общественного развития вынуждают правящие круги идти дальше по пути уступок: в июне 1896 г. кайзер утверждает новую

избирательную реформу. Отныне все австрийские граждане — мужчины, достигшие 24 лет, независимо от доходов получают избирательное право. Число депутатов рейхсрата увеличилось с 355 до 425. При всем том сохранялась куриальная система: все новые избиратели составили дополнительную — пятую — курию. Прежнее неравенство избирателей сохранялось: например, 85 депутатов представляли интересы немногим более чем 5 тыс. крупных землевладельцев и только 72 депутата были избраны 5,5 млн избирателей пятой курии².

Расширение избирательного права создавало новые парламентские возможности для славянских народов Цислейтании и в то же время несло угрозу немецкому большинству в рейхсрате. Наиболее дальновидные австрийские (немецкие) политики, однако, видели в расширении избирательного права залог «окультуривания» межнациональной борьбы, способной — в условиях возрастающего напряжения — принять крайние формы. Получилось так, что на протяжении полувека существования Австро-Венгрии работа ее парламента — в разные периоды с различной интенсивностью — определялось состоянием межнациональной борьбы.

Внешне история парламента делится на два неравных периода: а) укрепления, торжества и нисхождения либерализма и б) сплочения всех («снизу и сверху») консервативных сил, их утверждения во внутренней и внешней политике страны. Следует отметить, что в момент образования дуалистического государства мнения парламента никто не спрашивал; соглашение Австрии и Венгрии лишь было объявлено парламентам, который был обязан привести Декабрьскую конституцию 1867 г. в соответствие с новыми обстоятельствами. Правительство по-прежнему оставалось зависимым от императора, он один мог его сменить или оставить, даже если в парламенте оно вызывало совершенное несогласие.

Первые годы существования дуалистической монархии прошли под знаком либеральных успехов режима: даже правительства, находившиеся под руководством аристократов, проводили либеральный курс. Первым аристократом, возглавившим «буржуазное правительство» (такое наименование оно получило у венской общественности), был Карл Ауэрсперг, продержавшийся в роли министра-президента в 1867–1868 гг. Либералы были последовательными централистами, считавшими невозможным отступление от жесткого принципа, включая простое обсуждение «федералистских» проектов. Кабинет разработал принятые императором законы о всеобщей воинской повинности и об организации широкой сети народных школ. Правительству удалось также утвердить положительный бюджет. Выступление некоторых министров за переговоры с партиями, не во всем одобряемыми Конституцию, послужило причиной падения правительства. Сменивший К. Ауэрсперга на посту премьера граф Эдуард Тааффе, продержавшийся чуть более года, был сторонником некоторых уступок чехам, требования которых становились все более решительными. Имея большое число мест в рейхсрате, они были способны, при помощи своей «политики отсутствия»,

т.е. игнорирования заседаний, приостанавливать парламентскую жизнь. Тааффе считал возможным соглашение и с польскими консерваторами-националистами по вопросу предоставления автономии Галиции. Галицийский вопрос был решен в 1871 г., — уже другим правительством в пользу поляков (об украинских интересах не было речи), но об уравнивании чешского языка с немецким в Богемии и Моравии до сих пор не было позволено всерьез говорить в парламенте.

Отличительной чертой всего либерального периода жизни рейхсрата была непрерывная министерская чехарда. В 1871 г. пост министра-президента занял граф Карл Гогенварт, считавший, что решение национального вопроса будет успешным лишь на федералистском пути. В его кабинете было два министра-чеха: Карл Хабетинек, министр юстиции, и Иосиф Иречек — народного образования. Осенью 1871 г. казалось, что сам император склоняется к серьезному признанию чешских прав, сформулированных в «Фундаментальных статьях». Либеральные централисты, представленные в парламенте немецкими буржуазными националистами, добились, однако, отставки премьера. Было сформировано второе «чисто либеральное» правительство во главе с Адольфом (братом Карла) Ауэрспергом. Оно продолжило и успешно завершило антиклерикальную борьбу прежних лет либерализма и приняло ряд законов, вытекавших из односторонне отмененного императором Конкордата (1855 г. ?). Было урегулировано правовое положение католической церкви и монастырей, законодательно признаны некатолические религиозные объединения. Была проведена строгая централизация школьного дела, введено всеобщее обязательное обучение. Вместе с созданием надконфессиональной школы (преподавание религии оставалось — по выбору) вводились так называемые «реальные предметы»: естественная история, краеведение, физкультура, ручной труд. Народное образование шло, таким образом, в ногу с «духом времени». Кабинет А. Ауэрсперга продержался восемь лет, что само по себе уже необычайный успех. Это было временем расцвета либерализма.

Тогда же проявились первые признаки начинающегося кризиса, а затем и упадка этого политического направления. После краха Венской биржи 1873 г., с которого начался невиданный до того экономический кризис, все «буржуазное» вызвало отторжение общественного мнения. Либеральный централизм, проявившийся в возмущении либеральных депутатов против оккупации Боснии и Герцеговины, прогневил и самого императора. Возражение между тем высказывалось из-за «охранительного» опасения увеличить число славянских подданных монархии, число которых и без того превышало немецкое население страны. Кабинет младшего Ауэрсперга пал, что подвело черту под почти тринадцатилетней историей австрийского либерализма. На выборах в парламент 1879 г. либералы потерпели поражение, от которого не смогли оправиться до конца существования Австро-Венгрии. Парламентская борьба выдвинула на политическую авансцену их «правых»

(католические консерваторы) и левых (социал-демократы) противников. Главой сформированного в 1879 г. правительства вновь после 1869–1870 гг. стал призванный императором мастер компромиссов Эдуард Тааффе. Он создал первое в истории Австрии коалиционное правительство из бывших противников. Два либеральных политика получили министерские портфели: барон фон Корбвайденхайм стал министром торговли, барон фон Чертек — финансов. Министерство образования было отдано беспартийному барону фон Айбесфельду. Моравский адвокат старочех Алоис Пражак вскоре стал министром юстиции. Кабинет проявил серьезную работоспособность, приняв ряд необходимых мер для достижения стабильности, но обсуждение вопроса о двуязычном (немецком и чешском) ведении официальных дел опять взорвало рейхсрат. Богемский ландтаг разработал в конце 1879 г. «Памятную записку» для венского парламента, содержащую требование двуязычного делопроизводства.

В апреле 1880 г. были приняты постановления в духе главных требований «Записки». Они, в сущности, лишь конкретизировали положение действующей Конституции о равноправии национальностей империи, но вызвали сопротивление немецких депутатов. Тааффе, однако, не отступал, хотя ему пришлось под давлением правых отчасти реорганизовать кабинет, выведя оттуда последних либералов. В 1882 г. в Пражском университете, бывшем до того немецким, были образованы чешские факультеты. Это означало создание собственно чешского университета; кроме того, было основано два чешских технических высших учебных заведения, чешская Академия наук. Парадоксальным образом эти меры не только не привели к примирению сторон, но усилили противостояние. Национальные движения радикализировались.

Реформа 1882 г., давшая право голоса «пятигульденовым» гражданам, привела в парламент посланцев широкого слоя новых избирателей: в городе их число увеличилось на 34%, в сельских общинах — на 26%³. Рабочие еще не получили права голоса, но мелкая буржуазия, пришедшая в политику, послужила массовой базой крайне националистических организаций. (Об этом уже говорилось выше). Чешское национальное движение как главная антитеза немецкого шовинизма в Цислейтании развивалось дальше от «охранительного» австрославизма к идее чешского самостоятельного государства. Тааффе ушел в 1893 г. в отставку как политик, «слишком дружелюбный в отношении славян». На некоторое время вернулась министерская чехарда.

Центральная — но по-прежнему централизаторская — власть вынуждена была отступать. Новый премьер Казимир Бадени (1895–1897) принял «языковые» установления, обязывающие чиновников в Богемии равно владеть немецким и чешским языками (на обучение чешскому давалось три года) и вести двуязычную документацию. Именно эти установления привели к отставке К. Бадени. Он успел, однако, провести очередную избирательную реформу, согласно которой все мужчины от 24 лет незави-

симо от доходов могли отныне избирать ландтаги и парламент. Как уже говорилось, новые избиратели составили пятую курию. По-настоящему демократическое избирательное право, всеобщее, было введено вместе с отменой курий — прямое — лишь в 1907 г. Впрочем, женщины еще не допускались на выборы: их право было объявлено лишь Законом 1918 г., в постимперской Австрии. В марте 1897 г. был избран парламент согласно Закону 1896 г. Новые избиратели проявили недовольство либерализмом: немецкая либеральная партия получила лишь 47% голосов (вместо прежних двух третей). Выиграли избирательную кампанию консерваторы — христианские социалисты и социал-демократы. В ноябре по воле императора Бадени был заменен бароном Паулем Гаучем, который уже в марте 1898 г. уступил свое место графу Францу Тун-Гогенштайну. До начала 1900 г. сменилось еще два премьера, и лишь возглавивший правительство в январе наступившего года Эрнест фон Кёрбер продержался до конца 1904 г., т.е. почти пять лет. Э. фон Кёрбер, осознавая разрушительное действие национальных противостояний, решил уделить особое внимание экономической области общественной жизни, в которой можно было бы, по его мнению, найти пункты тесного соприкосновения и согласия. Некоторое время казалось, что здесь возможны удачные решения, но растущая радикализация национальных движений обнаружилась совершенно четко. Кёрбер старательно разрабатывал поэтапный «план примирения», предложил «Основные принципы» соглашений (октябрь 1902 г.) и даже созвал специальную конференцию по этому поводу. 20 января 1903 г. немецкие и чешские участники ее в жестких спорах сорвали конференцию. Это сказалось и в парламенте, где спорщики вновь прибегли к обструкции⁴. Экономические трудности были связаны, кроме всего прочего, с задержкой продления хозяйственных договоров с Венгрией. Цислейтанские славяне, прежде всего чехи, считали унижительным для себя зависеть от несговорчивости венгров. Вена постоянно отступала, соглашаясь на всё более благоприятные для Венгрии таможенные тарифы на продукты сельского хозяйства⁵. Противоречия в парламенте — между фракциями и в отношении правительства, обструкции вперемежку с краткими соглашениями приводили к параличу рейхсрата. В 1903 г. состоялось лишь десять заседаний парламента, в 1904 г. — всего два. Осенью 1904 г. Кёрбер предложил более взвешенную экономическую программу, но депутаты пренебрегли ее рассмотрением для продолжения бесконечных национальных споров. Премьер вынужден был уйти в отставку в декабре 1904 г. Другие его министры еще оставались. «Депутатами вовсе не руководило намерение избавить парламентаризм от диктатуры правительства, — пишет Хёбелт, — скорее, они имели в виду получить слабое правительство, чтобы легче его прессовать или даже прийти к партийному правительству с принципами, удобными для них»⁶. Однако новый премьер Гауч явился человеком «сильной руки», предпочитавшим управление при помощи чрезвычайного закона (§ 14).

Парламентское представительство словенцев

Первые парламентские выборы 1861 г. в словенских землях характеризовались недостаточной организованностью словенского национального движения; во многом они напоминали выборы 1848 г. Еще не было политических партий, направлявших предвыборную борьбу и проводивших агитацию. Кандидаты по большей части выдвигали себя сами. Тогда в австрийский рейхсрат было избрано 6 словенских депутатов, среди них три словенца⁷.

Рубежом в политической истории словенцев стали выборы 1867 г. На них словенские национальные деятели впервые выступили организовано: были созданы избирательные комитеты (в Крайне и Штирии), сформулирована предвыборная программа, выдвинут список кандидатов, развернута активная агитация в словенской прессе. С тех пор все больше применялись современные средства предвыборной борьбы. Важнейшими особенностями политической жизни в словенских землях, начиная с этого времени вплоть до 1914 г., стали укрепление национального самосознания и национальных требований, политическая дифференциация, что, безусловно, нашло отражение в партийной и национальной борьбе во время избирательных кампаний и в рейхсрате. В. Мелик вполне правомерно выделяет три периода в истории словенско-немецкой предвыборной борьбы в Австро-Венгрии, исходя как из общей политической ситуации в монархии, так и из специфики развития словенского национально-политического движения⁸.

В первый период, охватывавший 1860-е — 1870-е гг., у власти находились немецкие либеральные правительства, правительственный аппарат ставил препоны словенцам и оказывал помощь на выборах немцам, вплоть до того, что чиновников вынуждали голосовать против словенцев⁹. Избирательные округа старались определить так, чтобы словенцы не имели в них большинства. Особенно жестким было немецкое давление в Штирии и Каринтии. В словенских землях друг другу противостояли тогда два политических лагеря — немецкая Конституционная партия, поддерживавшая правительство и выступавшая с либеральными, антиклерикальными лозунгами, и Словенская партия, более консервативная и находившаяся в оппозиции к правящему режиму (немцы характеризовали ее как «национально-клерикальную»). В это время ширился процесс национального самоопределения (немецкого и словенского), многие словенцы перешли в немецкий лагерь. В предвыборной борьбе немцы в большинстве случаев выступали единым фронтом и выдвигали общих кандидатов. Несмотря на то что введение в 1873 г. прямых выборов было выгодно словенцам, раскол между старолибералами и младолибералами в 1870-е гг. ослаблял позиции словенского национального движения и являлся одной из причин неудач словенцев на выборах. Старословенцы и младословенцы впервые выступили с отдельными списками во время выборов в рейхсрат в 1873 г., и в

итоге от словенцев туда попало всего восемь депутатов. Это был худший результат парламентских выборов для словенцев¹⁰, впоследствии таких провалов удавалось избегать.

Второй период охватывает конец 1870-х — первую половину 1890-х гг., в основном это время правления Э. Тааффе (1879–1893), опиравшегося на немецких консерваторов и на славянских политиков. Национальное положение словенцев тогда значительно улучшилось. Немецкий лагерь больше не поддерживался правительством и потерял часть избирателей, ряд словенцев (чиновники, местные магнаты и др.) покинули его и перешли в ряды Словенской партии. На авансцену вышли немецкие националистические течения, умеренные либералы теряли свои позиции. В целом это время характеризовалось значительными успехами Словенской партии на выборах. Старословенцы и младословенцы наконец преодолели раскол. Так, их объединение во время выборов 1879 г. в рейхсрат сразу принесло ощутимые плоды: они получили 13 депутатских мест. С этих пор в рейхсрате функционировало не менее 13–14 словенских депутатов.

Третий период (со второй половины 1890-х гг. до 1914 г.) протекал под знаком борьбы общественности австрийских земель за всеобщее избирательное право, завершившейся его введением. Введение правительством Бадени в 1896 г. пятой, общей курии расширило социальную базу избирателей, подняв число словенских депутатов в рейхсрате до 15–16 человек. А после проведения избирательной реформы 1907 г. словенцы посылали в рейхсрат уже 24 депутата, что соответствовало доле словенского населения в Австрии¹¹. Больше всего мандатов получили словенцы Крайны — 11, самым маленьким было представительство каринтийских словенцев — всего один мандат.

В парламентскую борьбу успешно вступили социал-демократы (впрочем, на общеавстрийском фоне успехи словенских социал-демократов были незначительны — в рейхсрат ни один из них не попал). Реформы обеспечили широкое участие народных масс в парламентских выборах, в предвыборной пропаганде началась борьба за привлечение их на свою сторону.

В связи с ужесточением германизаторской политики, расцветом пангерманистских концепций, с одной стороны, и ростом национальных требований словенцев — с другой, национальная борьба в словенских землях обострилась. Немецкие националисты, выступавшие под лозунгом «защиты немцев», окончательно оттеснили умеренных либералов на задний план. Германизаторская политика была наиболее агрессивной (и успешной) в Штирии и Каринтии (в ход все чаще шли лозунги защиты крестьянских интересов). В Приморье, напротив, процесс италянизации постепенно затухал, в Триесте и Горице усиливался славянский элемент, в котором итальянцы видели угрозу своему положению.

Политическая дифференциация набирала темп и в словенском национальном движении, предвыборная борьба приобрела партийный характер. Соперничество между либеральной и католической партиями, существенно

влившее на проведение выборов и распределение депутатских мандатов, завершилось безусловной победой последней. Либералы стремительно теряли позиции. К примеру, если в 1879 г. в рейхсрат от словенцев было выбрано 5 либералов и 3 консерватора, то в 1907 г. в Крайне, Штирии и Каринтии — 17 католиков и 4 либерала, в 1911 г. — 19 католиков и 2 либерала.

Депутаты от словенских земель в австрийском рейхсрате¹²

Годы	Число слов. депутатов, человек	Крайна	Горица	Штирия	Каринтия	Триест	Истрия	Общее число депутатов этих областей	Доля словенских депутатов, %
1867–1870	8	5	1	2	–	–	–	30	27 %
1870–1873	6	5	1	–	–	–	–		20 %
1873–1879	8	4	1	2	–	1	–	54	15 %
1879–1885	13	8	1	3	–	1	–		24 %
1885–1887	14	8	1	3	1	1	–		26 %
1887–1891	13	8	1	3	–	1	–		24 %
1891–1897	14	8	2	3	–	1	–		26 %
1897–1901	16	9	2	4	1	–	–	63	25 %
1901–1907	15	9	2	4	–	–	–		24 %
1907	24	11	3	7	1	1	1	69	35 %

Как видно из таблицы, наибольшее число словенских депутатов избиралось в Крайне, свыше 90% населения которой составляли словенцы, наименьшее — в Истрии (1) и Каринтии (3).

Среди депутатов из словенских земель в рейхсрате были люди разных национальностей. Так, немец граф К. Гогенварт неоднократно избирался депутатом от Крайны, в рейхсрате он заседал 23 года (с 1873 по 1897). Депутатом от Клагенфурта был барон Ф. Пино-Фриденваль, происходивший из старинной ломбардской семьи. Хорват М. Мандич был избран в 1907 г. депутатом от Истрии. Большинство депутатов были словенцами¹³. Они преимущественно являлись людьми интеллигентных профессий. Больше всего в рейхсрате оказалось юристов, были и священники, учителя гимназий, инженеры, врачи, чиновники.

В деятельности словенских депутатов в австрийском рейхсрате, на наш взгляд, прослеживается два периода.

Первый — с 1867 г. до середины 1890-х гг. В это время словенские депутаты еще не проводили самостоятельной политики в рейхсрате. Традиционно большинство из них, вместе с чешскими, польскими, русинскими, хорватскими депутатами и немецкими консерваторами, являлись членами консервативного клуба, возглавлявшегося К. Гогенвартом. Политику и

тактику клуба определял сам Гогенварт, словенцы же были «просто частью его партии»¹⁴. Словенцы выдвигали на заседаниях рейхсрата требование создания Объединенной Словении, поддерживали требования поляков о широкой автономии для Галиции, а в 1876 г. выразили симпатии борьбе болгарского народа за независимость. С 1873 г. группа словенских младолибералов, не присоединившись ни к одному из клубов, самостоятельно выступала за права словенского народа, однако уже в 1876 г., когда конфликт со старословенцами сошел на нет, вновь вступила в клуб Гогенварта. Все время правления немецких либеральных правительств словенские депутаты находились в рядах оппозиции, никакие их требования удовлетворены не были.

Ситуация изменилась с приходом к власти Э. Тааффе. Период его правления получил в словенской историографии название «время согласия». Словенские депутаты поддерживали Тааффе, рассчитывая, что он «откажется от системы германизации и централизации». Клуб Гогенварта, в который они по-прежнему входили, создавал знаменитый «железный обруч», обеспечивая правительству Тааффе незначительное большинство в рейхсрате¹⁵. Словенские депутаты стали проводить политику «малых дел», главными идеологами и лидерами которой выступали со стороны либералов Ф. Шуклье, а со стороны консерваторов — К. Клун. Лозунг Объединенной Словении был снят с повестки дня, выдвигались более умеренные требования: введение равноправия словенского языка в школах и учреждениях, установление земельного суда в Любляне, административное деление Штирии на немецкий и словенский округа и т.д. Первой победой словенцев стало принятие рейхсратом в 1880 г. резолюции либерала Й. Вошняка о словенизации средней школы. В том же году земельным президентом Крайны был назначен бывший депутат рейхсрата А. Винклер. Впервые этот пост занял словенец. В 1882 г. словенцы получили разрешение ввести словенский язык в начальных классах гимназий в Крайне. В 1883 г. словенский язык был признан официальным в учреждениях большинства словенских земель, Крайна получила статус «словенской области». Однако к середине 1880-х гг. словенские патриоты стали выражать недовольство результатами политики Тааффе. Так, газета «Slovenski narod» («Словенский народ») в феврале 1885 г. отмечала, что управление в словенских землях «ни по названию, ни по содержанию не соответствует лозунгу»¹⁶. Словенских депутатов стали критиковать за «правительственный оппортунизм». Депутаты нового созыва (1885) продолжали вести политику «малых дел», требуя введения словенского языка в начальных классах гимназий других словенских областей, равноправия словенского языка в судах и учреждениях, начала строительства железной дороги в Нижней Крайне и т.д. В конце 1886 г. словенские депутаты пригрозили Тааффе, что выйдут из правительственной коалиции, если не будут реализованы их требования относительно словенских школ. Под их нажимом в 1889/90 учебном году были открыты параллельные немецко-словенские классы в гимназии в

Мариборе, в следующем году появилась словенская гимназия в Любляне. В 1890 г. рейхсрат наконец утвердил проект железной дороги. В целом во время правления Тааффе наибольшие выгоды получила Крайна, в меньшей степени — Штирия, Каринтия — почти ничего.

Падение правительства Тааффе положило конец коалиции словенцев с немецкими консерваторами в австрийском рейхсрате. Словенские депутаты разделились. 7 человек осталось в клубе Гогенварта, шесть словенцев и четыре хорвата объединились в Клуб хорватских и словенских депутатов и перешли в оппозицию. И те и другие были убеждены, что добьются новых концессий от правительства А. Виндишгреца. Главным их требованием стало открытие словенско-немецких параллельных классов в Цельской гимназии, обещанное Тааффе в 1888 г. С февраля 1894 г. цельский вопрос выдвинулся в число главных проблем австрийской внутренней политики. Введение словенско-немецких параллельных классов на первой ступени гимназического обучения в Целье в 1895 г. вызвало резкое противодействие со стороны штирийских немцев и обострение немецко-словенских отношений. Страсти накалялись, спор о параллельных классах в Цельской гимназии разросся до славяно-немецкого конфликта общеавстрийского масштаба и в немалой мере способствовал падению правительства Виндишгреца. Далее вплоть до распада империи словенцам в Штирии больше не удалось добиться открытия других словенских гимназических классов.

Второй период деятельности словенских депутатов, переход к которому начался после падения правительства Тааффе, окончательно утвердился к 1897 г. На этом этапе у словенских депутатов все больше стала проявляться политическая зрелость. Они организовывали свои клубы и разрабатывали их стратегию и тактику, заключали парламентские союзы, вели переговоры с правительством — одним словом, вступили в большую политику.

Парламентская жизнь в империи с конца XIX в. переживала тяжелый кризис. Главным орудием парламентской борьбы стала обструкция, парализовавшая работу рейхсрата, который лишь время от времени был способен выполнять свои функции. Обострились национальные противоречия, выросло число парламентских клубов — как из-за национальной, так и из-за партийной и политической дифференциации депутатов. Правительству очень редко удавалось заручиться поддержкой парламентского большинства. Правительственные кризисы участились, правительства сменяли одно другое.

В 1897 г. все 16 словенских депутатов объединилось в общий клуб — Словенский христианский национальный союз (СХНС). Создан он был по инициативе лидеров католиков Я.Е. Крека и И. Шуштершича. В программе клуба отмечалось, что его члены будут бороться «за безусловное равноправие всех народов, особенно за национальную пользу и права всех славянских народов на основе национального права и христианской справедливости, а также за полную свободу церкви»¹⁷. Помимо словенцев, в

этот клуб входили чехи, хорваты, русины, всего 36 человек. СХНС стал четвертой по величине фракцией рейхсрата. Он поддерживал правительства К. Бадени, затем П. Гауча и Ф.А. Туна. Техническая обструкция австрийских немецких буржуазных партий, выступивших против языковых указов для Чехии и Моравии, привела к обострению словенско-немецкой конфронтации в рейхсрате. СХНС объединился с шестью клубами в новый Союз правых сил во главе с поляком В. Яворским, но сломить немецкую обструкцию не удалось. Когда в 1899 г. правительство М. Клары отменило указы для Чехии и Моравии, СХНС поддержал чешскую обструкцию в рейхсрате.

Конфликт между словенскими либералами и клерикалами, развивавшийся в словенских землях (прежде всего в Крайне) с 1890-х гг., в рейхсрате проявился лишь на рубеже веков. СХНС распался. В 1901 г. девять словенских католических депутатов объединились в Славянский центр вместе с двумя чехами, четырьмя русинами и шестью поляками. Четыре словенских либерала вместе с двумя сербами в мае 1901 г. установили Югославянский прогрессивный клуб (создать свой клуб в рейхсрате могли не менее пяти депутатов), ставший первым со времен группы младословенцев либеральным словенским представительством в рейхсрате¹⁸. Два словенских депутата были членами Хорватско-словенского клуба. Три маленьких клуба не имели веса в рейхсрате, и в 1902 г. И. Шуштершичу удалось объединить Славянский центр и Хорватско-словенский клуб в Славянский союз (28 человек). Славянский союз поддержал в 1903 г. хорватскую оппозицию и в 1904 г. чешскую обструкцию правительства Э. Кёрбера.

Словенские католики под руководством И. Шуштершича и Я. Крека с 1898 г. энергично выступали в рейхсрате с требованиями введения всеобщего равного избирательного права, чем существенно повысили свой авторитет в глазах избирателей. Либералы возражали против подобной реформы — в ущерб своей репутации. Словенский писатель И. Цанкар, присутствовавший на заседании рейхсрата, решавшего вопрос о проведении избирательной реформы, упрекал либералов в беспринципности. «Один лозунг “долой попов”, вся остальная программа была забыта... Клерикалы удачно использовали эту ситуацию. Никакая другая партия не умеет так хорошо вливать новое вино в старые мехи!!!»¹⁹

В борьбе за национальные права депутаты-словенцы могли найти союзников среди других славянских депутатов, а также встретить понимание у части немецкого лагеря. Однако на рубеже XIX–XX веков немецкий консервативный католический лагерь находился в процессе распада. Надежды словенских христианских социалистов найти нового союзника в лице партии К. Люегера не оправдались. Союзы с чехами и поляками также не приносили ожидаемых результатов. Ближе всего словенцам были русины, также выступавшие за автономию на основе естественного права, и, конечно, хорваты, «братья-югославы», на заключение союзов с которыми словенцы стали делать главную ставку²⁰.

В 1907 г. 17 католических депутатов объединились в Славянский клуб, председателем которого стал И. Шуштершич, а семь либералов вместе с хорватами из Истрии и Далмации и двумя сербами — в Союз южных славян (20 человек). Оба клуба после аннексии Боснии и Герцеговины стали пропагандировать идеи триализма. Шуштершич начал формировать крупный славянский блок в оппозицию правительству Р. Бинерта. В конце того же года оба клуба образовали Национальный союз, в феврале объединившийся вместе с чехами и русинами в Славянскую унию (123 человека). Славянская уния, возглавлявшаяся И. Шуштершичем, стала крупнейшей группировкой в рейхсрате²¹. С конца июня по октябрь 1909 г. Уния проводила obstruction, блокировав обсуждение вопроса об открытии итальянского юридического факультета в Триесте. Словенцы, чьи неоднократные требования открыть университет в Любляне не были удовлетворены, не желали поддерживать запросы итальянцев. После распада Славянской унии (1910 г.) по инициативе Шуштершича в 1911 г. был создан Хорватско-словенский клуб (27 человек), в котором словенские католики объединились с хорватскими «правашами». Председателем клуба был Шуштершич, а с 1914 г. его заменил на этом посту А. Корошец. С начала Первой балканской войны в центре деятельности клуба стоял вопрос о триалистическом преобразовании монархии, пропаганде которого словенские депутаты посвящали все силы. Надежды на его разрешение в Австро-Венгрии, как показала история, оказались нереальны.

Венский рейхсрат был единственным местом, где словенцы надеялись разрешить хотя бы часть своих национальных, социальных, экономических проблем. Он стал для них и важнейшей школой большой политики, и подчас трамплином для дальнейшего карьерного роста. В работе рейхсрата принимали участие немало видных словенских национальных деятелей, и некоторым из них (правда, немногим) удавалось утвердиться в качестве политиков общеавстрийского масштаба. Так, А. Ферьянчич занимал в 1897–1907 гг. ряд крупных должностей в рейхсрате. Земельными президентами Крайны стали, помимо А. Винклера, словенцы Ф. Шуклье и И. Шуштершич. Либерал-русифил И. Хрибар 14 лет являлся жупаном Любляны, затем его сменил на этом посту другой либеральный лидер — И. Тавчар. Пожалуй, самым выдающимся словенским парламентарием того времени был глава партии католиков, председатель ряда фракций рейхсрата адвокат И. Шуштершич. Ф. Шуклье, редко о ком отзывавшийся хорошо, отдал ему должное в своих воспоминаниях: «Словенские депутаты никогда не имели в Вене такого веса, как тогда, когда ими руководил железной рукой мастер парламентарной тактики д-р Иван Шуштершич!»²²

На протяжении всего периода своей парламентской деятельности словенские депутаты проводили «политику малых дел», отчетливо осознавая, что не могут добиться своими незначительными силами принципиальных и радикальных изменений в австрийской политике. Лишь к концу рассматриваемого периода они стали делать акцент на ведении «большой политики», выступая с требованиями коренного преобразования империи Габсбургов на принципах триализма.

Парламентское представительство Чешских земель

Включенность чешской политики в парламентские институты империи может быть охарактеризована на двух уровнях — имперского парламента и земского сейма. Эти структуры были призваны дополнять и поддерживать друг друга, что было законодательно закреплено в конституции Шмерлинга и уточнено в Декабрьской конституции 1867 г. В первом документе провозглашалось, что император будет делить законодательную власть с имперским советом и земскими сеймами. Тем не менее основная законотворческая деятельность осуществлялась на стороне рейхсрата, тогда как функция сейма оставалась, скорее, совещательной (депутаты сеймов имели право адресовать императору интерpellации и петиции, создавать внутренние комиссии для первичной проработки локальных проблем и т.д.). Вопрос компетенции каждого из парламентских органов был подробнее проработан в Декабрьской конституции, зафиксировавшей новые реалии политической жизни монархии. Согласно этому документу, имперский совет рассматривал те вопросы, которые следовало решать на общеимперском уровне совместно с венгерским парламентом (внешняя политика, финансы, армия), а также общие для всей Цислейтании проблемы религиозной политики, образования, взаимоотношений отдельных земель. Кроме того, рейхсрат приобрел функцию контроля за актами, исходящими от императора, и за исполнением бюджета страны. В свою очередь, сеймы одобряли законы, на земском уровне оформлявшие решения имперского совета, а также рассматривали все проекты, связанные с местными вопросами, принимали бюджеты коронных земель, осуществляли контроль за локальными органами самоуправления. Тем не менее сейм мог действовать исключительно в рамках законов, принятых имперским советом, а оформление решений последнего было первоочередным в любой повестке дня. Кроме того, на решения сейма мог накладывать вето император. Таким образом, в большой степени деятельность земского сейма сводилась к оформлению административных процессов местного значения²³.

Вопрос о соотношении ролей сейма и рейхсрата укладывался в более глобальную дилемму взаимоотношений Чешских земель и Вены — конфликт федералистских и централистских устремлений. Из него происходило принципиальное различие в подходе чешских и немецких депутатов к местной политике: в то время как для чехов сейм представлялся важнейшим инструментом воплощения своих национальных интересов, богемские немцы считали его второстепенной институцией, прикладывая основные силы к работе в рейхсрате.

Венский центр, в свою очередь, уже с 1861 г. заложил законодательные основания для ослабления как значения земских органов в целом, так и веса чешского элемента в богемском ландтаге. Обеспечить в нем немецкое большинство было непростой задачей — в отличие от всей империи, в этом регионе немцы не имели количественного превосходства, и даже их

экономическое влияние уже не было столь мощным во второй половине века. На нейтрализацию этих факторов была направлена, *во-первых*, куриальная система, *во-вторых*, так называемая «избирательная геометрия» — система, при которой избирательные округа не имели зафиксированных границ, а формировались для очередных выборов по-разному, что на смешанных территориях позволяло гарантировать превосходство немецких кандидатов²⁴.

Благодаря этой системе на протяжении 1860-х — 1870-х гг. немецкий централистский лагерь, состоявший из либералов и «верных конституции» аристократов, мог формировать конкурентное большинство. Такое соотношение сил сохранялось вплоть до середины 1880-х гг., когда избирательная реформа 1883 г. снизила ценз до 5 гульденов. Это привело к перераспределению мандатов внутри торгово-городской курии. Одновременно с этим и чешская аристократия сумела превозмочь своих национальных оппонентов. Таким образом, к рубежу веков чешским политикам стало принадлежать примерно в полтора раза больше мест, чем немецким²⁵.

Тем не менее перемена в соотношении сил не была столь значительна, чтобы обеспечить чешской фракции квалифицированное большинство (три четверти голосов), необходимое для принятия правомочных решений по изменению земского законодательства, к числу которых относилось и изменение избирательного порядка. Таким образом, в реалиях принципиального противостояния чешской и немецкой фракций земская политика оказывалась в замкнутом круге: полноценная законотворческая деятельность была невозможна без перегруппировки сил, залогом которой могла бы стать реформа избирательного порядка, неосуществимая в условиях законодательной беспомощности сейма.

В свете этого единственным относительно действенным механизмом влияния на имперскую политику была обструкция парламента, проводимая чехами с 1863 по 1879 г., а впоследствии взятая на вооружение и немцами. Влияние подобной практики, однако, было нивелировано введением прямых выборов в рейхсрат в 1873 г., что стало дополнительным фактором, свидетельствующим об оттеснении земской политики на второй план²⁶. В целом беспомощность сейма в связи с чешско-немецким противостоянием, отягченная переносом активной политики в Вену, привела к падению авторитета земского законодательного органа в глазах чешской общественности, критиковавшей его за полную неспособность выступить в защиту национальных интересов²⁷.

Идея взять тактику обструкции на вооружение возникла одновременно с началом работы обновленного рейхсрата в 1861 г. Она была высказана не кем иным, как Франтишеком Палацким, единственным чехом, выбранным императором в палату господ. Уже осенью 1861 г. он написал Ф.Л. Ригеру о том, что в Вене чехам не на что надеяться, и вскоре подал пример решения этой проблемы, попросив о длительном отпуске, из которого так и не вернулся к работе²⁸. Действительно, непрямые выборы в рейхсрат остави-

ли депутатам от Чешских земель возможность занять лишь 24 кресла, что даже с учетом потенциального союза с поляками, словенцами и немецкими католиками не позволяло конкурировать с централистами, занявшими 130 мест из двухсот. Федералистское меньшинство сразу поставило на повестку дня вопросы, подразумевающие нерепрезентативность текущего состава парламента: Ригер высказался за изменение избирательного порядка, польские депутаты выносили на дискуссию вопрос о том, можно ли считать дееспособным «малый» парламент, участия в работе которого не принимали венгерские, хорватские и итальянские политики. Не добившись конструктивного обсуждения этих вопросов, чешские депутаты опубликовали меморандум, в котором ссылались на неполноту и, следовательно, нелегитимность рейхсрата, в связи с которой отказывались принимать дальнейшее участие в его работе. В 1863 г. под этим документом поставили подпись 14 чешских депутатов, остаток Чешского клуба покинул парламент в течение двух лет после этого.

Покинув имперский совет, чешские либералы попытались перенести свой фокус на работу в земском сейме. Первое десятилетие его работы выявило ключевые особенности, проблемы и стратегии, которые оказывались на повестке дня вплоть до распада монархии. Уже в ходе первых заседаний сейма было сформулировано одно из фундаментальных требований чешского депутатского корпуса — пересмотр избирательного порядка. Апеллируя к принципу равноправия всех народов империи, чешские политики обращали внимание на непропорциональное распределение мандатов между городской и сельской куриями (обеспечивавшее немецким избирателям больший вес). Более радикальное крыло чехов, впрочем, резко высказывалось и против значительного присутствия аристократии в сейме. Кроме того, речь шла и о расширении компетенции сейма в целом. В 1863 г. эти требования были сформулированы Ф. Палацким и Ф.Л. Ригером в проекте, представленном на рассмотрение ландтага. Он, однако, не был поддержан фракцией крупных землевладельцев и был отклонен на голосовании.

Одновременно с этим шли дебаты по другой принципиальной для Чешских земель проблеме — языковому вопросу. В апреле 1864 г. на рассмотрение сейма был представлен чешский проект, предусматривавший разделение гимназий на чешские, немецкие и смешанные. В отличие от вышеупомянутой, эта инициатива стала первым успехом федералистов в ландтаге — проект был оформлен законодательно, и в Богемии появилось 13 чешских и 11 немецких гимназий.

Другим важным аспектом была чешско-немецкая дискуссия по государственно-правовой проблеме. Во второй половине 1860-х гг. она шла в формате так называемых «адресных дебатов», в рамках которых чешские политики пытались сформулировать обращения («адреса») к императору с просьбой пересмотра Февральской конституции в пользу расширения полномочий земских органов, которые и должны были стать источником

законодательных инициатив в каждой коронной земле. Немцы, в свою очередь, настаивали на примате исходящего из Вены и единого для всей Цислейтании документа. Два подобных федералистских адреса были приняты сеймом и переданы императору в 1865–1866 г., однако Австро-прусская война на время перенесла центр тяжести с внутренней политики на внешнюю.

Возобновление подобных инициатив было связано с заключением австро-венгерского Соглашения. Этот сценарий был очень сходен с тем, чего требовали чешские депутаты, и, разумеется, спровоцировал их на новый виток обсуждений. В 1868 г. была опубликована декларация 81 чешского депутата, в которой говорилось о необходимости заключения персональной унии между императором (чешским королем) и «богемской» нацией на условиях того, что ни один внешний законодательный или административный орган не имел бы более права участвовать в земской политике Богемии. Осенью того же года в регионе развернулось движение таборов, и в Праге и ее окрестностях было введено чрезвычайное положение. Немецкие либералы, в свою очередь, блокировали все государственно-правовые инициативы чехов в ландтаге.

Очередная сессия сейма, начавшаяся в 1870 г., стала кульминацией предшествовавшего десятилетия. На первом заседании чешская декларация 1868 г. после долгих дебатов, в результате которых немецкие политики покинули сейм, была одобрена единогласно и оформлена как адрес императору. Франц Иосиф ответил нейтральным рескриптом с пожеланием к депутатам сейма принять участие в работе рейхсрата.

Чешская обструкция становилась одной из самых насущных проблем монархии, и очередную попытку ее решения предприняло правительство Карла Гогенварта. 12 сентября 1871 г. был опубликован императорский рескрипт, признававший, что Богемия обладает историческим правом, и предлагавший правительству подготовить проект нового избирательного порядка и законов, обеспечивавших права обеих национальностей. Проект получил название «Фундаментальных статей» и учел все требования чешской стороны, звучавшие на протяжении последних десяти лет. Принципиальным было то, что вся местная политика переходила в компетенцию богемского сейма.

«Фундаментальные статьи» вызвали протест со стороны не только немецких либералов, но и других видных политиков Австро-Венгрии, среди которых были Фердинанд фон Бойст и Дюла Андраши. Кабинет Гогенварта был распущен, а богемскому сейму передан императорский рескрипт, сообщавший о том, что все подобные решения должны приниматься лишь при одобрении обеих палат рейхсрата, а чешские политики, в свою очередь, могут поспособствовать этому, вернувшись к активной парламентской политике²⁹.

Перестановки в Вене, связанные с отставкой Гогенварта и приходом к власти премьера Адольфа Ауэрсберга и его либерального кабинета, сказались и на богемской политике. В 1872 г. император распустил ландтаг —

федералистский сейм был неприемлем для централистского министерства. На очередных выборах решающая роль принадлежала первой курии. Избирательная геометрия обеспечила превосходство «верных конституции» — таким образом, правительство имело в своем распоряжении либеральный ландтаг. Более того, исключительно либеральный: в знак протеста против хода выборов чешская фракция объявила сейму бойкот. Продолжался также и бойкот рейхсрата, куда с 1873 г. были введены прямые выборы.

В этих обстоятельствах стали активно заявлять о себе младочехи, настаивавшие на необходимости конструктивного участия в активной политике. В 1874 г. была официально образована Национальная партия свободомыслящих, семь членов которой вошли в ландтаг. В том же году моравские либералы вернулись в парламент. Старочехи, однако, были последовательны в своей политике на протяжении шести лет — лишь в 1878 г. Ригер и его сторонники вернулись в сейм, образовав Государственно-правовой клуб, состоявший из 69 старочехов и 16 младочехов.

В 1879 г. последовало и возвращение чешских политиков в рейхсрат в составе коалиционного большинства, что послужило предпосылкой к переносу центра тяжести от локальной к имперской политике. На второй план отходит и идея о земском сейме как средоточии и флагмане чешской политики. Несмотря на это, в нем по-прежнему обсуждались и принимались проекты, касающиеся школьной системы, мелких поправок в избирательном порядке и прочих текущих проблем.

Возвращение в рейхсрат, само по себе ставшее новым этапом для чешской политики, принесло с собой и совершенно новое ее качество — теперь чешские и моравские депутаты (54 человека), объединившиеся в коалицию с 57 польскими политиками и 57 депутатами от «клуба правого центра», собравшего консерваторов из разных регионов Цислейтании, могли претендовать на устойчивое большинство, выступая против 148 представителей немецкого крыла. Расклад сил, впрочем, мог меняться в силу присутствия еще нескольких десятков депутатов, не входивших в крупные клубы и голосовавших по-разному в зависимости от обстоятельств, но эти колебания были незначительными. На коалицию федералистов и консерваторов в течение 14 лет опирался председатель правительства Эдуард Тааффе.

На протяжении всего правления Тааффе стремился к максимально компромиссным действиям, которые позволили бы не оттолкнуть окончательно немецких депутатов и сохранять лояльность славянских. Такая тактика не была секретом для чехов, и с учетом ее Чешский клуб также ступил на более компромиссный путь, отказавшись от прежних, зачастую ультимативных требований относительно своей государственно-правовой программы³⁰. Уже в 1879 г. чехи выступили с меморандумом о довольно обширных требованиях в языковом вопросе и в течение ближайших двух лет получили от правительства некоторые уступки³¹ в нем. Старочехи трактовали эти события положительно, в то время как среди младочехов зрело недовольство

столь умеренными успехами соотечественников, которые они впоследствии стали называть «политикой крошек» (которые Ригер и его сторонники «подбирали со стола» Тааффе).

При поддержке «железного кольца правых» премьер-министру удалось провести через парламент ряд непростых законов, среди которых был новый воинский закон, избирательная реформа, снизившая ценз и позволившая большому количеству ненемецких активистов войти в политику, школьный закон, усиливавший контроль клира над школьным образованием и сокращавший срок обязательного обучения до шести лет. Последний проект хорошо продемонстрировал плюсы компромиссного сотрудничества и выгодные для правительства стороны «клубной» системы: Чешский клуб принял решение поддержать премьера, несмотря на то что в общественном мнении Чешских земель, которому явно вторили и младочехи, проект реформы вызвал в основном критику. Тем не менее даже изначально высказывавшиеся против нее младочешские депутаты в итоге проголосовали «за», а единственный из них, не сделавший этого, был исключен из парламентского Чешского клуба³².

Прошедшие со сниженным цензом местные выборы 1883 г. знаменовали собой начало нового этапа в локальной богемской политике. Успех чешских либералов был дополнен победой «консервативных» чешских аристократов в первой курии. Две чешские партии объединились в коалицию. Немецкие политики, таким образом, оказались в меньшинстве также и в сейме, что в сочетании с усилением чешских позиций в целом заставило их обратить внимание на земскую политику и попытаться защитить свои интересы.

Середина 1880-х гг. в чешской земской политике, с одной стороны, была связана с традиционными попытками чехов настоять на избирательной реформе (речь, в частности, шла о переформировании округов внутри первой курии — очередная попытка побороться с пресловутой «избирательной геометрией»). При этом следует заметить характерную вещь — даже обретя большинство, чешские политики уже не стали поднимать на щит государственно-правовую программу, без которой их деятельность была немыслима еще 15 лет назад. Вместо этого они сосредоточились на более частных, прикладных вопросах.

В то же время вопрос об устройстве Богемии попал в поле зрения немецких политиков. Предпосылками тому стали неудача на выборах и политика венского центра, в начале 1880-х гг. предоставившего чехам ряд уступок в языковом вопросе. В первой половине десятилетия немецкобогемские политики последовательно разрабатывали собственный проект административного переустройства провинции, основанный на идее о «закрытых областях» — территориях, этнический состав населения которых был настолько монолитен, что не требовал двуязычия в управленческих и образовательных структурах. Эта концепция не подразумевала выделения немецкоязычных территорий в отдельную провинцию — лишь административную реформу в рамках текущих границ. На сессиях 1884–1886 гг.

проект был несколько раз вынесен на обсуждение земского сейма. Третья попытка оказалась финальной — спикер большинства Карл Шварценберг предложил перейти к дальнейшей повестке без обсуждения, и в ответ на это немецкая фракция в полном составе покинула сейм.

Тем временем результаты выборов в рейхсрат 1885 г. в целом подтвердили доверие чехов к политике Ригера и Национальной партии: Чешский клуб вновь располагал 57 депутатами и продолжил работу в рамках проправительственной коалиции. Младочехи, несмотря на всё более явные противоречия со старочешской линией, пока не могли занять автономное положение — в рейхсрате им принадлежала лишь десятая часть кресел Чешского клуба, в сейме в тот же момент — восьмая. Тем более стремительным выглядит падение старочехов с олимпа чешской национальной политики, совершившееся во второй половине 1880-х гг. по ряду внутренних и внешних причин.

Среди внутренних причин были консервативная, в чем-то закостенелая позиция Национальной партии и ее сторонников как в политической, так и в общественной и культурной сферах. Неслучайно первый яркий конфликт старого и нового поколений на этом этапе напрямую не был связан с политикой — в 1886 г. группа молодых ученых атаковала «святой Грааль чешского культурного национализма» — Кралегдворскую и Зеленогорскую рукописи, — доказав их фальшивость. Как замечает Ян Кршен, «научный скепсис стал изрядной порцией противоядия против примитивного национализма»³³.

Решающим внешним фактором стала очередная попытка старочехов согласиться на компромисс с центром, в интересы которого к концу десятилетия все больше стало входить возвращение немецких либералов, привлечших часть своих сторонников поколенческим обновлением, на правящие посты. В это направление вписывалась и необходимость решить земский конфликт в Богемии: обструкция немецких депутатов ставила под вопрос легитимность сейма в принципе, чем была нежелательна как для центра, так и для их национальных оппонентов. Возвращение немцев на разные уровни государственной политики стало условием созванной по инициативе Вены чешско-немецкой конференции 1890 г. С чешской стороны в конференции принимали участие лишь старочехи — представители Национальной партии свободомыслящих туда не были приглашены. Ее итогом стали Пунктации — проект реформирования земских институтов в Богемии, в котором активно использовалась созвучная немецкой идея дублирования структур автономными чешским и немецким подразделениями.

Обсуждение законопроектов, призванных оформить решения Венской конференции, открыли принципиально новый этап в работе земского сейма. Если раньше главными фигурантами дискуссий были национальные фракции, то теперь соперничающие стороны сформировались внутри чешского национального лагеря. Против реформ стали последовательно выступать младочехи, не принимавшие участия в венских переговорах и

считавшие их результат предательством чешских национальных интересов. Таким образом, основным содержанием земской политики в начале 1890-х гг. стали попытки проведения в жизнь Пунктаций, неизменно встречавшие отпор влиятельной фракции младочехов. Пунктации были восприняты в штыки и подавляющей частью чешской общественности, увидевшей в них слепое подчинение Вене, стремившейся удовлетворить интересы немцев. Несостоявшийся компромисс нанес сокрушительный удар по реноме старочехов, на выборах 1891 г. почти утратив свое парламентское представительство. Младочехи, в свою очередь, из малой фракции превратились в ядро Чешского клуба.

Провал старочехов в рейхсрате поставил под вопрос привычную для Тааффе конфигурацию сил в парламенте. Младочехи пока еще позиционировали себя как оппозицию центру (хотя статус ведущей национальной партии заметно остудил их некогда радикальный пыл), поэтому премьеру приходилось время от времени опираться на немецких либералов, пытаясь заручиться большинством голосов. В таком шатком положении парламент и правительство проработали два года до того, как в конце 1893 г. предложенный премьером закон о всеобщем избирательном праве для городской и земской курий не был заблокирован единым фронтом консерваторов и немецких либералов, и Тааффе покинул свой пост. Символично, что именно эта инициатива премьера была первым и последним случаем, когда он оказался в фарватере младочешской программы — на протяжении 1893 г. младочешские депутаты сами выступали с проектом о расширении избирательного права.

Коалиция либералов и консервативных аристократов, поспособствовавшая стремительной отставке Тааффе, стала парламентской основой для нового кабинета под руководством Альфреда Виндишгреца. Премьер сумел привлечь к этому специфическому партнерству также и галицийских поляков, однако чешский депутатский корпус, ведомый младочехами, по-прежнему позиционировал себя как оппозицию парламентскому большинству и правительству. В венских кругах тем временем зрела убежденность в том, что без альянса с чехами нельзя рассчитывать на стабильность цислейтанской политики. Создателем такого альянса был призван выступить польский политик Казимир Бадени, занявший кресло премьера в 1895 г.

Стремясь ослабить влияние национальных элит, в том же году Бадени провел избирательную реформу, введя пятую курию, возможность голосовать в которой была предоставлена всем мужчинам старше 24 лет. Эта система хотя и сохраняла неравномерность политического представительства отдельных слоев, но именно она впервые позволила массовым партиям (в первую очередь социал-демократам) войти в парламент.

Земские органы не были затронуты этой реформой, сохранив систему голосования по четырем куриям, однако даже в этих обстоятельствах не смогли противостоять росту влияния массовых партий. Первые признаки «поколенческого сдвига» на богемской почве проявились на земских

выборах 1895 г., засвидетельствовавших значительную смену в рядах чешских и немецких либералов, — большую политику оставили Ф.Л. Ригер, Ю. Грегр, Ф. Шмейкал, Э. Пленер; старочешская партия вовсе не выдвинула ни одного кандидата. В 1901 г. заявили о себе новые партии с популярной риторикой — так, чешские аграрии заработали восемь мандатов, а немецкие радикалы — десять. На следующих выборах, в 1908 г., этот успех был закреплен — аграрная партия стала самой влиятельной в чешском спектре, получив 18 мандатов против 16 у младочехов; немецкие либералы-прогрессисты сократили количество мандатов до восьми ввиду успеха радикалов и аграриев. Представители низших слоев населения (социал-демократы, национал-социалисты и христианские социалисты), однако, вплоть до конца существования монархии оставались практически исключены из местной политики в связи с сохранением куриальной системы и пытались реализовать свою программу на парламентском уровне.

Сближение Бадени с младочехами потребовало около года, и ценой этого стала радикальная языковая реформа, оформленная в виде правительственного указа для Богемии. Указ предполагал создание полностью двуязычного бюрократического аппарата. Для чехов это означало долгожданное приближение чешского к статусу одного из ведущих языков страны и было достаточным основанием для восстановления сотрудничества с проправительственной коалицией. Ей, однако, не суждено было воспользоваться возвращенным доверием младочехов — возмущение немцев языковыми распоряжениями было столь велико (оно вышло не только за пределы парламента и сейма, но и за пределы собственно Богемии: выступления в поддержку чешских немцев прошли в австрийских провинциях и Германской империи), что в условиях чрезвычайного положения вынудило Бадени уйти в отставку. Задачей его преемника Пауля Гауча стала адаптация языковых распоряжений к реальности и подготовка компромиссного варианта. Младочехи продолжали поддержку правительства и на этом пути, однако союз либеральных и массовых немецких партий блокировал все инициативы в решении языкового вопроса, к 1899 г. поставив крест как на языковой реформе (которая была попросту отменена), так и на идее коалиции немцев, чехов и поляков — трех «главных» народов Цислейтании.

Кризис 1897 г. стал экзистенциальным моментом для чешской политики: несмотря на усиление ненемецкого элемента, шедшее уже больше десятилетия, немцы все равно оставались той силой, которая могла диктовать свои условия. Ни одна из тактик, перепробованных младочехами, не давала долгосрочного позитивного эффекта. Это усилило дифференциацию в чешском лагере, силы внутри которого постепенно отказывались от национального фундамента в пользу социального. Показательно, что чешские социал-демократы пожертвовали лояльностью части соотечественников уже в 1897 г., выступив против языковой реформы из-за ее недемократичности: она была оформлена как правительственный указ в обход утверждения через парламент³⁴.

Хотя правительство Эрнста фон Кербера в 1900–1904 гг. последовательно выступало с попытками урегулирования чешско-немецких противоречий, созывая конференции и предлагая законопроекты, принципиального изменения ситуации уже не произошло. Даже изначально умеренные партии перешли на довольно радикальные позиции в национальном вопросе, а представительские органы использовались как один из инструментов в самовозобновляющейся борьбе: чехи бойкотировали парламент, в ответ на что немецкие депутаты бойкотировали земский сейм. Обструкция парламента младочехами, вновь перешедшими в статус оппозиции, могла иметь далеко идущие последствия вплоть до роспуска текущего состава и назначения новых выборов. Так, внеочередные выборы прошли на рубеже 1900–1901 гг. и принесли симптоматичную перегруппировку внутри национальных фракций (хотя удельный вес каждой из них принципиально не изменился), отразившую кризисы последних лет. Внутри немецкого спектра невиданный доселе успех имели немецкие националисты (Общенемецкая партия), избранные почти исключительно в Чешских землях. В свою очередь, младочехи уступили часть кресел представителям новых партий; тем самым на рубеже веков закончился период младочешской монополии, сменившейся полноценной многопартийной системой.

После выборов Кёрберу удалось достичь компромисса с младочехами, причем на сей раз премьеру понадобились весьма умеренные обещания: не допустить ухудшения для чехов в языковом вопросе, проработать программу экономического развития для Чешских земель и реализовать часть чешских задумок в сфере образования и культуры. Аграрии и национал-социалисты отказались войти в младочешский парламентский клуб, клерикалы и социал-демократы объединились с единомышленниками из других коронных земель³⁵.

Упразднение куриальной системы и введение всеобщего избирательного права дали финальный импульс перегруппировке сил в чешском лагере. На выборах 1907 г. лидерами среди чешских политиков стали аграрии и социал-демократы, младочехи выступили почти наравне с клерикалами. Главным триумфатором Цислейтании в целом стали социал-демократы. Такое распределение сил привело к сложной конфигурации в парламенте: социал-демократы, создавшие единый для депутатов от разных земель клуб, стали самой мощной фракцией, которая считала себя оппозиционной и в силу этого не имела коалиционного потенциала, но вместе с тем оставалась сильным игроком, в лояльности которого было заинтересовано правительство. Чешские аграрии, клерикалы и младочехи объединились в Национальный клуб. Сильными блоками были также клуб немецких клерикалов и христианских социалистов и Немецко-национальный союз. В этом парламенте не сложилось устойчивой коалиции, и премьер Макс Бек был вынужден лавировать между ведущими партиями, составляя различные конфигурации, основанные на точечных уступках каждой из них. Для чехов такой уступкой было, в частности, увеличение количества чешских чиновников в богемских земских органах.

Избирательная реформа 1907 г. поставила под вопрос состав и статус земских сеймов. В 1908 г. правительство Бека подготовило проект земской избирательной реформы, также предполагавший отказ от куриальной системы. Проект разбился о сопротивление аристократов («изгнанных» аналогичной реформой из парламента). Очередной этап обструкции ландтага немецкими политиками, отреагировавшими на обновление состава совета сейма, куда не вошло ни одного немецкого политика, оказался финальной точкой в его истории. Работа ландтага оказалась парализована на несколько ближайших лет.

Земский кризис 1908 г. (перешедший в уличные демонстрации и столкновения вплоть до введения чрезвычайного положения) спровоцировал и разлад в парламенте Национальном клубе. Он проявился при очередном голосовании за бюджетный проект от правительства: среди чехов его поддержали социал-демократы, клерикалы и часть младочехов, остальные же депутаты высказались против, считая невозможной поддержку правительства, не предпринимавшего никаких шагов для урегулирования ситуации в Богемии. Позитивная политика в духе младочехов была неприемлема в такой ситуации. В попытке вернуть Чешский клуб правительство предложило парламенту два проекта языковых законов для Богемии, однако чешские депутаты отклонили их из соображений того, что земские вопросы должен решать земский сейм, и объявили об обструкции парламента. Правительство отреагировало радикально, распустив парламент до конца текущей сессии. С 1909 г. чешские депутаты вошли в состав Славянского объединения — совместного с частью югославянских и украинских политиков клуба, державшегося главным образом оппозиционного курса.

Последние выборы в парламент Цислейтании, прошедшие в 1911 г., подтвердили влияние аграриев и социал-демократов среди чешских избирателей. Третье место вновь заняли младочехи с 18 мандатами, и лишь на два меньше получили национал-социалисты. Чешские политики объединились в Единый чешский клуб — в него не вошли лишь социал-демократы, не желавшие ни с кем объединяться. Новая фракция выступала главным образом в поддержку правительственных инициатив, среди которых на парламентском уровне, впрочем, не было вопросов национальной политики.

Авторитарность правительства, усугубленная дипломатической вовлеченностью страны в Балканских войнах, вызвала отторжение у части некогда лояльных чешских политиков: реалистов, национал-социалистов, государственно-правовой партии и отчасти аграриев. К 1913 г. они составили Радикальный блок, перешедший на строго оппозиционный фланг. Младочехи и клерикалы оставались лояльны Вене³⁶.

Эта лояльность, однако, очень быстро потерпела крах. В июле 1913 г. император подписал так называемые Анненские патенты, приняв отставку председателя сейма и его заместителей и передав исполнительную власть земской комиссии, составленной из чиновников правительства (трех немцев

и пяти чехов), которая сохранила свои функции вплоть до распада империи³⁷. Речь, таким образом, шла о фактической ликвидации земского управления в Богемии. Позиции Радикального клуба усилились, в то время как оставшаяся часть чешского лагеря оказалась в тупике. Временным выходом из него стала привычная тактика — обструкция парламента, объявленная весной 1914 г., после которой парламент был распущен. Собраться вновь ему предстояло уже в принципиально новой обстановке.

Парламентская жизнь в Галиции

Галиции если не добившейся полной автономии в составе Габсбургской монархии, то значительно приблизившейся к ней, были присущ ряд особенностей, заметно отличавших ее от других провинций Габсбургской империи. Прежде всего, это позднее, в сравнении с другими провинциями, появление политических партий, способных конкурировать между собой за места в парламенте и отстаивать интересы избирателей. Другой специфической чертой было равное значение для внутренней политической жизни провинции центрального парламента и провинциального сейма. Парламентская деятельность общевстрийского парламента никогда, вплоть до начала Перовой мировой войны, не была для политиков Галиции более важной, нежели деятельность галицийского сейма. Пожалуй, именно применительно к Галиции можно смело говорить о двух параллельно существующих измерениях парламентской работы — провинциальном и общеимперском.

Галицийский сейм, созданный, как и другие провинциальные законодательные организации, на основании Февральского патента 1861 г., избирался на основе «Сеймовой избирательной ординации» и «Краевого статута». Согласно этим правовым документам, 150 членов галицийского парламента представляли шесть общественных групп на основе их имущественного состояния. Первые две группы так называемых «вирилистов» состояли из представителей церкви (семь архиепископов и епископов), а также ректоров Львовского и Краковского университетов. Остальные депутаты избирались от четырех курий — представителей крупного землевладения, крупной торговли и ремесел, городского и сельского населения. Всего в Галиции правом голоса обладало около 10% населения, что в целом соответствовало положению дел и в остальных частях Габсбургской монархии. Подобная система гарантировала преобладание в сейме представителей крупного землевладения (эту курию представляли 44 депутата)³⁸. При этом, так или иначе отражая социальную структуру галицийского общества, избирательный закон практически игнорировал национальный фактор. Представителям «русского» населения были гарантированы лишь три депутатских места в категории «вирилистов» — представителей грекокатолического духовенства (Львовский митрополит и Перемышльский и Станиславский епископы),

остальные места добывались в сложной и нередко драматичной борьбе, и число депутатов-русинов всегда было непропорциональным относительно численности населения³⁹. В целом русины могли рассчитывать не более чем на треть депутатских мест, однако уже на первых выборах в сейм они получили максимально возможное число мандатов, а именно тридцать шесть. Большую их часть, 20 мандатов, получили грекокатолические священники. Десять мандатов досталось представителям сельского населения и шесть получили представители немногочисленной светской русинской интеллигенции. Несмотря на то что итоги первой «сеймовой» избирательной кампании были для русинов весьма удачными, результаты первой сессии их, скорее, разочаровали. Им не удалось добиться решения ни одной из поставленных ими перед сеймовым представительством задач⁴⁰. В дальнейшем одной из задач польской элиты стало сокращение числа депутатов-русинов и депутатов от сельской курии. Уже на выборах в сейм 1867 г. количество «русских» мандатов заметно сократилось. Постепенно русины утратили всякое политическое влияние в провинции⁴¹.

Подобная ситуация сложилась и в общевстрийском парламенте от Галиции. На выборах в новый парламент поляки получили 38 мест из двухсот трех⁴². В 1873 г. число депутатов от Галиции было увеличено до 63 из 353 депутатских мест. Императору нужен был союзник в раздираемом противоречиями парламенте, и на эту роль идеально подходили поляки, объединенные в дисциплинированную, консервативную фракцию, польское коло, к тому же практически полностью дворянское по составу⁴³. В итоге польская фракция превратилась по сути в императорскую. Поляки отмечали, что возражения с их стороны против тех или иных министров либо правительств отнюдь не означали перехода в оппозицию императору. Поэтому другие фракции не раз обвиняли польскую в угодничестве перед императором⁴⁴.

Депутаты-русины, хотя и обладали небольшим числом голосов, все же стремились использовать парламентскую трибуну, отстаивая интересы «русского» населения Галиции. В 1860-е — 1870-е гг. парламентское представительство (причем как в сейме, так и в рейхсрате) состояло в основном из представителей русофильского направления⁴⁵. После того как в 1880-е гг. русофилы заметно утратили свое политическое влияние в Галиции, среди депутатов увеличилось количество представителей украинского направления. Несмотря на в целом доброжелательное отношение Вены к украинскому направлению, его представителям не удавалось сопротивляться стремлению поляков вытеснить русинов из сейма и рейхсрата. Если в 1873 г. в рейхсрат было избрано 19 депутатов-русинов, то в 1879 г. их было всего три, а в 1897 г. русины получили всего девять мандатов, причем шесть из них принадлежали к сторонникам польско-украинского соглашения⁴⁶. Столь же неудачными были для русинов и выборы в сейм 1895 г. Фактически русины окончательно утратили и без того незначительное политическое влияние как в сейме, так и в рейхсрате.

Подобное положение вещей не могло устроить ни украинцев, ни русофилов. Для них стало очевидным, что старые, во многом еще «рутенские» принципы нуждаются в пересмотре. Прежние, достаточно аморфные, лишённые четкой программы и идеологии политические образования уже не отвечали вызовам времени. Первым шагом к преобразованию политической системы провинции стало создание новых политических партий, одним из элементов программы которых стало требование демократизации избирательной системы.

Подобные требования выдвигались и польскими демократическими партиями, также недовольными куриальной избирательной системой, по сути лишавшей представительства значительную часть городского и сельского населения. За глобальные преобразования в области избирательного права выступали польские социал-демократы (*Polska Partia Socjal-Demokratyczna*) и представители Крестьянской партии (*Polsko Stronnictwo Ludowe*)⁴⁷. Деятельность этих партий нашла отражение в результатах выборов в общеавстрийский парламент 1897 г., когда в результате создания 5-й курии «всеобщего избирательного права» из 15 мандатов, приходившихся на долю Галиции, «людовцы» и социалисты получили тринадцать⁴⁸. Их успех красноречиво свидетельствовал о том, что галицийские избиратели готовы к переменам.

Борьба за избирательную реформу активизировалась в 1905–1907 гг., когда непосредственное влияние на этот процесс оказали революционные события в соседней Российской империи. Требование проведения избирательной реформы выдвигалось абсолютным большинством политических партий и движений. При этом новый избирательный закон воспринимался многими политическими деятелями Австро-Венгрии не только как важнейший шаг на пути либерализации государственного устройства Габсбургской монархии, но и как способ разрешения многочисленных национальных противоречий.

Требования общеимперской избирательной реформы были новым элементом политической программы «русских» движений, прежде всего украинского. Несмотря на то что подобные требования содержались в программах УНДП и РУРП, они практически не выдвигались публично. Решительный поворот в этом направлении произошел в 1905–1906 гг. В начале 1905 г. от имени Народного съезда УНДП к императору Францу Иосифу была направлена депутация во главе с митрополитом А. Шептицким, которая, в частности, выдвинула и требования избирательной реформы как пути разрешения национального конфликта в крае. Император подтвердил намерения приступить к подготовке проекта закона⁴⁹. В феврале того же года во Львове прошло несколько массовых выступлений, организованных украинскими активистами, причем в них принимали участие как сами украинцы, так и представители Русско-народной партии. На многотысячных митингах еще раз прозвучали требования реформы. Подобные выступления повторялись неоднократно на протяжении всего 1905 года.

Правительственный проект нового закона поступил на рассмотрение в рейхсрат в феврале 1906 г. В нем предполагалось избрание 445 депутатов таким образом, чтобы от каждой национальности Габсбургской монархии было представлено определенное число мандатов. При этом один мандат приходился на разное число избирателей — в наиболее выгодном положении оказывались немцы, в наименее выгодном — русины. Всего от Галиции должно было избираться 88 депутатов, 27 из них — от русинов. И украинские, и русофильские активисты выступили против подобного распределения мандатов. Неприятие проект вызвал и у представителей других политических сил.

После длительного и болезненного обсуждения проекта в рейхсрате кабинет премьер-министра П. Гауча был отправлен в отставку, его сначала сменил кабинет К. фон Гогенлоэ, а затем М. фон Бека. В проект были внесены изменения, в частности увеличено число мест от Галиции. Несмотря на то что многие положения проекта продолжали вызывать недовольство, прежде всего представителей восточнославянского населения, в октябре 1906 г. новый избирательный закон был одобрен рейхсратом большинством голосов. Законом было сохранено неравномерное распределение депутатских мест по национальным областям (так, один депутат избирался от 40 тыс. немцев, 52 тыс. поляков, 38 тыс. итальянцев и 102 тыс. русинов)⁵⁰. Это должно было, по замыслу венских властей, предотвратить национальные конфликты как в рейхсрате, так и во время выборов⁵¹. Однако замысел этот удался не вполне.

Избирательная кампания в Галиции началась в конце 1906 г. Первоначально представители «русских» партий — Украинской национально-демократической и Русско-народной — предполагали совместное выступление на выборах, однако на этот раз попытка консолидации была обречена на поражение. Условия, выдвинутые русофилами, были для украинцев неприемлемы. Поэтому в апреле 1907 г. «Русская Рада» провозгласила собственную предвыборную программу. Тогда же, 19 апреля 1907 г., была оглашена и избирательная программа УНДП, основные пункты которой повторяли программу партии 1899–1900 гг. С самостоятельной программой выступили и украинские радикалы, социалисты и сторонники А. Барвинского. Таким образом, партии, представлявшие интересы «русского» населения, выступали самостоятельно. Это, в свою очередь, вызывало с их стороны немалую обеспокоенность, поскольку, несмотря на гарантированные места в рейхсрате, в целом ряде округов со смешанным населением представителям «русских» партий приходилось соперничать с поляками.

В Галиции выборы состоялись в мае 1907 г. Проходили они сложно, отмечались многочисленные нарушения, столкновения представителей противоборствующих сторон, нередко носившие кровопролитный характер. Результатом же выборов стали принципиальные изменения, которые произошли в парламентском представительстве от Галиции. Радикально изменился характер польского коло. Вместо представителей родовитой

аристократии основную массу депутатов теперь составляли представители сельского населения и городского мещанства. Соответственно изменилась и политическая ориентация польского парламентского клуба. Консерваторы утратили свою политическую монополию, получив всего 11 мандатов, из которых только четыре приходилось на долю «краковских консерваторов». Национальные демократы получили 16 депутатских мест, «людовцы» — 17, польские социалисты — четыре. Покинувший после принятия нового избирательного закона консерваторов краковский профессор Ю. Лео создал Польскую демократическую партию, получившую на выборах 11 мандатов. Новая партия заключила соглашение с эндеками, создав так называемую Демократическую унию. Председателем обновленного кола стал представитель эндеции С. Гломбинский.

Безусловно, крупного успеха добились представители «русского» населения Галиции. На долю русинов приходилась фактически треть мест, предоставленных Галиции в рейхсрате (32 из 106). Особенно удачно выборы прошли для украинцев. Их представители получили больше голосов, нежели предполагалось (27 мест от Галиции и пять от Буковины), депутатские мандаты получили среди прочих Ю. Романчук, К. Левицкий, Е. Олесницкий, С. Днистрянский, являвшиеся бесспорными лидерами украинского движения. Для русофилов, напротив, результаты были неутешительны, они получили всего пять мест в рейхсрате, не был избран и их лидер В. Дудыкевич.

Изменения в польском парламентском представительстве, преобладание в нем представителей Национально-демократической партии, а также успех «русских» партий вызвали интерес не только среди галицийского общества, но и в соседней Российской империи. Наиболее информированными в этом вопросе были представители российского внешнеполитического ведомства. Итоги выборов произвели на российских дипломатов неоднозначное впечатление. Так, поверенный в делах российского посольства в Вене С. Свербеев, активно занимавшийся анализом политических программ и деятельности австрийских партий, уделял особое внимание успеху польских национал-демократов, поскольку «перемены в сопредельной с нами Галиции могут отразиться и за пределами последней»⁵². Отмечая, что, в отличие от галицийских консерваторов, «вполне отказавшихся от мысли воссоздания польского королевства», Национал-демократическая партия «краеугольным камнем программы поставила единство всей польской нации, за которой она признает право и способность к самостоятельному политическому существованию, а также веру в неиспользованные, но с каждым днем растущие культурные и материальные силы польского народа»⁵³. Свербеев отметил, что в программе партии прямо говорится о том, что «часть Польши, находящаяся в более благоприятных условиях, обязана поддерживать национальную работу в других частях и взять на себя исполнение тех общих национальных задач, которые другие части не в состоянии осуществить». В конце своего донесения поверенный в делах подчеркнул, что «наиболее

влиятельная польская партия в Австрии открыто ставит одной из своих задач вмешательство во внутреннюю политику иноземных частей Польши, чем, несомненно, поставит себя во враждебные отношения с обеими соседними монархиями (т.е. Германией и Россией)»⁵⁴. В то же время российский дипломат не торопился с негативными оценками в отношении победившей партии, поскольку первые ее заявления были направлены против Германии, что в целом не противоречило российским интересам.

Отмечая успех, который выпал на долю русинов, другой представитель российского МИДа — посол в Вене Л.П. Урусов высказывал предположение, что «в австрийском рейхсрате русины, вероятно, сплотятся воедино и будут требовать совместно изменений в избирательной системе, установленности для Галиции национальной автономии с особым русинским сеймом во Львове и основания в этом городе украино-русинского университета»⁵⁵.

Прогнозы российских дипломатов были вполне оправданны. Первым же шагом нового кола стал протест против притеснений поляков в Пруссии. До 1907 г. поляки — депутаты рейхсрата не поднимали этот вопрос, поскольку, с одной стороны, защита польских интересов находилась в руках консервативной шляхты, отказавшейся от мысли о воссоздании независимого польского государства в ближайшей перспективе, а с другой — польское коло не имело достаточно возможностей для того, чтобы воздействовать на внешнюю политику монархии. Но Национально-демократическая партия, составившая большинство в польском коло, ставила перед собой задачу достижения единства всей нации в борьбе за обретение независимости. При этом партия допускала возможность вмешательства во внутреннюю политику соседних держав — участниц разделов. В отношении Германии это прежде всего означало протест против Закона 1906 г. об отчуждении польских земель. Закон затрагивал интересы не только прусских поляков, но также и австрийских подданных, поэтому председатель кола, лидер национальных демократов Гломбинский, выступил в парламенте с протестом против проведения такой политики, которая «может не только подорвать жизненный организм самой Германии, но и ослабить ее и Австро-Венгрии дружественные узы»⁵⁶. Акция эндеков грозила немалыми внешнеполитическими затруднениями для империи. Австрийское правительство с большим трудом сумело отбить первую атаку польских националистов в рейхсрате.

Несмотря на подобное начало деятельности нового польского парламентского представительства, коло сохранило свои позиции в проправительственной блоке во многом благодаря позиции представителей консерваторов, считавших необходимым сотрудничество с центральным правительством. Однако национальные демократы не придерживались постоянно столь привычной для польского кола лояльной по отношению к центральному правительству позиции. Лидер кола С. Гломбинский не раз подчеркивал, что не может гарантировать голосования польских парламен-

тариев в желательном для правительства духе, в случае если правительство не прислушается к требованиям национальных демократов⁵⁷. Также недовольство эндеков вызывала и готовность центрального правительства пойти на ряд уступок требованиям украинских представителей, договоренность о которых была достигнута в ходе переговоров между Украинским клубом коло и правительством осенью 1907 г. Радикальная часть эндеции требовала перейти в оппозицию правительству и отказаться от голосования по бюджету⁵⁸. Это вызвало недовольство императора⁵⁹, а в конечном итоге привело к роспуску парламента и новым выборам.

Как и в предыдущий период, на соотношение сил в парламентском представительстве от Галиции существенное, если не определяющее влияние оказывали взаимоотношения политических сил в самой провинции. Конфронтация между эндеками, с одной стороны, и галицийским наместничеством и западногалицийскими консерваторами — с другой, отразилась и на ситуации в польском коло. Одним из следствий этого стал распад Демократической унии — союза между национальными и польскими демократами. Разногласия между партиями возникли на почве выборов в провинциальные органы власти и постепенно привели к расколу в Унии, а затем и к ее распаду. Уния прекратила свое существование в середине 1909 г., когда наместник Галиции М. Бобжинский поддержал представителя польских демократов в борьбе за освободившийся мандат в центральный парламента. Это привело к расколу союза между национальными и польскими демократами и к началу сближения последних с западногалицийскими консерваторами⁶⁰.

Дальнейшая эскалация конфликта между эндецией и провинциальной администрацией, основной причиной которого стали их противоречия в национальном вопросе, и позднее оказывала влияние на расстановку сил в польском коло. Так, резолюция съезда национально-демократической партии от 22 мая 1910 г., содержащая призыв к борьбе с провинциальным правительством, привела не только к выходу из партии многих ее членов, но и к расколу в парламентской фракции эндеции⁶¹.

На новый уровень вышла парламентская деятельность представителей восточнославянского населения империи. Первоначально депутаты-русины планировали солидарную деятельность, и 17 июня 1907 г. был создан единый парламентский клуб. В его состав вошли видные деятели как украинского, так и русофильского движения: К. Левицкий Ю. Романчук, Е. Олесницкий и русофил В. Курилович, всего 30 депутатов из Галиции и Буковины (социал-демократы Витык и Остапчук вступили в общеавстрийскую социал-демократическую фракцию). Клуб был назван «Руським (малоруським)» или же по-немецки «Ruthenen-klub». Своей задачей члены клуба объявили защиту интересов «малоруськой нации для ее самостоятельного развития, политического, экономического, общественного и культурного»⁶². Первой акцией объединенного «Руського клуба» стало заявление, которое поднимало проблему создания из Восточной Галиции и Буковины отдельной провинции. Кроме этого, депутаты протестовали «против незаконного расширения компетент-

ности галицийского сейма, против исключительного положения, в которое поставлен наместник, и против произвола австрийской администрации⁶³. Такие требования были, скорее, характерны для украинцев, занимавших более активную политическую позицию и пользовавшихся определенной поддержкой со стороны австрийских властей, и совместное их выдвижение было дополнительным проявлением солидарности, которой в это время еще пытались достичь представители обоих направлений. Попытки эти оказались неудачными, и уже в июне 1907 г. «Руський клуб» стал полностью украинским. Русофилы осенью того же года основали немногочисленный (4–5 человек) «Русско-народный клуб», или «Altrutenische Verband», закрепив за собой имя старорусинов. В основу программы этого парламентского клуба легла программа Русско-народной партии: «Защита прав и интересов русско-го населения в пределах Австрии, сохранение русских народных достояний и святынь, стремление к достижению для забытого и забитого русского народа лучшего будущего и создание лучших условий для его развития»⁶⁴.

«Украинский клуб», состоявший в основном из представителей Украинской национальной партии (УНДП), с самого начала своего существования позиционировал себя в качестве представителя всего «руського» населения Австро-Венгрии, что не вполне соответствовало действительности. Помимо русофилов, пусть и утративших часть своего политического влияния, но все еще весьма популярных в народе, самостоятельную позицию по многим вопросам занимали члены Русько-Украинской радикальной партии. Собственной линии придерживались буковинские украинцы, значительно чаще склонявшиеся к возможности компромисса и с краевыми, и с центральными властями. К многочисленной и влиятельной социал-демократической фракции в рейхсрате примкнули также депутаты — члены Украинской социал-демократической партии. Лишь с течением времени участники «Украинского клуба» сумели привлечь на свою сторону практически всех депутатов-украинцев.

При этом следует отметить, что «Украинский клуб» с самого начала своей деятельности являлся инициатором большинства украинских инициатив в парламенте. Депутаты-украинцы стремились в полной мере использовать новую ситуацию для достижения своих целей, и им это в немалой степени удалось. Достаточно отметить, что за семь лет работы в рейхсрате украинцы вплотную приблизились к реализации основных пунктов своей программы — созданию украинского университета и реформе провинциальной избирательной системы. С первых дней работы парламента украинские депутаты проявляли большую активность, добиваясь от центрального правительства и влиятельного польского коло признания своих требований, прибегая при этом к оригинальным, но вполне популярным в новом парламенте методам борьбы.

Эти усилия принесли свои результаты. По словам министра-президента М. фон Бека, правительство, не признававшее до сих пор остроты вопроса, должно приложить все усилия для его скорейшего урегулирования.

Со своей стороны, правительство согласилось на ряд мер, призванных способствовать достижению компромисса. В первую очередь к ним относилось расследование нарушений в ходе выборов в Галиции и принятие соответствующих мер. Далее правительством был предложен ряд шагов относительно решения университетского вопроса, в частности расширение преподавания на украинском языке, создание нескольких новых украинских кафедр, предполагалось увеличение финансовой помощи просветительским организациям. В результате к концу 1907 г. было достигнуто соглашение между украинским парламентским представительством, центральным правительством, галицийским наместничеством и польским колом. По условиям этого соглашения предполагалось расширение прав украинского языка в вопросах галицийского и местного управления, а также во Львовском университете; создание при польских гимназиях параллельных украинских классов; достижение польско-украинского компромисса в вопросе сеймовой реформы. Украинский клуб обязался не участвовать в парламентской оппозиции до осени 1909 г.⁶⁵ Таким образом, в первые месяцы работы рейхсрата украинские депутаты выработали свою линию взаимоотношений с имперским правительством, основанную, с одной стороны, на возможности реального влияния украинской фракции на работу парламента, а с другой — на необходимости поддержки украинских требований со стороны центрального правительства и, соответственно, лояльности украинцев. Подобная система взаимоотношений украинских политиков с имперскими властями сохранилась вплоть до 1914 г. В целом линия поведения, выбранная участниками Украинского клуба, добившихся не только права практически единолично представлять интересы восточнославянского населения Австро-Венгрии, но и обративших на проблемы этого населения внимание высших чиновников империи, оказалась весьма успешной. Украинские депутаты заняли заметное место в ряду других национальных парламентских представительств. Косвенным признанием их роли стало избрание в феврале 1910 г. вице-президентом нижней палаты рейхсрата одного из наиболее влиятельных украинских политиков — Ю. Романчука. Впервые представитель «русского» населения занял столь высокое место в политической системе империи. Его преемником в качестве лидера Украинского клуба стал К. Левицкий.

Непросто складывались отношения Украинского клуба и других славянских представительств. Негативное отношение украинских лидеров к неославянскому движению стало причиной того, что и впоследствии украинское представительство весьма прохладно относилось к славянским объединениям в парламенте. Так, Украинский парламентский клуб не вступил в парламентский Славянский союз, основанный 17 февраля 1909 г. По мнению К. Левицкого, этот союз был порождением либо следствием неославянской пропаганды⁶⁶. Позднее наметилось сближение между украинскими депутатами и Славянским союзом. Причиной стало противостояние

Союза и польско-немецкого правительственного блока. Славянский союз поддержал требование украинских депутатов о применении украинского языка наравне с польским в галицийском судопроизводстве. В начале июня того же года Славянский союз и Украинский клуб заключили соглашение на следующих условиях: украинский парламентский клуб выступает с тактической поддержкой Союза, ожидая, в свою очередь, от него поддержки украинских национальных, культурных и экономических требований. Несмотря на то что до полноценной консолидации украинских парламентариев и славянского большинства не дошло, представители обоих объединений несколько раз выступали с солидарными заявлениями относительно прав национальных меньшинств в монархии. Таким образом, представителям украинского движения, прежде всего украинским парламентариям, идеи славянской консолидации вовсе не были чужды. Однако единство это воспринималось ими прежде всего как тактическая консолидация славянских народов Габсбургской монархии, но ни в коей мере не сближение этих народов с Россией.

Выборы в парламент 1911 г. заметно изменили расстановку сил в польском Коло. Еще в 1907 г. после поражения на выборах консерваторы привлекли на свою сторону представителей Партии строничтва людового (ПСЛ). Консерваторы видели в «людовцах» противовес национальным демократам, а также возможных союзников в борьбе за влияние на избирателей в сельских округах. Со стороны лидера ПСЛ Я. Стапиньского в этом союзе также заключался трезвый расчет, поскольку сотрудничество с обладавшими реальной властью консерваторами открывало перед партией путь во властные структуры провинции, а также давало возможность укрепить финансовую базу. Уже на выборах в сейм, которые состоялись в 1908 г., ПСЛ выступила совместно с консерваторами, что позволило им укрепить свои позиции⁶⁷. Союз, основанный на стремлении обеих сторон противодействовать растущему влиянию польской национальной демократии, а также близости по украинскому вопросу, сохранился и позднее, при подготовке к выборам в рейхсрат 1911 г.⁶⁸ Консерваторы также сумели наладить отношения с либеральной Польской демократической партией. Это позволило всем участвовавшим в соглашении партиям, заметно укрепить свои позиции в парламентском представительстве. «Людовцы» увеличили свое представительство с 17 до 24 мандатов, либералы получили 13 мандатов, «станчики» — 10 мандатов, столько же получили и восточногалицийские консерваторы — «подоляки»⁶⁹. Напротив, национальные демократы заметно утратили свое влияние в парламенте, вместо 16 депутатских мест они получили только девять.

Среди «русских» депутатов, как и в парламенте предыдущего созыва, наиболее представительной была группа депутатов от УНДП — всего 18 человек. От радикальной партии в парламент прошли пять депутатов, а также один социал-демократ. Были избраны также пять депутатов-украинцев от Буковины. Таким образом, в новом рейхсрате заседали 29

украинских депутатов, меньше, чем в предыдущем парламентском созыве. При этом в значительно большей степени утратили позиции политические конкуренты украинцев — галицийские русофилы. В новом парламенте их было всего двое.

16 июля 1911 г. в Вене состоялось собрание представителей всех украинских партийных групп, на котором К. Левицкий выступил с предложением о создании консолидированного парламентского союза. С этим предложением согласился лидер буковинских украинцев Н. Василько и, после некоторых колебаний, представитель радикалов В. Лагодинский. Представители трех украинских партий, входивших в союз, признали, что борьба за избирательную реформу в сейм и за украинский университет являются общим делом всего украинского представительства. При открытии первой сессии рейхсрата вновь созданный союз выступил с декларацией, в которой заявил, что выступает от лица самостоятельного украинского народа, целью которого является создание национально-культурной автономии в составе австрийской державы⁷⁰. Это решение способствовало тому, что в рейхсрате украинцы выступали солидарно и могли оказывать серьезное влияние на работу парламента. При этом следует отметить, что Украинский парламентский клуб заявлял о своей оппозиции правительству и активно прибегал к обструкции.

Краеугольным камнем всей украинской политики в парламенте стало требование основания во Львове высшего учебного заведения с преподаванием на украинском языке. В апреле 1912 г. К. Левицкий созвал совещание Украинского парламентского союза, участники которого единогласно пришли к выводу, что университетский вопрос является важнейшим для всего украинского народа. В борьбе за самостоятельный университет украинцы прибегли к своему излюбленному приему — обструкции, которая грозила сорвать принятие важнейших для государства законопроектов, в том числе военных, что в условиях роста международной напряженности было крайне нежелательно. Это, несомненно, побудило правительство пойти навстречу украинским требованиям и ускорить принятие решения по университетскому вопросу.

Переговоры шли трудно. Неуступчивость обеих сторон, как польской, так и украинской, их полная неготовность к достижению компромисса привели к тому, что правительство практически устранилось от участия в переговорном процессе, в результате чего процесс создания украинского университета был приостановлен. На протяжении 1913 г. украинские представители в рейхсрате неоднократно возвращались к вопросу о создании университета, однако эти попытки так и не привели к какому-либо прорыву в этом направлении. Неудача переговоров и их практический провал привели к росту разногласий внутри Украинского парламентского союза. В результате его покинули буковинские украинцы во главе с Н. Василько. Представители УНДП и радикалы сохранили единый парламентский клуб.

Новый импульс переговорному процессу был придан выступлением грекокатолического митрополита А. Шептицкого. Митрополит, принявший участие в переговорах по избирательной реформе в качестве посредника, высказал предположение, что согласие польской стороны на открытие украинского университета послужило бы проявлением стремления поляков к достижению национального примирения. Польская сторона выразила согласие на возобновление переговоров, более того, выразила согласие смягчить свои требования⁷¹. Украинцы восприняли это как свою победу, однако конкретных шагов к открытию украинского университета так и не было сделано, а начавшаяся вскоре мировая война превратила создание украинского университета в дело далекого будущего.

Деятельность парламентского представительства от Галиции практически закончилась в марте 1914 г., когда из-за непрекращающейся чешской обструкции, сделавшей работу парламента крайне неэффективной, его деятельность была приостановлена на три года.

Парламентская жизнь Буковины

Интересы румынского населения австрийской половины монархии представляли в венском рейхсрате депутаты из коронного края Буковина, где румыны были самым многочисленным этносом до начала 1870-х гг., затем уступив первенство русинам, но продолжая оставаться второй по численности национальной группой, составлявшей чуть более трети населения (и до 80% в Южной Буковине). Собственные парламентские традиции Буковины вели свой отсчет с Мартовской конституции 1849 г., отъединившей этот край от Галиции предоставившей ему автономию, собственное местное собрание (сейм) и право на представительство в имперском рейхсрате. Румынское боярство Буковины, до 1848 г. фактически дистанцировавшееся от участия в работе местного сословного сейма Галиции и Лодомерии, в новых условиях задает тон в политической жизни края, его представители избираются в рейхсрат, хотя быстрая смена политической ситуации и установление неоабсолютистского режима прервали любую парламентскую активность вплоть до 1861 г., когда в условиях возобновившихся в империи конституционных исканий начал работу буковинский сейм, полноценно функционировавший до начала Первой мировой войны. Большинство депутатов первого созыва составили румынские политики; в дальнейшем буковинский сейм продолжал оставаться местом соперничества политиков разных национальных партий, в первую очередь румынских и русинских. В 1904 г. из 59 депутатов местного сейма было 22 румына, 17 украинцев (русинов), 10 евреев, 6 немцев и 4 поляка⁷². В Венском рейхсрате к 1914 г. было 16 представителей Буковины, расколотых между совершенно разными политическими партиями (включая Украинский клуб и немецких националистов), но неоднократно выступавших единым блоком, когда дело касалось отстаивания узкорегionalных интересов.

Государственное собрание Венгерского королевства

Венгерский парламент, созданный в 1848 г. в Пеште, был преемником сословного представительного Государственного собрания, оформившегося во второй половине XVI — начале XVII в. Он состоял из двух палат — верхней, где заседали иерархи католической церкви и аристократы, получавшие членство по праву рождения, и нижней, куда комитаты (вне зависимости от территории и численности дворянского сообщества) и королевские вольные города делегировали по два «посла». От направлявших их на сословный форум дворянских (бюргерских) корпораций те получали подробные инструкции, как голосовать, и в этом смысле не обладали свободой волеизъявления. Все изменила революция, предоставившая гражданам страны право голоса, если те были достаточно состоятельны и образованны, и превратила депутата в политика, выражающего собственные взгляды и на основании личных убеждений вступающего в ту или иную партию (фракцию).

По избирательному закону 1848 г., все, кто обладал правом голоса в сословной Венгрии, сохранял его за собой пожизненно, но не мог передавать по наследству. Обладателями активного избирательного права являлись мужчины, достигшие 20-летнего возраста, владевшие недвижимостью (минимум четверть земельного надела или постройка стоимостью 300 форинтов), или имевшие определенный доход (минимум 100 форинтов), или принадлежавшие к одной из требующих образования профессий (врачи, учителя, инженеры, священники и пр.). В результате реформы число избирателей выросло в четыре раза, но имущественный и образовательный цензы способствовали поддержанию преимущественно дворянского характера корпусов избирателей и народных избранников. При том что многие аристократические роды занимали места в «палате пэров» по наследству, их доля в нижней палате была довольно высока и в среднем колебалась на уровне 11–12%.

Реформа избирательного права 1874 г. мало что изменила в удельном весе и социальном облике электората. Нововведения носили технический характер и касались критериев имущественного ценза: отныне это была не недвижимость (земля или постройка) либо доход, но сумма годового налога, уплачиваемого с движимого или недвижимого имущества. Эта мера сократила долю электората на целый процент, теперь избиратели составляли около 6% населения. Такое соотношение электората и населения страны сохранялось до конца существования Австро-Венгрии, т.е. число избирателей росло пропорционально приросту населения⁷³. Иными словами, если в дни революции 1848 г. Венгрия была в авангарде европейского континента, то в 1905 г. она отставала от Австрии (Цислейтании) с ее 27%, Франции — 28% или Германии — 22% населения, наделенного правом избирать парламент⁷⁴.

Именно в соответствии с Законом 1874 г. в стране происходили выборы вплоть до распада Австро-Венгрии в 1918 г., хотя ведущие политики еще не

раз возвращались к пересмотру избирательного закона. Не платившие налогов лишались права голоса. В 1913 г., наконец, парламент одобрил реформу, расширявшую избирательную базу до 8,7% населения. К избирательным урнам допускались мужчины, достигшие 24-летнего возраста, уплачивающие определенный налог, или мужчины старше 30 лет с начальным школьным образованием. Однако в условиях начавшейся вскоре мировой войны выборы по этому закону ни разу не проводились.

От раннего Нового времени страна унаследовала непропорциональную нарезку избирательных округов: число депутатов не находилось ни в какой зависимости от населения округа. Закон 1877 г. не устранил этого недостатка. Так, в 1896 г. в самом маленьком округе — Абрудбане насчитывался 181 избиратель, в то время как в самом большом — Гомонне (ныне Гуменне в Словакии) — 6 210. Другой, сознательно поддерживаемой диспропорцией были незначительные расхождения в пороге имущественного ценза, варьиовавшегося от комитата к комитату. Там, где доля мадьяр была высока, ценз завышался, там же, где население составляли национальности, понижался, что позволяло румынам или русинам делегировать своих представителей в парламент. Андраш Герё приводит данные по процентному соотношению избирателей разных национальностей на 1905 г. в соотношении к данным переписи населения за 1910 г. (см. табл.). Из них следует, что электоральное представительство на душу населения самой экономически отсталой этнической группы — русин, — было сопоставимо с тем же соотношением у мадьяр⁷⁵.

Таблица. Процентное соотношение народов Венгерского королевства в Парламенте

Национальность	Этнический состав электората в 1905 г.	Данные переписи населения 1910 г.
Мадьяры	56,2	54,5
Немцы	12,7	10,4
Словаки	11,4	10,7
Румыны	11,2	16,1
Русины	2,9	2,5
Хорваты	1,2	1,1
Сербы	2,8	3,0
Прочие	1,6	1,7

Так правительству удавалось уменьшить социальную базу оппозиции — мадьяр с невысокими доходами, в среде которых пользовалась популярностью Партия независимости и 48-го года с ее программой ревизии системы дуализма. Как заметил К. Кечкемети, правительство не могло признать, что полувека оказалось недостаточно, чтобы окончательно легитимировать принципы Соглашения 1867 г. в стране — главным выго-

доприобретателе от его заключения. Поэтому обывателю предъявлялись аргументы о демократической анархии, сепаратизме национальных элит, угрозе социализма⁷⁶.

Важная реформа затронула в 1885 г. верхнюю палату парламента, где подавляющее большинство депутатов составляли назначаемые католическим клиром епископы или унаследовавшие мандат по праву рождения аристократы. Число иерархов было существенно сокращено, к оставшимся присоединились представители трех протестантских конфессий и члены Верховного суда. Из аристократов места сохранили только те, кто платил не менее 3 тыс. форинтов годового налога. Был также утвержден список почетных граждан, которым место в верхней палате давалось за заслуги перед отечеством, как архитектору Миклошу Иблу. С другим «пережитком» — открытым характером голосования, оставлявшим простор для давления, манипулирования, запугивания, — было покончено в 1887 г., когда выборы, наконец, стали тайными.

Если в Австрии либеральная эпоха завершилась в конце 1870-х гг. и ей на смену пришло консервативное правительство Э. Тааффе, известное как «железное кольцо», то в Венгрии либералы — сначала «партия Деака», затем подхватившая у нее эстафету партия Кальмана Тисы — находились во власти до 1905 г., и последняя сумела вернуться во власть в 1910 г. Иными словами, из 13 предвыборных кампаний, проходивших в Венгрии в эпоху дуализма (1869, 1872, 1875, 1878, 1881, 1884, 1887, 1892, 1896, 1901, 1905, 1906, 1910 гг.), либералы проиграли «независимым» только две — в 1905 и 1906 гг.

Осень 1904 г. и весь 1905 год прошли в Венгрии под знаком парламентского кризиса. Все инициативы правящей Либеральной партии, принимаемые ею во имя сохранения системы дуализма, разбивались об излюбленное оружие оппозиции — обструкцию. Они затягивали дебаты, поднимали шум в зале, мешавший конструктивному обсуждению, не являлись на заседания. Раздраженный лидер либералов И. Тиса прибег к уловке, позволившей ему изменить внутренний регламент так, чтобы оппозиция не мешала работе парламента (упомянутое выше «голосование по взмаху платка»). В ответ на фактически антиконституционные действия председателя парламента разгневанная оппозиция 13 декабря 1904 г. устроила погром в зале заседаний, переломав мебель. Восемнадцать депутатов от Либеральной партии в знак несогласия покинули ее ряды. Численность оппозиции, напротив, возросла к концу 1904 г. до 160 человек. Начались переговоры о создании широкой оппозиционной коалиции: Партия независимости и 48-го года, группа Г. Угрона, Национальная партия, «диссиденты», отколовшиеся от Либеральной партии, Католическая народная партия и др. 3 января 1905 г. парламента был распущен, страна готовилась к новым выборам.

В ходе предвыборной кампании А. Аппони и Ф. Кошут агитировали в пользу отказа от дуализма и заключения персональной унии с Габсбургами.

«Венгрия станет независимой и свободной, и царствующий дом, который, к сожалению, не видел до сих пор в свободолюбивом венгре постоянного друга и опоры, сможет убедиться в том, что единственная действительная его опора — великая могущественная Венгрия»⁷⁷. В сложившихся обстоятельствах император-король санкционировал формирование внепарламентского кабинета министров во главе с лично ему преданным генералом Г. Фейервари, фигуру которого открыто игнорировали депутаты. Но, победив на выборах, коалиция в момент триумфа фактически отказалась от программы, сняв свои основные требования персональной унии, национальной таможни и венгерского языка в армии.

Проектам введения всеобщего тайного голосования для совершеннолетних мужчин не было суждено воплотиться в жизнь. После парламентского кризиса 1905 г. за разработку проекта избирательной реформы взялся Дюла Андраши-мл. Он предложил адаптировать к венгерским реалиям плюральную избирательную систему, действовавшую с 1884 г. в Бельгии. Предусматривалось, что в зависимости от суммы годового налога и уровня образования все мужское население страны получало бы право на три, два или один голос. Чтобы не дискриминировать не умеющих читать и (или) писать, предлагалось каждому 12 неграмотным позволять высказать свою волю через одно обладающее активным избирательным правом «доверенное лицо». Проект не устроил ни одну из политических партий. В 1908 г. его окончательно сняли с рассмотрения, но вплоть до 1912 г. в стране не прекращались демонстрации с требованиями введения всеобщего избирательного права. Наконец, в последний день года в парламента был внесен проект, получивший силу закона в апреле следующего года. К выборам допускались мужчины не моложе 24 лет, если они окончили среднюю школу. Тем, чье образование ограничивалось начальной школой, возраст устанавливался в 30 лет. Тайное голосование допускалось только в крупных городах. С принятием закона, автором которого был тогдашний премьер-министр Ласло Лукач, число выборщиков выросло на довольно скромные 800 тыс. человек.

Парламентское представительство словаков

Депутатов Государственного собрания из числа словаков можно было условно разделить на два лагеря. Один состоял из представителей общевенгерского политического мейнстрима, в котором словаков и венгров, невзирая на принадлежность к разным этносам, считали неразрывным политическим целым. Другой же включал в себя сторонников национального движения, которые стремились закрепить культурную и языковую самостоятельность малых народов Венгрии на политическом поле, смягчив или отменив ранее принятые законы. Различия в их принципах и происшедшие на этой почве конфликты вели к нарастанию антагонизма между ними. Происходило это, впрочем, постепенно.

Работа провенгерских депутатов парламента неотделима от деятельности основных политических партий королевства, программы которых они поддерживали при избрании. Следует сказать, что первые словацкие депутаты, отстаивавшие национальные интересы в рамках Государственного собрания, также были включены в состав общевенгерских политических клубов. Обособленное от них словацкое представительство стало складываться только в начале XX в., поскольку лишь в 1901 г. в парламенте появились первые депутаты, избранные непосредственно от СНП. До этого, на выборах 1869, 1872 и 1896 гг., сторонники словацкого национального движения либо входили в крупные общегосударственные партии, либо поддерживали настроенных на компромисс представителей этих сил. Завершился процесс обособления еще позже, в 1905 г., формированием Парламентской национальной партии⁷⁸. С этого времени она достаточно зримо могла противопоставить себя представителям всех остальных группировок.

Долгое время больше всего мандатов в словацких комитатах получали правящие партии. Основой их политической программы был классический либерализм и поддержка системы дуализма⁷⁹. Уже первая такая организация, Партия соглашения Ференца Деака, участвовавшая в избирательных кампаниях 1865, 1869 и 1872 гг., получала от 80 до 90% мандатов, судьба которых решалась на словацкой территории⁸⁰. Результаты следующего политического объединения, определявшего жизнь в королевстве на протяжении 30 лет, — Либеральной партии — были также впечатляющими. Лишь в одной из девяти избирательных кампаний ей досталось меньше двух третей «словацких» мандатов⁸¹.

В этих партиях в большинстве своем состояли те, кого можно отнести к верхам не только словацкого, но и в целом венгерского общества, т.е. дворянство, одновременно выполнявшее функции бюрократии, и крупная буржуазия. В разное время в них входили такие крупные помещики и чиновники, как Золтан Змешкал (депутат парламента в 1869–1905 гг.), Дариуш Смречани (депутат в 1866–1885 гг.), Симон Реваи (депутат в 1848–1849 и 1861–1867 гг.), экономист и предприниматель Валер Смяловский (депутат в 1887–1905 гг.), юрист и общественный деятель Бело Руднаи (1857–1932; депутат парламента в 1891–1892 и 1910–1918 гг.), предприниматель и журналист Ян Непомук Бобула (депутат в 1892–1897 гг.). Эти представители мелкодворянских и баронских родов, состоявшие на государственной службе, а также преуспевающие коммерсанты, будучи этническими словаками, не мыслили «словацкое» и «венгерское» по отдельности. Однако это не превращало их во врагов своего народа.

Так, Я.Н. Бобула начинал общественно-политическую деятельность как представитель национального движения, являлся одним из лидеров так называемой Новой словацкой школы. С этой же группировкой поддерживали контакты З. Змешкал и С. Реваи⁸². Кроме того, Змешкал защищал в парламенте идею равного (без дифференциации по национальному признаку) финансирования образовательных учреждений в королевстве⁸³,

а В. Смяловский выступал перед депутатами в поддержку промышленного развития словацких территорий⁸⁴. Последний также публиковал в прессе статьи о перспективности верхневенгерских земель для туризма. Впрочем, контакты и готовность отстаивать словацкие интересы не означали и полного согласия с лидерами национального движения. Тот же В. Смяловский был секретарем Верхневенгерского образовательного общества (ФЕМКЕ)⁸⁵, которое сторонники СНП считали мадьяризаторским. Принадлежал к этой организации и Б. Руднаи⁸⁶.

Словацкие депутаты входили и в оппозиционные партии. Из них относительно более популярной и шире представлявшей словацкие округа была умеренная Партия левого центра. Она выступала за расширение независимости Венгрии в рамках дуализма⁸⁷. К ней принадлежали от 7 до 10% депутатов, избранных на территории словацких комитатов⁸⁸, и так продолжалось до 1875 г. В тот год большая часть «левоцентристов» объединилась с Партией соглашения, образовав Либеральную партию⁸⁹. Именно с программой левого центра прошел в парламент первый со времен революции 1848–1849 гг. депутат — сторонник словацкого национального движения Вилиам Паулины-Тот⁹⁰. Это событие важно еще и потому, что он возглавлял так называемую Старую школу — объединение общественных деятелей, делавших в борьбе между Венной и Будапештом ставку на Вену. После принятия австро-венгерского Соглашения 1867 г. они оказались в политическом вакууме; вырваться из него было возможно только путем сотрудничества с одной из общевенгерских партий. Лозунг о пересмотре Соглашения, который разделяла и группа левого центра, хорошо подошел для такого сотрудничества. Участвуя в работе фракции на заседаниях парламента, В. Паулины-Тот не только выступал по национальному вопросу, но и предлагал законопроекты, охватывавшие, в случае их реализации, всю Венгрию. Его деятельность сводилась к защите образовательных и культурных учреждений (в частности, бюджетных отчислений для них), разработке проекта урегулирования национальных отношений. Он добивался одобрения Государственным собранием нескольких проектов, подготовленных словацким экономистом Ондреем Червенаком и касавшихся преобразований в экономике и народном хозяйстве⁹¹. Этот и другие примеры (Я. Бобулы, З. Змешкала и С. Реваи) показывают, что во второй половине XIX в. контакты и сотрудничество между защитниками «словацкости» и приверженцами венгерского патриотизма были лишены той непримиримости, которая стала характерна для начала XX в.

Более того, в конце 1860-х гг. представители словацкого национального движения поддерживали контакты и с самой радикальной оппозицией венгерского парламента, выступавшей против системы дуализма как таковой⁹². Речь идет о Крайней левой партии, сотрудничество с которой в 1868 г. попыталась наладить Новая школа. Однако ответной реакции «левых» на выработку словаками приемлемой для венгерского союзника партийной программы и подачу собственного проекта закона о национальностях не

последовало⁹³. В результате данная партия, равно как и все последующие группировки, объединявшие сторонников независимости королевства, оказалась менее всего связанной с парламентской деятельностью словаков. Это произошло в том числе и из-за низкой популярности «независимцев» в словацких землях. Обычно к этой партии примыкали не более 8% избранных здесь депутатов⁹⁴. Однако исключения все же бывали, как, например, на выборах 1896 г., когда СНП в ходе избирательной кампании поддержала прошедшего в итоге в парламент представителя радикальной оппозиции Оскара Иванку⁹⁵.

Описанная выше ситуация, раскрывающая предпочтения словацких депутатов, а также направления их деятельности в Государственном собрании, сохранялась на протяжении долгого времени, но не была лишена динамики. *Во-первых*, влияние могли оказывать малые партии и политические объединения. В частности, Всевенгерская антисемитская партия, просуществовавшая с 1882 до середины 1890-х гг. и стремившаяся уменьшить роль евреев в области предпринимательства⁹⁶. Большого количества мандатов она не получала, однако на выборах 1884 и 1887 гг. ей достались три места в парламенте от словацких округов. Одно из них завоевал этнический словак, адвокат Ян Кудлик⁹⁷. Еще одним депутатом словацкого происхождения от этой партии стал юрист Йозеф Кубина, избранный, правда, уже под конец ее существования, в 1892 г.⁹⁸

Во-вторых, состав Государственного собрания мог претерпевать корректировку уже после выборов из-за лишения депутатской неприкосновенности и судебных тяжб. Таким образом из парламента выводились представители самых разных партий и национальностей. Не миновала эта участь и словаков. Достаточно привести лишь несколько примеров: в 1896 г. в парламенте были поданы прошения о лишении депутатской неприкосновенности З. Змешкала и О. Иванки, первого (к тому времени уже члена Католической народной партии) — за оскорбление должностного лица в ходе избирательной кампании, второго — за дуэль, происшедшую в то же время⁹⁹. В 1905 г. уже независимый депутат от СНП Франтишек Веселовский был приговорен к тюремному заключению за беспорядки, спровоцированные им в ходе предвыборной борьбы¹⁰⁰.

Серьезные подвижки на политической арене произошли на рубеже веков. Начало переменам положило формирование в 1895 г. Католической народной партии, которая быстро стала второй по популярности среди словаков¹⁰¹. По отношению к парламенту это выразилось в присоединении к новой группировке некоторых словацких депутатов, ранее бывших проправительственными. Кроме того, эту когорту пополнили новые политики. Среди парламентариев, сменивших свою партийную принадлежность, оказались такие политики, как З. Змешкал из Либеральной и Й. Кубина из Государственной антисемитской партий¹⁰². Примкнул к ней и уже успевший проработать один депутатский срок католический священник Мартин Коллар¹⁰³. При этом необходимо отметить, что Кубина и Коллар одновременно

состояли и в СНП. Таким образом, они в точности повторяли путь В. Паулины-Тота. Новичками в Государственном собрании стали такие словаки, как журналист Эдмунд Беницкий¹⁰⁴, помещик Юрай Смерчани¹⁰⁵, финансист Франтишек Скичак¹⁰⁶, Михал Юришш¹⁰⁷.

Следует отметить, что словацких депутатов, когда-либо попадавших в состав КНП, можно разделить на две группы. Их возникновение связано с крупным событием в истории венгерского парламентаризма, а именно крахом Либеральной партии на выборах 1905 г. На протяжении десятилетия перед этими выборами главным элементом программы КНП, привлекавшим словацких депутатов в ее ряды, была реализация Закона о национальностях 1868 г.¹⁰⁸ Именно за нее боролись в своих парламентских выступлениях Й. Кубина, М. Коллар¹⁰⁹ и, надо полагать, М. Юришш, избранные в 1896 г., а также Ф. Скичак, хотя тот и прошел в парламент непосредственно в 1905 г.¹¹⁰ Однако после поражения либералов КНП оказалась в составе правящей коалиции, чей политический курс определялся «независимцами», занявшими к тому времени жесткую провенгерскую позицию по национальному вопросу¹¹¹. Во имя общих интересов КНП сняла вопрос о Законе 1868 г. с повестки дня. Это повлекло за собой выход из партии всех ее членов, которые сочувствовали национальному движению. Их место заняли словацкие депутаты, поддерживавшие идеологию официального патриотизма. В частности, таких взглядов придерживались Э. Беницкий и Ю. Смерчани, избранные в парламент в 1906 г. В своих выступлениях они обвиняли словацкое национальное движение в том, что оно способствует росту протестных настроений и провоцирует общественные волнения¹¹².

Впрочем, борцам за национальные права в новых условиях было к кому присоединиться. В Государственном собрании с 1901 г. появились депутаты, избранные напрямую от СНП, без посредничества других партий, а именно адвокаты Франтишек Веселовский, Ян Валашек, Ян Ружиак и покинувший КНП М. Коллар¹¹³. Хотя до истечения срока своих полномочий проработал только Коллар (все остальные либо оказались осуждены за беспорядки в ходе избирательной кампании, либо были вынуждены отказаться от мандата), это не стало концом представительства в парламенте сторонников словацкого национального движения. Единственный кандидат, прошедший с программой СНП на выборах 1905 г., Милан Годжа, принял участие в одной из самых значительных парламентских акций национальных движений за всю историю Венгерского королевства: вместе с сербскими и румынскими депутатами создал Парламентскую национальную партию¹¹⁴. Вскоре в нее перешел один из последних борцов в рядах КНП за права меньшинств — Ф. Скичак¹¹⁵. Его контакты с Годжей привели к тому, что к досрочным выборам 1906 г., которыми завершилось противостояние венгерской правящей коалиции и австрийской короны, в рамках СНП возникло католическое течение борцов за права национальностей. Оно получило название Словацкой народной партии.

В 1906 г. ситуация, связанная со словацким представительством в венгерском парламенте, существенно изменилась в связи с самороспуском Либеральной партии и последовавшим за этим перераспределением электората. Конституционная партия, сплотившая вокруг себя основную часть бывших либералов, хотя и получила в словацких землях 33 мандата (39,3% всех возможных в этих округах), заметно уступила результатам своей предшественницы. Значительно увеличилось количество «независимцев», собравших 24,1% мандатов. Okрепли позиции КНП, однако и СНП добилась наибольшего успеха за всю свою историю. От нее в Государственное собрание прошли семь человек: уже имевшие опыт парламентской работы М. Коллар, Ф. Скичак и М. Годжа, а также новички — врач Павел Благо, католические священники Франтишек Йегличка и Фердинанд Юрига, протестантский священник Матей Белла¹¹⁶. Таким образом, бо́льшая часть представителей СНП в парламенте оказалась клириками, причем преимущественно католическими. Это свидетельствовало о результативности предпринятого Скичаком и Годжей шага по формированию соответствующего течения в Словацкой национальной партии. На выборах 1910 г. ситуация стабилизировалась. Новая правящая партия (Национальная партия труда), как и во времена правления либералов, получила подавляющее большинство депутатских кресел от словацких округов, а вместе с ними — и бо́льшую часть этнических словацких парламентариев¹¹⁷. Вторым оплотом таких депутатов стала КНП. Результаты «независимцев» оказались ничтожно малы — им досталось лишь 5% мандатов¹¹⁸. Не могли похвастаться успехами и представители СНП, чья попытка сотрудничества с Национальной партией труда (по образцу тактики второй половины XIX в.) провалилась. Им удалось сохранить за собой лишь три мандата: Ф. Юриги, Ф. Скичака и П. Благо.

При этом возможности для конструктивного сотрудничества, имевшиеся прежде, сокращались, взаимоотношения между провенгерскими депутатами и сторонниками словацкого национального движения становились все жестче. В этом плане показателен пример парламентского обсуждения происшествия в Черновой в 1907 г. Крестьяне из деревни Чернова под Ружомберком (официальное венгерское название Рожакхедь) не пропустили священника, присланного епископом освятить новый костел (такое право они признавали только за своим приходским священником Андреем Глинкой, у которого был конфликт с епископом). Жандармы, призванные охранять порядок в тот день, открыли огонь по собравшейся толпе, в результате чего погибли на месте или умерли от ран позднее 15 человек. Событие получило широкий резонанс как символ национального угнетения словаков¹¹⁹. Выступление М. Годжи, излагавшего версию событий от СНП, не раз прерывали другие депутаты, в особенности из КНП. А после него слово взял Э. Беницкий, обвинивший словацкую печать (включая «Slovenský týždenník», который редактировал Годжа) в подстрекательстве населения к беспорядкам и запросивший у министра внутренних дел, присутствовавшего на заседании, сведения о предпринятых против нее мерах¹²⁰.

Парламентское представительство русинов Венгерского королевства

Присутствие национально мыслящих угорских русинов-немадьаронов в парламенте ограничивалось фигурой Адольфа Добрянского, который избирался туда неоднократно. Других ярких представителей Угорской Руси в Государственном собрании практически не было. При этом примечательно, что Добрянский со свойственной ему энергичностью отстаивал права не только русинского, но и словацкого, а также других нацменьшинств Венгерского королевства. Особенную активность он развил непосредственно после преобразования Габсбургской монархии в Австро-Венгрию. По крайней мере именно этот период парламентской активности политика, в отличие от его предыдущей работы в тогда еще областном сейме, богат дошедшими источниками и, как следствие, хорошо освещен в историографии. Публичная деятельность А. Добрянского в 1867–1868 гг. известна практически по дням.

Так, 8 ноября 1867 г. Добрянский протестовал в парламенте против антиконституционного, по его мнению, роспуска Эгерской столичной комиссии, считая, что местные самоуправления не должны подчиняться правительству. Не остались без внимания также факты незаконного увольнения со своих постов несогласных с правительственной политикой офицеров и учителей в Хорватии и словацких землях. Данное выступление Добрянского, как, впрочем, и большинство последующих, вызвало негодование венгерских депутатов. Как свидетельствуют стенограммы, венгры обвиняли оратора в промосковских симпатиях и требовали лишить его слова¹²¹. 6 декабря того же года Добрянский познакомил парламент с петицией русинов Угочского комитета, требовавших защиты своих национальных прав¹²². Через неделю после этого политик выступил с речью, направленной против законопроекта о переходе на Венгерское королевство части австрийского государственного долга. Этот долг значительно вырос в 1853–1860 гг. Изначально являясь противником дуализма, Добрянский считал, что в результате компромисса Венгрия, как гораздо более бедная и обремененная налогами, чем Австрия, тем самым освобождается от уплаты австрийских налогов. В качестве выхода из положения Добрянский видел повышение налогов на прибыль, в особенности на ценные бумаги, в австрийской части монархии¹²³. 23 мая 1868 г. он озвучил парламенту петицию словаков из Липтовского комитета, отстаивавших право на свою национальную жизнь. При этом присутствовавшие сторонники правительства резко негативно реагировали уже на одно лишь словосочетание «немадьарские народы»¹²⁴. 6 июля Добрянский выступил по поводу законопроекта об изменениях в налогообложении, где защищал собственную поправку (налоги, по его мнению, должны были формироваться исходя из имущественного ценза), а на следующий день, 7 июля, публично осудил введение налога на дома, рассматривая это как серьезную угрозу для крестьянского населения¹²⁵. 28 сентября Добрянский передал

сейму петицию словацкого населения Тренчинского комитата, сходную по содержанию с озвученными ранее требованиями липтовских словаков¹²⁶. 19 октября русинский парламентарий отстаивал министерский законопроект по созданию в Венгрии восьми апелляционных судов вместо одного или двух. Разветвление судебной системы, по мнению Добрянского, повысило бы доверие немадьярских народов к властям. На следующем заседании, 20 октября, политик, будучи ревностным униатом, выступил против вмешательства светских властей в вопросы заключения брака верующих христианских исповеданий. Здесь же он затронул болезненный вопрос латинизации Грекокатолической церкви, в том числе в сфере канонического права¹²⁷. 25 ноября 1868 г. состоялось одно из последних и наиболее известных выступлений Добрянского, которое было посвящено законопроект «О народностях». Основываясь на массе исторических примеров самоуправления разных народов Венгерского королевства, он резко выступил против политики мадьяризации и законодательного признания венгров единой политической нацией¹²⁸. Правда, в итоге все инициативы угорских русинов по этому вопросу, озвучиваемые в парламенте Добрянским, потерпели неудачу, и закон был принят в совершенно неприемлемом для немадьярских народностей виде¹²⁹.

Последствия бескомпромиссной позиции русинского парламентария не заставили себя ждать: в 1869 г. Добрянский был обвинен властями в «панславистской деятельности» и, как следствие, лишен депутатского мандата. После изгнания из парламента политик поселился в своем имении в селе Чертежное Земплинского комитата, где развил активную литературно-публицистическую деятельность*.

Хотя в последующие годы в Государственное собрание от русинских округов и избирались некоторые люди явно русинского происхождения (Грабар, Негребецкий, Попович, Илляшевич и др.¹³⁰), они не подчеркивали собственные корни, действуя в русле венгерских национальных интересов. Некоторые подозрения относительно отдельных кандидатов в форме их обвинений в русофильстве присутствовали вплоть до выборов 1884 г., в связи с которыми, по словам венгерского исследователя Й. Перени, «уже нигде не было выдвинуто обвинение, что закарпатские украинцы (русины. — *Авт.*) поддерживают национальных лиц». Все кандидаты от правительственной партии и оппозиции уже являлись венграми¹³¹.

Среди депутатов парламента русинского происхождения были и последовательные идеологи мадьяризации русинов, как, например, юрист Орест Сабов¹³² — сын униатского священника, возглавивший Союз венгерских грекокатоликов. Сабо безапелляционно заявлял: «Русинов называйте не рутенами, а мадьярами. <...> Признанной интеллигенцией Венгрии не может быть никто другой, кроме венгров»¹³³.

* Наиболее значимой работой А. Добрянского этого периода стал «Проект политической программы для Руси Австрийской» (1871).

Отсутствие в венгерском парламенте, за редчайшим исключением, национально сознательных русинов являлось причиной того, что после вхождения в 1919 г. южнокарпатских русинских территорий в состав Чехословацкой Республики русины не без оснований рассматривались новыми властями как отсталый сельский народ, не подготовленный к парламентаризму.

Парламентское представительство в Хорватии-Славонии

Сабор как представительный орган высших сословий хорватского общества возник еще в конце XIII в. До середины XVI в. существовало два сабора — хорватский и славонский. В средневековый период свое представительство в саборах имели хорватские светские и церковные магнаты, мелкое дворянство, представлявшее жупании (области) и свободные королевские города. Сабор имел право предлагать королю кандидатов в баны, избирал его заместителей, рассматривал вопросы внутреннего управления хорватскими землями, а также проблемы судебного, финансового и военного характера. В середине XVI в. хорватский и славонский саборы были объединены в единый Сабор королевства Хорватии, Славонии и Далмации. В 1790 г. хорватский сабор признал венгерский Наместнический совет правительством Хорватии, с сохранением некоторых муниципальных прав. В первой половине XIX в. деятельность хорватского сабора была сосредоточена прежде всего на отстаивании этих муниципальных прав перед лицом венгерского правительства. В 1845 г. еще феодальный хорватский сабор поддержал программу иллирской Народной партии, в которой выдвигались требования о присоединении Далмации и создании независимого от Венгрии хорватского правительства. Двумя годами позже сабор провозгласил хорватский язык в качестве официального. В 1848 г. в Хорватии был принят первый избирательный закон, послуживший основой для дальнейших подобных законов в Хорватии. Автором законопроекта был хорватский поэт, участник иллирийского движения и политический деятель Иван Мажуранич. Согласно ему, депутат сабора мог принадлежать к любому роду, сословию и церкви, но быть не младше 24 лет и грамотным¹³⁴. Благодаря этому закону около 40 тыс. человек в Хорватии, Славонии и на Военной границе впервые получило право избирать и быть избранными, что сделало возможным для представителей буржуазии и отчасти сельского населения участие в политической жизни. В июле 1848 г. сабор отложил свою деятельность «до лучших времен» (формально он был распущен лишь два года спустя). Этих времен пришлось ждать более десяти лет, так как в период «баховского абсолютизма» ни о какой парламентской деятельности не могло быть и речи.

Все изменилось лишь в 1860 г., когда император Франц Иосиф обнародовал Октябрьский диплом, в котором разрешалась деятельность представительных органов различных земель монархии. В тот же день, когда был

принят диплом, император направил письмо хорватскому бану Й. Шокчевичу, в котором поручил ему организовать выборы в новый хорватский сабор. Избирательный закон 1861 г. почти копировал предыдущий, за малым исключением: так, в отличие от сабора 1848 г., новый должен был насчитывать 120 человек. Как справедливо отмечал исследователь истории хорватского государства и права Ходимир Сироткович, «среди членов сабора 1861 г. были наиболее выдающиеся деятели науки, литературы и публицистики тогдашней Хорватии» и «самые талантливые политики того времени»¹³⁵, среди которых были будущие партийные лидеры: Анте Старчевич, Евген Кватерник, Йосип Юрай Штросмайер, Франьо Рачки, Иван Кукульевич-Сакцинский, Иван Мажуранич и др. Именно благодаря присутствию среди депутатов сабора такого количества выдающихся людей тогдашней Хорватии этот сабор получил название «Великий». Открылся он в апреле 1861 г.

Автономный сабор в Загребе ни по своему социальному составу, ни по своим функциям и полномочиям не превратился в парламент, национальное представительство, обладающее правом законодательной инициативы, принятия окончательных решений и контроля над деятельностью исполнительных учреждений¹³⁶. Хотя сабор постепенно утрачивал свой сословный характер, аристократия сохраняла в нем право личного представительства наряду с избранными депутатами. Характерными чертами избирательной системы в автономии, определенной рамками венгерского избирательного закона, были имущественный, образовательный и возрастной цензы, открытое голосование, двухступенчатые выборы для крестьянства. Границы избирательных округов определялись с таким расчетом, чтобы столкнуть между собой кандидатов оппозиции — хорватов и сербов, обеспечить победу правительственным кандидатам. Чиновники, составлявшие значительную часть избирателей, были обязаны голосовать по «предписанию» начальства.

Этот сабор не был изначально сформирован как представительство партий: партийная жизнь в Хорватии тогда только восстанавливалась после десятилетия «баховского абсолютизма». Однако первые партийные группы возникли именно на этом саборе. Основой для их формирования послужила дискуссия по вопросам государственно-правовых отношения Хорватии и Венгрии и Австрии. Группа унионистов во главе с Мирко Боговичем выступала за более тесное хорватско-венгерское сближение. «Народняки» (Ф. Рачки) признавали возможность такого союза только в случае признания Венгрией самостоятельности Хорватии. Еще одна группа депутатов, называемая централистской или австрофильской, во главе с И. Мажураничем выступали за более тесный союз с Венной. Наконец, группа независимых депутатов во главе Е. Кватерником и А. Старчевичем выдвинула лозунг: «Ни с Венной, ни с Пештом». Эти группы стали основой для формирования соответственно Национально-конституционной (унионистской) партии, Национально-либеральной партии, Самостоятельной народной партии и Партии права.

Основным законопроектом, регулировавшим отношения Хорватии и Венгрии, стала так называемая «Статья 42», автором которой был проавстрийски настроенный И. Мажуранич. В законопроекте утверждалось, что в 1848 г. законодательная и административная связь между Хорватией и Венгрией была прервана (сохранилась лишь личная уния) и что Хорватия готова вступить в государственно-правовой союз с Венгрией при условии признания последней территориальной целостности Хорватии и ее равноправия. Унионисты предлагали свой вариант закона, почти идентичный проекту Мажуранича (в нем отсутствовало условие признания Венгрией самостоятельности и территориальной целостности Хорватии), а Е. Кватерник выдвинул предложение договариваться о правовом положении Хорватии лишь с самим Францем Иосифом, т.е. «заключить конституционное соглашение со своим правящим королем»¹³⁷. Но большинство сабора поддержало проект Мажуранича. Как считает хорватский правовед Далибор Чепуло, этот законопроект явился единственным актом, обладавшим юридической важностью, среди всех, которые были приняты сабором, признавая в то же время, что никакого влияния на государственно-правовое положение Хорватии он не оказал и по своей природе был «политико-декларативным»¹³⁸. Помимо «Статьи 42», сабором 1861 г. было принято много других важных решений, в частности об основании Югославянской академии наук и искусств и Загребского университета (были открыты, соответственно, в 1866 и 1874 гг.), признано аграрное законодательство периода неоабсолютизма. Тем не менее, как замечал хорватский историк Йосип Хорват, у сабора 1861 г. была «свобода слова без свободы управления»¹³⁹.

Сабор был распущен в ноябре 1861 г. Поводом для этого послужила реакция большинства депутатов сабора на Февральский патент императора. Сабор категорически отказался отправлять своих депутатов в венский рейхсрат, видя в усилении централистских тенденций угрозу для Хорватии. До выборов в новый сабор оставалось еще четыре года.

За это время партии в Хорватии не только оформились институционально, но и образовали своего рода коалиции. Имеются в виду прежде всего Национально-либеральная партия («народняки») и Национально-конституционная партия («мадьяроны»), которые, несмотря на идеологические различия, объединились против Самостоятельной народной партии («самосталцев») И. Мажуранича, созданной при помощи министра внутренних дел Австрийской империи Антона фон Шмерлинга. Именно он был одним из сторонников созыва нового хорватского сабора, который бы помог утверждению централизма в Хорватии и, в частности, обеспечить участие хорватских депутатов в венском рейхсрате. На банской конференции в Загребе, в которой участвовали только сторонники Мажуранича, был принят новый избирательный закон. Согласно ему, представительство в саборе высшего дворянства (как правило, сторонников Национально-конституционной партии) уменьшалось с 79 до 24 человек, число депутатов от Хорватии-Славонии снижалось до 74 человек, тогда как от Военной границы, население

которой Вена считала лояльным, число депутатов, как и прежде, составляло 55 человек. Это был первый избирательный закон, с помощью которого австрийские власти хотели обеспечить приемлемые для себя результаты на выборах. Однако, несмотря на старания Шмерлинга и Мажуранича, «самосталцы» потерпели сокрушительное поражение на выборах — две трети мест в саборе получила коалиция унионистов и «народняков», остальные мандаты получили «самосталцы» и старонники Партии права («праваши»). Политика Шмерлинга терпела одно поражение за другим, и летом 1865 г. его сменяет Рихард Белькреди.

Осенью того же, 1865 года сабор начинает свою работу. Главным вопросом оставались взаимоотношения Хорватии и Венгрии. Франц Иосиф, стремившийся в тот период найти общий язык с венграми, призвал депутатов сабора отправить делегацию на будущую коронацию его как короля Венгрии, Хорватии, Славонии и Далмации. В ответном адресе депутатов сабора императору вновь заявлялось о необходимости объединения Хорватии-Славонии и Далмации и равноправия в отношениях с Венгрией. Именно этот вопрос привел к перестановке политических сил внутри сабора: «народняки» и «самосталцы» объединились, образовав парламентское большинство, а унионисты и «праваши» перешли в оппозицию. Весной 1866 г. «народняки» и «самосталцы» сформировали делегацию, которая, во главе с лидером «народняков» Й.Ю. Штросмайером, отправилась в Будапешт на переговоры с венгерской королевской депутацией во главе с графом Дьёрдем Майлатом. Переговоры завершились крахом, а по их окончании Штросмайер заявил, что венгры «не желают рассматривать нас как равноправный народ, но только как подчиненный»¹⁴⁰. Между тем австро-прусская война 1866 г. подтолкнула Вену к уступкам в переговорах с венграми о будущем империи. Это побудило большинство сабора предпринять попытку заключить соглашение не с Пештом, а лично с императором, дабы обеспечить Хорватии достойное место в будущей реформированной империи. Был составлен соответствующий адрес и передан императору. Но это не возымело действия. Австро-венгерское соглашение было заключено. Хорватия-Славония оказались под управлением Пешта (в Транслейтании), а Далмация — под управлением Вены (в Цислейтании). Франц Иосиф I потребовал от хорватского сабора отправить делегацию на его коронацию как короля Венгрии. Сабор категорически отказался это сделать и был распущен в мае 1867 г. Бан Й. Шокчевич добровольно ушел в отставку, исполняющим обязанности бана был назначен унионист Левин Раух.

Перед Раухом стояла задача — обеспечить успешные выборы в новый хорватский сабор, который утвердил бы соглашение Хорватии с Венгрией, отвечавшее новым политическим реалиям империи. Согласно новому избирательному закону 1867 г., число депутатов уменьшалось до 66 человек. Проведение выборов в жупаниях было доверено их главам (после назначения Рауха все великие жупаны — сторонники «народняков» были заменены на унионистов), которые не только формировали изби-

рательные комитеты на местах, но и утверждали конечные результаты выборов¹⁴¹. С нарушениями проходила и сама предвыборная кампания. Во всех хорватских жупаниях местные власти агитировали население голосовать за унионистов, а сторонникам «народняков» угрожали отстранением от участия в выборах и даже тюрьмой. От произвола, царившего на выборах 1867 г., пострадали и иностранные подданные: французский журналист Л. Ригондо, находившийся тогда в Хорватии и писавший об этих нарушениях во французские и бельгийские газеты, был выслан из страны¹⁴². В этих условиях Национально-либеральная партия потерпела на выборах сокрушительное поражение: ей досталось всего 14 мандатов из шестидесяти шести. Остальные 52 депутата сабора были унионистами (из них 34 — чиновники). На первом же заседании сабора в январе 1868 г. «народняки» предложили отменить результаты выборов и провести новые в соответствии с Законом 1865 г. Председатель сабора унионист Й. Живкович отказался включать этот вопрос в повестку дня, и депутаты-«народняки» покинули сабор. Таким образом, выработка и утверждение хорватско-венгерского соглашения оставались лишь вопросом времени. Этот процесс занял около года, и в декабре 1868 г. Соглашение (Нагодба) было утверждено депутатами.

На деятельность хорватского парламента Соглашение повлияло следующим образом: сабор, избиравшийся каждые три года, отправлял в венгерский парламент 29 депутатов для участия в рассмотрении «общих дел» Хорватии и Венгрии (финансы, промышленность, торговля, военная служба), а в палату магнатов — двух депутатов. Сабор принимал законы, касающиеся только вопросов местного управления, юстиции, просвещения и церкви. Хорватский бан назначался императором по представлению венгерского правительства. Император же и утверждал законы, принимаемые сабором. В течение следующих двух лет сабор принял множество решений, реализующих на практике параграфы хорватско-венгерского соглашения и «охранявшее» это соглашение от любых попыток его изменить. В частности, в 1870 г. был принят закон, согласно которому любые попытки изменить основы соглашения, объявлялись «нарушением общественного порядка» и даже «государственной изменой».

Однако принятие соглашения одновременно послужило отправной точкой борьбы оппозиционных политических сил именно за его пересмотр и против режима Рауха. Против него объединились сторонники бывшей Самостоятельной народной и Национально-либеральной партий и даже умеренные унионисты. «Народняки» Иван Вончина и Матия Мразович обвиняли Рауха в коррупционной деятельности. (Хорватского бана обвиняли в растрате средств акционерного общества, содействовавшего осушению Лоньского поля в Центральной Хорватии.) В 1869 г. Вончина учредил газету «Заточник», в которой был опубликован ряд статей, направленных против Рауха. В ответ Раух начал против Мразовича и Вончины судебный процесс. Однако суд в городе Петринья в январе 1871 г. снял все обвинения с

«народняков». В том же месяце Раух был вынужден подать в отставку. Его место занял К. Бедекович, унионист, министр по делам Хорватии-Славонии в венгерском правительстве.

В 1871 г. пришло время очередных выборов. Они были проведены по избирательному закону 1870 г. Унионисты, стоявшие у власти, считали, что их основная задача была выполнена в 1868 г., поэтому новые выборы обошлись без грубых нарушений и давления на избирателей. Одновременно Национально-либеральная партия вела широкую предвыборную агитацию, основанную на критике унионистов и обещаниях действовать «в интересах народа и родины»¹⁴³. В результате победу одержали «народняки», получившие в итоге 51 мандат, тогда как унионистам досталось лишь 13 (еще один получил лидер Партии права А. Старчевич), что полностью изменило расстановку сил в саборе. Для Вены и унионистов это стало полнейшей неожиданностью, и первое заседание сабора постоянно откладывалось на неопределенный срок. Депутаты-«народняки», среди которых были Ф. Рачки, М. Мразович, И. Вончина, И. Мажуранич и др., в ответ опубликовали обращение к избирателям, известное как «Сентябрьский манифест», в котором резко критиковалась деятельность унионистского хорватского земельного правительства, сабора и лично Л. Рауха. Это послужило для Франца Иосифа I поводом объявить о роспуске сабора и о назначении новых выборов. Бедекович ушел в отставку, а исполняющим обязанности бана временно стал Антун Ваканович. Однако на выборах в новый сабор 1872 г. победу вновь одержали «народняки», а унионисты опять оказались в меньшинстве. Кандидатов от Партии права на выборах 1872 г. не было — после Раковицкого восстания 1871 г., организованного Е. Кватерником, «праваши» подвергались притеснениям.

Заметим, что избирательное законодательство изменено не было. Однако венгерское правительство осуществило давление на руководство «народняков», вынудив их принять унионистов в свои ряды. Опасаясь того, что в случае отказа заседания сабора вновь будут откладываться, а сам сабор может быть распущен, руководство Национально-либеральной партии пошло на этот шаг. Это привело к расколу внутри фракции «народняков», от которой отделилась часть депутатов, во главе которых встал адвокат Милан Маканец. Более того, из рядов партии вышли ее основатели Ф. Рачки и Й.Ю. Штросмайер. Но благодаря этому компромиссу «народнякам» наряду с примкнувшими к ним унионистами (партия которых в итоге как таковая перестала существовать) удалось сдвинуть с мертвой точки процесс пересмотра соглашения. Были организованы переговоры депутатов хорватского сабора с венгерской стороной. В итоге в 1873 г. соглашение было пересмотрено: если раньше общая сумма, определенная для «внутренних расходов» Хорватии, составляла 2 млн 200 тыс. форинтов, то теперь ей выделялось 45% общих доходов, получаемых с хорватских земель, а Министерство по делам Хорватии-Славонии отныне не имело право вмешиваться в хорватские автономные дела. Баном Хорватии в том же, 1873 году был назначен

опытный И. Мажуранич, получивший среди своих современников прозвище «бан-простолудин» (он был первым баном недворянского происхождения), а также «бан-реформатор».

За время его правления сабором было принято множество важных решений. Количество депутатов сабора, заседавших в венгерском парламенте, увеличилось до 34 человек благодаря присоединению в 1873 г. части Военной границы к Хорватии-Славонии. Был принят Закон о народных школах, вводивший обязательное четырехлетнее обучение, а также законы об устройстве открывшегося в 1874 г. в Загребе университета, об отделении судов от исполнительной власти, о свободе собраний и печати. В 1875 г. был принят новый избирательный закон, согласно которому местные власти не имели права определять границы избирательных округов, которые теперь утверждались самим законом, как и их число (77), избирательное право распространялось на всех получивших высшее образование и на членов ремесленных или торговых предприятий, плативших налог не менее 30 форинтов. Однако малоимущие слои населения, как и прежде, оставались жертвой имущественного ценза. Предложения понизить его вносились при обсуждении закона в саборе, например, М. Мразовичем¹⁴⁴, но в итоге этого сделано не было. Выборы в новый сабор были проведены в том же, 1875 году, на них победу ожидаемо праздновали «народняки». Однако в сабор прошли и представители оппозиции, среди которых были Милан Маканец и один из лидеров Партии права — Фран Фолнегович. За время своей работы сабор принял более 20 законов, в том числе о пенсиях преподавателям училищ, о выборах ректора Загребского университета, о судебной власти на местах. Начало работы нового сабора совпало с началом Восточного кризиса и восстания в Боснии и Герцеговине. В Хорватию потянулись беженцы из боснийских земель. Они получали поддержку как от австрийского Министерства иностранных дел, так и от хорватского автономного правительства. Оппозиция (Маканец, Фолнегович) требовали от бана Мажуранича увеличить расходы на помощь беженцам, однако их интерpellации удовлетворены не были.

На выборах 1878 г. победу одержали «народняки», однако представители оппозиции (Партии права) получили больше мест, чем на предыдущих выборах. Депутаты были единодушны только в вопросе о присоединении оккупированной австрийскими войсками в 1878 г. Боснии и Герцеговины к Хорватии, главным же предметом дискуссии между «народняками» и «праваши» вновь стала проблема пересмотра хорватско-венгерского Соглашения. «Праваши» требовали его пересмотра, указывая на многочисленные нарушения, имевшие место с 1868 г. Были организованы переговоры делегации сабора с венгерской стороной об улучшении финансовой стороны Соглашения для Хорватии, но в итоге хорваты не добились никаких уступок. Недовольство росло и внутри самой Национально-либеральной партии, многие сторонники которой считали, что бан Мажуранич не может ни противостоять нарушениям Соглашения, ни каким-то образом добиться

уступок с помощью Вены. Сам Мажуранич знал о растущем недовольстве. В 1880 г. он добровольно уходит в отставку. Его место занял Ладислав Пеячевич. Сабор продолжал свою работу, и в нем оформилась новая политическая сила под названием «Независимая национальная партия» во главе с Мразовичем, которая более активно, в отличие от «народняков», выступала против нарушений хорватско-венгерского соглашения. В том же году благодаря личной просьбе Пеячевича, обращенной к венгерскому премьер-министру К. Тисе, состоялся пересмотр финансовой части соглашения, согласно которому хорватский бюджет, в частности, получал дополнительные средства. В 1881 г., когда Военная граница императорским рескриптом была демилитаризована и присоединена к Хорватии-Славонии, количество хорватских представителей в венгерском парламенте увеличилось до 40 депутатов. Сабор принял новый избирательный закон, почти ничем не отличавшийся от предыдущего. Выборы 1881 г. окончились очередной победой «народняков», получивших 48 мест, однако Независимая национальная партия получила 14, Партия права — 9, а новая Сербская национальная партия независимости была представлена двумя депутатами. (Партия возникла после присоединения к Хорватии-Славонии территории бывшей Военной границы, где проживало много сербов.) Представители этих партий продолжали активно бороться против нарушений хорватско-венгерского Соглашения, против роста налогов, притеснения хорватского языка. В 1883 г. «независимцы» и «правашаи» поддержали вспыхнувшие в Загребе и его окрестностях народные волнения, поводом для которых послужила замена хорватских надписей на здании Загребского управления финансов на двуязычные (хорватские и венгерские), что являлось очередным нарушением соглашения. В Хорватию были введены войска. После подавления волнений хорватским баном был назначен Карой Куэн-Хедервари, чье жесткое авторитарное управление Хорватией продолжалось вплоть до 1903 г. и получило название «куэновщина».

На выборах в сабор 1884 г. активно осуществлялось давление на избирателей на местах, а оппозиционные Независимая национальная партия и Партия права из-за политических разногласий («правашаи», в отличие от «независимцев», в принципе не признавали хорватско-венгерское соглашение как таковое) не смогли объединить усилия. В результате «народняки», ставшие опорой режима Куэна, получили 69 мест, Партия права — 24, а «независимцы» — 13. Партия права, с конца 1870-х вышедшая из подполья, набирала популярность, что отразилось и на результатах выборов. В саборе не утихали дискуссии между «правашаами» и «народняками». Во время заседаний сабора депутатам от Партии права не давали слова, удаляли их из зала и препятствовали их нормальной работе. У входа в сабор и внутри его здания дежурили вооруженные солдаты. Бурные дискуссии, скандалы и споры оппозиционных депутатов с Куэн-Хедервари, лично посещавшим заседания хорватского парламента, продолжались в течение всего срока работы сабора созыва 1884 г. Новые выборы в сабор 1887 г. отличались

тем, что теперь он, согласно императорскому распоряжению, избирался на пять лет, а оппозиционные «независимцы», «правашаи» и примкнувшие к ним представители партии «Центрум», за год до выборов отколовшейся от «народняков», заключили соглашение о взаимной поддержке. Однако они получили даже меньше мест, чем на прошлых выборах (всего 18), остальные 87 достались Национально-либеральной партии. В следующем, 1888 году сабор принял новый избирательный закон, который учитывал и территорию бывшей Военной границы. Согласно Закону, в Хорватии насчитывалось 90 избирательных округов. Они были разделены так, чтобы как можно больше территорий, где преобладали оппозиционные настроения, составляли как бы один округ¹⁴⁵, что, таким образом, ослабляло бы позиции противников режима Куэн-Хедервари. Кроме того, впервые с 1848 г. количество населения, имеющего право голоса, было уменьшено на треть и составило 2% всего населения Хорватии. Остальные вопросы, которые оппозиция предлагала на обсуждение, даже не ставились на повестку дня на заседаниях сабора, как, например, вопрос об объединении Хорватии-Славонии с Далмацией.

Результаты выборов 1892 г. были ожидаемы, 78 мест досталось «народнякам». У Партии права было восемь мандатов, а у Сербской национальной партии независимости, которая также поддерживала режим Куэн-Хедервари, два места в парламенте. Во время работы парламента этого созыва (1892–1895) меняется расклад в оппозиционном лагере. Уходят из жизни Ф. Рачки (1894), А. Старчевич (1896), на политическую сцену выходят новые лидеры, среди которых — «правашаи» Йосип Франк и Мариан Деренчин. В 1894 г. появляется программа «объединенной оппозиции», в которую вошли Партия права и Независимая национальная партия. После раскола 1895 г. название «Партия права» (или «обзорашаи») закрепилось за сторонниками Ф. Фолнеговича, сторонники Й. Франка приняли название «Истинная партия права» («франковцы»). Однако их союз был недолгим и к успеху не привел, тем более что «независимцы», отказавшись участвовать в выборах 1892 г. в знак протеста против произвола властей, не были представлены в парламенте. Поэтому, как и прежде, в саборе продолжались бесконечные, ни к чему не приводившие дискуссии между «правашаами» и «народняками».

Однако оппозиционные настроения в Хорватии продолжали нарастать. Это сказалось и на результатах выборов в сабор 1897 г.: «народняки» получили 60 мандатов, «франковцы» — 2, а объединенная оппозиция — 25. Оппозиция стала смелее предлагать на обсуждение свои законопроекты. Так, М. Деренчин предложил вариант более демократичного избирательного закона, который даже обсуждался в комитете сабора по автономному управлению, но в итоге был все же отклонен. Как считает хорватский историк Иво Перич, именно после обсуждения законопроекта Деренчина в хорватском обществе стала популярной идея не только пересмотра финансовой части хорватско-венгерского соглашения, но и расширения избирательных прав¹⁴⁶. Тот же Деренчин стал инициатором обращения депутатов от объединенной

оппозиции к императору с просьбой прекратить «противозаконную деятельность правительства». Это обращение не было официально направлено императору из-за противодействия саборского большинства, но оно публиковалось в оппозиционной прессе и стало известно широкой общественности. Куэн-Хедервари, недовольный «излишней» активностью оппозиции в саборе этого созыва, предложил императору распустить его, что и было сделано в октябре 1901 г. На новых выборах, состоявшихся в ноябре, народняки получили 75 мандатов, объединенная оппозиция — 10, а «франковцы» — два. Чуть более чем через год после избрания нового сабора в Загребе и близлежащих селах вспыхнули народные волнения, направленные против режима Куэна. Бан вынужден был уйти в отставку, его место занял Теодор Пеячевич. Все эти события ознаменовали окончание периода «куэновщины».

Начиная с 1887 г. выборы в сабор Хорватии и Славонии состоялись 13–17 июня 1887 г., 1–2 июня 1892 г., 19–22 мая 1897 г., 6–9 ноября 1901 г., 3–5 мая 1906 г., 27–28 февраля 1908 г., 28 октября 1910 г., 15 декабря 1911 г., 16 декабря 1913 г.¹⁴⁷

Падение в июне 1903 г. режима бана К. Куэн-Хедервари было признаком глубоких перемен в социально-экономическом развитии и расстановке политических сил не только в Хорватии, и во всей Австро-Венгрии. Обострение отношений между правящими кругами Австрии и Венгрии, новый подъем национальных движений в Хорватии-Славонии, активизация социального — пролетарского и крестьянского протеста и организованного социал-демократического и аграрного движения у всех народов Австро-Венгрии — вот основные черты этого кризиса. Необходимость дальнейших модернизационных реформ и их ускорение становились очевидными.

В 1903–1906 гг. в Хорватии активно формируются новые партии, что отражало усложнение социальной структуры хорватской нации.

Выразители идей хорватских сербов, недовольных проправительственной Сербской национальной партией независимости, образуют в 1903 г. Сербскую национальную радикальную партию. Тогда же «независимцы» и Партия права образуют единую Хорватскую партию права (ХПП). В 1904 г. о себе заявляют Хорватская народная прогрессистская партия (ХНПП) и Хорватская народная крестьянская партия (ХНКП) во главе с харизматичными вождями, братьями Антуном и Стъепаном Радичами. В 1905 г. происходит историческое событие: ХПП, ХНПП, Социал-демократическая партия Хорватии и Славонии, сербские «независимцы» и сербские радикалы образуют Хорватско-сербскую коалицию и принимают Риекскую резолюцию. (В 1906 г. социал-демократы и сербские радикалы покинули коалицию.) В ней лидеры указанных партий выступали за гражданские права, автономное местное самоуправление, введение крестьянского и рабочего законодательства, финансовую и самостоятельность Хорватии, единство хорватских земель, признание равноправия хорватов и сербов. Вдохновители этой политики, получившей название «нового курса», в качестве своих союзников видели и венгерскую оппозиционную Партию независимости

Ференца Кошута. В 1906 г., на очередных парламентских выборах, коалиция получает 32 мандата, что всего на два мандата меньше, чем у проправительственной Национально-конституционной партии (остальные 18 мандатов получили «франковцы»). Впервые с 1872 г. «народняки» больше не являлись парламентским большинством, однако и Хорватско-сербская коалиция таковым большинством не являлось. Представители коалиции были вынуждены вступить в тактический союз с «франковцами». Коалиция получила возможность участвовать в работе автономного хорватского правительства. Однако переговоры представителей коалиции с венгерской оппозицией в 1907 г. о дальнейшем сотрудничестве ни к чему не привели: после переговоров с императором венгерская Партия независимости получила власть в королевстве и больше не была заинтересована в своих хорватских союзниках. Кроме того, Ф. Кошут предложил участникам коалиции признать так называемую «железнодорожную прагматику» (т.е. использование венгерского языка на железных дорогах Хорватии), что было для них неприемлемо. В том же году Т. Пеячевич подает в отставку. Новый бан, Александр Ракодцай, даже не смог получить слова в саборе. Император в декабре 1907 г. распускает сабор и вместо Ракодцай назначает баном Павла Рауха.

На новых выборах 1908 г. Хорватско-сербская коалиция получает 56 мандатов, «франковцы» — 24 места. В том же году, после аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, власти осудили 53 сторонника сербских радикалов за «государственную измену», чем нанесли тяжелый удар по коалиции. Более того, согласно императорскому распоряжению, сабор, избранный в 1908 г., не созывался вплоть до 1910 г. В том же, 1910 году депутаты сабора, после того как работа парламента была возобновлена при участии нового бана Николы Томашича, разрабатывают новый избирательный закон, расширявший избирательное право на 8% населения Хорватии. В мае 1910 г. император одобрил закон, но в то же время отложил заседания самого сабора до августа, а в августе распустил его. На выборах, состоявшихся осенью, коалиция получила 35 мест (потеряла треть мандатов), новая проправительственная Партия национального прогресса — 18, «франковцы» — 9 мест, отколовшаяся от них в 1909 г. еще одна «правашская» партия во главе с Миле Старчевичем («милиновцы») получила 15 мест, Хорватская народная крестьянская партия — 9, а сербские радикалы — одно место в саборе. На результаты выборов во многом повлияло то обстоятельство, что сумевшие вновь создать свою организацию сторонники бывшей Национальной партии перетянули на свою сторону консервативно настроенную часть избирателей. Но этот сабор, который фактически не успел начать работу, был распущен императорским рескриптом из-за того, что «не оправдал надежды»¹⁴⁸.

В 1910 г. в условиях стабилизации монархии была предпринята новая попытка сотрудничества исполнительной власти и либеральной оппозиции в саборе. Между баном Н. Томашичем, сменившим П. Рауха, и Хорватско-сербской коалицией 29 мая 1910 г. заключено соглашение, согласно которому автономное правительство уходило в отставку. Коалиция обязывалась под-

держат вновь созданное правительство при условии, что последнее восстановит конституционное правление как шаг к введению всеобщего избирательного права и проведет избирательную реформу, а также если автономное правительство в споре с Венгрией займет позицию коалиции.

Данные обещания остались невыполненными, кроме ограниченной реформы избирательного закона. В соответствии с новым законодательством право голоса приобрели около 300 тыс. человек (вместо 50 тыс. по старому). Однако были сохранены имущественный и возрастной цензы, двухступенчатая система выборов для крестьянства, не было введено прямое тайное голосование по принципу «один человек — один голос»¹⁴⁹.

В декабре 1911 г. состоялись новые выборы. Но этот сабор не провел ни одного заседания, так как был распущен в начале 1912 г. В том же году новым баном был назначен Славко Цувай, а вскоре после его назначения власти, желая подавить антиавстрийские и антивенгерские настроения на хорватской территории, вводят в Хорватии чрезвычайное положение, или так называемый «комиссариат». Хорватский комиссар Иван Скерлец (Шкерлец) на переговорах с Хорватско-сербской коалицией добился ее перехода на проправительственные позиции. На выборах в сабор 1913 г. она получила 47 мест, новая проправительственная партия («старомадяроны») — 12, «милиновцы» — 14, Христианско-социальная партия — 9, Хорватская народная крестьянская партия — три места. Одним из важных решений, которые успел принять этот состав сабора, стало изменение Закона об автономном хорватском правительстве, в структуре которого весной 1914 г. появился Департамент национальной экономики. Это было одно из последних важных решений, принятых хорватским сабором перед началом Первой мировой войны.

В январе 1911 г. сабор был распущен. Новые выборы, состоявшиеся только в декабре, принесли победу Христианско-социальной партии, стоявшей на позициях хорватского национализма. Коалиция осталась в меньшинстве. Однако и этот состав сабора не мог удовлетворить ни Вену, ни Будапешт. В начале 1912 г. бан Н. Томашич ушел в отставку. На его место 20 января был назначен Славко Цувай, который сразу же распустил сабор. В апреле 1912 г. в Хорватии был установлен комиссариат с отменой всех конституционных гарантий. Комиссариат просуществовал до 2 декабря 1913 г., когда назначенный 23 июля 1913 г. королевским комиссаром И. Скерлец стал баном.

Одновременно продолжались попытки властей добиться соглашения с либеральной оппозицией, создать новое «правлящее большинство» из представителей хорватской и сербской буржуазии. Действуя без сербов и против них, автономное правительство не имело прочной опоры. В 1913 г. была расширена автономия Хорватии. В правительстве был создан четвертый департамент — «национальной экономики».

В 1914 г., после начала Первой мировой войны, все политические партии в Хорватии-Славонии были запрещены, а сабор закрыт с 13 июля 1914 по 14 июня 1915 г. Открыт вновь он был в 1915 г., поскольку, в отличие от

Австрии, в Венгрии парламент в Будапеште работал, и парламентская жизнь не прерывалась даже во время войны.

Партийная структура в Далмации отличалась от Хорватии-Славонии. Партия «автономистов» — аналог Национальной партии в Хорватии-Славонии — сохранилась вплоть до 1918 г. Также сохранила свое положение и Сербская партия (СП). Гораздо более разнообразным в идейно-организационном отношении оказалось хорватское национальное движение. Партия права раскололась в 1895 г. на тех же принципах, что и ее хорватская «сестра». Настоящая партия права (НПП) во главе с Иво Проданом просуществовала под разными названиями (Партия права и Партия права — клерикалы) до 1918 г. Другая часть прежней Партии права приняла название Хорватской партии (ХП). Леволиберальный фланг составила Демократическая партия (ДП), в 1908 г. вступившая в союз с ХНПН из Хорватии и взявшая ее название. Наконец, в Хорватии-Славонии и в Далмации с 1910 г. стало функционировать югославистски настроенная «Омладина»¹⁵⁰.

В сабор Далмации, имевший статус земельного ландтага одной из коронных земель, выборы прошли в 1889, 1895, 1901, 1908 гг. На всех этих выборах победу одерживала Хорватская (национальная) партия, получившая 25 мест в 1895 г., 29 — в 1901 г. и 28 — в 1908 г. Результаты сербской национальной партии и автономистов — соответственно 10 и 6, 6 и 6, 7 и 6 (всего 41 депутат). Пост руководителя ландтага принадлежал представителю Сербской партии Джордже Войновичу (1879–1895), а затем — Хорватской партии: Михо Клаичу (1896), Гайо Булату (1896–1900) и Вицко Ивчевичу (1900–1918)¹⁵¹.

В Истрии хорватское и словенское национальные движения объединились в одну партию — Хорватско-словенскую национальную партию (Словенско-хорватское политическое общество, или, с 1902 г. Политическое общество хорватов и словенцев, Триест — Пазин)¹⁵².

Кроме того, существовали небольшие политические группы в Пуле и на о. Крк. Имевшие право голоса жители Истрии отдавали свои голоса в местный сабор, находившийся в разные годы в городах Пореч, Пула и Копер, — 22 апреля 1889 г.; 16–21 мая 1895 г.; 3, 11, 14 января и 5 декабря 1901 г.; 25 октября, 5, 16, 23, 14 ноября 1908 г. В его состав входили 30 депутатов — три «вирилиста» и 27 избранных¹⁵³.

Как и в Далмации, один созыв сабора Истрии продолжался шесть лет. Количество депутатов, избираемых в рейхсрат от Далмации и Истрии, составляло, соответственно, 11 и 5¹⁵⁴.

Парламентское представительство сербов Венгерского королевства

Народно-церковный сабор был важнейшим институтом политической жизни сербов монархии Габсбургов. Впервые созванный в начале XVIII в. для выбора митрополита (с 1848 г. патриарха), сабор со временем стал ре-

шать вопросы в сфере просвещения. Однако ключевым моментом стал Темешварский сабор 1790 г., на котором впервые рассматривались политические вопросы. Одобрив его созыв, австрийские власти рассчитывали с помощью сербов оказать давление на венгров и тем самым ускорить коронацию Леопольда II в Буде. Верные подданные просили у императора создать в регионе Банат сербскую автономию — воеводство, а также восстановить Иллирскую придворную комиссию, упраздненную в 1777 г., дела которой были переданы Венгерской королевской канцелярии. Их требования были приняты, однако с организацией автономии в Вене не спешили, ограничившись учреждением Иллирской канцелярии при дворе, упраздненной после смерти Леопольда II в 1792 г. Значимым решением Темешварского сабора стало избрание митрополитом Стефана Стратимировича, который 46 лет был национальным лидером сербов в монархии Габсбургов, боролся с распространением на территории епархии католических и униатских приходов. Большой его заслугой была организация системы образования на сербском языке — под его эгидой были открыты первая гимназия и духовная семинария в Сремских Карловцах, гимназия в Нови-Саде.

Формально обладая всеми гражданскими правами, сербы все же не могли воспользоваться ими в полной мере. Все годы, пока митрополит Стратимирович стоял у руля власти, он, руководствуясь личными мотивами, не созывал сабор. По ряду политических причин наличие народного представительства у сербов было невыгодно и австрийским властям. Только спустя год после смерти митрополита, в 1837-м, Вена дала добро на созыв, но со строгим предписанием ограничить повестку выборами нового владыки. Депутаты, в свою очередь, направили в Вену просьбу предоставить сабору политические полномочия и предоставили список проблем, требующих коллегиального решения. Император Фердинанд I оказался глух к мольбам сербов. Ситуация повторилась в 1842 г., когда единственным решением сабора стало избрание епископа Иосифа Раячича новым митрополитом после смерти Стевана Станковича¹⁵⁵.

По своему составу саборы 1837 и 1842 гг. были сословными: по 25 представителей духовенства, офицерства и граждан — землевладельцев, служащих и торговцев. В условиях дееспособности народного представительства решение большинства насущных проблем сербского общества было личной инициативой самих депутатов. Особенно преуспели в этом представители купечества — на их деньги были основаны газеты, журналы, школы, читальни и даже Матица Сербская, которые сыграли существенную роль в становлении сербского национального самосознания.

Революция 1848 г. повлекла за собой коренные изменения в структуре саборов. Ввиду конфликта с сербами венгерское правительство долгое время не давало разрешения на созыв национального представительства. 26 апреля власти все-таки позволили провести церковный сабор 15 мая 1848 г., а также утвердили правительственным комиссаром Петра Чарноевича. Откладывая решение этого вопроса, правительство дало лидерам

сербского национального движения организовать протестные манифестации, на которых прозвучали требования созыва народной скупщины. Митрополит Раячич подчинился призывам толпы и назначил мероприятие на 13 мая. Скупщина была организована в форме диалога публики, собравшейся на площади у соборной церкви в Сремских Карловцах, и нескольких ораторов: митрополита Раячича, архимандрита Сергия Качанского, Никанора Груича и др. В отличие от депутатов саборов, делегаты скупщины были выбраны весьма демократично: от каждого крупного села — по два представителя, от меньших — по одному. Список вопросов для голосования был подготовлен в ближайшем окружении митрополита, который неожиданно для него самого был «выкрикнут» патриархом. Несмотря на то что духовенство не поддержало это решение, скупщина утвердила данное постановление, таким образом возвысив Карловацкую митрополию до патриархии¹⁵⁶. Кроме того, для осуществления и защиты политических решений скупщины было сформировано национальное правительство — Главный одбор, который получил полномочия для созыва сабора.

После поражения венгерской революции 1848–1849 гг., в годы баховского абсолютизма, политическая жизнь сербского общества словно замерла — положение саборов было вновь сведено к решению церковных вопросов. Оживление в этой сфере наступило с ликвидацией Сербского Воеводства и Темешеского Баната в 1860 г., поскольку перед сербами возникла перспектива лишиться народного представительства. На защиту национальных интересов вновь встал патриарх Иосиф Раячич. Заручившись поддержкой некоторых хорватских политиков, он долго уговаривал Франца Иосифа сохранить сабор. Понимая, что действие Октябрьского диплома не способствует сближению Вены и Пешта, и надеясь после такой уступки расположить к себе венгров, император проявил снисхождение и предоставил сербам право созыва совещательного сабора с общеполитической компетенцией. Главной задачей, поставленной австрийскими властями перед сербами, было решение вопроса о сербской административной единице, принципах ее устройства и дальнейшем развитии. Электорат составил население сербских районов бывшего Воеводства без жителей Военной границы¹⁵⁷.

Созыв сабора в 1861 г. имел огромное значение — это было признанием национально-политических прав сербского народа австрийскими властями. Воодушевленные сербы ожидали подобной реакции из Пешта, но венгерские политики с беспокойством восприняли такое решение императора, поскольку оно становилось помехой в решении национального вопроса в Венгерском королевстве. Тем не менее Венгерская королевская канцелярия одобрила созыв сербского сабора.

Благовещенский сабор состоялся в Сремских Карловцах с 2 по 20 апреля 1861 г. Избирательную систему разработал видный юрист Джордже Стоякович — сначала избирали выборщиков, потом депутатов, избирателями

объявлялись все совершеннолетние. По мнению В. Крестича, благодаря этому принципу в сабор была избрана истинная элита сербского общества, чего не случалось ранее¹⁵⁸. Помимо патриарха Раячича и трех епископов, в состав сабора были избраны 25 представителей духовенства и 50 граждан (юристы, инженеры, чиновники, землевладельцы).

Пользуясь тем, что самой многочисленной фракцией на Благовещенском саборе было духовенство, патриарх Раячич стал председателем собрания. Руководимое им консервативно-клерикальное крыло политиков представляло дальнейшее развитие сербского общества в проавстрийском, лояльном династии ключе, уповавшее на милость императора и ожидавшее воссоздания Сербского Воеводства. На саборе оформилась другая политическая группировка — во главе со С. Милетичем, — представлявшая интересы либерально настроенных граждан. Они видели разрешение сербского вопроса в сотрудничестве с венгерскими властями, а потому были согласны довольствоваться созданием нескольких жупаний с предоставлением необходимого минимума национально-политических свобод. Был и «средний путь» — умеренно-консервативный; его предложили Д. Стратимирович и Й. Суботич. По их мнению, в разрешении сербской проблемы весьма полезно было бы сотрудничество с другими славянскими народами империи, в первую очередь с хорватами¹⁵⁹.

На решение вопроса о пути дальнейшего политического развития сербского народа пытались повлиять из Сербского княжества. Заинтересованный в том, чтобы пречанцы выбрали сотрудничество с венграми для борьбы с австрийскими централистскими устремлениями, князь Михаил Обренович делегировал Й. Ристича с письмом к патриарху, в котором намекнул, что на Благовещенском саборе было бы неплохо принять такое решение, которое пошло бы на пользу не только сербам Воеводины¹⁶⁰. Однако даже при поддержке извне позиция либералов Милетича, а также «средний путь» Стратимировича не получили одобрения большинства. В этих программах смущало принятие венгерской позиции о нерушимости земель короны св. Стефана. В противовес этому убедительно звучали тогда уверения патриарха Раячича в том, что за оказанные Габсбургам услуги на основании исторического права император дарует сербам автономию. На заключительном заседании было составлено прошение от лица народа в 16 пунктах. Помимо автономной территории, которая включала бы Срем, Бачку, Банат и Военную границу, сабор требовал отдельного политического судебного управления и регулярно созываемую скупщину¹⁶¹. Хотя Франц Иосиф и министр А. Шмерлинг дали предварительное согласие на исполнение требований сербов, венгерские Королевская канцелярия и Наместнический совет были категорически не согласны, против выступили многие хорватские политики во главе с епископом Штросмайером. Таким образом, проекты, обсуждавшиеся на Благовещенском саборе, не были осуществлены. Ошибка, допущенная консервативно-клерикальным кругами, положила начало затяжному конфликту между политическими

течениями, что значительно ослабило общую обороноспособность перед венгерским наступлением на позиции сербов. Фактически после 1861 г. народно-церковный сабор стал трибуной для демонстрации национальных политических программ, поскольку более важным стало представительство сербов на венгерском Государственном собрании.

Выборы в венгерский парламент созыва 1861 г., так же как и 1865, 1869 и 1872 гг., проводились на основании избирательного закона 1848 г. Право голоса имели дееспособные граждане мужского пола старше 20 лет, представители признанной в королевстве конфессии — землевладельцы, обладающие недвижимостью ценностью более 300 форинтов, торговцы, ремесленники, интеллигенция с годовым доходом от 100 форинтов. Правом голоса без исполнения обязательных условий наделялась аристократия. Кандидаты в депутаты должны были быть старше 24 лет и владеть венгерским языком. Открытое голосование состоялось в марте в 1861 г., было избрано 446 парламентариев. Ввиду высокого имущественного ценза сербское народное представительство, или клуб, сформировали всего шесть человек¹⁶².

Депутатами Государственного собрания в 1865 г. наряду с представителями консервативного течения впервые стали популярны сербские политики Д. Стратимирович и С. Милетич. Вопрос о переустройстве Австрийской империи был решен до начала заседаний, но Ф. Деаку было необходимо заручиться поддержкой парламента. Большинство сербских делегатов, присутствовавших во время голосования, одобрили проект преобразования империи по принципу дуализма, однако немногочисленные сербские либералы составили им и венгерским депутатам оппозицию.

Еще до подписания Соглашения 1867 г. представители румынского, сербского и русинского народов выступили с просьбой к парламенту разработать закон о равноправии народов, надеясь добиться переустройства Венгерского королевства на основании федерализма. Подготовленный в 1868 г. Ф. Деаком и Й. Этвешем законопроект ошеломил немадьярские делегации — сербы и румыны под свист остальных депутатов покинули заседание. В сложившейся ситуации сербские политические течения выступили на удивление единым фронтом. В 1868 г. в выступлении перед верхней палатой парламента патриарх С. Маширевич заявил, что не может проголосовать за принятие Закона о национальностях, несмотря на свою верность Венгерскому королевству, ведь таким образом он даст согласие на существенное сокращение национальных прав сербского народа¹⁶³.

Закон о церковно-школьной автономии 1868 г. задумывался венгерскими властями как яблоко раздора, способное расстроить сербско-румынскую коалицию в парламенте, так как после выведения румынских приходов из-под юрисдикции Карловацкого патриарха церковные администрации находились в стадии тлеющего конфликта из-за некогда совместного имущества. Однако национальные приоритеты оказались

выше. Они коллективно противостояли принятию Закона о церковно-школьной автономии в первую очередь для того, чтобы сохранить в школах преподавание на национальных языках и тем самым затормозить процесс мадьяризации.

1870-е годы были периодом расцвета либеральной мысли в сербском обществе. Лидирующие позиции занимала образованная в 1869 г. Либеральная партия во главе со С. Милетичем. Он же был одним из самых запоминающихся персонажей на заседаниях венгерского парламента. В 1869–1872 гг. занимал крайне недружественную позицию по отношению к венгерским политикам, критиковал буквально каждый шаг правительства. За публичное оскорбление хорватского бана Л. Рауха был лишен депутатского иммунитета и в 1870–1871 г. отбывал наказание в тюрьме города Вац. Историк М. Экмечич отмечал, что позиция Милетича по национальному вопросу нередко принимала радикальные формы, что приводило к конфликтам не только с венгерскими депутатами, но и с представителями немадьярских народов, которые во многом действовали с сербами сообща¹⁶⁴. Несмотря на то что пресса создала вождю сербских либералов репутацию «разрушителя целостности земель короны св. Стефана», реально его деятельность не могла стать дестабилизирующим фактором в работе Государственного собрания. Агрессивные методы, используемые Милетичем, со временем перестали производить должное впечатление, что стало причиной кризиса в его политической карьере и личной жизни, оправиться от которого он не смог и в начале 1880-х прекратил деятельность.

С 1884 г., когда Либеральная партия Милетича распалась на три крыла, изменился состав сербского клуба в Государственном собрании. С 1887 по 1905 г. интересы народа представляли «нобилитеты», поддерживавшие правящую Либеральную партию К. Тисы, поскольку от «милетичевцев» был только один депутат. Ситуация изменилась, когда в 1906 г. большинство клуба составили радикалы, но под руководством М. Полит-Десанчича. Эффективность работы сербских депутатов венгерского парламента во многом была связана с активностью их лидера. В этом отношении Полит был достойным приемником С. Милетича, но, в отличие от своего учителя, он «не был рожден мучеником за веру», и потому показного героизма в его выступлениях на заседаниях Государственного собрания было мало. Хотя его современники отмечали, что в 1900-е гг. даже постаревший и потерявший былую хватку вождь либералов был для Венгерского королевства опаснее, чем вся сербская Радикальная партия¹⁶⁵, шансы Полита повлиять на решения парламента стремились к нулю. Впрочем, как и шансы сербских депутатов затормозить процесс ликвидации церковно-школьной автономии. В 1912 г. объединив усилия, сербские партии попытались оспорить решение властей, но эта война была заранее проиграна, что означало лишь одно — окончательное расставание с иллюзией, что сербы могут решить свой национальный вопрос в пределах Австро-Венгрии¹⁶⁶.

Парламентское представительство в Трансильвании

В историю румынского движения Трансильвании 1860-е годы вошли как период национального подъема, что проявилось не только в активизации культурной жизни (общество ASTRA¹⁶⁷), но и в деятельности Госсобрания в Сибиу (1863–1864), где румынская политическая элита княжества приобретала первый, но очень существенный опыт парламентаризма¹⁶⁸. Если в австрийской Буковине местный парламентаризм продолжал и далее развиваться, то применительно к Трансильвании сговор Ф. Деака и его венгерской «партии» с Веной (как было однозначно воспринято в политически активных румынских кругах: сговор именно за счет румын!) перечеркнул все надежды на дальнейшее развитие трансильванского парламентаризма, открывавшее перспективы для постепенного усиления румынского влияния в активизирующейся политической жизни Трансильвании.

С первых месяцев, последовавших за компромиссным Соглашением 1867 г., румынское национальное движение Трансильвании приобретает ярко выраженный протестный характер, что проявилось в бойкотировании выборов в венгерский парламента. Традиции румынского парламентаризма были живы в деятельности национальных собраний¹⁶⁹. Первое из них было создано весной 1868 г. в Блаже к 20-летию состоявшегося там же Великого национального собрания 1848 г.¹⁷⁰ Видя в любого рода румынском представительном органе (даже временном) внесистемную структуру, противоречащую принципам дуализма, власти разрешили проведение этой акции только под эгидой культурного общества ASTRA. В принятом документе (*Pronunciamentum*) не только подчеркивалась преемственность идеалов 1848 г., но и содержался призыв к властям вернуться к избирательным правилам, применявшимся при выборах собрания в Сибиу (1863), и сформировать на этой основе представительный орган автономной Трансильвании. Программа блажского собрания включала в себя требования возрождения автономии Трансильвании, имеющей полноценный представительный орган парламентарного типа, восстановления в силе более демократических избирательных законов, принятых Госсобранием в Надьсебене в 1863–1864 гг. За блажским собранием внимательно следили пештские власти. Хотя оно и было воспринято в венгерских политических кругах как противозаконная политическая манифестация, направленная, по сути дела, на разрушение системы дуализма, правительство никого не привлекло к ответственности, так как не хотело повышенного внимания международного общественного мнения к положению румын в Трансильвании.

Хотя в 1870-е гг. в румынском национальном движении земель венгерской короны преобладали сторонники пассивной тактики, призывавшие бойкотировать выборы и венгерскую парламентарную жизнь, в Восточной Венгрии и Банате (в отличие от самой Трансильвании) довольно сильны были позиции приверженцев более активной политики, выступавших за

участие румынских национально ориентированных сил в общевенгерских выборах. В парламент они в сложившихся условиях попадали главным образом по спискам венгерских партий, однако всерьез пытались отстаивать интересы румын¹⁷¹. Так, в ходе парламентских выборов 1869 г. более 20 румынских депутатов были избраны по спискам как правящей, так и оппозиционной партий. Находясь в разных партиях, они тем не менее координировали между собой тактику, направленную на защиту интересов румынского нацменьшинства. Среди депутатов, избранных в это время, был будущий трансильванский православный митрополит М. Романул, который и впоследствии, в 1880–1890-е гг., смело отстаивал с венгерской парламентской трибуны интересы румынского населения, особенно в культурно-образовательной и церковной сферах. В пештском парламенте малочисленные румынские депутаты зачастую блокировались с сербскими, в 1868 г. ими были инициированы дебаты вокруг проекта Закона о национальностях, предложенного бароном Й. Этвёшем. В соответствии с так называемым планом Мочони — Милетича каждая национальность Венгрии рассматривалась как самостоятельная нация, обладающая коллективными политическими правами. Хотя инициаторы проекта постоянно подчеркивали свою приверженность сохранению единства страны, их проект таил в себе перспективу федерализации, угрожающую целостности полиэтничного венгерского государства. Наделяя меньшинства коллективными политическими правами, он вступал в противоречие с концепцией единой, хотя и разноязыкой венгерской политической нации, и даже наиболее склонные к компромиссу с собственными национальными меньшинствами венгерские политики принять это не могли. Что же касается Ф. Деака, то он решительно отверг в самих основах план Мошоньи — Милетича при обсуждении в парламенте законодательства, регулирующего союз Трансильвании и Венгрии.

Неудача в деле сохранения автономии Трансильвании оправдывала тактику бойкота венгерской парламентской жизни, усиливала в румынских политических кругах монархии влияние сторонников пассивной линии. С другой стороны, частью румынской элиты приобретался полезный опыт защиты прав румын в условиях давления унитарного венгерского государства. Этот опыт заставлял корректировать и тактику — вплоть до принятия идеи о вступлении в тактический союз с теми или иными венгерскими политическими силами. Как бы то ни было, пассивная тактика румынских национальных сил на парламентских выборах в большинстве трансильванских комитатов обнаруживала свою неэффективность и тупиковость, неспособность выработать защитные механизмы против дальнейшего наступления центра на права нацменьшинств. Бойкотируя парламентские выборы, румынские политики сами лишали себя важной платформы для публичной деятельности. Пассивность грозила утратой влияния на рядового румынского избирателя, становившегося объектом манипуляции со стороны венгерских партий.

Конституирование Румынской национальной партии, провозглашенной в 1881 г., далеко не сразу привело к изменению парламентской тактики румынского национального движения в пользу большей активности. Широкий румынский избиратель (в условиях высокого избирательного ценза речь может идти об имущем крестьянстве и мелкой буржуазии города) пусть и нехотя, но со всей определенностью продолжал голосовать за венгерские партии, главным образом за партию власти. Попадая по их спискам в парламент, единичные румынские депутаты совершенно не делали там погоды¹⁷².

Некоторые изменения намечаются только после парламентских выборов 1901 г., проведенных на основе более демократического законодательства, предложенного премьер-министром К. Селлом. К этому времени в руководстве румынской национальной партии на первый план выходит новая генерация политиков, реалистически мыслящих и склонных к более активной тактике. Они отказываются от прежней фетишизации лозунга автономии Трансильвании, делая акцент на защите гражданских прав румын, приобщении их к управлению комитатами и повышении материального благосостояния румынского населения. Румынский избиратель согласен был соблюдать эти правила игры. Показательно, например, что в 1903 г. в комитате Хуняд местный деятель А. Влад был избран депутатом от румынской национальной партии, даже не включив в свою программу требования трансильванской автономии¹⁷³.

Таким образом, в начале XX в. румынское национальное движение вступает в фазу активной парламентской деятельности¹⁷⁴. Правда, при этом не обходилось без разочарований. На выборах 1905 г. всего восемь депутатов прошли в парламент от Национальной партии (румынское общество надеялось на более внушительный показатель). Во время острого внутриполитического кризиса в Венгрии 1905–1906 гг. румынские депутаты демонстрировали верноподданничество, однозначно встав на сторону династии в споре с приобщившимися к власти венгерскими националистами. Националистическая Партия независимости воспринималась в румынских кругах как главный, принципиальный враг, проводник шовинистической линии. В свою очередь сторонники сохранения дуализма в венгерской политической жизни и наиболее влиятельный из них, граф И. Тиса, устанавливает контакты с румынскими депутатами, пытаясь использовать их в своих интересах во внутриполитической борьбе.

На выборах 1906 г. Румынскую национальную партию ждал уже более серьезный успех — по ее спискам в парламент попали 18 депутатов, которые, блокируясь там с сербскими и словацкими депутатами, активно выступали против принятия нового, дискриминационного закона об образовании, предложенного министром просвещения А. Аппони (1907). Румынские депутаты проявляли также активность при обсуждении аграрных проблем, выступая здесь единым блоком не только с депутатами от нацменьшинств, но и с политиками, представлявшими в парламенте левые венгерские крестьянские движения¹⁷⁵.

В целях поиска путей внутривластной стабилизации в Венгрии и в монархии в целом, что было неотделимо от решения национального вопроса, румынских депутатов пытаются приблизить к себе не только граф Тиса (в разные годы премьер-министр и председатель парламента), но и наследник Франц Фердинанд, задумавший реформирование системы дуализма на основе ослабления позиций Венгрии и обещавший ради этого пойти на некоторую демократизацию избирательной системы под лозунгом всеобщего избирательного права. С его командой активно сотрудничал один из лидеров румынской фракции в венгерском парламенте — Александру Вайда-Воевод¹⁷⁶. Заручившись высочайшим покровительством на аудиенции с наследником престола в феврале 1907 г., он выступает в парламенте с речью, в которой подчеркивалась верность Вене и осуждались сепаратистские тенденции в политике венгерских партий.

В свою очередь румынский Национальный комитет, структура, занимавшаяся мобилизацией национальных сил в ходе избирательных кампаний, заключил сделку с венгерскими властями, согласившись на получение субсидий взамен поддержки партии власти. Это, однако, вызвало негативный отклик национального общественного мнения, не одобрявшего никаких сделок с венграми за спиной румынского избирателя. Национальная партия потерпела на выборах 1910 г. серьезную неудачу, проведя в парламент всего пятерых депутатов. Однако девять румынских политиков, поддержавших графа Тису в его усилиях по сохранению системы дуализма, прошли в парламент по спискам его партии и принимали участие в работе этой фракции, продолжая, однако, координировать свои усилия с представителями румынской национальной партии. В начале 1910-х гг. на деятельности румынских парламентариев сильно сказывалась «борьба за румын» между двумя тяжеловесами австро-венгерской политики — Тисой и Францем Фердинандом. Успех в этой борьбе был в конечном итоге на стороне наследника, сумевшего мобилизовать в своих интересах более сильные династические и административные ресурсы. Даже согласие Тисы включить румынского министра без портфеля и двух госсекретарей в свое правительство не заставило трансильванских румынских политиков взять на себя обязательство остаться на позициях поддержки системы дуализма в случае изменений в соотношении сил между Венной и Будапештом. С гибелью своего покровителя Франца Фердинанда и началом мировой войны, делавшей весьма неопределенными перспективы сохранения Австро-Венгерской монархии, румынским политикам, в том числе и парламентариям, уже не было смысла искать нового покровительства в Вене, их взоры со все большей определенностью обращались на Бухарест.

Парламентское представительство в Боснии и Герцеговине

Сформировавшиеся в начале XX в. политические партии Боснии и Герцеговины смогли уже очень скоро показать себя на общих выборах края.

Через два года после аннексии, 17 февраля 1910 г., император-король Франц Иосиф санкционировал закон о конституционных учреждениях для Боснии и Герцеговины: саборе (скупщине), областном совете и совете округов. Через три дня в главном городе провинции была провозглашена конституция (областной статут). Кроме статута, закона о выборах и регламента работы сабора, были дарованы законы об общественных организациях, о собраниях и об округах (котарах — хорв., срезях — серб.).

Наряду с исполнительной властью появился представительный орган — сабор (скупщина) — у него не было права законодательной инициативы и контроля над исполнительной властью. Законодательная же власть продолжала оставаться у императора и короля, т.е. у правительств в Вене и Будапеште. В компетенцию сабора входили вопросы, касающиеся самой провинции. При этом, согласно 37-й статье статута, законопроект, входящий в компетенцию сабора, должны были одобрить кабинеты обеих частей Австро-Венгрии¹⁷⁷. Несмотря на это, по мнению боснийского историка Д. Юзбашича, компетенция сабора была довольно широкой — шире, чем у представительств в провинциях Цислейтании или сабора королевства Хорватии и Славонии. В то же время у жителей Боснии и Герцеговины не было никакого представительства ни в Австрии, ни в Венгрии, в отличие от остальных подданных императора-короля¹⁷⁸. При этом сабор не имел права направлять депутации ко двору без предварительного высочайшего одобрения императора-короля.

Важнейшей задачей Боснийско-герцеговинского сабора было принятие годовых бюджетов провинции. «Администрация стремилась избежать конфликтов, могущих возникнуть, если сабор не одобрит бюджет. Для такого случая общеимперское министерство финансов дало областному правительству инструкцию о том, что бюджет не должен быть подробно расписан»¹⁷⁹, — отметил Юзбашич. Законы, принятые сабором, поступали на утверждение императору-королю после ходатайства общеимперского министра финансов и предварительного согласия обоих государств монархии. Сабор не имел права направлять депутации ко двору без предварительного высочайшего одобрения монарха.

Состав сабора формировался путем комбинации социальной, конфессиональной и «вирилистской» куриальной систем. Эта система была взята из статута Моравии 1905 г.¹⁸⁰ Подданные в Боснии и Герцеговине, исходя из их конфессиональной принадлежности, были разделены на несколько курий. Затем эти избиратели распределялись между куриями по социальному принципу: городская, сельская, крупных землевладельцев, чиновников и интеллигенции. Всего в саборе заседали 72 избранных депутата. При этом католикам отдавались 16, мусульманам — 24 и православным — 31 мандат и один мандат иудеям.

Активное избирательное право имели все жители мужского пола, которым на день выборов исполнилось 24 года, владеющие собственностью, прожившие в провинции не менее одного года. Активным избирательным

правом обладали и женщины — крупные землевладельцы, выплачивавшие земельный налог в 140 крон; тогда они могли голосовать в курии землевладельцев. Пассивным избирательным правом обладали мужчины в возрасте полных 30 лет, пользовавшиеся всеми гражданскими правами. Срок депутатского мандата составлял пять лет без права избирателей на отзыв. Председатель и вице-председатель сабора не избирались голосованием депутатов: в начале каждой сессии их назначал император-король, основываясь на необходимости соблюдать конфессиональное равновесие и очередность.

Наряду с избранными депутатами в сабор входили и «вирилисты» — лица, которых назначали исходя из занимаемого ими положения и должности. Всего таких депутатов насчитывалось двадцать: реис-уль-улема, вакуфско-меарифский директор, сараевский и мостарский муфтий, а также по назначению самый старший муфтий; четыре сербско-православных митрополита и заместитель председателя Большого административного и образовательного совета Сербской православной церкви; римско-католический архиепископ; сефардский надравин, председатель верховного суда; председатель адвокатской палаты в Сараеве; сараевский градоначальник, председатель торговой и ремесленной палаты¹⁸¹.

Первые выборы в Боснии и Герцеговине прошли в мае 1910 г. Партией, которой не соответствовала предложенная избирательная система, была СДП БиГ, так как она была многонациональной. Социал-демократам удалось провести в сабор двух депутатов. Все сербские мандаты получила СНО (31), все мусульманские — МНО (24), большинство хорватских мест достались ХНС (12), у ХКУ было четыре депутата. В социальном плане: из 72 депутатов 45 относились к интеллигенции, в том числе духовной. Среди 92 членов сабора (72 избранных и 20 «вирилистов») были 24 землевладельца (17 мусульман, пять сербов и два хорвата)¹⁸².

За короткий период существования Боснийско-герцеговинского сабора его возглавляли мусульмане: Алибег Фирдус (скончался в первый год работы сабора) и Сафвет-бег Башагич (до роспуска сабора в 1915 г.).

Председатель сабора одновременно занимал пост председателя Областного совета. Девять членов совета (четверо православных, три мусульманина и два католика) избирались сабором из числа самих депутатов. Совет обладал правом по требованию австрийского, венгерского правительств или общеимперского министра финансов выступать с заявлениями или высказывать мнение относительно общественных дел, в которых провинция принимает участие¹⁸³.

В самом начале первой сессии, в июне 1910 г., депутаты сабора приняли резолюцию, в которой заявили, что статут Боснии и Герцеговины «не представляет основы для полезной деятельности» сабора и что связанные с ним ожидания остались неисполненными. Об этой резолюции корреспондент Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Вене и осведомитель российского Министерства иностранных дел В.П. Сватковский отметил: «Не-

смотря на уничтожающий приговор, объявленный самому себе сеймом [т.е. сабором] в его резолюции <...> боснийский сейм работает на славу и с честью отстаивает народные позиции. Военная диктатура где-то притаилась, гражданские же помощники военного губернатора очень мягко отстаивают точки зрения правительства и во многом весьма предупредительно идут навстречу пожеланиям народных представителей»¹⁸⁴. Так, областное правительство не стало сопротивляться учреждению воскресных курсов для безграмотных под руководством духовенства, чего добивались сербы. Постановление комиссии сабора по народному просвещению выделять средства только школам, где преподавание ведется на сербском или хорватском языке, также не встретило отпора со стороны властей. Когда сабор отказал в субсидиях просветительским организациям ХКУ, правительство «выставило лишь слабые возражения». Рекомендацию депутатов упразднить окружные администрации официозная печать обсуждала в позитивном ключе, писал Сватковский. Случаи нарушения депутатами устава сабора, как, например, игнорирование депутатами заявлений правительственного представителя или назначение некоторых чиновников с одобрения сабора, «встречают очень мягкий отпор», — писал российской корреспондент. Кроме того, в ответ на резолюцию о том, что отныне сабор распоряжается государственными лесами, власти лишь указали на необходимость ее оформления в виде закона¹⁸⁵.

Такое согласие в работе в последующем уступило место партийным спорам и национальным конфликтам в представительном органе Боснии и Герцеговины. Еще одним камнем преткновения в отношениях партий был аграрный вопрос. В результате этого спора распалась сербско-мусульманская коалиция, и на ее месте был образован хорватско-мусульманский блок.

Примечания

- ¹ *Ackerl I.* Geschichte Österreichs in Daten. Von 1806 bis heute. Wiesbaden, 2008. S. 47.
- ² Ibid. S. 58.
- ³ *Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs. Graz; Wien; Köln, 1955. Bd. 2. S. 443.
- ⁴ *Turczynski E.* Vereine, Interessenverbände und Parteien der Bukowina // Die Habsburgermonarchie 1848–1918 / Hrsg. von. H. Rumpler, P. Urbanitsch. Bd. VIII. Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft, Teilbd. 1. Vereine, Parteien und Interessenverbände als Träger der politischen Partizipation. Wien, 2006. S. 867.
- ⁵ Ibid. S. 868.
- ⁶ Ibid. S. 870.
- ⁷ *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2006. S. 74.
- ⁸ *Melik V.* Volitve na Slovenskem: 1861–1918. Ljubljana, 1965. S. 211–214. См. также в переводе на нем. яз.: *Melik V.* Wahlen im alten Österreich: am Beispiel der Kronländer mit slowenischsprachiger Bevölkerung. Wien; Köln; Weimar, 1997.
- ⁹ Ibid. S. 225.
- ¹⁰ *Cvirn J.* Trdnjavski trikotnik. Politična orientacija Nemcev na Spodnjem Štejrskem (1861–1914). Maribor, 1997. S. 259.
- ¹¹ *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. S. 119.
- ¹² Таблица была составлена В. Меликом, приводится в сокращенном варианте. См.: *Melik V.* Volitve na Slovenskem. S. 304.
- ¹³ *Melik V.* Slovenski državni poslanci 1873–1918 // Zbornik Janko Pletersega. Ljubljana, 2003. S. 170.
- ¹⁴ Ibid. S. 598.
- ¹⁵ *Cvirn J.* Trdnjavski trikotnik. S. 263.
- ¹⁶ Slovenski narod. Ljubljana. 20.2.1885.
- ¹⁷ *Cvirn J.* Trdnjavski trikotnik. S. 279.
- ¹⁸ *Melik V.* Slovenci v državnem zboru 1893–1904 // Melik V. Slovenci 1848–1918: razprave in članke. Maribor, 2002. S. 597.
- ¹⁹ Цит. по: *Rahten A.* Slovenska ljudska stranka v dunajskem parlamentu. Slovenska parlamentarna politika v habsburški monarhiji 1897–1914. Celje, 2001. S. 142–143.
- ²⁰ Ibid. S. 141–142.
- ²¹ *Cvirn J.* Trdnjavski trikotnik... S. 291.
- ²² *Šuklje F.* Dr. Ivan Sušteršič // *Šuklje F.* Sodobniki, mali in veliki. III. del spominov. Ljubljana, 2010. S. 253–254.
- ²³ *Soukup L.* Zemský sněm český v 19. století // Vývoj české ústavnosti v letech 1618–1918. Praha, 2006. S. 383.
- ²⁴ *Vešek L.* Český zemský sněm v letech 1848–1913. Jeho character a hlavní rysy // Sejm Czeski od czasow najdawniejszych do 1913 roku. Opole, 2000. S. 96.
- ²⁵ *Urban O.* Der böhmische Landtag // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Band VII. Verfassung und Parlamentarismus. 2. Teilband. Die regionalen Repräsentativkörperschaften. Wien, 2000. S. 1998.
- ²⁶ *Soukup L.* Zemský sněm český v 19. století // Vývoj české. S. 384.
- ²⁷ Ibid. S. 392.
- ²⁸ *Velké dějiny zemí Koruny české.* Sv. XI.a. 1792–1860. Praha-Litomyšl, 2013. S. 49.
- ²⁹ *Urban O.* Der böhmische Landtag // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. S. 2022.
- ³⁰ *Efmertová M.* České země v letech 1848–1918. Praha, 1998. S. 85.
- ³¹ Так, языковые указы 1880 г. («распоряжения Штремайера») закрепили равноправие двух языков во внутреннем делопроизводстве провинции, а в 1882 г. Пражский университет был разделен на чешский и немецкий профили.
- ³² *Velké dějiny zemí Koruny české.* Sv. XI.a. S. 306.
- ³³ *Křten J.* Dvě století střední Evropy. Praha, 2005. S. 247.
- ³⁴ Ibid. S. 286–288.
- ³⁵ *Velké dějiny zemí Koruny české.* Sv. XII.b. 1890–1918. Praha: Litomyšl, 2013. S. 192–193.
- ³⁶ *Efmertová M.* České země v letech 1848–1918. S. 120–122.
- ³⁷ *České země v 19. století. Proměny společnosti v moderní době.* Díl I. Praha, 2014. S. 91.
- ³⁸ *Аркуша О.* Галицький Сейм. Виборчі кампанії 1889 і 1895 рр. Львів, 1996. С. 10.
- ³⁹ Там же. С. 4.
- ⁴⁰ *Аркуша О.* Українське представництво в Галицькому сеймі (1889—1901). Львів, 1997. С.45.
- ⁴¹ *Аркуша О.* Парламентська традиція галицьких українців у другій половині XIX на початку XX ст. // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вып. 9. Львів, 2000. № 6. С. 71.
- ⁴² *Полтавский М.А.* История Австрии: государственное и национальное строительство. М., 1994. С. 178.
- ⁴³ *Шимчак Д.* «Мы друг друга понимаем...»: Франц Иосиф и поляки в Галиции // Славяноведение. 2017. № 5. С. 3–13.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Чорновол І. Українська фракція Галицького крайового Сейму 1861–1901 рр. Львів, 2000. С. 64.
- ⁴⁶ *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888–1908. Toruń, 1996. S. 66.
- ⁴⁷ *Fras Z.* Galicja. Wrocław, 1999. S. 192.
- ⁴⁸ *Булахтин М.А.* Между политикой и моралью: краковские консерваторы в начале XX века. Пермь, 2006. С. 32.
- ⁴⁹ *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potockiego. 1996. S. 189.
- ⁵⁰ *Полтавский М.А.* Краткая история Австрии. С. 137.
- ⁵¹ Там же. С. 124.
- ⁵² С. Свербеев — А.П. Извольскому, 15/28 ноября 1907 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1907 г. Д. 133. Л. 212–214.
- ⁵³ Там же. Л. 212.
- ⁵⁴ Там же. Л. 214.
- ⁵⁵ Там же. Л. 86–88.
- ⁵⁶ Там же. Л. 212.
- ⁵⁷ Там же. Л. 242–244.
- ⁵⁸ *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши. М., 2004. С. 64.
- ⁵⁹ *Шимчак Д.* «Мы друг друга понимаем...» С. 10.
- ⁶⁰ *Булахтин М.А.* Между политикой и моралью. С. 129.
- ⁶¹ Там же. С. 153.
- ⁶² *Лозинский М.* З австрійської України // ЛНВ. 1907. Т. 39. Кн. 7. С. 150.
- ⁶³ *Левицький К.* Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі спомніків. Львів, 1926. С. 447
- ⁶⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1907 г. Д. 133. Л. 210–211.
- ⁶⁵ *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888–1908. Toruń, 1996. S. 214–215.
- ⁶⁶ *Левицький К.* Історія політичної думки. С. 509.
- ⁶⁷ Польша в XX веке: Очерки политической истории. М., 2012.
- ⁶⁸ *Булахтин. М.А.* Между политикой и моралью. С. 96.
- ⁶⁹ Польша в XX веке. С. 62.
- ⁷⁰ *Левицький К.* Історія політичної думки... С. 581.
- ⁷¹ Там же. С. 686.
- ⁷² *Istoria Românilor.* București, 2003. Vol. VII. T. 2. P. 236 (Academia Româna).
- ⁷³ *Gyányi G., Kövér Gy.* Magyarország társadalomtörténete. A reformkortól a második világháborúig. Budapest, 1998. 107. old.
- ⁷⁴ *Gerő A.* Liberalism, Conservatism and Political Legitimacy under the Dual Monarchy // Idem. Modern Hungarian Society in the Making. The unfinished Experience. Budapest, 1993. P. 173.
- ⁷⁵ Ibid. P. 174.
- ⁷⁶ *Bérenger J., Kecskeméti K.* Országgyűlés és parlamenti élet Magyarországon, 1608–1918. Budapest, 2008. 410. old.
- ⁷⁷ Строки из газеты «Budapesti Hírlap» за 20 января 1905 г. цит. в переводе Т.М. Исламова по: *Исламов Т.М.* Политическая борьба в Венгрии в начале XX в. М., 1959. С. 114.
- ⁷⁸ *Podrímavský M.* Organizácia Slovenskej národnej strany v rokoch 1900–1914 // Historické štúdie. 1977. Ročn. 22. S. 188.

- ⁷⁹ Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Т.М. Исламов. М., 1991. С. 233.
- ⁸⁰ Politické strany na Slovensku, 1860–1989. Bratislava, 1992. S. 61.
- ⁸¹ Ibid. S. 79.
- ⁸² Slovenský biografický slovník (od roku 833 do roku 1990). Martin, 1992. Zv. 5. S. 78; Ibid. Martin, 1994. Zv. 6. S. 457–458.
- ⁸³ Ibid. Martin, 1994. Zv. 6. S. 457–458.
- ⁸⁴ Ibid. Martin, 1992. Zv. 5. S. 298.
- ⁸⁵ Ibidem.
- ⁸⁶ Ibid. S. 139.
- ⁸⁷ Краткая история Венгрии. С. 223.
- ⁸⁸ Politické strany na Slovensku. S. 67.
- ⁸⁹ Краткая история Венгрии. С. 226.
- ⁹⁰ Slovenský biografický slovník. Martin, 1990. Zv. 4. S. 412; Ibid. Martin, 1986. Zv. 1. S. 423.
- ⁹¹ Gombala E. Viliam Pauliny-Tóth. Život a dielo. Martin, 1976. S. 120–121.
- ⁹² Краткая история Венгрии. С. 223.
- ⁹³ Вялова С.О. Из истории общественно-политического движения в Словакии в 60-х годах XIX в. // Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.
- ⁹⁴ Politické strany na Slovensku. S. 74.
- ⁹⁵ Podrimavský M. Slovenská národná strana v druhej polovici XIX. storočia. Bratislava, 1983. S. 152.
- ⁹⁶ Politické strany na Slovensku. S. 79–80.
- ⁹⁷ Ibid. S. 81.
- ⁹⁸ Slovenský biografický slovník. Martin, 1989. Zv. 3. S. 289.
- ⁹⁹ Národne noviny. 1897. 11 I. S. 1.
- ¹⁰⁰ Slovenský biografický slovník. Zv. 6. S. 266. Slovenské noviny. 1905. 13 I. S. 2.
- ¹⁰¹ Politické strany na Slovensku. S. 88–90.
- ¹⁰² Slovenský biografický slovník. Zv. 3. S. 289. Ibid. Zv. 6. S. 457–458.
- ¹⁰³ Ibid. Zv. 3. S. 147.
- ¹⁰⁴ Ibid. Zv. 1. S. 215.
- ¹⁰⁵ Ibid. Zv. 5. S. 302.
- ¹⁰⁶ Ibid. S. 276.
- ¹⁰⁷ Podrimavský M. Slovenská národná strana. S. 152.
- ¹⁰⁸ Politické strany na Slovensku. S. 88–90.
- ¹⁰⁹ Slovenský biografický slovník. Zv. 3. S. 147, 289.
- ¹¹⁰ Ibid. Zv. 5. S. 276.
- ¹¹¹ Politické strany na Slovensku. S. 88–90.
- ¹¹² Slovenský týždenník. 1907. 1 XI. S. 4. Slovenský biografický slovník. Zv. 5. S. 302.
- ¹¹³ Podrimavský M. Slovenská národná strana. S. 210.
- ¹¹⁴ Podrimavský M. Organizácia Slovenskej národnej strany. S. 188.
- ¹¹⁵ Ibid. S. 189.
- ¹¹⁶ Slovensky týždenník. 1906. 4 V. S. 1.
- ¹¹⁷ Politické strany na Slovensku. S. 98.
- ¹¹⁸ Ibid. S. 74.
- ¹¹⁹ Holec R. Tragédia v Černejovej a slovenská spoločnosť. Martin, 1997.
- ¹²⁰ Slovensky týždenník. 1907. 1 XI. S. 3–4.
- ¹²¹ Майор Р. Парламентська діяльність А. Добрянського в угорському сеймі та його боротьба проти мадяризації національних меншин Угорщини в 1861–1868 рр. // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи: Збірник наукових праць. Кам'янець-Подільський, 2012. Вип. 3. С. 129.
- ¹²² Добош С. Адольф Иванович Добрянский: Очерк жизни и деятельности. Пряшев, 1956. С. 102.
- ¹²³ Майор Р. Парламентська діяльність А. Добрянського. С. 130.
- ¹²⁴ Добош С. Адольф Иванович Добрянский. С. 102.
- ¹²⁵ Аристов Ф.Ф. Карпато-русские писатели: Исследование по неизданным источникам. М., 1916. Т. I. Репринт: Bridgerport (Connecticut), 1977. С. 153.
- ¹²⁶ Добош С. Адольф Иванович Добрянский. С. 102.
- ¹²⁷ Майор Р. Парламентська діяльність А. Добрянського. С. 131.
- ¹²⁸ Галас В.І., Переш І.Є. Політико-правові ідеї Адольфа Добрянського та його боротьба за єдність слов'янського світу // Ідеї слов'янської єдності та суспільна думка на Закарпатті в XIX–XX ст. Доповідо наукового семінару, присвяченого 150-річчю Слов'янського з'їзду в Празі. Ужгород, 1999. С. 227–228.

- ¹²⁹ Перени Й. Из истории закарпатских украинцев (1849–1914) // Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1957. XIV. С. 83.
- ¹³⁰ См. поименные списки депутатов от округов в границах современного украинского Закарпаття: Хроніка Закарпаття 1867–2010. Kárpátalja évszámokban 1867–2010. Ужгород, 2011. С. 15–22, 24, 26–27.
- ¹³¹ Перени Й. Из истории закарпатских украинцев. С. 99.
- ¹³² См. биографическое исследование об О. Сабове в кн.: Мазурок О. Орест Сабов та його книга про угорських русинів. Ужгород, 2011.
- ¹³³ Пан С. Історія Закарпаття. Івано-Франківськ, 2003. Т. 3. С. 488–489.
- ¹³⁴ Uredba bana Josipa Jelačića o izboru zastupnika i sastavu Hrvatskog državnog sabora (1848) // Constitutions of the World from the late 18th Century to the Middle of the 19th Century. Sources on the Rise of Modern Constitutionalism — Europe. Berlin; New York, 2010. Vol. 9. Croatian, Slovenian and Czech Constitutional Documents 1818–1849. P. 50.
- ¹³⁵ Sirotković H. Izborni red za sabor od 1861. godine i provođenje izbora // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti (далее — Rad JAZU). 1967. Knj. 347. S. 272.
- ¹³⁶ См.: Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Povijest hrvatskoga naroda g. 1860–1914. Zagreb, 1971. S. 149–316; Povijest Hrvata. Zagreb, 2005. Druga knjiga. Od kraja 15.st. do kraja Prvoga svjetskoga rata. S. 530–616; Stančić N. Hrvatska nacija i nacionalizam u 19. i 20. stoljeću. Zagreb, 2002. S. 27–62, 107–130.
- ¹³⁷ Horvat R. Najnovije doba hrvatske povijesti. Zagreb, 1906. S. 202.
- ¹³⁸ Čepulo D. Zakonodavna djelatnost Hrvatskog sabora 1861. — autonomija, modernizacija i municipalne institucije // Pravni vjesnik. 2002. № 18 (1–2). S. 135.
- ¹³⁹ Horvat J. Politička povijest Hrvatske. Zagreb, 1990. 1 dio. S. 175.
- ¹⁴⁰ Ibid. S. 186.
- ¹⁴¹ Sirotković H. Ustavni položaj i organizacija rada sabora Kraljevine Hrvatske i Slavonije u građanskom razdoblju njegova djelovanja (1848–1918) // Rad JAZU. 1981. Knj. 393. S. 54.
- ¹⁴² Horvat J. Politička povijest Hrvatske. 1 dio. S. 190.
- ¹⁴³ Perić I. Hrvatski državni sabor 1848–2000. Zagreb, 2000. Drugi svezak: 1868–1918. S. 71.
- ¹⁴⁴ Čepulo D. Izborna reforma u Hrvatskoj 1875 — liberalizam, antidemokratizam i hrvatska autonomija // Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu. 2002. № 3/4. S. 688.
- ¹⁴⁵ Sirotković H. Ustavni položaj i organizacija rada sabora. S. 55.
- ¹⁴⁶ Perić I. Hrvatski državni sabor 1848–2000. S. 330.
- ¹⁴⁷ См., например: Perić I. Hrvatski državni sabor 1848–2000. Zagreb, 2000. Sv. 2. 1868–1918.
- ¹⁴⁸ Ibid. S. 373.
- ¹⁴⁹ Zakon o izbornom redu za sabor kraljevine Hrvatske, Slavonije i Dalmacije. Zagreb, 1910.
- ¹⁵⁰ По другим данным, состав далматинского сабора был более сложным: в него входили также хорватские партии права и Настоящая партия права. См.: Perić I. Hrvatski državni sabor 1848–2000. Drugi svezak. S. 381.
- ¹⁵¹ Novak G. Prošlost Dalmacije. Zagreb 1944. Sv. II. Od Kandijaskoga rata do Raspallskog ugovora. S. 420; Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Povijest hrvatskoga naroda. S. 255–257, 292–296.
- ¹⁵² См.: Barbačić F. Narodna borba u Istri od 1870. do 1915. godine. (Prema bilješkama iz “Naše sloge”). Zagreb, 1952.
- ¹⁵³ Perić I. Hrvatski državni sabor. Sv. 2. 1868–1918. S. 383–385.
- ¹⁵⁴ Политический строй современных государств. Т. II. СПб., 1905. С. 142.
- ¹⁵⁵ Крестич В. Срби у Угарској, 1790–1918. Нови Сад, 2013. С. 48–49.
- ¹⁵⁶ Васин Г. Национално-политичка борба Срба, 1848–1884 // Истраживања. Нови Сад, 2010. № 10. С. 315–317.

- ¹⁵⁷ Кирилович Д. Српски народни сабори. Књ. 1: 1861–1875. Нови Сад, 1937. С. 5.
- ¹⁵⁸ Крестић В. Срби у Угарској. С. 267.
- ¹⁵⁹ Стратимировић Ђ. Успомене. Нови Сад, 2013. С. 104.
- ¹⁶⁰ Крестић В. Срби у Угарској. С. 269.
- ¹⁶¹ Проглас са закључцима Сабора 1861. у Сремским Карловцима. (Дата последнегo посещения 5.VII.2018.) <http://digital.bms.rs/ebiblioteka/pageFlip/reader/index.php?type=publications&id=1949&m=2#page/1/mode/2up>
- ¹⁶² Јерућ К. Национално питање на Угарском сабору од 1861 до 1868 године // Зборник Матице српске за историју. Нови Сад, 2014. № 90. С. 74–77.
- ¹⁶³ Раденић А. Срби у Хабзбуршкој монархији, 1868–1869 // Историја српског народа. Београд, 1981. Књ. V-2. С. 169.
- ¹⁶⁴ Екмечић М. Ставарње. Југославије 1790–1918. Београд, 1989. Т. 1. С. 284.
- ¹⁶⁵ Микавица Д. Михаило Полит-Десанчић. Вођа српских либерала у Аустро-угарској. Нови Сад, 2007. С. 400.
- ¹⁶⁶ Ракић Л. Јаша Томић. Нови Сад, 1986. С. 209.
- ¹⁶⁷ См. о деятельности этого общества: Sofronie M. Aspecte ale activității Asociațiunii transilvane “Astra” până la la 1918. Sibiu, 1918.
- ¹⁶⁸ Из важнейших работ о политической жизни Трансильвании в 1860-е гг. и об участии в ней деятелей румынского движения см.: Retegan S. Reconstrucția politică a Transilvaniei în anii 1861–1863. Cluj-Napoca, 2003; Suciu D. Antecedentele dualismului austro-ungar și lupta națională a românilor din Transilvania 1848–1867. București, 2000.
- ¹⁶⁹ См.: Hitchins K. A Nation Affirmed: The Romanian National Movement in Transylvania. Bucharest, 1999.
- ¹⁷⁰ См.: Manciulea Ș. Istoria Blajului: Monografie istorică și culturală. Blaj, 2001.
- ¹⁷¹ О ситуации в Банате см.: Munteanu I. Mișcarea națională din Banat, 1881–1918. Timișoara, 1994.
- ¹⁷² Из литературы см.: Chioreanu I. Mișcarea națională română din Austro-Ungaria (1867–1918). Târgu-Mureș, 2000.
- ¹⁷³ Orga V. Aurel Vlad: Istorie și destin. Cluj-Napoca, 2006.
- ¹⁷⁴ Maior L. Mișcarea națională românească din Transilvania, 1900–1914. Cluj-Napoca, 1986.
- ¹⁷⁵ Mândruț S. Mișcarea națională și activitatea parlamentară a deputaților Partidului Național Român din Transilvania între anii 1905–1910. Oradea, 1995.
- ¹⁷⁶ Hitchins K. The Nationality problem in Austria-Hungary: Alexander Vaida’s reports to Francis Ferdinand’s Chancellery. Leiden, 1974.
- ¹⁷⁷ Хаджибегович И., Имамович М. Политическое развитие Боснии и Герцеговины в начале XX века // Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). СПб., 2011. С. 288.
- ¹⁷⁸ Juzbašić D. Nacionalno politički odnosi u Bosanskohercegovačkom saboru i jezičko pitanje (1910–1914). Sarajevo, 1999. S. 50.
- ¹⁷⁹ Juzbašić D. Nacionalno politički odnosi u Bosanskohercegovačkom saboru. S. 50.
- ¹⁸⁰ Juzbašić D. Nacionalno politički odnosi u Bosanskohercegovačkom saboru. S. 40.
- ¹⁸¹ Хаджибегович И., Имамович М. Политическое развитие Боснии и Герцеговины в начале XX века. С. 289.
- ¹⁸² Juzbašić D. Nacionalno politički odnosi u Bosanskohercegovačkom saboru. S. 43–44.
- ¹⁸³ Хаджибегович И., Имамович М. Политическое развитие Боснии и Герцеговины в начале XX века. С. 290.
- ¹⁸⁴ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. 1910. Д. 296. Записка Сватковского «Босния» (литография). Л. 2об.
- ¹⁸⁵ Там же. Л. 2об.–3.

Партийная и внепартийная политическая пресса

Пресса является важным источником по истории политического развития, экономики, массового национального и политического сознания, а также по истории национальных движений. В конце XIX — начале XX в. параллельно шли два процесса — профессионализация политики и профессионализация журналистики и издательского дела. На первых этапах развития национальных и общественных движений издание газет и журналов, прежде всего их финансирование, набор и содержание редакций, получение информации, печать, реклама и распространение, было делом преимущественно либо государства, либо отдельных меценатов. Авторами в этих изданиях выступали дилетанты от политики и дилетанты от журналистики. Постепенно в связи с развитием политической деятельности и становлением политических партий начали формироваться группы профессиональных политиков — политических лидеров и сотрудников партийного аппарата, а также появляются профессиональные партийные публицисты и журналисты, редакторы, корреспонденты и т.д.

На этапе становления политических партий газеты и их редакции играли двоякую роль. *Во-первых*, они распространяли определенные идеи и оценки, формировали реакцию политически активных слоев, вели предвыборную агитацию. *Во-вторых*, их редакции играли роль партийных штабов, превращая часть редакторов и авторов, публицистов, в политических лидеров. Впрочем, зачастую соперничество между центральным органом и центральным комитетом вело к расколу того или иного течения, к возникновению не одной, а сразу двух группировок и партий. В одном случае редакция газеты или журнала становилась средоточием единомышленников, вокруг которого формировалась политическая партийная или группировка; в другом случае уже функционирующая протопартийная или партийная структура создавала свою газету — центральный или местный орган печати. Нередки были случаи и внутрипартийного раскола. Тогда газета оставалась в руках одной из разделившихся частей, а другая создавала свой собственный печатный орган и выходила с ним на экономический и политический рынок. В начале XX в. партийные газеты были важнейшим элементом структуры формировавшихся политических партий¹.

Пресса в Австрийских землях

Декабрьская конституция 1867 г., которой было закреплено создание двуединой монархии, среди прочего, гарантировала и права прессы. Статья 13 гласила: «Каждый гражданин имеет право свободно излагать свое мнение устно, письменно, печатно или изобразительными средствами — в рамках закона»². Далее в законе утверждалось, что «пресса не только не должна подвергаться цензуре или ограничиваться какой-либо системой соглашений. На распространение через почту отечественных печатных изданий не может быть наложен административный запрет»³. Было специально оговорено, что во всех судебных разбирательствах касательно прессы должны непременно участвовать присяжные заседатели. Правительство получало возможность ограничивать свободу прессы лишь в случае войны или «беспорядков».

В целом новая конституция, будучи не столь либеральной, как рожденная революцией 1848 г., все же предоставляла серьезные возможности для прессы, прежде всего немецкой. Столичная венская пресса распространялась по всей Цислейтании и имела много читателей и в венгерской половине империи. Интерес к ней очень скоро возник и за пределами империи. Большое распространение получили в это время и небольшие газеты земельного ранга.

Формировавшееся в стране гражданское общество все более явно разделялось на части, вскоре обозначившиеся как — поименованные тогда — «три лагеря»: либеральный, консервативный и социал-демократический. Еще одно относящееся к этому времени направление общественно-политической жизни — пангерманское — не имело серьезного влияния даже в период своего расцвета в начале XX в.

Первое двадцатилетие дуалистического государства Австро-Венгрии было отмечено преобладанием либерализма в общественно-политической жизни страны. Либеральная пресса демонстрировала образцы журналистского мастерства и высокой способности реагировать на встававшие перед обществом вопросы. Три венские газеты представляли весь спектр либеральной мысли: «Die Presse» («Пресса»), «Die Neue Freie Presse» («Новая свободная пресса») и «Das Neue Wiener Tagblatt» («Новая венская ежедневная газета»).

Ведущим либеральным изданием того времени стала «Die Presse», основанная еще в революционном 1848 году и отстаивавшая принцип свободы печати. «В ней сочетались высокий уровень французской журналистики с особенностями и традициями венской прессы, с австрийским шармом, что сделало ее всеобщей газетой Дунайской монархии; в то же время она распространялась и за границей»⁴, — пишет известный историк австрийской прессы.

Выражая прежде всего интересы быстро набирающей силы крупной буржуазии, газета объявила себя сторонницей «откровенного конституционализма британского образца»⁵, а вовсе не безграничной демократии. Именно поэтому «Presse» выступала против всеобщего избирательного

права, решительно поддерживая правительственную тактику медленных уступок, например избирательную реформу 1873 г.*

В области межнациональных отношений, т.е. по самому острому вопросу политической жизни страны, «Presse» занимала позицию жесткого централизма. С большим трудом она признала дуализм, поскольку считала его поводом быстро распространявшейся идеи федерализма, губительной для монархии. Газета постоянно подчеркивала исключительную роль немецкой культуры и благотворность венского руководства делами монархии в целом и любой ее составляющей. «Вредному, разрушительному национальному мышлению» газета противопоставляла принципы прав человека, гуманности, свободы, собственно здравого смысла⁷, — неоднократно подчеркивалось на страницах издания.

Социальный вопрос, по мере развития капитализма, все четче обозначался как «рабочий вопрос». Положение рабочих, условия их труда, появление рабочих организаций и их идеология — дискуссии об этом становились постоянными. Выразительница интересов ищущей прибыли буржуазии, «Presse» выступала против государственной помощи растущему классу бедных. Здесь считали социал-демократические требования оказания такой помощи «недемократичными», «опасными для государства», более того — «экономическим безрассудством», лишаящим человека воли помогать себе собственными силами⁸. Государственная помощь бедным, по убеждениям либералов, должна была быть минимальной. В то же время «Presse» поддерживала идею организации кружков и ассоциаций рабочей взаимопомощи. Толкуя таким образом лассальянские требования, венские либералы надеялись удержать рабочих от «ложного учения коммунизма».

В области внешней политики газета последовательно поддерживала действия императора и правительства. Генеральным направлением ее внешнеполитического курса был союз и безусловная солидарность с Германией.

Незадолго до превращения Австрийской монархии в Австро-Венгерскую в редакции «Presse» произошел раскол, и часть сотрудников создали собственную газету, назвав ее «Neue Freie Presse». Начав выходить в Вене, новая газета очень быстро распространилась по всей империи, составив прежней «Presse» серьезную конкуренцию. Однако старая газета держалась еще 32 года и была побеждена в 1896 г. (Газета с таким названием стала выходить лишь через полвека, в 1946 г., и до сих пор является уважаемым изданием европейского значения.)

«Neue Freie Presse» очень скоро стала ведущим изданием в Цислейтании и в то же время свидетельством высшего расцвета австрийского либерализма. Будучи органом преуспевающей крупной буржуазии, газета имела возможность расходовать большие деньги на организацию типографского производства и привлечь к работе высоких профессионалов. «Очень важны были ее тесные связи с финансовым капиталом, прежде всего с домом

* Об эволюции избирательного права см. Главу 6 наст. изд.

Ротшильд и банками группы «Австрийский кредитанштальт», — писал полвека спустя публицист (коммунист) Альберт Фукс. — Финансовых трудностей, которые испытывали другие газеты, она не знала. Она могла позволить себе приобрести новейшее оборудование, которое только что вызвало общий восторг на Всемирной промышленной выставке 1873 г. Она организовала, по представлениям того времени, невероятно дорогостоящую и совершенную службу информации»⁹. В 1873 г. тираж газеты составлял 35 тыс. экземпляров¹⁰.

Политически и идеологически «Neue Freie Presse» находилась на правом крыле либерального спектра, но благодаря своей исключительной информированности находила читателей и за пределами этого круга. Репутация газеты была такова, что многие ее подписчики обозначали приверженность ей в своей визитной карточке¹¹.

Все актуальные вопросы политической жизни обсуждались в газете детально и всесторонне. Отстаивая либеральный принцип светскости государства, «Neue Freie Presse» решительно выступала за отмену Конкордата. Ни один раздел газеты не исключал темы клерикализма и противоборства с ним; на ее страницах прослеживались даже подробности обсуждения этого предмета в парламенте. Отмену церковной опеки над семьей и школой в связи с отменой Конкордата в 1870 г. либералы считали и своей политической победой.

«Neue Freie Presse» уделяла серьезное внимание рабочему движению, принимавшему с 1860-х гг. все более четкую организационную и идеологическую форму. Она сообщала не только об организации и требованиях австрийского рабочего движения, но и о деятельности I Интернационала. Разумеется, программа Интернационала воспринималась авторами и читателями газеты как слишком радикальная; в 1874 г. «Neue Freie Presse» выступила на стороне проекта «рабочих палат» как согласительных учреждений для решения споров между хозяевами и рабочими. Считалось, что это сможет уберечь общество «от развития социального вопроса в направлении экстремальных теорий и даст ему возможность следовать в более спокойном фарватере практических потребностей»¹².

Газета довольно долго выступала против всеобщего избирательного права, аргументируя свою позицию необходимостью сохранять высокую ответственность руководящих классов общества, прежде всего буржуазии. Таким же образом мотивировался антифедералистский, жесткий централизм. Будучи единственной венской газетой, имевшей собственного корреспондента в Будапеште и поддерживавшей хорошие отношения с венгерскими коллегами, «Neue Freie Presse» утверждала, что «курии умерли из-за слабости Аусгляйха (Соглашения 1867 г.)»¹³. Газета выступала против всеобщего избирательного права не только по классовым, но и по «национальным» мотивам: во всеобщем равноправии она усматривала угрозу преимущественному положению немцев монархии, их культуре, традициям, вообще исключительному праву государствообразующей нации.

Проповеди немецкого преимущества служили даже разделы культуры, поставленные в газете наилучшим образом, на ее страницах выступали ученые с изложением новейших теорий и открытий. Основоположник экономической теории «предельной полезности» Карл Менгер и выдающиеся продолжатели его трудов: Фридрих фон Визер, Ойген фон Бём-Баверк и Ойген Филиппович входили в круг авторов газеты. Они создали научную школу, которая получила всемирное признание и серьезно повлияла на развитие экономической мысли Европы и Америки.

Репортажи корреспондентов газеты о театральных премьерах и художественных выставках привлекали внимание не только любителей искусств, но и профессионалов. С газетой сотрудничали ведущие музыковеды и литературные критики. Ее постоянным автором был писатель Стефан Цвейг. Он писал в своих воспоминаниях в 1941 г.: ««Neue Freie Presse» имела для Австро-Венгерской монархии примерно такое же значение, как «Times» для английского мира и «Temps» для французского»¹⁴.

В области внешней политики «Neue Freie Presse» была неизменной сторонницей тесного сотрудничества с Германией, которое будто бы могло послужить гарантией общеевропейского мира. Газета проповедовала недоверие к Франции и враждебность в отношении России. Последняя была связана с памятью о контрреволюционной помощи русского царя австрийскому императору во время революции 1848 г. и о постоянном австрийско-русском соперничестве на Балканах. В этой логике «Neue Freie Presse» приветствовала аннексию Боснии и Герцеговины в 1908 г. как средство удержания позиций Австро-Венгрии в этом регионе.

«Neue Freie Presse» стала не только первой по значению австрийской, но и признанной общеевропейской газетой. Один из ее ведущих, с 1872 г., сотрудников, возглавивший ее через девять лет, Мориц Бенедикт, проявил себя как выдающийся организатор. «Социолог, который хотел бы определить, кто в последние десятилетия существования монархии реально ею управлял, спокойно мог бы не заметить некоторых партийных вождей, а также иных премьер-министров, но он не смог бы игнорировать Морица Бенедикта, — писал А. Фукс. — Бенедикт был на протяжении жизни целого поколения одним из десяти или двенадцати самых могущественных людей в Австрии»¹⁵. Так оно и было в самом деле.

В то же время можно ясно представить себе все напряжение политико-идеологической борьбы последней трети XIX — XX в., если обратиться к критике в адрес праволиберальной прессы, к примеру, со стороны католиков. Один из классиков австрийской историографии — католик Гуго Ганч в своей «Истории Австрии», написанной в республиканское время, заметил: «Либералы обладали могущественной прессой <...> которая будто бы доносила до них голос народа; в действительности это было лишь эхом их собственных речей, которые отражали их тщеславное самовосхваление и услужливое понимание интересов экономического предпринимательства и самодовольного интеллектуализма. Они постоянно отгораживались

от недовольства политически бесправного народа, социально зависимого и чрезвычайно ограниченного в средствах жизни»¹⁶.

В 1867 г. в Вене стала выходить еще одна либеральная газета — «Neues Wiener Tagblatt». Это было вполне определенное левoliberalное издание, ориентированное на массу мелкобуржуазных читателей. С самого начала, благодаря хорошему профессиональному составу редакции и правдивой информации, она получила большое распространение и за пределами столицы. Историк австрийской прессы Эрнст Виктор Ценкер определял направление этой газеты в начале XX в. как «мелкобуржуазный радикализм» и приводил мнение другого современника, который видел задачу издания в том, чтобы «превзойти либеральное мировоззрение»¹⁷. Реальность же состояла в том, что либерализм содержал в себе достаточный демократический потенциал и вовсе не склонялся к радикализму.

В программном заявлении газеты: «К нашим читателям!» — редакция высказывала намерение служить «идеям духовного и материального прогресса вообще и интересам и потребностям Вены в особенности»¹⁸. Газета имела подзаголовок: «Демократический орган», и потому ее пристальное внимание к «социальному вопросу», становившемуся все более животрепещущим, воспринималось как закономерное. В горячо обсуждавшихся обществом в те годы вопросах — о судьбе Конкордата и мере расширения избирательного права — «Neues Wiener Tagblatt» неизменно занимала прогрессивную позицию. На страницах газеты даже высказывалась мысль о возможности конфискации церковного имущества. Ее выступление против клерикализма имели целью совершенную отмену Конкордата.

В дискуссиях об избирательном праве «Tagblatt» последовательно отстаивала замену куриальной избирательной системы всеобщим избирательным правом. С ведением в 1882 г. так называемой «пятигульденовой» массы новых избирателей с небольшим доходом газета не только была согласна, но даже приветствовала это новшество. Она видела в нем не только приближение к идеалам либеральной демократии, но и удовлетворение истинных интересов мелких ремесленников. Представители этого нового, многочисленного слоя избирателей, по мнению газеты, способны, в союзе с другими депутатами, добиваться прогрессивных решений.

Ключ к решению социального вопроса «Tagblatt» видела в повышении материального благосостояния и — что очень важно — образовательного уровня трудящихся. Участие обеспеченных слоев населения в этом процессе должно было быть обязательным, так как способствовало бы лучшему взаимопониманию работодателей и работников. Газета видела в этом важное средство улучшения жизни общества в целом и, кроме того, путь к уменьшению пагубного влияния «безумного коммунистического учения». Таким образом газета отгораживалась от «крайностей» требований растущего рабочего движения. Вместе с тем она внимательно следила за развитием социального законодательства в соседней Германии, где к концу XIX в. был узаконен целый ряд мер защиты трудящихся. На ее страницах публикуются

критические материалы в адрес цислейтанских властей, в частности за то, что они не включали сельскохозяйственных рабочих в число нуждающихся в защите государства.

В области внешней политики «Tagblatt» держалась линии австрийской самостоятельности, дружественной в отношении Германии. Однако газета решительно выступала против пангерманистов («Deutschnationalen») во главе с Г. Шённерером, поставившим целью воссоединение с Германией всех областей империи, населенных немцами. В то же время газета настаивала на особой роли австрийских немцев в судьбе Австро-венгерской монархии. Ее родственная связь с двумя первыми либеральными изданиями видна в ее открытой неприязни к новой, дуалистической структуре монархии. Признав неизбежность решений 1867 г. — «мы уступили силе обстоятельств», — газета тщательно следила за действиями венского правительства, всякий раз упрекая его в постоянных уступках венграм и страшая дальнейшего развития федералистских устремлений народов империи. Она безусловно поддерживала антиосманские акции Вены, опасалась успехов панславизма. В газете постоянно подчеркивалось, что международное признание страны определяют прежде всего ее успехи в экономике и внутренней политике.

Либеральная пресса, как ее ведущие издания, так и второразрядные, оставалась серьезным фактором общественно-политической жизни Австрии и после окончания «либеральной эры» в правительственной политике.

Либеральные издания подвергались жесткой критике справа — со стороны консерваторов; прежде всего это была католическая пресса. Одной из ведущих газет этого лагеря была венская «Vaterland» («Отечество»), основанная в 1860 г. аристократами из Богемии, двое из которых, граф Эгберт Белькреди и граф Лео Тун, возглавляли в разные годы правительство Цислейтании. Позиционируя себя в качестве католического издания, «Vaterland» подчеркивала, что она не сторонница клерикализма и ей «чужда чисто конфессиональная полемика»¹⁹. Первые три десятилетия Австро-Венгерской монархии газета оставалась ведущим изданием католического направления. Здесь одно время публиковались даже пастырские послания епископов. Она располагалась на правом фланге политического фронта, выступая, в частности, в защиту некоторых пунктов Конкордата и против «излишнего» расширения избирательного права. В связи с последним в газете неоднократно публиковались соображения, будто расширение избирательного права не приведет к уменьшению национальных противоречий. Утверждалось также, что решение и других общественных проблем, к примеру демократизации, может быть успешным лишь при массовой готовности к этому, т.е. при «политической зрелости народа»²⁰.

По национальному вопросу «Vaterland» выступала за расширение автономии всех национальностей, в частности за предоставление чехам тех же прав, что и венграм. Выступая против «либерального» централизма, газета отстаивала право на свободу всех «габсбургских» народов во главе с Веной в

качестве «наднационального» центра. Газета выступала за сохранение исторических традиций всех земель короны, которые могли бы дополнять друг друга в общем движении к прогрессу. А. Фукс замечает, что, хотя позиция консерваторов не состояла в признании равенства всех народов империи, она в то же время выражала уважение по отношению к славянам и определенную готовность к соглашению с ними²¹.

Газета перестала быть однозначно консервативной (что, впрочем, не означало уступок либерализму), когда занялась пропагандой христианской социальной реформы. Вхождение в новую область общественно-политической жизни страны было связано с приходом в редакцию, а затем и к руководству газетой (1875) Карла фон Фогельзанга, одного из основоположников социального христианства. Обращение к социальному вопросу, подчеркивание ответственности государства за человеческие условия жизни и труда низших слоев общества придали новую популярность изданию.

Газета считала своим долгом выступать с критикой капитализма, чтобы уменьшить его худшие проявления. Здесь выступали за строгое соблюдение Закона о запрете ночной работы для женщин; развитие в этом направлении предполагало отмену ночной работы для всех; кроме того, газета добивалась запрета на работы в воскресные и праздничные дни.

Газета уделяла все больше внимания пролетариату и выступала за «общественное примирение», способное смягчить антагонизм классов динамично развивавшегося капиталистического общества. Программа «общественного примирения», выдвинутая пропагандистами католической социальной реформы, заключалась в следующем: рабочие и предприниматели должны объединиться в одно сословие, что должно было исключить разрушительную для общества классовую борьбу; доходы от производства должны распределяться таким образом, чтобы рабочие стали тоже (отчасти) собственниками; государство же обязано регулировать эти отношения. Данная программа была в первую очередь направлена против социал-демократии — идейного авангарда пролетариата.

В то же время газета противостояла и либерализму: редактор «Vaterland» К. Фогельзанг источником всех социальных неурядиц считал свободную конкуренцию; он приравнивал всякую прибыль к ростовщичеству, откуда выводил требование «справедливого перераспределения доходов», которое превратит рабочих в частичных собственников. Эти идеи благожелательно воспринимались мелкой буржуазией, искавшей защиты от разорительной конкуренции растущей промышленности. Газета всемерно способствовала расширению массовой базы социального христианства. «Vaterland», как уже говорилось, прежде всего придерживалась жесткой антисоциал-демократической линии. Социальные христиане считали, что рабочих следует избавлять от революционной пропаганды, создавая христианские рабочие организации. Поставить рабочие организации под руководство социальных христиан — такую задачу сформулировала для себя перед собой созданная в 1893 г. христианско-социальная партия. «Vaterland» становится, в сущности, ее органом.

Косвенным свидетельством вступления церкви в политическую борьбу стало решение всеавстрийского католического съезда 1892 г. о создании ежедневной газеты, призванной усилить католическое влияние на общественность. Новая венская газета «Reichspost» («Имперская почта»), согласно заявлениям первых номеров, должна была дополнить «Vaterland» и расширить читательскую аудиторию. В самом деле, обе газеты имели, при ближайшем рассмотрении, одну программу, хотя «Reichspost» называла себя народной газетой и заботилась о своем распространении в самых отдаленных районах империи. Ее основатель Амброз Опитц был признан «отцом молодой христианско-социальной прессы»²².

Вскоре после основания «Reichspost» в редакцию пришел талантливый публицист и организатор Фридрих Фундер, ставший в 1903 г. ее главным редактором, а потом и издателем. Как и «Vaterland», «Reichspost» выступала за укрепление единства государства, основанного, *во-первых*, на безусловной преданности монархии и, *во-вторых*, на уважении к историческим традициям земель. Особенность рассмотрения национальных проблем в «Reichspost» состояла также в том, что ее ведущие авторы, прежде всего лидер христианско-социальной партии Карл Люегер, четко противопоставляли «собственно австрийскую» позицию общегерманской. Они выступали против распространявшегося пангерманцами культа Бисмарка и были, таким образом, последовательными «австриистами». В то же время они опускались до антисемитских нападок как на либеральную прессу (как прессу «еврейской буржуазии»), так и на социал-демократическую (как печать «еврейской партии», какой они считали партию рабочего класса, вычисляя евреев в ее руководящем звене).

«Reichspost» уделяла пристальное внимание социальным проблемам, поддерживая серьезные требования рабочих организаций. Так, например, она считала необходимым введение фиксированной минимальной зарплаты. Расширение избирательного права, вплоть до всеобщего, также входило в программу газеты. Любопытно, что она предлагала сделать участие в выборах обязательным. Газета видела в профессиональных организациях инструмент демократизации общественной жизни и ее корпоративного построения — в противовес классовым призывам социал-демократии.

В области внешней политики «Reichspost» занимала наступательную позицию, одобряла все приобретения Вены в начале XX в. и первая потребовала «жесткого наказания» Сербии за убийство наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда в июне 1914 г.

Со временем газета стала открыто партийной, т.е. рупором Христианско-социальной партии. Она осталась такой и в республиканской Австрии и была закрыта немецкими оккупантами в 1938 г.

Левый лагерь политической жизни Австро-Венгрии представляли социал-демократы и их печать. В 1889 г. была создана всеавстрийская газета «Arbeiter-Zeitung» («Рабочая газета»), сменившая и отчасти вобравшая в себя некоторые венские и земельные издания. Это были по большей части

небольшие газеты, «листки» отдельных социал-демократических рабочих ферейнов (союзов). «Рабочая газета» была основана Виктором Адлером, объединившим все фракции социалистического рабочего движения. Она объявила себя органом Социал-демократической партии и выступила с позиций непримиримой борьбы за интересы рабочих.

В первом номере газеты в июле 1889 г. была опубликована ее программа. Своей первоочередной задачей она считала воспитание в рабочих ясного классового самосознания, стремления к экономическому и политическому освобождению. Инструментом достижения поставленной цели газета называла рабочую социал-демократическую партию, вокруг которой и предстояло объединиться рабочему классу. «Arbeiter-Zeitung» объявила целью своей работы создание нового экономического и общественного порядка²³, что противопоставляло ее другим изданиям, т.е. всей верной монархии имперской прессе. В. Адлер и вся редакция газеты вполне отчетливо представляли себе опасность выступления с открытым забралом: выпускавшаяся им с 1886 г. еженедельная социал-демократическая газета «Gleichheit» («Равенство») за два с половиной года своего существования была 45 раз конфискована, а сам он был приговорен к четырем месяцам тюремного заключения²⁴.

«Arbeiter-Zeitung» сразу стала в ряд популярных изданий. Ее рубрики: «В стране», «За границей», «Из цехов и мастерских». «Организации и собрания», «Письма читателей» и др. вызывали большой читательский интерес. Главным редактором газеты с 1895 г. стал выдающийся публицист, один из партийных руководителей Фридрих Аустерлиц. Его острое перо бесило как либеральных, так и консервативных противников, зато постоянно увеличивало число читателей. Если первоначальный тираж газеты составлял 7 тыс. экземпляров, то к началу XX в. он возрос до 24 тысяч²⁵.

Противоречия между либеральной и консервативной печатью оставались и даже становились время от времени чрезвычайно острыми, но против социал-демократического влияния на общество они выступали единым фронтом. В успехах социал-демократической пропаганды власти усматривали большую опасность для себя и прибегали к собственным «средствам воздействия», в частности систематически запрещая свободную продажу газеты на улицах.

Развитие местной социал-демократической печати не прекратилось с появлением «Arbeiter-Zeitung». Все местные издания работали в одном направлении — критиковали ограниченность социальной политики государства и разъясняли социал-демократические требования. Газета решительно выступала за всеобщее, равное и тайное избирательное право, видя в нем как гарантию социальной справедливости, так и основу для грядущих общественных преобразований. На ее страницах разъяснялось, что лишь всеобщее избирательное право даст стране настоящий парламент, способный выразить и отстаивать интересы разных слоев населения. Более того, по мнению газеты, введение всеобщего избирательного права могло бы смягчить межнациональные противоречия. Она определяла политический

строй страны как «приукрашенное Конституцией абсолютно полицейское государство»²⁶. В дни первомайских праздников 1890-х гг. газета повторяла свои требования всеобщего избирательного права, свободы организаций и собраний, а также восьмичасового рабочего дня.

Возможность решения острейшего для империи национального вопроса «Arbeiter-Zeitung» видела в последовательном проведении курса интернационализма, т.е. действительного равноправия наций. Только это может привести к солидарности народов империи. Газета популярно излагала социал-демократическую национальную программу, принятую на партийном съезде в 1899 г. Пять основных положений составляли суть программы — нефедералистской и не строго централистской, бывших на вооружении» других партий.

Во-первых, империя должна быть преобразована в демократический союз всех ее народов. *Во-вторых*, для осуществления этой цели должны быть созданы органы национального самоуправления на основе всеобщего прямого, равного избирательного права. *В-третьих*, все вместе самоуправляющиеся центры каждой нации должны будут войти в единый союз, решающий свои проблемы автономно, т.е. совершенно самостоятельно. В компетенцию самоуправляющихся единиц, входящих в союз, будет входить разработка законодательства с учетом национальных интересов. Важной особенностью этой предполагаемой конструкции было то, что все национальные организации не привязывались бы к территориям, отчего проект получил название «культурно-национальной автономии». *В-четвертых*, на исторически сложившихся территориях проживания разных национальностей — почти всегда попеременно — должны быть гарантированы права национальных меньшинств. *В-пятых*, предполагалось отказаться от понятия «государственный язык», чтобы предохранить общество от немецко-имперского национализма. Немецкий язык, бывший до сих пор государственным, мог остаться лишь языком межнационального общения — и только по решению парламента²⁷.

«Arbeiter-Zeitung» была единственной крупной газетой, выступавшей с жесткой критикой экспансионистской внешней политики любого венского правительства. Аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 г. вызвала ее негодование. Газета утверждала, что эта акция невыгодна прежде всего для Австро-Венгрии, так как не гарантирует сохранение европейского мира. По мнению газеты, он «необходим для культурного прогресса больших народных масс, которым нельзя жертвовать во имя удовлетворения соображений престижа, хотя бы и династического»²⁸. Во время балканских войн 1911–1913 гг. газета призывала к невмешательству Австро-Венгрии во избежание большой войны. «Arbeiter-Zeitung» продолжала антивоенную линию, даже летом 1914 г., но после австро-венгерского ультиматума Сербии (25 июля 1914 г.) была введена покончившая с этим всеобъемлющая цензура.

Было запрещено также распространение печатных изданий из Сербии и очень скоро — по мере вступления разных стран в войну — газет и жур-

налов из России, Бельгии, Франции, Великобритании, Италии и Румынии. Центр руководства цензурой переместился в Военное министерство и стал называться с начала 1917 г. «министерской комиссией». Разумеется, в годы войны прессу ограничивали и материальные трудности, в частности нехватка специальной бумаги для печатных машин и пр. С начала октября 1918 г. был строго лимитирован тираж газет и журналов. Несмотря на строгости военного времени, сопротивление цензуре возрастало во всех областях империи. Под влиянием обстоятельств 28 октября 1918 г. правительство отменило обязательную предварительную доставку любого печатного издания в «министерскую комиссию»; 2 ноября был отменен запрет на распространение иностранных изданий.

Ноябрьское постановление имперской администрации было уже излишним; империя стремительно распадалась от внутренних противоречий и внешних военных неудач. В собственно Австрии — *Deutsch-Österreich* — 21 октября 1918 г. собрались немецкоязычные депутаты последнего имперского парламента и провозгласили себя Временным национальным собранием «самостоятельного немецко-австрийского государства». Решение о форме нового государства (республике) будет принято через две недели, но уже 30 октября высшее собрание отменило цензуру как «нарушение одного из основных гражданских прав»²⁹.

Пресса у словенцев

Словенский историк культуры И. Приятель справедливо охарактеризовал роль прессы как важнейшего инструмента политического и культурного развития народа: «Никто не осознает, сколько своих политических, социальных и культурных настроений, мыслей, стремлений и убеждений мы черпаем каждый день из газет. Они по капле просачиваются в наши умы и сердца, аккумулируясь там в то, что гражданин называет своей общественной позицией, не осознавая ясно, откуда она у него взялась. Политическое и социальное сознание общества — это архив, в котором в сотнях тысяч экземпляров хранится безымянный труд журналистов»³⁰.

В 1860-е гг. подавляющее большинство словенских патриотов группировалось вокруг газеты «*Kmetijske in rokodeljske novice*» («Сельскохозяйственные и ремесленные новости», 1843–1902; далее — «*Novice*»). Это была первая словенская газета, издававшаяся в Любляне наиболее известным словенским национальным деятелем той поры, прозванным даже «отцом словенского народа», консерватором Я. Блейвейсом. По словам словенского либерала Й. Юрчича, «*Novice*» «много лет представляли словенскую национальную идею, которая развивалась вместе с ними»³¹. В 1843–1848 гг. это была единственная газета на словенском языке, ставившая перед собой сугубо просветительские задачи распространения словенского языка, помощи крестьянам в их практической деятельности, воспитания их рели-

гиозных чувств. Со времени революции 1848 г. в газете появились публикации и на политические темы. Газета была адресована в первую очередь крестьянам и ремесленникам, пропаганду вела на довольно примитивном уровне. В 1860-е гг. содержание газеты «*Novice*» обогатилось, газета стала ориентироваться не только на крестьян, но и на образованных людей. «*Novice*» выходили один раз в неделю (в 1852–1857 гг. — два раза в неделю). С 1870-х гг., в связи с появлением политических газет, «*Novice*» потеряли ведущую роль в словенской прессе.

Вопрос об установлении словенской политической газеты встал перед словенскими интеллигентами уже в начале 1860-х гг. Блейвейс категорически не хотел, чтобы его «*Novice*» взяли на себя эту функцию³², созданию же другой политической газеты на словенском языке он и его сторонники противились, опасаясь конкуренции газете «*Novice*».

Отношение к вопросу о словенской политической газете разделило словенских патриотов на два лагеря, которые стали по чешскому образцу называться старословенцами и младословенцами; вскоре между ними произошел раскол. Вследствие этого уже в 1870-е гг. словенская пресса стала различаться по политической направленности на либеральную и консервативную (впоследствии клерикальную). Количество периодических изданий возросло, а качество улучшилось.

Борьбу за создание общесловенской политической газеты возглавил один из лидеров младословенцев — писатель Ф. Левстик. В 1863 г. на средства М. Вильхара он стал издавать газету «*Naprej*» («Вперед»), пропагандировавшую Объединенную Словению, укрепление связей между словенцами и другими южными славянами. После ее запрещения властями младословенцы группировались вокруг газеты «*Slovenec*» («Словенец», 1865–1867), издававшейся в Клагенфурте А. Эйншпилером. Она стала «трибуной молодых словенских либералов во главе с Левстиком»³³. С ее страниц они вели жесткую полемику с консервативным кругом Блейвейса.

После закрытия газеты «*Slovenec*» младословенцы потеряли возможность печататься. Однако вскоре инициативная группа штирийских либералов стала издавать в Мариборе свой печатный орган — политическую газету «*Slovenski narod*» («Словенский народ», 1868–1943). Ее первыми редакторами стали А. Томшич (1868–1871) и Й. Юрчич (1871–1881). Сначала газета выходила трижды в неделю, а после переезда в Любляну в 1872 г. — ежедневно. С 1871 г. она имела собственную типографию.

«*Slovenski narod*» стал первой общесловенской ежедневной газетой³⁴. Первоначально газета выступала за образование Объединенной Словении, за сильную и свободную Австрийскую империю, гарантию дальнейшего существования и процветания которой видела в преобразовании на основе принципов федерализма³⁵. В газете публиковались сообщения о событиях местного и общеимперского значения, прежде всего о выборах в рейхсрат и о проведении таборов, велась борьба с консерваторами, приводились высказывания иностранных газет по словенскому вопросу и велась полемика

с ними. Ведущим корреспондентом газеты «Slovenski narod» стал Ф. Левстик, и радикальный характер его статей неоднократно навлекал на газету репрессии со стороны властей.

В 1870 г. в Вене увидели свет два издания младословенцев: литературный журнал «Zvon» («Колокол») Й. Стритара и юмористическо-сатирическая газета «Pavliha» («Шут») Ф. Левстика. Они отличались острой критической направленностью как по отношению к старословенцам, так и по отношению к младословенцам. После того как в одном из первых номеров газеты «Pavliha» была опубликована карикатура на одного из лидеров младословенцев — В. Зарника, словенская пресса объявила, что Левстик подкуплен правительством. Левстик прекратил свое издание, а спустя два года объявил об уходе из политической жизни. Первая попытка создания чисто литературного журнала, предпринятая Стритаром, не увенчалась успехом, и в 1876–1880 гг. он возобновил издание журнала «Zvon», адресовав его теперь более широкой, преимущественно молодежной аудитории.

Первыми поняли губительность раскола национальных сил словенские деятели Горицы. В декабре 1876 г. либеральное общество «Соча» и консервативное «Горица» объединились в общество «Sloga» («Согласие»). Первым его председателем избрали владельца и издателя газеты «Soča», основанной в 1871 г., — В. Доленца. Газета придерживалась либерального направления, ее редакторами были Ф. Подгорник (1880–1882) и А. Грегорчич (1882–1887, 1888–1889). «Soča» стала политическим органом приморских словенцев вплоть до 1915 г.

В Триесте наибольший вес имела либеральная газета «Edinost» («Единство», 1876–1928), орган одноименного политического общества. Вокруг нее объединялись триестские словенцы, сербы и хорваты. «Edinost» выступала за «национальные права и духовное развитие народа», освещала ситуацию во всем словенском Приморье, уделяла большое внимание вопросам словенско-итальянских отношений. С 1900 г. она выходила ежедневно. Самый большой тираж газеты составлял 12 тыс. экземпляров³⁶. На протяжении всего периода своего существования «Edinost» была важнейшим политическим органом триестских словенцев.

В Каринтии священник М. Маяр-Зильский, при материальной поддержке московских славянофилов, в 1873–1875 гг. издавал журнал «Slavjan» («Славянин»), пропагандировавший идеи славянской взаимности и создания общеславянского языка³⁷. В связи с финансовыми трудностями журнал вскоре был закрыт.

Католические общества установили свои газеты. Так, в 1871 г. в руки католиков перешла газета «Slovenski gospodar» («Словенский хозяин», 1867–1941), первая словенская газета в Мариборе, основанная либералом М. Прелогом. Редактором газеты стал Л. Грегорец. Выходила газета два раза в месяц тиражом 500 экземпляров.

Вскоре была основана и ежедневная политическая газета консерваторов «Slovenec» (1873–1945), занявшая, наряду с газетой «Slovenski narod», одну из

важнейших позиций в словенской прессе. До 1883 г. ее издавал священник К. Клун (впоследствии глава Католической партии). В газете высказывалась верность католической церкви, много внимания уделялось вопросам развития школьного дела и увеличения благосостояния крестьян. С момента своего основания «Slovenec» вел полемику как с Конституционной партией, так и с либералами. В 1870-е гг. газета находилась в оппозиции к правительству. Она пользовалась поддержкой большинства духовенства, а также крестьян.

1880-е годы внесли новую струю в словенскую журналистику. Большинство словенских политиков поддерживали правительство Э. Тааффе, надеясь на реализацию своих национальных требований, и проводили так называемую «политику согласия». Не все либералы были согласны с этой политикой, а молодое поколение выдвинуло новых лидеров — радикалов И. Хрибара и И. Тавчара. Они издавали политическую и литературную газету «Slovan» («Славянин», 1884–1887), целью которой была «пропаганда более радикальной политики по отношению к властям, чем проводили либералы старшего поколения»³⁸. «Slovan» придерживался всеславянской ориентации, в нем уделялось большое внимание культуре и политике разных славянских народов, прежде всего России. «Slovan» не имел успеха и был закрыт через четыре года, принеся издателям 1300 гульденов убытка³⁹.

«Slovenski narod» в 1886–1887 гг. находился под контролем И. Хрибара, который был директором Национальной типографии, выпускавшей газету. В это время его главными корреспондентами стали русофилы Ф. Подгорник и М. Хостник, критиковавшие политику австрийских властей, словенских клерикалов, и освещавшие проблемы национальной борьбы словенцев. В газете «Slovenski narod» в то время печаталось много статей о России, что возымело свои последствия. В конце 1887 г., после того как император Франц Иосиф упрекнул словенскую прессу в русофильстве, на радикалов были обрушены репрессии: руководство Национальной типографии и газеты «Slovenski narod» было смещено. В либеральном движении укрепилась умеренная струя, группировавшаяся вокруг Ф. Шуклье. Главным редактором газеты «Slovenski narod» с 1887 по 1923 г. стал бывший единомышленник Хрибара И. Тавчар.

Радикалы основали новый орган — газету «Slovanski svet» («Славянский мир», 1888–1889). Она выходила два раза в месяц, ее издателем и редактором стал Ф. Подгорник. Вокруг газеты группировались корреспонденты-русофилы — М. Хостник, Ф. Целестин. «Slovanski svet» выходил в Любляне, затем в Триесте, в Вене. Он выступал за Объединенную Словению, но вместе с тем допускал в районах со смешанным в национальном отношении населением введение национально-культурной автономии. В культурном плане Подгорник и его соратники были убеждены, что общим языком науки для всех славян должен стать русский язык, а религией — кирилло-мефодиевская церковь с богослужением на славянском языке⁴⁰.

Либеральный журнал «Ljubljanski zvon» («Люблянский колокол», 1881–1941), первым редактором которого был Ф. Левец, объединил луч-

ших словенских писателей и поэтов: Й. Юрчича, Я. Керсника, И. Тавчара, А. Ашкерца и др. В журнале освещались все сферы культурной жизни славянских народов. Как и ряд других органов либеральной прессы последней трети XIX в., он стал активно знакомить словенского читателя с русской литературой.

В Каринтии А. Эйншпицер, а после его смерти Г. Эйншилер издавали газету «Mir» («Мир», 1882–1920), ставшую единственным культурным и политическим органом каринтийских словенцев⁴¹. Во главу угла газета ставила национальное и политическое воспитание словенцев в Каринтии. Позже, примкнув к консервативному лагерю, вела полемику с либералами.

С середины 1880-х гг. в словенских землях возросло влияние клерикалов. А. Махнич, идеолог словенского клерикализма, стал издавать в Горице журнал «Rimski katolik» («Римский католик», 1889–1896). Главной целью его была борьба за «чистоту веры», против либерализма. В журнале поднимались разнообразные философские, теологические, культурные, политические и социальные вопросы, целью его было обеспечить доминирование католицизма.

В 1888 г. католиками были основаны два новых важных издания — журнал «Dom in svet» («Отечество и мир», 1888–1944) и газета «Domoljub» («Патриот», 1888–1944). «Dom in svet» ставил своей целью распространение католической культуры. Его издатель Ф. Лампе адресовал журнал среднему сословию. «Domoljub» был популярной газетой для простого народа, прежде всего крестьян. Это было издание, имевшее широкий круг читателей и выходившее большими тиражами. С 1897 г. он стал выходить как приложение к газете «Slovenec».

Раскол словенских политических сил начался в 1889 г. в Горице. Тогда руководитель общества «Слога» в Горице консерватор Й. Тонкли отстранил либерала А. Габрщека с поста редактора газеты «Soča», а на его место назначил А. Махнича. В противовес этой газете, ставшей клерикальным органом, Габршек основал газету «Nova Soča» («Новая Соча», 1889–1892). Борьба между либералами и клерикалами закончилась в 1891 г. избранием А. Грегорчича председателем «Sloga». «Soča», прекратившая свое существование в 1891 г., с конца 1892 г. стала выходить снова под редакторством Габрщека⁴².

В 1890-е гг. ускорились процессы политической дифференциации и произошло оформление словенских партий со своими печатными органами. Политики стали уделять повышенное внимание развитию прессы как инструмента воздействия на массы. В словенской прессе, помимо традиционных либерального и католического направлений, появилось и социально-демократическое.

С 1894 г. «Slovenski narod» стал главным печатным органом либеральной Национальной (с 1905 г. Национально-прогрессивной) партии. В 1897–1917 гг. редактором газеты был М. Маловрх. «Slovenec» стал главным печатным органом Католической (с 1905 г. Словенской Народной) партии. Во главу редакции «Slovenec» встали молодые талантливые католиче-

ские политики: И. Шуштершич (впоследствии лидер партии), И. Житник, Е. Лампе, А. Калан, а также главный идеолог и руководитель движения христианских социалистов в словенских землях Я.Е. Крек. Качество публикаций газеты повысилось. Широко привлекалась и иностранная печать. К примеру, в 1895 г. «Slovenec» помещал на своих страницах материалы, заимствованные из 15 газет⁴³.

Наследником журнала «Rimski katolik» стал журнал «Katoliški obzornik» («Католический обозреватель», 1897–1906), затем традицию продолжил журнал «Čas» («Время», 1907–1942). Главным редактором обоих изданий, выходивших в Любляне, был католический философ А. Ушеничник.

Усилилось размежевание в словенской политической прессе. Католический «Slovenec» конкурировал с либеральной газетой «Slovenski narod». Они вели жесткую полемику друг с другом, со временем становившуюся все более озлобленной и некорректной. В противовес газете «Domoljub» либералы стали издавать газету «Rodoljub» («Патриот», 1891–1904), в которой требовали введения словенского языка в школах и канцеляриях, выступали за сближение с другими славянскими народами, прежде всего с чехами. В противовес либеральной педагогической газете «Učiteljski tovariš» («Друг учителя», 1861–1941) христианские социалисты основали свою — «Slovenski učitelj» («Словенский учитель», 1899–1944). Горицкие либералы под руководством А. Габрщека и Х. Тумы издавали газеты «Soča» и «Primorec» («Приморец», 1903–1914), а католики создали свои органы — газеты «Gorica» («Горица», 1899–1914) и «Primorski list» («Приморская газета»).

Появился первый женский журнал «Slovenka» (1897–1902), выступавший за равноправие женщин, развитие словенского национального самосознания и сближение с другими славянскими народами.

В начале XX в. важное место в публицистике заняло молодое поколение. В Нижней Штирии, где особенно сильна была необходимость защиты словенской национальности, в первом десятилетии XX в. возникло активное молодежное движение. С переходом редакции газеты «Slovenski gospodar» в руки молодого штирийского священника, впоследствии одного из виднейших католических деятелей А. Корошеца (с 1898 г.), политическое значение газеты возросло, а ее тираж увеличился с 1700 до 4000 экземпляров⁴⁴. В противовес прусской газете на словенском языке «Štajerc» («Штириец», 1900–1918, Птуй) Корошец организовал выпуск приложения к «Slovenski gospodar» — молодежной газеты «Naš dom» («Наш дом», 1901–1913). По воспоминаниям последнего главного редактора газеты Я. Голеца, этот «неполитический орган» за несколько лет склонил словенское население на сторону католиков и «обеспечил все блестящие победы партии Корошеца на выборах в рейхсрат и провинциальное собрание до начала Первой мировой войны»⁴⁵. Католическое общество «Словенска стража» основало свой печатный орган — газету «Straža» («Стража», 1909–1925), где публиковались статьи по национальному, религиозному и культурному вопросам, прежде всего о словенско-немецких отношениях и международных событиях.

Словенские студенты, учившиеся в Праге, увлеклись идеями Т.Г. Масарика и завязали контакты с хорватскими и сербскими студентами. Словенские масариковцы во главе с Д. Лончаром и А. Дермотой основали журнал «Naši zapiski» («Наши записки»), ставший впоследствии, когда в 1906 г. члены его редакции вступили в ЮСДП, одним из важнейших социал-демократических изданий.

Ежемесячный журнал «Omladina» («Молодежь»), издававшийся Г. Жерьявом и В. Залокаром (1904–1914), стал органом национальных радикалов. Создан он был в противовес журналу для католической молодежи «Zora» («Заря»). Он выступал за открытие университета в Любляне, за установление связей с другими славянскими народами, ратовал за обучение в славянских университетах. С 1909 г. перешел на позиции югославизма.

Политическая ежедневная газета «Jutro» («Утро», 1910–1912) была органом левых либералов. Выходила она в Любляне, затем в Триесте. Поскольку в газете велась югославянская пропаганда, власти закрыли ее по обвинению в сербофильстве и в получении денежной помощи из Белграда⁴⁶. На смену этой газете пришел «Dan» («День», 1912–1914), независимая политическая газета, придерживавшаяся того же югославянского курса. Редактором ее стал И. Лах.

В Горице при финансовой поддержке либерала Б. Вошняка издавался журнал «Veda» («Знание», 1911–1915), орган словенской либеральной интеллигенции, на страницах которого освещались различные общественные, экономические и естественнонаучные проблемы, а также словенский национальный и югославянский вопросы. По вопросам будущего югославян в редакции возникли разногласия, и вышедший из ее состава М. Ростохар на собственные средства стал издавать журнал «Napredna misel» («Прогрессивная мысль», 1912–1914). В нем рассматривались проблемы словенской нации и югославянства, причем Ростохар решительно выступил против неоиллиризма, за сохранение национальной самостоятельности словенцев.

Словенские гимназисты и студенты, объединившиеся в тайное политическое общество, в начале Первой Балканской войны стали выпускать свой печатный орган, газету «Prerogod» («Возрождение», 1912–1913). Выходила газета один–два раза в месяц, всего увидело свет 12 номеров, потом австрийские власти запретили выпуск газеты. На страницах газеты «препородовцы» выступили с радикальным требованием образования югославянского государства вне рамок Австро-Венгрии. Пропаганду своих идей «препородовцы» хотели продолжить посредством издания другой газеты — «Glas juga» («Голос юга»). Весной 1914 г. вышло два номера этой газеты, потом она также была запрещена.

Словенская социал-демократическая пресса появилась довольно поздно, долгое время словенские социал-демократы вполне довольствовались газетами немецких социал-демократов. Первые попытки ее создания нельзя назвать успешными.

Несколько номеров первой словенской газеты этого направления «Slovenski delavec» («Словенский рабочий») выходила в 1884 г. в Триесте. В 1889 г. Люблянское просветительское рабочее общество попыталось издать свою газету на словенском языке «Novi čas» («Новое время»), однако единственный ее номер был конфискован властями. В 1890 г. Рабочий союз в Триесте, ставшем одним из главных центров социал-демократического движения, выпустил газету на словенском языке «Delavski list Zora» («Рабочая газета Заря»). Всего вышло в свет 13 ее номеров, шесть из них было конфисковано. Более успешным стало издание газеты «Delavec» («Рабочий», 1893–1898), выходившей два-три раза в месяц в Любляне, затем в Загребе, Вене, Триесте. Затем эту газету сменил «Rdeči prapor» («Красное знамя», 1898–1911, Триест), ставший важнейшим политическим органом словенских социал-демократов. Под руководством А. Кристана выходили социал-демократические газеты «Naprej» («Вперед», 1903–1911) и ежедневная «Zarja» (1911–1914).

В области прессы австрийские власти проводили по отношению к словенцам, проживавшим в разных провинциях, в целом единую политику, учитывая, впрочем, разницу в их развитии. Меры, предпринимавшиеся как либеральными, так и консервативными правительствами, обычно были связаны с конкретной политической обстановкой. Все издания подвергались цензуре. Тиражи газет часто конфисковывали. Так, например, за первые 30 лет издания газеты «Slovenski narod» ее тираж был конфискован 190 раз⁴⁷. Репрессии не обходили стороной и другие издания, в том числе и католическую газету «Slovenec». В 1860-е гг. властей беспокоила чрезмерная популярность газеты «Novice». В 1880-е гг. у каринтийских властей вызывало опасения даже влияние на словенскую учащуюся молодежь клерикальных изданий — журнала «Dom in svet» и газеты «Rimski katolik».

Правительство неоднократно предпринимало попытки организовать издание проправительственной политической газеты на словенском языке, которая имела бы не региональное, а общесловенское значение и распространялась бы во всех словенских землях. Так, в 1866 г. властями была предпринята попытка превратить «Novice» в официальный проправительственный орган, но ее редактор Блейвейс на это не пошел. Издание общесловенской проправительственной газеты в Горице, при финансовой поддержке правительства, организовал А. Марушич. Газета на словенском языке «Domovina» («Родина») издавалась им в 1867–1869 гг., но вскоре выпуск ее прекратился из-за непопулярности⁴⁸. В 1884 г. провинциальному президенту Крайны А. Вильхару удалось убедить умеренного либерала Ф. Шуклье издавать на словенском языке проправительственную газету «Ljubljanski list» («Люблянская газета», 1884–1885) в качестве вечернего приложения к официальной газете провинции «Leibacher Zeitung». Вскоре и ее закрыли из-за отсутствия спроса. По справедливому замечанию А. Малле, явные провалы австрийской государственной политики в области прессы по отношению к словенцам были связаны с тем, что они в первую очередь были направлены против словенских национальных устремлений⁴⁹.

Словенские газеты возникали и исчезали, сталкиваясь с материальными трудностями. Случалось, что газета, оказавшись в эпицентре политической борьбы, меняла свое направление, переходя в руки политических соперников, — как это произошло с органами либералов «Slovenski gospodar» (в 1871 г.) и «Soča» (в 1889–1892 гг.).

Словенской прессе не хватало оперативности, прежде всего хороших журналистов. В связи с нехваткой сотрудников редакторам даже самых крупных политических органов — газет «Slovenski narod» и «Slovenec» — часто приходилось самим писать почти весь текст газеты. Собственных корреспондентов у газет, как правило, не было из-за финансовых сложностей, поэтому приходилось перепечатывать статьи из центральных органов прессы.

Тираж словенских газет был невелик, подписчиков мало. С 1861 по 1869 г. на рынке появилось 27 новых газет и журналов. В 1870-е гг. появилось 23 новых периодических издания, в 1880-е — 43, среди них многие пользовались стабильным авторитетом и спросом и издавались вплоть до Первой мировой войны. В 1891–1900 гг. — 63, в 1901–1910 гг. — 124, в 1911–1915 гг. — 51. Тираж газеты «Slovenec» сначала составлял 750 экз., к 1902 г. поднялся до 1500. «Domoljub» в 1892 г. имел 700 подписчиков, в 1895 г. — уже 9300, а в 1916 г. — уже издавался тиражом 34 500 экземпляров⁵⁰.

Рост общего уровня образованности словенцев привел к большей востребованности периодических изданий. Главными адресатами словенской публицистики и партийной пропаганды были крестьяне, в 1910 г. еще составлявшие две трети словенского населения. Однако крупнейшие словенские политические периодические издания отличались многоплановостью, помещая на своих страницах статьи и сообщения широкого тематического спектра и рассчитанные на читателей разного уровня образования. В 1913 г. в словенских землях выходило уже пять ежедневных политических газет, одна — либеральная «Edinost» — в Триесте, четыре в Любляне: либеральный орган «Slovenski narod», независимый либеральный «Dan», католический «Slovenec», социалистическая «Zoga». Свои печатные органы к этому времени имели не только словенские политические партии, но и выделившиеся из них преимущественно молодежные политические группировки. Существовало также множество региональных политических изданий. Все это свидетельствует о том, что накануне Первой мировой войны словенская политическая пресса уже окончательно сформировалась и успешно выполняла свои пропагандистские и общеобразовательные функции.

Пресса в Чешских землях

Установление неоабсолютистского режима после поражения революции 1848–1849 гг. повлекло серьезные ограничения для журналистской деятельности. На рубеже 1840-х — 1850-х гг. появляется ряд декретов, призванных

ужесточить контроль за прессой (распоряжение 1851 г. о закрытии изданий, дважды получивших предупреждения от цензоров) и одновременно повысить личную и, в частности, финансовую ответственность издателя (патент 1849 г. о залоговых суммах, которые издательство должно было предоставлять на случай будущих штрафов)⁵¹. В Чешских землях, помимо этого, несколько лет сохранялось чрезвычайное положение в Праге и некоторых других городах, дававшее экстраординарные полномочия цензурным органам и полиции для запрета или изъятия из продажи тиражей газет и журналов. Сочетание этих обстоятельств сделало издание политических газет рискованным и нерентабельным мероприятием, блестяще реализовав задачу по ограничению деятельности оппозиционных сил.

Действительно, независимые чешские журналисты, сделав ряд агонизирующих попыток продолжить свою деятельность (самой заметной из которых было создание в 1850 г. Карелом Гавличком Боровским газеты «Slovan» («Славянин»), просуществовавшей около года), были вынуждены их оставить после череды штрафов, запретов и арестов. Единственными политическими изданиями, выходившими на чешском языке, остались проправительственные газеты: «Pražské noviny» («Пражская газета») в Праге и «Moravské noviny» («Моравская газета») в Брно. Придерживаясь сдержанных консервативных взглядов, они не нашли видимой популярности: так, «Pražské noviny», имея полторы сотни регулярных подписчиков, в 1863 г. была вынуждена закрыться, не выдержав конкуренции с возникшими после ослабления цензуры новыми газетами.

В то же время в Богемии и Моравии относительно успешно продолжала развиваться немецкая печать, традиционно более лояльная венскому центру и поэтому пользовавшаяся сравнительной свободой. В числе наиболее популярных немецких газет были «Tagesbote aus Böhmen» («Ежедневник из Богемии»), «Bohemia» («Богемия»), «Prager Morgenpost» («Пражская утренняя почта»). Характерно, что в 1850-е гг. в них работали и чешские авторы (в их числе, например, Ян Неруда), находившие в более динамичном развитии немецкой прессы больше профессионального интереса. С появлением новых независимых чешских газет десятилетием позже, а также из-за усиления немецкой националистической риторики в перечисленных изданиях ведущие чешские журналисты оставили немецкие редакции⁵².

В отсутствие реальной возможности для развития чешской политической прессы потребность в ней в некоторой степени реализовывали журналы — как развлекательные, так и профессиональные. Первым примером такого журнала стал литературный «Lumír» («Люмир»), где, помимо профильных статей о чешской литературе, публиковались также фельетоны, в какой-то мере заменявшие новостные сводки. В 1858 г. молодое поколение чешских литераторов приступило к изданию литературного альманаха «Máj» («Май»), а в 1859 г. Ян Неруда, Каролина Светла, Витезлав Галек и другие авторы основали новый литературный журнал «Obrazy života» («Картины жизни»). Новое поколение писателей противопоставляло себя

прежнему, в известной мере консервативному, кругу «Люмира», в некоторой мере предвосхитив аналогичные перемены и в общественно-политической жизни страны.

Конституционные эксперименты начала 1860-х гг. сделали возможным не только формирование политических партий, но и возникновение политической прессы, противопоставлявшей себя существовавшим провластным газетам. С точки зрения законодательства наибольшие возможности для независимого развития прессы дал принятый в 1862 г. Закон о печати, согласно которому контроль за изданиями изымался из непосредственного ведения полиции и передавался в компетенции судов. Тем не менее сохранялась система залогов и принцип, согласно которому издание газеты прекращалось в случае, если три ее тиража были изъяты цензурными службами (теперь, впрочем, менее строгими, чем в эру неоабсолютизма)⁵³.

С точки зрения внутреннего развития чешской печати период, начавшийся в 1860-е гг. и продлившийся до конца века, характерен в нескольких отношениях. Во-первых, периодическая печать была единственным широкодоступным средством массовой информации и каналом коммуникации с обществом, поэтому количество и объем печатных изданий только росли по мере того, как расширялся чешский политический спектр. Во-вторых, для изданий этого периода была крайне типична принадлежность к тому или иному общественно-политическому течению и поддержка его установок даже тогда, когда это могло приводить к сокращению лояльной аудитории.

В 1860 г. Франтишек Ригер и Йозеф Махачек предложили императору меморандум за подписью 12 чешских активистов, в котором утверждалась необходимость создания независимого издания, которое отвечало бы интересам и потребностям «чехославянского» народа. В течение полугода после этой акции были выданы два разрешения на издание новых политических газет — первой из них стала «Čas» («Время») Алоиса Красы, далее последовали «Národní listy» («Национальная газета») Палацкого, Ригера и других деятелей будущей Национальной партии.

Создание двух печатных органов отразило конфликт внутри чешской оппозиции: Ригер считал Красу недостойным претендентом на роль главы ведущей национальной газеты, поэтому «Час» занял нишу рупора для тех, кто не поддерживал курс Ригера: в первую очередь это были политики радикального толка, например Карел Сладковский и Йозеф Вацлав Фрич. Сам Краса, однако, в 1861 г. занял позицию сторонника конституции Шмерлинга, что вызвало протест среди радикалов, основавших в том же году самостоятельную газету «Hlas» («Голос»). Позиция Красы не нашла большой поддержки среди чешской общественности, и его газета просуществовала лишь до 1863 г. «Hlas», в свою очередь, после череды критических статей в адрес правительства подверглась цензурному преследованию, после которого ее редакция установила контакт с младочехами и в 1865 г. вошла в состав младочешской газеты «Národní listy»⁵⁴.

Ригер же возложил свои надежды на «Národní listy» и Юлиуса Грегра, вскоре ставшего фактическим руководителем редакции газеты. Тем не менее ей было суждено оставаться общим органом для Национальной партии лишь несколько лет — в 1863–1864 гг., после конфликта внутри объединения, вокруг ежедневника концентрируются младочехи — сторонники Грегра, в то время как Палацкому и Ригеру пришлось основать собственный ежедневник «Národ» («Нация»). Страницы двух газет быстро стали площадкой как для взаимной полемики, так и для публикации программных текстов из-под пера лидеров движения (за неимением четко прописанных программ именно заявления в прессе выступали в их качестве). Победителем печатных баталий благодаря более сильному составу своей редакции, как правило, оставались «Národní listy».

«Národní listy» просуществовали до распада Австро-Венгерской империи, в Первой республике став органом Народно-демократической партии. Оставаясь главным и единственным печатным органом Национальной партии свободомыслящих и важным инструментом ее политики, газета пыталась занять нишу универсального издания для широкой публики, из которого можно было узнавать не только о деятельности партии. Действительно, Юлиус Грегр с самого начала брал за образец крупные западноевропейские ежедневники, в которых рубрики о внутренней и внешней политике соседствовали с разделами о культуре и экономике, с авторскими фельетонами и карикатурами. Редакция газеты сотрудничала с зарубежными корреспондентами, театральными и музыкальными критиками, выдающимися деятелями современной чешской культуры (Яном Нерудой, Бедржихом Сметаной, Сватоплуком Чехом и др.)⁵⁵.

Старочешский «Народ» прекратил свое существование в 1866 г. Несколько успешнее сложилась судьба немецкоязычного органа старочехов «Politik» («Политика») в силу того, что он мог рассчитывать также и на немецкоязычную аудиторию⁵⁶. Его главным редактором был Ян Станислав Скрейшовский, который после закрытия «Народа» взял в свои руки создание новой чешскоязычной газеты, которая стала бы трибуной для старочехов. Таким изданием стал ежедневник «Národní pokrok» («Национальный прогресс»), со временем после череды запретов переименованный в «Pokrok». Его редактором был Антонин Цайтгаммер, всецело (в отличие от Скрейшовского, время от времени выступавшего вразрез с линией старочехов) поддерживавший курс Ф.Л. Ригера. В 1886 г. газета пережила очередное преобразование, получив название «Hlas národa» («Голос нации»), однако ее тиражи по-прежнему не шли в сравнение с выпусками «Народных листов». Тем не менее эта газета просуществовала вплоть до распада империи.

В 1882 г. в качестве приложения к «Politik» начала выходить газета «Česká politika» («Чешская политика»), позже переименованная в «Národní politika» («Национальная политика»). Ее главным редактором был старочех Адольф Срб, и направленность новой газеты изначально отвечала старочешским интересам. В то же время это издание было первым, открыто

позиционировавшим себя не только как трибуну для выступлений тех или иных политиков, но и как газету для самой широкой аудитории с соответствующе широким тематическим разбросом. Благодаря этому она быстро стала самым популярным изданием на чешском языке, тиражи которого опережали показатели газеты «Národní listy». На рубеже веков газета постепенно отходит от поддержки старочешского крыла, а в 1907 г. после вступления ее редактора Бенеш-Шумавского в младочешскую партию руководство издания явно называет его непартийным⁵⁷. «Národní politika» не потеряла своей популярности и в Первой республике, в политическом отношении склоняясь к поддержке национал-демократов.

Помимо партийных или околопартийных органов печати, политическая повестка дня отражалась и в формально не связанных с политикой изданиях. Типичным примером такой периодики служит политическая сатира. Крупнейшим чешским изданием такого профиля была газета «Humoristické listy» («Юмористическая газета»), которая начала выходить на нерегулярной основе в 1858 г., и вскоре стала еженедельной. Большая часть газеты была посвящена политической сатире как в формате статей, фельетонов и вымышленных диалогов, так и в виде карикатур; небольшое количество полос оставалось под нейтральные юмористические зарисовки. Сатира хотя и не отличалась содержательной глубиной, зато быстро и остро реагировала на громкие новости. Яркая и зачастую нелояльная центру реакция была причиной того, что выпуски «Хумористических листов» регулярно изымались из печати. Другим примером внепартийной политической прессы были католические журналы («Časopis českého duchovenstva» — «Журнал чешского духовенства», «Čech» — «Чех»), выходившие с 1860-х гг.⁵⁸ Не ассоциируя себя с теми или иными течениями, они тем не менее уделяли много внимания политической повестке дня, оценивая события с ракурса католических ценностей.

Рубеж XIX–XX вв. был ознаменован беспрецедентным расширением политического спектра и, как следствие, возникновением новых газет, которые были призваны отражать программные позиции того или иного течения и его взгляд на злободневные сюжеты.

Формирование печатного представительства социал-демократического направления началось еще до образования политической партии. На первом этапе этот срез был представлен пражскими изданиями «Dělnické listy» («Рабочая газета», выходила с 1872 г., с 1881 г. — в Вене) и «Budoucnost» («Будущее», 1874 г.) либерецким «Arbeiterfreund» («Друг рабочего», 1874 г.), брненским «Rovnost» («Равенство», 1885 г.), простейовским «Hlas lidů» («Голос народа», 1886). Все они выходили с перерывами, подвергаясь цензурным запретам, зачастую полемизировали друг с другом, но, несмотря на это, играли немалую роль в расширении круга сторонников социал-демократов. На протяжении 1880-х гг. количественный рост социал-демократической печати только продолжался. В начале 1890-х гг. руководство социал-демократической партии предприняло ряд попыток урегулировать это во многом хаотичное развитие, запретив ассоциировать новые газеты

и журналы с социал-демократической партией без прямого ее разрешения и составив список чешских изданий, официально признанных ее органами: «Dělnické listy», «Sociální demokrat», «Rovnost», «Svornost», «Hlas lidů», «Svoboda», «Posel lidů», «Právo lidů». В 1896 г., готовясь к выборам в парламент, социал-демократы добились объединения газеты «Právo lidů» и журналов «Sociální demokrat» и «Právo» в единую редакцию, ставшую главным пражским социал-демократическим изданием. Обновленное «Право лиду» успешно растило свои тиражи вплоть до войны, после распада империи оставшись ведущей газетой социал-демократов. Впрочем, несмотря на существование крупной пражской газеты, социал-демократические издания активно печатались и в провинции, а кроме этого, не ограничивались сугубо политическими газетами: среди них были и журналы, и специализированные (экономические, культурные) издания, общее число которых в начале XX в. доходило до ста⁵⁹.

Аграрное течение также поначалу имело разрозненные печатные органы, которые начали возникать еще в 1880-е гг. и зачастую были личным предприятием тех или иных приверженцев аграризма (как, например, «Selské noviny» — «Сельская газета», издателем и редактором которой был Альфонс Штястный, издававший газету на собственные средства в 1890–1912 гг.). Та часть аграрного движения, которая выкристаллизовалась в рядах младочешской партии на исходе века, в своей печатной деятельности опиралась на Крестьянское печатное и издательское содружество, которое в 1897 г. начало выпускать еженедельник «Obrana zemědělců» («Защита крестьян»). С 1900 г. он начал выходить дважды в неделю; кроме того, под эгидой Содружества стал выходить журнал «Rozpravy zemědělské» («Сельские дебаты»), оно же готовило к печати разнообразные брошюры и листовки. Несмотря на эту довольно активную деятельность, председатель Содружества и один из лидеров аграрной партии — Антонин Швегла последовательно проводил идею о том, что полноценный печатный орган партии, который может рассчитывать на контакт и диалог с ее сторонниками, должен быть ежедневным. Средства на создание новой редакции и, в идеале, также и собственного издательства аграрии собирали через пожертвования от сторонников, на что потребовалось несколько лет. Первый номер ежедневника газеты «Venkov» («Село»), заменившего «Obrana zemědělců», вышел весной 1906 г., на следующий год было открыто и Крестьянское издательство. Редакция «Venkov» собрала сильных авторов, что позволило ежедневнику не только стать трибуной для политиков, но и вести специальные рубрики о культуре, праве и других сюжетах. Одновременно с созданием крупного ежедневного издания Швегла видел свою цель также и в расширении сети местных газет: первой из них стала «Plzeňský kraj» («Плзеньский край») в 1906 г., за ней последовали «Moravský venkov» («Моравское село») в Брно, «Selské noviny» («Сельская газета») в Оломоуце и другие локальные издания, немало послужившие росту популярности аграриев в предвоенное десятилетие⁶⁰.

Подобно тому как младочешское течение формировалось вокруг деятельности «Народных листов», чешский реализм также отчасти обязан своим развитием двум крупным изданиям — научному журналу «Athenaeum» («Атенеум»), на страницах которого развернулась полемика вокруг Краледворской и Зеленогорской рукописей, и созданной в 1886 г. политической газете «Čas» («Время»), бессменным главным редактором которой был Ян Гербен. Спор о рукописях объединил сторонников Масарика, а самостоятельный печатный орган позволил публично формулировать точку зрения реалистов не только на события научной жизни. На первом этапе развития реалистического направления, когда оно стало частью Национальной партии свободомыслящих, «Час» также поддерживал политическую линию младочехов. С выделением реалистов в самостоятельное течение меняется и подход редакции, которая переходит к поддержке сугубо реалистических принципов: понимание политики как культурной и социальной деятельности, работа с обществом в духе прогресса и разума, отрицание националистической риторики, свойственной младочехам⁶¹.

Аналогичный этап прошел и чешский прогрессизм — в значительной степени студенческое движение, которое изначально сформировалось вокруг журнала «Časopis českého studentstva» («Журнал чешского студенчества»), выходящего под редакцией Антонина Гайна. В 1890–1891 гг. в журнале была опубликована программа прогрессистов, с которой они и приняли участие в парламентских выборах 1891 г. На общем съезде славянских прогрессистов в Вене в 1892 г. «Časopis českého studentstva» был признан ведущим органом прогрессистского движения во всей империи⁶². Дальнейшее развитие прогрессистской прессы полностью соответствовало изменениям в самом политическом движении — дроблению его на фракции и формировании из них самостоятельных партий. Радикальные прогрессисты во главе с Гайном в 1897 г. создали собственную еженедельную газету «Samostatnost» («Независимость»). Внутри партии, впрочем, продолжали формироваться отдельные группы со своими печатными трибунами, зачастую региональными (как, например, «Osvěta lidů» («Просвещение народа») Алоиса Гайна, пытавшаяся объединить вокруг себя левых прогрессистов северо-востока и востока Богемии). Радикальная государственно-правовая партия опиралась на газету «Radikální listy» («Радикальная газета»), редактором которой изначально был Алоис Рашин. В 1899–1900 г. на ее страницах развернулась антисемитская кампания, связанная с делом Хилснера*. В этот момент Рашин окончательно изолировался от этой группы, попытавшись найти баланс между прогрессистскими и младочешскими устремлениями. Этому, в частности, была посвящена его деятельность в рамках независимого еженедельника «Slovo» («Слово»). Радикальные прогрессисты

* В 1899 г. австрийский еврей Леопольд Хилснер был обвинен в ритуальном убийстве двух чешских девушек. Резонансный процесс над ним вызвал волну юдофобии и агрессивных антисемитских выпадов на разных уровнях. Версию о ритуальном убийстве в числе немногих отрицал и Томаш Масарик.

и государственно-правовое течение, в свою очередь, объединились в 1908 г. и избрали своим рупором газету Гайна «Самостатность», в то время как «Радикальные листы» постепенно прекратили свое существование⁶³.

Католическое движение вело активную деятельность в Чешских землях еще до образования самостоятельных клерикальных партий. Клир претендовал на влияние на общественную жизнь вне зависимости от наличия собственного политического представительства, так что и оформление католических партий повлияло на инструменты этого влияния лишь отчасти. Одним из таких инструментов была крайне многообразная католическая пресса, представленная изданиями всевозможной направленности — от ежедневных газет без выраженного тематического профиля, лояльных клиру и придерживавшихся соответствующих оценок, до иллюстрированных журналов, предназначенных женщинам и молодежи. Такое разнообразие сыграло с клерикальной прессой, скорее, злую шутку, так как отдельные газеты и журналы едва могли поддерживать надлежащее качество, чтобы выделиться в качестве явного флага католической журналистики. Этому мешало и отсутствие единого политического центра, который мог бы целенаправленно создать единый влиятельный печатный орган. Характерно, что он не было создан даже после объединения трех католических партий в 1906 г.: каждое течение продолжало опираться на собственное издание. Консервативное крыло было тесно связано с ежедневником «Чех», редким долгожителем в стане католической прессы, — он выходил с 1869 по 1937 г. Христианские социалисты попытались создать конкуренцию социал-демократам и национал-социалистам, в 1903 г. создав газету «Křesťanský deník» («Христианский ежедневник»), явно адресованную рабочему классу, а в 1907 г. был заложен еженедельник «Venkován» («Сельский житель»), со страниц которого католики пытались обращаться к чешскому крестьянству⁶⁴.

Печатные органы политических организаций в Галиции

События 1848 г. послужили мощным толчком к развитию прессы в Галиции. В течение года возникло более 35 изданий, причем большая их часть издавалась группами демократической направленности и лишь несколько выражали интересы консервативных кругов, прежде всего «Час» (Czas), значительным влиянием пользовалась демократическая «Газета народов» («Gazeta narodowa»), «Дзенник народов» («Dzennik narodowy») и др.⁶⁵

Первым политическим изданием, представлявшим интересы русинов Галиции, стала «Зоря Галицкая» («Галицкая заря»), орган Главной Руськой Рады (Главного Руського Совета) под редакцией А. Павецкого. Первый номер вышел 15 мая 1848 г., и в нем было опубликовано «Воззвание к руському народу» («Одозва до руського народу»), политический манифест галицийских русинов, в котором декларировалось их единство с «великим руським 15-миллионным народом»⁶⁶.

Поражение революции привело к резкому сокращению печатных изданий в Галиции. Стабильно выходили только официальные «Gazeta Lwowska» («Львовская газета») и «Gazeta Krakowska» («Краковская газета») и консервативный «Час»⁶⁷. Газета, выходящая достаточно большим тиражом, стала ведущим польским изданием в провинции. С редакцией газеты сотрудничали Ю. Шуйский, Е. Козьян, П. Попель, другие деятели польского национального движения. Газета основное внимание уделяла политике и культуре, нравственным и религиозным проблемам. В 1884–1886 гг. на ее страницах публиковалось первое издание романа «Потоп» выдающегося польского писателя Генрика Сенкевича.

Подъем общественной жизни, начавшийся в 1860-е гг. способствовал и новому подъему периодической печати в Галиции. Одним из наиболее влиятельных изданий стал «Przegląd polski» («Польский обозреватель»). Именно на его страницах в 1869 г. группа публицистов, принадлежавших к «молодым консерваторам», в том числе С. Тарновский и С. Козьян, опубликовала серию памфлетов под общим названием «Тека Станчика»⁶⁸, давших название направлению польской общественной мысли — западногалицийскому консерватизму («станчики»). Авторы памфлетов с язвительной иронией оценивали последствия Январского восстания 1863 г. в Королевстве Польском, не идеализируя также и прошлое Речи Посполитой, считая причиной падения Польши анархию и отсутствие сильной государственной власти⁶⁹. Главной и наиболее актуальной задачей современного польского общества они считали повседневную «органическую» работу, направленную на укрепление политической и материальной базы польского народа. Позиции авторов «Теки Станчика» подверглись критике как со стороны демократической прессы, так и со стороны восточногалицийских консерваторов, что в немалой степени способствовало популяризации памфлетов⁷⁰. Рост политического влияния консерваторов в провинции и в Вене способствовал и росту влияния их изданий, которое сохранялось на протяжении всего периода «галицийской автономии».

В 1862 г. во Львове возобновилось издание «Gazeta narodowa» под редакцией Я. Добржанского. Газета придерживалась демократических взглядов, призывала к отмене барщины, резко критиковала действия наместника А. Голуховского, католический епископат. Призывая к компромиссу в национальном вопросе, издатели газеты в то же время основной задачей польского народа считали восстановление польского государства «от моря до моря». Таким образом, в отношении национальных устремлений восточнославянского населения провинции газета занимала скорее, консервативные позиции. В 1860-е гг., когда как русофильское, так и украинское движение достаточно динамично развивались, представляя, в перспективе, определенную опасность для «польскости» этой части провинции, газета упрекала одного из лидеров русофилов — И. Наумовича, издателя газеты «Слово», в приверженности «Москве и схизме»⁷¹. В 1876 г. «Gazeta narodowa»

отозвалась на Эмский указ* пропагандой польско-русинского союза, заявив: «Быть русином и быть в добрых отношениях с Москвой более невозможно»⁷². В целом польско-русинский компромисс газета в большей степени трактовала как отказ русинов от национальных притязаний в пользу польского единства. В 1886 г. «Gazeta narodowa» стала органом восточногалицийских консерваторов — «подоляков», — а в 1911 г. перешла в руки национальных демократов⁷³.

Наряду с консервативной печатью в 1860-е гг. во Львове начали появляться издания либерально-демократического направления, первым из которых в 1869 г. стал «Kraj», основанный А. Сапегой. С изданием сотрудничали В. Дзедушицкий, Ю. Шуйский и др. Журнал пропагандировал идеи «органической работы», поддерживал идеи еврейской ассимиляции и польско-русинского примирения. В Кракове, где влияние консерваторов было чрезвычайно сильным, либеральные издания начали выходить позже. В 1881 г. появилась либеральная газета «Reforma» («Реформа»), сменившая вскоре название на «Nowa Reforma» («Новая реформа»). Газета стала печатным органом краковских демократов, затем печатным органом Польской демократической партии⁷⁴.

1860-е годы стали началом выхода в свет целого ряда изданий, представлявших интересы восточнославянского населения Галиции. В 1861 г. начала выходить газета «Слово», руководимая сначала Б. Дедицким, а затем Я. Головацким. Она оказалась практически первым печатным органом русинов, имевшим достаточное общественное влияние⁷⁵. В первые годы своего существования «Słowo» было рупором не только русофилов, но и всего «русского» национального движения. Позицию большинства русофилов того времени можно охарактеризовать как «малорусскую»; говоря об общерусской культуре и единой Руси, они оставались патриотами «Малой Руси», защитниками идеи «полной автономии нашей малорусичины»⁷⁶. Именно поэтому на страницах газеты «Słowo» нередко печатались авторы, принадлежавшие к украинскому направлению⁷⁷. Негативно авторами издания были восприняты и антиукраинские меры официального Петербурга, прежде всего Валуевский циркуляр, изданный в июле 1863 г. В то же время именно на страницах газеты в сентябре 1866 г. была опубликована статья И. Наумовича «Взгляд в будущее». В ней автор, в это время уже видный деятель русофильского движения, депутат галицийского сейма, обосновывал необходимость сближения «русского» населения Галиции «со всем русским миром»⁷⁸.

В те же годы начали выходить и периодические издания украинского националистического («народовецкого») направления. Одним из первых стал журнал «Мета» («Цель», 1863–1865), выходящий под редакцией одного из «молодых народовцев» — К. Климковича. Приоритетным направлением в своей работе журнал называл борьбу за национально-культурные и социаль-

* Указ о фактическом запрещении украинского языка.

но-экономические права русинов. Газета также ставила перед собой задачу создания самостоятельной «русской» литературы, основанной на народном языке, и предотвращения внешних влияний⁷⁹. На страницах издания печатались произведения многих деятелей украинской культуры, здесь же впервые было напечатано стихотворение Павла Чубинского «Ще не вмерла України», ставшее впоследствии Государственным гимном Украины. Одновременно в ряде статей, опубликованных в журнале в 1863–1865 гг., и посвященных политическому положению русинов и перспективам их дальнейшего развития, Климковичем была сформулирована первая политическая программа галицийских украинцев. Отсутствие профессионального опыта и денежных средств привели к тому, что «Meta» просуществовала недолго и в 1865 г. была закрыта. Представители украинского направления предприняли еще ряд попыток наладить издание национальной газеты, пока наконец в 1879 г. по инициативе одного из лидеров украинского движения, Ю. Романчука, не началось издание газеты «Батьківщина» («Родина»). Согласно планам издателей «Батьківщина» предназначалась для широких слоев населения, но постепенно основной аудиторией газеты стало сельское население Восточной Галиции⁸⁰. Издание прекратило свое существование в 1896 г.

В 1880 г. под руководством молодого журналиста В. Барвинского началось издание газеты «Діло» («Дело»), ставшей ведущим политическим изданием украинского движения в Галиции. Газета стала официальным органом украинских «народовцев», среди ее постоянных авторов были К. Левицкий, А. Вахнянин, В. Охримович, И. Франко и другие заметные фигуры украинского движения. В 1886 г. «Діло» стало официальным органом общества «Народная Рада», а в 1899 г. — Украинской национально-демократической партии⁸¹.

Активную издательскую деятельность вели и представители радикального направления, прежде всего И. Франко и М. Павлык. После нескольких предпринятых ими попыток наладить работу издания радикального направления начал выходить ежемесячный журнал «Народ»⁸² (1880–1895). В журнале освещались социально-экономические проблемы, положение трудящихся в европейских странах, ситуация в российской части Украины. Немало статей носило просветительский характер. На страницах «Народа» публиковались многие молодые деятели украинского движения: В. Охримович, О. Колесса, В. Студзинский и др., активно сотрудничал с изданием и М. Драгоманов. Журнал прекратил свое существование в 1895 г., а его наследником стал «Громадський голос», вышедший до 1939 г. Являясь органом Русско-Украинский радикальной партии (РУРП), газета последовательно отстаивала интересы «русского» крестьянства. Среди освещавшихся изданием тем были вопросы землевладения, трудовой эмиграции, взаимоотношений села и города. С 1902 г. газета активно поддерживала забастовочное движение на селе⁸³.

Среди изданий русофильского направления следует отметить «Червонную Русь» (1888–1891), сменившую затем название на «Галицкую Русь» (1891–1893), а с 1893 г. выходившую под названием «Галичанин», Редакцию

возглавлял один из лидеров русофильского направления — О. Марков. Первоначально языком газеты было так называемое «язычие», позднее издание перешло на русский литературный язык. Газета стала печатным органом Русско-народной партии, последовательно отстаивая идею единства русского народа. Именно на страницах «Галичанина» в 1898 г. Осип Мончаловский опубликовал статью «Литературное и политическое украинофильство», ставшую программным заявлением русофилов, окончательно отказавшихся от идеи консолидации с украинскими движением⁸⁴. «Галичанин» вел постоянную полемику как с украинскими, так и с польскими оппонентами.

По мере того как разрушалась политическая монополия галицийских консерваторов, все большим влиянием начинали пользоваться издания оппозиционных по отношению к консерваторам направлений. Одними из первых стали выходить в свет издания, представлявшие интересы крестьянского населения Галиции — «Kurier Lwowski» («Львовский курьер») под редакцией Б. Выслоуха. Он же в 1889 г. начал издавать еще один журнал «Przyjacieli Ludu» («Друг народа»), который стал органом Польской крестьянской партии. С 1902 г. редактором журнала стал лидер ПСЛ Я. Стапиньский. После раскола в партии, вызванного соглашением с консерваторами, «львовская фронда», возглавленная Б. Выслоухом и Я. Домбским, объединилась вокруг «Gazeta ludowa», Я. Стапинский и его партия ПСЛ-левица сохранили в качестве своего партийного издания «Przyjacieli Ludu».

Социалистическое направление среди польских газет Галиции было представлено еженедельником «Naprzód» («Вперед») — печатным органом Галицийской (позднее Польской) социал-демократической партии Галиции и Силезии. Несмотря на то, что социалистические идеи в аграрной Галиции не были широко распространены, популярность лидера социал-демократов И. Дашиньского привела к тому, что «Naprzód» стал достаточно популярным изданием. Еще одним социалистическим изданием был издаваемый Польской социалистической партией «Głos» («Глос»).

В 1895 г. во Львове начал выходить печатный орган национальных демократов — газета «Przegląd Wszepolski» («Всеполюский обозреватель»), в 1902–1903 гг. печатался в Кракове. В 1902 г. в руки эндеков перешло также принадлежавшее ранее львовским демократам «Słowo Polskie» («Польское слово»), ставшее одним из самых популярных изданий не только во Львове, но и во всей Галиции⁸⁵. Издание, вышедшее под редакцией Я.Л. Поплавского и З. Василевского, популяризировало идеи лидера национальных демократов в России Р. Дмовского. На страницах газеты были опубликованы его «Мысли современного поляка» — произведение, в котором лидер «эндеции» сформулировал основные положения национал-демократической идеологии. В 1896 г. эндеки начали издание адресованного широкой аудитории журнала «Поляк».

Важным этапом в развитии галицийской журналистики стало начало издания общественно-политического журнала «Літературно-науковий вісник» («Литературно-научный вестник» — ЛНВ). По инициативе М. Грушев-

ского правление Научного общества им. Шевченко реорганизовало журнал для семейного чтения «Зоря», печатавший материалы по культуре и литературе. Также ЛНВ поглотил издававшееся И. Франко «Життя і слово», малотиражный журнал радикального направления, основное внимание уделявший общественно-политическим вопросам. Объединение двух изданий должно было привести к появлению нового журнала «по типу европейского ревью»⁸⁶, чьей основной задачей, по замыслу Грушевского, становилась интеграционная работа по созданию единого литературного украинского языка и формированию национального украинского сознания. Занимавший кресло главного редактора Грушевский в первые годы особое значение придавал распространению журнала на украинских землях по обе стороны границы. Привлекая «возможно более широкие круги литературных сил Украины»⁸⁷, он всячески стремился придать ему общеукраинский характер. Однако это стремление быстро натолкнулось на противодействие российских властей. В 1901 г. журнал был запрещен к распространению на территории Российской империи. Удар был тем более болезненным, что породил не только материальные трудности, лишив журнал значительного числа подписчиков, но и нанес политический ущерб, ослабив связи галичан с литературными и общественными кругами Российской Украины. В результате, как отмечал Грушевский, связь двух частей Украины была нарушена⁸⁸. Вновь ЛНВ стал доступен читателям в российских пределах лишь в 1906 г., после того как под влиянием революционных событий 1905 г. были изменены «Правила о печати». Одновременно новое издание столкнулось с рядом трудностей и в самой Галиции — апатией значительной части галицийских русинов, не преодолевших еще своего традиционного «рутенизма», неприятием радикальной направленности нового журнала⁸⁹. Тем не менее с момента своего создания ЛНВ занял заметную нишу среди периодических изданий Галиции. Фактически он стал рупором той части украинских деятелей, которые стремились к модернизации всего украинского движения.

Изменения произошли и в среде русофильских изданий. После кризиса, постигшего Русско-народную партию в 1909 г., «Галичанин» остался в руках более консервативного крыла партии, возглавляемого О. Марковым. Печатным органом их оппонентов, «молодых» русофилов во главе с В. Дудыкевичем, объединившихся в «Русскую народную организацию в Галичине» стала газета «Прикарпатская Русь», занимавшая открыто пророссийские позиции. Она начала выходить в сентябре 1909 г., прекратила свое существование с началом Первой мировой войны и возобновила свою деятельность уже на территории Российской империи.

Пресса в Венгерском королевстве

Венгерская политическая печать пережила свой первый расцвет в 1840-е гг., когда в цензурном ведомстве, действовавшем при Королевском

наместническом совете, на смену клирикам пришли светские чиновники, во многом сочувствовавшие программе реформ, обсуждавшихся в стенах Государственного собрания. Лидер и икона либерального лагеря Л. Кошут в 1841 г. приступил к изданию газеты «Pesti Hírlap» («Пештский вестник»), которая за три первых года увеличила число подписчиков в восемь раз. Первые недели революции 1848 г. были ознаменованы газетным бумом: в свет стали выходить (и быстро сошли с политической сцены) орган радикальной молодежи «Március Tizenötödike» («Пятнадцатое марта»), консервативная «Reform» («Реформа»), правительственная «Közlöny» («Вестник»), леворадикальная «Munkások Újsága» («Газета рабочих»). Право каждого на выражение политических взглядов посредством печатного слова закрепил Закон № 18 1848 г. «О печати», принятый в числе так называемых Апрельских законов. Он, в частности, провозглашал: «С прежней надзорной практикой покончено навсегда, и, восстановив свободу печати, в подтверждение этого повелевается следующее: (§ 1) Каждый в праве свободно выражать и свободно распространять свои мысли посредством печати. Под печатью понимается словесное или изобразительное заявление, изготовленное типографским способом и распространяемое бесплатно или за деньги»⁹⁰.

После подавления революции и национально-освободительной войны, как и везде в империи, был установлен жесткий контроль за печатной продукцией. Закон от 27 мая 1852 г. устанавливал жесткий контроль за содержанием периодических изданий и любых подлежащих тиражированию текстов или изображений. Издания, в которых, по мнению цензоров, систематически оскорблялись трон, целостность империи, религия, мораль или иные основы общества, подлежали после двух проигнорированных письменных предупреждений закрытию на три месяца. Печать газет и журналов политического содержания разрешалась в обмен на внесение существенного денежного залога, назначение которого заключалось в том, чтобы покрыть возможные издержки, связанные с судебным разбирательством и преследованием. В 1857 г. был дополнительно введен налог в 1 крейцер на каждый экземпляр периодического издания. По подсчетам венгерского историка печати Г. Бузинкай, всего до октября 1860 г. было запрещено 16 изданий (двум потом разрешение было дано), разрешено — 45. В основном это были литературно-художественные, развлекательные, педагогические и иные издания неполитического характера⁹¹.

После подписания Соглашения 1867 г. и вплоть до образования в 1875 г. Либеральной партии К. Тисы ведущую роль в обществе играла основанная Ф. Часаром в 1855–1858, 1869–1872 гг. редактировавшаяся бароном Ж. Кеменем ежедневная газета «Pesti Napló». В 1868 г. издатели перешли на два выпуска — утренний и вечерний (с биржевыми сводками и самыми свежими новостями). Они обладали лучшей корреспондентской сетью в стране. Следуя заветам Кеменя, редакция избегала открытой политизации, что лишь повышало интерес к газете у либеральной читающей публики. Прекратив быть правительственным печатным органом, газета сохранила

подписчиков, ориентируясь не на их число, а на постоянство. Вернувшийся из эмиграции гонимый генерал Д. Клапка запустил издание газеты «Századunk» («Наш век»), во главе которой встал Л. Уйвари, но через два года было принято решение влиться во влиятельную «Pesti Napló». Особо следует отметить появление в 1868 г. первой социалистической газеты «Munkások Újsága» («Газета рабочих»), которая, впрочем, продержалась только 24 выпуска, не сумев обеспечить себе финансирование. В том же году начала выходить сатирическая газета «Borsszem Jankó» («Перец Янко»): несмотря на проправительственную ориентацию, ее статьи пользовались большей популярностью, чем аналогичные периодические издания оппозиции.

В 1870 г. пештский издатель и книготорговец М. Рат приступил к изданию обновленной газеты «A Reform», редактировать которую доверил молодому талантливому журналисту Е. Ракоши. Несмотря на то что с газетой сотрудничали блестящие полемисты своего времени И. Тодли, А. Берцик, Г. Бекшич и др., статьи — во избежание «давления авторитетом» на читателя — выходили анонимно или под псевдонимами. Ракоши пробовал себя на ниве создания нового, современного политического венгерского языка и решительно отвергал использование заимствованных слов, смело конструируя новые термины, оживляя речь, приближая ее к реалиям повседневности. Либеральные убеждения Ракоши находили выражение в крайней степени враждебности национальным меньшинствам, которые он считал даже большим злом, чем политическая левая. После объединения партий Деака и К. Тисы официальным рупором партии стала газета «Hon» («Родина»); «Pesti Napló», напротив, хотя и поглотила «A Reform», выбрала более нейтральный, если не аполитичный, а временами даже скучный стиль подачи материала*. Часть журналистов перешли на работу в «Nemzeti Hírlap» под редакцией И. Толди⁹². Ракоши же в 1881 г. приступил к изданию газеты «Budapesti Hírlap» («Будапештская газета»), в которой, по выражению Г. Бузинкаи, продавал национальные мечты, зависть и шовинизм. Издание, ведущим публицистом которого был Г. Бекшич, пользовалось широкой популярностью, тираж вырос до 30 тысяч⁹³.

Примечательной чертой венгерской политической жизни и партийно ангажированной прессы было активное участие в политике лучших писателей своего времени, которые с удовольствием пробовали себя в качестве не только журналистов, но и редакторов периодических изданий. Это справедливо и для члена Либеральной партии Кальмана Миксата — главреда «Magyar Néplap» («Венгерская народная газета»), впоследствии колумниста «Pesti Hírlap» («Пештская газета»), и для умеренного консерватора Мора Йокаи, в разные годы издававшего газеты «Hon», «Igazmodó» («Правдивец»), «Demokrata Dobos» («Демократический барабанщик»). Особой популярностью пользовалась выходившая с 1868 по 1882 г. газета «Hon», получившая лестный эпитет «венгерской “The Times”». До превращения в официаль-

* Газета «Pesti Napló» непрерывно издавалась вплоть до 1939 г. и считается одним из национальных «долгожителей».

ный печатный орган либеральной партии она стояла над межпартийными склоками и распрями, сохраняла независимость, в основе которой, помимо прочего, была и самокупаемость. Тон в газете задавали публицисты либеральных убеждений, равнодушные к социальным вопросам и враждебно настроенные к требованиям национальностей. Наряду со статьями общественно-политического содержания газета регулярно публиковала главы из романов М. Йокаи⁹⁴. Наконец журналисты получали признание не только как публицисты, но и беллетристы: Й. Ракоши был популярным драматургом, его пьесы охотно ставили столичные театры, а сам он во время недолгого разрыва с журналистикой основал в Будапеште Народный театр.

Идейным выразителем позиции партий, образованных на платформе 1848 г., и пропагандистом позиции находившегося в эмиграции Л. Кошута стала газета «Magyar Újság» («Венгерская газета»), выходившая в свет под редакцией депутата парламента Л. Бёсёрмени. В 1875 г. она влилась в основанную годом ранее «Egyetértés» («Согласие»). Особое место в лагере левых занимала газета «Ellenőr» («Контролер») во главе с Лайошем Чернатонем. В дни революции 1848 г. он был секретарем Кошута, отправился за ним в эмиграцию, жил в Соединенных Штатах, переехал в Европу и примкнул к движению Дж. Гаррибальди. После заключения Соглашения 1867 г. вернулся в Венгрию, избрался в Государственное собрание и занялся изданием собственной газеты. «Ellenőr» ломал сложившиеся стереотипы, выступая проводником не какой-то абстрактной идеи, но определенной политической партии — Партии независимости и 48-го года. Чернатонь смело придумывал новые рубрики, вел интеллектуально изоциренную полемику с оппонентами, не щадя их самолюбия и делая в их адрес язвительные, часто уничижительные выпады. Газета не гнушалась прибегать к манипуляциям с общественным мнением. Так или иначе, она стала едва ли не более читаемой, чем блекнувшая на ее фоне правительственная пресса⁹⁵. Не выдержав конкуренции, в «Ellenőr» влилась просуществовавшая всего два года (1877–1879) проправительственная, ориентированная на широкого читателя и дешевая, как по подписке, так и в розницу, «Magyar Hírlap».

На либеральном фланге в 1882 г. произошло объединение газет «Ellenőr» и «Hon». Новый правительственный печатный орган выбрал название «Nemzet» («Нация»), пост главного редактора занял Йокаи, ответственного редактора — Л. Ланг. Появление газеты совпало по времени с первыми признаками кризиса системы либерализма, символом чего стал начавшийся в том же году Тисаэларский процесс, подробно освещавшийся в специально для этой цели созданном приложении к «Nemzet». Два года спустя газета писала: «Если проникнуть в суть недавних событий, посмотреть на разницу между подачей событий в гонящихся за дешевой популярностью изданиях сегодня и десять лет назад, нельзя не отметить, что вопреки основополагающим требованиям либерализма в обществе царит отчуждение, и только решительная позиция стоящей у власти партии и правительства спасает общество от открытого, неминуемого распада»⁹⁶.

В рядах сторонников Партии независимости невиданного успеха добилась газета «Egyetértés» издававшаяся Л. Чаворским. Еще во время работы в «Ellenőr» Л. Чернатонь, чей стиль импонировал Чаворскому, наградил коллегу псевдонимом «Скорпион». В 1880-е гг. он стал не только самым влиятельным, но и финансово самым успешным газетчиком Венгрии. Современники называли его самым богатым журналистом Будапешта⁹⁷. Секрет успеха таился в умении мобилизовывать политические связи: в редакции «Egyetértés» редакторами и корреспондентами работали многие политики из рядов оппозиции (Л. Мочари, К. Этвеш и др.). В 1879 г. из редакции ушел скандальный журналист Д. Верховай, в том же году основавший газету «Függetlenség» («Независимость»). Издание внимательно следило за финансовыми и политическими скандалами, подробно информировало читателей о ходе Тисаэсларского процесса. Сам Верховай во второй половине 1880-х гг. избирался от антисемитской партии Д. Иштоци. Бывшие единомышленники из лагеря сторонников платформы 48-го года указывали на то, что позиция Верховай нанесла урон либерализму, оттолкнула от оппозиции подписчиков, читателей и сторонников.

Первой успешной массовой газетой стала основанная в 1878 г. и выходящая в свет с 1879 по 1944 г. «Pesti Hírlap» («Пештская газета») — четвертое в истории венгерской печати периодическое издание с таким названием. Издатели — братья Легради — дистанцировались от политики, чтобы максимально увеличить число подписчиков и читателей. В самом деле, в 1890 г. газета уже выходила тиражом 26,9 тыс. экземпляров, в 1910 г. эта цифра возросла до 60 тысяч⁹⁸.

В социал-демократическом лагере ведущие позиции сохранила за собой газета «Népszava» («Слово народа»), которая с 1877 г. постепенно меняла периодичность от еженедельного к ежедневному изданию (1905), прибавляла в авторитете и в 1880 г. получила статус центрального органа венгерской социал-демократии. Редактором газеты был Й. Гарамы, ведущим публицистом — Ж. Кунфи.

По мере роста числа подписчиков и розничных покупателей, превращения периодической печати в доходное предприятие менялась ее роль в венгерском обществе. С одной стороны, журналисты стали подлинными властителями дум, затмевая собой политиков и депутатов. Уже не журналисты искали благосклонности политического олимпа, но публичные фигуры считали своим долгом высказываться по поводу широко обсуждавшихся газетных статей. С другой — все более широкие слои читателей высказывали недовольство манипулятивной функцией прессы. Раньше газеты основывали для того, чтобы пропагандировать близкие ее редакции взгляды и ценности; отныне печать стада орудием в борьбе за умы и средством оказания влияния. В результате в венгерском обществе ширились настроения, которые современные ученые называют «антижурнализмом»⁹⁹.

Закон о печати, действовавший в 1867 г., казался правящей партии И. Тисы слишком либеральным, о чем он и заявил летом 1913 г., вступая в

должность премьер-министра. Вскоре, в годовщину принятия революционного Закона о печати, 11 апреля 1914 г., без широкого обсуждения в журналистском сообществе и скомканных дебатов в парламенте новый закон о печати вступил в силу и тут же получил от журналистов название «закон об ограничении печати». Особой критике подверглись параграфы, обязывавшие журналиста в кратчайшие привести доказательства публикуемой им информации, даже если приводимые им сведения в силу очевидности не нуждались в проверке. Впрочем, в августе 1914 г. на деятельность прессы были наложены новые ограничения в связи с введением военной цензуры¹⁰⁰.

Пресса у словаков

Партийная пресса играла на землях Словакии непривычно большое для современного человека значение. Это связано с тем, что местные партии, не будучи в состоянии занять какие-либо позиции в администрации региона и тем более парламенте, могли заявить о своих взглядах на политическую и социальную реальность только со страниц газет. Кроме того, они были необходимы для популяризации общественной и культурной деятельности, служили центром притяжения единомышленников и средством ведения дискуссий с другими политическими партиями. Можно без преувеличения сказать, что без собственных печатных органов в Словакии периода дуализма ни одна местная политическая организация так и не вышла бы за рамки маленького кружка единомышленников.

Свои газеты появились уже у словацких протопартий, Старой и Новой школ. Первым, весной 1861 г., стало выходить издание Старой школы «Pešťbudínske vedomosti» («Пештбудинские ведомости») под редакцией Яна Францисци¹⁰¹. В 1863 г. последний был назначен в наместнический совет в Буде и не смог продолжать работу в газете. Тогда на смену ему пришел Микулаш Штефан Ференчик¹⁰². В первую половину 1860-х гг. «Pešťbudínske vedomosti» были единственной словацкой политической газетой¹⁰³. Тем не менее число подписчиков издания всегда было не очень большим, а после подписания Соглашения 1867 г., лишившего Старую школу надежд на Вену как политическую опору, снизилось просто катастрофически¹⁰⁴. Не в силах поднять число подписчиков выше 400–600 человек, редакция была вынуждена сперва объявить сбор денег на поддержание газеты, а в марте 1870 г. и вовсе переехать в Турчанский Святой Мартин и сменить название¹⁰⁵.

Однако Соглашение, надломившее Старую школу и ее «Pešťbudínske vedomosti», укрепило Новую школу словацкую, которая как раз в 1868 г. начала публикацию собственной газеты, «Slovenské noviny» («Словацкая газета»). Ее владельцем и издателем был один из лидеров данного движения, Ян Бобула. Его предпринимательские способности обеспечили газету финансированием сразу из нескольких источников, а не только за счет

подписчиков¹⁰⁶. Кроме того, «Slovenské noviny» была хорошо обеспечена информацией за счет будапештского отделения Венского корреспондентского бюро и сотрудничала с такими известными публицистами, как Ян Маллы-Дусаров и Ян Паларик¹⁰⁷. Позиция газеты в отношении общественно-политических вопросов была неоднозначной, поскольку, с одной стороны, над ней работали люди угрофильской направленности (сам Бобула, Ладислав Есенский), а с другой — с ней сотрудничали и последователи словацкого национального движения (те же Маллы-Дусаров, Паларик, а также Амбро Пиетор, Франтишек Стракович, Юрай Чайда и др.)¹⁰⁸. Попытки школ найти общий язык во имя сохранения единства национального движения, их сближения и расхождения вели к смене редакторов и сотрудников издания. Это, в свою очередь, негативно сказывалось на качестве газеты. А крах политической линии Новой школы и экономический кризис 1873 г. окончательно подорвали базу издания. В 1875 г. «Slovenské noviny» Бобулы прекратили существование, а многие ее бывшие сотрудники перешли в «Národné noviny», превратившуюся, таким образом, в наследницу газет обеих словацких протопартий.

Издавать «Národné noviny» («Национальная газета») в марте 1870 г. начала переехавшая из Пешта в Турчанский Святой Мартин редакция «Pešťbudínske vedomosti». Сперва новая газета называлась «Národné noviny», однако через три года заголовок отредактировали, и под ним издание просуществовало аж до 1948 г.¹⁰⁹ Выпускал газету до августа 1872 г. «Консорциум Павла Мудроня и компании»¹¹⁰, с 1874 г. главным редактором и ее душой стал пришедший из «Slovenské noviny» А. Пиетор, который руководил изданием (с небольшим перерывом в 1898–1899 гг.) вплоть до 1906 г. Во время этого перерыва, а также после смерти А. Пиетора бразды правления газетой перенял Светозар Гурбан Ваянски, остававшийся главным редактором, опять-таки, вплоть до собственной смерти в 1916 г.

Газета продолжала политическую линию своей предшественницы, «Pešťbudínske vedomosti». Прежде всего в ней печатались статьи значимых в то время словацких писателей и публицистов, хотя качество публикуемых в новом издании новостей все же упало, особенно в области известий из-за границы. Некоторые исследователи винят в этом географическое расположение редакции и издательства: изоляция в провинциальном, затерянном в горах Турчанском Святом Мартине не благоприятствовала модернизации, высокой актуальности и информированности газеты¹¹¹. Тем не менее деятельность «Národné noviny» способствовала росту национального самосознания словаков и противостояла усилению мадьяризации. Более того, на протяжении определенного периода времени после закрытия «Slovenské noviny» это издание было единственным национально словацким¹¹². Редакция газеты прилагала большие старания к тому, чтобы сделать национальное движение понятным и близким широким слоям населения. Показательным примером таких действий являлись статьи Вилиама Паулины-Тота «Письма словацкому Томашу» и «Письма евреям»¹¹³. Подобные

статьи, кроме прочего, свидетельствуют о широте взглядов автора и трезвой оценке им той обстановки, в которой находилось национальное движение. Для выживания оно требовало массовости и финансовых средств. Первую мог дать «словацкий Томаш», а вот вторых едва ли можно было добиться без помощи еврейского капитала.

Постепенно «Národné noviny» заняла привилегированное положение в словацкой журналистике, во многом благодаря А. Пиетору. При нем качество материалов достигло уровня «Pešťbudínske vedomosti», стали печататься статьи и фельетоны такого известного и пользовавшегося признанием литератора, как С. Гурбан-Ваянский. К его влиянию можно отнести и тот факт, что среди иностранной корреспонденции газеты преобладающее место заняли сообщения из России¹¹⁴. Кроме того, из-за своих публицистических талантов Ваянский стал жертвой самого известного судебного процесса тех лет по делу прессы, связанного с ужесточением цензуры¹¹⁵, что способствовало созданию своего рода «мученического ореола» и для самого автора, и для газеты, с которой он сотрудничал. Впрочем, и без него «Národné noviny» были обречены на повышенное внимание следственных органов из-за той роли, которую это издание играло в национальном движении.

Были у газеты и свои слабости. Она была ориентирована исключительно на интеллигенцию; игнорируя широкие общественные слои, занимала изоляционистскую позицию в венгерской общественной жизни, возлагала слишком большие надежды на Россию¹¹⁶. Последнее, впрочем, легко объяснимо, если учесть поддержку, оказываемую словакам российскими славистами и общественными организациями. С 1881 г. газета ежегодно получала 5 тыс. рублей от Славянского благотворительного комитета. А в 1885 г. усилиями слависта В.И. Ламанского и благодаря визиту С. Гурбана-Ваянского и Й. Шкультеты в Москву сумма была дополнительно увеличена¹¹⁷.

Тем не менее российская помощь не уберегла «Národné noviny» от упадка в результате стратегических просчетов своего руководства. Если в 1898 г. у «Národné noviny» было 1200 подписчиков, то в 1908 г. их число сократилось уже до 1000, а в 1917 г. — вообще до 600¹¹⁸. Причем свою роль в этом сыграли не только внутренние процессы, происходившие в самой газете, но и дифференциация в рядах словацкой политической элиты. Выделились оппозиционные мартинскому центру течения, имевшие собственные органы печати, боровшиеся за читателя и активно критиковавшие прежних кумиров¹¹⁹.

В частности, активные деятели католического крыла национального движения на первых порах примкнули к Католической народной партии графа Фердинанда Зичи. В землях Верхней Венгрии создание этой партии встретило столь большой отклик, что первую собственную газету она начала публиковать именно на словацком. Справедливости ради стоит отметить, что официальный печатный орган на венгерском у КНП в тот момент уже

был, однако его роль исполняла выходящая еще с 1868 г. «Magyar Állam» («Венгерское государство»)¹²⁰. Таким образом, «Kresťan» («Христианин») стала единственным официальным изданием общевенгерского политического объединения на словацком языке. Важную роль при создании газеты сыграли епископ Парви и приходский священник из Ружомберка Антон Куримский¹²¹. Поскольку сама КНП в своей риторике придерживалась компромисса между общевенгерскими требованиями и потребностями национальностей (полноценная реализация Закона 1868 г.), то и во главе редакции ее словацкого печатного органа руководство партии ставило угрофилов, которые не стали бы увлекаться освещением национального вопроса. В качестве примеров можно привести Микулаша Лепшени, редактировавшего «Kresťan» с 1894 по 1898 г., а также пришедшего ему на смену Йозефа Янду, бывшего ответственным редактором в период с 1898 по 1899 г.¹²² Характерно также, что, как и газеты словацких протопартий, словацкий печатный орган КНП все время своего существования, которое продлилось до 1918 г., печатался в Будапеште.

Другим изданием, составившим конкуренцию «Národné noviny», стал журнал «Hlas. Mesačník pre Literatúru, Politiku a Otázku sociálnu» («Голос. Месячник о литературе, политике и социальном вопросе»). Первый его номер вышел под редакцией Вавро Шробара 29 июня 1898 г. в Скалицах¹²³. С 1903 г. журнал переехал в Ружомберк, где его печатала типография Карола Салвы¹²⁴. Ответственным редактором и издателем сперва был Павел Благо, с 1901/02 г. (4-й год издания) он занимался этим совместно с Вавро Шробаром, с 1904-го (6-й год издания, последний) В. Шробар взял на себя все бразды правления¹²⁵. Характерной особенностью журнала было то, что он, подобно студенческим изданиям, не выходил в дни летних каникул (июль и август). «Гласисты» в это время отправлялись работать «в народ», чтобы ближе познакомиться с ним и собрать материал для будущих статей.

Вокруг «Hlas» сплотились самые разные люди, от буржуазных демократов до христианских социалистов. Журнал активно критиковал «народников» (так можно перевести на русский язык термин, описывающий сторонников СНП) за политическую пассивность, сведение борьбы за национальные права к языковому вопросу, некритическое отношение к царской России, консерватизм в общественной жизни и национальном движении. Несогласие и протест вызывали у них и попытки «мартинцев» узурпировать право быть единственными представителями словаков на общественно-политической сцене. «Кто решит, чьи принципы должны быть программой целого народа? Кто морально обяжет одну партию бороться за политические принципы другой партии?» — негодовал по этому поводу В. Шробар в апрельском номере за 1901 г.¹²⁶ Естественно, на этой почве «Hlas» решительно полемизировал с «Národné noviny»¹²⁷.

Сами молодые «бунтари» отстаивали масариковские идеи мобилизации словацкого общества с помощью политики малых дел, что расходилось с элитарной политикой мартинского центра¹²⁸. Требованиями гласистов

были, помимо прочего, введение всеобщего избирательного права, самоуправления муниципалитетов, прогрессивного налога, судебная и административная реформы, бесплатное образование, свобода печати и собраний, создание народно-просветительских (образовательных) и экономических ассоциаций¹²⁹. Кроме того, они ориентировались на экономическую работу в народе (основание экономических обществ, касс взаимопомощи и т.д.). Важным пунктом программы гласистов было и расширение чешско-словацкого сотрудничества.

Свое место в журнале, в полном соответствии с его заглавием, занимала литературная критика, которой занимался по преимуществу В. Шробар. Образцом в литературе для гласистов был критический реализм Йозефа Грегора-Тайовского.

Особое место в «Hlas» отводилось ежемесячным литературным, искусствоведческим, политическим, школьным, студенческим и экономическим обзорам для словаков. Их стали публиковать с 1901 г. по предложению Милана Растислава Штефаника, представлявшего в то время словацкую молодежь из пражского общества «Detvan» («Детванец», т.е. житель села Детва). Эти обзоры были написаны на хорошем уровне и до сих пор ценны для понимания местных реалий того времени¹³⁰.

В 1903 г. у «Hlas» появилось приложение под названием «Umelecký hlas» («Голос художеств»), который, помимо В. Шробара, вел художник-академик Ал. Калвода. Там печатались репродукции картин, статьи «Из мира искусства», материалы о знаменитых художниках и т.д. Несмотря на полезность для культурного просвещения читателей, приложение не нашло широкого спроса. Вышло три двойных номера, после чего «Umelecký hlas» был закрыт.

Хотя «гласизм» был важным течением в словацкой общественной жизни, из которого вышли многие ведущие деятели будущей Чехословацкой Республики, а его влияние распространилось даже на социалистов¹³¹, тираж самого журнала был небольшим. Он колебался на уровне от 600 до 800 экземпляров, причем уже в конце второго года издания около 40% подписчиков положенных денег не внесли¹³². В последние два года существования, находясь под руководством В. Шробара, журнал сузил свою тематику, углубившись в философские вопросы и утратив разнообразие сообщаемых новостей из-за нехватки журналистов. В результате тираж сократился до 400 экземпляров. В 1904 г. бюджет журнала имел дефицит в 1142 кроны, которые В. Шробар был вынужден заплатить из личных средств. Очевидный кризис заставил его прекратить издание «Hlas».

Однако преданные делу гласисты не оставили идею возродить свой главный печатный орган. Так, в издании «Slovenský týždenník» («Словацкий еженедельник»), о котором подробнее речь пойдет ниже, за 1905 г. (№ 8, стр. 6) вышло сообщение об обновлении и возрождении «Hlas»¹³³. Он должен был переехать в Будапешт и обзавестись новой редакцией, в которую должны были войти Йозеф Грегор-Тайовски, д-р Иван Галек, Милан

Годжа, Игорь Грушовский, Федор Гоудек, д-р Ян Есенский, д-р Ян Руман, д-р Ян Сметанаи, д-р Вавро Шробар, Антон Штефанек, Франтишек Вотруба и др. Но переезд в столицу королевства не удался, из-за чего 1904 год остался датой прекращения существования журнала.

В 1900 г. на небосклоне словацкой политической печати еще ярче засияла звезда будущего лидера аграрного движения Милана Годжи. Прежде уже отметившийся на ниве журналистики как автор статей, теперь он стал редактором самостоятельной газеты «Slovenský denník» («Словацкий ежедневник»), просуществовавшей, правда, лишь до 1901 г.¹³⁴ Сперва ею владел пештский предприниматель Виктор Шекели, потом она полностью перешла к М. Годже. Тот стремился сделать по-настоящему качественное ежедневное издание и обладал для этого неплохими задатками: красноречием, талантом журналиста и способностями предпринимателя, — что выделяло его на фоне обычно посредственных редакторов словацких газет. В короткий период тираж «Slovenský denník» возрос до 4 тыс. экземпляров, благодаря чему в словацкой журналистике было преодолено убеждение, что успешным журналистом может быть только успешный писатель. Годжа сознательно писал в простом, хорошо понятном стиле, чтобы сделать газету привлекательной и для читателей из низших социальных слоев. Преимуществом его детища было и то, что там публиковались как актуальные политические сообщения, так и самая разнообразная информация из всех сфер жизни. Однако успех «Slovenský denník» держался на одном Годже, и, когда того призвали на военную службу, газета впала в стагнацию¹³⁵. В 1903 г. Милан Годжа вернулся к работе в уже знакомой ему редакции «Ludové noviny» («Народная газета») в Ружомберге, однако различия во взглядах между ним и ведущим редактором Антоном Билеком привели к тому, что М. Годжа уехал в Будапешт и создал там новую газету, «Slovenský týždenník». Деньги для этого он получил через различные пожертвования, в том числе собранные Андреем Глинкой в Богемии, а также американскими словаками¹³⁶. Чтобы предприятие не испытывало финансовых проблем в будущем, он также открыл Будапештское издательское общество, которое с 28 февраля 1908 г. публиковало «Slovenský týždenník» в качестве официального издателя¹³⁷. Количество подписчиков новой газеты достигало 14 тыс. человек, невзирая на неблагоприятные условия, а именно на запрет продажи словацких газет на улице, в газетных киосках или магазинах¹³⁸.

Ответственным редактором «Slovenský týždenník» был сам Годжа; кроме него, в редакции работали также Йозеф Матушкович, Душан Порубски, Милан Лихард, Йозеф Шимко, Юрай Новак, Антон Штефанек, Франтишек Вотруба и Богдан Павлу¹³⁹. Из их числа вышли и преемники М. Годжи на посту главного редактора. В редакторском кресле удалось посидеть Матушковичу, Порубски, Шимко и Новаку¹⁴⁰.

Сильными сторонами газеты были хорошее графическое оформление, разнообразные приложения, просто и точно сформулированные полити-

ческие требования, анекдоты, сатирические истории о мадьяронах. Важно отметить, что на страницах этого издания вызрела и получила распространение идеология аграризма М. Годжи. В экономических и социальных вопросах «Slovenský týždenník» принципиально спорил с мартинской элитой, однако правильность национального курса Словацкой национальной партии сомнению не подвергалась. Издание Годжи само активно пробуждало словацкое национальное сознание во многих областях Верхней Венгрии, прибегая и к жесткой националистической риторике.

Кроме самой газеты, редакция во главе с М. Годжей также издавала «Kalendár Slovenského týždenníka» («Календарь Словацкого еженедельника»), внося вклад в распространение этой традиционно чешской формы публикаций на словацкой земле¹⁴¹.

Несмотря на свой успех, газете все-таки пришлось познать финансовые проблемы, поскольку ее часто штрафовали за нарушение законодательства о прессе¹⁴². Без поддержки Чехославянского общества она бы попросту не выжила. Общество обеспечивало словацкой печати подписчиков и корреспондентов в чешских землях, предоставляло денежную помощь для выплаты штрафов, судебных расходов, неоплаченных подписок и т.д.¹⁴³ Справедливости ради надо отметить, что поддержку «Slovenský týždenník» оказывали и американские словаки.

Если гласистское и аграрное направления словацкой политики начинали издавать свои печатные органы с нуля, то католическое движение приспособило к своим нуждам уже существовавшую ранее газету, а именно «Katolícke noviny» («Католическая газета»). Общество св. Войтеха/Адальберта публиковало ее с 1871 г.¹⁴⁴ в Скалице и Трнаве. В качестве редакторов побывали Павел Благо, Юрай Слотта, Андрей Пулманн и Рихард Освальд. В 1880 г. вышло в свет продолжение газеты, сохранившее, правда, старое название. Его издавали в Трнаве сперва ежемесячно (1880–1881), с 1882 г. раз в 14 дней, с 1904 г. еженедельно. Редактором и издателем был Мартин Коллар, а с 1904 г. — Антон Билек. Вплоть до конца 1904 г. «Katolícke noviny» были сугубо религиозным изданием, избегавшим политических тем, в результате чего проиграла конкуренцию официальному органу венгерской Народной партии — газете «Kresťan». Тираж газеты упал до 500 (по некоторым данным — до 600¹⁴⁵) экземпляров. Удержаться на плаву ей помогли только пожертвования словацких священников из США и новая редакционная политика, а именно резкая политизация и переезд с 1905 г. в Скалицы. У исследователей нет единого мнения о том, были ли спасительные перемены связаны с ролью исключительно А. Билека или большее значение в этом имела фигура его помощника и товарища по редакции Франтишека Йеглички¹⁴⁶. Как бы то ни было, обновление «Katolícke noviny» привело к обострению отношений между этой газетой и сторонниками венгерской Народной партии. Невзирая на противодействие противников, тираж газеты вырос до 4 тысяч¹⁴⁷. Однако для редакции оппозиционность к правительству и Народной партии не прошла даром. В 1906 г. Антон Билек был вынужден эми-

грировать в США. Газета же потеряла право на название «Katolícke noviny» и стала выходить под заголовком «Ľudové noviny — pokračovanie “Katolíckych novín”. Politický a vzdelávateľný týždenník» («Народная газета — продолжение “Католической газеты”. Политический и образовательный еженедельник»). Однако и этого было мало, с 29 ноября 1907 г. редакции пришлось убрать из заголовка слова «pokračovanie “Katolíckych novín”»¹⁴⁸. На этом настояли церковные иерархи, поддерживавшие венгерскую Народную партию и добивавшиеся максимального размежевания официального католицизма с любой оппозицией. Ответ редакции, которую в 1907–1908 гг. возглавляли Павел Благо и затем Антон Штефанек, был симметричным. Католическая (!) газета обрушилась с острой критикой на официальную церковную иерархию (чему немало способствовала трагедия в Черновой), заодно атакуя и любой консерватизм в словацкой политике¹⁴⁹.

С 1910 г. газета «Ľudové noviny» переехала в Пресбург (будущая Братислава) и стала издаваться как официальный орган Словацкой народной партии, в которую постепенно сплывали участники прежде аморфного католического движения. В этом обновленном качестве газета получила название «Slovenské ľudové noviny» («Словацкая народная газета»), под которым просуществовала до 1918 г. Теперь ее публиковало «Издательское, книгопечатное, книготорговое общество — акционерная компания», которым руководили Андрей Глинка, Фердинанд Юрига, д-р Павел Благо, Франтишек Скичак, Йозеф Новак, д-р Августин Рат, Ян Войташак¹⁵⁰. Главным редактором стал Августин Рат, ответственным редактором — Карол Штефанек. Под их руководством газета снова изменила свой характер, резко уйдя на правый фланг политического спектра и развернув критику рабочих газет, изданий М. Годжи и вообще гласистов. Таким образом, газета «Slovenské ľudové noviny» стала выразителем классических консервативно-католических взглядов, осуждавших социал-демократию и «иноверцев» в лице протестантов-евангеликов, какими были гласисты.

Параллельно развитию печати различных течений и партий, выделявшихся из СНП, шла история словацкой социалистической прессы. Первые газеты этого направления, ежемесячные «Nová doba» («Новая эпоха») и «Zora» («Заря»), просуществовали в Будапеште с 1897 по 1899 г.¹⁵¹ Их эстафету с большим зазором подхватило в 1904 г. издание «Slovenské robotnícke noviny» («Словацкая рабочая газета»). Она ежемесячно выходила в Пресбурге вплоть до 1909 г. Ее редактором сперва был Густав Бончо, с 1908 г. — Павел Чернак. Одним изданием они не ограничились, и с 1906 г. в свет стал выходить еще один ежемесячник, «Napred» («Вперед»). Таким образом социалисты обошли требование венгерского законодательства по внесению залога в 12 тыс. крон за публикацию политической газеты раз в две недели. «Slovenské robotnícke noviny» входили в свет в первой половине каждого месяца, а «Napred», выходявший с подзаголовком «Slovenský orgán Sociálnodemokratickej strany Uhorska» («Словацкий орган Социал-демократической партии Венгрии»), — во второй, тоже в Пресбурге.

Редакция словацкой социалистической печати стала центром сосредоточения людей, стремившихся сблизить левую идею с национальными интересами отдельного народа. В 1905 г. именно они создали независимую партию, которая, напомним, просуществовала только год и затем на правах обособленного исполнительного комитета влилась обратно в единую социал-демократическую партию Венгрии¹⁵².

Стремление местных социалистов к автономии внесло большой вклад в распространение левой идеологии по Верхней Венгрии¹⁵³. Появление «своей» газеты вызвало широкий резонанс в среде словацких рабочих. К 1906 г. «Slovenské robotnícke noviny» имели тираж 2–3 тыс. экземпляров, а в 1907 г. он вырос до 3800¹⁵⁴. Свою роль в этом, правда, сыграло то, что профсоюзы ввели обязательную подписку на данную газету среди своих членов. Но как бы то ни было, суммарное число подписчиков обоих социалистических ежемесячников за 1907 г. составило 8 тыс. человек¹⁵⁵, намного обогнав аудиторию легендарных «Národné noviny», которая едва дотягивала до тысячи подписчиков.

Таким образом, развитие словацкой политической прессы находилось в тесной связи с этапами партийного строительства у этого народа, вплоть до того, что иной раз не представлялось возможным отделить газетную редакцию от политического объединения. Процесс этот не был ровным, но к началу XX в. увенчался формированием целого спектра политических газет на словацком языке, которые отличались достаточно высоким качеством и сформировали стабильную аудиторию.

Печатные органы русинов Венгерского королевства

Первые периодические издания, предназначенные для угорских русинов, стали появляться в середине XIX столетия. Однако самые первые русинские газеты и журналы выпускались не партиями и движениями, а государством, которое таким образом заботилось о культурном развитии одной из народностей монархии. В частности, следует упомянуть «Галичо-Русский Вестник» (1849–1850; несмотря на название, издание адресовалось не только галичанам, но также угорским и буковинским русинам), «Вестник для Русинов Австрийской державы» (1850–1866), «Земский Правительственный Вестник для Королевства Оугорщины» (1850–1855, 1857–1859), «Краевый Законник и Вестник Правительственный для коронного краю Оугорщины» (1850). Кроме этого, выходили два издания исключительно религиозного содержания: «Церковная Газета» (1856–1858) и «Церковный Вестник для Русинов Австрийской державы» (1858). Их издателем было католическое Общество св. Стефана (Иштвана)¹⁵⁶.

Первым печатным изданием южнокарпатских русинов, которое выходило не в Вене или Будапеште, как все вышеперечисленные издания, а непосредственно в Угорской Руси, стала газета «Оучитель» (со 2-го номера —

«Учитель»). Она начала выходить в Ужгороде сразу же после образования Австро-Венгрии в 1867 г. В качестве редактора и издателя выступил преподаватель Ужгородской певцучительской семинарии Андрей Рипай (Репавев; 1830–1914). Содержание «Учителя» полностью соответствовало своему названию: на страницах газеты поднимались прежде всего вопросы педагогики. Язык издания — «язычие», приближающееся к русскому языку. Всего у газеты, состоявшей из четырех полос, было 200 подписчиков. Принимая во внимание то, что на 1867/68 учебный год подписку оформили лишь 16 читателей, газета прекратила существование всего на 30-м номере¹⁵⁷. За нецелый год издания «Учителя» на его страницах иногда поднимались и острые национально-языковые темы (уничтожение русскоязычных вывесок, переход на венгерский язык в церковных проповедях и т.п.), что вызывало недовольство епископата¹⁵⁸. Однако в целом газета А. Рипая не являлась политическим изданием и представляла взгляды одного лишь издателя, не найдя поддержки даже у адресной аудитории.

Гораздо большее значение в контексте политического развития угорских русинов имела ранняя издательская деятельность Общества св. Василия Великого («Свет», «Новый Свет», «Карпат»), описанная в контексте истории общественных движений во второй главе настоящей книги.

Новую страницу в истории журналистики угорских русинов открыл «духовно-литературный журнал» «Листок», издателем которого выступил грекокатолический священник-русифил о. Евгений Фенцик (1844–1903). Фенцик в меру возможностей старался писать на русском языке. Однако, учитывая трудность восприятия этого языка русинским простонародьем, с 1891 г. издатель стал выпускать диалектный «Додаток» к «Листку». Считается, что «Листок» появился как русофильская альтернатива газете «Карпат», которая все более и более служила инструментом политики мадьяризации русинов. Крупный советский закарпатский литературовед П.В. Линтур (1909–1969), используя терминологию своей эпохи, так вкратце охарактеризовал задачи «Листка»: «1. забота о народном образовании и просвещении, 2. воспитание народа в любви к родной земле, 3. пропаганда идеи братского единения и кровного родства закарпатцев с остальным украинским и великим русским народами, 4. защита родного языка, 5. пропаганда классической русской и украинской литератур, 6. прививание идеи славянского содружества посредством произведений славянских литератур, 7. сообщение новостей из культурной жизни России и славянских стран»¹⁵⁹. Как можно заметить, в перечне отсутствуют явно политические цели, хотя вектор личных политических симпатий Фенцика очевиден. Неудивительно, что издатель постоянно подвергался обвинениям в неблагонадежности. Для создания искусственных трудностей при работе над журналом Фенцик несколько раз был вынужден менять приход. Хотя «Листок» печатался в Ужгороде, то, что можно назвать редакцией журнала, располагалось в сельской местности, на значительном удалении от городских центров Угорской Руси. К тому же молодое поколение малочисленной русинской интеллигенции,

сформировавшееся уже в десятилетия усиленной мадьяризации, все более отдалялись от русофильства¹⁶⁰. Все это способствовало маргинализации «Листка». К 1903 г. у издания осталось всего 25 подписчиков, что стало причиной закрытия журнала¹⁶¹.

В последние десятилетия существования Австро-Венгрии для угорских русинов выпускались еще две газеты — «Наука» и «Неделя». Однако, если «Листок» Е. Фенцика все-таки представлял альтернативное видение актуальных процессов, указанные издания освещали события в духе венгерского государственного патриотизма. Первая газета, «поучительная новинка для угро-русского народа» «Наука», выпускалась в 1897–1914 гг. давно деполитизированным Обществом св. Василия Великого (после его роспуска в 1902 г. — издательством «Унио») ¹⁶². Вторая газета, «поучительно-газдовская новинка для угро-русского народа» «Неделя», выпускалась в 1898–1918 гг. Министерством сельского хозяйства Венгрии в Будапеште¹⁶³. Язык обоих изданий постепенно приближался к русинской разговорной речи, отдаляясь от русской грамматики. Обе газеты, хотя и служили своеобразными народными трибунами, по сути представляли собой инструменты государственного контроля над угорскими русинами.

В целом следует отметить, что, несмотря на начавшееся еще в середине XIX столетия постепенное развитие журналистики Угорской Руси, русинские издания (за исключением отдельных статей, особенно конца 1860-х — начала 1870-х гг.) сложно назвать передовыми в общественно-политическом отношении. Газеты и журналы отражали уровень развития общества, поэтому наибольшее отражение в русинской прессе получали вопросы религии, педагогики, литературы и домоводства.

Пресса в Хорватии-Славонии

Как и политические системы и политические партии, пресса в Хорватии-Славонии группировалась по этнонациональному признаку и лишь затем — по политико-идеологическому. Связано это с тем, что большинство газет было аффилировано с зарождавшимися политическими клубами, группировками, течениями, партиями и коалициями. Важным процессом стало постепенное проникновение в газетное дело товарно-денежных отношений. И партийные газеты, как и все остальные, вынуждены были работать в условиях спроса и предложения. К сожалению, практически отсутствуют данные в хорватских землях о тиражах и количестве подписчиков, об их территориально-административном распределении и этнонациональной и религиозно-конфессиональной принадлежности. Газеты не только распространялись по индивидуальной подписке (что было совсем недешево для большинства населения), но и поступали в общественные читальни и библиотеки. Однако самым простым и широкодоступным способом доставки информации населению и политической пропаганды было присутствие прессы в много-

численных кофейнях. Там посетители могли — в зависимости от позиции хозяина — прочитать издания либо одного, либо разных направлений¹⁶⁴.

Функции печати заключались в информировании различных слоев общества о внутри- и внешнеполитических событиях, формировании позиции этих слоев по отношению к тем или иным процессам, действиям официальных властей (Вена, Будапешт, местные власти в Загребе, Сараеве, Дубровнике, Задре, Риеке, Триесте), донесении до читателей текстов выступлений депутатов представительных учреждений разного уровня (которые также издавались и в виде отдельных брошюр, а также отдельными государственными изданиями — например, протоколы заседаний автономного сабора Хорватии в Загребе, земельного сабора в Сплите или сабора/скупщины в Сараеве), разного рода политической мобилизации (прежде всего во время избирательных кампаний, роль которых повышалась по мере расширения электората в 1907 г. в австрийской и в 1910 г. в венгерской части монархии), межпартийной и внутрипартийной полемики, внутри- и внешнеполитической аналитике формировании этнонационального политического, исторического, лингвистического и иных форм сознания.

Источники информации в газетах были различны. В границах «своих» областей у них были и собственные политические лидеры, публицисты и корреспонденты, и достаточное количество авторов из числа местных интеллектуалов и сторонников той или иной партии, читателей. Что же касается общеимперских и внешнеполитических вопросов, то провинциальной прессе было, как правило, не под силу иметь собственные источники информации. Поэтому активно использовались материалы австрийского официального агентства «Korrespondenz Büro» (Вена), австронемецких, германских, французских, итальянских газет и журналов, реже — британских и русских.

Издания делились на государственные, частные проправительственные или провластные (ориентированные на Вену или Будапешт и часто негласно ими финансирувавшиеся), неправительственные, нейтральные, связанные с политическими партиями; информационные и политико-идеологические (не говоря уже об образовательных, научных, просветительских, богословских, детских, молодежных, развлекательных, профессиональных и т.д.).

Издавались ежедневные газеты, еженедельники, ежемесячные журналы, альманахи:

— по политическим и национально-аполитическим взглядам и предпочтениям — национал-либералы («Pokret», в разные годы «Hrvanska», «Нови Србобран»), национал-радикалы («Starčevićanac», «Застава»), аграристы («Dom»), социал-демократы («Slobboda», «Slobodna riječ»);

— сугубо партийные органы печати: «Dom», «Pokret», «Starčevićanac», «Hrvatski narod», «Slobboda Slobodna riječ», «Нови Србобран» (Загреб), «Српска ријеч», «Отаџбина, Musavat», «Muslimanska sloga», «Muslimanska svijest» (Сараево), «Crvena Hrvatska Prava», «Crvena hrvatska» (Дубровник), не- или надпартийные «Obzor» (Загреб), в рамках более широкого политического направления;

— проправительственные, провластные (некоторые выходили на немецком языке — «Agramer Tagblatt», «Die Drau») оппозиционные, независимые.

Наряду с общехорватскими и общесербскими существовали и локальные газеты, оказывавшие серьезное влияние на общенациональную политику, — «Narodna odbrana» (Осиек), «Riječki novi list» (Риека).

Газеты из Загреба распространялись в Далмации, Приморье и Истрии, а дубровницкие и сплитские издания читали на побережье Адриатики. Поскольку только хорватская прогрессистская партия создала единую партийную организацию с далматинскими единомышленниками, у нее была и газета, распространявшаяся в Хорватии и Далмации.

Посредством прессы велась полемика между национальными движениями; между разными политико-идеологическими направлениями в национальных движениях; между группами соплеменников-единомышленников; между отдельными политическими деятелями.

В газетах разных политических направлений сохранялась примерно однотипная структура. Издания, формально или неформально, но тесно связанные с партиями и идейными течениями, отличались большим количеством на первых полосах политических и идеологических статей, отражающих позицию партии или группы лиц внутри нее. Внутренняя структура, рубрики и характер материалов была примерно одинаковой: передовая и редакционная статьи, публицистика, концептуальные статьи, посвященные той или иной проблеме, тому или иному событию, информационные заметки, которые также могли содержать и оценочные, исторические материалы как пропагандистского, так и просветительского характера, описания путешествий.

Перечислим основные информационные сюжеты и темы полемики на страницах хорватских изданий: позиция по отношению к австро-венгерскому (1867 г.) и венгерско-хорватскому (1868 г.) соглашениям, тем или иным шагам официальной Венны или официального Пешта (Будапешта), система дуализма, возможности ее трансформации применительно к будущему Хорватии, статуса и прав Хорватии в дуалистической империи, отношение к банам и высшим чиновникам автономии, выборы, отношения между хорватами и сербами, отношения хорватов (или сербов) к проживавшим на территории Хорватии-Славонии, проблема административно-политического объединения хорватских и сербских территорий, взаимоотношения народов и католической и православной церковью, проблема Боснии и Герцеговины (принадлежность и взаимоотношения между боснийскими мусульманами, сербами и хорватами), предвыборная полемика, события за границей, прежде всего в славянских странах и на Балканах, отношение к социалистическим партиям и идеям социализма, социальной доктрине католической церкви, примирение (или объединение) церковью, внешняя политика Австро-Венгрии, политика Германии, России, Сербии, Болгарии, аннексия Боснии и Герцеговины, Балканские войны, неославизм, сотрудничество национальных движений неполноправных народов, межпартийная полемика при распаде партий и т.д.

Независимые газеты (например, загребский «Obzor») печатали на первых полосах информационные материалы, лишённые прямой идеологической направленности. Естественно, газеты стремились сохранить не только подписчиков, но и постоянных авторов и собственных корреспондентов.

Особое значение придавалось публикациям выступлений депутатов в представительных учреждениях. Газеты печатали выступления в основном исключительно депутатов от своей партии, а с депутатами других партий вели полемику. Эти публикации можно было (хотя в основном через несколько лет) сравнить с официальными публикациями протоколов заседаний представительных учреждений, а также — через относительно небольшой срок — с публикациями выступлений отдельных брошюр.

Иностранная информация подавалась в соответствии с географическим и политическим принципами — по народам и территориям как внутри монархии, так и вне ее. В большинстве газет имела особая рубрика, посвященная или общеславянской проблематике, включавшей не только Австро-Венгрию, но и Россию, Сербию, Болгарию и Черногорию, или балканской информации (Сербия, Болгария, Черногория, Греция, Румыния). В некоторых газетах эти рубрики существовали одновременно. Сам по себе факт существования этих рубрик свидетельствует о наличии в национальном самосознании южнославянских народов общеславянского и регионального компонентов. Содержащиеся в них разные по жанру материалы, от кратких сообщений информационных агентств до обширных аналитических статей и журналистских эссе, позволяют проследить развитие взаимоотношений между славянскими народами монархии, неполноправными народами Дунайской империи, взаимоотношения с Сербией, Румынией, Италией и Россией — государствами, с которыми у Австро-Венгрии отношения становились все более сложными. Не в последнюю очередь из-за того, что сербы, румыны, итальянцы и русины были разделены государственными границами, и все более актуальным становился вопрос воссоединения каждого из них в своем этнонациональном государстве. Естественно, как и остальные источники, пресса, тем более партийная, нуждается в проверке.

При чтении газет всех национальных движений и всех социально-политических направлений второй половины XIX — начала XX в., вплоть до начала Первой мировой войны в 1914 г., бросается в глаза постепенное, но довольно значительное в течение тридцати лет изменение стиля подачи материала и его содержание. Постепенно значительная часть прессы становится менее идеологизированной, все больше внимания уделяя не программным и мировоззренческим текстам, а информации. В одних газетах это проявлялось в большей степени, в других — в меньшей. Утренний и вечерний выпуски одной газеты в течение суток становятся обычным делом. Телефон и телеграф не только ускорили возможности доставки информации редакциям и читателям, но и предъявили свои требования к тексту.

Естественно, каждая «партийная» газета сохраняла свое идейное лицо и печатала материалы только своих единомышленников, подвергая оппонентов резкой — не всегда обоснованной и корректной — критике.

Некоторые авторы серии газетных статей публиковали их и как отдельные сборники. Самой известной такого рода публикаций в истории Хорватии является книга Ф. Супило «Политика в Хорватии», включающая в себя 41 мемуарно-публицистическую и аналитическую статью. Все они были опубликованы в августе–октябре 1911 г. в редактировавшейся Супило газете «Riječki novi list». Впервые отдельной брошюрой они были изданы в Риеке в 1911 г. и переизданы в 1953 г. в Загребе¹⁶⁵. К этому же типу изданий относятся книга Ф. Барбалича, содержащая значительную часть материалов в выходившей в Триесте и Пуле газета «Naša sloga»¹⁶⁶, а также сборник газетных комментариев в социал-демократической газете «Sloboda» периода Первой мировой войны начинающего журналиста, а впоследствии знаменитого хорватского писателя М. Крлежи¹⁶⁷, статьи А. Радича в газетах «Hrvatski narod», «Hrvatske novine» и «Dom»¹⁶⁸.

В югославянских землях, как и во всей Австро-Венгрии, существовала предварительная политическая цензура. Часто встречаются газетные страницы с белыми пятнами, а то и целыми полосами снятых цензорами материалов. Ужесточение или смягчение цензурных условий находилось в тесной взаимосвязи с изменением политической ситуации. Оно не всегда носило всеобщий характер, а было направлено против либо того или иного направления либо даже отдельного издания. Естественно, цензура была не единственным средством контроля общественного мнения со стороны властей и их борьбы с национальными движениями. В некоторых случаях газеты просто закрывались. Особенно жесткой становилась цензура по понятным причинам в годы политического кризиса в монархии (1903–1904), аннексии Боснии и Герцеговины и аннексионного кризиса 1908–1909 гг., во время Балканских войн 1912–1913 гг. Однако и здесь существовали определенные «лазейки» для состоятельного и политизированного читателя: можно было читать германоязычные — австронемецкие, германские, итальянские и швейцарские — газеты, в которых было гораздо больше информации о внутренней ситуации в Австро-Венгрии и развитии мировой политики, чем в газетах той же Хорватии. Российские газеты и Петербургское телеграфное агентство (ПТА) на информационном рынке в югославянских землях практически отсутствовали. О методах, применявшихся властями для контроля над свободой мышления и информации, подробно рассказано в мемуарах начальника отдела, а с 1917 г. и всей австро-венгерской военной разведки — Evidenzbüro (Evidenzbureau) — Максимилиана Ронге¹⁶⁹.

Административно-политическая раздробленность южнославянских территорий, их разный статус, принадлежность к обоим половинам монархии, несмотря на негативные последствия для формирования общенациональных политических движений, зачастую играли и положительную для политической журналистики и формирования общенационального

сознания роль. Газеты, выходившие, например, в Хорватии-Славонии, не могли печатать материалы, которые мог себе позволить «Novi list» Франо Супило в Риеке — городе с особым статусом, определенным дополнением к венгерско-хорватскому Соглашению 1868 г., и находившимся под прямым управлением правительства Венгрии. Несмотря на практическое отсутствие общехорватских или общесербских политических партий или коалиций, действовавших на территории Хорватии-Славонии, Далмации, Истрии и Боснии и Герцеговины, издание в их крупнейших городах газет одного и того же направления и их распространение в других областях способствовали формированию как общенационального сознания в целом, так и оформлению отдельных политико-идеологических течений в общенациональном масштабе.

Среди журналов необходимо выделить два издания, одно из которых ранее не было использовано исследователями, — выходивший несколько месяцев 1912 г. в Триесте журнал на хорватском языке «Trijalizam» («Триализм»). Второй журнал, который также практически не известен российским историкам, — «Balkan» («Балканы») — выходил в Загребе в 1896–1903 гг. Его издатели — часть католического клира — ставили своей целью примирение католической и православной церквей. Однако эта идея была встречена негативно православным священством и православными верующими, не нашла значительной поддержки и у католической паствы. В результате обострения в 1903 г. хорватско-сербских отношений, существенным элементом которых были межконфессиональные и межцерковные отношения, журнал прекратил свое существование. Однако опубликованные в нем материалы имеют важное значение для реконструкции, понимания и анализа этноконфессионального самосознания хорватов, сербов и боснийских мусульман¹⁷⁰.

Политическая пресса у сербов Венгерского королевства

История периодической печати у сербов, проживавших во владениях Австрийского дома, восходит к концу XVIII в., однако вплоть до революции 1848 г. основным содержанием газет и литературно-просветительских журналов, таких как «Србски народни лист» («Сербская народная газета»), «Србске летописи» («Сербские летописи»), оставались перепечатанные из официальных австрийских и венгерских изданий новости, как правило неполитического содержания. Революционным 1848 год стал и для сербского языка: 2 ноября в Сремских Карловцах Д. Медакович напечатал первое издание, набранное по правилам, разработанным Вуком Караджичем, — газету «Напредак» («Прогресс»). Важную роль в развитии сербской прессы сыграло перемещение сербского издательского центра из Буды и Пешта в провинцию — населенные сербами Сремские Карловцы, Земун и Нови-Сад, и отказ от австрийских и венгерских стандартов как в оформлении, так и в содержании¹⁷¹.

После подавления революции, в начале 1850-х гг., австрийские власти неохотно давали разрешение на издание газет общественно-политического содержания¹⁷². Если Милораду Медаковичу в 1851 г. разрешили публиковать литературно-просветительский журнал «Војвођанка» («Воеводинка»), который, впрочем, в силу запретительных мер австрийских властей имел хождение только в Воеводине, то его брату Данило так и не удалось добиться от Земунского командования Военной границы дозволения на возобновление издания газеты «Напредак». Однако издательский пыл братьев Медакович не остыл. В июне 1852 г. Данило Медакович представил губернатору графу Коронини программу политической газеты «Србски дневник» («Сербский дневник») и литературного журнала «Седмичњак» («Недельник»; затем переименован в «Седмица» — «Неделя»). Оба издания были поставлены под особый надзор полиции. Власти делали замечания Медаковичу за критику сербского княжеского правительства, за нападки на Высокую Порту и османских чиновников, за поддержку черногорцев в их антитурецкой борьбе. Несмотря на это, газета «Србски дневник» стала весьма влиятельным печатным органом. Газету выписывали около 2 тыс. человек. Когда газета была разрешена в Сербии, ее читали больше, чем белградские официальные «Србске новине» («Сербские новости»). Материалы «Србски дневник» издатель стал переводить на болгарский и публиковать газету «Българска дневница» («Болгарский дневник»), но она выходила всего несколько месяцев: австрийские власти ее запретили¹⁷³. Когда в 1858 г. над газетой нависла угроза закрытия, Данило Медакович продал свое издательство вместе с типографией и переехал в Белград.

Между тем «Србски дневник» продолжала выходить под редакцией писателя, основателя сербского театра Йована Джорджевича. При нем газета уже не выражала так ярко сербское национальное движение, как это было при Медаковиче. Многие читатели были разочарованы, количество подписчиков падало¹⁷⁴. Изменения произошли с введением Октябрьского диплома 1860 г., с которого началось упразднение Сербского Воеводства и Темешского Баната. Сербь Австрийской империи восприняли манифест как предательство их интересов в пользу венгров. В «Србски дневник» сотрудник ее редакции С. Милетич опубликовал статью — реакцию на Октябрьский диплом — под заголовком «День забоя 1860 г.». С этой статьи началось возрождение газеты.

С октября 1862 г. издание стало выходить ежедневно. Тогда же пост главного редактора Джорджевич фактически передал Милетичу, а сам сосредоточился на работе в театре. Кроме Милетича, в редакции работали Я. Игнятович, Дж. Вукичевич, Г. Гершич, Дж. Стратимирович, Й. Суботич, В. Йованович и др. Сотрудники «Србски дневник» считали, что Сербии суждено возглавить национально-освободительное движение, сыграть важную роль в решении Восточного вопроса и стать Пьемонтом южных славян. Несмотря на такую позицию, будучи либералами, журналисты и публицисты критиковали внутреннюю политику князя Михаила Обреновича.

Поэтому сербское правительство сократило распространение газеты в княжестве. Однако, скорее всего, это не повлияло сильно на издательство: в Сербии ее выписывали всего лишь 46 человек¹⁷⁵.

Если в начале 1860-х гг. идеи либерально настроенных сербов публиковались в газете «Србски дневник», то у консервативно-религиозных сил такого печатного органа не было. Представители последних основали газету «Србобран» («Защитник сербов»). Ее главным редактором стал заместитель директора Новисадской гимназии Петар Нинкович. Своей главной задачей печатный орган объявил «защиту моральных и политических интересов нашего христианства в Турции»¹⁷⁶. Первый номер газеты датирован 1 апреля 1861 г.; она выходила два раза в неделю по четвергам и субботам. Авторами статей в «Србобран» были Дж. Стратимирович, Э. Чакра и А. Попович-Зуб. В издании размещались новости из Австрийской империи, а также из всех территорий, где жили сербы. Газета много внимания уделяла религиозным вопросам. Издание поддерживали, и в том числе финансово, правительство Сербского княжества и хорватский католический епископ Йосип Юрай Штросмайер. Терпимо к газете относилась и венгерская администрация.

В консервативном крыле общественной мысли в начале 1862 г. появилась еще одна газета. Данило Медакович, вернувшись из Белграда в Нови-Сад, захотел возродить «Напредак». Власти не увидели ничего предосудительного в желании Медаковича, и после уплаты издателем залога в 5 тыс. флоринов, в январе 1863 г. вышел первый номер обновленной газеты. Главным редактором с 1864 г. стал Джордже Попович-Даничар. Своей целью Медакович объявил освобождение сербов из-под турецкого ига и поддержку сербов под властью Габсбургов. Но такие неопределенные цели уже не могли удовлетворять сербов империи, которые стремились решить целый ряд вопросов национального, политического, государственно-правового, культурного характера¹⁷⁷. Тем более газете Медаковича, поддерживающей австрийское правительство, теперь приходилось конкурировать с газетой «Србобран». Из-за умеренной национально-политической программы Медаковичу сложно было найти сотрудников редакции. Отсталость издания проявилась и в том, что газета выпускалась по старым правилам правописания¹⁷⁸. У консервативного «Прогресса» не было больших шансов процветать в либеральной атмосфере сербского общества империи¹⁷⁹.

Реперной точкой в общественно-политическом развитии народов монархии Габсбургов стало австро-венгерское Соглашение 1867 г. Судьба государственного переустройства безусловно интересовала подданных империи. В сербской среде возникла необходимость в СМИ «быстрого реагирования», которое бы не только освещало процесс подготовки компромисса в Пеште, но также выступало с оценкой происходящего и поясняло, как то или иное решение имперских властей отразится на статусе Военной границы и Воеводины в частности. Эту потребность удалось удовлетворить Светозару Милетичу, учредившему 22 декабря 1865 г. газету

«Застава» («Знамя»), которая в скором времени стала флагманом сербской либеральной публицистики. Она представляла собой листовой полиграфический продукт объемом четыре печатных листа, расширенный номер с приложением — шесть печатных листов, без иллюстраций. В целом качество печати было на высоком уровне. Газета выходила два раза в неделю с 1866 по 1929 г., причем в 1866–1867 гг. выпускалась в Пеште, а позднее в Нови-Саде. По принципу территориального распространения и охвату аудитории «Заставу» можно отнести к общенациональным изданиям: подписка осуществлялась не только на территории Австро-Венгрии, но и в Княжестве (с 1882 г. — Королевстве) Сербия¹⁸⁰, но данные о тираже отсутствуют. Авторский коллектив под руководством главного редактора Милетича представляла плеяда выдающихся сербских деятелей политики и культуры: М. Полит-Десанчич, Л. Костич, Й. Йованович-Змай, В. Йованович и какое-то время даже Светозар Маркович.

Несмотря на то что после подписания Соглашения 1867 г. «Застава» стала оппозиционным изданием, превратившись в трибуну сербского национального движения, венгерские власти относились к газете терпимо. А. Раденич объясняет это тем, что Военная граница стояла на пороге серьезных изменений — демилитаризации и включения в венгерскую часть империи. Поэтому администрации было необходимо завоевать расположение прессы¹⁸¹. С этой целью на субсидии венгерского правительства и патриарха Самуила Машиевича 13 октября 1869 г. была основана газета «Србски народ», руководителем которой по договоренности с владыкой стал Джордже Стратимирович. Вокруг издания сплотились консервативно-клерикальные круги сербского общества, которые на страницах издания вступили в полемику с недавно образовавшейся либеральной партией (СНСП) С. Милетича. Однако конкуренцию «Заставе» «Србски народ» составить не могла, поскольку ее авторский коллектив сотрясали конфликты о политической направленности газеты. Главный редактор Йован Груич считал, что издание не стремиться выходить за рамки «дозволенного» и может только транслировать поддержку венгерского правительства консервативными кругам сербского общества. Такая скромная позиция не устраивала Д. Стратимировича, который стремился через «Србски народ» организовать консервативную партию, для того чтобы успешно соперничать с либералами и Милетичем. Коллизия закончилась самоустранением Стратимировича, а Груич еще двадцать лет возглавлял угасающую газету, терявшую аудиторию из-за непатриотического контента.

В 1869 г. в городе Панчево член Омладины и Сербской национальной партии, выпускник Мюнхенского университета по специальности «экономика и общественные науки», учитель торговой школы Йован Павлович учредил газету «Панчевац», которая предназначалась прежде всего торговцам, ремесленникам, крестьянам, рабочим. У газеты была довольно большая корреспондентская сеть. В газету свои сообщения отправляли сотрудники из Лейпцига, Пешта, Вены, Белой Церкви, Земуна и Белграда¹⁸².

Издание больше остальных уделяло внимание местным новостям, а также социально-экономическому положению сербов. Павлович был близок к идеям социалистов во главе со Светозаром Марковичем. В дни Парижской коммуны, в 1871 г. Павлович в 13 номерах напечатал «Манифест Коммунистической партии». Главный редактор панчевацкой газеты много критиковал венгерских политиков из-за вопроса об устройстве Военной границы. За статьи, опубликованные с конца 1871 до весны 1872 г., Павлович был осужден и приговорен к аресту. В его отсутствие газету выпускали редакторы Любомир Ненадович и Каменко Йованович. Однако в июле 1873 г. газета была закрыта по решению суда; Йован Павлович попытался выпустить газеты «Граничар» и «Нови граничар», но они не смогли завоевать популярность.

В том же, 1869 году «Застава» стала официальным печатным органом Сербской национальной либеральной партии. Вокруг газеты группировалась не только сербская либеральная элита Транслейтании, но и оппозиция из Княжества Сербия и болгарских земель. «Австрийские славяне, как люди более образованные, и некоторые княжеские сербы, добровольно удалившиеся в Австрию, — докладывал русский очевидец в Петербург, — ведут с сербским правительством ожесточенную журнальную войну»¹⁸³.

В рамках начавшегося внутрисербского конфликта левые во главе с Я. Томичем смогли овладеть «Заставой», которой до этого руководили правые. В 1884 г. Томич женился на дочери Светозара Милетича Милице и уже в начале следующего года (словно получив приданое) стал редактором «Заставы». Уязвленные тем, что не смогли взять ее в свои руки, либералы буквально набросились на Томича и Нанчича, обвинив их в нигилизме, социализме и даже коммунизме. Они в октябре того же года основали свой печатный орган — «Браник» («Защитник»), редакционную политику которого долгое время определял другой наследник С. Милетича — Михайло Полит-Десанчич (с 1884 г. лидер либералов). Между «Заставой» и «Браником» развернулась настоящая битва. Во главе первого издания стоял Яша Томич, второе возглавил Миша Димитриевич.

Более того, раздором в стане либералов попытался воспользоваться и патриарх Герман Анджелич. В 1870-е гг. будучи администратором Карловацкой митрополии, он на собственные средства старался удержать на плаву консервативные издания — «Србски народ» Й. Груича и «Недельни гласник» Я. Игњатовича. Обе газеты, пропагандировавшие крайне непопулярную в сербском обществе клерикальную мадьярофильскую линию, были обречены на медленное угасание: «они дряхлели, глели и постепенно вымерли»¹⁸⁴.

Новая «Застава» выражала интересы сербских ремесленников и мелких торговцев, низших служащих и грамотных сельских жителей, а также «разночинской» интеллигенции, происходившей из крестьян и городских низов и состоявшей в основном из молодых адвокатов и студентов. Более обеспеченные гражданские слои: интеллектуалы уровня профессуры, состоятельные землевладельцы, банкиры, оптовики, дипломированные врачи и т.д.

консолидировались вокруг «Браника», который имел весьма ограниченный круг читателей — из «лучших сербских кругов» и потому, в отличие от «Заставы», в широких народных массах не пользовался большим влиянием.

Социальные различия подписчиков «Заставы» и «Браника» явились причиной их глубоких идеологических расхождений. Странники власти «толпы» (в чем либералы обвиняли левых) буквально сцепились с проводниками политики «господ». Они боролись за власть и влияние на церковно-народных соборах, в органах церковно-школьной автономии, во всех иных структурах, где бился пульс политической жизни сербского сообщества в Венгрии. Эта борьба, продолжавшаяся почти три десятилетия, нередко приобретала брутально-личный характер, постепенно отравляя сербский социум изнутри, разъедая и ослабляя его. «“Застава” и “Браник”, — пишет В. Крестич, — как и их редакторы, Томич и Димитриевич, оказались сеятелями этого опасного и вредного партизанства»¹⁸⁵.

Как только группа «нобилитета» в 1884 г. решила подвергнуть ревизии Бечкерекскую программу, Новая Омладина во главе с Томичем и Лазой Нанчичем вступила в открытую полемику с ревизионистами. Томич вел ее через новосадскую газету «Српско коло» («Сербский круг»), а Нанчич — в издававшемся во Вршаце «Српство» («Сербство»). Великокикиндскую программу Томич оценил как «политическое покушение, совершенное нотабилитетами на СНСП». Его собственное издание, как он полагал, должно было следовать «основным мыслям Бечкерекской программы, каковую в ряде положений можно было бы дополнить и даже изменить»¹⁸⁶. Л. Нанчич, после того как оппоненты выразили готовность сблизиться с венгерскими властями, решительно выступил в своей газете против, заявив, что такой их поступок грозит постепенной политической капитуляцией сербов и окончательной потерей завоеванных ранее национальных прав. С другой стороны, считая всех противников Бечкерекской программы «врагами сербского народа», он и его соратники (из группы вршацких социалистов) вошли в жесткий клинч и с клерикал-консерваторами, которые называли их анархистами, разбойниками и даже террористами.

Консерваторы не замедлили с ответом. И хотя основанной в 1885 г. на деньги патриарха Г. Анджелича газете «Наше доба» («Наше время») не удалось привлечь новых сторонников к проправительственной линии, ее главный редактор Стеван Павлович с успехом дискредитировал политических оппонентов. Он уверял венгерского премьера К. Тису в том, что сербские оппозиционные издания, особенно радикальные, пользуются поддержкой из Сербии и России и, более того, потворствуют великосербским настроениям общественности. По мнению Павловича, после убийства Я. Томичем М. Димитриевича сербы остались без компаса в политическом море и как никогда нуждались в новом ориентире¹⁸⁷. Сложившаяся ситуация позволила получить газете «Наше доба» протекцию венгерского правительства и значительные субсидии, однако не принесла и толики признания и популярности «Заставы» и «Браника».

У властей ни Австро-Венгрии, ни Сербского королевства не было иллюзий, что сербские либеральная и радикальная газеты имеют много различий в своих программах. Однако критике, нападкам и запретам все же чаще подвергалась «Застава». Кроме того, венгерское правительство старалось углубить конфликт между двумя влиятельными среди сербских кругов изданиями.

В конце 1891 г. «Застава» сама писала, что у нее 2 тыс. подписчиков. По официальным данным, в 1890-е гг. радикальную газету выписывали больше 800, либеральный «Браник» — больше 600 человек. С начала XX в. «Застава» стала издаваться ежедневно, а с 1904 г. — дневными и вечерними выпусками. Что касается «Браника», газета с 1904 г. увеличила выпуски с трех раз в неделю до ежедневных¹⁸⁸. Жесткое противостояние двух сербских влиятельных газет продолжалось вплоть до начала Первой мировой войны. Все же первой австро-венгерские власти закрыли «Заставу» — 31 июля 1914 г. На следующий день запретили «Браник».

Политическая пресса румын Трансильвании

Наиболее значительным явлением румынской прессы Трансильвании на протяжении нескольких десятилетий была основанная в 1838 г. Георге (Джордже) Барициу «Gazeta di Transilvania» («Трансильванская газета»), ставшая рупором программных требований румын во время революции 1848 г., а позже сыгравшая огромную роль в формировании румынского общественного мнения не только в Трансильвании, но и в масштабах всех венгерских коронных земель, донесении до образованной публики основных программных постулатов румынского национального движения.

По вкладу в формирование румынского гражданского общества Трансильвании с ней сопоставима лишь «Tribuna», основанная в 1884 г. в Сибиу писателем И. Славичем. Создание этой первой в истории румынской прессы Трансильвании ежедневной газеты стало одним из центральных событий румынской национальной жизни этого края в 1880-е гг. Редактор газеты писатель И. Славич был тесно связан с культурными кругами Бухареста и Ясс и, в отличие от большинства ведущих деятелей румынского движения прежних поколений, сам мыслил не трансильванскими и тем более австро-венгерскими, а общерумынскими категориями, что сказывалось на формировании в соответствующем духе широкой читательской аудитории издания. Предлагавшаяся им общерумынская платформа, делавшая безусловную ставку на единство всех румын по обе стороны Карпат, открыто порывала с двухвековой традицией лояльности венскому императору и закладывала новые основания для национальной идентичности трансильванских румын.

Газета «Tribuna» с самого начала приобретает динамичный, наступательный характер, что проявилось не только в нападках на венгерское пра-

вительство (более того, в ее публицистике присутствовала сильная антивенгерская струя, по сути, на грани ксенофобии), но и в резкой критике с радикалистских, бескомпромиссных позиций более умеренных деятелей из руководства Румынской национальной партии. Уже в первых программных публикациях газеты было заявлено, что если в рамках венгерского государства невозможно удовлетворение национальных чаяний румын, то надо ставить вопрос о ликвидации этого государства в существующих границах и объединяться ради этого с другими врагами Венгрии. Но значение «Tribuna» заключалось не в эпатажности антивенгерских тирад, всерьез испытывавших терпение будапештских властей, а в постановке актуальных, злободневных проблем, способных привлечь первостепенное внимание читающей румынской публики Трансильвании, в вынесении их на суд широкого общественного мнения и в его мобилизации на их решение. Не призывая трансильванских румын отказываться от привычной для румынского движения меморандистской тактики (т.е. представления венскому двору меморандумов с изложением требований), деятели близкие к «Tribuna» видели, однако, в ней прежде всего способ мобилизации общественного мнения. Вместе с тем они выражали неудовлетворенность прежними методами активизации национального движения, сводившимися к бессистемным протестным акциям, а также к сугубо культурным проектам без выраженного политического содержания. С появлением «Tribuna» в руководстве и активе Румынской национальной партии назревает раскол, лица, группировавшиеся вокруг издания, заняв ряд ключевых позиций в партии, попытались изменить ее тренд, отдалить от Вены и приблизить к Бухаресту. Это проявилось на целом ряде национальных конференций трансильванских румын, состоявшихся в 1884, 1887, 1890 гг.

Следующей вехой в развитии румынской прессы на землях венгерской короны стала издательская деятельность основанной в 1890 г. Лиги за культурное объединение румын. Эта организация ставила своими целями дальнейшее формирование общерумынского самосознания трансильванских румын, интеграцию движения за права румын Трансильвании, Баната и Восточной Венгрии в проекты общенационального содержания, в определенной мере направляемые политической элитой Румынского королевства. Еще одной задачей в руководстве Лиги считали мобилизацию международного общественного мнения в поддержку румынских национальных требований. Таким образом, с возникновением этой организации румынское движение Трансильвании уже не ограничивалось сугубо национальными каналами пропаганды, оно активно апеллирует к широкому общественному мнению. Лига имела в целом ряде европейских столиц и прежде всего в Париже своих представителей, которые занимались распространением во французской, британской, германской прессе программных документов, донесением до европейской общественности информации о положении румын в Венгерском королевстве. Они при этом апеллировали к влиятельным политическим силам, бизнесу, общественным организациям. Так, в 1891 г.

на разных языках общим тиражом 15 тыс. экземпляров был распространен меморандум, подготовленный группой румынских студентов. Тиражом более 10 тыс. экземпляров на разных языках был отпечатан текст меморандума, который группа деятелей румынской национальной партии во главе с И. Рациу пыталась в мае 1892 г. вручить в Вене при дворе императора Франца Иосифа. Нашла отражение в прессе и острая речь Рациу на суде в Коложваре против инициаторов меморандума 7 мая 1894 г., привлекая внимание международного общественного мнения.

С начала 1890-х гг. учащается практика административных и судебных преследований органов печати и отдельных журналистов за публикацию острых материалов. Так, было возбуждено нашумевшее судебное дело против молодого журналиста и юриста, в будущем видного идеолога румынского национального движения Аурела Поповича, выступившего в прессе с острой статьей. Протесты против цензурных ограничений (более жестких в Трансильвании в сравнении с основной Венгрией) и привлечения органов прессы к суду становятся неотъемлемой составной частью программных выступлений румынской национальной партии, что нашло выражение и в вышеупомянутом меморандуме 1892 г. Кампании в защиту трансильванских журналистов находили отклик не только в Румынском королевстве, но и на Западе. Когда газета «Tribuna» после ряда серьезных судебных разбирательств оказалась в плохом финансовом положении и ее выход был приостановлен, как в Трансильвании, так и в Румынском королевстве был организован сбор средств в целях возобновления выпуска газеты.

В последние годы XIX в. на роль важного центра румынского национального движения выдвигается Арад в Восточной Венгрии, где румыны хотя и составляли всего 15% населения, но никогда не прекращалось их активное участие в комитатской общественной жизни, существовала епископская резиденция и сформировалась довольно сильная прослойка румынского среднего класса, в которой главную роль играли дипломированная и национально ориентированная адвокатура, связанная с румынской национальной партией, и финансовая буржуазия (располагавшийся здесь банк «Виктория» был крупнейшим из банков Венгрии, находившихся в руках румынского бизнеса). Именно в Араде была создана в 1897 г. влиятельная газета «Tribuna populară» («Народная трибуна»), рассчитанная на средний класс. Другим видным органом румынской прессы стала и продолжала оставаться газета «Libertatea» («Свобода»), основанная в 1902 г. Один из самых экономически независимых румынских предпринимателей монархии Габсбургов — землевладелец и банкир Иоан Миху выступил на ее страницах с нашумевшей статьей за пересмотр программы 1881 г. в пользу обращения к более активной политике. Однако в условиях углублявшегося в Венгерском королевстве внутриполитического кризиса в румынском национальном движении не было единства мнений о предпочтительности той или иной тактики. Не меньший отклик общественного мнения нашла публикация в «Tribuna populară» 10 ноября 1903 г. декларации группы

арадских политиков. Увидев в действиях нового премьер-министра И. Тисы готовность к определенному компромиссу в отношении меньшинств, эти политики заявили о признании венгерского государства в существующих границах при условии беспрепятственного функционирования во всевенгерском масштабе целого ряда румынских национальных институтов. На отношениях румынской политической элиты Трансильвании с графом Тисой, несомненно, сказались его жесты в отношении румынской прессы и всего национального движения. Был прекращен ряд затянувшихся судебных разбирательств против румынских газет, а культурному обществу ASTRA, активно занимавшемуся просветительской, книгоиздательской, информационной деятельностью, возвращены средства, ранее изъятые у нее прежним премьер-министром Д. Банфи.

Некоторое новое наступление на румынскую прессу, выразившееся в административных притеснениях печатных изданий, было предпринято после развязки глубокого внутриполитического кризиса 1905–1906 гг., завершившегося приобщением к власти венгерских националистов, склонных к усилению конфронтации как с Веной, так и с национальными движениями в самой Венгрии. В это время был возбужден ряд новых судебных дел, прекращенных уже в 1910 г., с укреплением позиций графа Тисы сначала в качестве спикера парламента, а затем и премьер-министра. Румынская пресса Трансильвании благосклонно реагировала на новые жесты Тисы в адрес Румынской национальной партии в целях консолидации в стране. Одна из его речей широко комментировалась, при этом румынские публицисты не скупались на комплименты в адрес масштабной личности графа Тисы, проводились сравнения с Ференцем Деаком.

Сильнейшей фракцией в румынском национальном движении оставалась и в это время группа арадских трибунистов. В области прессы одной из знаковых фигур становится талантливый поэт Октавиан Гога, в будущем один из политических тяжеловесов правого фланга в межвоенной Румынии, занимавший и пост премьер-министра. В начале века он получил известность в среде образованной румынской публики по обе стороны Карпат благодаря своим журналам «Luceafărul» («Вечерняя звезда») и «Țara noastră» («Наша страна»), которые начали выходить в 1902 г. в Будапеште, но распространялись прежде всего на территориях, где доминировало румынское население. Гога в серии статей подверг суровой критике основные румынские политические силы за неудачу на выборах 1910 г., потребовав пересмотра их тактики на новой основе. Гога и его окружение стояли на позициях крайнего румынского национализма, призывая в своих статьях освободить румынское движение и партийную жизнь от чуждых и разрушительных, по их мнению, венгерских и еврейских влияний. В идеологии этого круга получила развитие политическая концепция, основанная на мессианизме, религиозном мистицизме, консервативном антикапитализме, но при этом присутствовали и более демократические полутона, наблюдалось влияние современной социологии и построений вождя венгерского политического радикализма Оскара Яси.

В Араде с 1911 г. выходила газета «Românul» («Румын»), претендовавшая на право считаться главной газетой «венгерских румын», официальным органом Румынской национальной партии. Редактировал ее В. Голдиш. Его близость к кругу арадских трибунистов не воспрепятствовала критике недостатков прежней, не слишком активной тактики, не способной обеспечивать успехи на выборах. Однако на страницах румынских изданий в этот период идет довольно острая полемика, в которой проявились серьезные разногласия между разными группами политиков. Они были связаны с различиями в понимании предпочтительности тех или иных методов, но также и в отношении к графу Тисе, продолжавшему и в это время прилагать усилия по наведению мостов к румынскому движению и пытавшемуся перехватить в этом плане инициативу у своего главного оппонента во внутриимперском масштабе — наследника Франца Фердинанда. Для того чтобы разрешить серьезный кризис в румынском движении Трансильвании, находивший самое прямое выражение в острой печатной полемике, прилагаются усилия из Бухареста, приезжает очень влиятельный литератор и политик Константин Стере. Однако поиски взаимного компромисса были прерваны начавшейся Первой мировой войной, поставившей румынское движение перед новыми вызовами.

Годы, предшествовавшие войне, характеризовались оживлением не только румынской политической прессы, но и деятельности культурно-просветительских обществ в области печати и книгоиздания. Возникает целая система разнопрофильных изданий (литературных, научных, популярно-познавательных), прежде всего журналов, рассчитанных на образованную румынскую публику. Однако и на их страницах находили отражение споры и внутренняя борьба, происходившие в рамках румынского движения венгерской половины монархии Габсбургов. В качестве главного спонсора румынских культурных обществ и прессы с 1909 г. выдвигается гражданин Российской империи, бессарабский землевладелец Василе Строеску (в России именовался В.В. Строеско), направивший на расходы по «румынскому делу» в Трансильвании, как минимум, 500 тыс. австрийских крон. Организованные при его поддержке и ставшие главной темой газет празднования по случаю 50-й годовщины создания ASTRA превратились в мощную политическую демонстрацию панрумынистской направленности, сопровождавшуюся символическим перелетом через Карпаты пионера румынской авиации, выдающегося трансильванского летчика Аурела Влайку.

Пресса в Боснии и Герцеговине

Становление газетного и журнального дела в Боснии и Герцеговине османского периода связано с южнославянскими территориями Австрийской империи.

Первым периодическим изданием Боснии и Герцеговины считается журнал «Bosanski prijatelj» («Боснийский друг»)¹⁸⁹. Его с 12 мая 1850 г. издавал монах-францисканец Иван Франьо Юкич родом из боснийского города Баня-Луки. Юкич публиковал свой журнал в Австрийской империи — в городе Загребе. Издание выходило при финансовой поддержке хорватского поэта и просветителя Людевита Гаея в его же типографии. Всего вышло три номера: в 1850, 1851 и 1861 гг. В первой статье под заглавием «Предисловие» Юкич жалуется, что он с другими патриотами пытался в течение десяти лет создать Общество читателей, но Травник, тогдашняя столица Боснийского вилайета, блокировал эту работу, боясь западной пропаганды: то итальянских карабинеров, то русских казаков, то англичан. Однако все изменилось с приходом в Боснию Омер-паши Латаса*¹⁹⁰.

Печатное дело в самой Боснии появилось в апреле 1866 г., когда в Сараеве по заказу администрации Боснийского вилайета издатель Игнац Соппрон (в южнославянских землях он был больше известен как Игнат Сопрон), немец из Земуна, в то время австрийского города, открыл первую типографию. Сопрон начал выпускать газету «Bosanski vјestnik» («Боснийский вестник») на сербскохорватском языке, кириллическим письмом, по правилам, разработанным Вуком Караджичем. Через полгода после запуска типографии как своей частной Сопрон продал ее боснийским властям¹⁹¹.

В Сопроновой типографии в мае 1866 г. администрация вилайета начала издавать официальную газету «Bosna» («Босния»), в 1868 г. ее редактор Мехмед Шакир Куртчежайич добился от властей разрешения издавать еще одну газету, развлекательного характера, — «Sarajevski cvjetnik» («Сараевский сад»). Обе газеты выходили на сербскохорватском и турецком языках.

В главном герцеговинском городе, Мостаре, действовали две типографии: с 1872 г. — частная, основанная католическим монахом Франьо Миличевичем, с 1876 г. — государственная. Первая сосредоточилась на издании книг. Последняя издавала официальную газету созданного в 1876 г. нового Герцеговинского вилайета — «Neretva» («Неретва», по названию реки в Герцеговине). Но эта газета выходила недолго, так как в конце того же года вилайет был ликвидирован, а типография закрыта.

Точной статистики, сколько людей читали первые боснийские газеты и журналы, нет. Библиограф Дж. Пейянович, приводя следующие данные: у «Bosna» было 1300 подписчиков, у «Sarajevski cvjetnik» — 2000, у «Neretva» — 300, писал, что они кажутся преувеличенными¹⁹².

Если в османский период истории Боснии и Герцеговины типографским способом печатались только четыре газеты и один журнал, то в австро-венгерское время количество периодических изданий увеличилось в несколько раз.

* Омер-паши Латас (1806–1871) — османский военачальник родом из Военной границы Австрийской империи. В 1850 г. подавил восстание боснийской мусульманской элиты, сопротивлявшейся реформам танзимата.

Австро-венгерская администрация приступила к изданию официального органа «Bosansko-hercegovačke novine» («Боснийско-герцеговинские новости») через месяц после вступления в провинцию оккупационных войск под командованием фельдмаршала Йозефа Филипповича. Первый номер газеты увидел свет 1 сентября 1878 г. Ее редактором и издателем стал Ян Лукеш, родом из Праги, издатель газеты «Politische Correspondenz» («Политическая корреспонденция»), сопровождавший оккупационную армию в качестве журналиста своей газеты. Лукеш был знаком с ситуацией в крае, так как освещал восстание с 1875 г. В 1878 г. он довольно быстро наладил работу сараевской типографии (бывшей Сопроновой), несмотря на сложности с персоналом и техникой. Газета выходила два раза в неделю, по воскресеньям и четвергам, на латинице, на сербскохорватском, некоторые законы и указы приводились на немецком языке. Как пишет исследователь Тодор Крушевац, изучавший боснийскую прессу, материалы были написаны сложным, иногда совершенно непонятным языком, причем сам язык газета никак не называла, только изредка — хорватским или боснийским¹⁹³.

Кроме официальных документов, в первый год существования газеты там появлялись отрывки из романов Жюль Верна «80 дней вокруг света», Йозефа Голечека «За свободу». Как утверждает Крушевац, среди сотрудников редакции числился и Павел Аполлонович Ровинский, корреспондент петербургского издания «Новое время», находившийся с осени 1878 до весны 1879 г. в Боснии¹⁹⁴. В номере от 29 декабря 1878 г. действительно есть материал, озаглавленный «Путевые записки из Боснии», однако в нем не указан автор¹⁹⁵.

После отъезда Лукеша из Боснии в конце 1879 г. Бюро по делам Боснии и Герцеговины обратило внимание австрийского и венгерского кабинетов, а также Литературного бюро общеимперского министерства иностранных дел на ситуацию с боснийской прессой. В том же году 24 декабря Литературное бюро МИДа назначило на должность директора сараевской типографии и главного редактора официального правительственного органа бывшего редактора венской «Srpska zora» («Сербская заря») и корреспондента земунской «Narodni glasnik» («Народный вестник») докторанта по философии и медицине Венского университета Ивана Васина Поповича. Новый глава боснийской печати прибыл в Сараево только в июле 1880 г. С 1881 г. Попович переименовал «Bosansko-hercegovačke novine» в «Sarajevski list» («Сараевская газета»). На посту главного редактора официальной газеты Попович остался до ухода на пенсию в 1912 г.¹⁹⁶

Газета «Sarajevski list» выходила три раза в неделю на сербскохорватском языке смешанным письмом: часть материала была на латинице, часть — на кириллице, также имелись материалы и на немецком языке. С 1884 г. статьи стали дублироваться на обоих шрифтах. Постоянными рубриками были: «Официально», «Неофициально», «Малый вестник», «Объявления». В начале 1890-х гг. появились «Телеграммы». На страницах издания печатались демо-

графические данные, например о количестве рожденных или умерших в том или ином месяце, занимательные сообщения о жизни за рубежом и в империи, научно-популярные статьи. За сорок лет в «Sarajevski list» появилось несколько тысяч фельетонов. Официальный орган знакомил боснийских читателей с литературными произведениями И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова, М. Твена, Ч. Диккенса, Р. Киплинга, Г. де Мопассана и др., но прежде всего с сочинениями южнославянских писателей: И. Кларича, Э. Мулабдича, Н. Баришича, Дж. Чокорило, П. Радосавлевича и др. Публикация художественных произведений часто была перепечаткой из литературного журнала «Nada» («Надежда»), научного и научно-популярного «Glasnik Zemaljskog muzeja» («Вестник Областного музея»), образовательного «Školski vjesnik» («Школьный вестник») ¹⁹⁷.

Выходившая на немецком языке с 1884 г. «Bosnische Post» считалась первой политической газетой. Ее основатель и издатель Юлиус Маканец, полицейский врач родом из Загреба, задумал «Bosnische Post» как независимую газету¹⁹⁸. Главным редактором по согласованию с правительством был назначен Эуген Риттер фон Тёпфер, приехавший из Вены в Сараево актер. После кончины Маканца в 1886 г. Риттер принял на себя обязанности издателя. Через три года после того, как умер Тёпфер, собственницей издательского дела стала журналистка, работавшая в газете со дня основания, Милена Мразович¹⁹⁹. За менее чем десять лет она четыре раза сменила главных редакторов газеты.

Газета поддерживала курс новых администраторов оккупированных территорий — общеимперского министра финансов Бенямина Каллая и ландесшефа генерала Иоганна Непомука фон Аппеля (оба были назначены на свои посты в 1882 г.).

Конфликт собственности Милены Мразович и главного редактора Адольфа Тауска ускорил продажу издания — в 1896 г. газету купил Иоганн Баптист Шмард, советник и правая рука Каллая. Цена купли-продажи неизвестна, однако есть сведения, что годовой доход газеты составлял около 16 тыс. форинтов, что, по расчетам Крушеваца, должно было соответствовать 10% капитализации издания²⁰⁰. После смены владельца стиль издания остался прежним, но оно стало ежедневным. Главным редактором работал Франьо Селак, затем долгое время редакцию возглавлял бывший редактор венской «Wiener Tagblatt» Оскар Хирт. Самой сильной стороной газеты считались публикации на внутри- и внешнеполитические темы. Среди статей, кроме материалов других немецкоязычных газет империи, встречались материалы из боснийских изданий, как и в случае правительственного «Sarajevski list».

После смерти Каллая в 1903 г. наступила «эра Буриана»: руководителем Министерства финансов стал Иштван Буриан (1851–1922), который объявил «новый курс» — на завоевание лояльности сербов. Когда сербы, хорваты и мусульмане получили культурную, религиозную, школьную автономию, «Bosnische Post» встретила эти тенденции сдержанно, и, как пишет Карл

Бетке, было очевидно, что газета подвергается цензуре. Тогда же, в 1906 г., главным редактором стал Герменегильд Вагнер. В 1907–1908 гг. публицисты «Bosnische Post» стали критиковать курс Буриана, назвав его «зигзагом» между мусульманами и хорватами, тогда как предыдущий министр, по мнению публицистов, проводил курс на балансирование²⁰¹.

В «эру Буриана» были учреждены издания политических групп и партий. Группа сербских интеллектуалов, которая вела борьбу за церковно-школьную автономию, основала в 1905 г. издание «Српска ријеч» («Сербское слово»). Другой сербской газетой была мостарская «Народ» — печатный орган группы, выступавшей за идеи югославизма. В Баня-Луке сербские деятели во главе с Петаром Кочичем печатали «Отечество». Еще одним сербским изданием был журнал «День», выпускаемый сербской группой, возглавляемой Лазаром Димитриевичем и поддерживаемой сараевскими властями.

Программа официального органа Мусульманской национальной организации (МНО) — газеты «Musavat» («Единство»), учрежденной в 1907 г., была частью программы партии. Издание объявляло, что «будет работать на пробуждение национального самосознания и на развитие сильной партии, которая призвана стоять на защите национальных прав и которая будет бороться против насилия и самоволия, с какой бы стороны они ни исходили». Почти с самого начала газета выходила тиражом 1600 экземпляров, из них 1480 экземпляров предназначалось для подписчиков. С газетой можно было ознакомиться в 116 основанных МНО читальнях, где сосредоточивалась общественно-политическая жизнь многих мусульман.

Необходимо отметить, что в Боснии проживало довольно много «немецких» колонистов: в 1910 г. их в провинции насчитывалось 22 968 человек, из них 8405 были венграми. Кроме того, немецкоязычными могли быть, как предполагает К. Бетке, около 1,5 тыс. евреев, называвших себя «другими евреями» (неиспанскими)²⁰².

На немецком языке в Боснии и Герцеговине выходила также «Sarajevoer Tagblatt», которая была в 1908 г. основана бывшим редактором «Bosnische Post» Вагнером. Газета, заняв отчетливую прохорватскую позицию, стала конкурировать с влиятельной «Bosnische Post»²⁰³.

Кроме газет на сербскохорватском и немецком, выходило издание на турецком языке. В апреле 1884 г. глава боснийских мусульман реис-уль-улема и председатель улема-меджлиса Мустафа Хильми-эфенди ходатайствовал перед австро-венгерской администрацией об учреждении газеты на турецком языке. Боснийское правительство согласилось с просьбой Хильми-эфенди и разрешило концессию на издание газеты и даже выделило деньги. Так стала выходить неофициальная «Vatan» («Отечество»). Главным редактором стал Мехмед Хулуси, бывший редактор официальной мостарской газеты «Неретва». Газету «Vatan» выписывали 600–700 человек. Она выходила под таким названием до 1897 г., пока не была переименована в «Rehber» («Указатель»)²⁰⁴.

Несмотря на то что газета «Vatan», а затем и «Rehber» отражали точку зрения мусульман, она не могла считаться среди них влиятельной, так как мало кто знал турецкий язык. С идеей основать мусульманский печатный орган на местном языке выступила группа, близкая к областному правительству, во главе с советником главы боснийской администрации, писателем Мехмед-бегом Капетанович-Любушаком. Он был известен тем, что считал австро-венгерскую власть в Боснии и Герцеговине легитимной, так как дунайская монархия при оккупации не начала войну против мусульман²⁰⁵. Капетанович учредил концессию и стал владельцем и издателем газеты «Вошњак». Кроме того, он отвечал за ее политическую составляющую. Первым главным редактором был Хильми-эфенди Мухибич, чиновник областной вакуфской комиссии, сотрудничавший с боснийскими изданиями «Bosanska vila», «Glasnik Zemaljskog muzeja», «Nada», «Sarajevski list». Первый номер, на латинице, вышел в июле 1891 г. В газете работали будущие знаменитые мусульманские писатели и общественные и политические деятели Сафвет-бег Башагич и Эдхем Мулабдич (1862–1954). Считается, что, когда последний в том же, 1891 году сменил Мухибича на посту главного редактора, газета обрела свой стиль. Из-за тяготения боснийско-герцеговинских сербов к Сербии и Черногории «Вошњак» занял по отношению к этим молодым независимым государствам резко негативную позицию и выступал за идею боснийской нации. Когда редакцией руководили в качестве номинального главного редактора Юсуф-бег Филипович и фактического — Йозо Чебулара, газета отличалась от остальных тем, что в ней печатались короткие рассказы юмористического содержания²⁰⁶. Издание существовало до 1910 г.

Во время поездки министра Каллая по Боснии в 1884 г. сараевский торговец, банкир и промышленник Ристо Бесарович от имени сербов вел переговоры об учреждении в крае сербского экономико-политического печатного органа «Јавност» («Гласность»). Однако даже после получения согласия министра сербы, предполагая, что власти все равно намерены закрыть их орган, отказались от издания. Для новой сербской политической газеты правительство выбрало редактором учителя, выпускника Будапештского университета, серба из Нови-Сада, бывшего журналиста «Заставы» Йована Видича. Концессия Видичу на издание еженедельной четырехполосной газеты «Просвјета» была одобрена в марте 1885 г.²⁰⁷ Регулярными ее рубриками, как и во всех газетах того времени, были: «Внутренние новости», «Заграничные новости», фельетоны, объявления, отрывки из литературных произведений. Больше всего места занимали сообщения о политических событиях в Сербии, Черногории, Воеводине, Хорватии, Венгрии. Но, как заметил Крушевац, «Просвјета» уделяла мало внимания политическим новостям из самой Боснии, так как не находилась в оппозиции австро-венгерским властям. Кроме того, Видич критиковал одноименное с его газетой сербское культурное общество²⁰⁸. Несмотря на лояльность, газета была закрыта в 1888 г.

После появления мусульманской, сербской, немецкой политических газет основатель первой типографии в Мостаре Франьо Миличевич попросил у боснийских властей разрешения дополнить свой литературный журнал «Novi Hercegovački bosiljak» («Новый герцеговинский василек») материалами на политические темы. Встретив некоторое сопротивление правительства, которое утверждало, что в Герцеговине нет необходимости в политической газете, католическому монаху все же удалось добиться того, чтобы у хорватов было политическое издание — «Glas Hercegovca» («Голос герцеговинца»)²⁰⁹. Необходимо отметить, что Миличевич в османский период был сосредоточен на издании книг, а периодические издания он начал выпускать только в австро-венгерский период: в 1883–1884 гг. выходила его газета «Hercegovački bosiljak» («Герцеговинский василек»), в 1884–1885 гг. — упомянутый «Novi Hercegovački bosiljak». Миличевич стоял на позициях Хорватской партии права Анте Старчевича, что и отражалось на страницах новой газеты. Основной темой материалов был национально-политический вопрос. Однако католический деятель не только освещал политические темы, но и занимался просветительской деятельностью; в частности, он уделял внимание проблемам здравоохранения²¹⁰. Однако в 1892 г. оккупационная администрация перестала финансировать газету за освещение национального вопроса: за нападки на сербские издания, а также за материалы о плачевном состоянии простого народа под австро-венгерским управлением. В 1894 г. на выходящую очень небольшим тиражом «Glas Hercegovca» правительству пожаловались мусульмане — за то, что там они были названы неверными. Тогда власти перенесли место предварительной цензуры из Мостара в Сараево, что значительно замедлило публикацию. На просьбу же Миличевича перенести издательство в Сараево министр Каллай ответил отказом. В 1896 г. выпуск издания прекратился.

Официальные и политические газеты для своих развлекательных рубрик часто брали материалы из литературных изданий: сербской газеты «Босанска вила», правительственного журнала «Nada», мусульманского «Behar».

Одним из первых просветительно-развлекательных изданий была издававшаяся в Сараеве независимая газета «Trebević» («Требевич» — по названию горы к юго-востоку от главного боснийского города). В 1882 г. ее начала издавать концессия, созданная Павле Йовановичем, преподавателем родом из Земуна. Он же стал главным редактором. Однако успел выпустить всего два номера: боснийское правительство закрыло газету, Йовановича уволили из сараевской гимназии. Йованович в 1884 г. основал в Загребе Сербскую типографию и начал издавать газету «Србобран», ставшую одним из главных печатных органов австро-венгерских сербов.

В 1885 г. дело «Trebević» продолжила «Босанска вила», основанная Учительским обществом сараевской сербской школы, в которое входили Божидар Никашинович, Стев Калуджерчич, Никола Кашикович. Газета выходила на кириллице три раза в месяц. Редакция призвала к сотрудничеству видных сербских деятелей, однако многие не откликнулись. Тем не менее

учителя смогли обеспечить издание материалами, и до 1895 г. «Босанска вила» оставалась единственным литературно-просветительским изданием в Боснии. Количество подписчиков доходило в разные годы до 2 тыс. человек. Газета опубликовала множество не только сочинений писателей и поэтов, но и фольклорных произведений. Хотя издание идентифицировало себя как сербско-боснийское, редакция сотрудничала также с мусульманскими и хорватскими авторами²¹¹. Главным редактором и владельцем газеты в течение 25 лет, до ее закрытия в 1914 г., был Никола Кашикович. В 1910 г. в издании свою карьеру начал будущий выдающийся югославский историк Владимир Чорович.

Боснийское правительство, оценив значение научно-популярного и литературного издания «Босанска вила», решило само выступить учредителем такого рода журнала. Журнал получил название «Nada» («Надежда»); выходил он частью на кириллице, частью — на латинице. Главным редактором назначили основателя Областного музея, редактора его вестника Косту Германа. Большую часть работы делал редактор, поэт Сильвие Страхимир Кранчевич. Тексты были разделены по рубрикам: «Поэзия», «Драматические произведения», «Проза», «Из естествознания и общества», «Из прошлых дней», «Книжный обзор», «Живопись» и др. Материалы делились на отечественные и переведенные. Герман особое внимание уделял иллюстративным материалам. Больше всего рисунков были размещены в рубриках «Живопись» и «Ремёсла». Издатель «Nada» Герман приглашал к сотрудничеству авторов из всех южнославянских провинций империи, а также из Сербии и Болгарии. Издание двумя шрифтами, иллюстрации, большой пул авторов, переводы — все это требовало больших расходов. С 1901 г. правительство постепенно сокращало финансирование: сначала отказались от издания на кириллице, затем от работы нескольких знаменитых журналистов. Тем не менее в 1902 г. из 40 тыс. крон, заложенных в бюджете края по статье «Научное и книжное дело», три четверти уходили на журнал «Nada». При этом количество подписчиков было всего 600 (тогда как первый номер разошелся тиражом 3800 экземпляров на латинице, 600 — на кириллице)²¹². После смерти общеимперского министра Каллая, в конце 1903 г., журнал был закрыт.

Обзор боснийской прессы в австро-венгерское время был бы неполным без упоминания научного журнала «Glasnik Zemaljskog muzeja» («Вестник Областного музея»). Создания научного центра на оккупированных территориях добился историк и археолог Чиро Трухелка, родом из Хорватии, ставший первым куратором музея. Музей был открыт 1 февраля 1888 г.; через год был учрежден его печатный орган. Первым директором музея и главным редактором вестника назначили Косту Германа. В журнале публиковались статьи по истории, археологии, этнографии Боснии и Герцеговины. Весьма ценными до сих пор являются статистические сведения. В издании также были материалы по литературе и фольклору. Австро-венгерские ученые публиковали сведения по геологии, минералогии, ботанике, зоологии.

В конце 1905 г. в Боснии и Герцеговине выходили 19 периодических изданий, в том числе одна официальная газета, семь политических, пять литературных, два научных и четыре религиозных издания. Они (исключая «Bosnische Post») выходили тиражом чуть больше 20 тыс. экземпляров. Самый большой тираж был у «Srpska riječ» — 3000 экземпляров; у «Bosanska vila» — 2500, «Težak» — 2000, «Vrhbosna» — 1800, «Bošnjak» — 900, «Behar» и «Glasnik Zemaljskog muzeja» — по 800. Официальная «Sarajevski list» выходила тиражом 686 экземпляров, остальные газеты — меньше пятисот²¹³.

В провинции с населением чуть меньше 2 млн человек на газеты и журналы были подписаны около 10 тыс. человек, за пределами оккупированных территорий — в монархии и за рубежом — на боснийские издания подписались больше 6 тыс. человек.

В 1909 г. в Боснии и Герцеговине выходили в свет 28 органов СМИ, три из них ежедневно²¹⁴. Видимо, увеличение числа СМИ было связано с Законом о печати, дарованным оккупированной провинции в апреле 1907 г. По новому закону, для издания газеты не нужно было больше учреждать концессию — нужно было за восемь дней до выпуска первого номера уведомить власти. Таким образом власти отменили предварительную цензуру — практику, по которой издатели должны были отправлять материалы чиновникам на согласование.

Несмотря на бурную реакцию боснийского и вообще южнославянского и мирового общества на аннексию оккупированных Австро-Венгрией территорий, объявленную в октябре 1908 г., можно сказать, что особых изменений в системе управления не произошло. Важное значение имело начало войны в 1914 г.: была остановлена деятельность парламента, закрыты многие газеты и журналы²¹⁵.

Примечания

- ¹ Подробнее о югославянской прессе того времени, например, см.: *Horvat J. Povijest novinstva Hrvatske*. Zagreb, 1962; *Novak B. Hrvatsko novinarstvo u 20. stoljeću*. Zagreb, 2005; *Крестућ В. Историја српске штампе у Угарској*. 1791–1914. Нови Сад, 1980.
- ² *Olechowski T. Das Presserecht in der Habsburgermonarchie // Die Habsburgermonarchie 1848–1918 / Hrsg. von H. Rumppler, P. Urbanitsch. Bd. VIII. Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft. Teilbd. 2. Die Presse als Faktor der politischen Mobilisierung*. Wien, 2006. S. 1512.
- ³ *Ibidem*.
- ⁴ *Paupie K. Handbuch der österreichischen Pressegeschichte 1848–1959*, 1. Band. Stuttgart; Wien, 1960. S. 250.
- ⁵ *Die Presse*. 1868. 11 VIII. Цит. по: *Ehrenpreis P. Die "reichsweite" Presse in der Habsburgermonarchie // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. VIII. Teilbd. 2. S. 1730*.
- ⁶ Так понимали немецкий национализм издатели «Presse».
- ⁷ *Ehrenpreis P. Die "reichsweite" Presse*. S. 1732.
- ⁸ *Ibid.* S. 1728.
- ⁹ *Fuchs A. Geistige Strömungen in Österreich 1867–1918*. Wien, 1949. S. 21.
- ¹⁰ *Ehrenpreis P. Die "reichsweite" Presse*. S. 1734.
- ¹¹ *Ibid.* S. 1739.
- ¹² *Neue Freie Presse*. 1874. 24 XII. Цит. по: *Ibid.* S. 1744.
- ¹³ *Ibid.* S. 1750.
- ¹⁴ *Zweig St. Die Wolt von gestern*. Wien, 1948. S. 143.
- ¹⁵ *Fuchs A. Geistige Strömungen in Österreich*. S. 20.
- ¹⁶ *Hantsch H. Die Geschichte Österreichs: 2 Bde*. Graz; Wien; Köln, 1955. Bd. 2. S. 413.
- ¹⁷ *Zenker E.V. Gechichte der Journalistik in Österreich*. Verfaßt aus Anlaß der Weltausstellung Paris 1900. Wien, 1900. S. 67.
- ¹⁸ *Neues Wiener Tagblatt*. 1867. 14 VII. Цит. по: *Ehrenpreis P. Die "reichsweite" Presse*. S. 1754.
- ¹⁹ *Flugschrift*. 1860. Цит. по: *Ibid.* S. 1768.
- ²⁰ *Das Vaterland*. 1905. 1 XI. Цит. по: *Ibid.* S. 1776.
- ²¹ *Fuchs A. Geistige Strömungen in Österreich*. S. 49.
- ²² *Heer F. Der Kampf um die österreichische Identität*. Wien, 2011. S. 276.
- ²³ *Walter E. Österreichische Tageszeitungen der Jahrhundertwende. Ideologischer Anspruch und ökonomische Erfordernisse*, Wien, 1994. S. 342.
- ²⁴ *Ibid.* S. 86.
- ²⁵ *Ehrenpreis P. Die "reichsweite" Presse*. S. 1784.
- ²⁶ *Arbeiter-Zeitung*. 1891. 9 X. Цит. по: *Ibid.* S. 1787.
- ²⁷ *Österreichische Parteiprogramme 1866–1966 / Hrsg. von K. Berchtold*. Wien, 1967. S. 145.
- ²⁸ *Arbeiter-Zeitung*. 1908. 7 X. Цит. по: *Ehrenpreis P. Die "reichsweite" Presse*. S. 1789.
- ²⁹ *Staatsgesetzblatt für den Staat Deutschösterreich*. 1918. № 3. Цит. по: *Ibid.* S. 1516.
- ³⁰ *Prijatelj I. Naši časopisi // Ljubljanski zvon*. Ljubljana, 1918. Letn. 38. Št. 4. S. 201.
- ³¹ Цит. по: *Prijatelj I. Janko Kersnik. Njega delo in doba*. Ljubljana, 1914. S. 136.
- ³² *Melik V. Bleiweisova vloga v slovenski politiki // Zbornik za zgodovino naravoslovja in tehnike*. Ljubljana, 1983. Zv. 7. Bleiweisov zbornik. S. 20.
- ³³ *Чуркина И.В. Фран Левстик — вождь левого крыла младословенцев // Славяно-Балканские исследования. Историография и источниковедение*. М., 1972. С. 136.
- ³⁴ *Lončar D. Politično življenje slovencev (od 4. januarja 1797. do 6. januarja 1919. leta)*. Ljubljana, 1921. S. 47.
- ³⁵ *Slovenski narod*. 1868. № 1. S. 1.
- ³⁶ *Rajšp V. Das slovenische Pressewesen // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. VIII. Teilbd. 2. S. 2259*.
- ³⁷ Подробнее о журнале «Слован» см.: *Чуркина И.В. Всеславянская модель*

- Матии Маяра Зильского // Славянский альманах. 2000. М., 2001. С. 116–117.
- ³⁸ Чуркина И.В. Словенские русофилы последней трети XIX в. // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010. С. 192.
- ³⁹ Hribar I. Moji spomini. Ljubljana, 1928. D. 1. S. 107
- ⁴⁰ Чуркина И.В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978. С. 266–288, 319–328.
- ⁴¹ Lončar D. Politično življenje slovencev. S. 34.
- ⁴² Подробнее см.: Gabršček A. Goriški slovinci. Narodne, kulturne, politične in gospodarske črtice. 1 knjiga. Od leta 1830 do 1900. Ljubljana, 1932. S. 272–286; Testen P. Католический лагерь в огне — два Антона на противоположных берегах. О католицизме Антона Махничча и либерализме Антона Грегоричча // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами: к 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского / Отв. ред. К.В. Никифоров. СПб.; М., 2013. С. 190–197.
- ⁴³ Rajšp V. Das slovenische Pressewesen. S. 2265.
- ⁴⁴ Ibid. S. 2266.
- ⁴⁵ Bister F.J. Anton Korošec državnozbornski poslanec na Dunaju. Življenje in delo 1872–1918. Ljubljana, 1992. S. 28–29.
- ⁴⁶ Lah I. Knjiga spominov. Ljubljana, 1925. S. 49.
- ⁴⁷ Rajšp V. Das slovenische Pressewesen. S. 2266.
- ⁴⁸ Malle A. Die slowenische Presse in Kärnten 1848–1900. Klagenfurt, 1979. S. 158, 163–164.
- ⁴⁹ Ibid. S. 155.
- ⁵⁰ Ibid. S. 268–269.
- ⁵¹ Berankova M. Dějiny československé žurnalistiky. Praha, 1981. I. díl. S. 114–124.
- ⁵² Ibid. S. 129.
- ⁵³ Ibid. S. 148.
- ⁵⁴ Velké dějiny zemí Koruny české. Sv. XII.a. 1860–1890. Praha; Litomyšl, 2012. S. 554.
- ⁵⁵ Ibid. S. 558–559.
- ⁵⁶ Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu. 1861–2004. Brno, 2005. I. díl: období 1861–1938. S. 121–122.
- ⁵⁷ Velké dějiny zemí Koruny české. Sv. XII.a. S. 561–562.
- ⁵⁸ Ibid. S. 567.
- ⁵⁹ Politické strany. S. 227–229.
- ⁶⁰ Ibid. S. 424–426.
- ⁶¹ Velké dějiny zemí Koruny české. Sv. XII.a. S. 564.
- ⁶² Politické strany. S. 317–318.
- ⁶³ Ibid. S. 330–334.
- ⁶⁴ Berankova M. Dějiny československé žurnalistiky. S. 12.
- ⁶⁵ Frasz. Galicja. Wrocław, 1999. S.147.
- ⁶⁶ Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001. С.28
- ⁶⁷ Frasz. Galicja. S.155.
- ⁶⁸ Шляхта Б. Польская консервативная мысль в Новое и Новейшее время // Ars administrandi. Искусство управления. Пермь, 2013. № 2. С. 19–25.
- ⁶⁹ Булахтин М.А. Между политикой и моралью: краковские консерваторы в начале XX века. Пермь, 2006. С.5.
- ⁷⁰ Frasz. Galicja. S.155
- ⁷¹ Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине. С. 46.
- ⁷² Миллер А.И. Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицийских русинов // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 188.
- ⁷³ Kolasa W.M., Jarowiecki J. Najwazniejsze polskie gazety do wybuchu pierwszej wojny światowej w kontekście zabezpieczenia ich dla potomnych charakterystyka, badania, zasoby). S. 20 // http://eprints.rclis.org/16418/1/kolasa_gazety_pol.pdf

- ⁷⁴ Kolasa W.M., Jarowiecki J. Najwazniejsze polskie gazety. S. 21.
- ⁷⁵ Сухий О. Від русофільства до москвофільства. Російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у XIX столітті. Львів, 2003. С. 84.
- ⁷⁶ Серада О. Місце Росії в дискусіях щодо національної ідентичності галицьких українців у 1860–1867 роках (за матеріалами преси) // Россия–Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 159–174.
- ⁷⁷ Сухий О. Від русофільства до москвофільства... С. 103–105.
- ⁷⁸ Пашаева Н.М. И.Г. Наумович как общественный, политический и религиозный деятель Галиции второй половины XIX века // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1. С. 82–91.
- ⁷⁹ Животко А.П. Історія української преси. Київ, 1999. С. 124.
- ⁸⁰ Пузирьова О.М., Дмитрієв О.О., Довгаленко Ю.М. Каталог дореволюційних газет, що видавалися в Україні (1822–1916). Київ, 1971. С. 17.
- ⁸¹ Там же. С. 33.
- ⁸² Животко А.П. Історія української преси.
- ⁸³ Пузирьова О.М., Дмитрієв О.О., Довгаленко Ю.М. Каталог дореволюційних газет... С. 32.
- ⁸⁴ Клопова М.Э. Русины, русские, украинцы. М., 2016.
- ⁸⁵ Frasz. Galicja. S. 195.
- ⁸⁶ Грушевский М.С. Автобиография // Грушевский М.С. История украинского народа. М., 2002, С. 403.
- ⁸⁷ Там же. С. 403.
- ⁸⁸ Грушевский М. До наших читачів в Росії // Літературно-науковий вісник. 1907. Т. 37. Кн. 1. С. 2.
- ⁸⁹ Prymak Th. Mykhailo Grushevsky: the politics of National Culture. Toronto, 1987. P. 50.
- ⁹⁰ См.: <https://1000ev.hu/index.php?a=3¶m=5286> (Дата последнего посещения 17.XII.2017.)
- ⁹¹ См.: Buzinkai G. Kis Magyar sajtótörténet. Budapest, 1993. Текст доступен по адресу: <http://vmek.oszk.hu/03100/03157/03157.htm#19> (Дата последнего посещения 12.II.2018.)
- ⁹² Ibidem.
- ⁹³ Ibidem.
- ⁹⁴ A magyar sajtó története / Főszerk. M. Szabolcsy; szerk. Gy. Kokay D. Kosáry. Budapest, 1985. II/2 köt. 99–101. old
- ⁹⁵ Moricz P. A magyar országgyűlési pártok küzdelmei a koronázásától a Deák balközép egybeolvadásáig (1867–1764). Budapest, 1892. 1. köt. 82. old.
- ⁹⁶ A Nemzet. 1884. 29 V. Цит. по: A magyar sajtó története. II/2. 289. old.
- ⁹⁷ Ibid. 300. old.
- ⁹⁸ См.: Buzinkai G. Kis Magyar sajtótörténet. Текст доступен по адресу: <http://vmek.oszk.hu/03100/03157/03157.htm#21> (Дата последнего посещения 12.II.2018.)
- ⁹⁹ Kiss M.R. A hatodik nagyhatalom. Sajtóviták a századfordulón // Századvég. Budapest, 2001. 20. évf. 67–94. old. Текст доступен по адресу: <http://www.c3.hu/scripta/szazadvég/20/kiss.htm> (Дата последнего посещения 12.II.2008.)
- ¹⁰⁰ Buzinkay G. Harc a sajtóreform körül, 1914 // Médiások, történetek, használatok — Ünnepi tanulmánykötet a 60 éves Szajbely Mihály tiszteletére / Szerk. B. Pusztai. Szeged, 2012. 282–292. old.
- ¹⁰¹ Bibliografia slovenských novín a časopisov do roku 1918. Martin, 1958. S. 18.
- ¹⁰² Ibid. S. 19.
- ¹⁰³ Ivantyšinová T., Kodajová D. Das slowakische Pressewesen // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. 8: Teilbd. 2. Wien, 2006. S. 2213.
- ¹⁰⁴ Bibliografia slovenských novín a časopisov do roku 1918. Martin, 1958. S. 20.
- ¹⁰⁵ Ivantyšinová T., Kodajová D. Das slowakische Pressewesen. S. 2213.
- ¹⁰⁶ Ibid. S. 2214.
- ¹⁰⁷ Ibid. S. 2215.
- ¹⁰⁸ Bibliografia slovenských novín. S. 20–21.
- ¹⁰⁹ Ivantyšinová T., Kodajová D. Das slowakische Pressewesen. S. 2213.

- ¹¹⁰ *Ruttkay F.* Dejiny slovenského novinárstva do roku 1918. Bratislava, 1999. S. 174.
- ¹¹¹ Ibidem.
- ¹¹² Ibidem.
- ¹¹³ *Ivantyšynová T., Kodajová D.* Das slowakische Pressewesen. S. 2214.
- ¹¹⁴ Ibid. S. 2222.
- ¹¹⁵ Ibid. S. 2223.
- ¹¹⁶ *Ruttkay F.* Dejiny slovenského novinárstva do roku 1918. S. 174.
- ¹¹⁷ Ibid. S. 175.
- ¹¹⁸ Ibidem.
- ¹¹⁹ *Ivantyšynová T., Kodajová D.* Das slowakische Pressewesen. S. 2229.
- ¹²⁰ Slovenská ľudová strana v dejinách 1905–1945. Martin, 2006. S. 15.
- ¹²¹ Bibliografia slovenských novín. S. 39.
- ¹²² Ibid. S. 77.
- ¹²³ *Ruttkay F.* Dejiny slovenského novinárstva do roku 1918. S. 191.
- ¹²⁴ Ibid. S. 192.
- ¹²⁵ Ibid. S. 191.
- ¹²⁶ *Lipták L.* Slovensko v 20. storočí. Bratislava, 1998. S. 32.
- ¹²⁷ *Ivantyšynová T., Kodajová D.* Das slowakische Pressewesen. S. 2234.
- ¹²⁸ Ibid. S. 2233–2234.
- ¹²⁹ *Ruttkay F.* Dejiny slovenského novinárstva do roku 1918. S. 191.
- ¹³⁰ Ibid. S. 192.
- ¹³¹ *Lipták L.* Slovensko v 20. storočí. S. 44.
- ¹³² *Ruttkay F.* Dejiny slovenského novinárstva do roku 1918. S. 191.
- ¹³³ Ibidem.
- ¹³⁴ *Ivantyšynová T., Kodajová D.* Das slowakische Pressewesen. S. 2234.
- ¹³⁵ Ibid. S. 2235.
- ¹³⁶ Ibidem.
- ¹³⁷ *Ruttkay F.* Dejiny slovenského novinárstva do roku 1918. S. 194.
- ¹³⁸ Ibidem. S. 195.
- ¹³⁹ Ibidem. S. 194.
- ¹⁴⁰ *Ivantyšynová T., Kodajová D.* Das slowakische Pressewesen. S. 2235.
- ¹⁴¹ Ibidem.
- ¹⁴² Ibid. S. 2236.
- ¹⁴³ *Ruttkay F.* Dejiny slovenského novinárstva do roku 1918. S. 195.
- ¹⁴⁴ *Ivantyšynová T., Kodajová D.* Das slowakische Pressewesen. S. 2231.
- ¹⁴⁵ *Ruttkay F.* Dejiny slovenského novinárstva do roku 1918. S. 189.
- ¹⁴⁶ Ibidem.
- ¹⁴⁷ *Ivantyšynová T., Kodajová D.* Das slowakische Pressewesen. S. 2231.
- ¹⁴⁸ Ibidem. S. 2232.
- ¹⁴⁹ Ibid. S. 2231.
- ¹⁵⁰ *Ruttkay F.* Dejiny slovenského novinárstva do roku 1918. S. 189.
- ¹⁵¹ *Ivantyšynová T., Kodajová D.* Das slowakische Pressewesen. S. 2233.
- ¹⁵² *Lipták L.* Slovensko v 20. storočí. S. 34.
- ¹⁵³ Ibid. S. 35.
- ¹⁵⁴ *Ivantyšynová T., Kodajová D.* Das slowakische Pressewesen. S. 2233.
- ¹⁵⁵ *Lipták L.* Slovensko v 20. storočí. S. 35.
- ¹⁵⁶ См.: *Бідзіля Ю.* Преса Закарпаття XIX–XX століть: Посібник для журналістів. Ужгород, 2001. С. 4–5, 23; Українська преса в Україні та світі XIX–XX ст. Історико-бібліографічне дослідження. Львів, 2007. Т. 1. 1812–1890 рр. С. 121–123, 128–135, 146–152, 154–156.
- ¹⁵⁷ См.: *Сенько І.* Земля з іменем. Краєзнавчі студії. Ужгород, 1998. С. 68–69.
- ¹⁵⁸ См.: *Сочка-Боржавин В.* Будителі Подкарпатських Русинів. Ужгород, 1995. С. 58.
- ¹⁵⁹ *Линтур П.* Значение «Листка» (1885–1903) в развитии журналистики и литературных стремлений Закарпаття XIX ст. // Жовтень і українська культура: Збірник матеріалів з міжнародного симпозиуму. Пряшів, 1968. С. 620.
- ¹⁶⁰ См.: *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. С. 47.
- ¹⁶¹ См.: *Сенько І.* Земля з іменем. С. 77.
- ¹⁶² Українська преса. Т. 2. 1891–1905 рр. Львів, 2009. С. 138–144.
- ¹⁶³ Там же. С. 196–203.
- ¹⁶⁴ См.: *Horvat J.* Povijest novinstva Hrvatske. Zagreb, 1962; *Novak B.* Hrvatsko novinarstvo u 20. stoljeću. Zagreb, 2005.
- ¹⁶⁵ *Supilo F.* Politika u Hrvatskoj. Zagreb, 1953.

- ¹⁶⁶ *Barbalić F.* Narodna borba u Istri od 1870. do 1915. godine. (Prema bilježnima iz “Naše sloge”). Zagreb, 1952.
- ¹⁶⁷ *Krleža M.* Ratne teme. Sarajevo, 1983.
- ¹⁶⁸ *Radić A.* Sabrana djela. Zagreb, 1936–1938. Sv. IX–XII.
- ¹⁶⁹ *Ронге М.* Война и индустрия шпионажа / Пер. с нем. М., 2000. Первое издание на русском языке вышло под названием: *Ронге М.* Разведка и контрразведка. М., 1939.
- ¹⁷⁰ *Грияк З.* Попытка воссоединения христианских церквей: архиепископ Йосип Штадлер, Владимир Соловьев и журнал «Балкан» // Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). Памяти В.И. Фрейдзона / Отв. ред. С.А. Романенко, И.В. Крючков, А.С. Стыкалин. СПб., 2011. С. 417–427.
- ¹⁷¹ *Крестућ В.* Историја српске штампе у Угарској. 1791–1914. Нови Сад, 1980. С. 68.
- ¹⁷² О сербско-русских связях в сфере журналистики этого и последующих десятилетий см.: *Карасев В.Г.* Сербский демократ Живоин Жуевич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. М., 1974.
- ¹⁷³ Ibid. С. 106–116.
- ¹⁷⁴ Ibid. С. 143.
- ¹⁷⁵ Ibid. С. 149.
- ¹⁷⁶ Ibid. С. 156.
- ¹⁷⁷ Ibid. С. 169.
- ¹⁷⁸ Ibid. С. 173–174.
- ¹⁷⁹ *Раденић А.* Војвођанска штампа према Намесништву 1868–1872 // Раденић А. Из историје Србије и Војводине. 1834–1914. Нови Сад, 1973. С. 87.
- ¹⁸⁰ Позив на предплату на политични лист српски «Застава». Сайт Библиотеки Матицы сербской. См.: <http://digital.bms.rs/ebiblioteka/pageFlip/reader/index.php?type=publications&id=585&m=2#page/1/mode/tup>
- ¹⁸¹ *Раденић А.* Војвођанска штампа. С. 73.
- ¹⁸² *Бјелица М.* Сараднички круг око Панчеваца // Банатска периодика XIX и XX века / Уред. В. Матовић, М. Циндари. Београд, 1995.
- ¹⁸³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 169. Папка 36. Д. 64. Л. 7 (Н.А. Снесарев — Д.А. Милютину. Белград, 20 декабря 1867 г.).
- ¹⁸⁴ *Бикици М.* Прилози за историју српске периодике. Нови Сад, 1993. С. 31.
- ¹⁸⁵ *Крестућ В.* Срби у Угарској. 1790–1918. Нови Сад, 2013. С. 413.
- ¹⁸⁶ Ibid. С. 409.
- ¹⁸⁷ *Ракић Л.* Јаша Томић. Нови Сад, 1986. С. 116–117.
- ¹⁸⁸ *Крестућ В.* Историја српске штампе. С. 285–286.
- ¹⁸⁹ *Kruševac T.* Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. Sarajevo, 1978. S. 15.
- ¹⁹⁰ *Jukić I.F.* Predgovor // Bosanski prijatelj. 1850. 12 V. Текст доступен по адресу: <http://www.infobiro.ba/article/555702> (Дата последнего посещения: 14.03.2018.)
- ¹⁹¹ *Kruševac T.* Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 30.
- ¹⁹² *Pejanović Đ.* Bibliografija štampe Bosne i Hercegovine 1850–1941. Sarajevo, 1961. S. 10.
- ¹⁹³ *Kruševac T.* Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 77.
- ¹⁹⁴ Ibid. S. 78. См. о путевых заметках П.А. Ровинского из Боснии и Герцеговины: *Пахомова Л.Ю.* П.А. Ровинский о мусульманском обществе на начальном этапе австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины // Славянский мир в третьем тысячелетии. Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 2017. С. 184–192.
- ¹⁹⁵ *Putne bilješke iz Bosne* // Bosansko-hercegovačke novine. 1878. 29 XII. Текст доступен по адресу: <http://www.infobiro.ba/article/706082> (Дата последнего посещения: 14.03.2018.)
- ¹⁹⁶ *Kruševac T.* Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 83–85.

- ¹⁹⁷ Ibid. S. 91–92.
¹⁹⁸ Ibid. S. 162.
¹⁹⁹ Bethke C. Die Zeitungen “Bosnische Post” und “Sarajevoer Tagblatt”, 1903–1913 // Nijemci u Bosni i Hercegovini i Hrvatskoj — nova istraživanja i perspektive: zbornik radova = Die Deutschen in Bosnien und Herzegowina und Kroatien — neue Forschungen und Perspektiven: Konferenzbeiträge. Sarajevo; Zagreb; Tübingen, 2015. S. 140.
²⁰⁰ Kruševac T. Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 178.
²⁰¹ Bethke C. Die Zeitungen «Bosnische Post» und «Sarajevoer Tagblatt». S. 138–139.
²⁰² Ibid. S. 143.
²⁰³ Ibid. S. 146–148.
²⁰⁴ Kruševac T. Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 181–189.
²⁰⁵ Zgodić E. Bosanska politička misao: austrougarska doba. Sarajevo, 2003. S. 43.
²⁰⁶ Kruševac T. Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 249.
²⁰⁷ Ibid. S. 191–196.
²⁰⁸ Ibid. S. 196.
²⁰⁹ Ibid. S. 203–204.
²¹⁰ Pandžić-Jakšić V. Glas Hercegovca o bolestima i zdravlju // Zbornik radova s međunarodnog znanstvenog simpozija «Fra (don) Franjo Miličević» / fra Ivan Ševo (ur.). Mostar, 2016.
²¹¹ Kruševac T. Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 318.
²¹² Ibid. S. 333–357.
²¹³ Pejanović Đ. Bibliografija štampe Bosne i Hercegovine 1850–1941. S. 11.
²¹⁴ Imamović M. Pravni položaj i unutrašnje politički razvitak BiH od 1878–1914. Sarajevo, 1997. S. 132.
²¹⁵ Вяземская Е.К., Искендеров П.А., Карасев А.В. Босния и Герцеговина в 60–70-е годы XIX века // История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2013. С. 187.

Книга, с которой ознакомился читатель, стала первым, после долгого перерыва, в российской историографии опытом комплексного исследования политических процессов в многонациональной монархии Габсбургов. Коллектив авторов сосредоточился на анализе влияния на политические культуры народов Австро-Венгрии в области партийного строительства важнейших идейных течений эпохи: либерализма, консерватизма, национализма и социал-демократии. Выбранный жанр очерков не позволил остановиться на всех значимых вопросах одинаково подробно. Это задача будущих, возможно, более узкопрофилированных исследований.

Зарождение политических партий и их постепенное превращение в основных выразителей и (в идеале) защитников интересов разных социальных групп и категорий населения были сложным процессом, в начале которого мы видим элитарные клубы депутатов, в конце — массовые партии, борющиеся за представительство в парламентах. После превращения Австрийской империи в двуединую монархию, где сохранялись различия в правовых системах двух ее частей, так и не возникло предпосылок для создания общеимперской партии. Формирование партий и общественных объединений с политическими целями шло в рамках коронных земель (провинций), а в их рамках — в среде того или иного компактно или дисперсно проживавшего там этноса.

Вплоть до рубежа XIX–XX вв. этническая принадлежность, национальная самоидентификация индивида сосуществовала с иными его лояльностями, будь то вера, язык или землячество. История политических партий и общественных движений в монархии Габсбургов — это во многом история борьбы национальных движений и их лидеров с безразличием сограждан к вопросам этнонациональной принадлежности на фоне экономической стабильности и социального преуспевания, но и пример использования социального недовольства для превращения этнонациональной принадлежности в критерий гражданства. Примечательно, что если в Транслейтании сопротивление введению всеобщего избирательного права обосновывалось нежеланием дать шанс национальностям развалить королевство св. Стефана, то в Цислейтании — и эту надежду выразил лично император — всеобщее избирательное право должно было перевести борьбу из национальной плоскости в политическую¹. Как известно, ни те, ни другие чаяния не оправдались.

Выводы, к которым приходят авторы разделов на протяжении всей книги, в целом соотносятся с набирающей в современной историографии популярность теорией о национальной индифферентности², свойственной большинству населения аграрной в своей основе двуединой монархии. При всем несовершенстве партийных организаций эпохи они транслировали позиции (социальных, национальных, региональных) групп интересов и

в данном качестве способствовали сохранению социального мира. В то же время, по справедливому замечанию Хельмута Румплера, центральные и местные органы законодательной власти часто оставались инструментом для удовлетворения более или менее справедливых требований национальностей, лоббистских групп и партий. Недостаток чувства сопричастности и господство партикулярных интересов вели парламентаризм в Австро-Венгрии к ризису³.

Накануне Первой мировой войны двуединая монархия стояла на пороге коренной реорганизации, и вопрос о том, сохранилась ли бы Австро-Венгрия, не будь она втянута в глобальный вооруженный конфликт, по сей день остается открытым. Монография вносит вклад в его решение, давая взвешенный анализ соотношения центростремительных и центробежных сил на партийно-политическом ландшафте.

Примечания

¹ Brauneder W. Parlamentarismus und Parteiensystem in der österreichisch-cisleithanischen Reichshälfte 1867–1918 // Das Parteiwesen Österreich-Ungarns / Hrsg. von G. Erdődy. Budapest, 1987. S. 28.

² См. работы видного представителя этого течения, американского историка П. Джадсона, например: Judson P. Guardians of the nation: Activists on the language frontiers of imperial Austria. Harvard Univ. Press, 2006.

³ Rumpler H. Chancen und Grenzen des Parlamentarismus in der Konfliktzone zwischen cisleithanischem Reichszentralismus und böhmischer Landesautonomie // Hoes Haus! 150 Jahre moderner Parlamentarismus in Österreich, Böhmen, der Tschechoslowakei und der Republik Tschechien im mitteleuropäischen Kontext / Hrsg. von F. Adlgasser, J. Malínská, H. Rumpler, L. Velek. Wien, 2015. S. 32.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ващенко Михаил Сергеевич — кандидат исторических наук, сотрудник Управления по работе с общественными организациями Синодального отдела по взаимоотношениям церкви с обществом и средствами массовой информации (Москва).

Величко Ольга Ивановна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН (Москва).

Дронов Михаил Юрьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН (Москва).

Ждановская Анастасия Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва).

Кирилина Любовь Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению истории многонациональной Австрийской империи отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (Москва).

Клопова Мария Эдуардовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН (Москва).

Новосельцева Людмила Константиновна — младший научный сотрудник, научный сотрудник центра по изучению истории многонациональной Австрийской империи отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (Москва).

Пахомова Лидия Юрьевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник центра по изучению истории многонациональной Австрийской империи отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (Москва).

Попов Кирилл Алексеевич — кандидат исторических наук, атташе Генерального консульства Российской Федерации в Карловых Варах.

Романенко Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории мировых войн Института славяноведения РАН (Москва).

Хаванова Ольга Владимировна — доктор исторических наук, заместитель директора Института славяноведения РАН (Москва).

Шемякин Андрей Леонидович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории мировых войн Института славяноведения РАН (Москва).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ
В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ,
1848–1914 ГГ.

О Ч Е Р К И

На переплете:
Рудольф фон Альт,
«Зал заседаний депутатов рейхсрата в Вене»
(гравюра, 1885 г.).

Редактор
Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

Издательство «ИНДРИК»

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 938-01-00
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота –
общероссийский классификатор продукции (ОКП) –
95 3800 5

Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
25,5 п. л. Тираж 300 экз.
Отпечатано с оригинал-макета